

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 6

Том 1. Древний Восток и Античность

Том 2. Восток и Запад в Средние века

Том 3. От Средних веков к Новому времени (XVI—XVIII вв.)

Том 4. Новое время (XIX в.)

Том 5. От Нового времени к современности

Том 6. Современность и глобальные проблемы человечества

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Институт востоковедения РАН

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 6

Современность и глобальные проблемы человечества

УНИВЕРСИТЕТ
КРЕМЛЬНЫЙ ДОМ
Москва

УДК 94(100)"654"(075.8)
ББК 63.3(0)5я73-1
В 19

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН *Г. И. Мирский*;
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института Европы РАН *Д. Е. Фурман*

Васильев Л. С.

В 19 Всеобщая история. Том 6. Современность и глобальные проблемы человечества : учебное пособие / Л. С. Васильев. — М.: КДУ, 2013. — 714 с.

ISBN 978-5-98227-849-4

ISBN 978-5-98227-855-5 (Том 6)

Читателю предлагается серьезная авторская работа, имеющая характер не только учебного пособия, но и новаторского научного исследования.

Шестой том посвящен описанию событий периода после Второй мировой войны и анализу сложных проблем современной истории. Особое внимание обращено на противостояние тоталитарно-коммунистического и буржуазно-демократического блоков. Рассмотрены обстоятельства, приведшие к крушению СССР, концу холодной войны и радикальным переменам в расстановке мировых сил, включая наступление исламистов, события арабской весны. Говорится об ускорившейся эволюции мирового сообщества, включая деколонизацию, вестернизацию, поиск пути развития и трансформацию мира вне Запада, мировой кризис и трудности интеграции стран Запада, генеральные проблемы глобализации. Много внимания уделено усилению мира ислама с его экстремистским крылом. В заключительной части тома идет речь о сложности проблем современности и о вызовах, с которыми может столкнуться человечество в близком будущем, а также об обстоятельствах, ведущих к обострению этих проблем в перспективе.

Для студентов (бакалавриат и магистратура) и преподавателей исторических и иных гуманитарно-обществоведческих факультетов вузов и всех читателей, интересующихся историей.

УДК 94(100)"654"(075.8)
ББК 63.3(0)5я73-1

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-855-5 (Том 6)

© Васильев Л. С., 2012
© Издательство «КДУ», 2012

Оглавление

От автора.....	9
Введение. История и современность.....	15
Часть первая. ЗАПАДНЫЙ МИР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ	23
Глава первая. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЗАПАД.....	24
Государства Запада.....	26
Интенции буржуазного Запада.....	28
Об идейно-институциональном фундаменте.....	31
Экономические преобразования и социальное развитие.....	35
Межгосударственные политические отношения.....	39
Сила и слабость буржуазного Запада.....	41
Глава вторая. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ.....	45
Успехи в экономике и социальном развитии.....	47
Принципы и проблемы внутренней политики.....	51
США и остальной мир.....	56
Накануне крушения биполярной системы.....	59
Некоторые итоговые выводы.....	63
Глава третья. АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ, ФРГ И ИТАЛИЯ.....	64
Послевоенная Великобритания.....	66
Консервативный радикализм М. Тэтчер.....	68
Послевоенная Франция.....	69
Де Голль у власти.....	71
Доминионы Великобритании.....	75
Федеративная Республика Германия (ФРГ).....	79
Послевоенная Италия.....	82
Глава четвертая. ПРОЧИЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОГО МИРА.....	84
Нейтральные страны, близкие к нацизму.....	85
Страны Европы, остававшиеся нейтральными.....	89
Страны западного мира и близкие к нему на востоке Азии.....	94
Глава пятая. ВСЕРЬЕЗ О ЧУДЕСАХ.....	105
Экономическое чудо в Германии (ФРГ).....	107
Истоки чуда в странах китайско-конфуцианской цивилизации ...	112
Экономические достижения стран с компонентом хуацяо.....	119

Часть вторая. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	124
Глава шестая. СССР И СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ	126
Экономика страны при Брежневе	128
Диссиденты в СССР	132
СССР после Брежнева	135
Возникновение и суть стран народной демократии	137
ГДР	140
Чехословакия.....	142
Польша.....	145
Венгрия.....	148
Румыния.....	151
Болгария.....	152
Албания	153
Различия между СССР и его сателлитами	154
Глава седьмая. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ВНЕ БЛОКА	156
Югославия	157
КНР	160
Реформы Дэна	164
Внешнеполитический курс Китая.....	167
КНДР.....	169
Индокитай	171
МНР	173
Куба	174
Специфика стран вне блока	175
Глава восьмая. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН	178
Основные принципы внешней политики СССР	181
Отношения между коммунистическими странами.....	185
Коммунистические страны и мир вне блоков.....	188
СССР и Запад. Политика детанта.....	191
Афганистан. Роковой просчет советского руководства	194
Глава девятая. СТРАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ	198
Страны Тропической Африки	202
Страны арабо-исламского мира	205
Бирма (Мьянма).....	209
Суть социалистически ориентированных стран.....	210
Социализм как марксистский экстремизм.....	214

Глава десятая. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ (КОММУНИЗМ КАК ПСЕВДОРЕЛИГИЯ)	217
Советский коммунизм как псевдорелигия	218
Коммунистическая идея в Китае.....	221
Начало кризиса советского коммунизма.....	223
Проблемы рухнувшей коммунистической идеи	225
Часть третья. РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ	230
Глава одиннадцатая. ИНДИЙСКАЯ МОДЕЛЬ	235
Деколонизация субконтинента и ее следствия.....	237
Западный стандарт и традиции индуизма.....	239
Преобразования в независимой Индии	242
Проблемы Индии и поиск их решения.....	245
Индийская модель за пределами Индии	248
Непал и Бутан	250
Некоторые выводы	252
Глава двенадцатая. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	254
Группа наиболее развитых республик	259
Группа стран со средним уровнем развития	270
Группа отстающих стран.....	276
Глава тринадцатая. ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ СПЕЦИФИКА ...	279
Роль архаической социоэтнической традиции.....	283
Социопсихология бедноты и патернализм государства.....	286
Социальные эксперименты левых и правых (Куба и Чили)	287
Глава четырнадцатая. МИР ИСЛАМА	294
Наиболее крупные и развитые	297
Прочие страны ислама	302
Мир ислама как феномен	308
Глава пятнадцатая. ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА	311
Некоторые страны африканских тропиков	314
Проблемы Тропической Африки.....	317
Океания и маргинальные анклавы	320
Глава шестнадцатая. ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ	322
Латинская Америка и Тропическая Африка	323
Снова о конфуцианстве и хуацяо	329
Колониальная администрация и достижения Индии.....	334

Мир ислама в процессе перемен	337
Динамика эволюции развивающихся стран	341
Глава семнадцатая. О СМЕШАННОМ И ПЕРЕХОДНОМ ТИПЕ ОБЩЕСТВА	346
Смешанный тип общества.....	355
Общества смешанно-переходного типа.....	360
Часть четвертая. СССР – РОССИЯ: ВЗРЫВ И ПЕРЕМЕНЫ	367
Глава восемнадцатая. АГОНИЯ СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА	369
Курс на перестройку.....	373
Крушение СССР	383
Национальные движения в СССР.....	386
Последняя точка.....	389
Глава девятнадцатая. ЛОГИЧНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОГО СОБЫТИЯ	391
Освобождение стран Восточной Европы	393
ГДР и Берлинская стена как символ.....	399
Судьба остальных стран после крушения СССР	402
Глава двадцатая. УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ОБНОВЛЕННОЙ РОССИИ	405
Начало реформ.....	408
Безответственность парламента (1992–1993)	410
Осень 1993-го: оценка событий.....	414
Россия в середине и конце 90-х.....	420
Ельцин в поисках преемника.....	422
Глава двадцать первая. СТРАНЫ РАСПАВШЕГОСЯ СССР	427
Прибалтика и Молдавия	427
Украина и Белоруссия.....	429
Закавказье.....	432
Республики Средней Азии	436
Кавказ.....	441
Глава двадцать вторая. РОССИЯ ПОСЛЕ ЕЛЬЦИНА	443
Первые новации нового президента.....	448
Проблемы России в нулевых годах	452
Стандарт жизни и проблемы развития.....	457
Национализм и политика власти	461
Глава двадцать третья. ПРОБЛЕМЫ РОССИИ	466
Анализ культурологов	467

Раскол как начало трагедии России	471
Матрица, раскол и большевики	475
Россия после реформ	477
Баланс и проблема медиации.....	479
Главная проблема современной России	483
Часть пятая. МИР ПОСЛЕ ДИСКРЕДИТАЦИИ МАРКСИЗМА ...	487
Глава двадцать четвертая. ВАЖНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В МИРЕ.....	490
Изменения в политике	491
Новации и проблемы в экономике.....	497
Социум, кризисы и проблема демократии	501
О менталитете и социопсихологии.....	506
Афроазиатизация как феномен.....	509
Глава двадцать пятая. США И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ	
СТРАНЫ.....	513
США	517
Англия и Франция.....	522
Германия, Италия, Австрия	524
Прочие страны европейского Запада.....	528
Специфика евро-атлантического мира.....	534
Глава двадцать шестая. ПРОЧИЕ СТРАНЫ ЗАПАДА	
И КАНДИДАТЫ В ИХ РЯДЫ	536
Британские доминионы	537
Восточноевропейские страны.....	542
Некоторые бывшие республики СССР.....	550
О втором эшелоне обществ западного типа.....	554
Глава двадцать седьмая. ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОГО	
МИРА.....	557
Страны восточноазиатского региона	559
Страны с ощутимым компонентом хуацяо	563
Китай, Вьетнам и Монголия	567
Индия и ее соседи	575
Турция и некоторые арабские страны.....	581
Вестернизация развитых стран Востока.....	587
Глава двадцать восьмая. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ПРОЦЕССЕ	
ВЕСТЕРНИЗАЦИИ.....	591
Успешно вестернизирующиеся республики.....	593
Страны с задержкой в развитии.....	605
О латиноамериканских стандартах	609

Глава двадцать девятая. СТРАНЫ, ИДУЩИЕ ПО ВТОРОМУ ПУТИ. МИР ИСЛАМА.....	612
Богатые нефтью и нефтедолларами	613
Аравия, Иран и страны Залива	613
Другие мусульманские страны с нефтью и газом.....	621
Исламские страны, не имеющие нефтедолларов.....	627
Глава тридцатая. ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА И МАРГИНАЛЫ	633
Страны Западной и Центральной Африки.....	633
Страны Восточной и Южной Африки.....	638
Некоторые другие страны	645
Глава тридцать первая. СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	647
Запад как ведущее начало	648
Внутренний раскол.....	651
Феномен арабской весны	658
О выборе своего пути.....	661
Поиск решения проблемы.....	665
Глобализм и антиглобалисты.....	667
Заключение. ПЕРСПЕКТИВЫ ГРЯДУЩЕЙ ГЛОБАЛЬНОСТИ ...	670
Глава тридцать вторая. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ УГРОЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ	672
Мир как метафора.....	674
Инстинкт и разум.....	683
Труд, насилие и война.....	688
О власти и обществе.....	692
Глава тридцать третья. КОЕ-ЧТО О ГРЯДУЩЕМ	696
Идеи и их роль. Тоталитаризм и терроризм	697
Самоорганизация общества и специфика ислама-исламизма	702
Проблема суицида и невеселый взгляд в будущее.....	707

От автора

Э тот последний том капитального шеститомника предполагает, как и все предыдущие, довольно значительное, хотя бы в рамках достаточно усвоенной школьной программы, знакомство читателя с историей. Но не будучи уверенным в том, что на более ранних этапах знакомства с ней он получил все те сведения, которые позволяют легко понять то, о чем теперь пойдет речь, считаю себя обязанным кое-что уточнить. Начну с того, чтобы рассказать в немногих словах об основах концепции, которая была на протяжении долгих лет выработана и, понятно, считается наиболее удачной из тех, что мне известны. Не касаясь деталей, о самом главном. Оно прежде всего в том, что история как осмысленный и описанный период и некая форма существования человечества — это прежде всего поступательный процесс, движение и эволюция, вне которых застой и энтропия. С самого начала нужно оговориться, что речь не об однолинейном развитии в стиле марксистских формаций. Напротив, путь истории извилист и далеко не одинаков для всех. Одни застывают на ранних его этапах, другие, устремясь в непроходимые дебри и с трудом преодолевая трудности, доходят до какого-то предела, после чего приостанавливаются и практически не идут дальше. Третьи на каком-то этапе уклоняются в сторону и вообще сбиваются с пути. Четвертые, появляясь позже и вроде бы учтя опыт других, оказываются наиболее приспособленными к движению по магистральному пути.

Словом, пути господни, как принято говорить, неисповедимы. Но остается вопрос, за кем привилегия самого удачливого и кого считать идущим по верному пути. Думаю, что судить следует по результатам, точь-в-точь как это происходит в случае с биологическими мутациями. Неудачные из них ведут к вымиранию, удачные, которых немного, рожают способных выдержать успешный естественный отбор в процессе борьбы за существование. Современное поколение читателей в большинстве своем не заморочено марксистскими рассуждениями на тему о формациях, будто бы ведущих всех непременно

но к коммунизму, и это безусловно положительный факт. Однако, поскольку исторический процесс имеет определенные этапы эволюции человечества, нужна вместо этого другая работоспособная теоретическая гипотеза. Она и предлагается в виде авторской концепции, принимающей во внимание существование гипотетических вселенских законов эволюции.

Суть ее в том, что, начиная с Большого взрыва, заложившего 13–14 млрд лет назад, согласно общепринятым представлениям в современной науке, фундамент существующей Вселенной со всеми небесными телами и прочими субстанциями типа черных дыр, темной материи и т.п., все сущее находится в условиях эволюционной динамики, закономерности которой не могут считаться просто неструктурируемым хаосом, хотя они и выявлены пока лишь частично. То, что уже заведомо известно, позволяет предполагать, что в этой динамике есть некий высший смысл, не обязательно связанный с существованием Творца, хотя кое-кто из физиков порой не отвергает и этого. Смысл в том, что теория неравновесных систем имеет в виду тенденцию к самоорганизации. А самоорганизующийся объект, например уникальная наша планета, равноценной которой во Вселенной пока не обнаружено, в состоянии даже не заново создать, а в соответствии с заданными Большим взрывом исходными параметрами динамики эволюции в миниатюре как бы воспроизвести, с необходимыми модификациями, примерно ту же динамику.

Руководствуясь этими не очень доказуемыми соображениями, автор счел возможным предложить собственную гипотезу. Она сводится к постулату о существовании на нашей не живой, но и, к нашему счастью, отнюдь не вовсе безжизненной планете двух — повторяю, гипотетических — вселенских законов в их земном варианте. **Первый, закон вызова и ответа, сводится к тому, что основой механизма эволюции сущего в рамках Вселенной и, соответственно, жизни и человечества как ее высшего проявления на Земле, является свойство улавливать вызовы, направляемые в форме импульсов, призывающих к усилиям в сторону совершенствования.** Импульсы никогда не улавливают все, тем более сразу и полностью. На этом стоит жизнь (вспомним великого Ч. Дарвина), и это следует считать нормой для человечества. Одни виды и общности дают адекватные ответы на вызовы и потом возглавляют движение на новом этапе эволюции. Другие по разным причинам не могут этого сделать и со временем обычно исчезают. В лучшем случае они успешно заимствуют достижения передовых и, сближаясь, становятся рядом с преуспев-

шими. **Второй**, тесно связанный с первым, — закон баланса, целью которого является соблюдение допустимой нормы. Именно он, насколько можно судить, **фиксирует признаки отхода от приемлемой нормы**, которые чреваты крушением неравновесной самоорганизовавшейся системы, и **включает механизм первого, отчего и следуют новые импульсивные вызовы**.

Вся длительная история человечества свидетельствует о существовании именно таких законов. Лучше всего это видно на очень долгих ранних ее этапах. В процессе **антропогенеза** одни виды, как бы улавливая импульс, посредством позитивных мутаций и метисации трансформировались в более продвинутые, вплоть до Homo Sapiens. В ходе **социогенеза** на смену ордам или стаям приходили роды с системами родства и табуированием брачных связей сородичей, а также локальные группы представителей разных родов с их парными семьями. Известный переход от присваивающего хозяйства к производящему (неолитическая революция, как это принято называть) мог бы считаться результатом вмешательства закона баланса. Он, фиксируя угрозу уничтожения размножившимся человеком всего живого вокруг него, дал старт соответствующему импульсу, восприняв который некоторые из людей ответили на него адекватно. Ранняя форма **политогенеза**, связанная с возникновением структурированного племени во главе с вождем, привела к созданию наряду с первыми земледельцами мощных общностей кочевников, чьи обычно безжалостные нападения на земледельцев до поры до времени силовым образом обеспечивали приемлемый для того уровня развития общества и хозяйства баланс. Развитая форма **политогенеза**, очаги урбанистической цивилизации, были ответом на этот вскоре сказавшийся перекокс и стали залогом последующего более спокойного развития человечества в сравнительно — хотя и далеко не обязательно — безопасных условиях его существования.

Последующее развитие реализовывалось в процессе укрепления рано возникшей **структуры власти-собственности** (власть правителя **первична**; население — безропотные подданные; **собственность** по мере ее появления и развития **оскопляется властью**, что лишает собственников возможности преобразовать их доходы в капитал). Эта структура и соответствующее ей общество восточного типа с крайней степенью консервативной стабильности самодостаточны, но не динамичны, напротив, статичны и пассивны. Они символизировали **мировую деревню**. Отсутствие необходимой для эволюции динамики привело к очередному импульсу, который был уловлен и реализо-

ван в результате своего рода социополитической мутации древними греками постгомеровской эпохи. Полисы с их правами и свободами, народным судом типа афинской *гелиеи* и демократическими процедурами, с их гражданским обществом и выборными на время с обязанностью отчитываться администраторами-магистратами стали фундаментом активной и динамичной античной структуры, **мирового города** с его развитым протокапиталистическим предпринимательством и постоянным движением в сторону модернизации.

В процессе соперничества и противоборства **обеих структур, мировой деревни и мирового города**, прошли долгие века, пока сложившаяся и окрепшая развитая антично-буржуазная структура не вышла на авансцену мировой истории. Этот выход оказался тесно связанным не только с ее собственной трансформацией на европейском Западе с античными по форме внутренней самоорганизации городами, но и, после Великих географических открытий и колонизации, с силовым нажимом на весь неевропейский мир, с вестернизацией статичного и пассивного Востока. Осуждают колониализм, выпячивая реальные типа позорного рабства негров и многие придуманные его пороки. На деле он, как и вестернизация неевропейского мира, был не только велением времени (импульсы вызова), но и очевидным благодеянием для большинства населения этого мира, сопротивлявшегося, но и приспособлявавшегося к переменам.

Конечно, никто и никогда легко не согласится на перемены в привычном образе жизни, которые навязывают чужие, даже если они на протяжении веков демонстрируют преимущество их модуса существования. Таков социопсихологический стандарт общинного крестьянина, о чем еще будет идти речь. Но важно обратить внимание на то, что уровень жизни во всем неевропейском мире начал постепенно расти, что проявилось, в частности, в интенсивном росте темпов воспроизводства населения. А это уже вплотную сталкивает нас с тем самым главным, что касается периода послевоенных десятилетий, которым посвящен шестой том. Речь о глобализации как феномене. Сам термин появился сравнительно недавно и упрочивал свой статус в научной, затем и в политико-публицистической лексике довольно долго, вплоть до конца XX столетия.

Если обратить преимущественное внимание на исторический аспект феномена и всего процесса, приведшего к нему, то снова придется вспомнить о вселенских законах, регулирующих, помимо всего прочего, эволюцию видов, включая и человечество. Потомство одной пары, писал Дарвин, если этому не препятствовать, способно

за короткий срок заполнить всю планету. И это вскользь брошенное замечание в наши дни обрело суровый подтекст. На протяжении веков накапливались предпосылки для сближения людей на нашей планете. Большой прорыв в ходе этого процесса был сделан колонизацией и вестернизацией, а они привели к резкому возрастанию численности людей на Земле. Только за XX век она учетверилась, примерно с 1,6 до 6,4 млрд, причем почти исключительно за счет народов колоний, прежде всего наиболее отсталых.

Параллельно с этим и с невиданными прежде темпами интеграции и миграции человечество решало многие связанные с новой ситуацией проблемы. Послевоенная деколонизация в условиях устранения тоталитарных режимов вела к росту значимости вестернизации, которая стала фактом почти повсюду в конце XIX и тем более в XXI веке. А создание ООН, старт европейской интеграции, появление различных региональных политических организаций сыграли важную роль в упрочении процесса и были, можно считать, более или менее адекватным ответом на вызовы в условиях все более резко ускоряющихся шагов истории. Важным элементом интеграции стали мировая экономика и, в частности, создание транснациональных корпораций, ТНК, использующих дешевую рабочую силу неевропейских стран и тем активно стимулирующих их развитие, а также существенное снижение ограничений в таможенных тарифах и торговле (ГАТТ 1947 г., переросшая в 1995 г. в ВТО). Если прибавить к этому исключительные по значимости рывки в сфере связи (от телеграфа, телефона и радио XIX в. к телевидению, гаджетам и интернету рубежа XX–XXI вв.), картина станет еще более полной и понятной. Наш мир изменился, да еще и как! Какими темпами происходит процесс перемен! Но соответствуют ли потрясающие, если вдуматься, технические и политические перемены изменению в социополитической и социопсихологической сфере, зависящей от традиций и степени их трансформации у большинства человечества, которое воспроизводится более и быстрее всего?

Достаточно задать этот вопрос, чтобы получить напрашивающийся ответ. Дело в том, что во всем мире за последние годы сформировалось не слишком организованное, но довольно пестрое и крикливое движение так называемых **антиглобалистов**, которые собираются в местах, где регулярно происходят встречи руководителей восьмерки или двадцатки самых значительных — критерии очень разные, вплоть до накопленных средств ракетно-ядерной мощи, — держав. Смысл их выступлений в том, что мир расколот на бедных и бога-

тых или, если следовать введенной в мировую политику Мао и уже употребленной мной терминологии, на мировую деревню и мировой город. Правда, при этом антиглобалисты и идущие почти что в одной упряжке с ними активисты арабской весны 2011–2012 гг. выпускают из вида, что Мао одновременно предрекал, что *ветер с востока одолевает ветер с запада*, и что если его пророчество сбудется, что сегодня весьма похоже на реальность, то как раз им же, молодым и крикливым, не поздоровится едва ли не в первую очередь. Не поздоровится потому, что никто не станет торопиться обеспечить их рабочими местами с хорошей зарплатой.

Впрочем, дело не в этом. Оно в том, что проблемы остаются, а *ветер с востока* в самом деле усиливается. Стоит всерьез обратить внимание на эти проблемы, которые завтра могут обернуться важными для дальнейшего существования человечества следствиями. Собственно, если говорить о том наиболее значимом, к чему можно прийти после знакомства с упомянутыми проблемами, то окажется, что все это является самым важным. В этом суть не столько глобализации, сколько всего длительного и очень сложного исторического процесса, в ходе которого человечество, особенно в последнее время, стремительно и практически не оглядываясь, не слишком раздумывая над последствиями, резко укоряет движение в будущее. Куда оно стремится и с чем столкнется завтра? Предварительному, но далеко не утешительному ответу на этот важный для современности вопрос посвящено многое из того, о чем сказано в томе, завершающем серию книг, посвященных достаточно основательно описанию и анализу того пути, который в целом вроде бы успешно проделало человечество за несколько последних тысячелетий.

Введение

История и современность

Понятие *современность* (contemporary history) использовано в томе как альтернатива термину *новейшая история*, соответствующему, как то хорошо известно, советско-коммунистической трактовке исторического процесса. Трактовка исходила из того, будто бы вся история делится на две основные части, до 1917 г. и после него. Эта ложная посылка устойчиво существовала в России почти весь XX век и все еще не исчезла. Правда, в отдельных книгах, начиная с томов по истории в Детской энциклопедии, печатавшихся огромными тиражами в незабываемые демократические 90-е годы, существует и другое, гораздо более осмысленное членение, имеющее в виду XX век как особый период. Но чаще все же срабатывает рефлекс насчет существования некоего отрывка истории, который будто бы берет начало с октябрьского большевистского переворота. Такого периода в истории не существует, причем не только из-за нелепости самого термина (а дальше что, какая-либо *наиновейшая* или вообще *коммунизм навеки?*).

Важнее понять и прочно усвоить, что не события в России до и тем более после октября 1917-го определили ход мировой истории, хотя они немало нового и страшного в нее внесли. Об этом уже практически никто всерьез говорить не станет, разве что некоторые будут еще какое-то время скорбно вздыхать. А потому стоит осознать, что на смену новому времени триумфа буржуазии в XIX в. пришел трагический прежде всего для России XX век, вместе с которым свершилась и катастрофа для отечества. Событие это и поныне остается для всех нас — именно для нас, ныне живущих поколений, — катастрофой, совпавшей с переходом к современности и воспринятой, хотя и не всеми, именно так.

Писать о сегодняшнем дне как о части истории не очень-то просто. Казалось бы, и не слишком сложная задача. Все в основном известно, так как происходило и происходит на глазах (во всяком

случае, если имеются в виду представители старшего поколения, а именно они чаще всего и берутся за такую работу), отчего и остается, как иногда многим представляется, только фиксировать хорошо известные события. Правда, именно к этому периоду истории всегда предъявляются наиболее завышенные требования, ибо почти у каждого сложились свое представление о событиях и своя их оценка.

Дело, однако, в том, что такие представления обычно имеют не слишком много отношения к реалиям, а возникают либо под воздействием откровенно пропагандистско-мифологической их интерпретации либо оказываются результатом не очень глубокого знания всего того, о чем часто с легкостью судят. Конечно, в высших кругах любого общества всегда есть высоколобые интеллектуалы, которые в принципе вполне в состоянии адекватно оценивать ситуацию. Вопрос в том, всегда ли они делятся своими знаниями и готово ли общество к ним прислушиваться. Другой, много более серьезный вопрос сводится к тому, что такие интеллектуалы, будучи хорошо образованными, а то и умными и опытными профессионалами, политологами, экономистами, историками, специалистами в области международного права, социальных отношений, психологии масс и т.п., как правило, сами не сходятся между собой во мнениях.

И это легко понять. Люди всегда, на любом уровне иерархической пирамиды, в любом обществе и во все времена находятся под влиянием тех веками сложившихся традиций либо теорий и связанных с ними концепций, которые призваны сформулировать и закрепить определенную систему взглядов. А так как известные истории общности всегда оказывались под воздействием традиций, будь то архаично-примитивные, авторитарно-восточные или антично-буржуазные либерально-демократические, то не приходится удивляться тому, что именно они и складывающаяся под их воздействием концептуальная ментальность определяют позиции людей. Имеются в виду позиции разных людей в различных обществах, как вполне современных, так и находящихся под сильным воздействием стереотипов, восходящих к глубокой архаике. Есть и такие, кто вовсе не имеет своих позиций, но подвержен влиянию массмедиа, склонен внимать пропаганде и потому легко поддается обману.

Дело даже не только в расхождении между партийными интересами и глубокими внутренними, хорошо, если не догматически-идеологическими и тем более агрессивно-экстремистскими убеждениями. Гораздо важнее то, что в наши дни такого рода убеждения

обретают форму идей, способных с помощью современных средств массмедиа, в том числе компьютеров, гаджетов и интернета, мгновенно дойти до многих миллионов слушателей и зрителей. Мало того, добившись контакта с этими миллионами, такие идеи способны в рамках некоторых обществ типа, скажем, арабских и нынешнего отечественного, опираясь на упомянутые архаичные стереотипы, с легкостью формировать у большинства безапелляционные суждения о делах, в которых они не компетентны. Это может привести к тому, что люди, не слишком искушенные в проблемах политики и тем более истории, готовы рассуждать, используя не очень понятные, но не подлежащие (для них) сомнению формулы.

Не беда, если этим грешат немногие дилетанты, озабоченные, скажем, патриотическими и тем более религиозно-почвенническими проблемами. Много сложнее, когда нечто в этом роде становится присущим большинству, озабоченному не слишком хорошо складывающимся в той или иной стране положением дел. Еще хуже, если на всем этом спекулируют политические деятели, от кого зависит принятие важнейших решений. Тогда в обществе может создаться крайне искаженное мнение о событиях недавнего прошлого, которые сознательно фальсифицируются для того, чтобы легче оказывать влияние на политический процесс. Словом, возникает немало сложностей, когда история и ее трактовка — у нас, в частности, это особенно касается интерпретации событий, связанных с просчетом вождя в июне 1941 года, обошедшимся стране в десятки миллионов жизней, — становятся чуть ли не центром интересов общества и политических расчетов правительства.

И вот здесь-то и сказывается вся сложность того, о чем теперь пойдет речь. Что такое современность и как ее характеризовать? Иногда — и это принято считать вполне основательным возражением — исходят из того, что современная история вообще не история. А раз так, то о ней историкам и не следует писать. Не следует потому, что далеко не все доподлинно известно, что многие важные политические документы засекречены и долго еще будут недоступны для профессионалов, а потому вполне возможны ошибки в суждениях и тем более в оценках тех или иных событий, включая и важные. В этой позиции есть, безусловно, немалая правда. Но далеко не вся. Слабость подобных доводов — особенно если речь идет не о специальной монографии, а о сводно-обобщающем исследовании, ставящем целью дать общую оценку событий в современном мире, — в том, что они не содействуют, да и просто мешают поиску истины.

Во-первых, потому, что вакуум легко заполняется, причем, как говорится, чем попало. И если не предоставлять преимущественного права историкам-профессионалам, их место займут либо сочинители мемуаров, либо легкие на перо (на клавиатуру) публицисты, а то вовсе откровенные фальсификаторы, отражающие мнение отнюдь не просвещенного начальства. Ведь никакие документы не изменят того, что уже известно, скажем, о тех причинах, которые привели к окончанию холодной войны. Они же не способны сильно повлиять на оценку, учитывающую прошлое (вспомним о преступлениях вождя, которые ничем никогда не загладить), и все связанные с ним события, акции и тенденции, которые в совокупности определили многое, в том числе и положение дел в мире сегодня. Словом, что было, то и было. Это можно вполне адекватно оценить, хотя бы в самых общих чертах. И такая оценка нужна, в ней заинтересованы очень те, кто желает знать правду о вчерашнем дне, а не питаться наспех составленными сказками о нем.

К сожалению, таких сказок — мифов, как называют их специалисты, — тьма-тьмушая. И о них еще будет идти речь. Но пока стоит обратиться к началу того периода, о котором пойдет речь в этом томе, и, в частности, вспомнить снова о холодной войне. Строго говоря, эта война началась весной 1946 года, сразу после окончания Второй мировой войны. Но то далекое уже время, когда кульминация дважды пришлось на события, ставившие мир в 50–60-х гг. на грань уже вполне горячей войны, чреватой вообще существованием человечества (оба раза инициатором конфликта был СССР — имеются в виду война в Корее и Карибский кризис), продолжало тянуться до конца 80-х. И если теперь есть основания вернуться к периоду резкого противостояния супердержав в мире, то это имеет свои немалые резоны. Главным из них следует считать хорошо известный факт, что вся история человечества в годы холодной войны прошла под знаком обострения взаимоотношений двух враждебных друг другу сверхдержав.

Потенции их были на первых порах примерно одинаковыми, хотя идейно-институциональные фундаменты очень различались. Мощь одной и наиболее сильной основывалась на буржуазной рыночно-частнособственнической структуре и на системе высокоразвитого хозяйства с четкой установкой на постоянное обновление средств и форм организации производства, со ставкой на непреременные новации. Это мощь раскрепощенного общества, которое именно потому и оказалось неодолимым. Другая же сверхдержава, вынесшая на своих

плечах всю тяжесть обеих мировых войн и потерявшая в них, как и в ходе сопровождавшихся массовыми репрессиями и большим террором внутренних катаклизмов, не менее сотни миллионов жителей, была сильна прежде всего тем, что имело отношение к войне и производству для войны. Уравнивало же обе стороны, превращая их в сверхдержавы, самое главное — владение ракетами и термоядерными бомбами в таком количестве, которого было более чем достаточно для многократного уничтожения на планете всего живого.

Вот это и поддерживало на плаву холодную войну, в мутные и мрачные объятия которой были втянуты после войны многие народы, попавшие под жернова обеих мировых войн и оказавшиеся вынужденными взять сторону одной из двух коалиций. Конец этого противостояния был обусловлен крахом СССР, чье исчезновение с карты мира означало не просто конец холодной войны. Оно было концом мирового коммунизма как смертельной угрозы миру. И хотя горячо и страстно поддержанный многими, особенно в больших городах России, путь к буржуазной либеральной демократии со всеми присущими ей правами человека, свободами и избирательными партийно-парламентарными процедурами оказался на рубеже XX—XXI вв. практически неосуществимым, а развитие страны в силу многих трагически сложившихся обстоятельств повернуло вспять, все было не зря. Не зря хотя бы потому, что угроза коммунизма как агрессивного тоталитарного режима была снята. Снята, что важно, еще и потому, что распад СССР шел на фоне тех радикальных реформ, которые за некоторое время до того начал проводить в Китае пришедший на смену Мао Дэн Сяо-пин, наиболее значительный из политиков этой страны в конце XX века.

Разумеется, в современном мире происходило и много других событий, о чем пойдет речь. Но главным вплоть до конца холодной войны было именно противостояние сверхдержав и созданных ими коалиций, которое, к счастью для человечества, оказалось кратким. Преимущество антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структуры с ее йдейно-институциональной основой над застойной структурой власти-собственности в крайне жесткой ее модификации с ликвидацией рыночно-частнособственнических отношений сказалось за четыре десятилетия. Но эти годы были до предела наполнены наращиванием смертоносной мощи, стремлением противостоять до конца. И только прогрессирующее ослабление СССР и растущее недовольство зависевших от него стран привели к распаду угрожавшей миру агрессивной коммунистической коалиции. А после этого уста-

новившийся было в мире строгий порядок (два мощных и до зубов вооруженных блока и между ними нейтральный *третий* мир, как он тогда назывался) рухнул.

Правда, рухнул под звуки фанфар и, что важнее, ликование народов, как вне СССР, так и в нем самом. Но, если не считать высвобождения из-под опеки коммунистов сателлитов и бывших союзных республик СССР, а также избавления мира от ужаса нависавшей над ним угрозы гибели в результате термоядерной катастрофы, остальные преимущества, как вскоре выяснилось, оказались достаточно эфемерными. Это произошло потому, что жесткий порядок, основанный на насилии, к которому XX век уже привык, не был замещен чем-то равнозначным. Создалась естественная и вполне логично предсказуемая ситуация если не хаоса, то чего-то подобного неуправляемой стихии. Нет жестких запретов и суровых угроз, нет с трудом сохраняемого баланса. Значит, можно если и не все, то многое, очень многое.

Вот почему прежде, чем мировое сообщество и его не слишком быстро и успешно действовавшие, да и не имевшие для этого полномочий, что было тяжелым наследием холодной войны, надгосударственные органы в лице ООН смогли что-либо предпринять для укрепления теперь уже либерально-демократического мирового порядка, ситуация в мире начала радикально меняться. Во-первых, потому, что свои не слишком артикулировавшиеся, но всем заметные претензии на верховную заботу о мире выдвинула оставшаяся сверхдержава, США, что вызвало резонное недовольство со стороны многих других стран. Во-вторых, из-за появления в мире нескольких других центров силы, будь то решительно объединявшаяся Западная Европа, Япония, затем Китай, Индия и даже обессилевшая и внутренне неустойчивая, но зато сохранившая ракетно-ядерный потенциал и начавшая существовать за счет торговли углеводородными ресурсами Россия. И, наконец, в-третьих, из-за резкого выхода на авансцену истории никем вроде бы не ожидавшегося серьезного претендента на ставшее вакантным место тоталитарного режима, каким стали исламские религиозные экстремисты с их террором при участии фанатиков-самоубийц. Практически неуязвимые и увеличивающиеся в числе террористы-шахиды намерены одолеть весь мир *неверных* и создать вместо него всемирный халифат.

Если прибавить к этому еще и вызовы со стороны Природы, явно тяготящейся давлением, которое оказывает на планету быстро растающее человечество с его индустриальной мощью и техноло-

гическими новациями, то картина в целом, вопреки сравнительно недавним ожиданиям, никому не покажется оптимистичной. И это еще далеко не все из того, что принесли с собой так много обещавшие события конца XX в. Взгляд со стороны — а независимо от того, насколько это вообще реально, он, просто за неимением возможности взглянуть из будущего, остается единственно приемлемым для анализа перспектив — не может вселять большие надежды. Будущее, мягко говоря, остается неопределенным. Более того, среди возможных сценариев эволюции преобладают достаточно скептические, обычно не претендующие на широкую огласку. Единственная надежда человечества — его Разум. Но сумеет ли он стать достаточно сильным и успеет ли мудрость, учитывая резкое ускорение шагов истории, ведущих мир пока что неведомо куда, набрать столько сил и получить столько доверия от остальных, чтобы суметь помочь всем? Шансы на это есть. Но насколько они значительны?

Завершая вводную часть тома, посвященного последним страницам уже состоявшейся истории человечества и глобальным его проблемам, сулящим в будущем мало чего хорошего, пока нет нужды акцентировать внимание на мыслях о грустном. Целесообразней сначала продемонстрировать на фактах, на описании и анализе событий все то, что характерно для современности как итогового периода истории человечества. Вполне возможно, что материалы корпуса тома несколько сгладят общую мрачность положения, в котором оказывается человечество, и вселят в читателя большую надежду на лучшее будущее, будущее не столько его самого, сколько хотя бы его детей и внуков (о слишком далеком будущем, тем более в стиле фантастов, говорить не стоит — пусть об этом пишут они, это их хлеб).

Впрочем, это не значит, что более серьезному, пусть предварительному и гипотетическому разговору о будущем не должно быть места в издании, посвященном мировой истории. История вообще-то бескомпромиссна. Можно, конечно, пытаться активно ее переинтерпретировать с помощью укоренившихся мифов и тем сознательно фальсифицировать. Но это мало чего стоит. Она упряма, выйдет наружу и заставит говорить о себе. История — это судьба. Это то, что уже случилось и потому изменено быть не может. Что было, того не вернешь. Можно пытаться исправить, либо получится, либо нет. Но в любом случае важно, что не просто недавний, но и сегодняшний день уже история. Это именно современность с ее не столько даже глобализацией, сколько концентрацией проблем человечества и острым ощущением того, что обилие проблем и бешено ускоряющийся темп

эволюции, стремительно убыстряющиеся шаги уже прямо-таки бегущей вперед истории нашей планете просто не под силу. К сожалению, все именно так. Вопрос лишь в том, преодолимо ли как-то все это в принципе и что далее, каковы перспективы человечества, даже если они не слишком радужны. Этому, собственно, в конечном счете и посвящен том, в котором, как намеревался добиться того автор, собрано все самое главное. Во всяком случае из того, что способно подвести итоги пройденного человечеством пути и очертить, пусть весьма пунктирно, варианты его существования в близком, достаточно просматриваемом будущем. Итак, переходим к изложению, оценке и анализу событий, насыщенных важными и о многом свидетельствующими деталями, причем во всех уголках современного мира и, что очень важно, мира в целом.

Западный мир в послевоенные десятилетия

Середина XX столетия как начальный этап того периода истории, который мы вправе считать современностью (в частности, это современное и автору время), отмечена многими важнейшими событиями. К ним относятся и конец Второй мировой войны, и начало противостояния двух сверхдержав с их коалициями, и создание в мире наднациональных органов во главе с ООН, и деколонизация с появлением отстраненного от коалиций третьего мира. Огромную роль в событиях мирового значения сыграла смерть советского вождя, многое значили и годы правления Н. С. Хрущева с его противоречивой, но в целом спасительной для страны политикой. Существенно, что попытка подвести противостояние сверхдержав к грани мировой катастрофы (Карибский кризис) была в конечном счете приостановлена самим пошедшим было на провоцирование США Хрущевым. Свою роль сыграла и политика гигантского Китая, вовремя отвернувшегося от СССР, что не могло не сказаться на всем последующем.

Словом, многое сыграло свою роль в том, что превратило развязанную вождем холодную войну в нечто не слишком опасное. Первая часть тома как раз и касается Запада, включая все то, что определяло ход событий и вело к успешной его эволюции. Это вполне оправданно потому, что в послевоенные десятилетия, как хорошо известно, исторический процесс на съезжившейся планете проявлял себя в основном в форме противостояния двух блоков. И хотя кульминация противостояния, пришедшаяся на последние годы жизни стремившегося к обострению и явно боявшегося не успеть престарелого вождя (война в Корее) и на внешнюю политику его преемника, в 60-х гг. уже была позади, не все и не сразу ушло в прошлое. Мир после Карибского кризиса не мог не вздохнуть с облегчением. Но это не означало конца холодной войны. Противостояние враждебных блоков продолжалось, хотя и было

несколько сглажено и ставило своей целью, по крайней мере в том, что касалось СССР, стремление к сохранению баланса. Надежда возлагалась не только на рост экономического и тем более научно-технического потенциала, хотя он продолжал оставаться в центре внимания, но и на приток в *социалистический лагерь* новых сторонников из числа тех стран *третьего мира*, которые, как тогда считалось, были к этому готовы и видели смысл в сближении с СССР.

С точки зрения западного блока, заметно усиливавшего свои позиции за счет многогранной и успешной политики, речь шла не о сосуществовании. Смысл его политики был в том, чтобы с помощью ускоренных темпов эволюции добиться ускорения достижения уровня, когда противник с его устаревшим ракетно-ядерным потенциалом, полномасштабное обновление которого было ему не под силу, вынужден будет сдавать позиции. Это и начинало происходить. И хотя возглавлявшийся СССР блок как раз в это время за счет некоторых отсталых стран так называемой *социалистической ориентации* возрастал, в реальности от возрастания союзников восточный альянс быстрее ослабевал. В итоге создавались более благоприятные условия для конечного торжества блока западного. И Запад старался в меру своих сил, весьма ослабленных после дорого доставшейся, особенно европейской его части, мировой войны, добиться именно этого, в чем он в конечном счете и преуспел. И потому, коль скоро в первые послевоенные десятилетия наиболее заметны были успехи именно на Западе, демонстрировавшем ускоренные темпы в преодолении последствий войны и интенсивный рост, который сопровождался стремлением к экономической и политической интеграции, с этого и стоит начать.

Глава первая. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЗАПАД

План Маршалла сильно помог восстановлению пострадавших от войны западных стран, как победителей, так и побежденных. Некоторые из этих стран проявляли поистине чудеса в темпах и результатах восстановления довоенного стандарта и строительства индустриальной экономики более высокого уровня. И хотя восстанавливали силы и страны коммунистического блока, разница была не просто ощутима. Она бросалась в глаза, и наши люди, видя это, могли срав-

нивать, пусть даже не слишком часто и много¹. А значение этого чем дальше, тем больше оказывалось принципиальным. Ведь у нас явственный акцент продолжал делаться на военную промышленность, а все остальное по-прежнему считалось второстепенным, тогда как на Западе все более сказывались преимущества либеральной демократии и, что важно подчеркнуть, антично-буржуазного идейно-институционального фундамента модернизации.

Чтобы быть правильно понятым, стоит с самого начала сказать, что речь должна идти не только и даже не столько о духовно-цивилизационных и тем более религиозных ценностях при всей их несомненной значимости. Эти ценности, к примеру, были абсолютно одинаковыми в северной и южной частях Кореи, как и в восточной и западной частях Германии. Имеется в виду нечто другое, а именно то, что были в состоянии добавить к этим — да и к любым иным — ценностям четкие идейно-институциональные стандарты античности, воспринятые и усовершенствованные западноевропейской буржуазией, особенно протестантской. Но эти расхождения между двумя типами стандарта, культурным и социополитическим, порой порождают путаницу. Возникает стремление не замечать разницы и полагать, что и то, и другое в равной мере следует отнести на счет культурной традиции. Именно потому в ряде работ все эти стандарты обобщенно именуется культурой и равно воспринимаются в качестве критерия, определяющего успех или неудачу в процессе эволюции².

На самом деле все сложнее, о чем еще будет идти речь ниже в конце второй части тома. К сказанному важно добавить, что речь идет не только о странах Запада, но и о тех, кто осознанно, хотя и чаще под принуждением воспринимал западные социополитические идейно-институциональные стандарты, как и первоосновы

---

¹ Телевидение в СССР было еще редким гостем, а программы из чужих стран чаще всего ограничивались *кинопутешествиями*. Но и из этих тщательно отобранных путешествий, а также из немногих кинофильмов, попадавших на советские экраны, можно было кое-что увидеть и, к досаде цензуры, понять. Помню, заголовок немецкого фильма *Мы вундеркинды* даже был переведен так, чтобы истинный смысл его, *Мы — дети чуда*, не был у нас понят.

² Я имею в виду, в частности, изданные фондом *Либеральная миссия* на русском работы Л. Харрингтона *Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике* и *Главная истина либерализма*. М.: Новое издательство, 2008; см. также: *Куда ведет кризис культуры?* М.: Новое издательство, 2011.

производственно-предпринимательского частнособственнического буржуазного хозяйства. Все такие страны, давно принявшие либо оказавшиеся заново вынужденными принять за основу существования западные стандарты, не только не сожалели о своем выборе, но напротив, включая Японию и западную часть Германии, были этим более чем удовлетворены. Они горячо, в основном с помощью США, принялись за созидательную работу и за считанные десятилетия добились достойных уважения результатов. Это стало нормой и проявлялось и в недавно еще фашистской Италии, и на обособившемся от Китая Тайване, и в ослабленной войной с КНДР южной части Кореи. Все эти страны, да и не только они, со временем гармонично влились в заново формировавшееся в мире политическое сообщество буржуазно-демократического Запада.

ГОСУДАРСТВА ЗАПАДА

Под понятием *Запад* не имеется в виду нечто географическое. Для истории человечества это явление мировой культуры и конкретный, начиная с античности, путь эволюции, иная по сравнению с миром вне Запада форма движения вперед. Антично-буржуазный Запад как мировой город и общество западного типа был в свое время достойным ответом человечества на вызов Природы и, являя собой нечто вроде удачной социополитической мутации и обеспечив своей предпринимательской протобуржуазии все условия для успешной эволюции, стал центром модернизации. Модернизации полновесной и постоянной, не оскопленной восточно-деспотическими и тем более тоталитарными или авторитарно-диктаторскими режимами. И если придерживаться такой трактовки проблем западного мира, возникает нужда в более четком определении того, что именно входило и вошло в западный мир.

Иными словами, нужно отчетливо сознавать, какие государства давно уже были в нем, являясь его основой, какие лишь в первые послевоенные десятилетия вошли или возвратились в его состав и, избрав путь буржуазных преобразований, стали частью Запада. И, конечно, что нужно считать определяющим критерием. Вот оно, главное и определяющее: западный мир — это совокупность государств, сближающихся друг с другом в структурном плане. Имеется в виду антично-буржуазная идейно-институциональная рыночно-частнособственническая структура в ее устоявшейся модификации

гражданского общества с многочисленными разнообразными вариантами при сочетании социополитических, правовых и прочих стандартов с гармонично включенными в них местными религиозно-цивилизационными традициями¹. При этом стоило бы особо выделить довольно большую группу государств, в которых процесс трансформации в сторону западного стандарта затянулся и вплоть до сегодняшнего дня полностью не завершен, что в принципе отнюдь не мешает принять этот важный процесс во внимание. Если все сказанное воспринять всерьез, для чего есть некоторые основания, то окажется, что в сторону западного структурного стандарта сегодня движутся многие. Но не будем спешить с выводами.

В первые послевоенные десятилетия Запад — это почти вся Европа (за исключением Испании и стран коммунистического блока, включая и мятежную Югославию), бывшие английские доминионы с их в основном европейским населением, Япония и Республика Корея, Тайвань и Сингапур, с некоторыми оговорками Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины. Можно было бы добавить к ним и немалую часть латиноамериканских республик, и постепенно трансформировавшиеся тогда в сторону западного стандарта Индию или Египет, Турцию или Пакистан и некоторые другие неевропейские страны. Но участие их в движении *неприсоединения* путает карты, ибо формально выводит все такого рода государства за пределы западного блока. Правда, за его пределами были и некоторые нейтральные страны Европы, которые, безусловно, являлись в интересующее нас время составной частью западного мира. Словом, здесь мы вступаем в липкую паутину противоречий, которые не стоят того, чтобы запутываться в них. Поэтому примем во внимание оговорки и зафиксируем главное: западный мир в послевоенные десятилетия — это прежде всего, в основном страны с преимущественно европейским населением, за исключением тех, что оказались под властью СССР. Что же касается других, то среди них хорошо известные дальневосточные и восточноазиатские государства, эволюция которых в сторону Запада уже тогда была вполне очевидной. Остальных можно воспринимать для того времени разве что в качестве потенциальных еще сторонников западного буржуазного стандарта.

Имея в виду эти не очень четкие очертания западного блока, следует сделать и еще несколько существенных добавлений. Во-первых,

¹ Подробней об этом см.: *Васильев Л. С. Эволюция общества*. М.: КДУ, 2011.

нельзя сказать, что Запад был в те десятилетия тесно сплоченным сообществом. Скорей это было нечто достаточное разобщенное, хотя процесс интеграции уже был запущен и стремление стран Запада, особенно европейских, к сплочению начало реализовываться. Во-вторых, в ходе соревнования — сосуществования — двух противостоящих друг другу блоков время хорошо работало на рыночно-частнособственническую структуру буржуазного Запада. В-третьих, страны западного мира могли рассчитывать на поддержку бывших британских колоний, начиная с Индии, как и Латинской Америки, формально к западному блоку тогда не относившихся. Более того, позже они почти все оказались в числе тех, кто стал в ряды *развивающихся стран*. Впрочем, оставив связанные с этим проблемы в стороне, обратимся к описанию и анализу процесса трансформации послевоенного западного мира.

ИНТЕНЦИИ БУРЖУАЗНОГО ЗАПАДА

Основы послевоенной политики буржуазного Запада были связаны с реалиями холодной войны, временами подводившими планету к критическим точкам. Хотя на этот счет существуют, естественно, разные точки зрения, инициатором обострений, стоит повторить, был не Запад, интересы которого в послевоенное время были далеки от новых военных конфликтов. Там на передний план выходила задача восстановить разрушенное войной хозяйство в странах Европы, причем имелась в виду экономика и стран-победительниц, и побежденных. Воевать Западу — в отличие от советского вождя — не было нужды и, конечно, охоты. Однако советско-северокорейская экспансия, продемонстрированная в 1950 г. войной в Корее, не избавляла его от забот о безопасности. Поэтому следует считать естественным, что намерения западных стран соответствовали ситуации, обусловленной сложившейся в послевоенном мире политической обстановкой.

Она не располагала к благодушию. Пока был жив вождь, взаимоотношения его с Западом после войны становились все напряженней. И речь Черчилля в Фултоне, откровенно обозначившая этот несомненный факт, была лишь видимым и осознанно подчеркнутым знаком опасности. И понятно, почему. Избавившись от страшной для себя угрозы со стороны тоталитарного режима правого толка, наученный горьким опытом европейский Запад не мог не сознавать,

что оставшийся почти в неприкосновенности усиливавшийся с военной точки зрения тоталитарный режим СССР теперь был не союзником, а грозным потенциальным противником, который не очень-то заботился о том, чтобы скрыть свои намерения. Откровенное осуждение капитализма как системы, будто бы виновной в начале войн¹, означало решимость противостоять Западу. А появление в арсенале СССР ядерного оружия в 1949 г. недвусмысленно объясняло эту позицию, облекая завуалированные словесные угрозы в нечто много более реальное и угрожающее.

Когда Ким Ир Сен с благословения советского вождя начал войну в Корее, это рассматривалось Западом — и не могло оцениваться иначе — как проба сил накануне много более важных событий. Всему миру было видно, кто начал войну, а кто с первого ее дня стремительно откатывался далеко на юг полуострова с перспективой быть сброшенным в океан. Ликвидации некоммунистической Кореи помешало лишь решение ООН о вмешательстве с ее санкции в войну США, которые восстановили статус-кво. Неизвестно, чем бы все завершилось (в войне принял участие в форме отправки *добровольцев* только что создавший коммунистическое правительство Китай), если бы смерть вождя не поставила точку на пробе сил в Корее. Впрочем, холодная война продолжалась, а спровоцированный политикой Хрущева Карибский кризис 1962 г. еще раз, правда лишь на несколько дней, поставил мир на грань новой войны.

Напоминание об этом важно для того, чтобы понять, в какой обстановке были вынуждены формировать политику страны Запада. Под воздействием обстоятельств они все теснее сплачивались в буржуазно-либеральный блок, противостоявший коммунистическому. Разумеется, напоминание об этом не очень понравится тем, кто привык к мифам и поддается лживой пропаганде. Но факты остаются фактами, и они объясняют те весомые причины, которые объективно вели послевоенный либерально-демократический Запад к преодолению вечных разногласий и к необходимости искать разумный баланс

---

¹ Имеется в виду предвыборная речь советского вождя 9 февраля 1946 года, в которой было сказано: *Марксисты не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы.* Ответом на эту речь и стало выступление Черчилля в Фултоне.

между национальными интересами и жизненной необходимостью просто выжить, не дать тоталитарным силам себя одолеть.

Что им надлежало делать? Сомнений не могло быть. В то тревожное время, когда раны недавно прошедшей войны, болезненно отразившейся на странах Западной Европы, не были залечены и забыты, следовало скорее позаботиться о безопасности, а для этого — памятуя о чудовищной неготовности к войне и о вынужденных уступках тоталитарному агрессору в недавнем прошлом — сделать все возможное для усиления собственных позиций. Но что можно и нужно было для этого сделать? Опять-таки ответ был единственным и бесспорным: стремиться к совершенствованию буржуазной либеральной демократии и по мере возможности к интеграции стран, добивающихся заметных успехов на этом нелегком пути. Только в ходе такого процесса Запад сможет обрести баланс между национальными интересами отдельных стран и коллективной безопасностью всех их, вместе взятых. Какой вид должна была принять интеграция? Кому с кем, как, когда, в какой степени и на какой основе следовало сближаться?

Вопрос был очень не простым. Сложность заключалась в том, что Запад в целом и западноевропейские страны в частности были не просто разобщены и не только привыкли высоко ценить свою суверенность и самобытность. Гораздо более существенным было то, что они вчера еще находились в состоянии даже не вражды, а жестокой и кровопролитной войны друг с другом. Такое быстро не забывается. А это значит, что решение проблем интеграции потребует немало времени. Нужно было осторожно, небольшими шагами двигаться навстречу друг другу. И не всем сразу, а в определенной очереди. Следовало учитывать исторически складывавшиеся взаимоотношения, прошлые обиды и несправедливости. Особо необходимо было принимать во внимание позиции вчерашних врагов, как и степень их и своей объективной и субъективной готовности к сближению.

Западные державы после победы не теряли зря времени. Они решительно осуществили в побежденных странах, затронутых бациллой тоталитаризма, ликвидацию правящих партий *нового типа*, провели серию экономических реформ и везде оказывали активную поддержку буржуазно-демократическим преобразованиям, обеспечивая введение гласности, уважение к правовым нормам, к многопартийности и избирательным процедурам. В результате, не говоря уже о приговорах главным военным преступникам, вчерашние члены НСДАП, итальянские фашисты и японские милитаристы

представали перед судом, виновные наказывались в соответствии с размером их вины. А прочие, если они были всерьез причастны к политике властей, пройдя через процедуру не очень приятной для них чистки, включались в нормальную жизнь, иногда с определенными ограничениями.

Это было общей нормой для побежденных стран. Но стоит подчеркнуть, что суть политики обращения с побежденными была более глубокой. Она исходила из того, что начинать все преобразования следовало с понятного укрепления подорванных тоталитаризмом позиций антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структуры западного типа. А для этого нужно было обновить, а кое-где, как в Японии, в Корее и на Тайване, заново создать или, как в Западной Германии, решительно перестроить весь идейно-институциональный фундамент. Создание этой основы там, где ее не было — что касалось стран вне Запада, — и там, где она была придавлена тоталитарным режимом, стало главной задачей, без решения которой на успех рассчитывать не приходилось. Зато решение этой проблемы открывало путь ко всему остальному, что могло обеспечить ускорявшееся движение в сторону интеграции. Движение в этом направлении стало вскоре основной целью если и не всего западного мира, то западноевропейских стран, а затем и почти всех стран Европы. Таковы были генеральные интенции Запада.

ОБ ИДЕЙНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ФУНДАМЕНТЕ

О приоритете этого фундамента следует сказать особо. Все в истории человечества всегда начиналось именно с этого, т.е. с появления важных идей и с формирования соответствующих им новых реалий, включая многие институты, необходимые для реализации потребностей. Эта азбучная истина, запутанная марксизмом с его идеей экономического *базиса*, ныне вышла на поверхность. Приоритет социополитического начала, идейно-институционального фундамента, благодаря которому эволюция ускоряется или, напротив, стагнирует, в особых пояснениях давно уже не нуждается. Но, поскольку именно в нашей стране многие этого не осознали, приходится постоянно напоминать об этом. В рамках данной главы важно определить не только направление, но и логическую последовательность послевоенных событий в западном мире. Смысл в том, чтобы подчеркнуть,

что и в середине XX в. перестройка там началась именно с создания либо обновления, т.е. в ряде случаев очень основательного изменения фундамента.

Строго в зависимости от обстоятельств она была различной и почти не коснулась США, где в этом практически не было нужды. Там ограничилось все в основном отказом от доктрины Монро с последующим энергичным вмешательством в мировые дела и стремлением оградить страну от идей и реальной деятельности коммунистов. Не слишком многое требовалось и от Великобритании, которая в свое время немало сделала для того, чтобы ни в ней, ни в ее доминионах и колониях не было условий для активизации элементов структурно восходящего к восточной власти-собственности мирового коммунизма. И совершенно понятно, что это благоприятное для Запада обстоятельство сыграло свою роль. Более того, Черчилль и Трумэн — можно прибавить к ним и Маршалла — оказались инициаторами и символами политики, имевшей целью решительно перестроить мир, начав с укрепления демократических институтов в странах Запада, в традиционных обществах западного типа.

Именно усилиями в этом направлении было многое сделано для того, чтобы в условиях некоторой политической эйфории послевоенных лет был сделан упор на осознание миром Запада исходившей от коммунистического блока опасности. Ведь суть холодной войны, если говорить не о военной мощи, но о политике, что для начала было самым главным, к тому и сводилась, чтобы в ходе противостояния блоков укрепить основы буржуазной либеральной демократии. Перестроить все следовало таким образом, дабы основополагающие идеи и институты были глубоко осознаны и для подавляющего большинства, от консерваторов до социал-демократов, стали общепризнанной ценностью. При этом крайние, реакционеры на одном фланге и коммунисты на другом, могли оставаться и существовать на положении маргиналов. Главное же было в том, чтобы гласность и свободы, права человека и гарантии частного собственника (не криминала!) всюду создавали ту самую основу, которая, по моему глубокому убеждению и по упоминавшемуся мнению Л. Харрингтона с его акцентом на западную культуру, одна только соответствует статусу Человека Разумного и в состоянии активно способствовать кардинальным сдвигам в экономике и политике.

Процесс воссоздания, укрепления и — где его не было — формирования заново идейно-институционального западного стандарта (при сохранении цивилизационной идентичности) был делом от-

нюдь не легким, но всюду, где ощущалось влияние Запада, он протекал успешно. В странах, принимавших участие в боевых действиях на стороне нацистской Германии, он обретал в зависимости от ситуации более или менее жесткую форму. Это была сопровождавшаяся суровыми приговорами в Нюрнберге денацификация с сопутствовавшими ей массовыми кампаниями, подкреплявшимися новыми законами, с появлением различных партий и политиков, с интенсивной деятельностью многочисленных и несходных во многом, но единых в осуждении преступлений нацизма средств массмедиа. В Италии, где борьба с фашизмом началась с 1943 г., она не приняла облик денацификации (нацистов там не было) и потому оказалась несколько сглаженной. Этому способствовали как характер самого итальянского фашизма, обошедшегося без массовых репрессий, так и активное участие в борьбе с ним сильной компартии. Споры о проблемах и специфике итальянского фашизма велись и ведутся в Италии вот уже несколько десятилетий, чем эта страна отчасти напоминает Россию с ее проблемами сталинизма. Однако существенная разница в том, что фашизм там, в отличие от коммунизма у нас, безусловно осужден, а буржуазная либеральная демократия столь же несомненно торжествует.

Не слишком сложно было вернуть либерально-демократический стандарт в Австрии, которая после аншлюса подверглась серьезным репрессиям со стороны гитлеровского нацизма и где задача денацификации тоже практически почти не стояла. С 1955 г. страна стала независимой. Вне процесса перестройки в то время оказались лишь иберийские Испания и Португалия с их резко отличными от демократических полуфашистскими режимами. Но на общем фоне всей Западной Европы это были досадные издержки, опасностей не сулившие. Зато их существование, прекратившееся со смертью правителей, Франко и Салазара, с лихвой было компенсировано радикальными преобразованиями в нескольких странах Дальнего Востока и тяготевшей к нему Юго-Восточной Азии.

Лидировали реформы в Японии. Об этой стране известно много, она добилась немалых успехов в развитии без серьезного воздействия на нее колониальных держав. Более того, сама стала колониальной державой, что и продемонстрировала в годы русско-японской войны в начале XX в., но тогда не была еще страной с либерально-демократическими стандартами. В ней задавали тон традиционные восточные нормы существования, которые хотя и несколько двинулись в сторону Запада, но продолжали быть окрашенными в при-

из стран вне Запада, кроме Республики Корея, Пакистан, Таиланд и Филиппины. И поэтому их, хотя и с некоторыми оговорками, можно считать причастными к блоку стран буржуазного Запада. Правда, Пакистан вышел из СЕАТО в 1973 г., но Таиланд и Филиппины оставались в ней до ее роспуска¹. Что касается Таиланда, то это государство после Второй мировой войны находилось под заметным влиянием со стороны США. Конституция 1946 г., как и глава правительства П. Сонграм, способствовали созданию в стране основ либеральной демократии с правами и свободами, с парламентарно-многопартийной политической борьбой.

На Филиппинах после войны влияние американцев было более сильным, нежели в Таиланде, а политика руководителей страны, опиравшихся на созданную американцами конституцию, более уверенной. Однако курс на укрепление фундамента либеральной демократии даже после прекращения деятельности боевых организаций прокоммунистического толка давал результаты не слишком быстро. *Итоговый вывод, однако, бесспорен и сводится к тому, что главное — создать надежный институциональный фундамент.* А фундаментом стала способствующая процветанию антично-буржуазная основа, которая, как известно, сводится к комплексу прав и свобод, демократических процедур и надежных гарантий гражданина в рамках не восточной структуры власти-собственности, а гражданского общества западного типа. При этом очень важную роль может играть местная цивилизационная традиция, которая не противоречит (что случается ныне с исламом, о котором должна идти речь особо и который сыграл свою роль в том, что препятствовало Индонезии тогда стать вровень с Таиландом) упомянутому комплексу.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Приоритет идейно-институционального фундамента не означает, что сначала — как при возведении обычного здания — создавался фундамент и лишь после этого возводился корпус строения. Это не так. Фундамент порой воздвигался с трудом и большими сложно-

---

¹ Существенно иметь в виду, что после прекращения существования СЕАТО все эти три страны вошли в состав *неприсоединившихся* стран, т.е. тех, что не входили ни в какой из военных союзов.

стями, что зависело от множества конкретных обстоятельств и случайностей, играющих колоссальную роль в историческом процессе вообще и в истории каждой социополитической общности в частности. Но, фиксируя приоритет фундамента, не следует забывать, что параллельно с его созданием и усовершенствованием — именно параллельно, быть может лишь с некоторым отставанием, — шел процесс экономических и социальных преобразований, активной модернизации, в ряде случаев и прежде всего по отношению к странам вне Запада, в форме вестернизации¹. Обратим внимание на основные его закономерности в государствах, которые с первых послевоенных десятилетий прочно вошли в состав западного блока стран.

Речь пойдет о реформах, занявших несколько десятилетий. Они очень разные, и каждая из них заслуживает специального внимания. Тем более что, вынужденно следуя одна за другой и растянутые во времени, они по мере их реализации энергично способствовали формированию в экономической и социальной жизни обществ западного типа некоторого нового качества, способствовавшего достижению конечной цели, т.е. постоянному росту благосостояния, должному обеспечению безопасности и максимально высшей степени интеграции. Оставляя детали экономической политики и ее реализации в разных странах Запада для рассмотрения их в последующих главах, обратимся пока к основному, к генеральным принципам, которые обеспечили успех реконструкции экономики Запада и породившие те *чудеса*, о которых вскользь уже упоминалось.

Основой успехов было активное вмешательство США в дела послевоенной Западной Европы, значительная часть которой лежала в руинах. Участие США сводилось не только к плану Маршалла, хотя его вклад был особенно велик, ибо хорошо продуманные и обсужденные с западноевропейскими странами расчеты обеспечили выживание и быстрый расцвет обновлявшейся экономики. План, о котором идет речь, в немалой мере опирался на Бреттон-Вудское соглашение 1944 г., когда были созданы Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд, а доллар с твердо фиксированным золотым его содержанием стал основой для крепкой и устойчивой мировой валютной системы. Кроме того, американская помощь была обеспечена не только суммой, вначале всего примерно в 12–13 млрд долларов, но и новейшим американским техниче-

---

¹ См.: *Васильев Л. С.* Модернизация как исторический феномен. М., 2011, гл. 4.

ским оборудованием послевоенного времени, крупномасштабными поставками продовольствия и товаров массового народного потребления. Это значило, что странам Европы — а план предлагался для всего субконтинента, исключая разве что Испанию, — предоставлялась хорошая возможность восстанавливать разрушенное войной хозяйство в весьма благоприятных для этого условиях. И вся Европа (страны коммунистического блока отказались от американской помощи) с энтузиазмом принялась за дело, добившись за четыре года, 1948–1951, на которые план в основном и был рассчитан, потрясающих успехов.

Надо сказать, что заметный вклад в достижение этих успехов был внесен как реформами в каждой из стран, так и шагами, предпринятыми с целью интеграции. Имеются в виду те соглашения, которые с конца 40-х гг. стали вести к сближению европейских стран в сфере экономики и во многих иных направлениях. Интеграция в Европе, где на протяжении веков в основном шли споры и войны за укрепление границ и защиту национальных интересов каждой страны, была, как упоминалось, делом очень не простым, постоянно наталкивавшимся на внутренние разногласия и раздоры. Но она была жизненно необходима и потому понемногу реализовывалась.

Все началось с соглашения 1947 г. о торговле и тарифах, предполагавшего снижение таможенных пошлин и облегчение торговых связей. Более важным было решение в 1951 г. Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга о создании *Европейского объединения угля и стали* (ЕОУС). А 5 мая 1949 г. в Лондоне представители правительств Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Италии, Дании, Ирландии, Люксембурга, Норвегии и Швеции создали *Совет Европы*, объединяющий ныне 47 стран, включая с 1996 г. и Россию. В 1957 г. члены ЕОУС создали *Европейское экономическое сообщество* (ЕЭС — обратим внимание, без Великобритании), а в 1959–1960 гг. возникла *Европейская ассоциация свободной торговли* (ЕАСТ), созданная уже по инициативе Англии. На основе этих объединений позже появился современный *Европейский союз с общеевропейским парламентом*, первые выборы в который состоялись в 1979 г.¹ Нельзя не отметить, что параллельно со всем этим шел процесс военно-политического объединения западноевропей-

¹ Не путать с ПАСЕ (Парламентская ассамблея Совета Европы), куда парламентами разных стран, членом СЕ, включая Россию, позже стали делегироваться небольшие группы депутатов. Как сначала в европарламенте, так и позже в ПАСЕ существовали и существуют фракции и комиссии.

ских и некоторых американских стран в рамках созданного в 1949 г. НАТО, а также стран со смешанно-переходным типом общества, активно воспринимавших стандарты Запада, в созданном в 1954 г. СЕАТО. Это, разумеется, было немаловажным достижением Запада в процессе его интеграции.

Очень важно учесть, что экономические достижения, включавшие упоминавшиеся уже *чудеса*, быстро сказались на росте уровня жизни и восстановлении той успешной социальной политики, основы которой были заложены в западных странах еще в XIX столетии. Используя накопленные навыки, опираясь на надежный институциональный фундамент, в более отсталых восточных странах формировавшийся с некоторым опозданием, все причастные к западному буржуазному стандарту государства стали отличаться завидными темпами экономического роста и соответственно заметным улучшением качества жизни населения. Это проявлялось во всем, от роста использования достижений современной индустрии и технико-технологических новаций в быту (жилище, автомобиль, хорошая пища и одежда, образование и здравоохранение и т.п.) до активного включения государственных учреждений в заботу о благосостоянии населения. И хотя и жизненные блага, и весомый патернализм органов опеки отнюдь не всегда распределялись справедливо, все же нельзя не обратить внимание на то, что целью официальных органов и частных фондов всегда была помощь слабым и нуждающимся, что и лежало в основе социальной политики западных государств.

Словом, имея в виду общую характеристику состояния западного мира в послевоенные десятилетия, нельзя не заметить главного. Оно в том, что на буржуазном Западе и особенно в неевропейских странах, приобщавшихся к этому стандарту, будь то южная часть Кореи, остров Тайвань или несколько задерживавшиеся в этом плане Таиланд или Филиппины, жизнь год от года становилась лучше, а уровень благосостояния населения постоянно и довольно серьезно возрастал. Стоит заметить, что в этом немалую роль играло и то, что во всех причастных к западному стандарту странах (не имея в виду те страны, где абсолютно преобладало европейское население), в том числе в Таиланде и на Филиппинах, играла роль китайско-конфуцианская традиция. Она достаточно гармонично вписывалась в тот же европейский стандарт, хотя при случае, о чем известно, легко сочеталась и с лозунгами коммунизма. Об этой могущей показаться странной, но заслуживающей специального внимания особенности

дальневосточной традиции, привычно-прагматично склонной заимствовать иноземные стандарты, еще будет идти речь, так как это немаловажное обстоятельство существенно принять к сведению.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Теперь обратим внимание на контакты политического характера между странами Запада, как и на попытки урегулировать спорные проблемы либо содействовать смягчению конфронтации коммунистического и либерального блоков. Что касается основных политических связей Запада, то они обычно ограничивались созданием уже упоминавшихся военно-оборонительных союзов и активной поддержкой сильными государствами, прежде всего США, тех стран, которые находились в опасности и нуждались в помощи. Это касалось, в частности, Японии, южной части Кореи и Тайваня, в некоторой степени также и Филиппин. Нельзя обойти и войну во Вьетнаме, которую долго и без успеха вела Франция. Она завершилась в 1954 г., вскоре после окончания корейской войны, переговорами в Женеве, в результате которых бывшая колония была на некоторое время разделена, как несколько ранее Корея, на две части.

США лидировали в процессе создания защитной преграды перед активным наступлением коммунистов в разных частях мира. Сперва это была политика сдерживания, затем открытый курс на содействие освобождению стран, оказавшихся под властью коммунистов. То и другое стали основой их внешней политики в 50-х гг., в годы президентства Д. Эйзенхауэра (1952–1960). Реализовывавший эту политику и во многом бывший ее инициатором государственный секретарь Д. Ф. Даллес активно усиливал давление на СССР. Считается, что с его подачи президент в 1954 г. изложил знаменитую в то время *теорию домино*, согласно которой нельзя уступать коммунизму нигде, ибо одна уступка повлечет за собой серию проигрышей подобно тому, как костяшки домино, поставленные на узкое ребро в ряд, упадут одна за другой, если наклонить первую из них.

Приход в СССР к власти Хрущева породил некоторые надежды на существенные перемены в коммунистических странах и их политике. Никто, конечно, не рассчитывал на то, что это произойдет мгновенно. Но жесткие новации Даллеса в 1954 г. были косвенно направлены на то, чтобы ускорить их. В 1955 г. встреча в Женеве глав

трех западных держав с Хрущевым призвана была сделать шаг в этом направлении. Однако существенных результатов достичь не удалось. Переговоры показали, что надежды на перемены в политике коммунистического блока не оправдываются. А вооруженный конфликт в Египте в 1956 г., вызванный решением президента Г. А. Насера национализировать Суэцкий канал, что получило полную поддержку со стороны СССР, поставил окончательную точку на этом. Более того, он привел к росту в ближневосточном регионе напряженности, центром которой оказался Израиль. Позиции блоков четко определились. Все стало на привычные места, надежды на оттепель не оправдались, разрядки ожидать не приходилось. Правда, в 1959 г. Эйзенхауэр предпринял было попытку наладить отношения с СССР. В Москве, в Сокольниках, была открыта первая американская выставка, привлекающая огромное внимание. Советскую столицу в связи с этим посетил вице-президент Р. Никсон, а осенью на заседание Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорк прибыл Хрущев, который тогда встретился с Эйзенхауэром в его резиденции в Кэмп-Дэвиде. Но все эти шаги были перечеркнуты досадной случайностью.

Весной 1960 г. американский разведывательный самолет был сбит ракетой над территорией СССР. Оправдания правительства США лишь усугубили скандал, поставив президента в неудобное положение. Визит Эйзенхауэра в СССР был отменен. Это означало, что похоронены последние надежды на разрядку. Более того, конфронтация возрастала, а отношения между Западом и различными коммунистическими движениями вновь приняли характер широкомасштабных вооруженных столкновений. В 1961 г. неудача постигла Запад в связи с попыткой вторжения полутора тысяч антикоммунистически настроенных кубинцев на Кубу, только что ставшую коммунистическим государством (вторжение официально не было поддержано США). Все это, как затем и обострение взаимоотношений в Европе в связи с кризисом 1961 года и возведением стены в Берлине, тоже сыграло немалую роль. Речь не только об обострении международной обстановки, но и о решении СССР пойти на конфликт, чреватый войной (Карибский кризис 1962 г.). В общем, дело шло к резкому возрастанию напряженности в мире.

Напряженность росла в разных частях планеты. В начале 60-х гг. стало очевидным, что центр конфронтации, некогда бывший в Корее, затем на небольшое время переместившийся в регион Ближнего Востока, а также проявивший себя в Берлине и на Кубе, оказался в конечном счете далеко от этих мест, во Вьетнаме, где США

были вынуждены взять на себя защиту теперь уже этой страны от наступления коммунистов. И здесь американцев ожидала первая за послевоенные годы самая серьезная военно-политическая неудача, даже в общем-то позорное поражение. Партизанское движение юга, поддержанное коммунистами вьетнамского севера при активной помощи со стороны КНР (поток военных советников, добровольцев и вооружения с севера по тропе Хо Ши Мина, пролежавшей в джунглях на границе с Лаосом, не прекращался и не мог быть остановлен американцами на протяжении нескольких лет), привело к тому, что США, вначале лишь пытавшиеся поддержать Южный Вьетнам в его сопротивлении коммунистическому натиску, в 1964 г., уже при президенте Л. Джонсоне, сменившем трагически погибшего Д. Кеннеди, были вынуждены активно вмешаться в боевые действия. Это вмешательство, подкрепленное санкцией американского конгресса, началось в 1964 г. и продолжалось при поддержке союзников (Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины) до 1975 года, когда война была полностью проиграна.

СИЛА И СЛАБОСТЬ БУРЖУАЗНОГО ЗАПАДА

Поражение во Вьетнаме было суровым уроком не столько для США, хотя в Америке оно было воспринято с наибольшим и постоянно нараставшим возмущением этой войной, сколько для всего Запада. И это вполне понятно. Для открытого гражданского общества поражение в борьбе со страной, где большинство населения сражается не с представителями альтернативной идеологии, как то может показаться, а с чужаками-агрессорами, оказалось трагедией. В этом, если рассуждать всерьез, таились и сила, и слабость буржуазного либерально-демократического Запада. Слабость выходила на передний план. Она была в том, что общество страны, вынужденной взять на себя в весьма сложной обстановке (имеются в виду поражение Франции, раздел Вьетнама и натиск коммунистов на южную его часть, следствием чего стал подъем партизанского движения, переросшего в общенародную войну) функции агрессора, не молчало. Оно протестовало, не желая поддерживать *грязную* войну, как ее многие в США в то время называли. И хотя в этих протестах было больше эмоций, нежели резонов, они, тем не менее, стали фактом. И никто в этой стране не в состоянии был закрыть рот протестующему меньшинству, даже если незначительность его оказывалась оче-

видной. В этом проявлялась великая сила подлинной демократии. Открытость Запада тем и отличается от тоталитарного режима, где все с туго заткнутыми ртами единодушно поддерживают позицию власти. Казалось бы — особенно на примере Вьетнама, — эта сила не слишком велика. Вьетнам был для Запада потерян, и в США долго не прекращались по этому поводу публичные осуждения и переживания. Но на самом деле все было совсем не так просто.

На деле то, что было продемонстрировано Америкой в годы вьетнамской трагедии, символизировало силу демократии. И такая сила была ей присуща по меньшей мере со второй половины XIX столетия, с эпохи триумфа западной буржуазии со всеми ее индустриальными преобразованиями и распространением достижений новейшей техники и технологии по миру. Речь не только об открытиях и изобретениях, резко изменивших жизнь людей во всем мире. Гораздо важнее то, что открытое общество всегда стояло на страже интересов не только большинства, но и любых меньшинств. И это, в общем-то, не секрет. Вспомним Маркса в Лондоне, где он спокойно мог писать и публиковать книги, звавшие к насильственному уничтожению буржуазии и к диктатуре **в противовес той самой демократии, которая позволяла ему делать это.** В этом наглядно проявлялись потенции новой структуры, которая строго стояла на страже прав и свобод человека и гражданина.

XX век с его войнами внес немало нового и неожиданного в этот процесс. Он противопоставил открытому обществу прежнее закрытое, причем на сей раз захлопнув его герметически. Режимам, склонным к прежней структуре или хотя бы частично связанным с ней, будь эти режимы тоталитарными или авторитарно-диктаторскими, объективно была предоставлены огромные и казавшиеся прежде недопустимыми возможности. Они заключались в том, что потенциальные противники могли использовать достижения буржуазных преобразований для того, чтобы задушить права и свободы своих граждан во имя интересов власти, нуждающейся в единомыслии подданных (*купим у буржуев веревку, на которой их и повесим*, — не стесняясь, цинично рассуждал Ленин). И это неблагоприятное для ослабевавшего европейского Запада стечение обстоятельств создавало ситуацию, при которой мобилизационная активность жесткой централизованной власти оказывалась на первый взгляд и порой на значительное время достаточной компенсацией отсутствовавшего в таких странах буржуазного идейно-институционального фундамента. В этом тоже была слабость либеральной буржуазии с ее правами

и свободами, дававшими в руки радикального меньшинства или соседней страны полную возможность беспардонно использовать права и свободы в деструктивных целях.

Результаты говорят сами за себя. Одна мировая война родила большевизм, причем вслед за этим и в немалой мере с оглядкой на большевиков в Европе появились фашизм и нацизм и, в качестве заключительного аккорда, пришла еще одна такая же война, которая явно во всех отношениях оказалась более страшной по сравнению с первой. Казалось бы, мир в этой ситуации был почти обречен на возврат к структуре власти-собственности, опирающейся на отобранную у населения собственность, т.е. власти в ее наихудшем, самом тяжелом для населения марксистско-коммунистическом варианте. Но, как то ни парадоксально звучит, именно проявленная в связи с этим слабость — она же сила буржуазной либеральной демократии — в конечном счете вышла победителем. Правда, не сразу и не слишком легко. Были и поражения типа вьетнамского. Но стоит принять во внимание всю совокупность позиций и все недостатки и преимущества противостоявших друг другу блоков. Если этого не учесть, не будут достаточно ясны причины, не только заставившие западный мир во второй половине XX в. сделать ставку на организацию оборонительных союзов и на тесно с ней связанную интеграцию, но и повлекшие за собой несомненные достижения во всем этом. Имеется в виду преодоление комплексов вчерашнего дня, которые создавали ситуацию вражды европейских стран друг с другом. Ситуацию, уже неприемлемую для стран Запада.

Напоминание об этом важно не только потому, что оно объясняет причины акцента западного мира на интеграцию с повышенным вниманием на единую европейскую военную программу. Существенно понять, что страны, еще недавно выше всего ценившие свои национальные интересы, не случайно изменили ориентацию. Они не то чтобы вовсе от этих интересов отказались, но сознательно решили, лучше даже выразиться осторожнее, согласились отодвинуть их на второй план во имя безопасности. И потому интеграция, ставшая во второй половине XX столетия самой главной силой буржуазно-демократического мира, вышла на авансцену истории. Она стала суровым напоминанием о том, к чему ведет слабость, которую можно использовать в интересах тоталитарных либо авторитарно-деспотических режимов.

Понятно и естественно, что все подобного рода соображения оказались в послевоенном мире наиболее актуальными не в США с их

колоссальными во многих отношениях преимуществами, а именно в ослабленной войне Западной Европе. Издревле расчлененная на сравнительно небольшие и часто соперничавшие государства с их выраженной тенденцией к высоко ценимому приоритету национальных интересов, она сильно изменилась. Эта очень важная, принципиальная перемена, которой специалисты не всегда уделяют должное внимание, очень существенна. Она позволяет многое понять и соответствующим образом оценить. При этом имеется в виду не только само по себе стремление к интеграции, но и причины, по которым наиболее крупные страны Западной Европы время от времени, начиная с Франции в годы правления де Голля, то и дело пытались параллельно с интеграцией как бы все-таки несколько обособиться. Эта позиция, которая свидетельствует о неоднозначной сложности ситуации, как о национальной памяти, так и о тенденции к интеграции, строго соответствовала интересам всех западноевропейских стран. Сила и слабость буржуазного Запада на примере Европы наиболее заметны, так что баланс всегда приходилось и все еще приходится искать именно им, а не США, у которых с этим все более или менее благополучно.

Но, оставив вопрос о слабости и о драматическом ее использовании в сравнительно недавнем прошлом, обратимся снова к силе буржуазного Запада. Она в середине XX в. возродилась почти из пепла. И сегодня никто и ничто не может — и, надо полагать, несмотря ни на что, никогда не сможет — поставить ее под сомнение. Мощь ее в том самом балансе, который в жизни человеческого общества всегда играл, играет и будет играть огромную роль. В процессе выхода на авансцену истории либеральной демократии кое-кому могло казаться — и так интерпретировал ситуацию, в частности, марксизм, — что всем заправляют в своих корыстных интересах буржуа, а государство им служит. Нет слов, такое случается там, где процесс становления буржуазного стандарта не завершен. Но со временем западный мир доказал, что в странах вроде бы своекорыстных буржуа государство твердо взяло в руки вожжи социальной политики и, взимая налоги с высоких доходов, стало вести курс на создание в либерально-демократических обществах ситуации разумного баланса, что благотворно сказывается на благосостоянии подавляющего большинства населения. В этом несомненная сила современного буржуазного Запада, с чем едва ли кто-нибудь станет сегодня спорить.

Словом, далеко не все в мире решается просто. Иногда цель достигается с трудом и ценой немалых жертв. Вопрос лишь в том, кто и

за что воюет, к чему приводит и может привести победа одной либо другой стороны. В этом смысле стоит заметить, что и в отечественной историографии за последние годы кое-что меняется. Долгое время, например, принято было считать, что послевоенная политика западного мира агрессивна и потому ее следует именовать *империалистической*. Ныне оценки много более сдержанные. И это вполне справедливо. Время все расставляет на свои места. Анализ процессов полувековой давности с позиций сегодняшнего дня убедительно свидетельствует о том, что набравшая силу и шедшая по пути процветания буржуазная либеральная демократия кое-чего достигла. С середины XX века она вновь твердо вступила на путь экономического и социального триумфа, который был характерен для нее веком ранее, вплоть до мрачных событий первой половины XX столетия. И хотя далеко не все шло гладко, а мощный коммунистический блок вплоть до конца холодной войны противостоял ей, чем дальше, тем заметнее становились не столько различия в особенностях пути обеих коалиций, сколько разница в успехах движения по избранному пути. Социалистический блок даже после смерти вождя демонстрировал свою мощь только в том, что касалось военной силы и средств вооружения. Впечатляющие успехи в космосе были проявлением этой мощи, прежде всего ракетной. А во всем остальном он чем дальше, тем больше отставал от Запада, что и завершилось для него неожиданным и позорным крахом.

И учитывая все это, ставшее реальностью не в результате мифических предсказаний профессиональных революционеров, а вследствие глубоко продуманной, хотя и не сразу ставшей стопроцентно возможной политики буржуазных государств, мы и обратимся теперь к повествованию об отдельных странах буржуазного Запада. Речь пойдет о событиях в этих странах в послевоенные десятилетия, в основном в годы холодной войны, продолжавшейся до крушения СССР и развала коммунистического блока.

Глава вторая. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

С первых послевоенных лет Америке и всему миру стало совершенно ясно, что долгое время сохранявшаяся и даже тщательно лелеемая приверженность доктрине Монро ушла в США в прошлое. Наученная горьким опытом Перл-Харбора, политическая элита страны, а за ней и все весьма могущественное общественное мнение

сверхдержавы осознали, что, как говорят французы, *noblisse oblige*, положение обязывает. Это означало, что в сложившейся в мире политической, да и любой другой ситуации, начиная с жесткого идеологического противостояния, американцы не только больше не могут позволить себе стоять в стороне от событий вне Нового Света, но напротив, обязаны активно включиться и даже стать ведущим началом в этих событиях. Следует заметить, что они — вопреки многочисленным соответствующим упрекам в их адрес — к этому не очень стремились. Больше того, ничего не выгадывали. Напротив, многое вынуждены были отдавать, если не совсем безвозмездно, то не рассчитывая на щедрую отдачу. Но идти на риск войны, особенно такой, когда на карту будет поставлено все, даже существование человечества, т.е. их самих, они не были намерены. И именно это во многом, если даже не главным образом объясняет всю их активную политику в послевоенные десятилетия.

Конец 40-х гг. наглядно продемонстрировал отказ США от доктрины Монро и их решение вмешаться в дела не только Дальнего Востока (там США с 1945 г. в качестве главной воюющей страны осуществляли свою миссию демократической перестройки Японии, южной части Кореи и оторвавшегося от КНР гоминьдановского Тайваня), но и всего мира. В том же духе активного противостояния коммунизму следует воспринимать и кампанию, получившую название маккартизма от имени сенатора, который возглавил борьбу с влиянием коммунистов в государственных учреждениях и разных иных организациях страны. За немногие годы в этих направлениях — как внутри страны, так и вне ее пределов — были достигнуты ощутимые результаты. Одним из них стало то, что президент Г. Трумэн обозначил главного послевоенного соперника и, в сущности, противника Америки. **Этим противником был коммунизм**, блок восточноевропейских стран (Китай, который мог бы считаться союзником СССР и с чьими войсками сражались американские солдаты в Корее, пока формально оставался в стороне).

В отечественной историографии привыкли осуждать США за такой курс их президентов. Можно понять тех, кто был недоволен антисоветизмом в США (как, впрочем, и тех, кому не нравился антиамериканизм в СССР или в России). Много лучше, когда дело идет в сторону дружбы народов. Но если не игнорировать факты, а руководствоваться тем, о чем они свидетельствуют, то окажется, что антикоммунизм политики Трумэна был столь же естественен и закономерен, как и антиамериканизм в коммунистической пропаганде

СССР. Послевоенный мир был разделен на два враждующих блока, причем это не было инициативой Запада, как не была его инициативой проба сил в Корее. Об этом стоит помнить, ибо, как свидетельствуют факты, не либеральной демократии, а агрессивной политике тоталитарных режимов изначально свойственна экспансия, имеющая обыкновение перерастать при удобном случае в империалистическую агрессию.

Больше того. Известно, в частности, что США вскоре после мировой войны демобилизовали свою армию. По некоторым данным, пять, если не больше миллионов военнослужащих в 1947 г. возвратились домой, причем были приняты законодательные акты, которые сводились к обеспечению всех возвратившихся работой и необходимой помощью. И только в связи с необходимостью вести войну в Корее около миллиона американских солдат вновь были посланы за океан. Затем то же повторилось во Вьетнаме. Но характерно, что от своих заново — после фактического отказа от доктрины Монро — свалившихся на них забот, оплачивавшихся кровью многих десятков тысяч солдат, США не обретали выгоды. Они не присоединяли к себе и не стремились закабалить другие страны и народы. Главное, за что они сражались, было стремление не дать распространиться по миру бацилле коммунизма. Правда, в ходе борьбы за это гибли сотни тысяч, если не миллионы жителей других стран, особенно во Вьетнаме, где широко использовался выжигавший все напалм. И этому, с точки зрения гуманности, нет оправданий. Но не стоит забывать и о предельной жесткости тоталитарных режимов, которые часто позволяли себе все ради достижения цели. На войне как на войне — таков, увы, непреложный закон жизни.

УСПЕХИ В ЭКОНОМИКЕ И СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

США в первые послевоенные десятилетия занимались отнюдь не только войнами. Их экономика, которая после депрессии 30-х гг. престала быть объектом государственных забот, еще до войны превратилась почти исключительно в дело частных собственников-предпринимателей. А во время войны с ее официальными заказами — имеются в виду различные виды вооружения и иные нужные для страны ресурсы — и после войны, когда в нее влились многие

миллионы демобилизованных воинов, она продолжала процветать. В отличие от подвергавшейся разрушениям Европы ее ничто в этом смысле не затронуло. А спрос на американскую продукцию, особенно на все то, что было связано с поставками по ленд-лизу и относилось к гарантированно оплачиваемому государственному заказу, неуклонно рос и способствовал как совершенствованию производства с постоянным и обязательным в условиях конкуренции обновлением оборудования, так и росту производительности труда и ВВП. Вообще говорить об организации производства в Америке почти равносильно исполнению восхваляющего гимна. Никто лучше американцев с этим делом не справлялся и не справляется вот уже не менее столетия. И надо отдать справедливость представителям высшей власти, от них при этом — несмотря на отсутствие в их распоряжении орудий и средств производства — очень многое зависело.

Война едва успела закончиться, как Г. Трумэн обратился к конгрессу с предложением о политике справедливого социального курса. Этот курс предусматривал массовое жилищное строительство (около 800 тысяч домов, в основном для малообеспеченного населения, было построено за годы его правления), существенное, с 50 до 75 центов за час, повышение уровня минимальной заработной платы и государственное субсидирование многих нуждающихся — число их примерно равнялось 10 млн, от больных и лиц пенсионного возраста до получающих образование учащихся. Можно прибавить к этому политику борьбы с расовым неравенством и вето на ограничивавший некоторые права профсоюзов закон Тафта-Хартли (этот закон прошел лишь после вторичного подтверждения его конгрессом). В итоге станет понятным, почему президент Джонсон назвал Трумэна «великаном XX века».

При Эйзенхауэре темпы экономического роста несколько сократились, причем есть основания считать, что это было связано с попытками вернуться к государственному регулированию экономики вследствие весьма заметных кризисных явлений. Однако эти явления оказались не очень существенными, и в начале 60-х гг. при Д. Кеннеди были заметно увеличены государственные расходы на строительство дешевого жилья, предусмотрены новые налоговые льготы предпринимателям для увеличения объема инвестиций, а минимум почасовой платы возрос до 1 доллара 25 центов. Вслед за тем президент Джонсон, объявивший о стремлении создать *великое общество*, в 1964–1965 гг. увеличил почасовую зарплату до 1,6 доллара и провел закон о помощи малоимущим и о медицинском стра-

ховании пенсионеров. В годы правления Р. Никсона в США продолжали увеличиваться ассигнования на социальные нужды, а в 1975 г., уже при Д. Форде, в стране было решено автоматически повышать пенсии и пособия в зависимости от увеличения стоимости жизни. Минимум зарплаты возрос до 2,3 доллара в час (при Д. Картере в 1977 г. до 3,35). Львиная доля бюджетных ассигнований — до 40% — стала идти не на военные траты, в чем наш народ постоянно и очень упорно уверяли штатные пропагандисты, а именно на разного рода социальные программы.

Пропагандистов можно понять. В странах коммунистического блока все было не так. Оставался не вполне ясным вопрос, откуда же американцы, даже учитывая возрастание бюджетного дефицита и привычку жить в долг, брали такие деньги. И на это можно было бы дать лишь один правдивый ответ: частная собственность и поощряемое властями предпринимательство в разумно организованном либерально-демократическом обществе западного типа способны на многое. Понятно, что деньги появлялись отнюдь не в ходе ускоренной работы государственного печатного станка. Они доставались обществу немалыми стараниями, благодаря неуклонному постоянному повышению производительности труда на регулярно обновлявшемся промышленном оборудовании. Темпы годового экономического роста были высокими, достигая на рубеже 50–60-х гг. 5–6% в год. Это вело к тому, что реальная зарплата рабочего с 1945 по 1970 г. выросла на 50%, а рабочая неделя сократилась на 10%.

Американское оборудование поставлялось и в страны Европы в ходе реализации плана Маршалла. Таким образом, роль США в ускоренном восстановлении послевоенной Европы, как стран-победителей, так и побежденных, в этом смысле, особенно вспоминая о западных «чудесах», трудно переоценить. Но, пожалуй, лучше всего все сказанное станет ясным, если хотя бы вкратце остановиться на достижениях американской науки и техники. 60-е годы были для США в этом плане периодом уникального во многих отношениях взлета. Америка перестраивалась, выходя на новый уровень постиндустриального развития, расцвета невиданных прежде возможностей электроники, которая развивалась прежде всего и главным образом в этой стране. Именно теперь здесь началась научно-техническая революция, сперва в сфере создания уникальных ЭВМ, а затем и в массовой компьютеризации, но также и в генной инженерии, в создании новейших искусственных материалов, в биотехнологии. А параллельно с высочайшим уровнем современной техники

развивалась могучая система университетов, становившихся, наряду с научными центрами в крупных формах, источником новых технологических достижений и научно-технических открытий.

Целью производства в этот период постепенно оказывались не миллионы тонн угля или металла, не громоздкие сооружения и средства доставки, но тонкие и необычайно сложные приборы и сделанные на молекулярном уровне разнообразные изделия. Эта эпоха была отмечена, помимо прочего, изменением форм организации крупномасштабного производства. Имеется в виду не только глобализация как расширение системы связей крупных фирм с сотрудничающими с ними странами, поставляющими, скажем, сырье либо топливо. Гораздо большую роль начали играть такие формы организации экономического сотрудничества, как транснациональные корпорации (ТНК), которые представляют собой гигантские многонациональные фирмы, выходящие на мировой рынок, сбывающие свои товары во всем мире и, кроме всего, представленные в разных странах дочерними филиалами и сотрудниками либо акционерами из числа граждан различных государств. Выход на авансцену экономики мира ТНК означал многое, ибо продукты таких могущественных фирм объективно не только уравнивали, но и сближали между собой если не все, то многие страны. А приоритет в этом плане США тоже немало значил, так как хозяйство этой страны было в мире ведущим и задавало тон в процессе экономического роста.

Стоит заметить, что параллельно с экономическим ростом и развитием науки и техники постиндустриального периода менялось и все западное общество. И очень важно учесть, что изменяться оно начинало опять-таки с бесспорно лидировавшей Америки. Буржуа и рабочие переставали быть чем-то вроде марксистских *антагонистических* классов. На смену этому и в прошлом-то весьма приближительному, скорей даже неверному членению общества приходило совсем иное, учитывавшее исторически складывавшееся преобладание в странах Запада среднего класса. Статистика США уверенно начинала делить общество то на пять частей-квint (20% населения в каждой) с различным годовым доходом, то по-прежнему лишь на три части, высшую, среднюю и низшую. При этом обращалось внимание на то, что в период 1930–1970 гг. росло благосостояние преимущественно низшей и средней его частей. Позже эти изменения стали менее значимыми, а конфигурация общества устоялась. В конце XX в. верхняя часть населения страны, 10% его, имела годовой доход

свыше 100 тысяч долларов, средняя, около 60%, от 25 до 100 тысяч, а нижняя, 30%, менее 25 тысяч. И именно для помощи низшей части постоянно предназначалась наибольшая часть государственных ассигнований на социальные нужды.

ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Легко понять, что все экономические и социальные сдвиги происходили в стране на фоне подчас очень не легких споров и совсем не простых решений в сфере внутренней политики. Можно сказать и решительней: инициативы многих президентов, как и членов конгресса, были направлены именно на то, чтобы в этой сфере все обстояло максимально благополучно, шло к лучшему и тем позволяло бы позитивно решать электоральные проблемы. Быть может, в нашей стране, где все было организовано иначе, а электоральная поддержка власти обеспечивалась совсем иными способами, а то и не принималась во внимание вообще, такого рода ситуацию трудно уловить и усвоить, а кое-кто из-за своего антиамериканизма вообще этого не в состоянии понять, принять в расчет. Но в США в XX столетии и тем более в послевоенные десятилетия дела обстояли и все еще обстоят именно так. Поэтому вопрос следует ставить несколько иначе. Что побуждало и должно было побуждать политиков вести дело к увеличению ассигнований на социальные нужды, а население голосовать в пользу именно этих политиков и соответствующей партии?

Разумеется, в первую очередь почти всегда имелись в виду те решения, которые, на взгляд большинства, вели к росту его благосостояния. Это было важнейшим стимулом и потому в политике любой администрации — за редкими рискованными исключениями, принимавшимися в трудные для страны моменты, как то случилось в начале правления президента Рейгана, — стояло на первом месте. Отсюда разнообразные программы *справедливого курса, новых рубежей, великого общества, борьбы с бедностью* и т.п. Причем все такие программы никогда не были и просто не могут быть пустым звуком либо набором обещаний что-либо сделать к какому-то сроку, отстоящему от сегодняшнего дня на десятилетия. Напротив, каждый обещающий хорошо сознает, что его выбирают только на 4 года и что он либо сделает обещанное, либо уйдет с немалым ущербом для него и выдвигавшей его партии.

Но, учитывая сказанное, не следует полагать, что абсолютно все в стране делалось и делается в угоду большинства. Напротив, как правило, всегда принимались и принимаются во внимание и интересы меньшинства, даже разных меньшинств. Вообще настоящая политика — а это то, к чему у нас не очень привыкли, — дело сложное и предполагающее учет множества различных факторов, причем не только профессионалами, коих в США всегда было и остается весьма много, но и разными группами населения с их порой очень не сходными интересами. И именно для этого, для выяснения этих интересов, выборы проводятся в США каждые два года (раз в четыре года президентские, а в промежутке еще и местные, и парламентские).

Это важно для того, чтобы власть и претенденты на власть держали руку на пульсе общества и ничего не упустили бы из сигналов, которые подают различные слои и группы населения. Если же прислушаться к тому, чего хотят люди, то окажется, что хотят они очень многого и к тому же обычно весьма не одинакового. А для того, чтобы разобраться в такой разнообразии и не слишком сильно ошибиться, нужно тщательно изучать общественное мнение. И в США раньше и лучше, чем где-либо (институт Д. Гэллапа, прославившийся своими точными в этом смысле исследованиями, возник еще в 30-х гг.), это осознали и активнейшим образом реализовали. Прибавьте к этим строгим и тщательно разработанным социологическим штудиям с их бесспорно репрезентативными данными гигантскую машину американских массмедиа, с которой едва ли что-либо в состоянии сравниться, и вам станет ясным, откуда в США черпают сведения об американском электорате, его стремлениях, желаниях и потребностях. Обо всем электорате, включая разного рода экстравагантные его части, будь то воинствующие индейцы из какого-то штата, группы принявших ислам афроамериканцев, феминистки, гомосексуалисты и т.д. и т.п. Все известно, и те, для кого это является профессией, обязательно принимают ситуацию в целом во внимание. И делают это не скрытым образом в какой-либо конторе при администрации президента, а гласно и публично. В результате весь спектр мнений известен стране, которая тем самым влияет на принятие решений. Учитывается, разумеется, и ход избирательной кампании, чему на протяжении долгих месяцев перед очередными выборами обычно уделяется огромное внимание. Но что практически это означает?

Прежде всего то, что решения власти не формируются скрытно и не являются неожиданными. Что они не меняются по прихоти высшего лица, что каждый из администрации, кем бы он ни был, равен

любому другому гражданину страны и, как тот, отвечает за все свои действия по закону. А за соблюдение закона отвечает неподкупный суд. Кроме того, внимание к мнению гражданского общества с его поистине неисчислимым количеством разного рода партий, религиозных общин, иных объединений, союзов и групп, собраний по интересам, кружков, местных наблюдающих за деятельностью власти комитетов и т.д. и т.п. не только оправданно, но и необходимо. Это целая система, которая примерно с 60-х гг. получила в политологии наименование *политического участия* или *демократии участия*.

Термины эти, как и отражаемое ими понятие, чрезвычайно важны прежде всего потому, что фиксируют нечто новое во взаимоотношениях общества с властью. Это новое не является совсем необычным. Во многих своих позициях оно восходит к глубокой древности и прежде всего к античности. Но специфической его особенностью является то, что при принятии уполномоченными на то верхами решений следует руководствоваться не только и даже не столько мнениями и стремлениями большинства, но и тем, что волнует различного рода многие меньшинства, вплоть до маргиналов и радикалов. Это желательно и даже необходимо потому и для того, что все эти разнообразные мнения и стоящие за ними сравнительно небольшие группы граждан являют собой в совокупности систему жесткого **повседневного контроля за текущей деятельностью сильных и власть имущих**. И никто из этих последних в достаточно развитом демократическом обществе, о котором идет речь, не может рассчитывать на безнаказанность, если будет пренебрегать такого рода совокупностью разных мнений. Высоко уважаемый с античных времен на буржуазном Западе Закон (именно так, с заглавной буквы) и стоящие за ним разные процедуры, судебные и электоральные, бесстрашны и сразу же достигнут любого, кто посмеет это сделать.

Но строгие принципы рождают и не могут не порождать весьма серьезные проблемы. Этих проблем в США всегда, и особенно начиная с проблемы африканских рабов, решение которой совсем не кончилось с гражданской войной, было очень много. Много именно потому, что ни одна из них не скрывалась и не замалчивалась. Напротив, они сознательно выпячивались и обычно долго и дотошно обсуждались. И все-таки первой по значимости оставалась проблема дискриминации негров. Громко и всерьез поставил вопрос об обеспечении им равных прав Трумэн после демобилизации примерно миллиона чернокожих военнослужащих. И хотя в те годы еще время от времени в южных штатах бывали случаи линчевания негров, про-

блема явно сдвинулась с мертвой точки. Ассигнования для *борьбы с бедностью* имели отношение едва ли не в первую очередь именно к ним. В 1954 г. Верховный суд вынес специальное решение о недопустимости расовой сегрегации черных в системе образования. А знаменитый Мартин Лютер Кинг (1929–1968), проповедник и признанный глава негритянского движения против дискриминации, в 1955 г. выступил инициатором борьбы против сегрегации на общественном транспорте.

Возглавленные Кингом кампании — сидячие забастовки в южных штатах, марш 1963 г. на Вашингтон с энергичными требованиями и некоторые другие — сыграли большую роль в подъеме в стране движений мощного социального протеста. Спустя десятилетие в ходе радикальных социальных реформ президента Джонсона конгресс принял закон о недопустимости дискриминационных цензов в сфере избирательных прав. Это, в частности ценз грамотности, имело отношение именно к неграм. Примерно в то же время были приняты законы о запрете дискриминации при их приеме на работу и при обеспечении жилищами.

Стоит заметить, что бурный всплеск законодательных инициатив в пользу негров был в 60-х гг., как и вся политика Джонсона, отнюдь не случайным. Это был закономерный ответ на заметный рост протестных движений. Именно в это время заявили о себе экстремистские течения *черных пантер* и *черных мусульман*, которые проповедовали негритюд, антисемитизм и насильственные методы борьбы. Параллельно выдвигали свои социальные и иные требования феминистки, испаноязычные *латинос*, некоторые индейцы и даже боровшиеся за чистую среду экологи. Стоит обратить внимание на то, что только и именно с этого времени, с рубежа 60–70-х и особенно после убийства Кинга, слово «негры» стало в официальной и иной лексике вытесняться менее оскорбительным, как то стало считаться в США, понятием *черные*, а затем *афроамериканцы*. Существенно также иметь в виду, что набиравшее силу давнее движение феминисток, особенно характерное именно для США середины XX столетия (хотя началось оно намного раньше), задавало тон в решительном наступлении женщин ряда развитых стран за свои права, как реальные, так и подчас искусственно надуманные. Термин *гендер* появился в это время в качестве альтернативы понятию пол и акцентировал внимание именно на социальном статусе представителей обоих полов.

К числу массовых протестных движений, сыгравших серьезную роль в истории США, следует отнести и выступления против войны

во Вьетнаме, что помешало Джонсону стать президентом еще на один срок. А при сменившем его республиканце Р. Никсоне дали о себе знать первые успехи США в науке и технике постиндустриальной эпохи. В 1969 г. американцы Н. Армстронг и Э. Олдрин высадились на Луне и с успехом возвратились обратно. Но главным событием периода правления Никсона оказалось не это и даже не его визиты в Москву и Пекин. В памяти остался так называемый *уотергейтский скандал*, завершившийся под угрозой импичмента до того не встречавшейся в США отставкой президента. Скандал такого масштаба — точнее, столь умело раздутый и так дотошно рассмотренный, — оказался, во всяком случае стал возможным лишь там, где любой занимающий высшую должность гражданин ответственен перед законом за свои деяния. Даже за такие, которые на первый взгляд, особенно в тех странах, где подобными делами без стеснения занимаются едва ли не все причастные к власти, кажутся сущим пустяком. И это тоже специфика государства, где закон prevыше всего.

Суть скандала элементарна. Опасаясь осложнений в ходе предвыборной борьбы 1971 г. за следующий срок (1972–1976), семеро сотрудников аппарата администрации президента установили с его ведома подслушивающие устройства в гостинице Уотергейт, где был штаб демократической партии. Это случайно раскрыли. И хотя президент призвал не придавать значения *дурацкой* выходке его сотрудников, демократы начали судебное дело, в ходе которого соучастие Никсона в организации прослушивания было доказано, а документ передали в конгресс. Под угрозой импичмента Никсон в 1974 г. (дело рассматривалось долго) был вынужден уйти в отставку.

Важным элементом внутренней политики США следует считать то место, которое занимают в стране профсоюзы и политические партии. В начале XX в. в профсоюзы входила примерно половина рабочих страны. Но уже с 20-х гг. Национальная ассоциация промышленников стала активно протестовать против влияния профсоюзов, и лишь в годы депрессии при президенте Ф. Рузвельте закон обязал предпринимателей заключать коллективные договоры с профсоюзом, в который входит большинство рабочих на предприятии. Время, когда в США были сильны профсоюзы, относится к 30-м гг., к периоду Великой депрессии. Созданная в 1881 г. Американская федерация труда (АФТ) как объединенная и достаточно крепкая организация тред-юнионов долго лидировала в США. Только в 1935 г. из некоторых профсоюзов АФТ был создан Конгресс производственных профсоюзов (КПП), находившийся под влиянием левых.

В годы войны в связи с ростом в США влияния коммунистов обе профсоюзные организации почти сравнялись по значимости и роли в рабочем движении США. Однако само это движение, особенно после маккартизма, стало заметно слабеть. КПП сначала, в 1949 г., вышел из прокоммунистической Всемирной федерации профсоюзов, а в 1955 г. вновь воссоединился с АФТ (АФТ—КПП).

Примерно с этого времени не только в США, но и вообще на Западе роль и численность профсоюзных организаций начали уменьшаться. Если в середине века членами профсоюза были 30–35% рабочих, то к 1980 г. их осталось всего около 20%. Главная причина — рост достижений в сфере государственной социальной политики, которая на процветавшем Западе и, в частности, в США перехватила у профсоюзов основные их функции. Другая причина, сыгравшая особенно заметную роль именно в США, — это полная дискредитация и фактическая ликвидация компартий (их было несколько, но очень незначительных по числу членов и влиянию). Вообще, как о том убедительно свидетельствует политическая практика современной Америки, нужда в коммунистической демагогии, призывающей к светлому будущему с использованием массовых репрессий, с течением времени оказалась близкой к нулю. Впрочем, нечто в этом роде относится и к попыткам создавать какие-либо другие партии, которые были бы в состоянии вступить в конкуренцию с двумя ведущими. Никто таким попыткам никогда не мешал (исключение составляет разве преследование коммунистов на рубеже 40–50-х гг., да и оно было связано не столько с запретом коммунистической идеологии, сколько с ролью агентов СССР в добывании секретов атомной бомбы). Но американцы оказались вполне удовлетворены характерным и вполне удобным для них традиционным соперничеством двух партий.

США И ОСТАЛЬНОЙ МИР

Не задерживаясь сверх меры на описании специфики пути эволюции американского общества и тесно связанной с ним экономики с ее бурными темпами развития, следует обратиться к внешнеполитическим проблемам. Они, помимо уже отмеченного противостояния блоков и порой ведущихся американцами не слишком успешных войн в Корее и особенно во Вьетнаме, были весьма серьезными. Не секрет, что в послевоенном мире на долю США выпала роль главы

мировой буржуазной либеральной демократии. А это обязывало американцев, до того почти не прибегавших к вмешательству в дела всей планеты, к достаточно многому. Нужно было приспособиться, с чем американцы, в общем и целом, вполне справились. В первой главе, когда речь шла о Западе в целом, об этом уже говорилось. Не повторяясь, стоит теперь обратить внимание на то, как складывались отношения США с другими странами мира. А складывались они не просто, что и следовало ожидать.

Конечно, это выявилось не сразу. В тот момент, когда ядерная бомба была сброшена на Хиросиму, мир, включая СССР, с большим облегчением вздохнул. Интересующиеся могут поднять подшивку газеты «Правда» за август 1945 г. и с некоторым, быть может, удивлением зафиксировать, в сколь восторженных тонах это было воспринято в Москве. Тогда все выглядело совершенно иначе, нежели менее чем через год и тем более в последующие десятилетия. И, честно говоря, было чему радоваться. Берлин взят, русские солдаты в Германии братаются с американцами. Японии не остается ничего, кроме безоговорочной капитуляции. Мировая война наконец-то позади. А впереди — мир. Господи, какое счастье!

Не будучи склонным к патетике, пишу о том, что сам пережил и потому хорошо помню. И хотя воспоминания и тем более мемуары обычно особого доверия не заслуживают, поверьте, в этом случае все было именно так, причем почти везде, кроме разве что тех стран, которые испытали горечь поражения. Но ни США, ни СССР среди них не было. Обе страны были в числе победителей. И, что важно, отношение мира к ним было более чем благожелательным. И это никого не задевало. Однако так было не долго. Речь не только о вскоре сложившемся феномене резкого противостояния соперничающих и даже враждующих блоков, хотя это определило обстановку в мире на четыре с лишком десятилетия. Не менее существенным следует считать то, что и в мире вне обоих блоков (а этот мир неуклонно развивался и громко заявлял о себе), да и в самом блоке западных стран ситуация начинала меняться. Это сказалось и на отношении к лидирующим державам, в том числе и к США. Их возвышение в послевоенном мире не приветствовалось. В лучшем случае терпеливо сносились. И это в общем-то понятно.

Когда выше говорилось о силе и слабости буржуазного Запада, сказанное в наибольшей степени относилось именно к США. Казалось бы, сила и, в частности, индустриальная, научная, военная мощь этой сверхдержавы вне сомнений. Но право в либеральном

буржуазно-демократическом мире — а США можно считать его олицетворением — намного важнее грубой силы. И это значит, что силу в немалом количестве случаев можно выносить за скобки, тогда как право и связанные с ним проблемы выдвигать на передний план. Или, иначе, то, чего вне западного мира не могли себе позволить сателлиты по отношению к стоящей за их спиной сверхдержаве, вполне могли страны буржуазно-демократического Запада. Могли потому, что были соединены со сверхдержавой в рамках добровольного союза государств, равных во всех отношениях, в том числе и с позиций международного права. И в этой на первый взгляд слабости опять-таки большая внутренняя сила антично-буржуазной либерально-демократической, гражданско-правовой рыночно-частнособственнической суперструктуры Запада. О чем идет речь?

США, оказавшиеся в позиции благодетеля, быстро теряли престиж. Благодетелей и особенно могущественных покровителей, всех, кто богат и щедр, откровенно процветает, но по отношению к тебе реальной власти не имеет, мало кто любит. Вспомним Великобританию на пороге угасания ее могущества, в начале XX в., в годы англо-бурской войны, когда симпатии всего мира были на стороне буров, сражавшихся за независимость от имени режима, выступавшего за отношение к туземному населению как к рабам. Негры-рабы никем всерьез не воспринимались, а героизм буров вызывал восхищение. Англичане на этом многое теряли. Все-таки общественное мнение в эпоху массмедиа, зарождающуюся в начале XX столетия, немало стоило. С США в середине того же века дела обстояли примерно так же. Им были благодарны за помощь, как в годы войны по ленд-лизу, так и в суровое послевоенное время с планом Маршалла. Но едва страны Запада с их «чудесами» стали на ноги, как они вместо благодарности стали если не предъявлять претензии, то высказывать недовольство. Первым это сделал де Голль, уловивший в создании НАТО попытку навязать свободолюбивой великой Франции чье-то верховенство. Это привело его сначала к попытке соперничества за лидерство (высшие органы НАТО были расположены во Франции), а в 1966 г. к выходу из военного командования НАТО.

Затем, в 1969–1970 гг., проявил строптивость канцлер ФРГ социал-демократ В. Брандт, который счел за благо, вопреки противоборству блоков, сделать шаг навстречу СССР и странам Восточной Европы, что с настороженностью было воспринято в США. Но следует отдать должное президенту Никсону, не сделавшему из намечавшейся разрядки скандала. Напротив, он, особенно в связи с за-

вершением вьетнамской войны, счел за благо не только принять, но и возглавить политику детанта. Частично это было облегчено встречным стремлением к тому же Советского Союза эпохи Л. Брежнева. О визите Никсона, немало сделавшего в этом направлении, уже упоминалось. Можно добавить, что его преемник Д. Форд, следуя политике разрядки, в 1975 г. от имени США подписал в Хельсинки известный заключительный акт совещания по сотрудничеству и безопасности в Европе, под которым поставили подписи представители всех европейских государств, включая Ватикан, а также — кроме США — еще и Канады. Казалось, в Европе наметился путь к резкому сокращению уровня напряжения противостояния двух блоков. Но снова, как и во времена начала 60-х, приведших к Карибскому кризису, в дело вмешалась досадная случайность. На сей раз она была спровоцирована необдуманном решением советского руководства ввести в 1979 г. войска в Афганистан.

Обо всем том, что было связано с этим роковым для многих стран — не говоря уже о разрядке — шагом, последствия которого больно отдаются и на России, и на США вплоть до сегодняшнего дня, еще будет немало сказано. Пока же важно выделить самое главное. Афганский роковой просчет, как и некоторые другие серьезные проблемы внутривнутриполитического и, конечно, экономического характера, привел не только к крушению СССР и к концу существования биполярного мира, что можно считать выигрышем США, но и к перевороту в международной политике. На смену противостоянию блоков пришли совершенно иные проблемы, которые являются сегодня головной болью для всего мира, начиная с тех же США. Не касаясь до поры до времени этих больных проблем сегодняшнего дня, заключительную часть главы стоит посвятить успехам в период правления Рейгана и некоторым итоговым суждениям.

НАКАНУНЕ КРУШЕНИЯ БИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ

Довольно подробное описание событий, связанных с особенностями исторического пути главной страны и единственной сверхдержавы Запада в первые послевоенные десятилетия, отмеченные значительными успехами в поступательной эволюции и тем заложившие основу победы в историческом единоборстве двух блоков, дает основание для некоторых оптимистических выводов. Суть их

в том, что вторая половина века привела к концу режимы левого тоталитаризма (имеется в виду не только СССР) и таким образом без особых усилий со стороны западного блока стран позволила Западу одержать победу, имеющую гигантский геополитический смысл. Правда, террористический тоталитаризм не ушел окончательно с исторической сцены, ибо на смену двум типам тоталитарного режима, правому и левому, пришел новый, который трудно назвать режимом, но вред от которого, тем не менее, очень существен. Имеется в виду экстремизм немалой и жестокой части ревнителей ислама. Однако это уже особая тема, в основном имеющая отношение к периоду после окончания единоборства блоков. А вот что касается конца, заключительного периода холодной войны, то о нем следует сказать особо и достаточно обстоятельно.

Этот период в США совпал с правлением президентов Картера и Рейгана. Д. Картер пришел на смену незадачливому Форду, не сумевшему, несмотря на успехи 1975 г. — конец непопулярной вьетнамской войны, акт в Хельсинки, — ни разу победить на выборах (его неполный срок был за счет подавшего в отставку Никсона). Картер многое обещал, но тоже мало чего достиг. Во внутренней политике его начинания часто наталкивались на сопротивление конгресса, что было объективно обусловлено то инфляцией в редких для США — до 10% — размерах, то вынужденным сворачиванием в связи с этим социальных программ. Росла безработица, вызывавшая противодействие со стороны некоторых массовых организаций типа Американской ассоциации потребителей или аналогичной ассоциации пенсионеров.

Во внешней политике к числу успехов президента следует отнести соглашение 1979 г. между Израилем и Египтом и официальное признание КНР с одновременным прекращением дипломатических отношений с Тайванем, а также заключение договора с СССР об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). Но за это пришлось заплатить уступками в Латинской Америке, в частности возвращением в 1976 г. Панамского канала республике Панама, а также проигрышем в 1979 г. в Иране. Воодушевленные успехами в борьбе с нелюбимым шахом, о котором позаботились было в США, иранские студенты захватили американское посольство, а попытка с помощью десанта освободить заложников была по досадной случайности сорвана. Лишь после прихода к власти Рейгана в начале 1981 г. — смена президента была условием Ирана — всех посольских возвратили. Прибавьте к этому введение советских войск в Афганистан с ухуд-

шением отношений с СССР и запретом продажи ему товаров, имеющих отношение к достижениям науки и высокой технологии, да еще и бойкот Олимпиады в Москве в 1980 г. Все это ухудшало общую обстановку в мире.

Словом, нет ничего странного в том, что Картеру не удалось продлить срок пребывания в Белом доме, а его место занял республиканец Р. Рейган. Как то ни покажется странным, но не слишком известный киноактер оказался великолепным политическим деятелем. Пройдя через успешное испытание на посту губернатора Калифорнии, он легко победил, провозгласив свою готовность укреплять национальную безопасность. А придя к власти, бывший актер (не все уже об этом помнят) немало сделал. С именем и деятельностью Рейгана, которая выпала на годы начинавшегося крушения СССР, ассоциируется многое, в первую очередь усиление, в противовес СССР, США, которые быстро превращались в единственную мировую сверхдержаву. Это усиление оказалось тесно связанным с успешной деятельностью президента.

Казалось бы, начало этой деятельности не предвещало Рейгану с его социальной и экономической политикой, рейганомикой, ничего хорошего. Дефицит государственного бюджета не мог значительно сократиться в условиях роста ассигнований на военные нужды и сокращения подоходного налога с высоких доходов. Все это могло только негативно отразиться на уровне социальной защиты малоимущих слоев населения. А очередной, пусть даже не очень существенный экономический спад 1981 г. в сочетании с резко нараставшей экспансией японских автопромышленников с их более дешевыми автомобилями мог лишь ухудшить экономическую конъюнктуру. Однако уже с 1983 г. многое стало изменяться. Налоговая реформа и отказ от государственного вмешательства в экономику стали, даже в условиях некоторого ухудшения положения фермеров, давать результаты. Малый бизнес в США — это стоит запомнить, так как речь о многих миллионах предпринимателей, — был вообще освобожден от налогов. Распыление акций за счет появления большого количества различных фондов с паевыми накоплениями, участие в которых стало доступным для всех, вело к резкому возрастанию предпринимательской инициативы. Современные технологии быстро распространялись, тоже увеличивая доходность предприятий и усиливая их позиции в рыночной конкуренции. Объем инвестиций возрастал, а вместе с ним рос и ВВП, достигший в том же 1983 году 7,6% — уровень, равного которому Америка давно уже не видела.

В стране явно намечался не просто очередной экономический подъем, но бурный рост постиндустриальной техники и технологии. Наступала эра компьютеров, формировалась сеть сотовой связи с массовым использованием невиданных прежде мобильных телефонов. Резко изменялся весь облик рынка труда. Все большую роль начинала играть сфера услуг, в которую было вовлечено уже от двух третей до трех четвертей работающих. Интернет как феномен и информатика как чуть ли не основная ценность экономики и современной технологии вышли на передний план и начали свое победоносное шествие сначала по Америке, а затем и по всему миру. Происходила существенная перегруппировка рынков и товарного хозяйства. В США почти вся легкая промышленность была без особых сожалений уступлена дешевым, но качественно постоянно улучшавшимся товарам китайского производства. Словом, Рейган волею судеб и при наиболее благоприятнейшем для него и для США стечении обстоятельств оказался на недостижимой высоте. А кризисные явления в том же сельском, фермерском хозяйстве достаточно уверенно гасились за счет государственных кредитов.

Но успехи в период правления Рейгана, одного из наиболее удачливых американских президентов, этим — при очень большом их значении — отнюдь не ограничивались. И здесь постоянно ощущалась помощь благоволившей к нему судьбы. С первых же дней своего правления Рейган занял жесткую позицию по отношению к СССР, названному им *империей зла*. И дело не только в риторике, которая включала чуть ли не призывы к крестовому походу против коммунизма, что не могло не ухудшить взаимоотношения между все еще соперничавшими блоками. Гораздо важнее было то, что давно конкурировавший с западным коммунистический блок находился теперь в состоянии агонии. А это фактически открывало перед США широкое поле для свободных действий. Натиск на недружественные по отношению к США латиноамериканские республики убедительно продемонстрировал не только силу и решимость, но и рост влияния новой американской администрации. А сбитый в 1983 г. по приказу властей СССР южнокорейский пассажирский самолет как бы оправдывал переход Рейгана к решительным действиям. Уже в начале 1984 г. Рейган объявил о помощи странам, ведущим борьбу с советским *экспансионизмом*. Помощь, в частности, была оказана и афганцам, сопротивлявшимся советским войскам.

Существенные политические перемены в СССР, связанные с приходом к власти М. С. Горбачева и курсом на перестройку, несколько

изменили и внешнюю политику Рейгана. Его встречи с Горбачевым в Женеве в 1985, в Рейкьявике в 1986, в Вашингтоне в 1987 и 1988 и в Москве в 1988 гг. привели к некоторым позитивным сдвигам во взаимоотношениях. Но это не слишком помогло президенту США при решении большинства других обострившихся внешнеполитических проблем, в частности ближневосточных (резкое ухудшение отношений с Ливией, сложности в Иране и многое иное).

НЕКОТОРЫЕ ИТоговые ВЫВОДЫ

Специальный разговор о США в томе, который посвящен описанию и анализу проблем современной истории, далеко не случаен. Эта страна со второй половины XX столетия является, как бы кто к ней ни относился, бесспорным лидером мира. Сначала она лидировала в блоке одних лишь западных стран и в рамках биполярной геополитической конструкции, а затем, с 80-х гг., в качестве главы однополярной такого рода конструкции. И дело вовсе не в том, что кто-либо когда-либо сознательно определял ее позиции в современном обществе, на нашей планете. Даже сама она к этому отнюдь не стремилась. Все вышло само собой. Одно вне сомнений: то, что получилось, вполне соответствует реальности, с которой никто не мог позволить себе не считаться. А если на начальном этапе послевоенного периода кое-кто — имеются в виду вначале советский вожьд, потом в много менее значительном варианте также китайский председатель — и пытался, пусть даже не вообще, а для внутреннего пользования, в пределах ничем не ограниченной собственной власти, оспаривать этот факт, практической значимости это не имело. Коммунизм как система взглядов и тоталитарные режимы оказались не в состоянии конкурировать с буржуазной либеральной демократией, что в конечном счете де-факто было признано сначала в КНР, а затем и в сменившей развалившийся СССР России.

Это факт истории, который, как и многие другие факты, ни извратить, ни фальсифицировать уже никогда никому не удастся. Другой вопрос, как и почему случилось именно так, а не иначе. В полемике с читателем, если бы она завязалась, можно просто сказать, что происходящее вполне совпадает с авторской концепцией исторического процесса, в центре которой стоят закономерности эволюции, если хотите — постоянного движения вперед, без чего ничто сущее и тем более живое существовать не может (альтернатива — энтропия, гибель). Суть же

движения вперед как раз и заключается в том, что в соперничестве двух структур, с которыми давно знакомо человечество, первой и более примитивной власти-собственности в различных вариантах и модификациях доживающих свое, и антично-буржуазной, победа на стороне второй, более приспособленной к ускоренным темпам эволюции. Конечно, с точки зрения неопределенности будущего ускоренная эволюция вполне может быть сочтена на определенном этапе чрезмерной и даже вредной. И здесь уместно вспомнить великого Гёте с его Фаустом, готового к роковому для него восклицанию: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». Но, как и в случае с Фаустом, практически это невозможно. Эволюцию невозможно остановить и очень трудно искусственно замедлить. А стремление к консервативной стабильности лишь означает, что те, кто хочет застыть на достигнутом, неизбежно проигрывают.

Запад, олицетворенный в первую очередь и в наибольшей степени США, на уже немалом достигнутом не останавливается. И это следует считать нормой для неизбежно и очень успешно — во всяком случае, пока, — бурно развивающегося мира, энергично, даже чересчур ускоренными темпами эволюционирующего человечества. Но, говоря о человечестве, нельзя не учитывать, что возглавляет его, по крайней мере с точки зрения эволюции, современный Запад. А лидируют в нем США, хотя рядом с ними идет все большее количество разных стран современного Запада. Обратимся к характеристике этих стран в послевоенные десятилетия XX века.

Глава третья. АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ, ФРГ И ИТАЛИЯ

Главными участниками Второй мировой войны со стороны буржуазной демократии были, помимо США, Англия и Франция. Эти две наиболее значительные страны Европы, если не считать очень резко возвысившуюся и усилившуюся Германию, на протяжении длительного времени играли и ныне все еще продолжают играть основную роль не только в западноевропейской, но и в мировой политике. В XVIII–XIX вв. обе эти державы вели активную политику с целью завоевания колоний и, после крушения колониальных империй пришедших в упадок Испании и Португалии и ослабевшей Голландии, надолго остались крупнейшими среди них. Более того, известно, что Первая мировая война началась потому, что явно соперничавшая с ними Германия сочла себя обойденной заморскими владениями, как

и вообще столь нужным ей *жизненным* пространством. Можно напомнить, что и Вторая мировая война была спровоцирована фюрером в ходе борьбы за то же самое пространство. Но она была — и об этом нельзя забыть — в еще большей степени борьбой против Англии и Франции как олицетворения столь ненавистной ему — как, впрочем, и советскому вождю — буржуазной либеральной демократии.

Казалось бы, и судьба Германии и Италии в послевоенные десятилетия холодной войны должна была очень отличаться от той, которая выпала на долю стран-победительниц. Но на деле все оказалось совсем не так. Обе эти страны в принципе, каждая особо, разделили судьбу стран-победительниц и в послевоенное время шли тем же путем, что и они. И этот парадоксальный результат войны не должен никого удивлять. Ведь если принять во внимание, что Вторая мировая война была иной, нежели любая другая, ибо она на первом ее этапе, до июня 1941 г. — а вне восточного фронта и после этого, — оказалась схваткой прежде всего между демократией и тоталитаризмом, то многое в послевоенных судьбах европейских стран и народов станет более ясным. Такое имело место впервые и завершилось крахом бесчеловечных тоталитарных режимов правого толка. Поэтому-то и неудивительно, что с крахом режимов фашистско-нацистского типа и Германия, и Италия вернулись в лоно буржуазной либеральной демократии и пошли вперед тем же путем, что и их недавние противники-победительницы Англия и Франция. И потому не должно быть ничего странного, что этот общий для них путь будет рассматриваться в одной главе и сравниваться безо всяких оговорок.

И еще одно предварительное замечание. Есть основания прийти к выводу, что расклад на враждующие блоки, буржуазный и тоталитарный, который столь ярко проявил себя в первые десятилетия после Второй мировой войны, складывался, пусть в несколько иной модификации, еще до этой войны, что нашло свое отражение, в частности, в соглашении 1939 г. Гитлера со Сталиным. Имеется в виду хорошо известный пакт Молотова-Риббентропа со всеми приложенными к нему секретными статьями. Можно соглашаться с такой аналогией или оспаривать ее, но в любом случае Англия и Франция были до рубежа 30–40-х гг. XX столетия главным и основным оплотом буржуазной либеральной демократии в мире (не стоит забывать, что США тогда были далеки от европейских дел).

В предвоенные годы и в трудное время войны обе державы, Англия и Франция, были, вполне естественно, заодно. Но сразу же после войны прежнее соперничество между ними, под знаком которо-

го прошло все XIX столетие, да и многие периоды истории до того, вновь стало давать о себе знать, хотя и во много меньшей степени. Оно, в частности, проявилось тогда, когда началось движение за общеевропейскую интеграцию, в котором каждая из держав стремилась не столько даже подчеркнуть свои интересы, сколько проявить не забытое историческое право на первенство. К счастью для обеих, как и для всей объединявшейся Европы, это стремление довольно скоро ушло в прошлое, причем, насколько можно судить, уже окончательно. И это обстоятельство, что можно и должно с удовлетворением фиксировать, никак не отразилось ни на одной из них, ни на интеграции как великом послевоенном процессе. Страны Запада шли вперед уверенными и очень успешными темпами. А вместе с ними вполне успешно шли и тесно связанные с Англией ее доминионы, как и побежденные в войне народы Италии и западной части Германии.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Главный результат войны для Великобритании был в том, что она перестала быть великой. Разумеется, распад ее колониальной империи был определен не войной, а велением времени и, в частности, той разумной политикой, которую буржуазная Англия с ее всемогущим парламентом реализовывала в колониях (о доминионах и речи нет), начиная с гигантской Индии. Такая политика, о чем не раз упоминалось в предыдущих томах, обеспечила как плавный процесс обретения колониями независимости, так и сохранение тесных связей метрополии с практически всеми возникшими на основе бывшей самой крупной колониальной империи странами Британского содружества наций. Значимых колониальных войн в XX в. Англия не вела, что стоит оценить. Но, как бы то ни было, империи пришел конец, и это обстоятельство не могло не сыграть своей роли. Однако потеря колоний не была единственным негативным итогом мировой войны. В ходе этой войны, наиболее тяжелой для собственно Англии за всю ее историю, она не столько пострадала от немецких бомбардировок, хотя они были страшными, сколько перестала быть — и, главное, ощущать себя — великой. Великобритания как слово осталось в официальных документах, но в реальности превратилось в воспоминание о былом. И это оставило отпечаток на политике страны.

Тем не менее послевоенная Англия, вышедшая из войны в числе стран-победительниц, не имела серьезных оснований для уныния.

Она достаточно быстро восстанавливалась, особенно с американской помощью. И хотя об английском «чуде» говорить не принято, темпы и результаты послевоенного развития не слишком заметно уступали тем, что были характерны для Запада в целом. Правда, ослабление экономических связей с колониями, которые после войны не были процветающими и высоко ценили свою политическую самостоятельность, не могло не сказаться на внешней торговле страны, для которой эти связи всегда были первостепенными. Кроме того, была и другая причина, сковывавшая экономику. Она была вызвана характерной для послевоенного мира эйфорией.

Усилия сменившего консерватора Черчилля лейбориста К. Эттли, премьера в 1945–1951 гг., были направлены, несмотря на фултонскую речь Черчилля, на усиление роли государства в экономике. Он национализировал ряд отраслей — металлургию, энергетику, финансы, связь — и резко усилил внимание к социальному страхованию, здравоохранению и т.п. Считается, что как раз связанные с этим и оказавшиеся недостаточно эффективными непомерные расходы сыграли роль в смене правительства на выборах 1951 г., когда к власти вновь, до 1963 г., вернулись тори, вначале во главе с Черчиллем, в 1955 г. с А. Иденом, а в 1957 г. с Г. Макмилланом. Затем на несколько лет (1964–1970) к власти вернулись лейбористы во главе с Г. Вильсоном, потом их снова сменили консерваторы с премьером Э. Хитом (1970–1974), после чего еще пять лет страной управляли лейбористы.

Следует заметить, что каждое из правительств не торопилось решительно изменять политику предшественника. Напротив, наблюдалось стремление если и не к консенсусу, то к некоторой преемственности. Хотя консерваторы были более жестки в том, что мешало буржуазному предпринимательству, будь то права профсоюзов, рост зарплаты или вообще национализация, а лейбористы делали упор на соглашения правительства с профсоюзами и на социальную политику (к национализации они более, как правило, не обращались), ситуация в целом радикально не менялась. Во всяком случае, до прихода к власти в 1979 г. М. Тэтчер.

Консерваторы еще в 50-х гг. произвели денационализацию ряда отраслей хозяйства. Это способствовало тому, что англичане, сделавшие упор на создание ряда современных отраслей экономики, включая энергетическую (атомная энергия) и электронную, довольно многого достигли. Во всяком случае, Англия в 60-х гг., правда, сильно уступая США, еще оставалась по многим экономическим показателям (ее доля в промышленном производстве буржуазных стран

колебалась в районе 10%) одной из наиболее развитых стран. Свою роль играло и большое количество британского капитала за пределами страны. Но постепенно, особенно по мере ускорявшегося экономического роста многих западных стран, включая новые из их числа, Японию, Тайвань и южную часть Кореи, доля в совокупном их производстве уменьшалась. Впрочем, на благосостоянии англичан это не сказывалось. С 60-х гг. оно, несмотря на ряд серьезных проблем в отдельных отраслях хозяйства, в частности в угольной промышленности, неуклонно возрастало. И это было вызвано стремлением руководства страны решительно пересмотреть некоторые давно сложившиеся принципы хозяйственной деятельности.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ РАДИКАЛИЗМ М. ТЭТЧЕР

Радикальные перемены в Англии начались с приходом к власти нового лидера консерваторов. Первая в стране женщина-премьер — хотя было немало женщин на троне, — Тэтчер, эта *железная леди*, обладала твердым характером и завидной для любого целеустремленностью. Придя к власти в 1979 г., она, бывшая лидером консерваторов с 1975 г., хорошо знала, что ей делать. Не столько привычная в послевоенное время правительственная чехарда, сколько резко изменившиеся в мире обстоятельства, включая усиление позиций большинства стран буржуазно-демократического Запада и признаки ослабления коммунистического блока, создавали новую ситуацию. Эта ситуация объективно подтверждала правильность курса на ограничение вызванных в свое время к жизни иными обстоятельствами кейнсианских устремлений, сводившихся к вмешательству государства в экономику. А реализовать другой курс в максимально возможном объеме можно было лишь решительными, радикальными мерами. Это примерно та же политика, которая принесла успех в США президенту Рейгану. Но Тэтчер начала ее чуть раньше.

Суть радикализма нового премьера — *тэтчеризма*, как такую политику стали именовать, — сводилась к нескольким серьезным новациям. **Во-первых**, решительная приватизация с одновременным распылением капитала частных фирм среди миллионов акционеров и пайщиков. Эта политика коснулась примерно 60% семей, которые жили в муниципальных квартирах и домах и обрели возможность на льготных условиях их выкупить. **Во-вторых**, были снижены налоги при сохранении расходов на социальные нужды тех, кто остро нуждается

ся в помощи и сам себя не в состоянии обеспечить, и открыты возможности для поощрения малого бизнеса, в который оказались включены миллионы частных предпринимателей. В итоге этих двух важнейших акций в стране резко возросло количество частных собственников. Примерно две трети населения стали, как то было и в США, представителями среднего класса. **В-третьих**, власти резко подавили сопротивление шахтеров из закрытых ими нерентабельных шахт и полиграфистов, не готовых сменить типографский набор на компьютерную технику. **В-четвертых**, переключив государство в сферу, бывшую до того основой деятельности влиятельных в Англии тред-юнионов, они больно ударили по профсоюзному движению, в массовости которого в демократии собственников более не было нужды. **В-пятых**, за счет перераспределения средств сильно возросли инвестиции в рентабельные сферы экономики, что вело к преобразованиям в сфере технологии. Началась постиндустриальная эра электроники и других современных отраслей промышленности. Темпы экономического роста в 80-х гг. стали наивысшими в Западной Европе. Около двух третей населения было уже занято в сфере услуг, причем производство знаний и информатика в этой сфере являли собой львиную долю.

Радикальный консерватизм Тэтчер, как и аналогичная политика Рейгана, целиком себя оправдал. Англия резким рывком вырвалась если и не на передовые позиции в мире, как то бывало прежде, то на авансцену мировой политики и одно из наиболее заметных мест в Западной Европе. Военный успех в битве с Аргентиной за далекие Фолклендские острова в 1982 г. был косвенным свидетельством этого. Стоит принять во внимание и то, что англичанам было легче, нежели их старым соперникам французам, добиться успеха не только в восстановлении и развитии буржуазной экономики, но и в политике. Это объясняется многими причинами, не в последнюю очередь тем, что здесь — при всей значимости лейбористов с их социалистическим уклоном — задавал тон здоровый консерватизм, тогда как роль левых, не говоря уже об экстремистах и, в частности, коммунистах, была, как и в США, фактически равна нулю.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ФРАНЦИЯ

Во Франции дела обстояли не так, хотя и не во всем. Стоит напомнить для начала, что на ее территории шла война. Правда, она, пусть лишь воздушная, сильно затронула и Великобританию. Но

здесь было нечто иное. Территория Франции была без особых хлопот завоевана буквально за несколько недель. Ее оккупировали немцы, а затем, с юга, и итальянцы. Часть страны, к югу от Парижа, была оставлена оккупантами в виде зависимого, но формально как бы самостоятельного марионеточного — как его обычно тогда именовали — режима Виши. Правительство А. Ф. Петэна в Виши просуществовало в качестве *независимого* до ноября 1942 г., после чего немцы оккупировали уже всю территорию страны. Это было большою французов, которые сумели вскоре после поражения начать энергичное сопротивление, принявшее характер диверсионно-партизанской борьбы. Возглавил борьбу сражавшейся с нацизмом Франции генерал Ш. де Голль, обосновавшийся в Лондоне. В 1944 г. в результате открытия второго фронта Франция была освобождена. Во временном правительстве, возглавленном де Голлем, среди представителей партий, участвовавших в движении сопротивления, были коммунисты и социалисты. И вплоть до 1947 г. представители французской компартии входили в правительство, да и после этого еще довольно долго являли собой серьезную политическую силу.

Но план Маршалла и связанные с ним быстрые успехи в восстановлении пришедшего в упадок в годы войны хозяйства довольно резко изменили ситуацию. Не столько национализация ряда отраслей экономики, сколько новейшие заокеанские технологии способствовали резкому ускорению процесса модернизации. 50-е гг. были периодом очень высоких темпов экономического роста, достигавших 4–5% в год. Шел заметный процесс становления обеспеченного среднего класса, а государство взяло на себя заботу о проведении социальной политики, направленной на быстрое улучшение качества жизни большинства населения. В стране складывалось типичное для послевоенного буржуазного Запада общество потребления: 40-часовая рабочая неделя, муниципальные жилища за сравнительно невысокую плату, бытовая техника в семьях, а в качестве вершины автомобиль. Но все это на фоне заметной политической нестабильности, не сравнимой с прочностью динамичной двухпартийной системы в США или в Англии.

Коммунисты в обстановке ухудшения международных отношений и роста значимости противостояния двух блоков постепенно теряли свое влияние и голоса избирателей. Но и правящие партии — социалисты, республиканцы (МРП), а также сторонники де Голля, недовольные конституцией 1946 г., которая ослабила исполнительную власть в пользу парламента, и вышедшие в знак протеста из

кабинета, — вступали в состояние кризиса. За годы так называемой Четвертой республики, 1946–1958 гг., сменили друг друга почти полтора десятка кабинетов министров. И колониальные войны, сперва во Вьетнаме, затем в Алжире, где проживало около миллиона французских колонистов, наносили по Франции один удар за другим. Особенно сильным был удар со стороны алжирских колонистов, поднявших мятеж в мае 1958 г. и потребовавших вернуть генерала к власти.

ДЕ ГОЛЛЬ У ВЛАСТИ

Парламент в состоянии тревожного ожидания проголосовал за де Голля, вновь выступившего в качестве спасителя страны. На референдуме был утвержден текст новой конституции, превращавшей страну в президентскую республику, и в конце 1958 г. парламент избрал генерала президентом Пятой республики (1956–1969; с 1962 г. выборы президента стали всенародными). Опираясь на предоставленную ему власть, де Голль поставил главной своей целью вернуть былое величие Франции. Надо сказать — и на это уже было обращено внимание, — что соперничество с Англией в латентной, а подчас и в открытой форме продолжалось в послевоенные десятилетия достаточно долго, не исчезло вовсе и сегодня, хотя и сильно ослабло. Но в середине прошлого века оно, как и попытки продемонстрировать свою независимость от США (демарш в НАТО в 1962 г.), было особенно заметным. Очень серьезными оказались и несколько неожиданные для большинства движения генерала в сторону сближения с ФРГ, откровенным врагом Франции на протяжении почти столетия. В этой связи существенно обратить внимание на предвидение Черчилля, высказанное им в его хорошо известной речи в Цюрихе еще в сентябре 1946 г.:

«Мы должны создать что-то вроде Соединенных Штатов Европы... То, что я сейчас вам скажу, повергнет вас в изумление. Первым шагом в сторону создания европейской семьи должно стать партнерство между Францией и Германией. Только таким путем может Франция достичь морального лидерства в Европе. Не может быть возрождения Европы без духовно великой Франции и духовно великой Германии».

Едва ли стоит как-либо связывать эти слова Черчилля, произнесенные в другое время и по иному поводу, с реальной политикой генерала. Но факт остается фактом. Де Голль в интересах создания

объединенной Европы и не со слишком выпячивавшимися, но явно имевшимися в виду намерениями сделать инициатором и неформальным главой чего-то вроде Соединенных штатов Европы именно Францию, пошел на сближение с немцами, сохранив при этом некоторое отчуждение в отношениях с Англией и США. И это его намерение следует оценивать не столько как демонстрацию, сколько как стремление в сложившейся обстановке выбрать наиболее слабого из бывших в прошлом у Франции соперников и за этот счет поднять величие страны. Другой вопрос, насколько это ему удалось. Забегая несколько вперед, можно лишь констатировать, что добился генерал не слишком многого. Но его усилиям в избранном им направлении нельзя не посочувствовать. Нельзя и не обратить внимание на то, как старательно и напряженно генерал искал способ добиться цели, ради чего он не только пошел на разрыв военных обязательств по отношению к НАТО, но и, при всей нелюбви к коммунистам, на установление контакта с СССР. Вообще же за не слишком долгий период нахождения у власти в качестве главы страны он сделал достаточно много, хотя именно на эти годы пришлось наиболее серьезные деструктивные события в послевоенной истории Франции.

Экономика и социальные преобразования не очень занимали генерала. С этим в стране дела благодаря реформам и достижениям 50-х гг. обстояли более или менее благополучно. Однако он провел в стране еще ряд реформ, целью которых была модернизация экономики при существенном контроле со стороны государства. В аграрных отношениях был сделан резкий крен на создание крупных фермерских хозяйств, что вело как к росту товарности, так и к разорению многих крестьян. Это не могло не привести к напряженности. Кроме того, резко обострилась проблема колоний и особенно Алжира. В 1960 г. генерал предоставил независимость почти всем африканским колониям. Но в Алжире воинственные колонисты из ОАС подняли мятеж, что, учитывая несколько покушений на де Голля, привело генерала к нелегкому решению подписать в 1962 г. Эвианские соглашения с алжирским (арабским) Фронтом национального освобождения и предоставить этой колонии независимость. Соглашения привели к возвращению во Францию почти всех колонистов, превратившихся из обеспеченных предпринимателей в необустроенных иммигрантов.

Не слишком популярные экономические реформы и даже потеря Алжира не помешали, однако, де Голлю быть избранным в 1965 г. на второй срок. Но крушение империи было и не могло не быть трагедией

для Франции, хотя иначе проблему деколонизации решить было нельзя. Впрочем, понимание ситуации никак не исключало того, что напряженность в стране объективно сохранялась. Для проявления ее было достаточно незначительного повода. И он легко нашелся. Это был знаменитый бунт парижских студентов в начале мая 1968 г. Начавшееся после незначительных осложнений в отношениях с администрацией Сорбонны выступление студентов стало общезначимой реакцией наиболее динамичной прослойки населения на сложившуюся ситуацию. Характерно, что студентов сразу же поддержали профсоюзы, а устроенная ими демонстрация после неудачных попыток власти успокоить возбужденных рабочих привела к массовой 10-миллионной забастовке, парализовавшей экономику и нормальную жизнь во всей стране.

Этот размах был неожиданным для всех. Существенно, что французские коммунисты не сумели не только возглавить, но и принять участие в столь энергичном выступлении гошистов (от фр. *gauche*, левый), что не могло не сыграть своей роли в их судьбе. Что же касается де Голля, он решительно вмешался в конфликт и потребовал провести досрочные выборы в парламент. Выборы в конце июня принесли успех генералу, а гошисты и недовольные рабочие понемногу остывали. Но потрясшие не только Францию, но и всю Европу, если даже не весь мир, майские события 1968 г. президент Франции воспринял, насколько можно судить, как сигнал, требовавший от него дальнейших действий по обновлению положения дел в стране. Мысли на этот счет у него были и прежде. Но теперь дольше ждать не следовало. Чего же хотел де Голль?

Еще в конце 40-х генерал выдвинул в то время уже достаточно известную и даже в ряде стран апробированную идею о благотворности корпоративной ассоциации труда и капитала под покровительством власти, которая в конце 50-х приняла у него форму участия трудящихся в доходах предприятия. В принципе эта идея не слишком отличалась и от того, что стало реальностью в годы правления Рейгана в США или Тэтчер в Англии. Имеется в виду вполне осознанный курс на распыление капитала с целью распределения прибыли от него в виде дивидендов от акций, предоставленных всем участникам производственного процесса, а то и большинству населения страны¹. Де Голль включил в свой проект именно участие работников в

¹ Можно в этой связи обратить внимание и на идею и практику *демократии участия*, о которой было особо сказано в предыдущей главе. Некоторая связь с представлениями об увеличившейся роли гражданского общества здесь вполне может быть.

управлении предприятием через избранные ими органы. Его теория, которая стала именоваться просто термином *участие*, как то мыслилось им в 1967 г., должна была открыть путь к новому социальному порядку. Был даже подготовлен текст декрета о применении этого нового порядка на крупных предприятиях с числом работающих свыше 1000. События 1968 г. укрепили президента в его намерениях. Участие должно было стать *правилом и силой обновленной Франции*, и для принятия этого своего предложения президент решил в 1969 г. провести референдум. Однако желаемого и ожидаемого большинства референдум не дал. И сразу же после этого президент, как он и обещал, ушел в отставку.

Принцип участия в трактовке его де Голлем не был принят Францией, причем не только потому, что он напоминал корпоративные чаще всего фашизм и полуфашистские государства времен между Первой и Второй мировыми войнами. Похоже на то, что проект, рассчитанный на соучастие масс в управлении, просто не был воспринят многими всерьез, а у некоторых вызвал оправданные опасения. Во всяком случае, воплощение той же идеи в форме участия миллионов акционеров в распределении прибылей, уже витавшее в воздухе и вскоре воплощенное в реальности в Англии и в США, выглядело надежнее и поэтому было предпочтительнее. Но как бы то ни было, на этом правление де Голля завершилось, а сам генерал умер год спустя.

Прекращение правления де Голля — как и приходы его к власти, и первый, и второй, — было в истории Франции знаковым событием. С этим человеком, сегодня сравниваемым по его роли в судьбе страны с Наполеоном, связано очень многое, начиная с восстановления престижа страны. И хотя былого величия это государство, некогда бывшее великой империей, никогда более не достигнет, престиж его остается достаточно высоким, причем прежде всего за счет усилий генерала. Но, отдав должное выдающемуся президенту французов, обратим теперь внимание на то, как складывалась история этой страны на заключительном этапе противостояния соперничающих блоков. И первое, на что в этой связи важно обратить внимание, это прекращение соперничества и задорной строптивости в отношениях с ближайшими союзниками Франции, с Англией и США. Проблемы с США оказались близки к урегулированию в результате возвращения Франции в военные структуры НАТО, а отношения с Англией намного раньше, уже в 1973 г., когда президент Ж. Помпиду согласился на включение Великобритании в ЕЭС.

Конечно, мечты о величии Франции не ушли вовсе. Вплоть до наших дней нет-нет, да и услышишь о том, что не американские, а французские генералы станут руководить вооруженными силами НАТО, а в Европе ведущей силой будут не англичане, сохранившие свой фунт стерлингов и особую въездную визу, но именно французы и немцы, интегрировавшиеся более основательно. Но эти надежды — слабое утешение. Дело идет к тому, что интеграция берет свое, и после де Голля наиболее успешно. Правда, Англия с помогающим ей в этом ее островным положением все еще старается существовать несколько обособленно. По меньшей мере частично это следует объяснить тем, что рядом с ней остаются все еще достаточно тесно с ней связанные доминионы.

ДОМИНИОНЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Если говорить о доминионах применительно к нескольким послевоенным десятилетиям холодной войны, очень важно принять во внимание, что они принадлежали к западному миру и ранее, что именно это всех их объединяло в гораздо большей степени, нежели членство в Британском содружестве наций. Но это членство — к слову, наиболее энергично эксплуатировавшееся самими бывшими колониями Великобритании, — все же имело немалое значение и играло свою роль. И хотя Англия практически мало что получила от независимо существовавших во всех отношениях доминионов, связи между англоязычными странами, заселенными в основном потомками колонистов-англичан, признававшими верховный формальный приоритет британской короны, оказались на удивление прочными.

Канада давно уже стала и остается не только наиболее значительным из британских доминионов, но и одной из многих наиболее развитых стран Запада. Вполне естественно, что судьба привела эту североамериканскую страну к тому, что ее связи с США постепенно укреплялись и становились много значительнее и важнее связей с Англией. В 1946 г. соотношение в сфере экспорта было 38 : 26%, а в 70-х гг. уже около двух третей всего экспорта шло в США. Эти серьезные перемены вели к ускорению темпов индустриального роста и к резкому возрастанию объема ВВП (в тот же промежуток времени с примерно 15 до 100 с лишком млрд долларов). В стране быстро росло количество инвестиций из США. Американский капитал осо-

бенно интенсивно внедрялся в горнодобывающие промыслы и в геологическую разведку, в том числе в поиск залежей урановых руд.

В 1949 г. частью Канады стал малонаселенный остров Ньюфаундленд, существовавший до того рядом с ней на правах самостоятельного доминиона. Тогда же эта страна вступила в НАТО. А в 1952 г. ее фактическим главой, генерал-губернатором, формально управлявшим от имени королевы, стал канадец (до того на этот пост обычно назначался англичанин из метрополии). Во главе правительства были представители партии либералов. Однако натиск американского капитала и переориентация экономики страны в сторону США вызывали у многих канадцев, количество которых быстро росло, в том числе за счет иммиграции европейцев (на рубеже 70-х гг. общая численность населения равнялась примерно 20 млн, в конце века уже 30; ныне 33), вполне оправданное недовольство. Не желая превращения страны в 49-й тогда штат США, они на выборах 1957 г. отдали немало голосов консерваторам. Однако курс Д. Дифенбейкера (1957–1962) на отстранение от США, участие государства в экономике и на социальные нужды привел страну к инфляции и росту безработицы. Это способствовало возвращению к власти либералов. Правительства Л. Пирсона (1963–1968), а затем П. Трюдо (1968–1979, 1980–1984) немало сделали для восстановления прежних тесных контактов с южным соседом Канады, а также для решения важных внутриполитических проблем.

Дело в том, что 60-е гг. принесли с собой некоторые заметные новации в политической жизни Канады. Одной из них было заимствование из США развивавшейся там *демократии участия*, выразившейся в практике создания на местах и в общегосударственном масштабе великого множества организаций, как умеренно локальных и специальных, так и массовых. К числу проблем, очень естественно в связи с этим возникавших, относятся квебекская (проблема федерализма), а также этнонациональная, связанная с энергичным ростом самосознания множества малых народов канадского севера, от индейцев до эскимосов-инуитов.

Потомки французов, живущие по преимуществу в Квебеке и именующиеся обычно франкофонами, издавна претендовали на особый статус и постоянно стремились к федеральной форме организации администрации и к превращению их родного языка в государственный. В 1969 г., в период правления Трюдо, был принят закон, согласно которому французский язык объявлялся государственным в районах, где численность франкофонов превышала 10%. Однако

закон вызвал в стране серьезное напряжение, особенно в связи с расцветом великолепной и богатейшей — за счет нефти и газа — провинции Альберта. Она тоже на фоне Квебека добилась заметной степени провинциальной самостоятельности, во всяком случае, в праве распоряжаться своими баснословными доходами. Что касается небольших национальностей, то по отношению к ним была проявлена особая забота. Их четко сформулированные требования были зафиксированы в знаменитом конституционном акте 1982 года (пункты о правах коренных народов). Был также принят ряд последующих законов о канадской мультикультурной политике и самоуправляемых территориях крайней северной части страны.

Австралия — второй по численности населения и другим показателям из британских доминионов. В первые послевоенные годы Австралия заняла решительную позицию Запада в противостоянии коммунистическому блоку. Она стала в 1951 г. членом АНЗЮС, а в 1954 г. — СЕАТО. В 50-х гг. на некоторое время были даже прерваны дипломатические отношения с СССР. Что касается внутренней и экономической политики, то в послевоенные десятилетия в стране продолжался целенаправленный курс на создание государства социального процветания и постоянного роста благосостояния населения. Не всегда это получалось, но в общем и целом образ и уровень жизни соответствовали стандартам буржуазно-демократического Запада.

В первые послевоенные годы было много сделано для индустриализации страны. Быстро росли города с их достаточно развитой промышленной и иной инфраструктурой, и параллельно сокращался — по количеству занятых в нем — прежде абсолютно преобладавший аграрный сектор с его земледелием и скотоводством. К 70-м гг. доля работающих там уменьшилась до семи с небольшим процентов. Важно заметить, что администрация всегда уделяла большое внимание социальной политике, причем не только страхованию и строительству жилищ с помощью государства, но и, что важно выделить, заботе как о малоимущих, так и, особенно, об аборигенах. Известно, что сравнительно недавно Австралия официально принесла ныне живущим потомкам аборигенов извинения на все те несправедливости, которые в прошлом были допущены по отношению к ним.

Во главе правительства страны находились лейбористы или либералы. Проблема с недостаточной плотностью населения (ныне всего 23 млн) на протяжении всех послевоенных десятилетий была одной из главных на этом небольшом континенте. И в связи с оскудевавшей бе-

лой — европейской — иммиграцией, на которую довольно давно делали ставку, в 70-х гг. материк был открыт для притока переселенцев из ближайших к нему стран, что привело к очень большому росту миграции из Азии китайцев, корейцев и вьетнамцев. Вообще же внешняя политика страны в 70-х гг. стала менее зависимой от США, что легко объяснить заметными сдвигами в системе международных отношений.

Новая Зеландия с ее очень небольшим населением (ныне немногим более 4 млн) проводит в принципе ту же политику, что и соседняя Австралия. Она входила в состав оборонительных союзов СЕНТО и СЕАТО, а ее очень небольшие воинские подразделения принимали участие на стороне Запада в корейской и вьетнамской войнах. Несмотря на незначительные размеры государства, оно известно как своей социальной политикой, так и чутким отношением к аборигенам (в 1995 г. во время визита в эту страну английская королева принесла официальные извинения за все притеснения и разного рода несправедливости по отношению к туземному населению маори, которое, к слову, ныне увеличивается в численности более чем вдвое быстрее европейских мигрантов). 70-е гг. прошли в Новой Зеландии под знаком очередных социальных реформ, целью которых было улучшение положения малообеспеченных слоев населения. При этом в стране наблюдался заметный экономический подъем, а рост ВВП был в эти годы очень значительным, порой превышавшим 10–12%.

Южно-Африканский союз, хотя он в 1961 г. и прервал свое членство в Британском содружестве, приняв новое наименование, Южно-Африканская Республика, в 1994 г. это членство восстановил. Но, в отличие от других доминионов, приоритет британской короны уже не признал. Поэтому эту страну, которую давно уже, начиная с Н. Манделы (1994 г.), возглавляют негритянские президенты, считать без должных оговорок принадлежащей к странам Запада едва ли стоит. Как и, к примеру, **Цейлон**, переставший в 1972 г. быть доминионом и обретший новое имя, **Шри-Ланка**, но оставшийся в составе Британского содружества.

Иное дело — **Ирландия**. Хотя этот вечно мятежный по отношению к Англии остров, ставший доминионом в 1921 г. и отказавшийся от этого статуса в 1949 г., в послевоенное время уже не был в составе содружества, он оставался интегральной частью Запада. Правда, в годы Второй мировой войны республика демонстративно держалась нейтралитета. Но, как выяснилось позже, нейтралитет содействовал развитию страны, экономический рост которой в послевоенные десятилетия был необычайно стабильным, достигая порой почти 10%

(считается, что доход на душу населения в этой в прошлом нищей и во всяком случае одной из очень бедных стран сегодня является, несмотря на удары кризиса, достаточно высоким в Европе).

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИЯ (ФРГ)

Теперь обратимся к побежденным. Денацификация в послевоенной Западной Германии, точнее, в трех ее западных зонах оккупации, включая западную часть Берлина, в отличие от четвертой, советской, шла долго, многие годы. Но уже первые ее результаты привели к тому, что никаких репараций и контрибуций с этой части страны никто не требовал, ибо западные державы в этом не нуждались и не были заинтересованы, а на долю СССР досталось право взимать, что он сочтет нужным, со своей зоны. Вся местная административная структура западных зон создавалась заново, в соответствии с буржуазно-демократическими стандартами. И не стоит забывать, что тоталитарный режим нацизма был в Германии недолговечным. Он не сумел, просто не успел изуродовать все население, которое к тому же находилось на достаточно высоком уровне европейской культуры с учетом всех ее традиций, включая и буржуазные либерально-демократические. Этим многое объясняется.

Когда с первыми преобразованиями было покончено, британская и американская зоны в начале 1947 г. объединились в одну (у нас она была названа Бизонией), а в 1948 г. к ним присоединилась французская. Отдельно аналогичный процесс шел в Берлине. Вскоре, в 1949 г., на базе этих (пока без Берлина) административных образований возникла немецкая буржуазная либерально-демократическая республика ФРГ, федерация из 10 земель, с новой конституцией. Республика была возглавлена президентом, а первым ее канцлером, главой исполнительной власти, стал К. Аденауэр. Правительство страны расположилось в ее новой столице, Бонне. Парламент состоял из всенародно избиравшейся многопартийной нижней палаты, бундестага, и верхней, бундесрата, в котором были представлены депутаты от земель. Расположившийся в Карлсруэ конституционный суд получил практически неограниченные в своей сфере полномочия. Военные силы страны были строго ограничены квотой военнослужащих и вооружения.

ФРГ стала принципиально иным государством, что способствовало решительному изменению отношения к ней со стороны европей-

цев, включая вчерашних ее западных противников. В частности, план Маршалла не обошел ее своим вниманием, что способствовало экономическим успехам. Уже первые два десятилетия продемонстрировали невиданные возможности ФРГ с ее наиболее разительным экономическим чудом, о котором выше упоминалось. Рост экономики достигал в среднем 8,5% в год, а ВВП увеличился более чем в три раза. Разрушенная войной экономика была полностью замещена новой, с соответствовавшей ей техникой и технологией. Безработица и нищета первых послевоенных лет быстро ушли в прошлое, а на смену им шли новые жилища (500 тысяч квартир в год), постоянно возрастающая зарплата и хорошо налаженная система социального обеспечения.

Министр экономики Л. Эрхард особо заботился о том, чтобы государство, не вмешиваясь в рыночное хозяйство, стояло на страже довольно строгого законодательства, жестко фиксирувавшего буржуазные стандарты. Эти стандарты в его интерпретации включали хорошо продуманную социальную политику, имевшую в виду ответственность государства за благосостояние населения. Важно обратить внимание на то, что западная часть Германии была тогда переполнена беженцами и многочисленными перемещенными лицами, которые, с одной стороны, нуждались в заботе, а с другой являли собой дешевую рабочую силу. Словом, в обществе дисциплинированных немцев политика власти — да и весь принцип *социального рыночного хозяйства*, как оно в те годы именовалось, — воспринималась с пониманием и даже вызывала энтузиазм. Мало того, такая политика приносила все более весомые результаты, позитивно сказывавшиеся на всем населении. В 1957 г. промышленное производство было удвоено по сравнению с 1936 г., а уже с начала 60-х немцы вынуждены были прибегнуть к массовому привлечению гастарбайтеров, в основном турок и югославы.

Естественно и закономерно, что преуспевающая ФРГ охотно откликалась на все движения в сторону дипломатического ее признания или европейской интеграции. Считается, что выбор Страсбурга, города на границе Германии и Франции, при создании Совета Европы в 1949 г. не в последнюю очередь был символом стремления европейцев к сближению немцев и французов. ФРГ вскоре после создания этой организации вошла в ее состав. В 1951 г. она стала также членом ЕОУС, с 1957–1958 и ЕЭС. Оккупационный ее статус в 1952 г. был формально ликвидирован, а с 1954 г. ФРГ — член НАТО. Сближение республики с Францией, о чем шла речь, было скреплено мирным согласием французов в 1957 г. с результатом референдума в Сааре, жители которого проголосовали за вхождение в состав Германии. В 1955 г. после визита

Аденауэра в Москву были установлены дипломатические отношения с СССР (о других странах советского блока речь не шла¹).

Годы правления главы партии Христианско-демократический союз (ХДС) Аденауэра навсегда останутся в памяти немцев периодом «чуда». Это легко понять хотя бы потому, что после его отставки в 1963 г. при новом канцлере Эрхарде, а затем при коалиционном правительстве (1966–1969) Л. Кизингера и вице-канцлера социал-демократа В. Брандта дела пошли не то чтобы заметно хуже, но уже не столь успешно. Разного рода кризисные явления, как появление в стране внепарламентской оппозиции, включая оживившихся было нацистов и перегруппировавшуюся компартию (ГКП вместо ранее запрещенной КПГ), или докатившийся до Германии парижский студенческий мятеж 1968 г.², были помехой безмятежному до того развитию восставшей из пепла державы. В этой осложнившейся ситуации и возникла потребность в замене однопартийного правительства коалиционным.

В конце 1966 г. страной стала управлять так называемая *большая коалиция* двух наиболее крупных и влиятельных партий, которые имели наибольшее количество парламентских мандатов. Но сговориться им становилось все труднее. Причиной были, помимо прочего, сложности с определением основ экономического и социополитического курса. Социал-демократы оказались склонны всерьез усилить роль государства в процессе регулирования и осуществления контроля за развитием экономики и в сфере социальной политики. Они, в частности, вели линию на вмешательство государства в решение проблем заработной платы и даже цен, субсидий некоторым отраслям промышленности. И так как эта линия не получила реальной возможности для осуществления, она привела к распаду коалиции и к союзу социал-демократов с небольшой партией свободных демократов (СвДП). Союз получил на выборах 1969 г. большинство, после чего была создана *малая коалиция* уже этих двух партий.

Возглавивший коалицию (1969–1982) Брандт нормализовал отношения с рядом стран советского блока, включая и ГДР. Но по-

¹ Это соответствовало так называемой *доктрине Хальштейна*, суть которой сводилась к непризнанию стран, имеющих дипломатические отношения с ГДР. Отношения с СССР были исключением из правила.

² Стоит обратить внимание на то, что одним из наиболее известных руководителей этого мятежа был отличавшийся склонностью к анархо-радикальным идеям немецкий студент Д. Кон-Бендит, ныне депутат европарламента.

пытка осуществить экономические преобразования, направленные на усиление вмешательства государства, не удалась. И хотя резко возросший престиж самого Брандта помог социалистам на выборах 1972 г., для коалиции это оказалось пирровой победой. Прекращение быстрого экономического роста заставило ее вести политику экономии, что сказалось на программе социальных гарантий и привело, начиная с 1974 г., к существенному снижению производства, к инфляции и безработице коалиции.

Коалиция начала распадаться раньше. Еще в 1974 г. скандал, связанный с разоблачением референта канцлера шпиона ГДР Г. Гийома, вынудил канцлера Брандта уйти в отставку. В тот же период, в середине 70-х гг., радикальная группировка *Фракция красной армии*, известная под названием *группы Баадер-Майнхоф*, совершила ряд террористических актов. И хотя через несколько лет ее деятельность была пресечена, противники коалиции обвинили правительство в неспособности пресечь терроризм и даже в поощрении террористов критикой капитализма. И поскольку эта кампания совпала с необходимостью сокращения социальных расходов, социалисты стали терять завоеванные позиции. Под давлением СвДП были сокращены налоги на предпринимателей и увеличены взносы рабочих в страховые фонды. Но безработица на рубеже 70–80-х гг. продолжала расти, росло и охлаждение в отношениях партнеров по коалиции. Кончилось дело тем, что социалисты вышли из правительства, а к власти пришла другая *малая коалиция* ХДС и СвДП (1982–1998) во главе с канцлером Г. Колем.

Вся история ФРГ послевоенных десятилетий до конца холодной войны и конца в 1990 г. существования разьединенной Германии свидетельствует о том, что основные процессы шли в том же направлении, что и в странах, одержавших победу в войне. Иными словами, это был общий для западной либеральной демократии путь, в ходе которого завидные успехи нередко сопровождались досадными поражениями. Но равнодействующая в этом процессе была всюду однозначной: западный буржуазный мир уверенно шел вперед. Это же видно на примере Италии, да и многих других европейских стран.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ИТАЛИЯ

Послевоенная Италия, история которой на первых порах началась с лета 1943 г., когда союзники освободили южную часть страны, приходила в норму медленней Германии. Судьба страны в немалой

мере была связана с развернувшимся в стране в годы войны, особенно на ее заключительном этапе, движением сопротивления. Сначала — уже после прекращения войны — был решен вопрос о короле. Большинство населения в 1946 г. высказалось за республику, а конституция 1948 г. зафиксировала западноевропейский буржуазно-демократический стандарт во главе, как и в ФРГ, не столько с президентом, сколько с премьером. На выборах лидировавшая Христианско-демократическая партия (ХДП) получила около 49% голосов, социалисты и коммунисты несколько меньше трети. Обретя 305 мандатов из 574, ХДП уверенно возглавила правительство, в которое вошли и представители некоторых других небольших партий. Премьером стал А. де Гаспери, энергично взявшийся за восстановление и развитие экономики страны, которая, впрочем, пострадала от войны неизмеримо меньше, нежели германская.

Успехи в процессе экономического роста были во многом достигнуты благодаря поставкам по плану Маршалла новейшей техники и передаче соответствующих ей технологических достижений. А сложности ситуации сводились как к традиционному противостоянию аграрного юга страны промышленному ее северу, так и к сохранявшейся со времен господства корпоративной системы большой роли государства в экономике Италии. Тем не менее, структурные перемены, зафиксированные в новой системе законов, способствовали преимущественному развитию мелкого и среднего частного предпринимательства. На юге были ликвидированы латифундии, а на индустриальном севере страны быстро шло развитие современных отраслей промышленности, в немалой степени за счет дешевой рабочей силы, прибывавшей с юга.

В целом именно экономический рост в 50–60-х гг. дал основание говорить об итальянском чуде, хотя сильно преувеличивать его значимость, особенно на фоне царившей в стране коррупции, недовольства рабочих, непрестанной политической борьбы и смены кабинетов, не стоит. Германскому или японскому это чудо явно уступало. Однако, тем не менее, итальянцы почувствовали позитивные перемены. Они стали жить лучше, пользоваться благами социальной политики, обеспечивавшей работников страховками, пенсиями, увеличением зарплаты в соответствии с ростом цен, а нуждающихся в ней помощью. В их жизни все чаще появлялись автомобили, телевизоры, современная бытовая техника.

После очередных выборов 1963 г. (до того абсолютный приоритет ХДП был бесспорен) к власти пришла коалиция, в которой заметную

роль играли социалисты во главе с П. Ненни. Левоцентристский ее курс был направлен на продолжение экономического процветания, но результаты были уже много более скромными. Правда, в качестве компенсации было обращено внимание на реформы в различных сферах, включая усиление значимости социальной политики. В 1972 г. в этом ряду появился новый закон о браке, который дал итальянцам прежде отсутствовавшее право на развод (в этой связи нельзя не вспомнить о великолепном итальянском кино той эпохи, о которой идет речь, в частности о фильме *Развод по итальянски*). Однако именно этот закон вызвал серьезный раскол в католической Италии, что привело левоцентризм к концу. ХДП под главенством А. Моро в 1977 г. пошла было на широкую коалицию, включая коммунистов (компартия в кабинет не вошла, но идею поддержала). Казалось, налаживается необходимый контакт. Но *красные бригады* весной 1978 г. сумели похитить и убить Моро, что положило начало усилению и без того существенной политической нестабильности в Италии. Разгул мафии на юге, безудержный рост терроризма и чехарда кабинетов (за 30 лет с 1948 г. их было 40) стали почти нормой жизни страны.

Разумеется, это не было — кроме разве что террора — чем-то принципиально новым для послевоенной Италии. Но концентрация всех напастей, даже при условии продолжавшегося экономического роста и перехода страны в постиндустриальную систему отношений с характерной для нее большой ролью сферы услуг, количество занятых в которой в 70–80-х гг. начало решительно преобладать, не способствовала политическому спокойствию. Италия продолжала находиться в состоянии своего рода перманентного возбуждения. Справедливости ради важно заметить, что пользовавшаяся немалой поддержкой населения компартия постепенно отказывалась от воинственного марксизма и переходила под руководством П. Тольятти на рельсы так называемого *еврокоммунизма*, который уже в 70–80-х гг. был далек от идей большевизма и близок к принципам социал-демократии.

Глава четвертая. ПРОЧИЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОГО МИРА

Обратимся к другим странам европейского Запада. Все они, вошедшие в число тех, кто был охвачен помощью по плану Маршалла, развивались примерно так же, что и уже рассмотренные. К слову, это

касается и Испании, оставшейся после войны за бортом американской помощи. В единообразии этом есть определенный и немалый смысл. Он в том, что заложенные еще в XIX столетии основы в послевоенной мирной — при всей напряженности холодной войны — обстановке, да еще и в условиях мощной волны новейшей техники и технологии, заполонившей некомунистическую Европу, создавали благоприятные возможности для быстрого и успешного ее развития. И это касалось всего сравнительно небольшого и в культурном отношении давно уже энергично эволюционировавшего субконтинента с его преимущественно буржуазно-демократическим стандартом существования. В этих условиях существовало много государств, преимущественно не очень больших, а то и совсем маленьких. Если начать с наиболее значительных, то к их числу следует отнести Австрию, Испанию, Португалию, Швейцарию и группу скандинавских государств.

Но, как о том уже шла речь, к числу государств Запада в послевоенное время стали относиться не только те, что преимущественно заселены выходцами из Европы. В первую очередь — и это явно не случайно — странами, склонными довольно энергично воспринять западноевропейский стандарт рыночно-частнособственнических отношений, оказались те, что имеют отношение к цивилизационной зоне китайско-конфуцианского круга. Вот обо всех них, как и о западноевропейских, и пойдет теперь речь. Заранее стоит сказать, что речь не о подробностях, тем более что они во многих случаях однотипны и потому не стоят того, чтобы постоянно о них напоминать. Для этого существуют многочисленные специальные издания справочного характера. А целью данной работы являются выявление и анализ некоторых общих закономерностей. Поэтому сгруппируем страны по несколько иному принципу.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ, БЛИЗКИЕ К НАЦИЗМУ

Некоторые из западноевропейских стран накануне войны и в ходе ее были формально либо вполне осознанно на стороне Германии, но по разным причинам предпочитали оказаться не ее союзниками, а нейтральными государствами. Однако среди них имелось по крайней мере одно такое государство, которое перед войной уже было лишено выбора. А оно во многих отношениях, особенно памятуя о его истории, принадлежало к числу весьма значительных. Речь об

Австрии, которая в 1938 г. стала жертвой аншлюса, того самого объединения немцев, которое в свое время начал осуществлять Бисмарк. В качестве независимого государства она возродилась лишь после крушения нацизма.

В соответствии с достигнутым во время войны, в 1943 г., соглашением эта страна, как и Германия, была разделена на 4 зоны, но правительство было единым и общим для страны. Помощь по плану Маршалла содействовала быстрым темпам восстановления и экономического развития, несмотря на то что значительная часть промышленных предприятий после крушения нацистского режима и процесса денацификации была передана в ведение государства, во главе которого вначале, до 1950 г., находился социалист К. Реннер. Частнособственнический сектор формировался по мере успехов в процессе восстановления и экономического роста. Развитие туризма и сферы услуг способствовало значительному улучшению качества жизни в начале 50-х гг. Уровень жизни довоенного 1937 г. был достигнут на рубеже 40–50-х гг. Экономический рост продолжался и далее. Середина 50-х гг. стала временем расцвета австрийской экономики, что, в частности, помогло стране расплатиться с СССР (речь о поставках по репарациям). Иногда в этой связи тоже используют термин «экономическое чудо».

Стоит учесть, что наплыв беженцев из восточноевропейских стран как в 1945, так и в 1956 г., после антикоммунистического восстания в Венгрии (а счет в обоих случаях шел на сотни тысяч), не мешал успешному развитию. Государственный договор 1955 г., заключенный по инициативе Хрущева, привел к образованию независимой объединенной Австрии, обязанной соблюдать нейтралитет, не слишком ее тяготивший и не препятствовавший сотрудничеству с организациями, создававшимися с целью интеграции, например с Советом Европы. Во главе правительства сменяли друг друга представители социалистической и народной партий, а один из австрийских политиков К. Вальдхайм был генеральным секретарем ООН в 1972–1982 гг.

Испания в мировой войне формально не участвовала, но ее голубая дивизия *добровольцев* воевала на восточном фронте. После войны страна постепенно сближалась с Западом. И хотя помощь по плану Маршалла ее обошла, в ООН Испанию в 1955 г. все же приняли. Франко оставался главой государства, но при этом разумно вел последовательный курс на смягчение фашистской диктатуры и либерализацию режима. В 1942 г. был издан закон о Генеральных

кортесах в несколько необычной для парламента форме, с участием как выборных депутатов, так и видных деятелей режима, а в 1947 г. итоги проведенного генералиссимусом референдума привели к превращению Испании в королевство. В 50-х гг. началось постепенное экономическое развитие страны, сопровождавшееся невиданными в тоталитарных режимах забастовками, а 60-е гг. стали периодом интенсивного экономического роста и попыток наладить сотрудничество со странами буржуазного Запада. Курс на открытость и либерализацию способствовал этому. А со смертью Франко в 1975 г. к власти пришел король Хуан Карлос, и Испания стала быстро и решительно изменяться.

Сравнительно молодой, хорошо образованный и не имевший никакого отношения к фашизму Хуан Карлос показал себя с наилучшей стороны. Начал работать в полную силу парламент. Уже в 1976 г. кортесы приняли закон о новых свободных выборах и легализовали многопартийную систему, а в 1978 г. парламент выработал новую конституцию, тоже прошедшую через одобрение референдумом. И именно в этот решающий момент, в начале 1981 г., военные предприняли попытку государственного переворота. Однако молодой король показал себя правителем с решительным характером и крепкими нервами. Переворот потерпел неудачу. Впрочем, на этом дело не кончилось. Страна была взбудоражена. Начались жаркие споры о пути развития, характере и формах организации власти, о темпах модернизации, что, к слову, напоминает положение дел в России после августовского мятежа 1991 года. Не сразу споры утихли. Но к середине 80-х гг. дело в основном было сделано. В 1982 г. к власти пришли социалисты во главе с Ф. Гонсалесом, которые с помощью ряда необходимых реформ обеспечили стабильный экономический рост страны. В 1986 г. Испания вступила в Европейский союз и в НАТО и стала одной из обычных западноевропейских буржуазно-демократических стран.

Португалия тоже в войне не участвовала. В отличие от Франко, который сам был откровенным фашистом с явно диктаторскими наклонностями, но воевать не был готов и не хотел, ибо его страна только что перенесла долгую и тяжелую гражданскую войну, А. Салазар не хотел участвовать в этой войне по другим причинам. Не только потому, что географическое положение страны не располагало к этому. Главным, как считается, было опасение потерять немногие оставшиеся, но очень важные для хозяйства Португалии ее колонии. Но как бы то ни было, Салазар вел осторожную политику. Стоит

добавить к сказанному, что, не будучи откровенным фашистом и не стремясь к идентификации своего диктаторского режима именно с ним, правитель вел себя осторожно и намного ранее Франко взял курс на либерализацию.

Конституция 1933 г. — к власти диктатор пришел в 1932 г. — сохраняла кортесы, но фиксировала большую роль государства в корпоративной системе организации общества. А после войны в стране даже проводились выборы, чему наш читатель, впрочем, удивляться не станет. В 1949 г. страна вступила в НАТО. Но в 1960 г., в год деколонизации Тропической Африки, Португалия начала изнурительную войну за сохранение своих колоний. И хотя это само по себе большого вреда экономическому росту не причинило, с каждым годом становилось яснее, что время диктатора сочтено. В 1968 г. Салазар ушел в отставку из-за болезни и в 1970 г. умер. К власти пришел М. Каэтану. А в 1974 г. Каэтану был свергнут в результате государственного переворота.

Революция гвоздик, как ее называли, была левацким заговором военных. Вскоре после переворота стали создаваться политические партии, а во временном правительстве все уверенней задавали тон коммунисты. В стране шел процесс национализации промышленных предприятий и экспроприации крупных земельных владений. Но на выборах в апреле 1975 г., через год после переворота, коммунисты получили всего 12% (социалисты 38, народные демократы 26). После этого между левыми партиями возникли разногласия. Социалисты с М. Суарешом вышли из прокоммунистического правительства В. Гонсалвиша, а Гонсалвиш отобрал у социалистов их популярную в народе газету. Была выработана конституция с призывом активно участвовать в *революционном процессе создания бесклассового общества*. Однако на парламентских выборах в апреле 1976 г. снова верх взяли социалисты. Премьером стал Суареш, которого, однако, спустя два года вынудили подать в отставку. Впрочем, на очередных выборах в конце 1979 г. социалисты еще раз вышли победителями.

Это был важный сигнал, и его нельзя было уже игнорировать. Страна в начале 80-х менялась буквально на глазах. В августе 1982 г. Революционный совет был упразднен и вступила в действие новая конституция, запретившая военным принимать участие в правительстве. На выборах 1983 г. социал-демократы вновь вышли вперед. А Португалия понемногу включалась в нормальную жизнь европейского сообщества. В том же году премьером вновь стал Суареш,

а в тексте конституции *бесклассовое общество* было заменено *свободным и справедливым*.

Финляндия, с немалыми потерями вышедшая из советско-финской войны и вынужденная после нее сотрудничать с нацистской Германией, с 1944 г., когда для нее война кончилась, оказалась под серьезным влиянием СССР. И хотя маршал К. Маннергейм в том же 1944 г. стал президентом страны, уже в 1948 г. вместо него этот пост занял Ю. Паасикиви, который вплоть до конца его правления в 1956 г. всеми силами противился росту зависимости от коммунистов и, несмотря на очень значительные уступки Советскому Союзу, добился немало. Советской армии в Финляндии не оказалось, и это было главным.

С 1956 по 1982 г. во главе страны был У. Кекконен. Как и Паасикиви, он был вынужден реализовывать курс, названный на Западе *финляндизацией*, что означало частичную уступку суверенитета. Суть этого курса Паасикиви-Кекконена сводилась к сильной политической зависимости от СССР, что косвенно было отражено и в советско-финском договоре 1948 г., отчего и получило это наименование. Но финны, что делает им честь, сумели ограниченную свою свободу использовать для впечатляющего экономического развития и для обретения не только благосостояния, но и самоуважения. Развиваясь как бы вне блоков, без помощи по плану Маршалла, они старались сделать все, что было можно, для сближения с западным миром и с течением времени немало в этом преуспели. А крушение СССР означало для них свободу, причем к этому времени финны по уровню развития и благосостояния ни в чем уже не уступали остальным процветающим скандинавским странам.

СТРАНЫ ЕВРОПЫ, ОСТАВАВШИЕСЯ НЕЙТРАЛЬНЫМИ

Среди нейтралов, не запятнавших себя сотрудничеством с нацистами, в большинстве были такие, чей нейтралитет оказался бесцеремонно нарушен нацистской Германией. Правда, рядом с ними была одна, нейтральность которой уважалась всеми. О ней стоит упомянуть раньше всего.

Швейцария — одна из самых известных нейтральных стран Западной Европы. Формально она сохранила нейтралитет, хотя и вынуждена была терпеть нажим со стороны нацизма. О ее послевоенной

истории нет смысла говорить слишком много. ВВП растет быстрыми темпами, как и доход на душу населения и тем более золотой запас в этой стране надежных банков. В годы интенсивной интеграции она проявила интерес к европейским организациям и, в частности, к Совету Европы, но в ООН не вошла.

Бельгия, которая в 1925 г. связала себя обязательствами с союзниками по Локарнскому договору, в 1936 г. денонсировала этот договор, с чем Великобритания и Франция должны были согласиться. С 1937 г. страна считалась нейтральной, но это ей, как и скандинавским Дании и Норвегии, не помогло. Как и в годы Первой мировой войны, бои шли в этой стране, принеся ей немало бедствий. После войны Бельгия, Нидерланды и Люксембург — Бенилюкс — начали путь к европейской интеграции. Помощь по плану Маршалла, неисчислимы ресурсы Конго и участие почти во всех организациях, ведших к интеграции, сыграли роль в восстановлении экономики страны. А потеря Конго, обретшего в 1960 г. независимость, как и национально-конфессиональные распри между франкоязычными католиками валлонами и протестантами-фламандцами северной части страны, породили ситуацию внутренней напряженности, надолго приведшей к превращению королевства в нечто вроде федерации (Валлония, Фландрия и этнически пестрый Брабант с Брюсселем). Соответственно стала выглядеть и вся политическая жизнь страны с ее обилием партий, созданных с учетом национальных и лингвистических предпочтений. Впрочем, это не препятствовало энергичному экономическому росту и социальному благосостоянию.

Нидерланды — северный протестантский сосед Бельгии, населенный голландцами, родственными фламандцам (язык у тех и других по сути один). Эта страна тоже настаивала перед войной на нейтралитете и также получила вместо него оккупацию. В отличие от Бельгии, которая на карте Европы появилась лишь в XIX в., Нидерланды имеют большую и славную историю. Но к середине XX в. она была уже в далеком прошлом, а от империи осталась лишь Индонезия, хоть и очень важная колония, но не слишком богатая ресурсами, особенно по сравнению с Бельгийским Конго. К тому же потеряли эту колонию голландцы еще раньше, в 1949 г. Как Бельгия и Дания, Нидерланды после войны решительно отказались от политики нейтралитета, встав на путь европейской интеграции и достигнув на этом пути немалых успехов, сопоставимых с общим западноевропейским стандартом. Обилие заливаемых морем прибрежных территорий, что всегда было важнейшей заботой голландцев, привело к необхо-

димости создания грандиозной системы дамб и освобожденных от морской воды польдеров. В послевоенные десятилетия обновление этой гигантской системы было одной из главных задач страны. Но от этого не страдали другие проекты, включая постоянное повышение уровня жизни и, в частности, массовое жилищное строительство.

Дания — одна из первых (после Польши) жертв нацизма. Весной 1940 г., несмотря на объявленный ею нейтралитет, Германия оккупировала эту страну, но не подавила ее. Вся Дания, начиная с короля, демонстративно противостояла нацизму (король надел шестиконечную *звезду Давида*, знак еврея). А после войны эта небольшая, но высокоразвитая скандинавская страна быстро справилась с последствиями и снова вернулась к стандарту, который свойствен государствам буржуазного благосостояния. Но не следует полагать, что датчане — это относится и к другим народам, в том числе скандинавским, — живут стабильно-безмятежной жизнью типа той, что не так уж и давно щедро описывались отечественными фантастами, писавшими о далеком светлом коммунистическом будущем. Свои проблемы, подчас и весьма серьезные, были и у них. В частности, это проблема безопасности и нейтралитета. Наученная горьким опытом страна с первых же послевоенных лет, когда политическая ситуация в мире была еще не очень ясной, начала принимать активное участие в процессе европейской интеграции, будь то ООН, ЕЭС или НАТО. Датчане не отказывались и от активного участия в решении разнообразных мировых конфликтов, в том числе и в форме отправки военных контингентов в составе войск под эгидой ООН.

Норвегия — еще одна скандинавская страна, стремившаяся в начале войны к нейтралитету, но оккупированная нацистами одновременно с Данией. Однако в отличие от Дании она оказалась под властью коллаборациониста В. Квислинга, чье имя уже в годы войны стало нарицательным и обозначало готовность сотрудничать с врагом. Неудивительно, что часть норвежцев оказалась в рядах войск противника. В то же время значительно большее число их стали борцами армии, сражавшейся против него. После войны партия социалистов обеспечила стране быстрый экономический рост, а открытие в 60-х гг. на шельфе омывающего страну Северного моря богатых залежей нефти и газа превратило малонаселенную Норвегию в царство богатых людей, чье благосостояние вполне может соперничать с тем, что выпало на долю обогатившихся за счет нефтедолларов арабских эмиратов. Как и Дания, Норвегия принимает участие в деятельности международных организаций.

Швеция — государство из числа тех, кто держался политики нейтралитета даже тогда, когда советско-финская война (а Финляндия исторически очень близка шведам) велась рядом с ее границами. Однако она, после оккупации немцами соседних со Швецией Дании и Норвегии, хоть и помогая им, особенно беженцам из числа евреев, была вынуждена вступить с нацистами в торговые связи и вести по отношению к ним политику благожелательного нейтралитета. Впрочем, уже с 1943 г. ситуация начала меняться. Резко усилились в стране протестные движения, связанные прежде всего опять-таки с защитой бежавших от нацистов евреев. Стоит в этой связи напомнить о судьбе дипломата Р. Валленберга, спасшего десятки тысяч венгерских евреев (им давались шведские паспорта) и погибшего в застенках советского НКВД после его ареста в Будапеште в начале 1945 г.

В послевоенные десятилетия богатая, благополучная и давно привыкшая к социальной справедливости Швеция с ее обычно социал-демократическим правительством продолжала процветать. Развивались современные отрасли промышленности, причем на очень высоком уровне (в автомобилестроении он представлен фирмой «Вольво», хорошо известной и высоко ценимой и в наши дни). В стране давно нет сложностей в обеспечении граждан жилищем или всех нуждающихся очень приличным содержанием. Регулярные реформы, сводившиеся к росту уровня жизни, социального страхования, многочисленных льгот и пособий привели в современном мире к возникновению понятия *шведская модель*, воспринимаемого как символ наивысших достижений либерально-демократического буржуазного Запада. Но не следует полагать, что в стране все гладко и бесконфликтно. Бывают сложности в экономике, временами обостряется, как и везде, политическая борьба. Более того, в 1986 г. среди Стокгольма был убит возвращавшийся из кинотеатра премьер У. Пальме, а полиция (о личной охране высших лиц в стране и речи не было) так и не сумела найти преступника.

Исландия, чье географическое положение избавило ее от нацистской оккупации, с начала войны, с весны 1940 г., стала удобной базой воевавших с нацизмом стран. В 1944 г. она, порвав унию с Данией, стала независимой республикой. Рыболовство — едва ли не основной ресурс, за счет которого существует крайне немногочисленное население страны. После войны стала интенсивно участвовать в интеграции — членство в ООН, НАТО, ЕАСТ. С 1952 г. она, как и остальные скандинавские страны (Финляндия с 1956), вошла в состав Северного совета.

Греция тоже официально заявила о своем нейтралитете. Но, хотя от Германии она, как известно, расположена достаточно далеко, рядом с ней была оккупированная итальянцами Албания. И в октябре 1940 г. именно они устроили на границе провокацию, послужившую поводом для начала войны. Правда, война на первых порах была неудачной для итальянцев. Но в апреле 1941 г. Германия, всерьез подготовившись, взяла инициативу в свои руки и через Болгарию обрушилась на Грецию, выступив одновременно и против Югославии. И хотя на помощь грекам пришел английский экспедиционный корпус, силы были неравными. Стратегия блицкрига сработала, и к концу апреля небольшая страна была оккупирована немцами. Последующие годы привели к возникновению в Греции сильного партизанского движения, в руководстве которого большую роль стала играть компартия. В 1943 г., после захвата части Италии, англичане усилили свою активность в Греции, а в 1944 г., когда немцы стали отступать, начались столкновения англичан с повстанцами, которые продолжались достаточно долго и переросли в гражданскую войну, завершившуюся в 1949 г. поражением повстанцев.

После войны экономика промышленно недостаточно развитой и сильно разрушенной в ходе боев страны стала восстанавливаться, чему активно способствовали буржуазно-демократические идейно-институциональные принципы организации общества. Однако развитие шло медленно, что оставляло место для попыток установления авторитарных режимов латиноамериканского типа. Именно таким был период правления так называемых *черных полковников*, 1967–1974 гг. Но после этого развитие страны пошло быстрее и успешнее, хотя к особо заметным результатам это не привело. И несмотря на то, что Греция принимала участие в организациях, создававшихся с целью интеграции, а также на помощь извне, начиная с плана Маршалла, она долго оставалась и все еще остается одной из наименее успешных стран Западной Европы.

К числу нейтральных следует отнести и практически все малые страны Западной Европы. Это Люксембург, Лихтенштейн, Мальта, Монако, Андорра, Сан-Марино и Ватикан. Люксембург, богатый полезными ископаемыми и с очень развитой тяжелой индустрией, разделил судьбу тех нейтралов, которые были бесцеремонно оккупированы немцами. А после войны это герцогство очень быстро и успешно развивалось. Что касается остальных небольших государств, то они являют собой карликовые государственные образования. Исключение представляет разве что **Мальта**, переставшая быть

английским владением в начале 60-х, а с 1974 г. ставшая республикой. Она существует за счет небольшой обрабатывающей промышленности и весьма развитого туризма. Все малые страны, кроме Ватикана, этой религиозной столицы мирового католицизма, являют собой буржуазно-демократические государственные образования со всеми теми свободами и правами, которые обычно им присущи.

СТРАНЫ ЗАПАДНОГО МИРА И БЛИЗКИЕ К НЕМУ НА ВОСТОКЕ АЗИИ

Теперь перейдем к последней части главы. Сложность ее в том, что трудно понять, особенно тем, кто далек от Востока и востоковедения, почему именно несколько дальневосточных стран раньше и лучше, много полнее остальных государств вне Европы и вне основанных европейцами колоний первого типа (заселенных колонистами) стали странами западного мира. Что здесь за волшебство? А если не оно, если отрешиться от мистики, то что же все-таки? И здесь приходится начать с Японии, хотя правильной было бы начинать с древнего конфуцианского Китая.

О Японии и японцах кое-что было уже сказано. Известны особенности традиционной структуры страны и организации общества, некоторые специфичные формы бытия и поведения японцев, в первую очередь самураев, рыцарская этика которых предполагала верность патрону до самопожертвования. Но какую роль сыграло именно это и что еще, сблизившее японский стандарт с первоначальным китайским, было самым главным в стремительном возвышении послевоенной Японии и Кореи (речь, разумеется, не о КНДР)?

Япония стала крупной и передовой по западным меркам страной еще в начале XX в. Она успешно развивалась и после этого, вступив во Вторую мировую войну одной из наиболее могущественных и милитаризованных держав. И не ее вина в том, что война была проиграна немецким нацизмом. Но показательно, что из проигрыша и более чем печального конца войны с атомными бомбами в Хиросиме и Нагасаки началось не просто восхождение, но стремительный рост совершенно новой, буржуазно-демократической либеральной Японии. Все началось с появления в этой стране американцев во главе с генералом Д. Макартуром, которые, распустив японскую армию и обеспечив судебные процессы над военными преступниками из числа высшего политического руководства страны, энергично занялись

в первую очередь идейно-институциональными преобразованиями. Оправдывавшие репрессии нормы законодательства, тайная полиция и все ведомства, осуществлявшие агрессивную милитаристскую политику, решительно ликвидировались. Был взят курс на создание новых партий и разных общественных организаций. Синтоизм как религию, восхвалявшую божественный статус императора, отделили от государства, после чего император в новогоднем обращении к народу в 1946 г. публично отрекся от своего божественного происхождения (согласно легенде, его род восходил к древней богине Аматерасу).

Реформа образования привела в школах к ликвидации культа императора и связанных с ним догм. А новая конституция была создана на привычной для буржуазного Запада основе принципов конституционной монархии и либеральной демократии с особо подчеркнутым приоритетом высшего суверенитета народа. Двухпалатный парламент стал законодательным органом Японии. Назначаемый им из членов партии большинства кабинет министров должен был исполнять функции исполнительной власти. Суд и судьи были объявлены независимыми и подчиненными только закону. Конституция содержала широкий перечень демократических прав и свобод, включая американские *право на жизнь, свободу и стремление к счастью* (ст. 13), а также свободу слова, собраний, печати, мысли, совести и т.п. Были провозглашены право на частную собственность и на труд, на социальную помощь и здравоохранение. В число основных прав включалось равенство всех перед законом. Особо было объявлено об отказе Японии от войны и от применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Эта конституция была принята японским парламентом в 1947 году, после чего последовали судебные процессы международного военного трибунала в Токио. А в 1951 г. были заключены Сан-Францисский мирный договор и японо-американское соглашение, в соответствии с которым США брали на себя заботу о безопасности Японии и получили право на создание военных баз с размещением войск. Все это совсем не случайно подробно изложено. Важно понять главное, о чем уже шла речь. Создание идейно-институциональной первоосновы обеспечило если не все, то очень многое из того, что за этим последовало, начиная с экономического «чуда», к которому высокоразвитая индустрия Японии с ее хорошо работавшими фирмами давно была готова.

Теперь несколько слов об этом чуде, хорошо известном читателю. К середине 50-х экономика страны с ее ежегодно возрастающим поч-

ти на 10% ВВП достигла довоенного уровня. В 50-е гг. были воссозданы прежние и ускоренными темпами развивались новые отрасли промышленности, в том числе электроника, нефтехимия с уклоном в производство синтетики. В 60-х японская промышленность вышла чуть ли не на второе место в мире после американской. И уже не было ничего современного и даже новейшего, чего бы японцы не умели производить, причем на очень высоком уровне качества и к тому же сравнительно недорого. Конкурентоспособность их товаров начала приносить бедной природными ресурсами стране огромные доходы. Это увеличивало притягательность высококвалифицированного труда. Образование, особенно высшее, стало наиболее желанной социальной и личной ценностью, в первую очередь самого стремившегося получить его молодого поколения. И государство шло навстречу, делая все для этого необходимое, включая увеличение срока обязательного бесплатного образования в школах и создание многочисленных хорошо оборудованных высших учебных заведений.

70–80-е гг. стали периодом борьбы за экономию ресурсов, начиная с грубого сырья и кончая потреблением столь нужной для развивающейся экономики и отсутствующей в стране собственной энергии. А японские автомобили, телевизоры, вся прочая бытовая техника, а затем и наукоемкие отрасли вроде изготовления оборудования для атомных электростанций, интегральных схем, роботов и аэрокосмической техники стали нормой для всего мира. Японское производство оказалось знаком высокой пробы.

Едва ли есть смысл продолжать. Можно добавить к сказанному, что правительство страны, обычно возглавлявшееся представителями той либо иной фракции господствующей в парламенте либерально-демократической партии (ЛДПЯ), не имело ничего общего с теми руководящими органами в некоторых других странах, где правящая партия *нового типа* подавляет всех инакомыслящих. ЛДПЯ никого не подавляла, зато создавала условия для успехов как можно большего количества населения страны. И еще. Для японцев, служащих в фирмах — а это те же самураи, разве что не с мечом, а с портфелем, как их именовали, — характерен древний самурайский принцип твердой верности господину, т.е. руководству фирмы. И за эту верность служащий вознаграждается выплатами за выслугу и повышением в случае его пригодности и ценности для фирмы. Стоит заметить, что учитываются и психологические нюансы. Если и не везде, то кое-где в Японии на фирмах были созданы специальные комнаты, где выставлены фигуры руководителей фирмы и куда

каждый обиженный вправе прийти и отвести душу, отдубасив своего обидчика. Психологически эта новация в условиях верности фирме и многолетнего ей служения, до выхода на пенсию, себя вполне оправдала.

Почему японцы сумели так целесообразно устроить свою жизнь? Конечно, и у них немало проблем. Но, как говорится, нам бы ваши заботы. И, что едва ли вызовет возражения, в целом японская модель заслуживает самой высокой оценки. Напоминание об этом позволяет и даже вынуждает вновь обратить внимание на последовательность и взаимообусловленность всего того, что лежит в основе успеха буржуазной модернизации (для стран вне Запада — вестернизации). Сначала, учитывая традиции и ментальность общества, необходимо создать условия для расцвета буржуазных преобразований, а затем умело, с учетом национального опыта, провести эти преобразования.

Разумеется, национальный опыт, традиции, менталитет могут быть очень разными. И отнюдь не везде их нужно старательно сохранять. Кое-где важнее подавить, искоренить во благо самого народа, носителя опыта и традиций. Но это уже другая тема. Пока же важно принять во внимание, что в буржуазно-демократической Японии стандарты экономики, политической структуры, социальных отношений и повседневной жизни не полностью аналогичны западным, у истоков которых стояли античность и христианство. И дело вовсе не в том, чтобы дело обстояло именно так. Существенно иное: *основой генеральной структуры должны были стать выработанные и успешно апробированные на Западе идеи и институты. А менталитет, опирающийся на религиозно-цивилизационную традицию, — если он в принципе не противостоит и готов заимствовать западный стандарт, ведущий к успеху, — может вписаться в эту принципиальную основу.*

К сожалению, так бывает не везде и не всегда столь стремительно и успешно. Япония в этом смысле — как, впрочем, и очень близкая к ней Корея — завидное исключение. Специфика эволюции Японии, выведшая ее на арену мировой политики в качестве могущественной державы уже на рубеже XIX–XX вв., была очень подходящей для того, чтобы осознание необходимости продолжения трансформации, начатой в 1868 г., стало общенародным и выполнялось единодушно. В этом уникальность Японии. Но она была не одной, а только первой из тех стран конфуцианского круга, которые сумели много легче и быстрее других стать в ряд с миром Запада. Значит ли это, что путь,

избранный японцами, пусть далеко не добровольно, но сознательно, годен для всех?

Разумеется, все не так просто. Дело в том, каковы национальный опыт и религиозно-цивилизационные традиции, какова привычная ментальность населения. А они очень не одинаковы. Историческая практика второй половины XX в. убедительно об этом свидетельствует. Казалось бы, весь мир вне Запада, оказавшийся помимо его воли и при отчаянном сопротивлении подвергнутым процессу модернизации в форме вестернизации, должен был и/или во всяком случае мог последовать примеру Японии. Но почему-то последовали далеко не все. А среди тех, кто все-таки сделал это, выделяется группа стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, принадлежащие или хотя бы частично причастные к китайско-конфуцианской цивилизации, к которой принадлежит и Япония. Прежде чем попытаться ответить, почему случилось именно так, обратим более пристальное внимание на эти страны.

Начнем с Китая, точнее, той его части — острова **Тайвань**, — которая после образования КНР фактически отделилась от коммунистического Китая и продолжила путь, намеченный в свое время буржуазно-демократическим движением под руководством Сунь Ятсена и созданной на базе его идей, включая идею разделения властей (пять юаней), партии Гоминьдан. Основы этого пути складывались в Китае в годы Нанкинского десятилетия (1928–1937), когда последователь Суня Чан Кай-ши стремился создать в Китае либерально-демократическую структуру. Конституция 1946 г., в которой наряду с принципами умершего в 1925 г. Суня (национализм, демократия и народное благоденствие; к ним стоит добавить заимствованный у США принцип разделения властей) были провозглашены основные западные права и свободы, стала завоеванием, достигнутым в ходе долгих либерально-демократических преобразований. Она была той основой, опираясь на которую президент Чан ломал традиционную для империи структуру власти-собственности, внедрял новые идеи и соответствующие им институты и создавал фундамент для активизации свободных предпринимательских и конкурирующих рыночно-частнособственнических отношений. Правда, достигнуто было это не сразу, ибо предварительно требовалось сломать промежуточный военно-бюрократический режим власти и управления экономикой страны. Но в этом Тайваню помогли американцы, взявшие на себя — как и в случае с Японией — функции защитного зонтика и активного реформатора. В итоге за недолгий срок было сделано главное:

идейно-институциональный фундамент буржуазной либеральной демократии был заложен, рыночно-частнособственнический капитал успешно заработал.

Последующее развитие Тайваня во многом напоминало японский путь. Правда, в Китае, включая и Тайвань, не было самураев, а элита чиновников отличалась иными достоинствами и верностью не господину, но традиции и нормам древности. Тем не менее социопсихологический стереотип, включая принцип верности и культ величия высшего образца (не императора, как в Японии, а предков и конфуцианского этического стандарта), аналогичен. И главный его смысл в том, что он дисциплинировал людей, ориентируя их на старание и стремление всегда и в постоянном соревновании достигать наилучших результатов в посюсторонней жизни. Отсюда и результат.

Реформы, осуществленные на рубеже 40–50-х гг., привели к превращению земледельцев в частных собственников и к росту товарности сельского хозяйства. Помощь США дала большой толчок развитию до того очень незначительной, практически отсутствовавшей на острове промышленности. За 50–60-е гг. промышленное производство совершило огромный скачок, что дало основание говорить о «тайваньском чуде». В 70-х гг. экономический рост — около 10% в год — привел к резкому ослаблению авторитарной власти и заметному улучшению качества жизни населения, что контрастировало с усредненной бедностью континентального Китая в последние годы жизни Мао. Политические реформы после смерти президента Чана в 1975 г. способствовали появлению на Тайване, хотя и не сразу, но лишь в середине 80-х гг., при президенте Цзян Цзин-го, сыне Чан Кай-ши, многопартийной демократии.

Республика Корея, созданная в южной части корейского полуострова, была еще одним полигоном, где успешно прошел апробацию аналогичный процесс становления антично-буржуазной либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуры и общества западного типа. Все это здесь, как и на Тайване, возникало в условиях трансформировавшегося китайско-конфуцианского авторитарного режима. Президент Ли Сын Ман из американских корейцев был склонен к авторитарным методам руководства, что рождало в стране недовольство, завершившееся в 1960 г. массовым протестным движением и его отставкой. Приходившие ему на смену выдвинувшиеся в ходе войны генералы тоже не были чересчур озабочены формированием либерально-демократического фундамента страны и не без некоторых оснований полагали, что авторитарными

методами они скорее и легче добьются экономического процветания. Кое-чего они, в частности Пак Чжон Хи (1961–1979), все же добились. После конституционных реформ 1962 и 1972 гг. авторитаризм был несколько смягчен, а в экономике начали наконец происходить решительные буржуазные преобразования, что принято именовать «корейским чудом». Едва ли стоит напоминать, что означал экономический рост в южной части Кореи. Как и японская электроника или автомобили, корейские товары ныне заполнили весь мир. Так что в этом отношении Корея даже обошла Тайвань. Впрочем, дело не в этом. Важен сам принцип.

Очевидно, что в случае с Кореей традиции авторитарного руководства, как и на Тайване, не слишком мешали — в отличие от других регионов, в частности латиноамериканского с его крайне длительным процессом вестернизации, — ускорению темпов буржуазной эволюции. Однако важно постоянно иметь в виду, что идейно-институциональная первооснова здесь, как и на Тайване, появилась после войны и внедрялась советниками США. Другое дело, что эта основа накладывалась на традиции конфуцианства, которые несколько отличались от японских. Как в Корее, так и на Тайване они были ближе к китайским и в чем-то сближались с западноевропейско-протестантскими. Практически это значит, что с избавлением от чиновной бюрократии даже при условии сохранения авторитарных тенденций влияние буржуазной либеральной демократии как основы общества западного типа с его рыночно-частнособственническими отношениями и фиксированными правами, свободами и хотя бы элементарными гарантиями стало давать о себе знать, во всяком случае в условиях второй половины XX столетия.

Гонконг был около ста лет не только колонией Англии, но и важнейшим финансовым центром региона. Возвращение его под власть правительства КНР не слишком повлияло на процветание города, который по-прежнему играет важную роль в экономике Восточной Азии. Но в любом случае важно иметь в виду, что в лице Гонконга перед нами как бы совместно предстают и усилия британской колониальной администрации, и практика китайцев *хуацяо*, существующих вне влияния жесткой бюрократической империи, и торгово-финансовые возможности острова как такового. Все это вкупе и породило «гонконгское чудо». Архитектура города с впечатляющими высотными строениями свидетельствует о его успехах и процветании не хуже всего остального. И все это, вместе взятое, тоже говорит в пользу удачного синтеза Запада и конфуцианской традиции,

который представлен, в каждом случае по-своему, и в Японии, и на окраинах Китая, и на юге Кореи.

Примерно то же самое мы видим еще на одном небольшом острове. Это **Сингапур**. После войны англичане вернулись на остров, уже настроенный на деколонизацию. С середины 50-х гг. Сингапур стал готовиться к обретению политической самостоятельности, чему Великобритания начала активно содействовать. В 1958 г. была принята демократическая конституция, а в 1959 г. появилось правительство во главе с адвокатом, китайцем по происхождению (китайцы были и остаются основной частью населения острова) Ли Куан Ю. Ставший самоуправляемой колонией в 1959 г. и обретший независимость в 1965 г., небольшой остров Сингапур за годы правления мудрого (иначе не скажешь!) китайца Ли Куан Ю, просидевшего в своем кресле с 1959 по 1990 г., добился необычайно многого. Конституция 1959 г., дополненная в 1965 г., гарантировала все либерально-демократические права и свободы. Но стоит добавить, что фактически здесь сыграли свою роль и достаточно жесткие авторитарные тенденции самого Ли, который твердой рукой довольно долго вел страну к тому неслыханному уровню процветания, «сингапурскому чуду», которого этот остров добился за немногие десятилетия.

Выгодное географическо-стратегическое расположение острова на перекрестке морских торговых путей и расцвет товарооборота во многом способствовали успеху курса на резкий экономический рост. На небольшом острове строились промышленные предприятия, великолепно оборудованные современной техникой с высококлассной технологией. Сингапур оказался притягательным для различных ТНК. Как и Гонконг, он превратился в торгово-финансовый центр мирового значения. Крупные порты с очень развитыми службами, включая телекоммуникационные, обогащали сравнительно небольшое население острова, что способствовало различным социальным реформам, будь то организация системы всеобщего образования, здравоохранение или доступное жилье. Только с 80-х гг. соперником правящей партии народного действия стали оппозиционные, но и тогда первенство партии Ли оставалось непоколебленным. А сам Ли ушел в отставку в не слишком старом 67-летнем возрасте в 1990 г., сохранив при этом за собой статус министра и оставаясь в памяти благодарного народа, в основном склонных следовать конфуцианским принципам жизни китайцев, в функции мудрого старшего, любимого наставника. Стоит заметить, что культ семьи, социального согласия и гармонии официально были приняты в 1991 г. как фун-

даментальные принципы санкционированной парламентом государственной доктрины.

* * *

Теперь, не случайно обратив внимание на страны, где цивилизационное влияние Китая было основным, взглянем на некоторые другие, в которых процент китайцев хуацяо был ощутимым. Как то ни покажется странным, это как раз те несколько государств — кроме разве что одного из них, — которые в послевоенные десятилетия были, как о том упоминалось, каким-то образом причастны к блоку буржуазного Запада. Почему? Кто такие хуацяо? Это давно переместившиеся мигранты из Китая, причем, как можно судить, не деревенские крестьяне, но скорей переселенцы из торгово-ремесленных слоев южнокитайских городов. Приезжая на новые места с отсталым в развитии обществом и сравнительно слабой властью, с отсутствием столь привычной и жестко дисциплинирующей население чиновной бюрократии, хуацяо энергично организовывались в серьезные общины (ныне это чайна-тауны) и вскоре уверенно занимали ведущие позиции в экономике страны, в те времена находившейся на привычном уровне мировой деревни. И хотя сам Китай за пределы мировой деревни не выходил, эффект освобождения от власти имперской бюрократии делал свое дело, оживляя среди хуацяо врожденную их склонность к самосовершенствованию и конкуренции. Эти признаки и сближали их с протестантами.

Надо сразу же оговориться, что обществом западного или хотя бы смешанно-переходного к нему типа без серьезного воздействия со стороны колонизаторов не становились и хуацяо. Но в том-то и дело, что именно они первыми и раньше всего — стоило только начаться периоду колониализма — охотно воспринимали то, что несла с собой европейская предбуржуазия и тем более буржуазия более позднего времени, особенно в XIX в. Поэтому неудивительно, что малочисленная община хуацяо в соседних с Китаем странах Юго-Восточной Азии, где она ранее всего появилась несколько веков назад, оказывалась передовой и наиболее энергичной частью населения. А это, естественно, сказалось на успехах соответствующих стран, на ускорении темпов их эволюции и на выборе большинством населения в этих странах эволюции в сторону западных стандартов бытия. Обратим внимание на то, как выглядели эти страны во второй половине XX века, через столетия после того, как хуацяо там появились и прижились. Иногда их было много.

Малайя с XIX в. была страной, где около трети населения, в основном горожане, были китайцы. И хотя заметная часть их в XX в. сотрудничала с коммунистами, такими были не все. Китайская ассоциация Малайи вместе с индийцами и малайцами создала в послевоенной Малайской федерации Союзную партию, получившую поддержку населения страны. Конституция 1963 г., зафиксировавшая возникновение Малайзии, была буржуазно-демократической с некоторыми специфическими особенностями. Ислам (большинство основного малайского населения, в основном деревенское, были мусульмане) стал государственной религией, а султаны всех 9 княжеств-султанатов, населенных малайцами сельских районов, начали выбирать верховного правителя федерации (поочередно им становились сами эти султаны). Но как бы то ни было, при всей сложности национально-конфессиональной ситуации тон в экономике и вообще в развитии страны задавало городское, в основном китайское население, т.е. хуацяо. Среди них было немало прокитайских коммунистов, но большинство такие позиции отвергало. И именно их усилиями в 60–80-е гг. в Малайзии были заложены основы длительного процесса экономического роста, финал которого пришелся на рубеж XX–XXI вв., когда эта страна сумела превратиться в одно из наиболее развитых и процветающих государств региона.

В Таиланде после принятия буржуазно-демократической конституции 1946 г. и вступления страны в организацию СЕАТО возникли сложности, чем-то напоминающие тайваньские и южнокорейские. Имеется в виду то, что вроде бы уже созданные в государстве идейно-институциональные основы западного буржуазного типа не были прочными и сохраняли условия как для авторитарно-диктаторских переворотов латиноамериканского типа, так и для деятельности прокоммунистических группировок. Одни правительства сменялись другими, создавались разные варианты конституции, которая подчас вообще упразднялась. Большую роль играли военные. Словом, прочный фундамент либеральной демократии западного стандарта создавался медленно и с реверсиями. Процесс благополучно завершился лишь в 80-х гг., после чего развитие пошло вперед быстрыми темпами.

На Филиппинах, как и в Малайе или в Таиланде, заметную роль играли коммунисты, но также не слишком склонные к демократии военные. Не были устранены и авторитарные тенденции. Поэтому страну очень долго лихорадило, так что лишь в 70–80-х гг., да и то не сразу, а после двух новых конституций 1973 и 1987 гг., установи-

лась — не без содействия давно уже опекавших эту страну США — вроде бы свободная от наследия прошлого демократия. Вслед за этим экономика понемногу стала набирать темпы роста.

В **Индонезии** с ее примерно 5 с небольшим процентами китайцев позиции компартии были в 50–60-х гг. наиболее сильны. Но вся эта сила рухнула в одночасье после попытки коммунистического переворота 1965 г. И вслед за этим настало время активных буржуазно-демократических преобразований, повлекших в конечном счете резкое увеличение темпов экономического роста. И хотя в этой огромной и густо населенной мусульманской стране хуацяо оказалось не слишком много, да и те в процессе бурной политической жизни временами подвергались преследованиям, этого фермента — или катализатора — вполне хватило для энергичной и редко какой из исламских стран свойственной эволюции. В наши дни эта страна наряду с ЮАР одно время претендовала на почетное пятое место рядом с четверкой БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), которое считается весьма солидным. Ныне место заняла ЮАР.

Из вышеизложенного следуют некоторые выводы. Все перечисленные в последней части главы страны (особенно если учесть КНДР, о которой речь пойдет отдельно) шли вперед неодинаково. Некоторые, оказавшись жертвой коммунистов, шли медленней, а то и вовсе не добивались успехов в развитии. Главное, однако, в том, что *население стран*, исторически и традиционно-культурно хоть как-то, пусть даже лишь через хуацяо, даже при явном их меньшинстве, тем более среди мусульман, но все-таки связанное с древней китайско-конфуцианской цивилизацией, *оказывалось той средой, которая наиболее восприимчива к воздействию со стороны западных идей*. Но почему так? Все оттого, что религиозно-цивилизационная традиция и воспитанный ею менталитет могут ускорить или задержать такое восприятие.

В случае с востоком Азии западные идеи, которые влияли на эти страны, оказывались разными. Одни и те же люди оказывались восприимчивы по отношению и к буржуазно-демократическим идеалам, и к тоталитарно-экстремистским типа коммунизма. Видимо, причина здесь в том, что как раз свойственная китайско-конфуцианской цивилизации склонность к любым могущим показаться вообще-то полезными и многообещающими новациям вела их по неопределенному пути. Шел процесс неосознанного поиска, сопровождавшийся порой интенсивным давлением извне. Разобраться, что к чему, для многих было нелегко. Однако ментальность, в принципе отнюдь не

закрывавшая дорогу к прагматическому движению в сторону улучшения жизни здесь, на земле (а этот идеал, весьма противоречивший религиозному стремлению к успокоению во внефеноменальном мире, разительно отличал именно конфуцианско-дальневосточную китайскую традицию) играла очень важную роль. Она побуждала идти и искать, в том числе и такие варианты (КНДР), которые, будучи представлены ложными идеалами, могли радикально исказить путь к высоко ценимой традицией этого региона посюсторонней земной жизни.

Глава пятая. ВСЕРЬЕЗ О ЧУДЕСАХ

Резюмируя все сказанное в предыдущих главах, следует заметить, что на протяжении первых послевоенных десятилетий восстановление в западном мире и странах, подвергшихся энергичному влиянию со стороны Запада, разрушенной экономики и ускорявшийся с помощью извне на обновленном технико-технологическом фундаменте экономический рост показывали столь необычные темпы, что феномен получил наименование *чуда*. Обратим внимание, что пока идет речь только о послевоенных десятилетиях. Нет разговора о Китае, Индии, Чили либо Дубае. О них речь особо, впереди. Пока же — только о хронологически первых, да и вообще не о них, точнее, не о каждом из них конкретно. Проблема ставится в принципе. Что такое чудо и вообще такого рода *чудеса*, если попытаться проанализировать проблему и, как говорится в подобных случаях, разложить все по полочкам? Поддается ли феномен рациональному анализу?

Ответ элементарно прост. Не только поддается, но и нуждается в нем. И потому обратим на проблему специальное внимание. Для начала вспомним, к каким странам интересующий нас термин обычно применяется. Его обычно не используют при характеристике послевоенной обстановки и процесса развития в буржуазно-либеральных демократических западноевропейских странах-победительницах, в Англии и Франции, тем более США, а также в британских доминионах, вплоть до Ирландии или ЮАР. То же самое можно сказать о нейтральных странах Западной Европы. Молчаливо считается, что все эти страны развивались спокойно и нормально, т.е. именно так, как им и полагалось. А ведь ни по темпам, ни по результатам, по достигнутым в конечном счете основным экономическим показателям ни одна из них в интересующее нас пока лишь послевоенное время —

кроме разве что откровенно отстававших и до войны, таких как Испания, Португалия либо Греция, — не отличалась, во всяком случае сколько-нибудь заметно и значительно, от тех, кого посетило чудо.

Примерно то же самое, с учетом поправочного коэффициента, относится и к тем восточноазиатским странам, которые в послевоенное время более или менее уверенно шли по западному пути. Смысл коэффициента здесь в том, что одни из этих стран под сильным давлением извне быстро добивались успеха в движении к буржуазно-демократическому стандарту, а другие оказывались на перепутье и пробивали дорогу к процветанию с немалым трудом. Остается не вполне ясным основной вопрос: что же именно, в свете такого расклада, способствовало появлению чуда у одних и определило отсутствие его у других? Стоит также рассмотреть, почему некоторые обрели его быстро, а другие за несколько десятилетий сумели лишь подойти к нему. И можно ли считать причастным к чуду то, чего в конце XX столетия достигли обогащенные нефтедолларами арабские страны или далекие от Европы и Азии некоторые латиноамериканские республики? Словом, какие критерии можно и должно использовать и какие в реальности используются для возникновения разговора о чудесах?

Вопросов много и они очень разные. Чтобы четко определить, что к чему, разделим их, как и ответы на них. И, если проделать эту несложную первоначальную работу, создастся обоснованное впечатление, что, когда мы говорим только о послевоенном периоде, понятие чуда относится прежде всего к странам, потерпевшим поражение в войне. Применительно к богатым нефтедолларами странам о чуде говорить не приходится. Ничего похожего на чудо не было в те времена замечено в Латинской Америке. А один из многочисленных интернетовских сайтов, касающихся этой проблемы, так и был назван: «Экономическое чудо. Разгромленные в войне державы за 10–15 лет становятся передовыми». И вот здесь-то мы и подходим к существу всей связанной с чудесами проблематики. Выясняется — для этого есть, стоит повторить, серьезнейшие основания, — что само понятие *чуда*, во всяком случае вначале, когда этот термин и соответствующее ему понятие возникли и были осознаны, применялось именно для того, чтобы показать не столько даже неожиданность, сколько невообразимость, полную необъяснимость посредством рационального анализа того, что происходило со странами, вчера еще разрушенными, а то и униженными поражением и суровыми наказаниями верховного их руководства, т.е. вроде бы прочно пришедшими в состояние абсолютно ничтожного существования.

Казалось бы, на долю этих стран, особенно побежденных, — как то было с кайзеровской Германией после Первой мировой войны — выпала незавидная доля находиться на протяжении 10–15 лет в состоянии упадка и с трудом выбираться из этого состояния. А вышло совсем не так. И не однажды, в одной только стране, отличавшейся некоторыми важными особенностями национальной психологии (склонность к порядку, дисциплинированность), но, как правило, повсюду. Так в чем же дело? Попытаемся найти приемлемое объяснение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО В ГЕРМАНИИ (ФРГ)

Прежде всего важно принять во внимание, что триумф буржуазных преобразований и успехи процесса модернизации, включая вестернизацию мира вне Запада в XIX столетии, грубо прерванные не только и даже не столько Первой мировой войной, сколько неожиданно изменившимся раскладом сил, вызванным появлением красно-коричневых тоталитарных режимов левого и правого толка и небывалой агрессивно-экспансионистской империалистической их активностью, ушли в историю. На смену своего рода политической эйфории пришло грустное для буржуазно-демократических стран время, когда они оказались слабыми, разрозненными и потому бессильными перед жестким натиском экспансивного экстремизма упомянутых режимов. Отсюда и вызывающее у многих раздражение и даже гнев, но на деле заслуживающее понимания и сожаления поведение глав западноевропейской либеральной демократии в конце 30-х гг., когда две страны, олицетворявшие тоталитаризм и возглавлявшиеся соответственно вождем и фюрером, уже набрали силу и реально угрожали западному миру буржуазной демократии.

Этот мир в те годы, что стоит всегда помнить, был представлен всего двумя европейскими державами, Англией и Францией, тогда как остальные, в немалой мере запуганные, стремились позиционировать свой нейтралитет. А США все еще находились в состоянии отстраненности от дел в Старом Свете и особенно в Европе с ее вечными и крайне сложными внутренними разборками. Это и развязало руки тоталитарным режимам, позволив им то с наглостью, а то и молчаливо, но напористо диктовать свою волю всем окружавшим их странам, начиная с нейтральных. Ситуация если и не полностью, то уж во всяком случае довольно заметно стала напоминать взаимоотношения между удавами и кроликами. И если вначале сами удавы

попытались было померяться силами в Испании, то вскоре после этого они, вполне мирно разойдясь в разные стороны, сблизились и, легко найдя взаимопонимание, откровенно принялись за всех тех, кто вынужден был занять позицию напуганных и полупарализованных кроликов.

После этого и началась Вторая мировая война. Не возвращаясь к описанию ее хода, можно констатировать, что вмешательство в войну США довольно существенно откорректировало соотношение сил. Метафорическая аллегория с удавами и кроликами уже никак не годилась. Соотношение сил в мире решительно изменилось. А на смену союзу тоталитарных режимов правого и левого толка пришло столкновение двух мощных коалиций, одна из которых, антифашистская, точнее антинацистская, с ее потенциалом и ресурсами была заведомо сильнее другой. В конечном итоге тоталитаризм правого толка как весьма реальная опасность для мира исчез с лица земли. И вполне естественно было считать, что вместе с ним оказались очень сильно ослабленными та страна — Германия — и вся та коалиция (Италия, Австрия, Япония с Кореей и несколько сравнительно небольших европейских стран), которая в ходе войны солидаризировалась с этим режимом. Мир с облегчением вздохнул. И никто в тот момент, разумеется, не ожидал, что именно побежденные страны окажутся в ситуации экономического чуда. Однако вышло именно так. Почему?

Подумаем, как буржуазный западный мир (о коммунистическом блоке во главе с СССР речь пока не идет) должен был реагировать на все, что на его глазах свершилось менее чем за одно десятилетие. Версальский договор, завершивший Первую мировую войну, оказался политико-дипломатическим актом, чуть не погубившим мир спустя всего два десятилетия. Забыть об этом элита развитых буржуазных стран не могла, так как это происходило, как только что было упомянуто, на ее глазах. Вопрос теперь сводился к тому, как не допустить впредь ничего подобного. Но как этого можно было и следовало добиться? Буржуазный мир в лице его элиты хорошо понимал, что одурманенный нацистской пропагандой немецкий народ в 1945 г. был совершенно другим по сравнению с 1918–1919 гг. Правда, и тогда, и теперь он отличался склонностью к экстремальным общественно-политическим движениям. Но тогда в стране существовала влиятельная немарксистская социал-демократия, а теперь ее не было. И все-таки дело было не только и даже не столько в этом. Памятуя о прошлом, невозможно не задуматься над тем, что крах

версальско-веймарской Германии и выход на авансцену нацизма, к тому же под аплодисменты народа, во многом были обусловлены унижением, которому подвергли великую страну. Такого Германия забыть и простить не могла, а нацизм не просто обещал, но вполне реально, шаг за шагом, обеспечивал возвращение стране ее былого и, как считали очень многие, заслуженного величия.

Что же следовало из этой не очень сложной идеологемы? То, что не следует не только унижать, но и пренебрегать судьбой народов в странах, проигравших войну. Конечно, если решать проблему с учетом высшей справедливости, с немцев стоило бы спросить по полной программе за людоведскую политику их правителей, за 6 миллионов жертв холокоста. Но задумаемся, к чему бы это могло привести и как бы вновь реагировал на все это униженный победителями народ через пару десятилетий. Колебаний в ответе на такие вопросы не могло быть. Конечно, виновных правителей и их прислужников следовало сурово наказать. Это и стало главной задачей денацификации, вполне успешно реализованной в Германии за несколько послевоенных лет. Но весь остальной народ нужно просто перевоспитать, причем не столько внушениями и примитивной пропагандой, сколько реальными успехами в сфере экономики и особенно созданием новой социополитической первоосновы, успешно обеспечивающей постоянный экономический рост. Вот это и было сделано, причем вполне осознанно и ни в коем случае не скупясь.

Словом, очень похоже на то, что *основную роль в реализации германского экономического чуда* — а его, безусловно, необходимо считать не обязательно первым, но непременно главным среди всех прочих — *сыграл тот крайней важности факт*, что Германию постоянно щадили. Даже более чем просто *щадили*. Ее в *буквальном смысле слова лелеяли*.

Примерно то же, пусть во много меньшем объеме и с не столь явно выраженным тщанием, делалось и в отношении остальных побежденных стран. Каждую из них следовало заботливо поддерживать и решительно переориентировать с тем, чтобы все они из потенциального резерва тоталитаризма стали надежной составной частью буржуазной либеральной демократии. Для этого были предприняты многочисленные и, с учетом специфики каждой из них, разнообразные меры. Прежде всего, все эти страны не были подвергнуты обычным в таких случаях наказаниям, направленным на то, чтобы за счет взимаемых с них разного рода репараций и контрибуций ослабить их в финансово-экономическом, а следовательно, и в военно-поли-

тическом отношении, усилив таким образом разоренные войной страны-победительницы. Но почему не было репараций и контрибуций? Насчет контрибуций следует сказать, что они были заменены репарациями и реституцией на Версальской мирной конференции еще в 1919 г. А вот что касается репараций, то ими в послевоенный период, насколько можно судить, интересовался только СССР. И он получил их с восточной зоны оккупации Германии и с оккупированных им стран Восточной Европы, а также с Финляндии. Иное дело — страны-победительницы на Западе.

Они, как о том только что шла речь, не стремились за счет репараций ослабить побежденные в войне государства и остаться после этого один на один против тоталитарного режима левого толка, представленного после войны значительно возросшим могущественным коммунистическим блоком. Совсем напротив, еще до фултонской речи Черчилля, поставившего точки над *i*, вчерашние союзники СССР отлично понимали, что в их интересах усилить экономическую мощь вчерашнего противника, проведя для этого серьезную работу по радикальному буржуазно-демократическому его преобразованию, начиная с идейно-институционального фундамента. И именно этим они и занялись.

А все дальнейшее было уже делом элементарной техники. Народы стран Западной Европы (об Азии речь пойдет отдельно), вчера еще бывшие под властью тоталитарного режима правого толка, как бы очнулись и стряхнули с себя опутывавшую их паутину нацизма и фашизма. Они с легкостью, даже с благодарностью помогали воссоздавать разрушенный тоталитаризмом, но хорошо знакомый всем им буржуазно-демократический фундамент, который был создан еще в XIX столетии. И вот тут-то и выяснилось, что, воссоздав фундамент, необходимый для ускоренных темпов эволюции, побежденные западноевропейские страны оказались в наиболее выгодном положении. Выгода эта складывалась из нескольких чрезвычайно важных компонентов.

Во-первых, сыграло свою роль то весьма значимое обстоятельство, что на их территории после войны оказалось множество бездомных беженцев и переселенцев из СССР и стран Восточной Европы. Это касалось и немцев с территорий, которые были отторгнуты у Германии, и тех, кто не хотел оставаться в восточной ее части, оказавшейся зоной советской оккупации. Речь не о том, оказывал ли кто-нибудь всем им какую-либо помощь или этого не было. Гораздо важнее понять, что это была достаточно дешевая рабочая сила, гото-

вая хорошо и много работать за сравнительно невысокую по западноевропейским буржуазным стандартам плату.

Во-вторых, нельзя не учитывать то, что претензии побежденных на повышенное их социальное благосостояние вынужденно были — по крайней мере в те первые одно-два десятилетия, когда в основном и были достигнуты потрясающие успехи во всех основных направлениях, — крайне умеренными, не сравнимыми с теми, что предъявлялись политикам и предпринимателям в странах-победительницах. И не только потому, что побежденные страны были наводнены дешевыми рабочими руками. Сами местные жители хорошо сознавали, что они несут долю ответственности за то, что было, и поэтому не вправе рассчитывать на слишком многое. Что успеют и сумеют сделать, тем и будут потом обладать.

В-третьих, не стоит забывать того, что Германия, как и, пусть в меньшей степени, Австрия и Италия, были основательно разрушены войной. Это значит, что с уничтоженными строениями вынужденно уходила в прошлое старая техника, оборудование военного и довоенного времени. Иными словами, расчищалась почва для нового оборудования. А новая техника и технология поступали в Европу по плану Маршалла примерно в равной степени, с учетом многих факторов, но без дискриминации по отношению к побежденным. Что же касается поставок по этому плану, то нет оснований сомневаться в том, что США не скупилась и вкладывали в будущую буржуазно-демократическую Германию все, что только было возможно.

В-четвертых, стоит учесть, что по условиям мирных договоров Германия, как и остальные побежденные страны, была обязана разоружиться и не содержать численно существенные армии, тем более хорошо вооруженные дорогостоящим оружием. И это обстоятельство вело к изъятию бюджета от лишних расходов, к отказу от возможности и необходимости строить военные промышленные предприятия, на что во многих иных государствах продолжали уходить немалые деньги.

Видимо, можно найти и другие аналогичные факторы, совокупность которых сыграла свою роль в реализации таких темпов роста, которые и позволяют говорить об экономическом чуде в побежденных странах Западной Европы. Разумеется, в Восточной Европе, оказавшейся в составе коммунистического блока, все было не так. Но не вполне так обстояли дела и в восточноазиатском регионе, хотя, как о том уже шла речь, именно в нем тоже действовали факторы, создававшие условия для экономического чуда.

ИСТОКИ ЧУДА В СТРАНАХ КИТАЙСКО- КОНФУЦИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Не обращая специального внимания на прочие побежденные страны в Европе, по отношению к которым проводилась такая же политика, что и в западной части Германии, обратимся теперь к Японии и ко всему региону Восточной Азии. Этот регион с его тиграми справедливо считается, на что уже было обращено внимание в заключительной части предыдущей главы, особо процветающим. Вопрос в том, чтобы понять и объяснить, почему это так. Что касается Японии, то здесь все будто бы ясно. Она в годы войны играла в восточноазиатском регионе не меньшую роль, чем ФРГ в Европе. Ей и было уделено Западом — США — особое внимание. Но речь не только о ней. Корея и Тайвань, небольшие анклав вроде Гонконга или Сингапура, а также отличающиеся обилием китайских переселенцев хуацяо Малайя, Индонезия, Филиппины или Таиланд при всем различии между всеми ними типологически в чем-то сходны как между собой, так и с Японией. Все они отдали дань китайско-конфуцианской традиции, всегда стремившейся к упорядочению именно земного бытия и — очень важно прибавить — китайской воинственной даосско-буддийской культуре с ее склонностью к мятежам. О самом Китае пока речь не идет, но когда придет его черед, многое еще больше прояснится. Но продолжим разговор об экономических чудесах первого поколения в этом регионе.

Разумеется, типологическое сходство между странами региона не стоит преувеличивать. Всюду существовала своя специфика. В Японии, например, воинственной даосской традиции вообще не было, но весьма воинственный буддизм, как и сословие самураев, были ее специфической особенностью. Островные Сингапур и Гонконг — небольшие английские колонии, что означало, имея в виду длительную политику интенсивной вестернизации, очень многое. Территориально более крупные Корея и Тайвань до 1945 г. были колониями Японии с ее крайне жесткой политикой. Остальные из перечисленных стран, за исключением независимого Таиланда, тоже либо были колониями, либо, как Филиппины, полузависимыми. Но все эти весьма существенные различия не меняют главного. Главное в том, что эти страны после войны оказались склонны или были вынуждены трансформироваться в сторону западных стандартов.

Такая судьба в XX столетии — а кое-где и раньше — постигла многие страны вне Запада. Но в ситуации, которая сложилась после Вто-

рой мировой войны, проблема в значительной степени осложнилась и обострилась. Мир оказался расколотым на соперничающие, даже враждующие части. Разными соответственно оказались и западные стандарты. Поэтому страны, которые попали в зону влияния государств, строивших марксистский социализм, были вынуждены следовать тому курсу, который им извне предлагался, а то и навязывался СССР и КНР (северная часть Кореи, т.е. КНДР; Индокитай). Иначе обстояли дела с теми, что были под влиянием буржуазного Запада, прежде всего США, но также и — отчасти — прежних колониальных держав, Англии и Нидерландов.

Все дело в том, что в середине XX столетия либерально-демократический курс буржуазных преобразований уже не был единственной моделью, на которую отстававшие в развитии страны могли ориентироваться. Годы японской оккупации в период войны — а в Китае все это начало проявляться несколько раньше — очень наглядно засвидетельствовали, что экстремизм в его советско-большевистском варианте крайне заразителен. Бедное и нищее крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения в странах Азии, в том числе в едва ли не наиболее густо заселенной Восточной Азии (заметим, отнюдь не пролетариат, на который в свое время делал ставку Маркс, а мировая деревня, т.е. наиболее отсталые и обездоленные), оказалось восприимчивым к заманчивым лозунгам насчет светлого будущего. А будущее это, как выяснилось, можно было достичь очень простым и, в частности, в Китае давным давно известным путем, массовыми вооруженными движениями недовольных. Это не касалось политически независимых Японии и Таиланда, а также Гонконга и Сингапура с их преимущественно городским населением. Но другие страны, прежде всего Корея и Вьетнам, а также Индонезия и Филиппины, да и еще некоторые, оказались в немалой мере затронуты влиянием на них экстремистско-утопической модели западного происхождения, практически не пригодной ни для Запада, ни для всего остального мира.

Однако эта явная непригодность советско-большевистской или, позже, чуть модернизованной маоистско-коммунистической модели светлого будущего стала ясной далеко не сразу. Она выявилась лишь в процессе ожесточенного соперничества и жесткой экономической конкуренции, которую не смогли выдержать ни СССР, ни тем более маоистская КНР. А в послевоенные десятилетия многое зависело от того, сколь серьезной окажется реальная помощь Запада странам, остро в ней нуждавшимся и имевшим возможность ее принять (КНР, КНДР и Индокитай такой возможности не имели, а ряд стран за-

воевал ее в нелегкой борьбе). Вопрос стоял достаточно остро: если Запад окажет помощь странам, оказавшимся, как Япония, потерпевшими в войне поражение, или тем, кто еще не успел твердо определиться со своим будущим, но все же не оказался в жестких тисках местных компартий, эти страны будут рядом с ним. Если этого не случится, ситуация может сильно осложниться.

Итак, в Восточной Азии — как и в Западной Европе — все обстояло очень сходным образом. Нужно было энергично помогать тем, кто в этой помощи остро нуждается и в состоянии ее принять. Неразумно было бы скупиться и создавать тем самым обиженных и недовольных, которые станут вынуждены обходиться без большой, щедрой помощи и очень существенной постоянной поддержки со стороны буржуазного Запада. Горький опыт прошлого очень наглядно продемонстрировал, что из этого может получиться. Имеются в виду не столько фашизм и нацизм в Европе, сколько страны, где компартии и партизаны прокоммунистического толка в годы войны достигли немалого успеха. Вопрос в Азии — чего не было в столь определенной форме в Европе — стоял очень жестко. Либо странам, о которых теперь идет речь, оказать очень серьезную и дорого стоившую помощь, либо они окажутся вне западной сферы влияния и станут резервом мирового коммунизма.

Этим, собственно, уже все сказано. Предпосылки японского чуда — а **Япония**, несмотря на ее сравнительно скромные размеры, особенно в сопоставлении с Китаем, была в то время главной восточноазиатской державой — сводились не только к созданию идейно-институционального фундамента. Конечно, это было первой и главной задачей, с которой успешно справились Макартур и его команда. Но выполнение ее в данной ситуации не было единственной целью и не стоило слишком дорого. Для перестройки нужна была, конечно, власть и сила, на которую американцы опирались. Но было ли этого достаточно для экономического чуда? Вопрос риторический, но в нем заложен и ответ. А суть ответа в том, что для этого нужно было терпение и умение использовать те условия и то стечение благоприятных обстоятельств, которые могли помочь достигнуть желаемого, т.е. доказать японцам, что единственно правилен для них именно тот путь, по которому их ведут США. И американцы сумели добиться этого, причем им помогли некоторые чрезвычайно важные обстоятельства. Перечислим основные из них.

Во-первых, специфика страны в процессе послевоенных реформ. Были активно использованы некоторые социопсихологические тра-

диции японцев, в частности восходящая к конфуцианскому стандарту строгая социальная дисциплина, заметно усиленная самурайским кодексом чести *бусидо* с его неколебимой верностью старшим, патрону, а также связанная со всем этим характерная для японцев, как в Китае, практика приоритета сбережений. Кроме того, как и немцы, японцы не могли не ощущать своей доли вины за преступления их вчерашней власти, которые завершились Хиросимой. И это чувство не могло не сыграть роли, в частности, в той же умеренности претензий на какие-либо социальные преференции, что была характерна для начального периода восстановления и развития в послевоенной Западной Германии. Известно, что, когда по инициативе и при помощи американских советников в стране были сокращены разного рода субсидии и резко увеличена роль рынка, что создало условия для успешного экономического роста, не было никаких протестов. Напротив, все энергично работали. Были и достаточно долго оставались сравнительно дешевыми рабочие руки японцев.

Во-вторых, война в Корее оказалась тем субститутом плана Маршалла, который способствовал быстрому экономическому росту. Вместо того, чтобы очень многое необходимое для содержания миллионной армии по высокому американскому стандарту везти из США, было решено размещать заказы в Японии. За три года войны это сыграло определенную роль. Разумеется, это не исключало массивной американской помощи по разнообразным иным каналам, включая весьма актуальную и значимую военную помощь.

В-третьих, американцы щедро делились с японскими предпринимателями, начиная с крупных давно существовавших, но радикально преобразованных концернов, современной техникой и технологией. Предоставление ее как в порядке помощи, так и иными способами, будь то инвестиции, сравнительно низкие цены или еще что-либо в этом же роде, например приобретение необходимых для переоснащения предприятий лицензий, было естественной нормой в сложившейся ситуации. И японские фирмы, уже имевшие немалый опыт в ведении разумного и расчетливого рыночно-частнособственнического хозяйства, активно и умело этим пользовались.

В-четвертых, как и в случае с Западной Германией, сыграла свою очень важную роль незначительность расходов на военные нужды. Офицерский корпус — вчерашние самураи, всегда рвавшиеся к захватническим войнам, — освободился от оружия, а вместе с ним утратил и характерную для него агрессивную воинственность. Но при этом высокий стандарт многовековой исполнительской культу-

ры остался при нем, так что в разных промышленных фирмах, куда отставники пришли, почти все они оказались востребованными и содействовали организации оптимальной структуры производства. Вообще отсутствие безработицы, как и заново созданный уровень обязательного образования (9 классов), было одним из важных следствий радикальных перемен и залогом многих успехов, а в конечном счете — японского экономического чуда.

Если говорить о Тайване, то здесь многое обстояло иначе. Остров по условиям Сан-Францисского мирного договора 1951 г. перестал быть колонией Японии, а КНР заявила о своих правах на него (в подписании договора она не участвовала). Но, как известно, еще на рубеже 1949–1950 гг. сразу же после поражения гоминьдановской армии правительство Чан Кай-ши перебазировалось на этот остров, который фактически так и не успел попасть под власть наступавших с севера китайских коммунистов. Правда, это никак не означает, что коммунисты смирились с потерей острова. Напротив, они начали отчаянно сражаться за него всеми мыслимыми способами. И если бы не США, можно с уверенностью сказать, что гоминьдановцы лишились бы Тайваня.

А перед американцами с начала 50-х гг. встал вопрос, как быть. Колебаний не было. Задача предельно ясна. Остров ни в коем случае не следует отдавать коммунистам. Но как это сделать? Как обеспечить безопасность и успешное его развитие? Нужна помощь, причем разнообразная и эффективная. В отличие от Японии, где все следовало решительно перестроить, здесь в этом не было необходимости. Правда, режим Чан Кай-ши был авторитарен, и это в немалой мере можно было объяснить постоянными войнами, которые был вынужден вести гоминьдановский Китай. И потому на слишком быструю его эволюцию в сторону буржуазной либеральной демократии рассчитывать не приходилось. Но следовало помочь начать этот не простой в данных условиях — в отличие не только от ФРГ, но и Японии, — процесс.

Казалось бы, столь немаловажное обстоятельство меняет предлагавшийся выше в достаточно строгой форме вывод, что идейно-институциональный фундамент следует считать первичным по отношению к производственным успехам буржуазных преобразований. Однако это не так. Дело в том, что процесс формирования подлинно цельной и безупречной либеральной буржуазной демократии, к которой все государства, о которых идет речь, в конечном счете пришли, все-таки шел. Всегда была видна перспектива. Но страна и народ

в ряде случаев просто не были к этому готовы. Поэтому в качестве основы, тем не менее, продолжал быть тот же фундамент, только создавался он не сразу, хотя и процесс с самого начала шел именно к этому. Таким образом, в функцию Запада и его представителей входило помогать процессу и обеспечивать его успех. На Тайване это было очень заметно. США, особенно после начала войны в Корее, взяли на себя ответственность за создание над островом зонтика (иногда говорят — ядерного зонтика), т.е. обязательство не отдавать остров коммунистам ни под каким видом.

В 1952 г. был подписан договор между Японией и Китайской Республикой, что юридически закрепило за правительством Тайваня право на владение островом. Одновременно со всей остротой встал вопрос о масштабной помощи. И эта помощь, в основном финансовая, была оказана, особенно в ходе проведения необходимых реформ, начиная с аграрной, предполагавшей создание частной собственности буржуазного типа с ориентацией на товарное хозяйство. Реформы оказались весьма удачными и, в сочетании с некоторыми новыми необходимыми для развития институтами (льготная аренда, принудительный выкуп, дешевый государственный кредит и т.п.), создали в стране основу для быстрого экономического роста. За 1951–65 гг. военная и экономическая помощь США составила 4 млрд долларов. В эти и в последующие годы на острове шел процесс приватизации и предоставления льготных условий для инвестиций. С конца 60-х несколько новых законов стали способствовать резкому увеличению потока инвестиций, обновлению оборудования и ускорению темпов экономического роста. И с рубежа 70-х гг. начался разговор о тайваньском экономическом чуде.

Резюмируя, важно обратить внимание на самое главное: на первых порах роль идейно-институционального фундамента, как и плана Маршалла, сыграла для Тайваня в те же 50–60-е гг. энергичная финансовая и военно-политическая помощь со стороны США. Без этой широкомасштабной помощи остров не сумел бы устоять, особенно когда его взаимоотношения с КНР стали наиболее напряженными. А помощь оказалась тем фундаментом, опираясь на который население Тайваня быстро достигло процветания. И это долгое процветание привело с рубежа 70–80-х гг. к концу авторитарных тенденций и к полному торжеству либерально-демократического западного буржуазного стандарта — при сохранении, разумеется, той национально-цивилизационной специфики китайско-конфуцианского характера, о чем уже говорилось. И в этой связи стоит заметить, что таким же

путём, пусть не столь быстро и не сразу достаточно ощутимо для всего огромного его населения, идет ныне от маоистского коммунизма к буржуазному процветанию, а также, если уж на то пошло, к своему экономическому чуду континентальный Китай. Но это уже чудо второго поколения.

Теперь о **Корее**. Формально она, как и Тайвань, была колонией Японии и потому в качестве самостоятельного государства в войне не участвовала, а ее территорию мировая война не затронула. Однако это не значит, что война вообще прошла мимо нее. В конце войны страну раздирали очень сложные политические противоречия, связанные с ялтинским решением учредить над Кореей опеку. В дело вмешалась ООН, но после длительных споров судьба страны решилась в 1948 г. наиболее болезненным из возможных способов — она оказалась разделенной на две части с превращением северной из них в коммунистический лагерь для местного населения. Затем началась война северной части против южной, которая в лагере не оказалась. И вот эта южная часть, Республика Корея, в экстремальных послевоенных, военных, затем, с 1953 г., снова послевоенных условиях вынужденно воссоздавалась как государство заново.

Конечно, это восстановление теперь пошло с помощью США. Иначе и быть не могло. Естественно, что именно эта помощь помогла провести аграрную реформу типа тайваньской и способствовать росту буржуазного промышленного производства. И столь же естественно, что управление страной при вполне либерально-демократической конституции имело явно выраженные авторитарные тенденции, так что новая власть поначалу была знакома с военными переворотами латиноамериканского типа. Но с течением времени ситуация менялась, причем чем дальше, тем резче. Менялась как потому, что давали о себе знать преимущества буржуазных преобразований, но также и потому, что эти преимущества в принципе не противоречили привычным для корейцев конфуцианским стандартам. Даже наоборот, древние стандарты с их социопсихологическими ориентирами легко вписывались в буржуазные (снова хочется напомнить об успехах современного Китая, идущего вперед точно таким же путем и с теми же привычными ориентирами и стандартами). Поэтому в очень скором времени экономический рост привел к тому, что именуется корейским чудом.

В судьбе **Сингапура** и **Гонконга** аналогичную роль сыграла британская колониальная опека, которая подготовила каждый из этих небольших городов-государств к политической независимости и к быстрым темпам экономического роста. Но, фиксируя это, нель-

зя упустить из вида самое главное, т.е. то, что ни США, ни Англия не сумели бы полностью заменить отсутствие в восточноазиатских государствах представления об антично-буржуазной рыночно-частнособственнической структуре и соответствующей лишь понемногу складывавшейся идейно-институциональной основы, если бы не конфуцианская цивилизационная традиция. Только и именно она сыграла существеннейшую роль в том, что за исторически короткий срок все упомянутые страны стали неотъемлемой частью западного мира (Тонконг, в конце XX в. вернувшийся с особым статусом в состав КНР, нуждается в оговорках).

Или, иначе, у истоков экономического чуда в странах Восточной Азии, от Японии до Сингапура, были не только западные страны с их твердо осознанным решением оказать всем этим странам максимально возможную экономическую, а то и военную помощь. Первоосновой, сильно облегчившей и ускорившей процесс, был местный очень специфический фундамент, чем-то отдаленно напоминающий протестантскую этику в ее трактовке Вебером. Это сопоставление не стопроцентно корректно, нужны оговорки, но суть сходства видна. *Она сводится к отсутствию сильной и нетерпимой религии, причем очень существенно, что конфуцианская альтернатива такой религии сводится не столько к дисциплинирующим общество моральным заповедям во главе с культом предков, но и к разумному свойственному учению великого мудреца прагматизму.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАН С КОМПОНЕНТОМ ХУАЦЯО

Такая же традиция сыграла столь же важную роль в трансформации тех государств, которые первоначально не были, но затем, будучи освоены немалым количеством хуацяо, оказались причастны к конфуцианской цивилизации. Об экономическом чуде в этих странах много говорить не принято, особенно применительно к первым послевоенным десятилетиям. И если кое-где, как ныне в Малайзии, но также и в Таиланде, Индонезии, в меньшей степени на Филиппинах, что-то похожее на такое чудо можно все же встретить — не зря упоминают о *новых* или *молодых тиграх*, — главное на сей раз не в этом. Несравненно важнее то, что эти страны Восточной Азии, пусть порой с некоторой задержкой, но достаточно быстро избрали западный путь и достигли такого уровня и таких темпов развития, которые

в наши дни позволяют говорить об экономическом чуде второго поколения. И в общем, что крайне существенно, влияние Запада здесь тоже сильно ощущалось по той же самой причине. Но остановимся на этом несколько пространнее.

Начнем с Малайи, где доля китайцев, как упоминалось, устойчиво достигала примерно трети всего населения. Если принять во внимание, что это были в основном горожане из числа хуацяо, традиционно занимающихся в основном ремеслами и торговлей, тогда как на долю малайцев выпадало сельское хозяйство, то станет несложно заключить, что западные идеи воспринимались прежде всего именно китайской частью Малайи (частично это были и мигранты из Индии, тоже являвшие собой крупную национально-конфессиональную общину в стране). Но характерно, что после окончания войны, прекращения японской оккупации и начала попыток британской колониальной администрации восстановить свои позиции значительная часть китайской общины стала поддерживать компартию, которая участвовала еще в борьбе против японцев. Возникла упоминавшаяся уже ситуация. Китайские традиции не препятствовали влиянию западных идей, но они одинаково могли вписаться и в процесс буржуазных преобразований, и в утопическую борьбу за светлое будущее, тем более что для малайских китайцев значимой была и роль КПК на их исторической родине.

Остальное вполне понятно. Англичане понемногу одолевали коммунистов, чьи отряды лишались поддержки сначала в городах, а затем и в деревнях страны. Но на это ушло немалое время, так что лишь через полтора десятка лет после войны, когда военно-политическая ситуация прояснилась, Малайя получила новую буржуазно-демократическую конституцию, т.е. идейно-институциональный фундамент, и обрела независимость. Естественно, что после этого большинство хуацяо оказалось на стороне власти и что именно это сыграло свою важную роль, обеспечив федерации Малайзия мощный рывок вперед и место среди тех стран второго поколения экономического чуда, которые в последние годы демонстрируют наиболее уверенные темпы роста. Но для нас важно обратить внимание на основное: цивилизационные традиции китайско-конфуцианского региона, о чем все время стоит помнить, наиболее восприимчивы к влиянию разных западных идей и институтов, как буржуазных, так и экстремистских, преимущественно коммунистических.

Индонезия, в историко-культурном и языково-конфессиональном плане очень близкая к Малайе, отличается от нее разве что количе-

ством китайцев хуацяо. Их здесь, правда, сравнительно немного. И похоже на то, что эта разница как-то сказалась на истории страны в послевоенные десятилетия. Компартия не состояла по большей своей части, как в Малайе, из китайцев, а ее гигантские по тем временам размеры (около 1,5 млн) убеждали в этом. Но попытка военного переворота привела в 1965 г. эту партию к крушению, после чего Индонезия прочно стала на обычный западный путь буржуазно-демократических преобразований и соответственно — с помощью хуацяо — ускорила темпы экономического роста.

Таиланд, в отличие от Малайи и Индонезии, проблем с коммунистами практически почти не имел, хотя активности компартии и партизан в 60-х гг. не избежал. Переход к парламентской многопартийной демократической системе здесь оказался сложным, но в конечном счете в 70-х гг. многое в этом направлении было сделано. Свою роль в этом сыграла поддержка со стороны США. А экономические успехи подкрепляли процесс, причем роль в этом китайцев хуацяо едва ли стоит сбрасывать со счетов.

Нечто подобное происходило и на **Филиппинах**, где, несмотря на буржуазно-демократическую конституцию, повстанцы, выступавшие под лозунгами компартии еще в годы японской оккупации, долгое время создавали в стране ситуацию политической неустойчивости. Сложности в сфере политической борьбы рождали сходные тенденции и в развитии хозяйства. Экономический рост порой напоминал что-то вроде лихорадки. Но, тем не менее, он в конечном счете дал о себе знать.

Известно, что все эти страны позже, в самом конце XX в., столкнулись с серьезным экономическим кризисом. Но этот болезненный для любой страны кризис был чем-то вроде болезни, породившей иммунитет и позволившей им в начале XXI столетия сделать мощный экономический рывок и стать теми самыми *тиграми*, которыми они считаются в наши дни. Отмечая это, мы фиксируем нечто необычное. Оно в том, что в годы холодной войны не только дорогостоящие и весьма хлопотные усилия Запада, но и присущее восточноазиатскому миру очень ощутимое воздействие способной воспринять западные ценности китайско-конфуцианской традиции оказались рядом. Не сразу и не легко, но этот необычный сплав в конечном счете оказался крепким фундаментом, заместившим на первых порах не успевшие еще укрепиться здесь антично-буржуазные либерально-демократические идеи и соответствующие им институты, продемонстрировавшие достаточно быстро местному населению свои достоинства и потенции.

Заключая, обращаю внимание на то, что феномен экономического чуда, насколько можно представить, пока не слишком глубоко исследован, во всяком случае, если говорить не о цифрах и вообще не об экономических показателях, а рассматривать его как важный компонент исторического процесса, характерного для послевоенных десятилетий XX века. Да и как нечто, характерное для экономического роста, он не вполне прояснен. Ни контрольных цифр, ни последовательности роста, ни иных закономерностей — повторяю, насколько известно интересующемуся читателю, — строго не выявлено. Одно вне сомнений. Речь идет о быстром и успешном развитии не столько промышленности и производства, даже вообще техники, технологии и сферы услуг, сколько уровня и качества жизни людей, их благосостояния. При этом какая-нибудь Новая Зеландия, у которой с этим давно все обстояло более чем благополучно, — да и не только она, можно вспомнить и об Австралии с Канадой, не говоря уже о США, — в счет не идет. Здесь все прямолинейно и потому ожидаемо. Не идут в счет и Англия, Франция, Бельгия, Нидерланды, скандинавские страны, где, несмотря на войну, все было очень неплохо и, главное, опять-таки вполне ожидаемо.

А вот если вести речь о странах, испытавших горечь войны сполна и вроде бы не имевших оснований рассчитывать на легкую послевоенную судьбу, но, несмотря на это, сумевших добиться, казалось бы, невероятного, тогда это чудо. Или если взглянуть на сравнительно отсталые страны вне Запада и неожиданно обнаружить, что некоторые из них с помощью западных держав сумели, избрав буржуазно-демократический стандарт эволюции, за короткий срок добиться того же самого невероятного, это тоже чудо. Таким образом, чудо превращается в исторический феномен, а если взглянуть глубже, что автор и пытался проделать, то не только исторический, но цивилизационный в его идейно-институциональном аспекте. Ведь далеко не все страны послевоенного мира сумели быстро проявить потенциалы, которые дали основание говорить о чуде. Даже среди восточноазиатских, которые явно опередили других, включая и давно уже шедших вроде бы по западному пути латиноамериканских, не все шли одинаково, причем это, помимо прочего, сильно зависело от числа китайцев хуацяо, т.е. в конечном счете и от национально-конфессиональной ментальности и от тех симпатий или антипатий, которые были ими проявлены. Те страны, в которых многие, включая и китайцев, поспешили, пусть даже не стройными рядами, отдать предпочтение коммунистическим идеям, не добились вначале

успеха в том, что связано с чудом. Мало того, они отстали от других после освобождения от коммунистической напасти, даже если это помогло им со временем несколько приблизиться к стандарту тех, кто продемонстрировал чудо. И, имея в виду этих запоздавших, трудно без оговорок говорить о чудесах. Возможно, подчас было бы уместно употребить понятие «чудо второго поколения», но для частого широкого использования, о чем было упомянуто, оно явно не годится. Больше того, этот термин справедливее прилагать к тем, кто опять-таки неожиданно, когда об этом вроде бы не приходилось и мечтать, вдруг, как КНР после Мао, стал демонстрировать невероятные темпы экономического роста, что вполне можно считать чудом. А вот в Индии, Бразилии, тем более в Турции чудес не было. Они давно и спокойно шли вперед и в своем неторопливом движении по навязанному им (кроме Бразилии) англичанами западному пути постепенно кое-чего достигали. Разве что о Чили можно говорить особо, помянув в этой связи добрым словом авторитарного антикоммунистического правителя А. Пиночета, благодаря реформам которого страна неожиданно резко пошла вперед. Но и здесь нужны оговорки и пояснения.

Словом, проблема чудес не случайно выделена и специально рассмотрена. Она прояснится, если подойти к ней с позиций истории и цивилизационной традиции, если принять во внимание принципиальную разницу между буржуазной демократией и тоталитарной утопией и учесть все то, что в мире произошло в годы войны и сразу же после нее. А сделав все это, легко понять, почему коммунистическая империя, как и имеющая к ней отношение извращенная марксистская идеология, оказались далекими от чудес и фактически обреченными. И почему это произошло на закате холодной войны не раз, а по меньшей мере дважды, в маоистском Китае и в СССР. Впрочем, более подробно об этом в следующей части тома.

Коммунистические страны в годы холодной войны

Термин *коммунистические* использован в широком смысле слова. В тему этой части входят страны, включенные вне зависимости от их собственного желания (о нем никто не спрашивал) в состав блока, возглавлявшегося СССР, а также и не входившие либо выпавшие из него, как КНР, ФНРЮ, КНДР и государства Индокитая, особенно Вьетнам, или Куба. Больше того, речь пойдет и о странах *социалистической ориентации*, отношение которых к марксистскому социализму заслуживает особого внимания. Ведь эти страны, пусть подчас не слишком долго, официально декларировали свой выбор, отдавая дань не столько утопической идее, сколько весьма удобной и, стоит добавить, привычной для них социополитической структуре со свойственной ей (власти-собственности) формой авторитарной, а то и диктаторской, близкой к тоталитаризму системой администрации. При этом основное внимание будет, естественно, уделено блоку коммунистических стран, так как именно он во главе с СССР в годы холодной войны являл собой ту самую основную силу, которая резко противостояла западному миру и достаточно долго всерьез надеялась на конечный успех в подобном противостоянии.

Вообще послевоенные времена, особенно первые месяцы, частично и годы, были периодом роста влияния коммунистов во всем мире. Это влияние отнюдь не случайно. Победа в войне и мужественное сопротивление СССР германскому нацизму, а затем и успешное продвижение советских войск на запад были знаком достижений союзников в мировой войне. И это для многих, особенно ничего не знавших либо знавших крайне мало о том, что происходило в нашей стране в предвоенные десятилетия, — а такие в мире абсолютно преобладали, — являлось достаточным основанием для весьма позитивного отношения к коммунизму. Престиж его рос, и даже в такой далекой от коммунистических взглядов стране, как США, членов компар-

тии стало довольно много. Намного больше партийцев появилось в компартиях Италии и Франции, где при их активном участии возникло массовое движение сопротивления нацизму и фашизму. А что касается стран вне Запада, то там для распространения коммунистических лозунгов оказались наиболее благоприятные условия, о чем уже упоминалось и что нашло свое отражение в массовых протестных движениях, в основном крестьянских.

Здесь есть смысл сказать несколько слов о сущности коммунизма. Как известно, *утопические идеи всеобщего счастья на основе равенства и справедливости*, что в качестве идеала восходит не просто к архаике, но именно к стандартам первобытной мировой деревни, *были распространены в разной форме*, в том числе в сказочном фольклоре, *во всем мире*. Но свой наиболее страшный облик эти безвредные вроде бы идеалы обрели в виде марксистской утопии, авторы которой сделали ставку на беспардонное насилие, на диктатуру пролетариата с уничтожением всех несогласных с ними. Этими несогласными они считали в первую очередь буржуа, благодаря которым сами марксисты, начиная с Маркса, могли безоблачно жить в приличных условиях второй половины XIX в., сочиняя труды о том, как лучше и поскорей с буржуазией покончить. Трагедия Маркса и марксистов первого поколения оказалась в том, что пролетариат, на который они так надеялись, на баррикады идти не захотел, предпочтя им мирную борьбу за свои права, с чем были согласны и готовые протянуть им руку буржуа.

Но идею поддержала отставшая в развитии мировая деревня, которая оказалась наиболее чуткой к идеям равенства и справедливости, особенно сопровождавшимся предложением отнять и поделить (*грабь награбленное!*). Эта идея, овладев массами обездоленных, количество которых за один XX век возросло во много раз (учетверение общего населения планеты с 1,6 до 6,4 млрд сопровождалось более чем удвоенной, увеличившейся во много раз по сравнению с ним численностью беднейшей его части), оказалась разрушительной. Она привела в результате к катастрофе Россию, едва не погубила Китай и, хотя в конце века выдохлась, сумела передать эстафету еще одной такой же, на сей раз уже полноценно религиозной, склонной избавить мир от неверных, неугодных Аллаху. Теперь в мире их две. И хотя прежняя выдохлась, а в другой радикалы-экстремисты, возрождающие большевистский террор, еще даже не обрели полную силу, положение дел не внушает оптимизма. Мусульман в мире, по прикидкам демографов, скоро будет около трети человечества. Но

это уже сегодняшний день. Вернемся снова к послевоенным десятилетиям.

Сказанное, тем не менее, стоит запомнить и принимать во внимание. Ведь существенно учесть, что, когда заходит речь о роли экстремистских идей, нельзя не учитывать их притягательности для обездоленных. Именно из их числа рекрутируются фанатичные адепты агрессивно-нетерпимых идей, которые в середине XX в. многими, обычно мало что в них понимавшими, принимались на веру. Время — середина века, — о котором идет речь, было звездным часом мирового коммунизма, воспринимавшегося очень многими в качестве некой псевдорелигии. Но коммунистический час был относительно кратким и, в отличие от религии в полном смысле этого слова, не мог быть иным. А быстрые и впечатляющие успехи стран Запада резко изменили отношение к коммунизму во всем мире. Однако свою долю смертельного яда доктрина успела выпустить, уничтожив десятки, если не сотни миллионов и отравив жизнь целому поколению, а кое-где, как в России, и двум-трем.

Глава шестая. СССР И СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Холодная война как длительный период противостояния западного буржуазно-демократического и восточного коммунистического блоков началась сразу же после мировой войны и была вполне ожидаемой. Ведь СССР и страны буржуазного Запада оказались союзниками лишь в июне 1941-го, после начала вооруженного столкновения между двумя равно враждебными Западу тоталитарными режимами. И помочь одному из них, объективно оказавшемуся в положении слабого, было в интересах западных стран. А после победы, когда один из тоталитарных режимов был полностью ликвидирован, а второй оказался на вершине своего могущества (речь, важно напомнить читателю, не о стране и ее народе, чей героизм в войне вне сомнений, а только о коммунистическом режиме), *у западного мира, о чем уже упоминалось, не было выбора. Резкое противостояние, принявшее форму холодной войны, стало естественным и само собой разумеющимся результатом возникшей политической ситуации.*

Советский вождь, давно и страстно мечтавший о мировом господстве, овладев тайной ядерного оружия, счел эту ситуацию подходящей для пробы сил. Создав в стране в результате расширения

репрессий против разных слоев населения ситуацию предельного внутрисполитического напряжения, он дал сигнал для начала войны в Корее. Война сначала была для него очень успешной, но вскоре удачный маневр высадивших десант американских войск восстановил равновесие, после чего северокорейским коммунистам, о чем упоминалось, пришлось обороняться с помощью *добровольцев* из КНР. Это означало поражение и знаменовало печальный конец внешней экспансии коммунистического блока на Дальнем Востоке, что, похоже, не могло не повлиять на состояние здоровья вождя. Смерть его и решение Хрущева о перемирии были началом решительных перемен в мировой политике, хотя и, если говорить о десятилетии его правления, то оно вошло в историю как весьма противоречивое.

Наряду с рядом выдающихся достижений (осуждение Сталина и решительная реабилитация репрессированных, чистка политбюро, новый внешнеполитический курс на мирное сосуществование, начало массового строительства жилищ), он вошел в историю как неумелый реформатор в сфере экономики. К числу его неудач, в частности, следует отнести не столько пресловутую кукурузу, которую пытались выращивать повсюду, сколько попытку осуществить децентрализацию хозяйства страны, причем не вполне в соответствии с продуманными реформами А. Н. Косыгина. Из затеи с так называемыми совнархозами, т.е. с перемещением центра тяжести в области и расформированием министерств, ответственных за ту либо иную отрасль хозяйства, ничего не получилось. После отставки Хрущева прежние порядки были восстановлены. Но не стоит полагать, что от этого ситуация в экономике страны была принципиально изменена к лучшему.

Не очень приятно напоминать о попытках недостаточно образованного человека преследовать представителей творческой интеллигенции, но еще страшней заводить речь об ответственности за расстрел недовольных в Новочеркасске. Как бы то ни было, то и другое сильно подорвало авторитет Хрущева. Однако едва ли не наибольший его просчет был в сфере внешней политики. Кубинский кризис 1962 г., поставивший мир на грань новой мировой войны, сыграл в этом плане решающую роль. Он подготовил политический переворот, который положил конец правлению Хрущева и отправил его на пенсию (но не на тот свет, как до того бывало не раз с теми, кто проигрывал в партийных спорах). И с этого момента начался длительный период правления генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева (1964–1982).

ЭКОНОМИКА СТРАНЫ ПРИ БРЕЖНЕВЕ

60-е гг. стали для советских людей некоторой передышкой. Ушли в прошлое несудачные попытки поднимать целину или всюду сеять кукурузу. Наметились некоторые на первый взгляд вполне перспективные реформы в промышленности, связанные с именем председателя Совета министров А. Н. Косыгина. Эти реформы делали вполне осознанный акцент на некоторую автономию хотя бы крупных предприятий. Внедрение этого принципа вело к появлению хозрасчета, т.е. давало определенную свободу руководителям предприятий, право самим, без указки и утверждения сверху, распоряжаться частью их доходов. Но реформа Косыгина встретила скрытое сопротивление и поддержки на очередном съезде КПСС не получила.

Колхозники впервые за десятилетия существования колхозов начали получать заработок деньгами. Но и здесь, как в случае с косыгинскими реформами в промышленности, дальше этого дело не пошло. Деньги были небольшими и интереса к работе не прибавили. Здесь следует заметить, что коллективизация оказалась, как то и следовало ожидать, самым уязвимым местом послевоенного восстановления и развития экономики во всех странах коммунистического блока. И это легко понять. В национализированной промышленности, особенно в тяжелой индустрии и машиностроении, мобилизационные методы активного регулирования могли некоторое время приводить к заметным успехам. Это было характерно почти для всех соответствующих стран в 40-х и начале 50-х гг. Однако по мере становления развитой экономики современного типа становилось все яснее, что эта громоздкая система мало эффективна и, самое главное, не в состоянии конкурировать с западной буржуазной. А в период энергичного развития технологий постиндустриального характера, когда уровень развития уже не определялся миллионами тонн выплавленного металла, а зависел от высокоразвитой технологии, причем не только на глубоко засекреченных предприятиях, производящих военную технику, а во всей экономике, это предопределило дальнейшее отставание.

Но самым неприятным результатом всего процесса прогрессирующего отставания был зримый упадок коллективизированного сельского хозяйства. Низкий уровень его товарности при эксплуатации земледельцев, работающих на общих полях и не получающих за это справедливого эквивалента, т.е. никак не заинтересованных в качестве выращиваемых продуктов, болезненно сказывался на всех странах блока, начиная с СССР, где колхозная система давно уже начала

разваливаться. Спасти экономику страны мог только рынок. Не колхозный базар, торгующий продукцией с приусадебных участков — а роль его в создавшихся условиях была весьма заметной, но совершенно не достаточной, — а нормальный рынок в масштабе страны, который один только и мог бы выправить ситуацию, все более очевидно заходившую в тупик.

Однако политбюро и едва ли не главный блюститель строгого порядка М. А. Суслов очень боялись выйти за рамки марксистской теории и допустить появление рынка. И в этом был свой резон. Довольно быстро руководство страны осознало, что любые реформы вступают в явное и неразрешимое противоречие с принципом строжайшего государственного регулирования всей экономики, начиная с жестких нормативов и требований планового хозяйства. У руководства СССР не было сомнений, что буржуазный рынок — а иного в мире уже практически не существовало — в принципе несовместим с марксизмом и приведет к крушению всей системы власти. И это так и было. Беда в том, что, коль скоро нужно было сделать выбор, мало кто решался сделать его в пользу рынка, как то сделал в 70-х гг. решительный китайский реформатор Дэн Сяо-пин. Для наших нечто в этом роде было строгим табу, нарушение которого карается смертью. И они были поэтому вынуждены идти дальше по уже начатому пути, несмотря на все ухудшавшееся состояние страны. А улучшить положение система решительно не позволяла. Лишних денег у страны не было, а все, что имелось, шло на военное производство. Особенно бесперспективность ситуации сказывалась в системе учета труда и зарплаты, так как свыше строго определенной нормы в экономике с плановым хозяйством за свой труд никто получить не мог, и это, как вполне очевидно, убивало инициативу и всякое стремление к улучшению качества изделия.

Исключением до некоторой степени была та же военная промышленность. И здесь важно сделать очень серьезную оговорку. На военные заказы в СССР по-прежнему работали не менее чем две трети, а то и три четверти основных предприятий страны. И хотя не вполне ясно, насколько значимы были привилегии и льготы, предоставлявшиеся им (едва ли есть основания их преувеличивать), важно, что в военной индустрии требования к стандарту и соответственно к качеству изделий были обычно намного выше. Это легко понять, имея в виду размах ракетно-космического производства и все те требования, которые с этим, да и не только с этим (не прекращалась работа и по массовому изготовлению военной техники более скромного

образца, хорошо известного в годы мировой войны), были связаны. И такой курс обязывал руководство планировать затраты на военную промышленность много более щедро, нежели на что-либо еще.

Однако не следует думать, что работавшие на военных заводах жили намного лучше остальных. Более того, эта — наибольшая — часть занятых в производстве рабочих и служащих, техников и инженеров, конструкторов и научных работников тоже имела строго нормированную зарплату. Правда, иногда приходилось работать сверхурочно. Однако компенсация, если она имела место, тоже была, как правило, не слишком щедрой. Конечно, при предприятиях, особенно крупных, были свои поликлиники и дома отдыха либо профилактории, не говоря уже о детских садах и прочей необходимой бытовой инфраструктуре. После долгих лет, а то и десятилетий работы очередники могли рассчитывать получить скромную квартиру. Желающим давали где-либо в пригороде огородные, а затем и жилые — под дачу — участки. И все это было немалым подспорьем, не сравнимым с тем, что за десятилетия до того получали труженики, жившие в бараках. Или с тем, что имели крестьяне в колхозной деревне, хотя и там приусадебные участки были увеличены. Но, принимая все во внимание, не стоит обольщаться.

Конечно, жить в стране понемногу, но очень медленно, становилось лучше. И даже — учитывая обилие магнитофонов и иной нехитрой игровой техники — несколько веселее. Но квартиры имели еще далеко не все. А что касается повседневной пищи и особенно товаров широкого потребления, в первую очередь приличной одежды, то с этим дело по-прежнему обстояло плохо. О колхозных продуктах уже шла речь. Импорт был ничтожен, редок и очень дорог. А свое производство (ни сельское хозяйство, ни легкая промышленность, ответственные за это, даже скромных льгот, полагававшихся военным заводам, не имели) было не в состоянии обеспечить население всем необходимым, не говоря уже о качестве продуктов и разных промышленных товаров, *промтоваров*, как их вкратце и вполне четко именовали. Но без особых изысков в одежде люди обычно привыкали обходиться, хотя женская половина населения чаще от этого страдала, ибо была неплохо осведомлена — хотя бы из иностранных фильмов, частично и из телепередач, — о стандартах передового современного мира. А вот с продуктами было плохо. Не то чтобы людям не хватало хлеба или еще чего-либо самого необходимого. Но вот с мясными продуктами случались перебои, которые кое-где вне столиц были постоянным явлением. Символом хорошей сытной жизни в стране

всеми и довольно устойчиво считалась элементарная колбаса, ради обретения которой из окрестных городов по субботам организовывались в Москву специальные дополнительные поезда.

Это может показаться современному читателю чем-то невероятным и уж явно допотопным, но так оно и было. И касалось далеко не только колбасы (заметьте, без различия сорта), но и сыра, да и много чего еще. А когда кому-либо удавалось впервые выезжать в чужие страны и они — особенно она — оказывались в продуктовом магазине, случались подчас обмороки или, во всяком случае, нервные потрясения. Это было результатом шока при первом взгляде на прилавок, где было обилие разных сортов сыра, колбасы и прочих не очень дорогих деликатесов, которые со времен перестройки и особенно после реформ правительства Ельцина-Гайдара стало возможным встретить и в любом нашем магазине, работавшем уже в условиях не планового хозяйства, а свободного рынка.

Такой была наша жизнь в те самые годы, когда западные страны, включая и некоторые восточноазиатские, уже вкушали плоды своего экономического чуда там, где оно случилось, или даже просто элементарных постепенных экономических преобразований и социальных достижений там, где нужды в чуде не было. Контраст с каждым годом становился все разительней. И не столько потому, что мы стояли на месте. Период правления Брежнева часто не вполне справедливо называют временем застоя. Но ведь дело вовсе не в стабильности того времени и не в курсе политики, а в сущности самой структуры власти-собственности в ее жестком коммунистическом варианте даже при отсутствии мобилизационного рывка. Проблема в том, что на нашем скромном фоне становилось все очевиднее, что западные соперники все быстрее шли вперед. Становилось все заметнее, что мы живем заметно хуже, что на Западе начинают потреблять в массовом порядке все то, о чем мы еще даже не имели достаточно полного представления, потому что у нас ничего такого не производилось для людей, все намертво засекречивалось в сфере военной промышленности. И этот контраст, который и породил позже представление о застойном нашем обществе, сыграл важную роль в итоге соперничества, в том, как закончилась холодная война. Выиграть эту войну в мирном соревновании с буржуазным Западом СССР по определению не мог. Для мобилизационного рывка у пережившего страшную войну предельно надорвавшегося народа не было сил, а вести курс на мировую войну с перспективой на сей раз полного взаимного истребления новые советские руководители резонно не хотели.

Но это вовсе не означало, что они были готовы идти на любые уступки. Напротив, не для того тратились неисчислимые средства с целью обогнать Америку в ракетно-космических исследованиях и производить огромное количество новейшей боевой техники, чтобы уступить сопернику. Это заведомо исключалось до тех пор, пока сохранялась какая-то возможность реанимировать задыхавшуюся советскую экономику. Впрочем, добиваться этого было очень трудно. Время шло. Брежнев стоял у руля довольно долго, а экономика развивалась без особых успехов, ее рост был едва заметным. Более всего он ощущался в военной технике. Но невероятная секретность, окружавшая ее, вела к тому, что создававшиеся в этой сфере научных исследований и производства сколько-нибудь серьезные технико-технологические новации на всей остальной экономической жизни страны никак не сказывались. И не в последнюю очередь также и поэтому советская экономика продолжала остро нуждаться в реанимации. А способов добиться этого становилось все меньше. Повышавшиеся цены на нефть давали возможность закупать зерно, но большего добиться не удавалось.

Проблемы, все острее встававшие перед руководством, продолжали требовать, причем чем дальше, тем больше, пристального к себе внимания. Это касалось прежде всего экономики, но далеко не только ее. Отставание в развитии от мирового стандарта — а стандарт создавался на Западе и чем дальше, тем очевидней становилось возрастающее различие в темпах роста, — вызывало недовольство в тех слоях общества, которые хорошо понимали, что корень проблем таится в самой сути теории марксизма, в политике правящей коммунистической партии, продолжавшей оставаться той партией *нового типа*, которая одна только была в состоянии поддерживать существование тоталитарного режима. И поэтому стоит обратить особое внимание на то, как в годы правления Брежнева обстояло дело с открытыми и активными противниками режима, с диссидентами.

ДИССИДЕНТЫ В СССР

Собственно, внутренняя политика в эти годы сводилась если не целиком, то в значительной степени к этой проблеме. В отличие от Хрущева, в обострения типа расстрела недовольных рабочих в Новочеркасске в 1962 г. Брежнев не решался. Да и нужды в повторении чего-либо подобного не было. Наученное горьким опытом, приведшим Хрущева в тот роковой для него момент к неразумному реше-

нию, руководство страны в годы правления Брежнева делало все, что в его силах, дабы не доводить дело до крайностей. Для того и закупалось за границей зерно, которое колхозы давно уже перестали производить в нужном количестве. Но если бурных массовых протестных движений в стране не было, то это не значит, что не возникало недовольства. Наоборот, с течением времени и по мере успехов буржуазно-демократического Запада, в связи с ростом правдивых сведений об этом (не стоит забывать о роли зарубежного радио), ситуация в стране в этом плане изменялась. Переставая верить повседневной пропаганде, те, кто хотел знать правду, получали возможность познакомиться с ней. Этому способствовало и увеличение количества контактов с многими другими странами, на что делало ставку и руководство страны. В итоге внешний мир перед теми, кто этим интересовался, постепенно открывался. Люди узнавали правду, и эта правда подрывала идеологическую основу режима. И таких людей со временем становилось все больше.

Тех, кто на пути открытого противостояния власти обретал некоторую известность и становился открытым противником коммунистической власти, начали именовать диссидентами (лат. *dissideo*, быть несогласным). Это был великий знак перемен. Сегодняшней молодежи, привыкшей к любой политической болтовне и интересующейся гораздо больше материальными благами западного стандарта бытия, трудно себе представить атмосферу того памятного времени, когда на площадях, а то и на стадионах собирались толпы любителей поэзии, а выступавшие перед ними поэты, известные и не очень, читали стихи. Стихи были разными, но преобладали те, что были наполнены мыслями и призывами отнюдь не коммунистического характера. Вспоминали забытых властью и репрессированных поэтов — Ахматову, Цветаеву, Мандельштама и, конечно, Пастернака. Судьба этих поэтов, затравленных властями, всем была хорошо известна, так что они не случайно вышли на передний план. Это была большая совесть нации, замученной экспериментами, едва дышащей, но стремившейся задышать полной грудью.

Стоит заметить, что началось движение еще в конце правления Хрущева. Один из наиболее известных поэтов, Б. Л. Пастернак, в 1957 г. опубликовал за пределами СССР свой роман «Доктор Живаго», который в стране не печатали. За этот роман, дополненный несколькими десятками лучших его стихов, которые автор приписал своему литературному герою, Пастернак получил в 1958 г. вполне заслуженную Нобелевскую премию. И началась травля поэта, при-

ведшая к его формальному отказу от премии (она навсегда осталась за ним) и к смерти летом 1960 г. Похороны поэта превратились в демонстрацию. Многие из числа выдающихся деятелей отечественной культуры в молчании шли за его гробом. А затем, уже в конце 1962 г., Хрущев устроил скандал на выставке художников в Манеже, обвинив лучших из них (в частности, скульптора Э. Неизвестного, впоследствии, к слову, автора его надгробья), чье творчество ему было непонятно, в том, что они не понимают, что нужно народу и коммунизму. Тогда же, в начале 60-х, начались первые аресты диссидентов, осуждавшихся за *антисоветскую деятельность*.

В годы правления Брежнева диссиденты более заметно вышли на поверхность общественной жизни страны. О них много писали и говорили, правда, больше не у нас, а вне СССР. Однако долго тянувшийся в 1966 г. судебный процесс над А. Синявским и Ю. Даниэлем, которые опубликовали свои произведения за границей под псевдонимами, наделал много шума и у нас. Главный смысл его был в том, что подсудимые не признали себя виновными. И это стало отважным вызовом режиму. А вскоре по призыву А. Есенина-Вольпина диссиденты стали обращать внимание на соблюдение советскими властями их же законов, в том числе всегда очень красиво выглядевшей конституции. В связи с этим в нашей стране возникло не прекращающееся и поныне массовое движение правозащитников. Затем, в 1967–1968 гг., начались репрессии, затронувшие многих, в том числе таких, как сторонники Даниэля и Синявского А. Гинзбург и Ю. Галансков, которые подготовили книгу об этом процессе, а также В. Буковский. Чуть позже, уже в 70-х, Буковский, как и известный поэт-бард и драматург А. Галич, были вынуждены покинуть страну. Та же судьба выпала и на долю генерала П. Григоренко, защищавшего преследуемые властями народы, в том числе крымских татар, среди которых наиболее известным диссидентом стал М. Джемилев. И, наконец, пришла пора наиболее известных и, можно сказать, великих из числа диссидентов.

Речь об А. Д. Сахарове и А. И. Солженицыне. Первый был автором советской водородной бомбы, второй — одним из лучших отечественных писателей. Любая страна мира не могла бы не гордиться более всего каждым из них. Но не так было в СССР вплоть до его (СССР) кончины. Не стоит в деталях рассказывать о судьбе каждого из них и об их идеях, вызывавших все большее раздражение властей. Все это хорошо известно. Но важно другое. Ни один из великих, несмотря на травлю, преследования, унижения, от своей позиции не отказался. Позиции у обоих были разные, что вызывало подчас по-

лемику между ними. Но в одном они были вместе — в том, что советский режим свое уже отжил. И очень похоже на то, что к этому времени многие из правящей элиты сознавали нечто в том же роде, хотя и, скорей всего, даже сами себе в этом еще не могли признаться. Но время шло, и после смерти Брежнева стало гораздо более, чем при нем, ясно, что дело все-таки так либо иначе, но идет к концу. Стоит напомнить о на шумевшей в те годы брошюре А. Амальрика «Продлится ли Советский Союз до 1984 года?». Она особо интересна не содержанием, но именно названием, оказавшимся пророческим (могу уверенно сказать, что очень мало кто тогда так думал).

СССР ПОСЛЕ БРЕЖНЕВА

Судя по многочисленным воспоминаниям, авторы которых единодушны в том, что в конце жизни очень больной Брежнев уже фактически страной не управлял, высшая политическая элита не хотела менять руководителя. Не вдаваясь в сложности внутривластных интриг, можно предположить, что любая возможная перемена многих просто пугала. Брежнев с его в общем-то, по общей оценке, незлобивой натурой всех устраивал. Имея в виду древнекитайский принцип *увэй* (недеяние), можно считать, что всё в стране было устроено именно так, как этот принцип требует: каждый знает, что нужно, а на долю руководителя выпадает сидеть и молчаливо наблюдать, будучи уверенным, что дела идут как следует. Правда, принцип требовал вмешательства в случае серьезной нужды. Но серьезные проблемы Брежнев, как правило, лично на себя не брал. Они обычно решались совместными усилиями. Для внешнего мира, да и для нашего народа, это было не очень заметно. Но, насколько можно понять, устраивало тогда практически всех причастных к власти.

Зато после смерти Брежнева все изменилось. Не сразу, но довольно быстро страна начала катиться в пропасть. Это еще мало кто признавал. Но начавшийся процесс агонии был уже непреложным фактом. Сначала опустевшее место занял Ю. В. Андропов. И если принять во внимание, что незадолго до Брежнева в том же 1982 г. умер много бравший на себя Сулов, можно представить, насколько тяжелой оказалась эта ноша для еще не очень старого человека, вчерашнего главы всесильного КГБ. Но главное все же было не в сложности проблем (а в числе их были китайская, афганская, не забытая еще чехословацкая и все сильнее заявлявшая о себе польская, не го-

вора уже о сложностях во взаимоотношениях с США и о незаживающих экономических неурядицах, к которым снова добавлялись социальные), а в выборе приоритетов. И здесь сразу же выяснилось, что новый генсек не столь способен, как следовало ожидать.

Начатая им борьба с прогульщиками за трудовую дисциплину (людей вылавливали в рабочее время в самых неожиданных местах, вплоть до бассейнов, и требовали объяснений) вызвала массу насмешек и анекдотов, но к успеху не привела. Попытка бороться с коррупцией (за продажу продуктов из-под полы, по блату, приговорили к смерти директора знаменитого в столице Елисеевского гастронома) не могла ликвидировать усугубляющуюся нехватку продуктов и перевоспитать армию чиновников, привыкших к злоупотреблениям. Расправа с недругами вроде министра МВД Н. Щелокова, который реально уже не был в состоянии вредить генсеку, показала, что Андропов не чужд мелочной злопамятности. А вот добиться чего-либо более серьезного он так и не успел. Неизвестно, как долго демонстрировал бы генсек свою явно недостаточную способность управиться с наиболее важными для страны делами, если бы не вызванное случайной простудой обострение болезни почек, которая довольно быстро, в начале 1984 г., свела его в могилу. А новым генсеком стал К. Черненко, успевший провести на посту генсека лишь немногим более года, с февраля 1984 по март 1985 г., когда тяжелая болезнь свалила и его.

Сегодня, глядя с высоты нескольких десятилетий, кажется невероятным, что все это происходило на обычном для страны фоне, что люди как бы не замечали, не придавали значения тому, что происходит в Кремле. В лучшем случае посмеивались, острили (*гонка на лафетах*), но не ждали конца. Не только простые, обычные люди, но те самые остро и глубоко вовлеченные в политику диссиденты, которым, казалось бы, судьба велела быть наиболее зоркими, не видели приближавшегося конца агонии. Точнее, не верили в то, что она не иллюзия, а факт. Никто всерьез не вспоминал пророчество Амальрика, даже и он сам. Никто не представлял, что нерушимая твердыня настолько прогнила, что вот-вот рухнет сама собой, без сколь угодно заметных усилий извне. Но она рухнула. Почему же?

Только ли потому, что престарелое политбюро, как-то функционировавшее при Брежневе и постоянно попадавшее из одной серьезной переделки в другую, пришло к своему логическому концу и некому, кроме тогда сравнительно еще молодого М. Горбачева, было взять на себя решение проблем и понять, наконец, что иного выхода, кроме как решительный слом заржавевшей машины, не было? Или

существовало еще нечто важное, что теперь, спустя некоторое время, можно спокойно охватить и обдумать, дав всему его реальное место? Ко всему этому мы вернемся позже, во второй половине тома. Пока же обратим внимание на страны советского блока.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СУТЬ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Как то хорошо известно, послевоенный Советский Союз сильно вырос за счет присоединения к нему в качестве устойчивой сферы его влияния ряда восточноевропейских стран, от Прибалтики до Германии. О методах, использовавшихся при упрочнении власти коммунистов в этих странах, можно было бы сказать многое. Но главное в том, что они мало отличались от тех, с помощью которых укреплял свою власть в СССР советский вождь. Стоит, однако, показать, как реально функционировала власть во всех этих странах, превратившихся в советских сателлитов, насколько прочным было и как эволюционировало в них влияние СССР. Не следует забывать, что по меньшей мере на первых порах после войны все государства, о которых пойдет речь, превратились в составную часть коммунистического блока, противостоявшего Западу. Существенно добавить, что через несколько лет после войны рядом с этим блоком — правда, подчас ненадолго — оказались несколько государств Восточной Азии, о которых придется вести речь отдельно.

Страны этого блока в нашей политической лексике тогда было принято именовать *народными демократиями*. Нет смысла спорить о терминах, но суть понятия бесспорна. Довольно быстро, за несколько недолгих лет, все эти государства стали не просто коммунистическими, но буквально копиями советских республик. Единственным, хотя весомым исключением оказалась Югославия. И еще одна существенная оговорка. В некоторых из государств Восточной Европы (к прибалтийским, которым формально был возвращен их краткий предвоенный статус советских республик, это не относится) иногда появлялись необычные для СССР вольности, как отсутствие колхозов в Польше или свободное малое предпринимательство в Венгрии, а то и еще кое-где. Но с этими вольностями Москва, скрепя сердце, мирилась. Не возражала в строгой манере потому, что ей в конечном счете было важно, чтобы восточноевропейские страны считались самостоятельными. И нужно это было для того, чтобы внешний мир

сознавал, что за СССР идут другие страны и что в перспективе это, несмотря на избранный для их обозначения не очень понятный термин, означает торжество коммунизма.

Процесс формирования государства и социополитической структуры советско-коммунистического типа во всех странах, о которых идет речь, был практически одинаковым. Сначала ставшие у власти с помощью НКВД коммунисты, прибывшие из Москвы либо местные, иногда вожди партизан, проявляли определенную заинтересованность в максимально широком представительстве, для чего создавали разные национальные или народные фронты, в которых ведущую роль играли коммунисты. Фронты формировали правительства с участием, а то и во главе с теми же коммунистами. В тех случаях, когда в правительствах соглашались принять участие видные деятели довоенных буржуазно-демократических партий, их деятельность понемногу ограничивалась, а подчас и решительно пресекалась. Обычно дело велось к почти насильственному слиянию, скажем, социалистических партий с компартиями.

Выборы, проводившиеся по советскому стандарту, вели к победе кандидатов фронта, а придание правительствам в результате такой победы легитимности позволяло приступать к решительным реформам. Реформы сводились к национализации частной собственности, иногда за исключением строго оговоренной мелкой. Но мелкие и индивидуальные предприятия не были оставлены в покое. По отношению к ним сразу же начинался процесс кооперации, подчас принудительной. Такой же была, как правило, и политика в деревне. А после этого или в случае возражений со стороны каких-либо некоммунистических деятелей начинались аресты и репрессии. Естественно, что это вело к возникновению монопольной власти компартий.

И что характерно, коммунисты не скрывали, что после успешного завершения переходного периода они будут строить социализм. А социализм в их представлении должен был стать копией советского тоталитаризма во главе с партией *нового типа*¹. Завершение процесса становления режима пришлось примерно на конец 40-х гг. Дра-

---

¹ Термин этот был когда-то введен Лениным и использовался им для того, чтобы продемонстрировать принципиальное несходство создававшейся им строго дисциплинированной агрессивно-экстремистской организации типа религиозного ордена с нормальными партиями буржуазного Запада. О сущности таких партий много написано. См., в частности: *Васильев Л. С.* Становление политических партий и партии «нового типа». *Общественные науки и современность.* 2010. № 2. Стр. 114–125.

матическим символом этого конца стали события в Чехословакии в феврале 1948 г., когда в результате острых разногласий и последовавшего за ними государственного переворота власть досталась коммунистическому правительству во главе с К. Готвальдом. Президент Э. Бенеш, хорошо известный политический деятель предвоенного времени, в прошлом второй президент страны (с 1935 г.), был вынужден уйти в отставку.

После этого, уже на рубеже 40–50-х гг., во всех восточноевропейских странах последовала серия преследований, направленных против видных деятелей местных компартий, обычно наиболее значительных, занимавших подчас вторые-третьи позиции в руководстве. Часть из них была евреями по национальности, преследование которых хорошо вписывалось в пароксизмы антисемитизма в СССР в то время. Но главным был все же не национальный вопрос, хотя преследование евреев-космополитов в СССР накладывало свой очень заметный отпечаток. Главное было в другом. Советский вождь (нет сомнений в том, что все значительные кампании инспирировались именно им) был верен себе: невзирая на должности, звания и прошлые заслуги, все и в этих странах должны трепетать, тогда будет необходимый порядок. Так и шли они к социализму-коммунизму.

Если обратить внимание на их экономику, то справедливости ради существенно упомянуть, что она вначале вроде бы неплохо развивалась, демонстрируя подчас приличные показатели роста и очень существенно, особенно в индустриально мало развитых странах, превышая показатели довоенного уровня в промышленности. Бывшие аграрные страны в ходе этого процесса становились аграрно-индустриальными. Казалось, все идет как надо. Но очень скоро выяснялось, что практически повсюду сознательно взятый акцент на преимущественное развитие тяжелой индустрии в ущерб легкой, перерабатывающей и тем более пищевой болезненно сказывается на уровне жизни. А ликвидация частной собственности и постепенное, но неуклонное выдавливание из хозяйственной системы мелких частников и даже индивидуальных производителей вели к сокращению и без того уже мизерной службы переработки продуктов, частной торговли и сферы услуг.

Все это сопровождалось возрастающей идеологической индоктринацией населения. Культурная жизнь, печать и радио, интересы разных слоев и поколений были под строгим надзором властей. А весь политический строй являл собой неприкрытую диктатуру. Только не пролетариата (об этом особенно и не упоминали), а компартий. Или, иначе говоря, создававшегося на основе партий *ново-*

го типа административно-бюрократического слоя функционеров, монополизировавших функцию управления обществом. Можно называть этот слой *новым классом*, как то предлагал в свое время все дальше отходивший от марксизма видный югославский коммунист М. Джилас, но от этого суть феномена не меняется. И без названия все было до предела ясно: страны *народной демократии* вынужденно шли по советскому пути, что было им предписано из Кремля.

Смерть вождя побудила советское руководство укрепить свое влияние созданием формального военного союза типа НАТО. Речь о Варшавском договоре 1955 года. Однако этот договор не спас СССР от роста в странах Восточной Европы — особенно после XX съезда КПСС и доклада Хрущева с разоблачениями преступлений вождя — увеличивающегося недовольства. Почувствовав, что сковывавшие их узы несколько ослабли, и будучи вполне уже сытыми обещаниями о процветании при социализме, почти все народы после осознания вестей из Кремля начали было бунтовать. О том, как это в разных странах практически выглядело, речь пойдет чуть далее. Пока же стоит заметить, что смерть вождя и связанные с ней разоблачения были знаковыми для всех, как в СССР, так и в иных странах. И знак этот был несовместим с коммунизмом или марксизмом как системой идей. Напротив, он обозначил, особенно для жителей Восточной Европы, возможность обретения свободы и политической независимости от СССР, выбора какого-либо иного пути.

Добиться этого было очень не просто. Но восточноевропейские страны, понемногу развиваясь в экономическом смысле, хотя и далеко не столь быстро и успешно, как западный мир, все же шли вперед. В 80-х гг. они уже оказались близки к обретению долгожданной свободы. А самым главным, что помогло им, было то, что на рубеже 90-х гг. СССР перестал существовать и коммунистический блок ушел в прошлое. Но на все это потребовались десятилетия. Взглянем теперь на то, как в послевоенное время — до конца холодной войны, означавшего коренные перемены в их судьбах, — выглядел путь каждой из стран, о которых далее пойдет речь.

ГДР

Главным и наиболее развитым в экономическом отношении государством, оказавшимся в составе стран коммунистического блока, была Германская Демократическая Республика (ГДР) с восточной

частью Берлина, ставшей ее столицей. Хотя именно отсюда шли в свое время в СССР нагруженные товарные составы с демонтированными в счет репараций промышленными объектами, это не могло и не должно было ее ослабить. Можно сказать, все получилось до некоторой степени наоборот. На месте прежних предприятий с их заметно устаревшим оборудованием возводились новые. Но отказ от американской помощи сказался и здесь. Новейшей современной технологии ГДР, как и остальные восточноевропейские страны, приобретать не могла, что, конечно, сказывалось на результатах. Восстановление экономики, тем не менее, шло успешно, рост был заметным. По производительности труда и даже по качеству жизни ГДР опережала другие восточноевропейские страны. На рубеже 40–50-х гг. страна достигла довоенного уровня промышленного развития. Однако со второй половины 40-х гг. движение вперед все заметнее шло за счет отступления от западных буржуазных стандартов и на фоне полной национализации частной собственности в городе и в деревне.

Постоянная идеологическая индоктринация, цензура и контроль над жизнью людей, плановость и централизация достигли в стране наивысшего уровня. Это вело, правда, в не слишком большой степени, к ухудшению набора продуктов и особенно промышленных товаров. Привыкшие к суровой дисциплине жители страны — еще недавно эта часть Германии именовалась Пруссией — вынуждены были, однако, мириться с политикой компартии, после объединения с социалистами ставшей единой (СЕПГ). Эта партия, фактическим главой которой стал В. Ульбрихт, уверенно повела экономику страны по советскому пути. И нет ничего удивительного в том, что такой путь не воспринимался населением с восторгом. Все, кто мог, особенно молодежь, бежали, пока это еще было сравнительно легко, на запад, где уже очень успешно развивалась буржуазно-демократическая послевоенная Германия, ФРГ, частью которой стали и западные зоны Берлина.

В начале 50-х гг. начали сказываться жесткие установки экономики советского типа, особенно в том, что касается нормативов труда и зарплаты. Недовольство рабочих возрастало и сразу же после смерти Сталина проявило себя в весьма резкой форме. 17 июня 1953 г. рабочие восточной части Берлина начали забастовку, которая сопровождалась многочисленными демонстрациями бастующих. Забастовка мгновенно перекинулась на некоторые другие города и была подавлена с помощью советских войск с танками. Видели бы современные читатели газету «Правда» тех дней. Как трудно приходилось редакторам! Сами слова *забастовка* и *демонстрация* применительно к

стране, возглавляемой коммунистами и идущей по советскому пути, невозможны. Писали иначе — *вольники*. Понимайте, как хотите.

После движения 1953 г. власти пошли было на некоторые уступки. Оказал им поддержку и СССР, содействовавший ускорению темпов строительства ряда энергетических предприятий, ориентированных на советские нефть и атомные реакторы. Это способствовало экономическому развитию, но не решало социальных, политических и идеологических проблем. Бегство населения продолжалось, пока в 1961 г. не была буквально за ночь возведена знаменитая Берлинская стена (уходили на запад в основном через Берлин), этот величайший позор современной истории, явное признание поражения в мирной конкуренции двух противостоящих блоков. Как известно, после этого на протяжении почти трех десятилетий любая попытка перебраться через стену была чревата выстрелами на поражение. Вот почему, хотя ГДР по уровню жизни продолжала опережать все страны блока, включая СССР, хотя заметно увеличились доходы населения и чуть ли не 40% семей имели автомобили, эта страна стала своего рода символом коммунистического застенка.

А в 70–80-е гг. с каждым годом и тем более десятилетием становилось яснее, что ГДР, как и все страны коммунистического блока, уже не в состоянии конкурировать с растущим производством в буржуазно-демократических странах Запада, особенно восточноазиатских. Ведь там наисовременнейшие техника и технология в сочетании с дешевым, но становящимся все более квалифицированным трудом начинали демонстрировать те чудеса, о которых выше уже шла речь. Э. Хонеккер, сменивший Ульбрихта в 1971 г., во второй половине 80-х гг. уже, видимо, сознавал, что игра проиграна. Он не стремился поддержать политику перестройки, ибо хорошо понимал, что перестраивать в ГДР нечего. Рано или поздно, но она будет поглощена ФРГ, страной мощной, процветающей и во всех отношениях имеющей наилучшие перспективы. И, как известно, 1989 год поставил точку на ГДР. Кризис СЕПГ, отставка Хонеккера и ликвидация страшной Берлинской стены стали последними звучными событиями в ее истории.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Эта страна, если не считать ГДР, была экономически наиболее развитой. Но судьбу ее, как, впрочем, и почти всех остальных, не назовешь легкой. Возникло это государство после Первой миро-

вой войны на обломках австро-венгерской империи Габсбургов, а в 1938 г. значительная ее часть, Судеты, населенные преимущественно немцами, отошла к нацистской Германии. Затем последовал еще раскол с выделением Словакии (Словацкая республика), оказавшейся под сильным влиянием нацизма. Но после Второй мировой войны страна была вновь объединена и сразу же (1946 г.) оказалась под властью Национального фронта, в первом правительстве которого ключевые посты были заняты коммунистами. Единственный беспартийный в кабинете, Ян Масарик, сын президента Т. Масарика, занимавший реально мало значивший пост министра иностранных дел и высказавший склонность к принятию помощи по плану Маршалла, после февральского переворота 1948 г. и образования правительства из одних коммунистов был, как известно, обнаружен выпавшим из окна своей квартиры.

Коммунистическое правительство Готвальда крепко взяло власть в свои руки. Начались преследования оппозиции. Был пересмотрен закон о выборах, а после выборов вместо умершего Бенеша президентом стал Готвальд, а премьером А. Запотоцкий. Масарика и Бенеша стали разоблачать как *лакеев империализма*. Затем началась масштабная чистка в компартии и в 1952 г. был казнен секретарь ЦК КПЧ Р. Сланский. В марте 1953 г. одновременно с советским вождем умер Готвальд. Но из этих двух смертей главной, естественно, была первая. Именно она в июне 1953 г. привела к рабочим и студенческим волнениям в Пльзене и других городах, а также к росту недовольства в деревне. Власти сочли за благо сделать некоторые уступки и, в частности, приостановить вызывавший особое недовольство процесс коллективизации.

Неудивительно, что начало десталинизации, связанное с разоблачениями Хрущева на XX и XXII партсъездах (1956 и 1961 гг.), восприняли в Чехословакии с большим энтузиазмом. В 1961 г. тело Готвальда было вынесено из мавзолея, затем реабилитировали Сланского и снесли памятник Сталину в Праге. В стране начался мирный последовательный процесс перестройки, что стало кануном знаменитой Пражской весны 1968 г. Процесс коснулся, как того и следовало ожидать, прежде всего экономики. Реформы О. Шика, направленные на децентрализацию планирования и необходимость учета таких рыночных факторов, как спрос и стимулы, породили в стране оживленную дискуссию. Но давление из Кремля было еще очень сильным. Единственным, на что могли пойти руководители страны во главе с новым президентом А. Новотным, был переход — в духе

реформ, предлагавшихся в СССР Косыгиним, — к самоуправлению предприятий с участием в нем рабочих советов. Тем не менее процесс не останавливался. Напротив, набирал силу. Уставшие от коммунистических экспериментов и вдоволь вкусившие их результаты, люди страстно желали обновления. А точнее, возврата к прошлому, еще не забытому. Это и привело чехов и словаков к Пражской весне 1968 года.

Весна началась в январе, когда под давлением нарастающего массового недовольства как вне компартии, так и в ее рядах, президент Новотный подал в отставку, а его место занял генерал Л. Свобода. Словак А. Дубчек, новый глава компартии, начал решительные реформы под лозунгом борьбы за социализм *с человеческим лицом*. Это означало решительный переход к рыночно-частнособственнической структуре западного типа. Отмена цензуры и гласность, свобода слова и печати, да и все прочие буржуазно-демократические права и свободы стали в измученной стране непривычной явью. Чехословакия готовилась к радикальным переменам в экономике, к разнообразию форм собственности. Это была подлинная весна свободы. Но длилась она не слишком долго. Тем же летом, поле нескольких месяцев суровой критики из Москвы, новых руководителей страны предупредили, что КПСС не допустит ликвидации основных принципов коммунизма. А так как предупреждение явно не подействовало, в конце августа того же 1968 года введенные в эту страну советские войска положили конец реформам. Военное решение проблемы означало, что надеяться на демократизацию чехам и словакам не приходится. Следует ждать, пока ситуация решительно не изменится. Разумеется, однако, ждать пришлось довольно долго. Правда, речь не о пассивном ожидании.

После подписания в 1975 г. документа о безопасности и сотрудничестве в Европе, принятого в Хельсинки, около полутысячи граждан — именно граждан — Чехословакии подписали знаменитую Хартию-77, призывавшую, в соответствии с текстом хельсинкского документа, уважать права человека. И, несмотря на травлю, преследования и репрессии, недовольство в стране не утихло. Наконец, в 80-х гг., когда агония коммунистического режима так либо иначе уже ощущалась многими, а к власти в СССР пришел Горбачев, чехов и словаков возглавил В. Гавел. В 1989 г. он стал президентом, на долю которого выпала в радикально изменившейся обстановке уже не слишком трудная задача довести до успешного конца полное освобождение страны от коммунистического режима.

ПОЛЬША

Хорошо известно, что история Польши с ее несколькими разделами между соседними странами является одной из наиболее драматичных среди стран, существующих в настоящее время. Последний раздел ее, сотворенный на переговорах СССР и Германии в августе 1939 г. и зафиксированный в секретном протоколе к официальным документам заключенного тогда же в Москве пакта, привел к началу Второй мировой войны. После этого в 1940 г. были расстреляны органами НКВД интернированные польские офицеры в Катыни, а затем, в июле 1941 г., СССР объявил о признании эмигрантского правительства Польши в Лондоне и о формировании по согласованию с ним из уцелевших в России поляков армии генерала Андерса (армия оказалась без офицеров и весной 1942 г. ее выслали через Иран на запад). Созданная в 1943 г. в СССР взамен подвергнутой им же в 30-х гг. репрессиям и распущенной компартии Польши новая Польская рабочая партия предложила было лондонскому правительству создать совместный фронт борьбы, однако СССР разорвал отношения с этим правительством после того, как трагедия Катыни была раскрыта. В Советском Союзе начали формировать новые польские войска, Армию Людову, с целью противопоставить их Армии Крайовой, уже действовавшей на территории Польши и подчинявшейся Лондону.

Когда советские войска в конце июля 1944 г. подошли с востока к Варшаве (основная часть города расположена к западу от реки Вислы), а Лондон отдал приказ о начале 1 августа знаменитого варшавского восстания, по приказу вождя было сделано все, чтобы немцы полностью разгромили сопротивлявшихся два месяца варшавян и расправились с уцелевшими из их числа. И лишь в январе 1945 г. Варшава была взята, а вслед за тем советские войска захватили всю Польшу. В апреле 1945 г. СССР подписал с новым созданным им правительством Польши договор о дружбе и взаимопомощи, что практически, невзирая на сопротивление партизанских групп Армии Крайовой, означало конец надежд лондонского правительства на возвращение. Союзники СССР на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. вынуждены были согласиться с фактическим положением дел. Восточная граница Польши осталась примерно такой, какой она стала после августа 1939 г., а западная была определена по линии рек Одер-Нейсе.

В послевоенные годы правительство Польши на первых порах выступало в форме национально-многопартийного. Однако на рубеже

1946–1947 гг. страна решительно взяла курс на коммунистическую однопартийность, вследствие чего руководитель многочисленной крестьянской партии С. Миколайчик в октябре 1947 г. под угрозой ареста покинул Польшу. А правящей партией *нового типа* — ПОПР во главе с Б. Берутом — стали коммунисты, которые объединились с социалистами. Берут управлял несколько сравнительно спокойных лет. Партизанское движение было подавлено легко (советские войска Польшу, в отличие от Чехословакии, совсем не покинули, а в 1949 г. маршал К. Рокоссовский даже стал здесь на несколько лет министром национальной обороны). Страна не избежала репрессий конца 40-х гг. В тюрьме оказался и бывший лидер Польской рабочей партии В. Гомулка.

После смерти Сталина поляки начали свободней дышать, но на открытое выступление пока не решались. Зато осенью 1956 г., после XX съезда КПСС и разоблачения преступлений советского вождя, в стране поднялась буря негодований. ПОПР заменила Берута Гомулкой, освобожденным за два года до того. Страну захлестнули массовые выступления рабочих, особенно в Познани, где волнения начались еще раньше, и студентов. Пресса как бы обрела крылья. Репрессии и злоупотребления публично разоблачались. Рокоссовский покинул Польшу. Был выпущен из тюрьмы кардинал Вышинский. И именно в эти дни в Польше стали распускаться колхозы, после чего проблема коллективизации в стране была практически, хотя и не сразу, снята. Опасения Хрущева, готового в случае чего ввести в Польшу войска, были развеяны Гомулкой, заверившим Москву, что он, несмотря ни на что, держит руль достаточно крепко. У СССР не было резона настаивать, так как одновременные события в Венгрии оказались намного серьезней.

Когда выступления недовольных поутихли, а нажим на него правых коммунистов усилился, Гомулка чуть изменил свою политику. Некоторые реформы, как и либерализация страны в целом, приостановились. Но к прошлому страна уже не вернулась. А постепенно заново вводившиеся некоторые ограничения лишь раздражали население, особенно студенческую молодежь. Мятельные студенческие выступления 1968 года не миновали и Польшу. Более того, они, как и участие Польши в карательной экспедиции в Чехословакии, затронули ее весьма чувствительно. Гомулка был вынужден санкционировать подавление студенческих демонстраций, и это оказалось сигналом, свидетельствующим о том, что Польша остро нуждается в новом руководителе, пусть даже пока еще коммунисте.

Очередная мощная волна недовольства и забастовок, вызванная ростом цен, завершившаяся столкновением демонстрантов с не постеснявшейся применить оружие полицией, привела в конце 1970 г. к его отставке. Во главе ПОРП стал Э. Герек, объявивший о новой программе реформ. И хотя многого эта кампания не принесла, страна продолжала находиться в состоянии возбуждения, которое к тому же подогревалось многими признаками изменяющегося времени и, в частности, политической разрядкой в мире. Назревали серьезные события рубежа 70–80-х гг.

Все началось с рабочих волнений в Гданьске. Рабочие, о чьей *диктатуре* так заботился в свое время Маркс, попытались отстоять свои попранные властью — заметьте, не классово враждебной буржуазией, — права. Их попирали постоянно и везде, но взрывы резкого недовольства бывали не слишком часто. Они появлялись тогда, когда этому содействовала обстановка, как правило — и об этом опять-таки писал Маркс, имея в виду ненавистную ему буржуазию, — как раз тогда, когда политическая обстановка этому благоприятствовала, когда напряжение где-либо по той или иной причине зашкаливало. Так было в ГДР в 1953 г., в Венгрии в 1956 г. или в Новочеркасске в 1962 г., не говоря уже о событиях 1968 г. в Чехословакии. Так случилось и в Польше, в районе прибалтийского порта Гданьска (Данцига).

Этот город был буквально насыщен рабочими, обслуживавшими порт и все портовое хозяйство, а также трудившимися на других предприятиях. Мало знакомые с марксизмом, но хорошо понимавшие, что их труд очень плохо организован и потому недостаточно оплачивается (сознательность и солидарность трудящихся, о чем, согласно марксизму, всегда должны были заботиться социалисты), труженики города с 70-х гг. часто прибегали к забастовкам. Электрик Лех Валенса, необычайно общительный и активный, в 1970 г. возглавил одну из них, протестовавшую против повышения цен на питание, а в 1976 г. за участие в другой был уволен. Он сумел, несмотря на преследования, наладить издание нелегальной газеты, а затем, уже в 1979 г., организовать независимый от власти профсоюз. Это был достаточно резкий вызов. В 1980 г. в связи с новым повышением цен снова началась забастовка, а во главе стачечного комитета оказался тот же Валенса. На сей раз власть почувствовала силу организованных рабочих, захвативших крупнейшую верфь в стране, и пошла на переговоры, завершившиеся соглашениями.

Главным стала легализация независимых профсоюзов, после чего и возник новый профсоюз, *Солидарность*, в который сразу же

вступило около 3 млн человек. Профсоюз оказался массовой организацией, готовой соперничать с правящей ПОРП. В апреле 1981 г. возник профсоюз фермеров. Тогда же ЦК ПОРП одобрил программу реформ, включая новое повышение цен. В сентябре на национальном съезде *Солидарность*, представленная уже 10 млн членов, избрала своим председателем Валенсу. В октябре главой ПОРП стал генерал В. Ярузельский. В события в Польше вмешался СССР, и в ноябре начались переговоры генерала с Валенсой при участии кардинала Глемпа. После неудачи переговоров Ярузельский ввел военное положение, а в начале 1982 г. деятельность профсоюза запретили, а Валенсу арестовали. В 1983 г. этот наиболее выдающийся из борцов с коммунизмом был удостоен Нобелевской премии мира. В критический для коммунистического блока 1989 год *Солидарность* была возрождена и начала активно вести уже не только экономическую, но и политическую борьбу. А Валенсу на выборах 1990 года избрали президентом страны. На этом, собственно, и закончилась длительная борьба поляков за свою политическую независимость. Успех их в этой неравной борьбе заслуживает особого внимания, хотя аналогичную борьбу вели и другие, почти все восточноевропейские страны.

ВЕНГРИЯ

Во Второй мировой войне Венгрия принимала участие на стороне нацистской Германии. Эта ориентация началась с того времени, когда М. Хорти, регент страны с 1920 г., начал после прихода Гитлера к власти идти на сближение с фюрером. Однако установить диктатуру фашистского типа он, несмотря на оказывавшееся на него давление профашистских сил, не спешил. Лишь в конце 30-х гг., после соглашения в Мюнхене, когда часть населенной венграми Словакии была передана Венгрии, его курс на союз с Германией стал твердым. В 1940 г. эта страна формально присоединилась к Тройственному пакту, а 27 июня 1941 г. объявила войну СССР. Примерно 150–200 тысяч венгерских солдат воевали на восточном фронте, а военные заказы обеспечили неплохой уровень жизни для населения этой страны. После битвы под Курском, где потери венгров превысили 100 тысяч, Хорти попытался наладить контакт с союзниками СССР, но не успел. Весной 1944 г. немцы оккупировали Венгрию. Но депортацию венгерских евреев Хорти в меру своих сил вначале не допускал. Однако летом при непосредственном участии А. Эйхмана

около полумиллиона их (всего насчитывалось примерно 800 тысяч) отправили в Освенцим. А осенью 1944 г. Хорти все же сумел договориться с Советским Союзом о выходе из войны, после чего был в середине октября арестован немцами. Пронацистский режим возглавил Ф. Салаши, и венгерская армия продолжала бои вплоть до марта 1945 г.

Послевоенная история Венгрии во многом определялась ее ролью в войне. Страна не знала партизанского движения сопротивления. Позиции коммунистов были крайне слабыми. На выборах в ноябре 1945 г. свыше половины мест в парламенте получила партия мелких сельских хозяев, а премьером стал ее глава Ференц Надь. Но ключевые посты в кабинете под давлением советских представителей достались коммунистам с их примерно 17% голосов. И после того, как правящая партия в 1946 г. попыталась было отстоять свои права, коммунисты уже весной 1947 г. обвинили ее лидеров в заговоре, а осенью провели новые выборы, на сей раз по-советски. Во главе страны стал прибывший из Москвы М. Ракоши. В 1949 г. была принята новая конституция, начались процессы национализации частной собственности и коллективизации — через кооперирование — деревни, затем ужесточился политический террор, в том числе и против некоторых видных коммунистов. Был, в частности, казнен секретарь ЦК компартии министр внутренних дел Л. Райк.

Рубеж 40–50-х гг. был наиболее тяжелым периодом в истории страны. Жестокие преследования выпали на долю тех самых мелких сельских хозяев, чья партия получила в 1945 г. большинство. Около 10% их подверглось притеснениям и репрессиям. Курс на ускоренную индустриализацию страны принес ей немало страданий, вплоть до голода и высокой степени обнищания населения. Напуганный, как и многие, событиями конца 30-х гг. в СССР, Ракоши, оказавшись в стране, где позиции коммунистов не были крепкими, торопился, явно стремясь выслужиться перед советским вождем. Некоторые данные свидетельствуют о том, что в Москве это понимали, отчего в мае 1953 г., после смерти вождя, Ракоши был приглашен в СССР, где ему было разъяснено, что взятый им слишком жесткий курс чреват непредсказуемыми следствиями и потому нуждается в коррективах. В июне пост премьера занял Имре Надь, начавший политику реабилитации репрессированных, ослабления давления на общество и некоторой демократизации. Однако эта политика стала встречать сопротивление со стороны Ракоши, который в 1955 г. добился от Москвы согласия убрать Надя, обвинив его в правом уклоне.

Сменивший премьера Э. Гере вернулся к прежним методам управления. Это и вызвало после XX съезда КПСС с его антисталинским выступлением Хрущева взрыв возмущения в Будапеште. Ход событий дает ключ к пониманию того, почему именно в Венгрии такой взрыв оказался наиболее заметным. Вообще ненависть к коммунистическим методам, ускоренно внедрявшимся в жизнь страны, весьма далекой от них и к тому же не отличавшейся крепкой социальной дисциплиной прусского образца, более чем естественна. И если даже в Москве это вначале увидели — а потом, не вполне понятно из-за чего, перестали учитывать, — то легко понять, сколь взрывной оказалась реакция венгров на непривычное насилие над ними. Все началось с массовых выступлений, в основном студентов, призывавших к митингу солидарности с бастующими польскими рабочими. Затем, после этого митинга и демонстрации 23 октября 1956 г., студенты выдвинули требования суда над Ракоши, уничтожения памятника Сталину, продолжения реформ. Весь Будапешт присоединился к ним. Около 200 тысяч человек вышли на улицы города. Попытки работников госбезопасности стрелять по толпе из окон вызвали взрыв ярости. Венгерские войска стрелять отказались. 24-го на улицы Будапешта выехали советские танки. Но русские тоже в толпу не стреляли. Продолжали стрелять из окон и с крыш лишь сотрудники органов госбезопасности, которых демонстранты в покое не оставили.

25–28 октября власти пошли на уступки. Гере ушел с должности премьера, которую занял Я. Кадар. Стрелявшие по толпе органы безопасности были официально распущены. В правящей партии и правительстве произошли — с санкции высших советских деятелей, прибывших в Будапешт, — весьма радикальные преобразования, стране второпях были обещаны серьезные демократические реформы. Советские войска выводились. Казалось, народ вышел победителем. Но не тут-то было. В Москве 1 ноября было принято решение все-таки применить оружие, дабы спасти социализм в Венгрии. Это вскоре и было сделано, причем с применением силы и ценой тысяч жертв, включая и заманенного в ловушку и казненного Имре Надя.

Венгрия с трудом переживала процесс нормализации после событий 1956 г. Правительство спешно реабилитированного Я. Кадара, правда, не сразу, стало проводить демократические реформы, возвращать часть утраченных народом свобод. С конца 60-х гг. эти преобразования начали приносить заметные плоды. Шел важный процесс децентрализации в управлении экономикой, предприятия получили немало прав в их хозяйственной деятельности, а частное хозяйство

и мелкий бизнес, в том числе и в деревне, начали поощряться. Все это делалось не спеша, с оглядкой, но приносило неожиданно серьезные результаты. Из восточноевропейских стран Венгрия уже в 70–80-х гг. оказалась впереди всех на пути создания основ рыночно-частнособственнической экономической структуры. Конец 80-х и особенно решающий во многих отношениях 1989 год привели к знаковой перемене в стране, руководить которой в это время стало уже новое поколение реформаторов. В стране была восстановлена многопартийность, реальную силу обрел парламент.

РУМЫНИЯ

Румыния, как и Венгрия, была в годы войны союзником Германии. Но она была много более отсталой, с преобладающим крестьянским населением. Из промышленных ее ресурсов наибольшее значение имела нефть. Король Кароль, а затем его сын Михай фактически не имели власти, которой владел с 1940 г. глава правительства И. Антонеску. Подавив с помощью нацистов соперничавшую организацию *железнодорожников*, диктатор запретил партии, ликвидировал буржуазно-демократические права и свободы и объявил себя местным фюрером, *кондуктором*. Вступив в Тройственный союз, Румыния с ее преобладавшими антисоветскими настроениями (Бессарабию там считали своей) объявила СССР войну уже 22 июня 1941 г. Ее войска участвовали в захвате не только Бессарабии, но и Одессы, а всего к моменту завершения битвы под Сталинградом страна потеряла на восточном фронте полмиллиона солдат. Весной 1944 г. советские войска вошли в Румынию, где юный король Михай, поддержанный волнениями в народе, сумел отстранить Антонеску от власти, за что получил от СССР очень престижный орден «Победа».

Оставив Бессарабию за собой, СССР передал Румынии часть венгерской Трансильвании, что повысило шансы коммунистов, которые, в отличие от их венгерских собратьев, являли собой достаточно заметную политическую силу, и помогло им выиграть выборы 1946 г. Уже в 1947 г., укрепившись с помощью СССР у власти, коммунисты вынудили Михая эмигрировать. Они возглавили правительство республики. Сразу же в стране начались жесткие преследования всех инакомыслящих, включая и коммунистических лидеров типа Анны Паукер. Национализация слабо развитой промышленности и акцент на ее быстрое развитие с помощью СССР позволили румынам в

50-х гг. продемонстрировать высокие темпы роста. Однако свободная от чужих войск Румыния уже с рубежа 50–60-х гг. и особенно после смерти советского вождя начала претендовать на некоторую политическую независимость от СССР. А так как эти претензии не сопровождались, наподобие событий 1956 г. в Венгрии, требованием демократизации режима, СССР не имел повода для вмешательства. Тем более что Г. Георгиу-Деж, а с 1965 г. Н. Чаушеску вели себя как диктаторы в тоталитарном государстве.

Наряду с КНДР Румыния представляла собой один из наиболее замкнутых из созданных после Второй мировой войны тоталитарных режимов левого толка. Она могла проявить определенное упрямство при определении своей внешней политики, как то было в случае со вторжением в Чехословакию в 1968 г. или при определении отношений с Китаем тогда, когда эти отношения у СССР были на грани разрыва. Но мелкие вольности ее тускнели на фоне мрачной жесткости внутренней политики в этой стране. Лишь финальные события, положившие в роковом для коммунистов 1989 году конец не только режиму, но и самому существованию Чаушеску, оказались — что и следовало ожидать в то время в складывавшейся в Восточной Европе политической обстановке — отмеченными бурными событиями и, что вполне естественно, массовым кровопролитием.

БОЛГАРИЯ

Болгария, как и Румыния, принадлежала к числу недостаточно развитых аграрных стран. Царь Борис в 1940–1941 гг. согласился было превратить страну в союзника Германии, войти в состав Тройственного союза и даже принять участие в войне немцев с Югославией и Грецией. Однако от вступления в войну с СССР он отказался. В партизанском движении после начала войны с СССР принимали участие многие антинацистские группы, в том числе коммунисты, следовавшие курсу жившего в Москве Г. Димитрова. В августе 1944 г., когда советские войска подходили к границам Болгарии, новое правительство страны объявило о нейтралитете. Но, тем не менее, в начале сентября СССР объявил Болгарии войну и ввел туда войска, после чего коммунисты образовали правительство Отечественного фронта. 1945 год был периодом репрессий против представителей политической элиты вчерашнего дня. А армия, поставленная под власть коммунистов из числа партизанских вожakov,

выступила против отступавших немцев на территории Югославии, Австрии и Венгрии.

Отечественный фронт уходил в прошлое, ибо больше не был нужен. С осени 1945 г. коммунисты и правительство во главе с Димитровым стали основой власти в стране. В 1947 г. было покончено с оппозицией, в 1948 г. учитывая возражения СССР, прекращены переговоры с Югославией о балканской федерации, а после смерти Димитрова страну и компартию возглавил его зять В. Червенков. Начались репрессии, в том числе и в компартии, а затем из страны было депортировано свыше полутораста тысяч турок. Жесткая диктатура пришла к концу после смерти Сталина. В 1954 г. править страной стал Т. Живков, проявивший вслед за Хрущевым некоторый уклон в сторону либерализации. Впрочем, они почти не были заметны. В экономике страны происходили те же процессы — национализация частной собственности, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, — что и в других странах советского блока. Развитие страны шло медленными темпами, а чуть ли не главной доходной отраслью стал туризм. 70–80-е гг. принесли мало нового, ибо Живков более всего не хотел этого. Он не принял реформ Горбачева, и только 1989 год подкосил его режим.

АЛБАНИЯ

Эта небольшая страна была наиболее отсталой. Став независимой в 1912 г., она в апреле 1939 г. была оккупирована Италией, а в сентябре 1943 г., после свержения на юге Италии власти фашистов, эту страну захватила Германия. Но партизаны во главе с коммунистом Э. Ходжей сумели вытеснить немцев и осенью 1944 г. создали правительство. Став во главе Албании и проведя все коммунистические преобразования, репрессировав несогласных и проведя жестокую чистку среди руководства компартии, Ходжа, один из наиболее преданных сторонников и последователей Сталина, после его смерти не проявил готовности к переменам. Напротив, он назвал один из городов страны именем вождя СССР, а в честь его 80-летия даже учредил орден Сталина. Понятно, что десталинизация в годы правления Хрущева привела к тому, что связи с СССР были прерваны, а вместо этого Ходжа взял курс на союз с Китаем. В 1981 г. он объявил о победе социализма и начале строительства коммунизма в Албании.

Естественно, эксперименты тоталитарного режима к экономическим успехам в маленькой и отсталой стране не вели. И если в 50-х гг. советская помощь позволила построить ряд предприятий, что на порядок увеличило довоенный уровень ее промышленного производства, то в последующем особых успехов уже не было. Связи с Китаем до 70-х гг. мало что могли дать Албании, а после 1978 г. ее отношения с КНР ухудшились. Албания тогда превратилась в осажденную и наглухо запертую крепость, сходную с современной КНДР. Это продолжалось и после смерти Ходжи в 1985 г. Р. Алия, его преемник, осудил процесс демократизации в странах советского блока. Но к этому времени в стране уже сформировалась влиятельная оппозиция, резко усилившаяся в роковом для коммунистов 1989 году. И в 1992 г. президентом страны стал ее лидер С. Бериши.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СССР И ЕГО САТЕЛЛИТАМИ

В главе пока что не шла речь о кончине СССР и о судьбе России после этого, хотя путь стран *народной демократии* к политической независимости с реализованной декоммунизацией представлен в пределах возможной нормы достаточно ясно. Словом, кое-что становится более понятным. Прежде всего, совершенно очевидно, что послевоенный СССР на первых порах, да в определенном смысле и позже, вплоть до прекращения его существования, был хозяином положения, а все остальные страны, захваченные (заметьте, отнюдь не освобожденные, как то кое-кем иногда преподносится) им в конце войны, стали сателлитами, насильно присоединенными к нему. Разумеется, эти страны сохраняли формальную политическую независимость, что превращало их, к удовлетворению руководства СССР, вроде бы в полноценных субъектов международного права, в членов ООН. Такого членства были удостоены и две советские республики, Украина и Белоруссия, как особо пострадавшие в годы войны, что формально не вписывалось в рамки нормы, но, тем не менее, стало фактом.

Режимы в каждой из стран *народной демократии* были такими же, как и в СССР, и де-факто любая из них практически мало чем отличалась от тех же Украины или Белоруссии. Управляли ими те, чье руководство устраивало Москву, а если где-либо что-либо отличало какую-нибудь из них, то происходило это лишь с согласия или, во всяком случае, без активного неприятия со стороны СССР.

Сказанного вполне достаточно для того, чтобы зафиксировать если и не абсолютное, то во всяком случае явное и вполне естественное сходство тоталитарной социополитической системы всех стран коммунистического блока, в каждой из которых укреплялась или заново воссоздавалась восточная структура власти-собственности в ее уникально-коммунистической — без частной собственности — и очень жестко централизованной модификации. А разница между ними — такими, как Албания, в меньшей степени Болгария и Румыния, исторически более связанными с Османской Турцией, нежели с европейским Западом, — и всеми остальными, вполне очевидно тяготевшими к европейскому Западу, была в том, что они, эти последние, в прошлом были, пусть даже не очень долго, но обществами западного типа. Что это значило?

Очень многое. Отнюдь не случайно, что острое недовольство населения замесившим западный тип общества тоталитарным режимом, связующие нити которого шли в Москву, проявляли те страны, которые знали лучшие времена. Речь о том, что как раз в те времена — это многие десятилетия во второй половине XIX и первой XX в. — страны, ориентировавшиеся на Запад (ГДР, Чехословакия, Польша и Венгрия), находились под воздействием буржуазной вестернизации и сопровождавшим ее довольно долгим влиянием либерально-демократического стандарта в политике и свободного рыночного предпринимательства в экономике. Они входили в число тех стран, которые на протяжении жизни нескольких поколений, причем в основном в условиях мирного времени сполна уловили преимущества антично-буржуазной структуры с ее социополитическим фундаментом и потому не могли забыть о них. И как раз поэтому именно они время от времени бурно высказывали свое недовольство в форме массовых протестных движений, энергично, а то и танками подавлявшихся. Из этого следует, что стандарты общества западного типа не могли быть легко и полностью вытравлены из сознания тех, кто волею судеб оказался под властью тоталитарного режима, к тому же не столько собственного, сколько чужого. И это очень важно осознавать. Именно это кардинальным образом отличало ситуацию в этих странах от тех очень близких к стандарту мировой деревни вроде Албании, отчасти, пусть с оговорками, Болгарии и Румынии, что обществами западного типа не были.

Примерно то же можно сказать и об обстановке, что сложилась в России после развала СССР. Россия в целом, как огромная империя, не имевшая в прошлом сколько-нибудь длительного опыта пребы-

вания в качестве полноценного общества западного типа (она лишь медленно шла к этому после реформ Александра II и чуть быстрее, но всего лишь несколько лет после октябрьского манифеста 1905 г. и появления российского парламента, Думы, а с февраля 1917 г. даже чего-то вроде республики), оказалась в аналогичном положении. Те — западные — ее части, что были хоть сколько-нибудь знакомы со стандартами Запада, включая привычные их религиозно-цивилизационные традиции и веками складывавшийся менталитет, всегда стремились прочь от СССР. Это относится к прибалтийским республикам Литве, Латвии и Эстонии, историческая судьба которых ближе к Западу, чем к СССР. Мало того, даже небольшая разница в этом смысле между Россией и Украиной (Белоруссии и Бессарабии это касается в несколько меньшей степени) сыграла роль в степени готовности населения воспринять нормы европейского стандарта.

Эту столь принципиально важную разницу необходимо всегда учитывать. Она очень убедительно свидетельствует о том, что и трансформация России после крушения СССР не была и не могла быть сходной с тем, чем стали отличаться в своем решительном возвращении к Западу находившиеся рядом с ней достаточно развитые восточноевропейские страны. Это относится и к западной части империи, много лучше других исторически знакомой со стандартами общества западного типа. Многие ищут причины того, почему Россия не такова. И хотя на этот кажущийся вполне логичным вопрос ответ — разумеется, предположительный — будет дан лишь в конце тома, есть все основания для предварительного суждения. Суть его в том, что здесь сыграли наиболее важную роль история страны, господствовавшая в ней крайне архаично-примитивная идейно-институциональная первооснова, а также религиозно-цивилизационные православные традиции и специфическая ментальность общинно-крепостных *миров*, воспитывавшаяся на протяжении многих веков этими почти не изменявшимися традициями.

Глава седьмая. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ВНЕ БЛОКА

При всей, казалось бы, жесткости коммунистического блока далеко не все в нем было гладко и даже однозначно. Обратим внимание на то, что некоторые из стран, входивших в блок и возглавлявшихся порой даже более ревностными коммунистами, чем преемники со-

ветского вождя в СССР, — имеются в виду Румыния и Албания — сочли себя вправе не согласиться с отступлением от догмы и тем более с явной критикой некоторых издержек тоталитарного режима. Эти страны именно поэтому после смерти Сталина некоторое время демонстрировали свою неприязнь к СССР, предпочитая ему маоистский Китай. Такое стало возможным вследствие отсутствия в них советских войск и полной приверженности их руководства идеям социализма в советской интерпретации. В отступлении от этих идей, как то было с Венгрией или Чехословакией, не говоря уже о Польше, эти страны нельзя было обвинить, как невозможно было и использовать это обвинение в качестве предлога для введения войск. Играла роль и сравнительная малочисленность и отсталость населения, долго не проявлявшего готовность энергично протестовать, отчасти также непонимание, а то и нежелание большинства выступать против сложившегося положения вещей, которое привычно воспринималось как вполне приемлемая норма.

В складывавшейся ситуации не очень легко решить, какими критериями нужно пользоваться, чтобы включить некоторые страны в число тех, кто не входил в блок. Но зато есть вполне твердые основания для того, чтобы понять, почему те либо другие страны после смерти Сталина — а то и до этого — в блок не входили. Эти основания сводятся либо к тому, что страна, как, например, Куба, была далеко от СССР, либо к тому, что лидеры страны предпочитали сохранять политическую самостоятельность. Иногда действовали оба фактора, а порой к ним прибавлялось и еще кое-что. Но важен сам факт: существовала группа стран, структура и принципы жизни которых мало чем отличались или вообще не отличались от тоталитарного режима советско-коммунистического толка, но которые, тем не менее, в блок, возглавлявшийся СССР, не входили. В отличие от входивших в блок, пусть и не всегда охотно поддерживавших связи с СССР Румынии и Албании, в восточноевропейском регионе была лишь одна такая формально не входившая в блок страна, причем очень значительная по многим параметрам. Это Югославия.

ЮГОСЛАВИЯ

Трудно было даже предположить такое в годы войны и сразу же после нее. Югославское партизанское движение было хорошо известно всем. В ответ на присоединение королевства к Тройственному

пакту в марте 1941 г. и создание в мае марионеточного правительства компартия призвала народ к сопротивлению нацизму. Вскоре партизанские отряды превратились в армию численностью в сотни тысяч бойцов, а в конце 1942 г. был создан комитет освобождения во главе с И. Броз-Тито. И хотя в многонациональной стране возникли и иные военизированные образования — профашистские хорватские отряды *усташей*, сербские группировки *четников*, словенские сепаратисты и другие, — компартия с помощью советских войск в 1944 г. взяла верх, а правительство в эмиграции вынуждено было к ней присоединиться. СССР горячо приветствовал создание федеративной республики. По конституции 1946 г. она состояла из 6 частей — Сербия, Хорватия, Словения, Черногория, Босния и Герцеговина (БиГ), Македония. Более того, есть данные о том, будто бы советский вождь поддержал начавшиеся в середине 40-х гг. переговоры об увеличении федерации за счет включения в нее Болгарии, Албании, Румынии и даже Греции в случае успеха там коммунистов. Речь шла, таким образом, о превращении ее в Балканскую.

Коль скоро это действительно было так, то непонятно, чего хотел добиться советский вождь, если он вначале, пусть даже очень недолго, поддерживал было эту идею. Особенно имея в виду, что, судя по некоторым сведениям, основания для сомнений в позиции югославского руководства у него были и до 1948 года. Властолюбивый и крайне подозрительный, он не мог не сознавать, что возникновение такого типа организации окажется только лишней заботой и постоянной угрозой его всевластию. Но если считать, что ничего такого не было, то непонятно, как преданный вождю Г. Димитров мог поддерживать такую идею. А он поддерживал. Как бы то ни было, но следует принять во внимание, что уже в январе 1948 г. вождь послал осуждающую телеграмму в адрес Г. Димитрова. В феврале аналогичные телеграммы были направлены в Белград и Софию от имени В. Молотова. Словом, был сделан резкий поворот в сторону конфликта с Тито. Все последующее хорошо известно. *Клика Тито, югославские бандиты и убийцы, шпионы и троцкисты* — все эти клише долго не сходили со страниц советских изданий.

Только спустя два года после смерти вождя Хрущев во время визита в Белград попытался, принеся извинения и дав объяснения, восстановить добрые отношения с Тито и Югославией. Но за эти несколько лет, начиная с 1948 г., ситуация сильно изменилась. Тито взял решительный курс на политическую самостоятельность федерации и провел ряд реформ, направив развитие страны по несколько

отличному от советского пути, и вместе с тем, находясь вне блока, продолжал оставаться коммунистом. Он был первым в этом ряду, что особо стоит учесть, ибо противостоял не Хрущеву, как то было с некоторыми другими лидерами компартий, а всесильному вождю. Противостоял и, по воле судьбы, сумел в конечном счете выйти из этого противостояния победителем. Важно добавить, что Тито оставался главой партии *нового типа* и руководителем авторитарно-диктаторского толка и что при нем Югославия ни в коем случае не стремилась — как то было с Венгрией, Чехословакией либо Польшей — к свободе или к буржуазной демократии.

Попытки поднять оппозицию внутри страны против строптивного маршала в пользу СССР не имели шансов на успех. Советских войск в Югославии не было, общей границы тоже. Все это способствовало тому, что у Тито были развязаны руки. И он, не будучи лишен здравого смысла, воспользовался этим для того, чтобы реализовать альтернативный советскому вариант строительства социализма. Суть его — заметим, задолго до попыток косыгинских реформ в СССР — сводилась к чему-то вроде максимально возможной дезинтеграции экономики и более всего к отказу от методов насильственной коллективизации крестьян. Этот вариант имел целью предоставить производителям возможность управляться самим и даже — разумеется, при повседневном руководстве и контроле со стороны правящей партии — развивать рыночно-частнособственнические отношения. Словом, в реальности это был некоторый шаг в сторону Запада, что и было там оценено. Югославы, получившие возможность свободно выезжать из страны, зарабатывать в развитых странах буржуазного Запада и вкладывать свои сбережения в хозяйство страны, активно поддерживали эту политику, что было важным для внутренней прочности режима, не прибегавшего, в отличие от остальных в Восточной Европе, к массовым репрессиям.

Поддержка Хрущева ободрила маршала и позволила СССР считать Югославию если и не вполне близкой, то во всяком случае дружественной страной советского блока. Были восстановлены дипломатические и экономические связи. Но это не вызвало перемен во внутренней структуре страны, у которой были, впрочем, свои неразрешимые сложности, с чем руководство страны не раз, особенно в 1965 и 1974 гг., безуспешно пыталось справиться. Проблема сводилась к тому, что полупланово-полурыночная экономика тоже не является жизнеспособной. Иногда поначалу можно было кое-чего добиваться, но успехи оказывались несравнимыми с теми, которые

демонстрировала буржуазная рыночно-частнособственническая структура. И самое важное в том, что гибридная структура такого типа, перенесенная в 1957 г. Хрущевым — похоже, под впечатлением его визита в Белград — на советскую почву в виде упоминавшихся выше совнархозов, не приживалась практически нигде. Она могла быть недолговечным элементом переходного периода, но не иначе. Во всех остальных вариантах, известных истории современной экономики, включая и отечественную уже много после Хрущева, она в лучшем случае не сразу, но вела к стагнации.

Что касается Югославии, то здесь ситуация осложнялась еще и потому, что разные части страны были очень неравноценными с точки зрения уровня их развития, не говоря уже о национальном и конфессиональном несходстве. В итоге к 80-м гг. страна подошла к огромной инфляцией, большим внешним долгом и, что наиболее серьезно, с рядом неразрешимых противоречий между республиками. Смерть Тито в 1980 г. стала началом распада федерации, которая развалилась на части на рубеже 80–90-х гг. Развал Югославии сопровождался, как того и следовало ожидать, драматическими событиями, о чем речь пойдет особо, в других частях тома.

КНР

Великий Китай не сопоставим ни с Югославией, ни с СССР, со страной, которая помогала маоистскому Китаю встать на ноги в середине XX в., когда Советский Союз самими китайцами часто официально именовался *старшим братом*¹ КНР. Разумеется, уже по одному этому о Китае следует вести речь много более подробно, чем обо всех иных государствах, о которых сказано и еще будет идти речь в этой главе. Случилось же с Китаем немало весьма поучительного. Может даже создаться впечатление, что огромная страна в какой-то момент как бы сдвинулась, забыла о всяких нормах и вообще пошла вразнос. Но на самом деле все было не совсем так.

Для долго спавшего и медленно просыпавшегося под давлением активно реализовывавшегося после *опиумной* войны 1842 г. процесса вестернизации Китая, испытавшего в первой половине XX в. радикальные преобразования и едва не развалившегося на части, все эти

¹ В китайском языке нет знака, обозначающего простое и всем в мире известное слово *брат*. Там вместо этого существуют два иероглифа, *старший брат* и *младший брат*, что стоит учитывать.

события имели огромное значение. Мудрая древняя цивилизация умело впитывала полезные для нее новации, понемногу отделяя от себя все отжившее и вредное для ее успешного бытия и развития в резко изменившихся условиях. Маоизм был одним из этапов именно этого пути. После завершения Второй мировой и антияпонской войны и образования КНР наступило переломное и во многих отношениях весьма примечательное время. Страна и особенно ее руководство, начиная с Мао, не слишком много знавшего, но крайне упрямого в его представлениях о коммунизме, искали свой путь.

Искали его, о чем очень важно сказать, не в ходе привычного для этой страны упорного и неторопливого труда, но напротив, в ускоренном темпе и в необузданном стремлении к быстрому и крайне упрощенному — даже по сравнению с не слишком изысканным в этом смысле в СССР — варианту реализации марксистско-коммунистической утопии. Конечно, Мао не был просто не желавшим рассуждать догматиком. Но он решительно сделал ставку на свойственную культурной традиции страны крепкую социальную дисциплину многих сотен миллионов тружеников, полагая, что этого, к тому же при тотально-коммунистическом обобществлении всего имущества, вплоть до домашнего хозяйства в деревнях, будет достаточно, чтобы в кратчайший срок совершить невообразимый скачок вперед и тем самым добиться великой цели и удивить мир.

Мир действительно был поражен экспериментом. Но вот со скачком (*большой скачок*, как это официально именовалось) явно не получилось. Построить то, что представлялось Мао коммунизмом, в ходе кавалерийской атаки (вспомним его основной лозунг: *три года тяжелого труда — десять тысяч лет счастья*) оказалось не только нереальным, но чреватым катастрофой. Зимой первого же года эксперимента, 1958–1959 гг., в стране начался голод, ибо не привыкшие рассчитывать на всех и теперь не заботившиеся о других оторванные от семей крестьяне в коллективных столовых заново созданных *народных коммун* дружно съели все, что было произведено. О последствиях не стоит упоминать. Можно лишь добавить, что за 1958-м последовали два неурожайных года, сопровождавшиеся, однако, массовой безжалостной реквизицией урожая в соответствии с ранее утвержденным планом в государственные закрома. Сотни миллионов людей оказались на грани голодной смерти.

Вообще-то голод в Китае, как и на всем традиционном Востоке, — дело привычное. Но в эти страшные годы все оказалось отягощено тем, что были разрушены привычные формы защиты от него. Трудно

сказать, сколько людей погибло. Считается, что десятки миллионов. И это едва ли большое преувеличение. Естественно, что в КПК возникла сильная оппозиция, возглавленная маршалом Пэн Дэ-хуаем и взявшим на время на себя руководство страной Лю Шао-ци. Мао был вынужден публично признать ошибки. Но вины он не ощущал. Демонстративно несколько отойдя в сторону (оставшись, однако, председателем КПК и руководителем Военного совета страны, т.е. по сути главнокомандующим), он, основательно к тому подготовившись, через несколько лет приступил к реализации нового гигантского эксперимента под мало что говорящим названием *культурная революция*.

Суть его была в использовании сохранившегося авторитета председателя с его очень много значившей харизмой. Сделав с помощью партийных лидеров Шанхая ставку на подросткую за несколько прошедших лет прежде всего городскую образованную молодежь, красногвардейцев *хунвэйбинов*, Мао натравил ее на критиковавшую его партийную элиту под лозунгом *открыть огонь по штабам!* То, что началось в стране вслед за этим и шло на протяжении ряда лет, вплоть до смерти Мао в сентябре 1976 г., очень похоже на истребление верхушки партийной элиты в сталинском стиле с той лишь существенной спецификой, что председатель не сумел воспользоваться опытом Сталина. Десятилетняя смута, как ее впоследствии стали именовать, сводилась к стремлению обвинить в преступлениях и резко устранить от руководства партии ее старую гвардию. Но, в отличие от аналогичной кампании террора советского вождя в 30-х гг., процесс сразу же обрел характер просто многолюдных и обходившихся без суда проработок. Мало того, он пошел вширь, стал сопровождаться стихийными расправами и обернулся большой кровью на низшем уровне усилиями поощрявшейся Мао активности хунвэйбинов.

В стране царил революционный закон в стиле традиционной для таких случаев ничем не контролируемой анархии, сопровождавшейся демагогией и массовыми, подчас зверскими убийствами попавшихся под горячую руку (хотя, похоже, в основном все же заранее намеченных) вроде бы ни в чем не повинных людей. В большинстве своем это были, по-видимому, те из потенциальных оппонентов, кто не сумел вовремя сориентироваться и скрыться. Главным был основной принцип: виновны начальники, *штабы*. Но это вовсе не означало, что все остальные могли чувствовать себя спокойно. Напротив, любой мог оказаться *классово чуждым элементом, противником социализма, партии и председателя*. Согласно данным китайских

авторов, этот неумолимый процесс *критики*, который обычно сопровождался насилиями и в лучшем случае завершался только высылкой на *трудовое перевоспитание* в деревню, затронул примерно 100–200 млн жителей страны, в основном горожан и прежде всего наиболее образованных из их числа.

Фиксируя этот разгул стихии, не стоит забывать, что десятилетняя *культурная революция* (в общем-то, в свете сказанного, становится более понятным, почему именно культурная) была, естественно, долгой. Однако ожидаемых ее автором плодов она не принесла. Почему? Мало было насилия? Отнюдь. Этого было более чем достаточно. Важно, что была избрана не та стратегия. Ведь смысл происходившего сводился не к некоей необузданности хунвэйбинов, хотя одного этого хватило бы на несколько крупномасштабных восстаний. Он был в том, чтобы запугать партию и всю страну, установив вслед за тем режим личной диктатуры. Однако для этого, принимая во внимание опыт советского вождя, нужно было бы не столько безбрежно раздвигать рамки борьбы на первом ее этапе, сколько умело и последовательно ставить четкие цели, меняя их по мере достижения цели и реализации задуманного. Иными словами, нужно было — если иметь в виду интересы Мао — не что-то вроде вселенской разборки, а четкое хорошо продуманное последовательное противопоставление одних влиятельных в партии лиц другим.

Трудно сказать, не справился Мао или пренебрег этим и, надеявшись на свою харизму, попытался сразу же преодолеть слишком высокую планку. Он явно хотел, опираясь едва ли не только на озверевшую от крови толпу преданной ему молодежи и при крайне слабых в стране спецорганах (а армия, как правило, была в стороне от событий; ее руководство, как и элита партии, по меньшей мере не слишком сочувствовало его замыслу), сразу же убрать всех своих критиков. Это привело хотя и к пассивному, но все же очень энергичному и весомому сопротивлению. Хунвэйбины и шанхайская группа лидеров КПК, на что в основном, не считая массмедиа, опирался Мао, оказались не всеильными. В дело наведения порядка все чаще вмешивались войска, причем отнюдь не на его стороне. И это в конечном счете привело к поражению председателя, что, правда, полностью проявилось лишь после его смерти.

Мао сумел добиться гибели строптивых маршалов Пэн Дэ-хуая и Линь Бяо, а также своего ближайшего соратника Лю Шао-ци. Премьера Чжоу Энь-лая от репрессий спасла, если так можно выразиться, только смерть (он даже завещал кремировать себя, что не соот-

ветствует китайским нормам, и развеять прах, дабы могила в случае чего не была бы публично осквернена). Но зато его заместитель Дэн Сяо-пин смог при поддержке армии уйти от преследований. И именно он с его огромным авторитетом в стране и в партии стал после Мао реальным лидером Китая (формально страну недолго возглавлял мало кому известный выдвиженец, ставленник председателя Хуа Го-фэн). Стоит в этой связи заметить, что крайне экстравагантные по традиционным китайским понятиям попытки Мао в отличие от нашего вождя ускорить процесс обуздания **сразу всей партийной элиты** сыграли с ним злую шутку. Люди, несмотря на длительность кампании, просто не успевали осознать, кто и почему теперь враг. Поэтому неудивительно, что 4 апреля 1976 г., в день поминовения усопших и вскоре после смерти Чжоу, долгое время бывшего несменяемым и очень хорошо известным в стране и в мире премьером КНР, двухмиллионная толпа вышла на площадь Тяньаньмынь с его именем на устах.

Мао, не успевший расправиться с Чжоу, был этим недоволен. Именно после демонстрации он распорядился снять Дэна, ближайшего к Чжоу партийно-политического деятеля, со всех постов, заставив его искать убежища от преследований. Вообще-то говоря, скорей всего, именно Дэн и вывел эту толпу на площадь. Но важно не это, а то, что в конце десятилетия смуты такое могло случиться. Важно, что миллионы вышли на площадь с именем не Мао, а покойного Чжоу. Собственно, именно все это как раз и означает, что Мао в битве за власть проиграл, что следует считать подарком судьбы для Китая.

РЕФОРМЫ ДЭНА

Конец 70-х гг. был периодом наивысшего триумфа Дэна, подлинного и, более того, одного из величайших реформаторов в истории страны. Эта оценка, как каждый в состоянии легко заметить, связана с тем необычайно резким контрастом, который оттеняет современный Китай, противопоставляя его маоистскому. Ведь если даже абстрагироваться от обоих социальных экспериментов, затронувших не встречавшуюся прежде в истории общность размером свыше полумиллиарда людей, то трудно представить, как не утопический, а вполне реальный скачок вперед мог произойти в сильно отставшем в развитии Китае за последовавшие после этого скромные четверть века.

Стоит начать с того, чтобы напомнить, как выглядела страна в годы экспериментов с точки зрения организации ее общества и системы ведения хозяйства. Вынужденно извращенный реалиями мировой деревни марксизм легко наложился на примитивные представления о счастье в условиях утопической уравниловки, столь явно проявившей себя в бушевавшей веком раньше крестьянской войне тайпинов. Нет частной собственности, все национальное достояние страны принадлежит государству или коллективам в форме народных коммун. Труд в рамках такой системы — едва ли это нужно доказывать с цифрами в руках — не ценится, даже не очень-то учитывается. Все работают из-под палки и получают за это уравнительную незначительную оплату, порой палочки за трудодни на полях. Правда, повседневная пропаганда уверяла население, что это лишь временная ситуация, за которой должны последовать многие тысячелетия счастливой жизни. Но едва ли кто-нибудь, особенно в ситуации голода, всерьез на это рассчитывал.

Возможно, некоторая часть населения верила председателю и была готова жертвовать собой во имя грядущего. Другие же оказывались перед суровой необходимостью подчиняться жесткому социальному принуждению, реализовывавшемуся усилиями гигантской армии партийных *ганьбу*, т.е. кадровых функционеров. Но в любом случае экономика страны не просто застопорилась. Она явно двигалась в тупик, не предвещавший Китаю, привыкшему к рациональному поведению, хотя и подчас позволявшему время от времени увлекать себя утопическими идеями примитивного социального равенства, обычно в даосско-буддийской их интерпретации, ничего хорошего. Казалось, великая страна в бешеном ритме никем всерьез не продуманных преобразований пойдет по пути, столь хорошо сегодня знакомому миру на примере КНДР. И далеко не случайно одной из основных претензий маоистского руководства к СССР была в те годы обида на то, что Китай не получил вроде бы обещанного ему секрета изготовления ядерного оружия. Ведь кроме насилия в арсенале руководства страны ничего не было. Что же касается самой идеи насилия, то Мао вполне откровенно заявлял, что в грядущей войне следует с помощью современных средств, не стесняясь, быть готовым уничтожить хоть и половину человечества — зато мировой капитал будет повержен.

И вот все это, вместе взятое, досталось в наследство Дэну. Но, как то ни покажется странным, даже невероятным, он с поразительной легкостью и за исторически кратчайший срок сумел коренным обра-

зом исправить сложившееся положение вещей. За немногие месяцы подготовительной работы, смысл которой сводился к переориентировке политического курса при максимально возможном сохранении привычной воинственной риторики и к пресечению деятельности маоистских активистов, включая сосланных на перевоспитание в деревню хунвэйбинов, страна была подведена к первой и главной радикальной реформе. Она была принята на очередном партийном пленуме в декабре 1978 г.

Смысл ее оказался необычайно прост. КНР отказывалась от *классовой борьбы*, предпочтя ей *социалистическую модернизацию*. Много было сказано о том, как этого добиться. Сам Дэн в речи на пленуме пояснил, что если не раскрепостить сознание кадровых работников и народных масс, то осуществить модернизацию не удастся. Он подчеркнул, что демократия — важная предпосылка этого, а новая экономическая политика должна разрешить районам и предприятиям, рабочим и крестьянам, которые добиваются наибольших успехов за счет усердного труда, увеличивать доходы и повышать свой жизненный уровень раньше других.

Пленум принял соответствующее решение, которое практически привело к тому, что буквально на следующий день после него в стране официально были открыты около сорока тысяч рынков, разрешена торговля на них и был сделан решительный шаг в сторону предоставления крестьянам прав и возможности производить и продавать полученные с семейных участков сельскохозяйственные продукты. Соответственно была ликвидирована система вмешательства во все это местных *ганьбу* и возглавлявшихся ими коммун. В городах была ограничена роль государственного плана и созданы условия для возникновения кооперативно-коллективного и мелкого частного предпринимательства с необходимыми для этого переменами в сфере финансовых и административных связей, укреплением прав руководителей предприятий и свободным выходом их на рынок вплоть до выпуска акций или займов.

Серия последующих реформ в годы реконструкции, 1979–1981, отмечена была энергичным движением в заданном направлении. Народные коммуны в деревнях постепенно уходили в прошлое и замещались индивидуальными земельными наделами, закреплявшимися за крестьянскими дворами. Ограничивались права и полномочия партийно-административных органов власти. Плановые задания теряли свою силу и успешно замещались предпринимательской активностью привыкших к ней жителей Поднебесной. В перестройку

экономики активно включилась вся страна, измученная экспериментами, но не утратившая веры в свои возможности.

Первые позитивные результаты реформ сказались уже в 1984 году, когда сельское хозяйство вышло на уровень производства зерна в 400 млн т, а промышленность вступила в стадию невиданно бурного роста. Китай начал стремительно преображаться, а весь мир, восхищенный этой метаморфозой, буквально не мог поверить своим глазам. *Страна голубых муравьев*, как ее подчас с горечью именовали на Западе в годы экспериментов (имелась в виду не столько обязательная для всех униформа жителей, сколько система организации государства, его социополитическая система и экономика), за несколько лет успешных реформ из Золушки становилась если еще и не принцессой, то во всяком случае очень привлекательной. А 80-е гг. доказали, что новый курс, навеки связанный с именем и деятельностью Дэна, с его хорошо известным и сугубо традиционным прагматически-китайским тезисом о том, что не столь важно, какого цвета кошка (понятный всем намек на ультрареволюционные утопические заскоки Мао), лишь бы она исправно ловила мышей, полностью себя оправдал. Ныне с этим едва ли кто-нибудь станет спорить. Но важно не только признать мудрость реформатора. Много важнее оценить ее, к чему мы еще специально обратимся. Впрочем, сомнений здесь нет и быть не может. Пока же несколько слов о внешней политике КНР в 60–70-х гг.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС КИТАЯ

Сложные внутривнутриполитические проблемы, включая междоусобную борьбу в рамках правящей элиты, в годы социальных экспериментов Мао, да и после его смерти, мало сказались на внешней политике страны. Эта политика была строго определена самим фактом энергичного выхода коммунистического Китая на мировую арену. И показательно, что коммунистические и явно утопическо-сектантские политико-идеологические установки маоизма оказались направленными прежде всего и главным образом не столько в сторону ненавистной ему западной буржуазии, сколько против *советских ревизионистов*. В этом, к слову, был свой немалый смысл, так что о какой-либо нелепости либо случайности говорить не приходится.

Смысл в том, что новый Китай строго отстаивал не столько даже свою независимость, на которую в общем-то никто не покушался,

даже СССР в годы жизни его вождя. Гораздо важнее было то, что претензии СССР на лидерство в противостоявшем Западу блоке стран после смерти вождя были несовместимы с представлениями Мао о его личном — и соответственно Китая — месте в мировом коммунистическом движении. Однако, хорошо понимая, что по всем основным параметрам — будь то геополитические, военно-экономические, идейно-доктринальные либо иные позиции — КНР пока еще не в состоянии сравниться и тем более соперничать с СССР, ее руководители, Мао или Дэн, не склонны были легко уступать. Напротив, они стремились отстоять все то, что можно было, включая и свое влияние в мире, особенно в Азии.

Это проявлялось как в теоретических конфликтах, так и в споре о русско-китайской границе или о неравноправных договорах (опять-таки прежде всего России и Китая) или в более конкретных политических столкновениях. Тех и других было немало. То Советскому Союзу ставились в вину отзыв специалистов и отказ помочь в изготовлении атомной бомбы, то начинались нескончаемые инциденты на разных участках протяженной границы, где-нибудь в районе незначительного островка вроде Даманского или разных среднеазиатских гор и степей. Свою очень заметную роль играли и внешнеполитические притязания на преимущественное влияние в Индокитае или еще где-либо. Это вело то к обострению отношений во Вьетнаме или в Камбодже с ее поддерживавшимся маоистами социальным экспериментом Пол Пота, то к недовольству событиями в Афганистане, то просто к противостоянию СССР повсюду, вплоть до Зимбабве в Африке.

Словом, КНР упорно стремилась не столько даже везде и по любому поводу напоминать о себе, что само собой разумелось, сколько вести курс на реальное укрепление своего влияния в мире. Это вообще-то свойственно любой сколько-нибудь заметной державе. Но спецификой страны, в том числе и в первые годы после Мао, был ее явный акцент на поддержку наиболее экстравагантных режимов прокоммунистического и потенциально близкого к нему толка. А таких режимов в описываемое время было много, причем на протяжении некоторого времени их становилось все больше. Но, не ставя пока своей целью описывать все из них, остановимся на еще некоторых наиболее заметных вариантах развития коммунистических идей в странах вне буржуазно-демократического Запада, оказавшихся во второй половине XX в. жертвами тоталитарных режимов левого толка.

Их было, как упоминалось, достаточно много, причем каждый из них имел свою специфику. Более того, почти все они были отмечены, что очень существенно иметь в виду, войнами, репрессиями, а то и, как в Камбодже, явным геноцидом. Стоит напомнить, что чудовищные зверства камбоджийского Пол Пота были настолько страшны и нелепы, что коммунистическую его сущность и соответствующую риторику этого правителя у нас в массмедиа и в текущей пропаганде долго стеснялись вслух, во всяком случае, во всеуслышание, признавать и тем более сколько-нибудь сочувственно комментировать. Пытались либо умолчать о них, либо как-то приукрасить ситуацию, либо попытаться оторвать Пол Пота от идей коммунизма. И долго ничего не получалось. А Китаю нечего было стесняться, на все он смотрел по привычке весьма прагматично.

КНДР

И, наконец, КНДР. Это государство при сопоставлении его с КНР наиболее показательно для анализа аналогичных процессов, протекавших в такого рода странах. Казалось бы, во многих отношениях Корея, включая и северную ее часть, выглядела вплоть до 1945 г. предпочтительней по сравнению с измученным внутренними политическими неурядицами и японским вторжением Китаем. Ведь эта богатая природными ресурсами страна, обращенная в колонию агрессивной Японией, была теми же японцами индустриализована. И не случайно. Сама Япония, как известно, обделена полезными ископаемыми, что сыграло немалую роль в ее устремлениях на материке. Только за несколько лет Первой мировой войны количество промышленных предприятий в Корее возросло почти втрое, а протяженность железных дорог примерно вдвое. В короткий промежуток между мировыми войнами в стране возникли крупные промышленные центры, строились большие гидроэлектростанции, развивались горнодобывающие промыслы. В городах шло достаточно интенсивное развитие рабочего движения, включая частые забастовки, а затем появилось и партизанское сопротивление коммунистического толка, с опорой на базы в Маньчжурии. Корея не участвовала в мировых войнах

Вторая мировая война дала очередной толчок развитию полуострова. Словом, Корея не так уж много потеряла в результате замены китайского господства более ощутимым японским, но зато очень немало приобрела, что сыграло свою роль, в частности, в по-

разительных успехах буржуазно-демократического юга страны во второй половине XX в. Но после Второй мировой войны северная часть страны — в принципе столь же развитая, что и южная, — стала с помощью СССР государством с тоталитарным коммунистическим режимом в наихудшем со всех точек зрения его варианте. Конечно, здесь сыграл свою очень важную роль геополитический фактор. Эта часть полуострова, соприкасавшаяся с границей СССР, оказалась под его влиянием, что многое объясняет.

Но почему отсталый и измученный Китай, находившийся в аналогичной ситуации и разделивший ту же судьбу — имеется в виду переход страны под власть компартии, — сумел, пусть не сразу, отвергнуть бесчеловечный режим Мао с его экспериментами и, с необходимыми оговорками насчет *социализма с китайским лицом*, избрать рационально обусловленный иной путь? А КНДР, видя и понимая преимущества этого нового пути, не восприняла этот пример всерьез и довела беспощадный по отношению к людям вариант коммунизма до полного абсурда? А ведь Корею в цивилизационном плане следует считать едва ли не двойником Китая. Во всяком случае, исторически она была почти частью Китая, обычно его вассальной территорией.

Можно, разумеется, принять во внимание, что корейская война связала СССР с КНДР, нуждавшейся в советской помощи, теснее, чем с Китаем. Но после XX съезда КПСС дороги КНДР и СССР разошлись не в меньшей степени, чем Мао и Хрущева. Как бы то ни было, но Ким Ир Сен, с трудом одержавший победу над оппозицией, обвинявшей его в культе своей личности, после 1956 г. взял курс на самостоятельное развитие и обосновал его в теории *чучхе*. И нельзя сказать, что его мобилизационный вариант экономического спурта не давал никаких результатов. Кое-чего политика ускоренного развития индустрии за счет жизненного уровня людей могла, как то было в свое время и в СССР, добиться. Но характерно, что страшный режим, введенный Кимом и не раз описанный очевидцами, не просто превратил страну в коммунистическую казарму, но придал ей с типичными для нее регулярными строгими проработками и жестокими наказаниями за малейшие нарушения явственные черты воплощенной утопии типа оруэлловской.

Сочетание достаточно высокой культуры труда с тягостной тюремной по типу дисциплиной и безудержной примитивной пропагандой создало в этой стране столь мрачную обстановку для существования людей, какой нигде и никогда еще не было. И все это вкуче оказалось никак не сравнимым с тем, что было в КНР в годы эксперимен-

тов Мао. В КНР было очень много крови, но и немало недовольных. В КНДР не оказалось ни того, ни другого. Что страшней, трудно сказать. Но факт остается фактом. И именно он позволяет понять, в чем принципиальная разница, хотя для понимания и объяснения этой разницы сказанного пока еще далеко не достаточно. Впрочем, к этой важной проблеме мы еще в какой-либо форме вернемся. Пока же обратим внимание на некоторые другие страны того же ряда, в первую очередь из той же группы ориентировавшихся на марксистский социализм. Их осталось уже для рассмотрения немного. Прежде всего, речь пойдет о странах бывшего французского Индокитая.

ИНДОКИТАЙ

Индокитай как группа стран, в свое время объединенная в рамках единой французской колонии, в послевоенные годы распалась на первоначальные составные элементы, Вьетнам, Лаос и Камбоджу. И что показательно, они на протяжении послевоенных десятилетий были практически — при очень существенных различиях в конкретных событиях — почти в одинаковом положении. Имеются в виду существовавшие в них коммунистические или прокоммунистические режимы и их последующая трансформация.

Что касается наиболее крупной и значимой из этой группы стран, **Вьетнама**, то здесь, о чем упоминалось, на протяжении нескольких послевоенных десятилетий шла ожесточенная война, которая завершилась победой коммунистов. Однако сразу же после этого успеха выяснилось, что весьма жесткий восточно-маоистский вариант переинтерпретированного в интересах мировой деревни марксизма с обязательной ликвидацией любой частной собственности и общежитием в стиле коммунистической казармы ведет и без того обессиленную от долгой войны страну к удручающему состоянию стагнации. Помощь со стороны СССР мало что могла изменить. Несмотря на естественную на первых порах эйфорию, ухудшение экономического положения вскоре стало остро ощущаться. А вынужденное введение войск в Камбоджу и последовавший затем конфликт с Китаем еще обострили ситуацию. С трудом одолевший французов и американцев Вьетнам в конце 70-х — начале 80-х гг. оказался на грани кризиса, чреватого экономическим крахом.

Положение могли спасти лишь решительные реформы. И они вскоре последовали по уже успешно апробированному в постмаоист-

ском Китае стандарту. Рынок в стране наполнился товарами, что не мешало строгому сохранению привычной коммунистической риторики и соответствующей ей системе командной администрации, во всяком случае на первых порах. Иными словами, многострадальный Вьетнам, многим обязанный китайско-конфуцианской цивилизационной традиции, в отличие от КНДР разумно выбрал единственно верный и спасительный для него путь. Но успехов в движении по этому пути у него пока что заметно меньше, чем в Китае.

Что касается **Камбоджи**, то ситуация с ней была много более страшной. Эта страна, о чем уже было упомянуто, стала жертвой небольшой группы коммунистических экстремистов, превративших ее в арену социального эксперимента, по сравнению с которым то, что творил Мао, — имеются в виду не масштаб репрессий или количество пролитой крови, а людоедские зверства — сразу же отходит на задний план. Так называемые *красные кхмеры* во главе с Пол Потом не только убивали один за другим миллионы людей лопатами — просто так, для того, чтобы их знали и боялись, да еще потому, что тратить на всех пули накладно, — но и сочли желательным ликвидировать в этой отсталой стране ее немногие города с выселением из них жителей (не случайно все время вспоминается идея о мировой деревне). Стоит заметить, что не только КНДР и маоистский Китай, но и СССР на первых порах почти что благосклонно относились к родственному их режимам бесчеловечному эксперименту осуществлявших в своей стране геноцид полпотовцев. Это и понятно, ибо исходное родство этих стран с теорией, на которую опирались бандиты с партбилетами, вне всяких сомнений.

Вскоре, однако, ситуация стала меняться. Советские руководители, внимательно ознакомившись с тем, что происходило в стране кхмеров, явно протрезвели. Изменилась и позиция близкого к СССР Вьетнама. Вследствие осложнений на вьетнамо-камбоджийской границе и в немалой мере как результат противоречий между КНР и поддерживавшим Вьетнам СССР вьетнамские войска в начале 1979 г. с оружием в руках выступили против бесчинств в Камбодже и освободили эту страну от полпотовских кхмеров, вытесненных в горные районы на границе с Таиландом. Жизнь в Камбодже стала постепенно налаживаться. Но тут проявил недовольство Китай, в свою очередь введший войска на территорию Вьетнама. И хотя китайско-вьетнамская война была недолгой и не имела сколько-нибудь ощутимых последствий, сама по себе она была знаковой. Знак был послан в основном в сторону СССР, что неплохо поняли и во Вьетнаме.

А Камбоджа от этой войны ничего не потеряла, хотя на отдаленной ее границе еще свыше десятилетия продолжали существовать недобитые остатки *красных кхмеров*.

Лаос, который с 1975 г. тоже оказался под властью коммунистов, катастрофы типа камбоджийской избежал. Однако ликвидация частной собственности подорвала экономику этой очень небольшой и крайне отсталой страны. Только с конца 80-х гг. власть коммунистов здесь была несколько подорвана, а позитивные реформы начали понемногу способствовать выздоровлению страны. Однако компартия продолжала управлять страной.

МНР

Особо стоит сказать о Монголии. Эта страна раньше остальных стала зависимой от СССР, хотя никогда формально не была ни одной из его республик, ни заметной частью послевоенного коммунистического блока. Впрочем, это не помешало реализации жесткой репрессивной политики правящей прокоммунистической партией (невзирая на то, как официально она именовалась, сущность ее ничем не отличалась от нашей), включая уничтожение примерно 70% монахов-лам и разрушение храмов, равно как и национализацию частной собственности. Словом, реальность в МНР многими десятилетиями соответствовала советскому стандарту. Одно время, в середине века, КНР, правда, пыталась было поставить вопрос о соединении МНР с ней, но из этого ничего не получилось. Зато республика и особенно правящая партия тщательно следовали за всеми извивами политики КПСС, будь то разоблачение преступлений советского вождя в 1956 г. или начало перестройки в 80-х гг. Соответственно правящая в небольшой стране партия быстро и умело перестраивалась, что в немалой степени способствовало сохранению ею власти даже в рамках современной уже многопартийности.

В свое время о МНР много говорилось в разных учебниках, как о примере перехода государства и общества от феодализма (почему именно феодализма — не вполне ясно, ибо сколько-нибудь выраженных феодалов в Монголии никогда не было) прямо к желанному коммунистами социализму. Теперь, надо полагать, страна, если следовать этому марксистско-формационному счету, пошла к капитализму, хотя успехов в движении по этому пути пока еще не очень много. Тем не менее страна и в первую очередь ее столица меняют

свой привычный облик. А если учесть ее ресурсы, то можно полагать, что Монголия не лишена заманчивой перспективы. Вопрос лишь в том, кто из ее соседей или каких-либо иных держав возьмется ей энергично помогать.

КУБА

Страной, имеющей самое непосредственное отношение к государствам, где у власти в послевоенные десятилетия достаточно прочно утвердились коммунисты, но формально к советскому блоку не относившейся, стала с начала 60-х гг. Куба. Героизация совершившего соответствующий переворот Ф. Кастро с его сторонниками хорошо известна, особенно в нашей стране. Более того, превратившуюся в коммунистический анклав страну начали — разумеется, только и именно у нас — именовать неким *островом свободы*, что подчас словоохотливые журналисты продолжают делать. А ведь как раз свободы, как и прав человека, да и вообще ничего похожего на буржуазную либеральную демократию, на этом острове, ничем не отличавшемся от других стран с аналогичным тоталитарным режимом, разумеется, не было.

Как и в прочих странах с аналогичной структурой, на острове была запрещена частная собственность и введено централизованное планирование. Снабжение продуктами стало осуществляться по карточкам, с которыми почти во всех странах социализма марксистского типа жители были хорошо знакомы. Помощь СССР помогла стране заложить основы современной индустрии. Однако длилось это не слишком долго, а крушение СССР больно ударило по экономике Кубы, сократив ее ВВП примерно на треть. Куба была той базой, на которую начал было опираться Хрущев в его попытках противостоять США (имеется в виду кризис 1962 года). Однако выгодный стратегический плацдарм так и не сыграл своей значимой роли, ибо, оказавшись перед жесткой угрозой военного конфликта, советский руководитель, вообще-то более склонный к мирному сосуществованию, как известно, отступил.

Куба была не единственной латиноамериканской страной, склонной к экспериментам прокоммунистического типа. Хорошо известно, что многие соратники Кастро, начиная с наиболее известного из них, Че Гевары, активно вмешивались в неурядицы в том либо ином латиноамериканском государстве. Мало того, они организовано и с

оружием в руках (благо в стране немало жителей африканского происхождения) посылались и в Африку, например в Анголу. К большим результатам это не приводило даже в тех странах, в которых возникал было режим коммунистического толка, как, например, в Никарагуа, где после свыше чем сорокалетнего правления диктатора А. Сомосы в конце 70-х гг. к власти пришли было прокоммунистически настроенные сандинисты (сторонники А. С. Сандино, действовавшего вне связи с кубинцами и Кастро). Режим стопроцентно коммунистического толка нигде не был создан, о чем лучше всего свидетельствует вполне мирная потеря власти на выборах 1990 г. Впрочем, характерен в этом смысле и новый приход к власти сандиниста Д. Ортеги, избранного президентом в 2006 г. Но заслуживает внимания сам факт честных выборов, что весьма заметно отличает Никарагуа от Кубы.

СПЕЦИФИКА СТРАН ВНЕ БЛОКА

Подытоживая все то, что касается коммунистических стран, возникших в мире в послевоенные десятилетия, но не вошедших в группу государств советского блока, обратим внимание на облик соответствующих режимов, учитывая как сходство их с тоталитаризмом левого толка в рамках блока, так и специфические отличия. Прежде всего следует заметить, что среди стран, о которых идет речь, преобладают те, что имеют отношение к Восточной Азии или, как Монголия, длительное время находились под влиянием Китая. Поэтому начать стоит с того, чтобы еще раз напомнить читателям, что восточноазиатско-дальневосточный китайско-конфуцианский регион в религиозно-цивилизационном плане уникален. И дело во-все не только в принципиальной близости традиции к некоторым из тех ценностей, которые сходны с протестантскими. Если взглянуть глубже, то окажется, что само это сходство с протестантизмом не случайно. Оно теснейшим образом связано с конфуцианским прагматичным отношением к жизни в принципе.

Китаец, а за ним все, кто рано либо поздно оказывался в сфере влияния китайско-конфуцианской системы ценностей, включая разбросанных по миру, но более всего встречающихся в той же Юго-Восточной Азии хуацяо, никогда не уповал на божественную милость и на заранее предопределенное расположение свыше, которое у протестантов реализовывалось в приятном Творцу их истовом труде и необычайном старании. Он проявлял готовность самозаб-

венно трудиться независимо ни от чего и не столько в расчете на милость небесную, хотя Небо в Поднебесной всегда весьма почиталось, сколько потому, что именно такое поведение полностью соответствовало выработанному с древности и мудро возвеличенному великим Конфуцием социозэтическому стандарту. На практике, однако, это вело, как и у тех же протестантов, к тому, что такая норма общепринятого поведения была ориентирована на умелую реализацию всего того, что объективно способствовало успеху. И хотя в самом Китае чужие идеи и институты воспринимались не слишком легко, ибо горделивый Китай всегда был очень высокого мнения о собственных достижениях и потенциях, фактически они все же воспринимались, особенно если могли наглядно демонстрировать свои преимущества.

Пусть это случалось не везде и не всегда и касалось далеко не всех. Стоит, к примеру, заметить, что западные буржуазные идеи ранее всего воспринимали горожане, причем более в привыкшей активной заимствовать чужое Японии, чем в Китае. Но показательно, что стоило лишь китайцам оказаться вне Китая — а практика заселения китайцами-хуацяо, т.е. эмигрантами, чужих земель началась рано, примерно параллельно с европейским колониализмом, — как сразу же оказывалось, что они не хуже японцев. Более того, активнее их. Легкие на подъем, умелые во многих искусных ремеслах и торговле, к тому же освободившиеся от опеки привычного аппарата имперской бюрократической администрации, они, как уже упоминалось, сразу же оказывались в числе наиболее предприимчивых и успешных. Разумеется, с эпохи колониализма это проявилось и в заимствовании многих принципов либерально-буржуазного Запада.

Такой стандарт поведения, становившийся вне империи нормой, оказал влияние и обусловил проникновение в империю новых идей (вспомним Сунь Ят-сена). Среди них были разные доктрины, но преобладали радикальные. На рубеже XIX–XX вв. уже явно доминировали анархо-коммунистические идеалы всеобщего равенства, которые соответствовали сосуществовавшим с конфуцианством, особенно в крестьянских низах империи, в глубинах ее мировой деревни, даосско-буддийским идеалам равенства и справедливости. Вначале, еще в середине XIX столетия, это проявилось в крестьянской войне тайпинов, где такие идеи переплетались с христианскими, а позже, в XX в., особенно по мере ухудшения уровня жизни в полукOLONIALном мире, в вульгарной маоистской интерпретации

марксизма. Показательно, что именно в этом весьма отдаленном регионе, сравнительно поздно ставшем объектом алчности колонизаторов, внимали чужим идеям быстро и легко. А происходило все это как раз потому, что регион в целом исторически был настроен на достижение практической выгоды. Этим, в частности, отличался он от индо-буддийского или исламского, где основная масса населения (но не стоит пренебрегать меньшинством из тех же хуацяо) предпочитала истовую религиозность. Ситуация в Корее или Индокитае была в принципе сходной с китайской¹.

Конечно, в ряде других случаев — их было не так много (Югославия, Куба) — коммунистические идеи, оказываясь в центре внимания, могли обрести серьезную поддержку населения по иным причинам, подчас случайным. В случае с Кубой имеется в виду победа Кастро, которую никак нельзя считать закономерностью, ибо авантюрный наскок мог с таким же успехом обернуться и поражением. А что касается Югославии, то здесь сыграла роль успешная партизанская война с нацизмом, а еще большую, решающую роль — поддержка партизан советскими войсками. Но теперь самое время перейти к совсем другой проблеме. Почему страны, о которых идет речь, оказались вне блока?

Ответ сводится не только к элементарному учету ситуации. Дело вовсе не в том, что страны оказались вне блока из-за того, что были расположены далеко от СССР. Ведь МНР расположена рядом, да и КНР или КНДР тоже. А Югославия — в той самой Восточной Европе, которая чуть ли не вполне официально была признана союзниками зоной влияния СССР. Конечно, это сыграло свою роль. Но вне всяких сомнений гораздо большую роль сыграло наличие либо отсутствие советского войска и органов НКВД. Имели значение и личные отношения между лидерами стран, как при советском вожде, так и тем более после его смерти. Но если все же попытаться найти наиболее общую причину, то она сведется к тому, что ком-

---

¹ Следует сделать оговорку относительно Камбоджи и Лаоса. Оба эти государства в строгом смысле слова к коммунистическим отнести нельзя. Камбоджу потому, что бесчинства полпотовских кхмеров были, несмотря на тот страшный след, который они оставили после себя, лишь кратковременным эпизодом в послевоенной истории страны. Кроме того, как и Лаос, эта в основном буддийская страна относится к числу очень слабо развитых и, помимо прочего, имеет сравнительно мало отношения к китайско-конфуцианской цивилизации. И Камбоджу, и Лаос чаще относят к числу стран *социалистической ориентации*.

мунизм после победы СССР во Второй мировой войне оказался на некоторое время притягательной идеей и что в успехе СССР в этой войне (о цене победы никто не задумывался) видели доказательство состоятельности его как структуры, альтернативной рыночно-частнособственнической, т.е. буржуазно-демократическому Западу. А это — если не учитывать важный факт присутствия в стране советских войск и спецорганов, — вроде бы значило, что коммунистические режимы в принципе могли возникать и возникали без участия в этом процессе СССР. И это можно считать определяющим фактором при решении вопроса о включении той либо иной коммунистической и прокоммунистической страны в советский блок.

Разумеется, одного этого недостаточно, если вести речь о развитых буржуазных странах, где марксистские идеи давно уже были похоронены, хотя и там кое-где — в Италии и во Франции — сразу после войны позиции компартий заметно усилились. Но совсем иначе обстояло дело в мире вне Запада, где национально-освободительные идеи массовых крестьянских движений сливались с жадной равности и справедливости и искусно накладывались местными коммунистами на вульгаризованный ими в весьма практических целях, ради захвата власти, марксизм. Понятно, что при этом было едва ли не главным условием создать партию *нового типа*. А вождям партии надлежало тщательно следить за ее единством, не останавливаясь перед жестокими, порой показательными репрессиями по отношению к любым близким соратникам в случае ожидаемой или даже только воображаемой опасности с их стороны. В этом, что существенно не забывать, сходство компартий внутри блока и вне его. Но насколько важно, быть в блоке или вне его? Это вопрос особый. Начнем издали.

Глава восьмая. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Все страны, где коммунисты — точнее, компартии, партии *нового типа*, — когда-либо приходили к власти, автоматически становились тоталитарными государствами (редчайшие и кратковременные исключения вроде Никарагуа лишь подтверждают общее правило). И эта норма не случайна, напротив, она закономерна. Смысл ее искусно заложен в теории марксизма, которая исходила из того, что для победы коммунизма строго необходима, просто обязательна диктату-

ра. Эта диктатура — первоначально, по идее Маркса, диктатура пролетариата, к тому же вроде бы после захвата власти отмирающая, — на деле, в переинтерпретированном марксизме XX в. несовместима с сосуществованием иных партий и вообще с публично высказываемыми взглядами иного, тем более либерально-демократического характера. Несовместима не только потому, что само понятие *диктатура* в XX столетии было четко определено как абсолютное и не терпящее никаких сомнений и противодействий всевластие, но главным образом из-за того, что суть коммунистической диктатуры — и это одна из генеральных основ марксизма — антибуржуазна.

Отсюда становится вполне ясным, почему партии *нового типа* не только претендовали на всевластие и реально его осуществляли, но обязательно, даже предельно резко выступали против всей мировой буржуазии и каждой из буржуазных стран в принципе. Без этого компартии не были бы компартиями. Эта же позиция была характерна и для тоталитарных стран правого толка с их правящими партиями того же *нового типа*, что наиболее наглядно видно на примере германского нацизма. Но — и очень важно учитывать эту принципиальную оговорку — политика, в том числе внешняя, всегда и всеми воспринималась и не могла не восприниматься как искусство реального. Значит, многое, обычно едва ли не все, зависело от обстоятельств. Режим Франко, к примеру, в послевоенные годы не мог позволить себе не считаться с тем, что соседние буржуазные страны Запада развиваются иначе и что ставка на резкую конфронтацию с ними оказалась бы губительной не только для фалангистов, но и для Испании. Нечто в этом же роде было свойственно и некоторым из тех стран, которые, обретя коммунистические режимы, оказались вне сплоченного и очень сильного советского блока. Они были вынуждены приспособливаться к обстановке. Мало того, некоторые из них, как Китай, не могли не учитывать многовековые традиции своего основного населения.

Из этого явствует, что внешняя политика различных коммунистических стран в послевоенные десятилетия не могла быть одинаковой. Одно дело — страны советского блока, фактически лишённые инициативы в проведении своего собственного внешнеполитического курса, и совсем другое те государства с правящими компартиями, которые в силу обстоятельств существовали вне этого блока и потому должны были выработать и реально вести собственную внешнюю политику. Более того, все те же неумолимые обстоятельства вели к тому, что подчас остро осознававшиеся национальные интересы дик-

товали такой политический курс, в рамках которого марксистские догматы как бы отступали на второй план, а чем-то наиболее важным становились государственные интересы.

Впрочем, и здесь нужны оговорки. Нечто в этом роде могла себе позволить лишь очень крупная держава, а если быть более точным и конкретным, то разве что одна КНР. А большинство остальных должны были, хотя бы из-за потребности в постоянной помощи, что касалось, в частности, МНР или Кубы, да и Вьетнама, сохранять лояльность по отношению к СССР либо сдерживаться в неприятии советских новаций. В то же время другие, особенно из числа несогласных с критикой сталинизма (будь то свободная от блока КНДР или еще связанные с ним Румыния либо Албания), имели опирающееся на доктрину основание после смерти и критики советского вождя охладеть к СССР. Они сразу же, понятно, искали поддержку у тех, кто идейно был близок к ним, прежде всего у Китая. Сложнее обстояло дело с теми, которые, как Югославия, отвергали сталинизм с еще большей энергией по сравнению с СССР и при этом проявляли завидную лояльность по отношению к буржуазному Западу.

Смысл сказанного в том, что объективные, а порой и субъективные (позиция руководства) обстоятельства вели к тому, что внешнеполитические ориентиры коммунистических стран оказывались заметно разноплановыми. Более того, нередко они сталкивались, что приводило к конфликтам между этими странами, в том числе вооруженным, как то было в отношениях СССР с КНР, КНР с Вьетнамом, Вьетнама с полпотовскими бандами в Камбодже. Из сказанного явствует, что говорить о единой внешней политике всех коммунистических стран в послевоенные десятилетия, когда, казалось бы, мощь мирового коммунизма достигла своего наивысшего уровня, не приходится. Можно выразиться и более определенно. По мере увеличения числа очень разных стран с тоталитарными режимами левого толка и их внутренней институционализации становилось все очевиднее, что о едином фронте мирового коммунизма говорить уже не приходится. Расхождение интересов здесь оказалось намного жестче, чем даже в западном мире, где внутренняя структура государства не требует такой жесткости.

Казалось бы, это явный парадокс. Ведь марксистские догмы диктовали коммунистам быть интернационалистами и видеть общего врага в мировой буржуазии. И именно советский вождь, который до его смерти, пусть не публично и тем более нигде строго не зафиксировано, резонно считался признанным главой коммунистов мира,

утверждал, что СССР является подлинным отечеством для всех пролетариев разных стран. Из этого следовало, что пролетарии всех стран, следуя букве марксизма, поспешат объединиться и стать под знамена СССР. На деле чем дальше, тем очевиднее становилось, что все не так. Интернационализм быстро утекал из коммунистических стран, как вода из решета.

Можно, конечно, сетовать на то, что в этих странах было очень мало пролетариата. Но ведь там, где его было много — на буржуазном Западе, — дело обстояло еще хуже. Там роль коммунистов становилась все менее значимой, особенно по мере успехов в развитии и в интеграции западного мира. Словом, если наибольший урон коммунизму как идее и попытке реализации утопических конструкций нанесли социальные эксперименты (внешнего некоммунистического мира они мало касались), то во внешней политике и в спорах коммунистов между собой доктрина и практика марксизма потерпели в послевоенные десятилетия окончательное поражение. И виной тому был не буржуазный Запад. Важно обратить внимание еще на один аспект проблемы. Хотя в политике разных стран были и со временем все более ощущались различия — особенно в том, что касалось КНР, — общий тон все же задавал СССР, который в глазах большинства этих стран был своего рода витриной, лицом коммунистического мира. Однако со временем становилось все яснее, что рядом с ним существует альтернатива, второй центр мирового коммунизма, представленный Китаем. Впрочем, несмотря на это, для мира послевоенные десятилетия все же так и остались за СССР.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Начнем с того, что внешнеполитический курс СССР в середине XX в., при жизни вождя, был предельно однозначен. Он исходил из очевидных позиций, которые сводились к тому, что, коль скоро мы разгромили нацистов и обрели половину Европы, требования доктрины марксизма и имперские традиции России равно сводятся к тому, чтобы продолжить борьбу за мировую гегемонию. Ведь раз всем понятно — а это, напомню, вождь специально разъяснил в начале 1946 г., — что капитализм обречен, ибо буржуазный Запад (как выяснилось, он, а вовсе не нацистская Германия с помощью СССР в 1939 г.) рождает войны, на нашу долю, понятно, выпадает завершить

их победой коммунизма в мировом масштабе. Это, стоит помнить, и породило холодную войну, а холодной она оказалась только потому, что ядерное оружие невольно сдерживало более энергичный натиск. В то же время с обычным вооружением — это показала проба сил в Корее — война даже при крайне благоприятном изначальном стечении обстоятельств (нападение на совсем не готового к этому противника) к быстрому успеху не приводит.

Нет смысла гадать, что было на уме у вождя, которому приходилось лишь бесстрастно наблюдать, как китайские *добровольцы* воюют в Корее с международными силами Запада во главе с США. Он не мог не сознавать, что замыслы о победе коммунизма в мировом масштабе не реализуются в Корее и что любая новая попытка повторить нечто в том же роде еще где-нибудь, скажем, в Германии, не гарантирует большего успеха. Нет весомых оснований гадать о том, сыграло ли это досадное для него обстоятельство какую-нибудь роль в ускорении его смерти. Но ясно, что мир в середине XX столетия и особенно в связи со знаковой пробой сил в Корее на глазах становился другим. И отнюдь не только потому, что неудача в попытке разогреть холодную войну привела к концу эру активного сталинизма и поставила на повестку дня иные проблемы. Много важнее принять во внимание, что конец этой эры сам стал не менее знаковым, нежели война в Корее. Новому советскому руководству — Хрущеву — было ясно, что с неудавшейся войной следует кончать, а внешнеполитический курс резко пересматривать.

В этом сыграло серьезнейшую роль и еще одно важное обстоятельство. Политическая элита страны устала от непредсказуемости политики вождя и постоянной неуверенности в своем завтрашнем дне. Нужно было развенчать культ вождя, что и было сделано осенью 1956 г. на XX съезде КПСС. Но это, как упоминалось, привело к разногласиям в коммунистическом движении и, что намного хуже, к изменению в политике ряда правящих компартий. Коммунистический мир оказался расколотым, а главным претендентом на руководящую роль стал маоистский Китай. Это коренным образом изменило облик и курс внешней политики СССР. Для тех, кто обращает внимание на традиционно воинственную риторику, важность и принципиальная значимость этой перемены могут показаться не слишком существенными. Ведь и после вождя эта риторика сопровождалась громким бряцанием оружия, так что могло бы показаться, что ничего не изменилось. Но на самом деле все было не так. Перемены происходили, хотя внешне они не сразу были видны. И это не удивительно.

Разумеется, Хрущев, искренне веривший в коммунизм, сущность которого он едва ли — как и многие, чтобы не сказать все, — сколько-нибудь ясно понимал, мог стучать ботинком в зале заседаний ООН и заявлять, что готов похоронить капитализм. Он мог даже разместить боевые ракеты на Кубе, что стало причиной кризиса, и неразумно поставить мир на грань катастрофы. Но, при всей значимости этого, такого рода эпизоды не были элементами генеральной линии, тщательно продуманной стратегии, что свойственно было вождю. Это были эмоциональные всплески, не более того. Реальной же линией внешней политики стало нечто другое.

В основу новой политики был положен принципиальный отказ от агрессивных замыслов и тщательной подготовки военных действий сколько-нибудь значимого масштаба, что всегда было целью вождя. Взамен пришло решение сделать ставку на урегулирование возможных конфликтов с Западом. Это нашло свое проявление, в частности, в решении вывести войска из Австрии в обмен на нейтралитет этой страны, в улучшении в том же 1955 г. на переговорах в Женеве отношений с Англией и Францией и в визите канцлера К. Аденауэра в Москву с установлением дипломатических отношений с ФРГ. И хотя параллельно с этим была создана организация Варшавского договора, в рамках которой восточноевропейские сателлиты СССР были объединены в военном отношении, этот акт ничуть не изменил характера политики в целом, ибо не привнес в нее ничего нового, тем более угрожающего. Очень жестко спаянный силой, коммунистический блок, в отличие от медленно шедшего к интеграции западного, в этом пакте всерьез не нуждался. Создание его было формальным ответом на существование НАТО, принявшего в свои ряды ФРГ. К этому необходимо добавить, что на деле курс в СССР был взят несколько иной. Руководители союза совершили ряд важных официальных правительственных поездок в страны Востока и, что крайне существенно, громогласно объявили о новых принципах внешней политики, о мирном сосуществовании, а затем и о разрядке напряженности. Этих принципов руководство СССР обязалось придерживаться впредь.

И действительно, если не считать досадного эпизода в форме Карибского кризиса, именно такой линии придерживались и Хрущев, и Брежнев. Они следовали ей на протяжении нескольких десятилетий, что способствовало заметному потеплению в том, что продолжало именоваться холодной войной. Собственно, почти ничего похожего на военное противостояние рубежа 40–50-х гг. уже не было. Впрочем,

здесь важно учесть одно серьезное обстоятельство. Противостояние не ушло совсем и тем более сразу же в прошлое. Но оно изменило облик и проявлялось прежде всего и главным образом в гонке вооружений, в энергичном совершенствовании ракетно-ядерного комплекса, равно как и в сопутствовавших этому космических достижениях. Более того, именно все это продолжало быть стержнем сохранявшейся до рубежа 90-х гг. холодной войны. И на этом настаивало влиятельное меньшинство в руководстве страны, как и поддерживавшая его высшая часть генералитета.

Гонка была самоубийственной для СССР. Военная промышленность съедала все средства и к тому же была страшно засекречена, что начисто лишало страну возможности опираться на достижения военного комплекса при совершенствовании мирного производства. Это вело к застою в мирной экономике, что оказалось в конце концов непосильным и трагичным для страны. Мало того, как раз такой вызванный секретностью курс на новации не только закрыл этим новациям дорогу к людям, но и сыграл в конечном счете едва ли не решающую роль в поражении в холодной войне и, как печальный, но закономерный итог, в прекращении существования самого Советского Союза. Впрочем, подробней об этом специально пойдет речь далее. Пока же, резюмируя суть проблемы, стоит еще раз заметить, что, если не считать противостояния в форме безудержной и непосильной гонки вооружений, внешняя политика СССР, а вместе с ним и всего советского блока после смерти вождя, казалось бы, сильно изменилась. Упор был сделан на мирное сосуществование. Это, однако, — во всяком случае по мысли руководства — не забудем, не означало отступления. Напротив, предполагало наступление, но на сей раз мирное и в основе своей даже дипломатическое, хотя, как знать, иногда и не только.

Будучи направленной не столько против Запада, сколько на завоевание симпатий третьего мира, большая часть которого еще не определилась с выбором пути, эта политика предполагала энергичную помощь СССР, особенно в форме поставок оружия. Казалось бы, мудрое и в основе своей верно уловленное решение. Будем мирно сосуществовать. Но, если уж на то пошло, поднимем ту часть недовольного мира, которая готова воевать за равенство и справедливость. Поможем ему сделать то, что у самих уже не получается. И ведь именно это — вспомним об афганской аванюре, — как и самоубийственная ставка на военную промышленность, оказалось роковым.

Огромный, чаще всего нищий и при этом очень динамичный и не в меру воинственный третий мир охотно брал у СССР щедро предо-

ставлявшееся им оружие (а куда еще было его девать?), но не спешил платить за него. Да ему, как правило, и нечем было платить. И в итоге не процветающая наша страна продолжала напрягаться, работая преимущественно в производстве оружия. Но, хотя ее генералы были за воинственную политику, руководство, вроде бы понимая, что такая политика бесперспективна, и, удовлетворенное тем, что вождя с его воинственными устремлениями и репрессиями больше нет, оставалось на своем. Оно откупалось от генералов наращиванием производства оружия просто потому, что в силу организации экономики в стране было не в состоянии отказаться от ставки на военное производство. Это был своего рода заколдованный круг, разорвать который СССР не был в состоянии. Он продолжал предоставлять немалую часть произведенного оружия воинственному третьему миру, пусть даже не всему, но все же заметной его части. А за все платило попавшее между жерновами измороженное войной, репрессиями и непосильным напряженным трудом население страны. **Надорванная политикой большевиков и вождя страна медленно, но неотвратимо шла к своему концу.**

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОММУНИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Взглянем теперь на ту же ситуацию с другой стороны. СССР давно уже не один. Рядом с ним несколько, даже довольно много коммунистических стран, и в блоке с ним, и вне этого блока. Вроде бы все хорошо, в единении, особенно в единстве единомышленников, как считается, немалая сила. Но что в реальности? Взаимоотношения с коммунистическими странами уже при жизни советского вождя складывались по-разному. Часть государств Восточной Европы, да и Восточной Азии, будь то МНР, КНДР, страны Индокитая, или далекая Куба тяготели к СССР, причем не столько из-за своих скромных размеров, хотя и это имело значение, сколько из-за нужды в постоянной помощи. И СССР, подтягивая пояса своих жителей, помогал, чем мог. Но более крупные или не поладившие с советским вождем страны, КНР и Югославия, тоже в общем-то нуждавшиеся в помощи и поначалу ее получавшие, вскоре после войны предпочли жить самостоятельно и, более того, очертить собственную политику. И хотя она была разной (Югославия, жестко прервавшая связи с советским вождем, после него заметно смягчила свои отношения с СССР, но

осталась политически независимой, а КНР, сначала терпевшая свое приниженное положение, стала вести резко антисоветскую политику как раз после смерти вождя), ситуация от этого мало меняется. Суть дела здесь до предела элементарна. Тот, кто не в силах изменить положение дел, терпит. Иногда может взорваться, но смиряется под давлением силы. А тот, кто в состоянии сопротивляться, стоит на своем. Что из этого следует?

Прежде всего то, что все утопические суждения теории марксизма и практические политические лозунги коммунистов результативны лишь тогда, когда они в состоянии опереться на силу и жестокое принуждение, сопровождаемое невиданными репрессиями. Теперь же не было ни готового пожертвовать родиной ради коммунизма массового движения пролетариев, ни интернационализма ради не оправдавшей себя идеи. Фанатики идеи могут быть, и они в благоприятных условиях немало стоят. Однако в чуть видоизменившейся ситуации оказываются беспомощными. Идея идеями, а свое дороже чужого. И это в общем-то нормальная и вполне ожидаемая реакция. А лучше всего она видна на примере обострения взаимоотношений с маоистским Китаем.

Эти отношения, как упоминалось, были далеко не простыми и при жизни вождя. Но они стали ухудшаться после XX съезда КПСС и разоблачения преступлений Сталина. В развенчивании культа вождя председатель Мао — как и некоторые руководители других коммунистических стран — не без оснований увидел угрозу для себя. Сразу же в Китае начались публикации с критикой СССР с разного рода претензиями в адрес нового советского руководства. Резко участились выступления, ставившие вопрос о границе, пограничных проблемах, и утверждавшие, что СССР незаконно владеет землями, которые должны принадлежать Китаю, так как в прошлом принадлежали ему либо странам и народам, находившимся от него в зависимости.

Все эти претензии постепенно учащались и, принимая во внимание ряд ответных действий СССР, в частности отзыв в начале 60-х гг. из КНР советских специалистов, становились все жестче и крикливее. А затем, с середины 60-х гг., последовали разного рода провокации и конфликты, как в Москве, подчас на Красной площади, так и в Пекине, где посольство и торгпредство СССР были блокированы враждебными толпами. Последовали пограничные конфликты на острове Даманский на реке Уссури и близ Казахстана, сопровождавшиеся порой настоящими битвами. Советско-китайские отношения быстро ухудшались. Казалось, дело идет к настоящей войне. И толь-

ко визит Косыгина в Ханой в связи с похоронами Хо Ши Мина и остановка самолета в аэропорту Пекина для дозаправки, что дало возможность премьерам обоих государств встретиться и достигнуть договоренности о выводе войск со спорных территорий и о продолжении переговоров в иной обстановке, разрядили эту крайне напряженную ситуацию.

Переговоры по пограничному вопросу стали вестись интенсивнее. Но главный результат событий оказался в несколько иной плоскости. Советско-китайский конфликт стимулировал сближение КНР с США, что проявилось в начале 70-х гг. в виде визитов в Пекин сперва Г. Киссинджера, а затем и президента Никсона. О необходимости *извлечь выгоду из противоречий СССР и США* заговорил премьер Чжоу. А в КНР в партийных документах параллельно с этим подчеркивалось, что советский *социал-империализм* является наиболее опасным врагом Китая. И хотя тогда же с аналогичными визитами Киссинджер и Никсон посетили и Москву, что свидетельствовало об осторожности США в их внешней политике, ободренный визитами Китай стоял на своем. Да и в СССР относились к отношениям с КНР более чем серьезно. Считается, что затея со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ), так и не доведенная до конца и не оправдавшая вложенных в нее сил и средств, была вызвана к жизни опасениями, связанными с позицией Китая и с советско-китайскими отношениями.

Стоит заметить, что опасения были не беспочвенными. Отношения с Китаем после смерти Мао, при новой политике Дэна, не улучшились. Показателем этого явился отказ Китая в 1979 г. от продления договора 1950 г. о дружбе, союзе и взаимопомощи. Конечно, ситуация с 1950 г. настолько изменилась, что о продлении договора не могло быть и речи. И в СССР руководство едва ли пошло бы на это. Но сам по себе факт красноречив, ибо о нежелании продлевать отношения в том виде, как они были зафиксированы 30 лет назад, заявил именно Китай. Лишь в 80-х гг. ситуация в этом смысле стала изменяться. Но это уже иная тема.

Если в отношениях с внешним миром, включая и коммунистические страны вне советского блока, после смерти вождя довольно решительно изменилась советская внешняя политика, то со странами блока дела обстояли иначе. Объяснение этому найти легко. Все дело в том, что этот регион советские руководители привычно и убежденно считали сферой своего влияния. Конечно, было обидно, что попытка вернуть Югославию не удалась. Но это не основание для того,

чтобы оставлять без должного внимания все остальные аналогичные проблемы. А они то и дело возникали. То в ГДР, то в Польше, то в Венгрии или Чехословакии. Однако ни одна из попыток вырваться из советских объятий вплоть до конца существования блока к успеху не приводила. Правда, в отдельных случаях, прежде всего в отношениях с Румынией и Албанией, взаимные связи ослабевали, а то и на время вовсе прерывались. Изменялись, как упоминалось, и отношения этих стран с КНР. Однако эти случаи можно считать особыми.

Все дело в том, о чем уже упоминалось, что охлаждение в отношениях с упомянутыми странами появлялось не вследствие их стремления к свободе, а из-за критики в СССР преступлений вождя. И хотя для того же вождя в таких случаях обычно было все равно, правый уклон или левый (*оба хуже*, как он в связи с этим выражался), для пришедших ему на смену руководителей СССР все обстояло иначе. Для них это была своеобразная проверка на прочность. Споры с теми, кто за вождя, — это как бы домашние свары, до которых внешнему миру нет дела. И совсем иное — недовольство склонных предпочесть западные стандарты. Если здесь проявить слабость — а подчас вопрос, как в случае с Венгрией или Чехословакией, стоял жестко и был объектом серьезных споров, — это могло быть расценено как дома, так и особенно в мире, в стане противника, как непростительная уступка и, более того, повлечь за собой непредсказуемые последствия. На это пойти никто не решался. Во всяком случае, до тех пор, пока не стало ясно, что конец близок и кардинальные перестроечные реформы уже неотвратимы. Когда и почему это стало ясно, вопрос особый. Но было именно так. И из всего, что происходило на протяжении свыше сорока лет, безоговорочно явствует, что холодную войну с западным миром СССР проигрывает. Но почему же все шло именно в этом направлении? А как же казавшийся столь перспективным и нельзя сказать чтобы вовсе не удавшийся план привлечь к себе симпатии готовых сблизиться с СССР стран третьего мира? Что реально вышло из него? Обратим внимание на эту сторону дела.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ И МИР ВНЕ БЛОКОВ

По отношению к странам, не принадлежавшим к противостоявшим друг другу блокам и не бывшим коммунистическими в полном смысле этого слова, т.е. к тем, кого в послевоенные десятилетия при-

вычно именовали *третьим миром*, политика коммунистических стран была, как то и должно было быть, разной. **Во-первых**, потому, что стран-реципиентов, ждавших подачек, было много. **Во-вторых**, из-за того, что они весьма различались как по размеру и соотносительной своей значимости, так и по многим иным параметрам, будь то религиозно-цивилизационные традиции, уровень развития, геополитическое положение и т.п. Наконец, **в-третьих**, потому, что соперничество двух основных держав, СССР и КНР, этих очень разных центров мирового коммунизма, со временем не только обострялось, но и более четко выявлялось.

Поначалу явно лидировал СССР, чья помощь слаборазвитым странам, как их тоже тогда именовали, была обильней и весомей. Правда, затраты явно не окупались. Так, например, ставка на превращение Египта в союзника коммунистического блока себя не оправдала. Вообще практика показала, что огромные материальные затраты и попытки идеологического воздействия в мире ислама (с религиозными традициями сперва мало считались, позже стали принимать их во внимание) положительного результата не дали. Но много усилий и средств вложили также в Анголу и еще больше в Эфиопию, о чем пойдет речь в последующих главах. Однако вложенные в эти авантюры миллиарды долларов — а счет шел именно на миллиарды — к заметному успеху тоже не привели. Гораздо более успешными были попытки создать советских клиентов из небольших и малонаселенных стран Тропической Африки. Но и там все обстояло не слишком просто.

Дело в том, что, если вначале сильно отстававший от СССР Китай соперничать с ним был еще не в состоянии, со временем ситуация менялась. Конечно, существенным фактором в возникавшем соперничестве было то, что помощь в основном, как о том уже упоминалось, состояла из военных поставок, в чем многие из возникавших стран в то время остро нуждались, так как их внутренние и внешние проблемы решались с оружием в руках. Однако все-таки не только оружие решало исход борьбы за влияние. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что индустриализация Китая, несмотря на ослаблявшие страну эксперименты Мао, понемногу приносила свои плоды. А это вело к тому, что международные позиции КНР в Азии и в Африке, особенно Тропической, постепенно укреплялись. Хорошо известно, например, что в Зимбабве в 1980 г. сторонник маоизма Р. Мугабе сумел взять верх над советским протеже Д. Нкомо. И этот успех стал важным знаком.

Правда, СССР долгое время все-таки продолжал быть первым, своего рода символом и даже эталоном коммунистического процветания. Но по мере усиления стран третьего мира и некоторой их консолидации, что было осуществлено после создания весьма многочисленного, хотя и очень слабо организованного движения *неприсоединения*, роль их уменьшалась. Да и сама эта политически не слишком четко себя позиционировавшая общность, движение неприсоединения, старалась не только не сближаться с какой-либо из двух соперничавших коалиций, особенно с коммунистической, будь то СССР или КНР, но и подчеркнуто от них дистанцироваться. Однако когда КНР уже могла оказывать развивающимся странам весомую помощь, ситуация стала меняться.

В итоге в рамках мирового коммунистического движения и среди стран, оказавшихся под властью компартий, возникло не только разногласие, но и откровенное соперничество, раскальвавшее иллюзорное и без того единство. И здесь весьма уместно обратить внимание читателя на непривычную для него проблему **идеологическо-политических полей напряжения**. Вводя в политологический лексикон этот термин и разрабатывая соответствующее понятие, я в одной из своих работ¹ писал о том, что имеется в виду не просто сфера или зона политического влияния в том ее виде, как это было характерно прежде, но и, что важно, влияния идеологического. В случае с появлением в послевоенном мире сперва коммунистического и западного, а затем советского и китайского, и еще позже, уже в наши дни, всемирного (в основном и прежде всего все же западного) и исламистско-экстремистского полей напряжения эта разница стала заметной и много более очевидной.

Нет никакого сомнения в том, что поля напряжения, о которых идет речь, сыграли очень заметную роль. Вначале, в первые годы послевоенного периода, они сдерживали экспансию тоталитарных режимов левого толка, что было особенно значимо для энергично шедшего процесса интеграции западного мира. Позже, в условиях аналогичных полей на фоне марксистско-большевистских рассуждений о *пролетарском интернационализме*, острое соперничество компартий СССР и КНР усилило прогрессирувавшее ослабление обоих уже осужденных историей режимов: идеологическо-политическое

¹ См.: *Васильев Л. С.* История Востока. М., 2005, т. II, стр. 518–520, 564 и след. (в издании 2011 г., стр. 736 и след., дана несколько иная интерпретация этой проблемы, которая нуждается в дальнейшей ее разработке).

напряжение предопределило крах тоталитаризма левого толка, свидетелем чего стали реформы Дэна в Китае и крушение СССР. Соответственно менялись отношения России с Западом, а освободившийся от маоизма Китай оставался нейтральным и набирал силу. Наконец, как бы в итоге, поднявший голову и жестко уцепившийся за эстафету исламизм не дал прекратиться идее полей напряжения. Они вновь заработали в полную силу. Больше того, в своем последнем и обновленном варианте именно исламизм, бросивший вызов не столько Западу, хотя ему в наибольшей мере и прежде всего, сколько всему человечеству, превратился в источник главного ныне поля напряжения. Имеется в виду далеко не пустая угроза насильно вогнать всех во Всемирный халифат, ради чего, собственно, и было создано это поле, от которого никому покоя нет и, похоже, уже не будет.

СССР И ЗАПАД. ПОЛИТИКА ДЕТАНТА

Напряжение с его нарастанием, равно как и менявшиеся конфигурации основных рождавших его полей, были своего рода константой в изучаемый период истории. Вся сущность той холодной войны, которая в 70–80-х гг. подходила к концу, сводилась к тому, что в условиях напряженности Запад шел к интеграции, что его укрепляло, а противостоявшие ему тоталитарно-коммунистические режимы погрязали в конфликтах между собой и в соперничестве в борьбе за политических клиентов, что их ослабляло. Эти очень четко разнонаправленные векторы значили многое. Они как бы давали понять, кто ближе к истине и за кем будущее. Однако этим дело не ограничивалось. За спиной этих соперников (коммунизм и буржуазная демократия; затем СССР и Китай) незаметно, но неуклонно вызревал равно всех их ненавидящий исламизм, под зеленым знаменем с символикой которого, рядом с Аллахом и пророком, собирается масса мусульманской молодежи, на что отнюдь не стоит, тем более в наши дни, закрывать глаза.

Но это всем вполне видно сегодня. А тогда, в первые послевоенные десятилетия, вплоть до момента крушения СССР, это не было очевидным. Тогда на повестке дня были другие цели, а господствовали еще иные поля напряжения. Естественно, что и мысли вращались вокруг того, что казалось, да и было в то время наиважнейшим. Речь о политике детанта, о разрядке напряженности. Она, как только что было упомянуто, объективно играла в пользу Запада, тогда

как СССР, не стремившийся оказаться один на один с усиливавшимся свое влияние Китаем, который опирался на все возраставшее количество сочувствовавших ему коммунистов разных стран, оказался вынужденным ей подыгрывать. То, что было принято именовать детантом, сводилось к ослаблению полей напряжения, связанных с холодной войной, и к сумме взаимных контактов между советским и противостоявшим ему западным альянсами. Можно с немалой долей уверенности зафиксировать, что наибольшую значимость политика разрядки обрела в связи с накалом страстей в советско-китайских отношениях. Реально это привело к важным решениям, ведшим к активизации советско-американского сотрудничества, начиная с космических экспедиций типа Аполло-Союз (1967 г.), и к ограничению стратегических вооружений (1969). Важные документы, в том числе договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и соглашения о сотрудничестве, были подписаны в 1972 г. во время визита президента Никсона в Москву и в Вашингтоне.

И хотя одновременно с этим те же американцы, о чем упоминалось, охотно контактировали с Китаем, что следует считать вполне логичным и естественным, эти движения в сторону советско-американского сближения означали многое. Они твердо ставили точку на прошлом, что и понятно. Раз единства коммунистов более нет, западный мир имеет все основания пользоваться этим. В складывавшихся таким образом условиях Советскому Союзу не оставалось ничего лучшего, чем двигаться в том же направлении дальше. Особенно это становилось само собой разумеющимся, если учесть растущую зависимость страны с ее прожорливым военно-промышленным комплексом в широкомасштабных закупках заокеанского зерна и иных элементарных товаров народного потребления. Поэтому неудивительно, что вслед за первым внушительным раундом детанта СССР стал энергично готовиться к следующему, наиболее серьезному.

Речь об упоминавшемся уже заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки в 1975 г. Этот документ считается одним из самых важных. В нем было подчеркнуто главное, что заботило советское руководство: неприкосновенность послевоенных границ в Европе, безопасность, отказ от применения силы, невмешательство в чужие дела. Правда, упоминалось о праве народов на самоопределение, что вполне очевидно имело в виду возможность распада восточноевропейского блока. Но все это пока СССР не тре-

вожило. Что же касается декларируемого тем же актом соблюдения основных прав и свобод человека, то, хотя в СССР с его острой проблемой борьбы с диссидентами это было больным местом, обязанности такого рода воспринимались не слишком серьезно. Правда, правозащитники начали было создавать *хельсинские группы*, призванные отстаивать именно эти решения совещания. Однако активисты таких групп под разными предлогами преследовались, а Запад практически ничего с этим не мог поделать.

Отношения СССР с Западом сильно зависели и от становившейся все более масштабной еврейской эмиграции. Дело в том, что после яростной антисемитской (*антикосмополитической*) кампании вождя, которая, уже после *дела врачей* в начале 50-х, едва не завершилась силовым и жестко репрессивным решением еврейского вопроса, многие из преследуемых, да и те, кто мог оказаться в их числе, логично принимали решение эмигрировать в Израиль. Попытки властей помешать этому — а с правом на эмиграцию в нашей стране при советской власти все было очень не просто — вызвали бурю возмущения в западном мире, с чем, особенно после принятия в США закона *Джексона-Веника*¹, приходилось считаться. Нельзя сказать, чтобы власти сразу же отступили, но эмиграция постепенно становилась вполне реальной, чем многие, не только евреи, стали активно пользоваться.

Словом, подводя некоторые итоги периода разрядки, можно заметить, что были достигнуты определенные успехи и решены, пусть не до конца, некоторые проблемы. И как знать, продолжение политики детанта, быть может, продлило бы существование Советского Союза еще на несколько лет. Но неумолимая судьба решила иначе. Известно, кого боги хотят погубить, того лишают разума. Именно это и случилось с теми, кто на рубеже 80-х гг. принимал в Кремле наиболее важные решения. К числу таких роковых по значимости для страны решений необходимо отнести то, что было принято в конце 70-х гг. по вопросу об Афганистане. Нельзя сказать, чтобы оно принималось наспех. Скорей напротив, проблема долго обсуждалась. Но как?! На каком уровне?!

¹ Суть закона — точнее, принятой в 1974 г. поправки к закону о торговле — сводилась к тому, что странам, где препятствуют эмиграции, не следует предоставлять режим наибольшего благоприятствования. А это стране с ежегодными многомиллионными закупками обходилось очень дорого. Вопрос об отмене этого закона решается лишь в наши дни, после вступления России в ВТО.

АФГАНИСТАН. РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

Эта небольшая и очень отсталая страна в мировой войне участия не принимала, хотя немцы делали все, что было в их силах, дабы побудить эмира Закир-шаха выступить против соседней с Афганистаном Британской Индии. В послевоенные десятилетия страна оказалась под интенсивным воздействием со стороны ряда соседних с ней и некоторых других держав. Наибольшее внимание по традиции, восходящей к XIX столетию, оказывал ей северный сосед, СССР. Однако в конце 40-х гг. Закир-шах, который оказался под некоторым влиянием американцев, попытался было взять курс на осуществление в стране либерально-демократических преобразований буржуазного характера. Этот курс на рубеже 40–50-х гг. проявился в решении разрешить деятельность оппозиции, включая свободу печати, и в проведении свободных выборов в парламент. Правда, обвинения в фальсификации выборов 1952 года привели к преследованию оппозиционных сил, в частности кабульских студентов. Одновременно проблема *пуштунов* и стремление Афганистана создать государство Пуштунистан привели к конфликту с Пакистаном, оказавшимся после предоставления Индии независимости ближайшим соседом афганцев (в Пакистане жила большая часть пуштунов).

В попытках разрешить конфликт в афгано-пакистанские дела начали активно вмешиваться Великобритания и США. И в условиях нестабильности и роста внутривнутриполитической напряженности премьером страны стал человек с огромными амбициями, кузен эмира генерал М. Дауд, который решил играть на противоречиях держав. Он с охотой получал кредиты из США, но, будучи недовольным их объемом, апеллировал за помощью и к СССР. Советский Союз поставил афганской армии вооружение и кредиты для развития экономики. В 1956 г. при советской поддержке даже был принят первый пятилетний план. Сам эмир дважды, в 1957 и 1963 гг., посетил СССР. А тем временем отношения с Пакистаном из-за проблемы пуштунов постоянно обострялись, что привело в 1963 г. к отставке генерала Дауда. С его отставкой влияние США в стране усилилось.

Одновременно с нормализацией отношений с Пакистаном в стране начались буржуазно-демократические реформы. В 1964 г. была принята новая конституция, декларировавшая соблюдение прав и свобод, многопартийность и ведущую роль двухпалатного парламента, ограничение влияния ислама, остававшегося официальной рели-

гией страны. Вторая половина 60-х и начало 70-х гг. были временем, которое подчас именуется *демократическим экспериментом*. С одной стороны, в стране ощущалось заметное влияние СССР (в частности, реализовывался второй пятилетний план), с другой же — потоком шла экономическая и иная помощь из США. Параллельно бурными темпами развивалась внутривластная активность. В столице и очень немногих крупных городах возникали многочисленные мелкие партийные группировки маоистского, проиранского, просоветского и проамериканского толка. Но на законодательной инициативе парламента, члены которого избирались в провинции в основном крестьянами под сильнейшим влиянием религиозных авторитетов и представителей местной правящей элиты, это практически не сказывалось.

Обстановка в целом объективно вела к усилению роли исламских фундаменталистов, со временем все более жестко и энергично выступавших против как советско-коммунистического, так и американского либерально-демократического влияния. Однако сложность ситуации была в том, что эта все возрастающая сила, которую в те годы в мире еще не привыкли адекватно оценивать, — имеется в виду ислам — столкнулась с другой, с армией. А в афганской армии офицерский корпус был представлен преимущественно теми, кто получил образование в военных учебных заведениях СССР и составлял ядро народно-демократической партии (НДПА) с двумя ее группировками, *хальк* (народ) и *парчам* (знамя). Парчамисты оказались близки к генералу Дауду, который летом 1973 г. совершил государственный переворот. Власть эмира ушла в прошлое, а Дауд стал президентом новой республики.

Едва ли на планете была республика, менее этой походившая на то, что соответствовало такому понятию. Вот почему провозглашенная Даудом после упразднения им конституции, парламента и партий — кроме НДПА — программа реформ в сфере аграрных отношений и политической системы оказалась не более чем камуфляжем. Крестьяне не брали предлагавшиеся им земли богатых землевладельцев, а ушедшие в подполье партии открыто выступили против самозванного *президента*, не без оснований считая его режим просоветским. Впрочем, сам Дауд отнюдь так не считал, что вскоре и проявилось в его поступках. В 1977 г. он созвал *Лойя джиргу* (высший совет из представителей элиты, всегда игравший в стране много более значимую роль, нежели парламент) и с ее санкции утвердил текст новой конституции, провозгласившей создание правящей пар-

тии *нового типа*, поклявшейся в верности исламу, республике и национальному вождю.

После этого он стал демонстративно отстраняться от СССР и сближаться с исламскими странами — Ираном, Египтом и арабскими государствами. Естественно, что такой ход событий не понравился Москве. Страна, в которую было немало вложено, явно ускользала из рук. Была сделана ставка на воспитанных в СССР офицеров из числа членов НДПА и на укрепление единства сторонников обеих группировок этой партии. Вскоре после этого, в апреле 1978 г., в условиях обострившейся внутривластной ситуации и уличных беспорядков произошел штурм президентского дворца. Заговор привел к физическому уничтожению Дауда и его семьи и к переходу власти в руки заговорщиков во главе с руководителем НДПА Н. Тараки. Военный переворот победители начали пышно именовать *апрельской революцией*. И вот с этого печального апреля следует вести отсчет драматических событий, приведших к гибели не Афганистана (каким бы он ни был сегодня, ему ничто не угрожает), а СССР.

Роковой просчет престарелых кремлевских правителей сложился из нескольких решений, эпизодов и длительных акций, следовавших друг за другом. Но началось все все-таки с событий в самом Афганистане. Молодые офицеры-коммунисты, захватившие власть, хорошо знали разве что только принципы организации власти в тоталитарных режимах левого толка. И они пошли по этому пути. Запрет на деятельность политических партий кроме одной правящей — разумеется, *нового типа* — сочетался с попытками ничем и никак не подготовленных радикальных реформ в деревне и в обществе в целом. Сразу после переворота в стране начались восстания. Недовольство народа ширилось с каждым днем и привело вначале к очередному расколу в партии, а затем к невиданным здесь, но хорошо известным в аналогичных режимах, начиная с советского, массовым репрессиям. Восстания, репрессии и внутренняя борьба длились около полутора лет, пока власть не захватил *халькист* Х. Амин, против которого выступили исламисты-моджахеды. Вот здесь-то в состоянии, близком к отчаянию, Амин и обратился за военной помощью к СССР.

Руководители Советского Союза колебались. Информация, которой они обладали, была неполной и противоречивой. О том, что такое Афганистан и можно ли его принудить, пусть даже силой, принять власть коммунистов, те, кто должен был принять решение, похоже, мало что знали. Помню, как дирекция Института востоковедения

АН СССР собирала нас, сколько-нибудь причастных к афганским делам или к проблемам религий Востока, на совещание, на котором, впрочем, нас мало слушали, а высказывавшиеся тревожные суждения всерьез не воспринимали (как можно сомневаться, если уже почти все решено; не Китай ведь, а какой-то там Афганистан). А ведь обстановка в мире и особенно рядом с Афганистаном, который в Москве уже привыкли считать частью сферы своего влияния, была тревожной. В Иране только что началось мощное движение таких же мусульман-исламистов против шаха, вынужденного уехать из страны. В Пакистане пришел к власти ревностный исламист генерал Зия уль-Хак, только что казнивший бывшего президента З. А. Бхутто. Да еще и США проявляет к Афганистану постоянно растущий интерес. В итоге те, кого на Западе привычно считали ястребами — Андропов, Громыко и особенно Устинов, — выступили за вмешательство. Брежнев, вообще-то старавшийся избегать лишних конфликтов, быть может не сразу и не с легкостью, но к ним присоединился.

Словом, в декабре 1979 г. роковое решение было принято. Началась афганская война, в ходе которой — а она шла свыше девяти лет — погибли один-два миллиона афганцев, в основном мирных жителей (это, как в случае с советским голодомором, примерный масштаб цифр; реально погибших никто, естественно, не считал), и, если верить официальным подсчетам, свыше полутора десятков тысяч советских воинов. Война шла долго и ежегодно обходилась СССР, включая помощь кабульскому правительству, почти в 4 миллиарда долларов. Но главное не в этом. Неизмеримо важнее то, что афганская война подорвала устои, на которых с трудом и уже едва держался СССР. Массовые протесты и активная поддержка мятежных исламистов соседями Афганистана, включая не только почти все страны мира ислама, но и КНР, а также Западом, начиная с США, оказались тем мощным международным мнением, которое сразу же после введения советских войск и убийства Амина (атака десанта советского спецназа завершилась захватом президентского дворца и смертью президента) поставило жирную точку на столь желанном для советских лидеров — пусть даже не всех — детанте.

Основными практическими мерами, свидетельствовавшими об этом, стали прекращение переговоров о сокращении вооружений, а также угроза введения Западом и прежде всего американцами эмбарго на поставки зерна и иной продукции в СССР. Кроме того, США установили тесные связи с Пакистаном и оказали поддержку собранному там афганским повстанцам-моджахедам, включая буду-

щих *талибов*, осудили СССР на сессии ООН в январе 1980 г. и выступили за бойкот Олимпиады того же года в Москве. Стоит принять к сведению и то, что вдобавок к обычному противостоянию НАТО и к конфликту с КНР прибавилось столкновение СССР практически со всем миром ислама. Афганистан надолго, если вообще не навсегда, из дружественного нам государства стал резко враждебным. Но самое главное все же в том, что окончательно были подорваны и без того уже сильно ослабевшие позиции СССР и всего коммунистического блока в холодной войне. Тоталитарному режиму как скольконибудь влиятельной силе в послевоенном мире пришел неумолимый конец. И хотя это было не только результатом просчетов кремлевского руководства, начавшего войну в Афганистане, именно эта война сыграла решающую роль, сведя на нет все то, что было достигнуто мировым коммунизмом до нее.

О том, нужно ли высказывать в этой связи сожаление или следует воспринимать случившееся как закономерный и естественный результат всего, что было связано в России с долгим и очень страшным периодом господства в ней большевиков, каждый может судить сам. Я полагаю, что их, большевиков, готовность принести свою страну в жертву мировой революции решила судьбу не только СССР, но и, скорей всего, России. Это плата за волевой эксперимент экстремистов-авантюристов. К сожалению, платит население, хотя нельзя не сказать, что и оно внесло свою лепту в этот кровавый эксперимент. Но к этой проблеме мы еще вернемся. А пока стоит обратить специальное внимание на группу стран, временами в послевоенные десятилетия оказывавшихся под сильным воздействием коммунистических идей и — что для всех них было неизмеримо важнее — заинтересованных в большой и даровой помощи, чаще всего, как в Афганистане, именно военной, от СССР. Это страны *социалистической ориентации*.

Глава девятая. СТРАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Государства, которые имеются в виду, обычно рассматривались в Советском Союзе как своего рода кандидаты в ряды коммунистических. Появление их следует расценивать как результат бурных событий XX века, а также весьма своеобразную и оказавшуюся недолговечной новацию постколониализма. Имеются в виду те

государства — прежде всего африканские, хотя и далеко не только они, — которые сравнительно недавно обрели политическую независимость и с трудом выбирали путь развития после деколонизации. Их было много. В разные времена отдали дань коммунизму или близкому к нему социализму религиозного либо, что чаще, национального типа (исламского, ливийского, индонезийского, бирманского и др.) десятки разных государств. Это и Египет, и Ангола, и Эфиопия, и значительно меньшие территориальные анклавов в Тропической Африке или в Азии. Что же это за страны и в чем суть их новоявленной симпатии либо, как то было в случае с Бирмой и Ливией, хотя бы некоей благосклонности к тем формам политического режима (и во много большей степени неприятия буржуазной либеральной демократии), которые отличают коммунистический образ существования? И насколько эта группа стран была близка, как часто без серьезных аргументов считалось, к идеалам марксистского социализма, если какая-то из них все же имела к этим идеалам какое-либо отношение?

Поставленные вопросы далеко не случайны. *Некапиталистический путь развития и социалистическая ориентация* были одно время, в середине века, любимым объектом дискуссий отечественных специалистов. Они вполне серьезно, обычно с многочисленными цитатами из трудов основателей марксизма, рассуждали об этом. И занимались эти серьезные люди пустопорожними рассуждениями далеко не зря. Ведь их разработки были востребованы органами власти в СССР (видимо, нечто сходное было и в КНР), заинтересованными в том, чтобы расширить сферу влияния идей социализма в марксистской их интерпретации и тесно связанных с ними соответствующих им форм организации общества. И сфера действительно вроде бы расширялась, что выглядело крайне многообещающе. Другой вопрос, что служило основой интереса руководителей тех стран, которые были склонны воспринимать разные социополитические преобразования марксистского типа или хотя бы как-то перекликающиеся с ним. И был ли коммунистический режим целью, которую можно трактовать как стремление предельно отсталых стран (их было подавляющее большинство) и немногих более развитых типа Египта двигаться в сторону воплощения марксистско-коммунистических идеалов?

Чтобы не интриговать зря читателя, стоит сразу же сказать, что все было не совсем так. Как правило, никто из руководителей тех очень примитивных только что появившихся на свет или даже сравнительно-

но более развитых государственных образований, которые имеются в виду, о марксизме и тем более коммунизме — даже если такие слова ими употреблялись — всерьез не задумывался. Чаще всего об этом они просто не имели представления. То, что принимавшие решение люди знали и чему стремились подражать (речь о тоталитаризме левого толка), привлекало их не абстрактными и даже не исконно крестьянскими представлениями о социальном равенстве и справедливости, которые вызывали к жизни массовые протестные движения в странах Азии в годы войны и послевоенной борьбы за национальное освобождение. Все обстояло намного проще и сводилось к наиболее важному с точки зрения местной политической элиты, обычно из числа племенных вождей. Во-первых, к тому, какой путь вперед, учитывая привычные стандарты существования и возможности населения, обеспечит наилучшие результаты при наименьших затратах средств и усилий. И, во-вторых, насколько надежно этот путь гарантирует сохранение их власти.

Перед деколонизовавшимися странами — а речь, стоит напомнить, в основном именно о них — было два пути. Либо буржуазная рыночно-частнособственническая структура с ее либерально-демократическими институтами, к которым население еще не приспособилось, либо более близкая и знакомая в ее наиболее примитивной модификации привычная первобытно-восточная структура власти-собственности. Первая, которая прививалась колонизаторами, была, естественно, более чем чужда местному населению. Вторая же с ее приоритетом высшей власти при бесправии лишенных собственности подданных хорошо знакома, понятна и близка ему. В первом случае стране предстоит долгий путь самостоятельного приспособления к новым чужим реалиям, которые прежде олицетворялись колониализмом. К тому же демократические процедуры, как правило, не очень надежно обеспечивают преемственность власти. Во втором — коммунистическом — варианте нет ни колонизаторов, ни их демократии, ни чуждой примитивному обществу частной собственности, особенно в буржуазной ее модификации. А власть надежно сохраняется за правящей элитой.

Особо вставал вопрос о помощи. В одном случае поддержка со стороны все тех же высокомерных и надоевших, а то и ненавистных колонизаторов. А в другом почти братская и фактически бесплатная помощь со стороны заинтересованных в твоей симпатии коммунистических стран, стремящихся усилить свое влияние в мире. Что же касается грани между странами, готовыми ориентироваться или

ориентировавшимися на марксистский социализм, и теми, кто уже вкусил все прелести реально осуществленного тоталитарного режима левого толка к примеру в кхмерско-полпотовской его модификации, то она была весьма зыбкой. Все сводилось к тому, создан ли уже режим власти-собственности в его марксистско-коммунистической модификации с огосударствленной экономикой и при ликвидации частной собственности или дело только идет в этом направлении. Многое зависело от различных конкретных обстоятельств, включая степень устойчивости существующего режима, напряженность во внутренних взаимоотношениях между включенными в новое государство разными этносоциальными общностями, а также от наличия или отсутствия перманентных военных действий, позиции представителей правящей элиты и т.п.

Следует особо заметить, что руководство некоторых стран (это касается в основном наиболее развитых из их числа) интуитивно или даже вполне осознанно пыталось сочетать очень жесткие нормы коммунистической модификации структуры власти-собственности с более привычными и жизнеспособными ее модификациями, хорошо им известными. Имеется в виду тенденция к ослаблению в том, что касается рынка и элементарной частной собственности, при сохранении принципа безусловного приоритета неумолимой власти бюрократической администрации, организованной в форме партии *нового типа*, столь прочно прижившейся в мире именно в середине XX столетия. И это является важнейшей особенностью государств, о которых идет речь. Если согласиться с тем, что это так, то к числу стран социалистической ориентации окажется немало оснований прибавить те, которые вообще не упоминали о марксистском социализме, но на деле функционально были очень к нему близки, как, например, Бирма.

Это страны немарксистского национально-специфического социализма, порой очень несходные друг с другом. Некоторые из них даже допускают существование разных партий. Но кое-что от привычной жесткости режима в них есть и обычно задает тон, создает фундамент структуры. И вообще стоит напомнить, что за исключением крайне незначительного количества стран, где социалистические склонности обретали социал-демократические формы западного типа (например, в Сенегале или Тунисе), в странах вне Запада любые стремления к какой-либо самобытности всегда сводились к ужесточению режима и к укреплению позиций ведущей партии, которая старается стать партией *нового типа*. Обратимся теперь к несколько более об-

стоятельной характеристике феномена стран, ориентировавшихся на социализм в его различной (но не европейско-немарксистской!) интерпретации.

СТРАНЫ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Этот регион с его примитивной архаикой, как то и следовало ожидать, оказался, как век назад крестьянская Россия, наиболее восприимчив к коммунистическим идеям и сопутствовавшим им формам социальной структуры, организации власти и управления хозяйством. Разумеется, при этом многое зависело от обстоятельств. Однако в общем и целом сходство ситуации в различных странах региона очень заметно. При этом заслуживает внимания то, что небольшие страны имели, как правило, иные проблемы, нежели более крупные, где к обычным для всех сложностям добавлялись такие, которые были связаны с их размерами и ролью в них многочисленных разных мелких и более солидных иноэтнических меньшинств.

Начнем с небольших африканских стран, чья государственность стала следствием деколонизации и обрела те формы обществ смешанного типа, которые были результатом влияния на них западных стандартов при сохранении структуры власти-собственности в ее полупервобытном варианте. Это Гана, Мали, Гвинея, Бенин, Народная Республика Конго, Сомали, да и некоторые другие. Всех их объединяло то, что в разное время, на различные сроки каждое из них оказывалось под властью какого-либо правителя, бравшего за образец тоталитарный режим левого толка. И, как правило, исходным толчком для этого бывало не столько властолюбие — хотя этого не следует сбрасывать со счетов, — сколько расчет на то, что режим подобного рода с его ставкой на мобилизационную манеру обращения с населением и особенно на помощь со стороны коммунистической державы, а то и двух, позволит добиться успеха в развитии, не прибегая к поддержке вчерашней метрополии и игнорируя чуждые местным жителям и столь ненавистные их правителям либерально-демократические институты.

Как правило, эксперименты такого рода к успеху не приводили. В Мали, бывшей французской колонии в Западной Африке, начавшиеся уже в 1960 г. огосударствление экономики и кооперирование сельского хозяйства привели в 1968 г. не только к кризису, но и к военному перевороту. После него была, однако, создана такая же однопартийная система, приведшая в 1991 г. к очередному перевороту, на сей раз, прав-

да, с попытками реформ, ведущих к демократизации и частному предпринимательству. В Гвинее президент А. Секу Туре в 1958 г. взял курс на марксистские преобразования, имевшие тот же характер и приведшие к тому же результату. Правда, сменившие его в 1964 г. военные сразу же покончили с гвинейским социализмом. Реформы, направленные на приватизацию и либерализацию экономики, привели страну к заметному успеху. В Гане, где аналогичный курс взял за основу в 1960 г. президент К. Нкрума, результаты сказались уже в 1966 г. и привели к отказу военных от социалистического эксперимента. Однако успеха новая власть не добилась, так что в 1972 г. после очередного переворота там вернулись к эксперименту, что в 70–80-х гг. вынудило военных снова совершить переворот и на сей раз провести в стране радикальные реформы, приведшие к рыночно-частнособственническим отношениям и к нормам конституционно-парламентской многопартийности. В Бенине (Дагомея) 60-е годы были отмечены следовавшими один за другим военными переворотами, последний из которых привел к ориентации на марксизм с соответствующими ему экспериментами, продолжавшимися до 1991 г., когда реформы, приведшие к рыночно-частнособственнической экономике, были обеспечены демократизацией и многопартийностью. В бывшей французской колонии Конго (не путать с Бельгийским Конго!) в 1963 г. сторонники марксистской модели начали свой долгий путь. Богатство природных ресурсов спасло страну от кризиса, однако и здесь на рубеже 90-х гг. начались реформы, приведшие к многопартийности и рыночной экономике.

В более значительных по размеру, численности населения и иным важным параметрам (в частности, по обилию ресурсов) африканских странах аналогичные процессы нередко осложнялись войнами либо какими-нибудь экстремальными событиями. Особенно это было характерно для ряда государств южной или восточной Африки. Бывшая португальская колония Ангола являет собой едва ли не наиболее типичный пример такой страны. Здесь вскоре после деколонизации, происшедшей достаточно поздно, лишь в 1975 г., когда рухнул колониальный профашистский режим Салазара, началась борьба различных группировок за власть. В ходе этой борьбы победил активно поддерживавшийся СССР ориентировавшийся на марксизм А. Нето. Его соперники во главе с Ж. Савимби заняли южную часть страны. На помощь Нето пришли, как упоминалось, негры из Кубы, а Савимби получал поддержку из США и ЮАР. И лишь горбачевская перестройка 80-х гг. поставила точку на противостоянии. Кубинские войска были выведены, прекратилась поддержка воюющих сторон,

и был поставлен вопрос о всеобщих свободных выборах, которые произошли в 1992 г., но, однако, не удовлетворили оппозицию.

Вторая заметная по размерам португальская колония, **Мозамбик**, в 1975 г. тоже оказалась под властью марксистски ориентированных лидеров фронта ФРЕЛИМО. Один из них, С. Машела, поддерживавший тесные связи с ангольским А. Нето, осуществил национализацию экономики и кооперацию в деревне, что вызвало мощное сопротивление, поддержанное трибалистской разногласицей. В 1986 г. сменивший Машелу Ж. Чиссано отказался от жесткости социалистического эксперимента и прекратил насильственную кооперацию. Страна стала на путь развития рыночных отношений, что привело ее к некоторым успехам. Однако решительного поворота к обществу буржуазно-демократического типа не произошло. Правящая партия осталась ведущей силой в стране.

Расположенная недалеко от Мозамбика **Танзания** во главе с Д. Ньерере тоже отдала дань марксистским экспериментам. При национализации экономики это нашло отражение в попытках использовать общинную систему *уджамаа* в качестве основы для чего-то вроде колхозов. Систему уджамаа, как и всю оказавшуюся явно несостоятельной марксистскую модель в целом, демонтировал в конце 80-х гг. сменивший Ньерере президент А. Мвиньи.

Особо стоит сказать о **Зимбабве**. Прежде процветавшая южная Родезия с несколькими десятками тысяч европейских фермеров управлялась лидером партии белых колонистов Я. Смитом. Против него в 60-х гг. выступили африканские группировки во главе с просоветски настроенным Д. Нкомо и поддерживавшимся Китаем Р. Мугабе, добившимся большинства на выборах 1980 г. По условиям перемирия предполагалось сохранение многопартийного парламента с квотой в 20% для колонистов. Мугабе вначале поддерживал статус-кво, но вскоре ситуация изменилась в пользу печально закончившихся экспериментов, начавшихся с изгнания колонистов из их ферм, что привело страну к крайней степени деградации. Огромный остров **Мадагаскар** после деколонизации оказался под властью Верховного революционного совета, руководитель которого Д. Рацирака в 1975 г. ликвидировал все партии, национализировал экономику и взял курс на развитие по марксистско-социалистической модели. Однако уже к началу 90-х гг. выявилась неэффективность реформ и под давлением оппозиции Рацирака ушел в отставку. Новая конституция и свободные выборы зафиксировали изменение политического курса, хотя к быстрому улучшению ситуации это не привело.

Намного более сложным оказалось положение в Эфиопии, где после низложения императора Хайле Селассие эта страна с ее древней историей и многочисленным населением оказалась жертвой марксистского эксперимента в его едва ли не наиболее тяжелой насильственной форме. Здесь в 1974 г. власть захватили восставшие офицеры, которые создали Временный военный административный совет. После этого руководители совета в междоусобных схватках уничтожали друг друга, пока в 1977 г. во главе его не стал Хайле Мариам Менгисту, взявший курс на развитие по социалистической модели при активной поддержке СССР. А победив, он начал войну с соседним государством Сомали, которое тоже пыталось реализовать марксистско-социалистический эксперимент и потому активно поддерживалось СССР. В итоге Советскому Союзу пришлось выбирать, и он выбрал более крупную Эфиопию, поддержав чудовищный режим. Национализация и жесткий контроль над населением страны привели страну к страшному кризису. Неудачные реформы, разрушение хозяйственных связей, засухи и голод сопровождалась гибелью и бегством миллионов людей, причем все это в условиях неслыханных бесчинств и коррупции администрации. Неизвестно, как долго бы все это продолжалось, если бы не прекращение помощи со стороны СССР в середине 80-х гг. Ухудшение положения привело в конечном счете в 1991 г. к краху режима и к бегству диктатора. И лишь после этого страна начала понемногу, далеко не слишком успешно, выбираться из состояния острого кризиса.

Перечисленное отнюдь не исчерпывает всего того, что испытали страны Тропической Африки в ходе марксистских экспериментов их руководителей, но дает об этом достаточно ясное представление. Стремящихся к полноте впечатлений и к подробностям я могу направить, в частности, ко второму тому моей «Истории Востока» (последнее издание — 2011 г.). Но сказанного, на мой взгляд, вполне достаточно для того, чтобы убедиться в бесплодности и, более того, во вреде марксистского социализма в Тропической Африке.

СТРАНЫ АРАБО-ИСЛАМСКОГО МИРА

Но не лучше обстояло дело и в мире ислама, который структурно — если иметь в виду не только модификацию власти-собственности, но и жесткость правящих режимов — наиболее близок к коммунистическим странам. И одно время, вскоре после деколонизации, советско-

му руководству даже казалось, что это вполне очевидное сходство поможет сближению арабо-исламских стран с идеями марксистского социализма. В какой-то мере на какой-то срок так и было. Однако это длилось недолго. Наиболее четко процесс, который имеется в виду, можно проследить на примере Египта, самой крупной страны арабов. Здесь после достижения независимости и ликвидации монархии власть оказалась в руках военных, один из представителей которых, Г. А. Насер, стал активно бороться за укрепление позиций страны и, в частности, за национализацию Суэцкого канала. В этой борьбе он столкнулся с резким сопротивлением со стороны западных стран, владевших акциями канала, и после недолгой войны в 1956 г. добился своего. Однако испорченные отношения с Западом сыграли роль в том, что Насер обратился за поддержкой к СССР, который с готовностью ее оказал.

Сближение с советским руководством дало Насеру основание надеяться на более существенную помощь. И она широким и щедрым потоком потекла в Египет, где за этот счет была перевооружена армия, а затем построена весьма трудоемкая и дорогостоящая Асуанская плотина. Под влиянием СССР и при участии многочисленного отряда советских специалистов в стране в начале 60-х гг. были проведены реформы, направленные на национализацию промышленности, и даже был поставлен вопрос о роли планирования для обеспечения перехода к социализму. Арабский социалистический союз стал партией *нового типа*. И только сокрушительное поражение Египта в войне 1967 г. с Израилем и вынужденная апелляция за содействием к богатым арабским монархиям, до того воспринимавшимся в качестве реакционных, сыграли роль в начале движения страны в сторону от советского социализма. А после смерти Насера и прихода к власти А. Садата неэффективность государственной экономики побудила руководство страны взять курс на реприватизацию. Рыночно-частнособственническая структура заменила социализм советского типа, что способствовало ускорению развития Египта.

В расположенном к югу от Египта Судане, исторически тесно с ним связанном, происходили аналогичные процессы. Пришедший в 1969 г. к власти генерал Ж. Нимейри запретил политические партии и провел широкомасштабную национализацию по марксистско-советской модели. Тесные связи с СССР, готовым щедро помогать, на время усилили власть президента Нимейри. Однако сепаратизм южной — негритянской — части Судана и вызывавшиеся политической неустойчивостью движения продолжали ее ослаблять и приве-

ли в 1971 г. к решению президента изменить политический курс и опереться на поддержку ислама, который продолжал быть мощной силой в этой отсталой стране. А после переворота 1985 г., когда партия Суданский социалистический союз была распущена, ислам даже в условиях многопартийного плюрализма занял еще более сильные позиции, что стоит особо принять во внимание.

Отдали определенную дань социалистическому эксперименту и некоторые другие страны арабско-исламского мира. В Алжире Фронт национального освобождения во главе с Х. Бумедьеном в 1965 г. объявил о построении социализма, правда, с учетом национальных ценностей и ислама. Этот курс проявил себя — в том, что имело отношение к социализму по советской модели, — в национализации, кооперировании в деревне и даже в пятилетних планах. Доходы от нефти смягчали неэффективность соответствующих преобразований. Однако вскоре, уже со второй половины 80-х гг., экономический кризис заставил руководство начать реформы в обратном направлении. Но они запоздали и способствовали выходу на политическую авансцену страны мощного отряда исламистов, что ввергло Алжир в длительную гражданскую войну. Деколонизованный в 1967 г. южный Йемен, бывший британский Аден, в 70-е гг. тоже стал объектом экспериментов в марксистско-социалистическом духе. Но с 1990 г., когда после длительной борьбы обе части Йемена объединились, эта отсталая арабская страна, преодолев марксистский уклон, стала развиваться, хотя и не вполне успешно, в соответствии с рыночно-частнособственническими нормами.

Несколько иначе складывалось отношение к социализму (речь не о европейского типа социал-демократии!) в некоторых других арабских странах. Сирия, которая в 1958 г. объединилась было с Египтом в конфедерацию с наименованием Объединенная арабская республика, вскоре после этого подверглась той же национализации экономики и кооперации в деревне, что осуществлялись в Египте. Это вызвало в стране недовольство и привело в начале 60-х гг. к военным переворотам, ликвидировавшим конфедерацию. Но пришедший к власти Хафез Асад и правящая партия ПАСВ (БААС — партия арабского социалистического возрождения) продолжали курс на нечто очень близкое по сути к марксистскому социализму, с национализацией львиной доли экономики, но все же не совсем по советскому стандарту. Более того, специфический сирийский стандарт, со временем меняясь, в основном под влиянием ислама, сохранялся. И никакие упоминания о некоторой либерализации экономики и поли-

тической жизни страны не затрагивали его авторитарной сущности, как не влиял на это и переход власти от Х. Асада к его сыну Башару Асаду. Сирия вплоть до наших дней остается государством с авторитарной властью.

То же самое следует сказать о **Ливии**. Эта страна в несколько раз менее населенная и много более отсталая, чем Сирия. Но зато она богата нефтью и иными природными ресурсами. А военный переворот 1969 г., приведший к власти М. Каддафи, позволил этому экстравагантному правителю придать своей стране черты крайне своеобразного социального эксперимента. В ливийской *джамахирии* (общенародное самоуправляемое государство) с ее пятью-шестью миллионами жителей осуществляются разработанные самим Каддафи принципы исламского социализма, перекликающиеся с марксистскими, но отнюдь им не идентичные. Национализована, как и в Сирии, даже в еще большей степени, экономика. Вместо партий созданы революционные комитеты, руководящие народными собраниями на местах. Резкая антизападная политика со временем, особенно после санкций, обрела более умеренные формы.

Нечто подобное, правда, без излишней экстравагантности, представлял собой и гораздо более значительный по размеру **Ирак**, где в 1963 г. у власти тоже оказалась партия ПАСВ и были проведены при поддержке СССР соответствующие реформы (национализация, кооперация, партия *нового типа* и пр.). Эту страну спасали, как и Ливию, нефтедоллары. А приход к власти в 1979 г. С. Хусейна, который сделал некоторые уступки частному сектору и придал власти черты жесткого авторитарно-тоталитарного режима, то и дело ведшего страну к войнам с соседями, начиная с Ирана, и к конфронтации с западным миром. Он превратил этот древнейший очаг мировой цивилизации в нечто совершенно неопишное. Войны, притеснение меньшинств (курдов) и социальные эксперименты Хусейна сыграли решающую роль во многих последующих событиях, вплоть до вынужденной оккупации Ирака американскими и некоторыми иными войсками стран Запада. Последовала длительная война, в ходе которой исламисты с их тактикой террора сыграли очень заметную роль (кроме антизападных акций здесь было много конфликтов на почве противостояния шиитов и суннитов). Но, несмотря на это, успех в конечном счете оказался на стороне Запада и заново созданного им нового иракского государства.

И если подвести некоторые итоги, сразу же выявится, что поддержка со стороны СССР псевдосоциализма в арабских странах была

мало того что не оправдана и весьма убыточна, но абсолютно бесперспективна. Мир быстро возрождавшегося ислама, все более густо разбавленного фундаментализмом исламистов, как бы смеялся над усилиями марксистов, полагавших, что сходство их политических режимов окажется благоприятствующим условием для проникновения в них коммунистических идеалов. Оказалось все наоборот. Исламизм с никем не ожидавшейся легкостью брал в свои руки поводья и сбрасывал с козел не ожидавших такого конца марксистов.

БИРМА (МЬЯНМА)

Среди других аналогичных по типу, но весьма специфичных стран наиболее заметна Бирма (с 1989 официальное именование страны — Мьянма), где с момента обретения независимости в январе 1948 г. начались серьезные внутренние неурядицы. В основу перемен здесь тоже легла та же тенденция к огосударствлению экономики. Вначале был издан закон о национализации земли, недр, значительной части торгового оборота. А восстание, поднятое коммунистами и поддержанное националистами (в стране несколько компактно живущих национальных меньшинств), привело ее к ситуации перманентной гражданской войны. Правительство страны и его демократически настроенный руководитель У Ну теряли контроль, но в правящей коалиции назревали противоречия, а в 1958 г. к власти пришел генерал Не Вин. С этого момента страной стали управлять военные, которые пытались навести жесткий порядок. Однако, если вначале этот порядок еще следовал парламентским традициям, о чем свидетельствовали выборы 1960 года, давшие перевес У Ну, то вслед за тем нараставший кризис привел к государственному перевороту 1962 г., в результате которого Не Вин отстранил от власти У Ну и объявил о создании в стране Революционного совета.

Совет сразу же опубликовал документ под многообещающим названием *Бирманский путь к социализму*. В 1964 г. все партии были распущены, а заново созданная военными стала правящей. В стране возник авторитарный режим с некоторой примесью буддизма. Национализация экономики помогла навести некоторый порядок, но одновременно вела к кризису. Формальное смягчение режима в 1974 г., когда были введены гражданские институты и формы власти, не сыграло существенной роли, хотя и привело к ослаблению влияния в стране коммунистов. А 80-е гг. прошли под знаком усиления давле-

ния на диктатуру военных. Все чаще стало выплескиваться на улицу недовольство, особенно со стороны студентов. На 1988 г. пришлась кульминация недовольства, завершившаяся взрывом. В августе Су Чжи, дочь национального героя страны Аун Сана, призвала народ выступить за демократию. Некоторое время казалось, что военные отступили. Однако в сентябре они собрались с силами и решительно пресекли недовольство. Мятежные выступления были потоплены в крови. Оставив рассуждения о социализме, генералы начали выступать за единство и сделали акцент не только на самобытность страны, но и на ее модернизацию. Они разрешили создавать партии, объявили о реформах рыночно-частнособственнического характера. Однако, когда на выборах 1990 г. партия Су Чжи получила около 80–90% голосов и мест в новом парламенте, военные не признали результаты выборов и вновь ужесточили режим. Показательно, что Су Чжи продолжала оставаться под домашним арестом и не получила разрешения выехать, даже когда ей в 1991 г. присудили Нобелевскую премию мира.

СУТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ СТРАН

Итак, завершая беглый обзор, зафиксируем, что перед нами десяток-другой стран, в которых приходившие к власти люди время от времени на короткий либо даже на достаточно длительный срок в качестве эталона в послевоенные десятилетия воспринимали Советский Союз или — реже — КНР. В любом случае имеется в виду ориентация на идеи, точнее, на практику стран, которые радикально и с применением репрессий преобразовывались по коммунистическому или близкому к нему — как в Ливии, Бирме — стандарту. Это стоит еще раз и со всей решительностью подчеркнуть. Можно с уверенностью сказать, что, как правило, никто из руководителей стран, о которых идет речь, работ Маркса не изучал, скорей всего вообще в руки не брал. Да и, честно говоря, никто из них о марксизме всерьез и не рассуждал. И это легко понять. Им обычно было не до теоретических дебатов. Их мало интересовали и даже при случае — например, если кто-либо из них обучался в Москве — едва ли бы всерьез заинтересовали абстрактные рассуждения о пролетариате, с которым их страны были очень мало знакомы, а то и незнакомы вовсе. Никто из них не рассуждал о *классах* и о *классовой борьбе*, хотя манипули-

рование этими категориями марксизма порой играло в их политике существенную роль. Но наиболее близко всем им было понятие *революция*, которое, естественно, воспринималось как решительный политический поворот. Вопрос, от чего к чему.

Нет никаких сомнений, что в их представлении это был переворот только в одном направлении, от некой неустроенности и этнополитической либо социополитической неразберихи к строгому порядку, опирающемуся прежде всего на всесильную власть и централизованное принуждение (другой, даже противоположный смысл этому понятию начали придавать лишь в 2011 году, когда пояс арабских стран был уже охвачен недовольством оставшейся без работы молодежи, выступившей против слишком засидевшегося руководства правящих режимов). Тогда, т.е. несколько десятилетий назад, перевороты и мятежи были в пользу жесткости, а смысл структуры, которую стремились создать — точнее просто воссоздать в новых условиях и в весьма обновленной ее модификации — был всем давно и хорошо знаком. Это первобытно-восточная, в лучшем случае традиционно-восточная централизованная структура власти-собственности, которая появилась в незапамятные времена и **суть которой сводилась к праву руководителя коллектива, незнакомого или мало знакомого с частной собственностью и воспринимавшего все жизненные ресурсы как свое естественное владение, самовластно распоряжаться общим достоянием.**

Собственно, эта элементарная, хотя и ныне уже тщательно разработанная идея является основополагающей в моей авторской трактовке исторического процесса. Но упоминание о том, что было сущностью структуры в далекой древности, необходимо прежде всего потому, что многие деколонизованные страны, особенно африканские, в послевоенные десятилетия типологически были не просто близки, а вполне идентичны архаичным обществам далекого прошлого. И добившись политической независимости, но совсем не будучи готовыми либо не слишком желая развиваться по трудному либерально-демократическому рыночно-частнособственническому пути, они легко склонялись к хорошо известному им стандарту предков. Сложность была, однако, в том, что этот освященный тысячелетиями стандарт не отвечал духу времени, что хорошо сознавали более или менее грамотные, образованные и, как правило, неглупые и амбициозные лидеры или претенденты в лидеры деколонизованных стран. Поэтому, создавая независимые государства и будучи готовыми свершить нечто вроде поворота к лучшему (*революции*), полити-

ческие лидеры или кандидаты в их ряды вынуждены были обращать внимание на современные варианты того же стандарта. И такие варианты, на их счастье и на несчастье их подданных, в мире были. Это были советский и позже складывавшийся китайско-маоистский режимы тоталитарного социализма.

Взглянем на СССР и КНР глазами этих лидеров. Что наиболее явственно выходило на передний план и было максимально заметно со стороны? То, что в этих странах существует жесткий централизованный тоталитарный контроль, а если проще — тот самый желанный правителям необустроенных стран с их этно- и социополитической неразберихой суровый строй социально-казарменного порядка. И этот порядок наводится силой. Стало быть, если ты не готов и не хочешь долго и медленно, да еще при активном содействии ненавистных колонизаторов, идти по пути создания развитой рыночно-частнособственнической структуры, а склонен добиться более быстрых результатов с применением насилия в условиях привычных традиций, то есть только одна альтернатива. Она сводится к переходу на путь социализма.

Вот здесь мы подходим к самому основному. Хотя выше много раз подчеркивалось, что речь идет именно о марксистско-коммунистическом социализме, это делалось для того, чтобы продемонстрировать разницу между социализмом (социал-демократией, социальной политикой) западного типа и тем, с чем мы имеем дело в деколонизовавшемся мире. Если бы это не было нужным, стоило бы сразу сказать, что ни к марксизму, ни тем более к коммунизму реформы и режимы, свойственные странам, о которых идет речь, отношения не имеют. Это отнюдь не следует считать реабилитацией того и другого. Просто *революционные* лексика и фразеология не имели отношения к социополитическому переустройству, но откровенно ставили целью возврат к такой организации общества, которая гарантировала бы обеспеченное жесткими силовыми методами послушания раздробленного и издерганного неустойчивым режимом населения.

Именно это, к слову, и до эпохи деколонизации представляло собой сущность того, к чему стремились все компартии, начиная с ВКП(б) и КПК, вне зависимости от того, о чем мечтали и чем руководствовались *пламенные революционеры*. Это и есть то, что было построено Сталиным в России и Мао в Китае. И охотно предоставляемая ими помощь, особенно оружием, всем социально близким к СССР (позже и реже в КНР) была вполне оправдана. А элита деколонизованных стран логично видела в странах марксистского комму-

низма эталон, на который следует ориентироваться. Впрочем, само стремление к сближению с какой-либо из основных стран марксистского социализма, СССР или КНР, не всегда было явно выражено. В ряде случаев, будь то богатая ресурсами и малонаселенная Ливия или древняя обжитая Бирма, дело могло обстоять иначе. Но главное было в другом. Это, во-первых, существование и полная власть правящей партии *нового типа* и, во-вторых, национализация собственности и природных ресурсов.

И легко понять, почему. Традиционная структура власти-собственности в ее современной модификации обрела форму тоталитарного или авторитарно-тоталитарного диктаторского режима, суть которого в том, что он опирается на лишение населения прав на собственность и на строго обеспечивающее это административно-полицейское насилие. Именно такой генеральный принцип дает исследователю основание сближать друг с другом все страны, руководившиеся коммунистическими, *«революционными»* и всеми прочими партиями *нового типа*, новизна которых сводится к тому, что это не партии в буржуазно-демократическом смысле, но всевластные административно-бюрократические организации, опирающиеся на насилие.

Другое дело, насколько современная модификация традиционной структуры власти-собственности может считаться надежной и устойчивой. Суровая практика жизни, соответствующая принципам исторического процесса, убеждает в том, что она не надежна и, более того, недолговременна. Это продемонстрировали и Советский Союз, и маоистский Китай, и прочие страны коммунистического блока, бывшие вне блока или причастные к *социалистической ориентации*. Не то чтобы их время уже вовсе прошло. Некоторые из них еще существуют, как, например, КНДР или Куба. Вполне могут появиться и новые, как то пытается сделать У. Чавес из Венесуэлы. Но на успешное и долгое существование они не могут рассчитывать. И не только потому, что в длившемся тысячелетиями противоборстве структур первая из них, восточная, опирающаяся на стандарт мировой деревни, оказалась более слабой и менее приспособленной к эволюции. Более того, современное резкое возрастание численности этой деревни способно поставить мой вывод под вопрос. Важнее же то, что эволюция как залог существования не только общества, но и вообще материи в принципе предпочтительней и ближе к норме природного баланса, нежели застой с угрозой реверсии, ибо такое тоже долго продолжаться просто не может, так как ресурсов на всех стоящих на месте просто не хватит.

СОЦИАЛИЗМ КАК МАРКСИСТСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Страны, в какой-то мере ориентированные на социализм, можно и должно рассматривать как весомый добавок к тем странам, которые в послевоенное время, значительно изменившись в объеме, начали противостоять Западу. В заключение посвященной этому второй части тома необходимо обратить внимание на то, в чем основной смысл различий между оказавшимися столь склонными к социализму прежними и многими деколонизованными новыми государствами Востока и оставшимся буржуазным Западом. Конечно, кое-что об этом было сказано, многое очевидно и без добавлений и разъяснений.

Но, завершая очерково-аналитические главы тома, очень важно расставить все точки над *i*. Что имеется в виду? Многие, в том числе, например, ведущие на радио «Эхо Москвы», где проблема различий между современными государствами мира ставится регулярно (если судить по вопросам, обращенным к экспертам, которые на эти вопросы убедительно ответить не могут), не понимают, в чем в конечном счете эта разница. Иногда примерно та же проблема встает перед солидными специалистами, глубокомысленно противопоставляющими друг другу две Германии и две Кореи эпохи холодной войны (Кореи это касается и сегодня) и вроде бы искренне желающими понять, в чем тут дело. А дело, между прочим, объясняется очень просто, даже элементарно. Но для этого отнюдь не достаточно зафиксировать бросающуюся в глаза разницу и даже мало просто ограничиваться двумя Германиями и Кореями. Нужно взглянуть на проблему шире.

Кажущаяся сложность в том, что обе Кореи и обе Германии равно были в одном случае Востоком, а в другом Западом, что и сбивает с толку тех, кто видит только это. При чем тут, как может показаться, различия между Западом и остальным миром, если речь идет об одной и той же искусственно разделенной стране? Не может же одна половина страны и населения быть восточной, а другая западной?! **Сразу отвечу: как раз наоборот, может.** И суть именно в этом, в искусственном расчленении каждой из стран. Потому и сложности здесь никакой нет. Однако, тем не менее, необходимо взглянуть на проблему более пристально.

Начнем с того, что в случае и с Германией, и с Кореей (к ним вполне можно прибавить два Китая, маоистский и тайваньский гоминь-

дановский, которые существовали рядом три десятилетия) противостоят друг другу две, упрощая проблему размеров, половины страны. Но это не два государства, а два разных режима, две идейно-институционально и социополитически принципиально различные структуры. Описанию их обеих в каждом из пяти предшествующих томов — да и в других моих работах — уделялось много внимания¹.

Суть проблемы в том, что в восточных по типу половинах господствует искусственно воссозданная марксистскими экстремистами структура власти-собственности в характерной ухудшенной марксистами ее модификации. Смысл этой модификации в том, что власть здесь не просто всесильна, но и крайне жестока по отношению ко всему покорному ей населению, почти превращенному в рабов, в уstraшенных террором и репрессиями подданных. Опора такой власти — беспредельное насилие с использованием как оглушающей идеологии, так и всевластных органов беспардонных репрессий. Страна и население существуют для реализации интересов власти, а цель и интересы ее в распространении марксистского экстремизма с помощью насилия и войн на весь окружающий страну мир. Перед нами особая агрессивно-репрессивная модификация структуры власти-собственности и общества восточного типа².

Второй половине повезло намного больше. Она — иногда тоже не без существенных элементов принуждения — сумела отстоять свое право быть представителем антично-буржуазной генеральной структуры и при этом оставаться обществом западного типа или (в случае с Кореей и Тайванем) энергично эволюционирующего в сторону западного стандарта обществом смешанного восточно-западного типа. Оба эти типа общества опираются целиком либо в значительной степени на характерные для другой по происхождению структуры гражданское общество и власть, избранную демократическим путем с соблюдением прописанных в законе процедур, а также и с разделением властей и независимым от других ветвей власти судом. Ее преимущество перед восточной половиной очевидно и легко реализуется, как только насилие в той половине в силу тех либо других причин ослабевает. В случае с Германией результат

¹ На предшествующие тома ссылаться не буду, их легко взять в руки. Добавлю, однако, что сущность различий наиболее полно изложена мной в специальной статье: *Васильев Л. С.* Власть-собственность — генеральная структура неантичных и добуржуазных обществ. «Восток как предмет экономических исследований». М., 2008. С. 447–477.

² Подробно об этом: *Васильев Л. С.* Эволюция общества. М.: КДУ, 2011.

наиболее очевиден. В случае с Китаем более сложен, но примерно таков же. В случае с КНДР ситуация наиболее сложна и во многом обусловлена северокорейской военной авантюрой 50-х гг. Но это не меняет дела. Сам феномен понятен и объясним, а все непонятное в нем является только кажущимся, непонятым. На деле это результат искусственного расчленения упомянутых двух-трех стран марксистским экстремизмом.

В то же время объединить половины возможно, хотя это, как показывает опыт двух Германий, дается не слишком легко и просто стоит немалых средств и усилий. Однако база для единства существует и уходит корнями в общую для обеих половин культурную традицию. Ведь в религиозно-цивилизационном, ценностно-ментальном и этнорасовом плане, а также с точки зрения мировоззренческой традиции каждая пара — нечто единое. Но и здесь не все просто. Может создаться впечатление, что в принципе чуть ли не в каждой стране есть два разных начала. Сразу же скажу, что вообще-то так и бывает. Только нужно понять, что такое бывает не везде и всегда, а только после возникновения античности, т.е. второй из известных человечеству генеральных структур, и только тогда, когда идет процесс смешения их обеих. Это то самое, что тесно связано с феноменом вестернизации и зримо ощущалось в самой Европе лишь после Ренессанса и Реформации, а вне ее — после Великих географических открытий и начала колонизации. Речь о том, что процессы дефеодализации в Европе, как и вестернизации вне ее, — кроме России, оказавшейся и без собственной, и без чужой колониальной буржуазии, — вели к тому, что всё то, что было вне культуры в собственном смысле этого слова (а применительно к очень отсталым первобытным и полупервобытным общностям затрагивало и их культурный уровень), изменялось за счет новых идей и институтов.

За последние годы, как о том упоминалось во введении, укрепилась точка зрения, сводящая все проблемы эволюции лишь к фиксации отсталости той либо иной культуры (при этом понятие *культура* часто не определяется, не расшифровывается). На самом деле ситуация другая. Культура в плане религиозно-этического развития и характера цивилизационной специфики основной массы населения вполне может быть и весьма передовой, и крайне отсталой в одно и то же время в разных местах. Достаточно сравнить первобытную Тропическую Африку с арабо-исламской частью того же континента после победоносного нашествия ислама. Или сравнить обе части средневековой Африки, как и доколумбовую Америку с великой

культурой Китая и впечатляющей культурой соседнего с Китаем индо-буддийского мира.

Это совсем не одно и то же, но при этом все перечисленные культуры, высокоразвитые и первобытные, являют собой варианты генеральной восточной (первобытно-восточные, традиционно-восточные) структуры власти-собственности в разных ее модификациях. А отличия ее от западной с соответствующими западным и смешанным восточно-западным типами общества огромны и принципиально важны. И вот с этих-то позиций и получается, что в лице послевоенных Германии, Кореи и Китая мы сталкиваемся не с разными культурами, а с одной и той же, но вкрапленной в качестве очень важной религиозно-цивилизационной внутренней субстанции в разные модификации принципиально несходных генеральных структур соответственно Востока и Запада. Таким образом, социалистический эксперимент, если его проводят в западной стране (в нашем случае в Германии), и энергичная вестернизация, пусть с элементами принуждения, если она осуществляется в странах Востока (а их, кроме Кореи и Тайваня, было великое множество, о чем уже шла речь в первой части тома), меняют принадлежность страны к прежней структуре, но не меняют ее культуру.

В чем-то страна остается прежней (если только речь не о крайне отсталой полупервобытной общности, но и там все меняется очень не быстро, а многое остается навсегда), а в чем-то она решительно изменяется. И на этом фоне совсем по-иному выглядит марксистско-социалистическая индоктринация, о чем пойдет речь в последней главе второй части тома.

Глава десятая. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ (КОММУНИЗМ КАК ПСЕВДОРЕЛИГИЯ)

Эту главу целесообразно посвятить проблеме, затрагивающей болезненную для нашей страны тему. Это важно, даже необходимо для авторской концепции. Констатация того факта, что крайние формы авторитарной диктатуры, доходящей до уровня тоталитаризма, нежизнеспособны, сама по себе недостаточна. Ее мало для того, чтобы убедить в закономерности крушения Советского Союза и в неправомерности страданий по поводу неизбежного конца чрезмерно воин-

ственной империи как варианта экстремальной модификации структуры власти-собственности. Но дело не в только в том, чтобы доказать именно это, как и не в том, чтобы убедить кого-либо, что наш вождь был не великим героем, а величайшим преступником. Встает вопрос, почему. Вот к этому-то все и сводится. Людям свойственно искать счастье, и немалое их число видит его в утопии. А утопия, и прежде всего коммунистическая, обычно, хотя и не всегда, может принимать облик псевдорелигии со всеми или почти всеми свойственными религиозному сознанию нормами поведения и восприятия реальности. Взглянем на проблему именно с этих, не слишком часто встречающихся исходных позиций.

СОВЕТСКИЙ КОММУНИЗМ КАК ПСЕВДОРЕЛИГИЯ

Не следует считать, что до Маркса и до попытки воплотить созданную им теорию на практике, причем в условиях, которые никак не соответствовали тем, что предписывались этой теорией, никогда прежде ничего подобного не происходило. Бывали и раньше случаи, когда религиозные доктрины так влияли на кардинальную трансформацию образа жизни принявшего их населения, что оно обретало веру в возможность обрести безбрежное счастье. Правда, обычно не на грешной земле, а вне ее. Но и эта обычно отнюдь не стопроцентно гарантированная возможность обрести счастье и бессмертную сущность во внеземной Высшей Реальности вызывала живой отклик в сердцах людей, придавала им надежду, предоставляла ощущение духовного комфорта и, что немаловажно, вела к стремлению соблюдать нормативные принципы поведения, заповеди этики, способствовавшие этому.

В православной России религия изначально тоже значила очень много, причем не только среди преобладавших в стране архаично мыслящих крестьян. Вспомним, что в классической триаде министра Уварова все начиналось не с самодержавия, но именно с православия. Стоит воспринять это с должным пониманием. Известно, что вопрос о том, насколько религиозен наш народ, вызывал оживленную полемику еще в середине XIX века. Но трудно оспаривать то, что вне сомнений. Религия играла в стране огромную роль. Страна и народ могли бы обойтись без православия лишь в том случае, если бы ему нашлась подходящая замена. И эта замена в годину роковых

надломов обрела неожиданный облик марксистского коммунизма. Или, иначе, в России коммунизм взял на себя функции привычной для людей религии. Когда и почему это произошло? В ситуации все-ленского кризиса, который завершился гражданской войной с поруганием привычных духовных и иных жизненных и посторонних ценностей, все изменилось. Люди метались, не зная, что думать, во что верить. И на смену православию и поруганной церкви с униженным и уничтоженным духовенством пришла коммунистическая идея. Красивый миф со столь желанными призывами к равенству и справедливости.

Поначалу многим могло показаться, что обещанное им сбудется, что они имеют дело с чем-то вроде новой религии. Или, во всяком случае, с тем, что успешно заменяет религию. В чем это проявилось? В том, что интенсивно внушался новый символ веры: смысл бытия в создании новой, невиданной прежде жизни (светлого будущего, того же христианского рая), причем не где-то в посмертном существовании, но здесь, на земле, и не когда-нибудь, а сейчас, при их жизни, к тому же сразу на всей планете. Такие постулаты необразованными людьми могли восприниматься как нерушимые заветы новой религии, приходившие на смену не оправдавшей надежд прежней. Тем более что в качестве залога ее истинности людям предлагалось уже сейчас перераспределить имущество и ресурсы и **создать** в ходе государственного переворота и развязанной большевиками гражданской войны **фундамент равенства и справедливости**, которые столь дороги угнетенным массам в отсталой стране. Вспомните повесть *Котлован* великого и незабвенного Андрея Платонова — она как раз тогда и об этом написана.

Принципиально новая и во многих отношениях весьма совершенная идеология, хорошо продуманная и убедительно изложенная, обещала нечто, во всяком случае на первый взгляд, привлекательное. Становясь религиозно-культурной традицией, она вроде бы сохраняла основные и привычные параметры поведения с присущими им нормами бытовой этики, но делала при этом вполне осознанный упор на борьбе со всеми инакомыслящими и неверующими — акцент, не уступающий нормам фундаменталистского ислама. Словом, новая идеология действительно заместила собой религию и, будучи вынужденной сохранять такой статус, оказалась в русле привычных ожиданий и надежд, достаточно быстро овладевая душами. Это проявлялось во многом: в повторении простых и ясных лозунгов (мир народам, земля крестьянам, грабь награбленное), в сакрализации

вождя-первосвященника, включая спекуляцию на его имени и культ его мощей, в создании новых храмов с их проповедями и поучениями, чью роль успешно выполняли комитеты, советы и иные сходные организации, начиная с ВКП(б), не говоря уже о свойственной новым условиям бытия могущественной устной и письменной пропаганде. Не стоит забывать и о бесчисленных статуях, памятниках, изображениях и переименованиях, что вполне заместило практику культа святых.

Новая идеология, объективно представая в отсталой России перед широкими массами необразованных людей в единственно доступном им псевдорелигиозном облики, в то же время реально оставалась такой, какой мыслилась создавшим ее прародителем. А это влияло на акценты и рождало иные нормы поведения и принципы этики. Отводя элементам обрядово-ритуального сакрального церемониала (парады, праздники, собрания с портретами вождей, шествия и демонстрации с флагами и изображениями) — а это важнейший элемент обычной религии; вспомните *хоругвеносцев*, — важное, но второстепенное место, псевдорелигиозная коммунистическая идеология ставила главной целью создать принципиально новый народ. И она немало в этом преуспела, реально многое изменив в этических принципах и бытовом поведении людей. Более того, делая это, опиралась на архаическую матрицу русской общины.

Борьба с неверующими, как известно, сопровождалась безжалостным массовым уничтожением неверных, *не-наших*, что лежало в глубинной основе этой матрицы и в новых условиях было обращено на всех тех, чье происхождение, образование, род занятий и интеллектуальный потенциал оказались выше стандарта среднего неграмотно-полуграмотного подданного советской империи. Власть-собственность в ее советской модификации означала, что все население — неотъемлемая принадлежность правящей партии во главе с вождем, которая вправе распоряжаться им по своему усмотрению. Генофонд страны выбраковывался, оставались те, кто был склонен безоговорочно служить власти, что сказалось на нормах поведения и этических стандартах. Акцент на уничтожение с помощью бедных всех зажиточных, затем голодомор, обошедший деревне в пять-семь млн жизней, вели к тому, что после ликвидации десятков миллионов запуганное население стало вполне осознанно разобренным.

После всех невзгод гражданской войны обманутое, но все еще верившее в обещания население старалось, как могло, ради светлого будущего. Умирая от голода и невзгод, массами оказываясь в

местах заключения, где люди подвергались бесчеловечному издевательству, они, тем не менее и вопреки здравому смыслу, продолжали верить. Многие в момент изошренного издевательства были готовы искренне отдать жизнь во имя вождя. И, если подойти к проблеме рационально, игнорируя эмоции и забыв о социально-этических стандартах (вспомним сладостно воспетого пропагандой несчастного Павлика Морозова), легко окажется, что внедренная в народ вера делала свое дело. А притекавшая в города и создававшая индустрию крестьянская молодежь легко воспринимала новую формулу жизни с соответствующими ей принципами поведения и этическими стандартами.

Одна из основных функций религии — воспитание верующих в духе ее требований, формирование соответствующих этических норм и привычных стереотипов поведения. И от того, насколько успешно справляется с этим, зависят ее прочность и процветание. Коммунизм справлялся. Даже победа во Второй мировой войне, несмотря на обошедшийся во многие миллионы жизней роковой просчет вождя в июне 1941 г., убеждает в этом. Пропаганда уверяла, что люди умирают за вождя, и многие верили. Но в годы войны ситуация все же сильно изменилась. Однако прежде, чем обратиться к этому, взглянем на марксистско-коммунистическую идею вне России, в Китае, главном сопернике СССР. Там дело обстояло иначе.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В КИТАЕ

Эта страна тоже оказалась благодатной для укоренения коммунизма. Но почему? Ни одна из стран на протяжении тысячелетий не ощущала себя столь самодостаточной, как Китай. Но все стало меняться с середины XIX в., а с начала XX в. началось активное восприятие западных идей и идеалов.

Страна не имела развитой религии, а функции государственной религиозной системы очень высокого философско-этически насыщенного стандарта в ней с древности выпали на долю конфуцианства. Идеи же Конфуция сводились не только к культу предков и сакрализованных заповедей старины, но и к призыву постоянно всесторонне совершенствоваться, ориентируясь на лучших и следуя идеалу благородного мужа, *цзюнь-цзы*. Идеал воплощал в себе гуманность, чувство осознанного долга, отвращение к стяжательству и достоинство, готовность постоянно учиться, стремясь к зна-

ниям, и всегда самоусовершенствоваться в соревновании с другими. Строгое соблюдение ритуальных обрядов отражало значимость норм поведения и тщательность церемониала, что обеспечивало строгий социальный порядок и связанную с ним внутреннюю дисциплину.

Обратите внимание на практический смысл доктрины. Отсутствие в Китае господствующей религии определило специфику цивилизации, но создавало некий мировоззренческий вакуум, что объективно приоткрывало дорогу для заимствования чужих идей, включая и коммунизм. Однако было и другое, в том числе привычное для практически ориентированного общества почтение к правителю (Сын Неба, позже заместивший его Мао с харизмой), прагматизм, требовавший осмысления результатов эксперимента, право на восстание недовольного народа против недобродетельного правителя, но в сочетании с мудрой склонностью по возможности предотвращать массовые движения социального протеста. Все эти выработанные тысячелетиями идеи сохраняли традицию и противостояли не оправдавшему себя маоистско-марксистскому коммунизму.

Это значит, что коммунистическая идея вовсе не стала псевдорелигией в стране, не привыкшей к доминирующей религии. Ее после Мао сохранили как знамя, не имеющее замены, но на практике сменили на противоположное. И это соответствовало мудрости традиции. В маоистском Китае был культ Мао, но никто не переименовывал города или улицы в честь коммунистов, не называл своих детей сокращениями, имевшими отношение к марксизму и к коммунистическим лозунгам. И вообще чужая идея не пропагандировалась, а вместо нее внедрялся цитатник с краткими изречениями Мао, обычно весьма практичными и не апеллировавшими к глубинам теории. Словом, даже в период расцвета маоизма прагматика восприятия выступала на передний план. А потому, когда после Мао страна оказалась в печальном состоянии, переход от жесткой тоталитарно-коммунистической модификации структуры власти-собственности к рыночно-частнособственнической, пока еще без восприятия либерально-демократического ее идейно-институционального фундамента, оказался удивительно легким и безболезненным. И именно потому, что псевдорелигией или чем-то сходным с ней эта доктрина не стала. Функцию религии по-прежнему выполняет, как то было на протяжении тысячелетий, разумно-прагматическая традиция конфуцианства.

НАЧАЛО КРИЗИСА СОВЕТСКОГО КОММУНИЗМА

В СССР, в отличие от Китая, прагматизм традиции не ощущался, да и сама традиция мудростью не отличалась. А потому с ней и не считались. Считалось, что все идет как надо. Индустриализация за счет миллионов уничтоженных крестьян изменяла облик страны, создавалось впечатление, что еще чуть-чуть — и вот оно, обещанное светлое будущее. И пропаганда изоциренно воздействовала на людей, вынуждая их выполнять задачи, поставленные большевиками. Но на промышленных предприятиях должны были работать квалифицированные работники. И власти — после ряда процессов, направленных против *вредителей*, — стали учить людей, а города, где уже жила основная часть населения, начали обретать нормальные условия для жизни. Время дешевого труда полупервобытного крестьянства уходило в прошлое, на смену ему шло другое. И хотя все делалось для воспитания подрастающего поколения в духе коммунистических идеалов, люди изменялись в соответствии с требованиями времени и обстоятельств. Интеллектуальные верхи высказывали сомнения, а религия их не терпит. И на примере жестоких расправ вождя в 30-х гг. со старыми большевиками, имевшими свое отличное от внедрявшихся в них представление о социализме и коммунизме, это хорошо видно — разительное сходство с религиозной доктриной. Нет и не должно быть никаких сомнений!

Но они не исчезали. Такова жизнь. Люди склонны верить в чудеса, но перестают верить, коль скоро обещанное не наступает. Да и сомнения были разными. Одни недоумевали по поводу количества уничтоженных режимом *врагов народа*, другие скорбели о судьбе деревни, обобранной до нитки и едва дышащей, третьи, кое-что узнавая, не могли не удивляться тому, как живут люди за пределами счастливой страны победившего социализма.

Конечно, сомнения и недоумения гасились, но люди, пусть не все, привыкали понимать, где ложь. Они в большинстве помалкивали, однако чем выше становился уровень понимания ситуации, тем сложнее она оказывалась. **И в этом отличие коммунистической идеи от религии.** Религии тоже нужна постоянная реабилитация, но она вечна потому, что ничего не обещает здесь и сейчас. А если это идеология типа конфуцианства, то учит, как вести себя, чтобы добиться желаемой цели, причем не для страны, а для себя (в этом его важное сходство с западным протестантизмом), тогда как коммунизм требует постоянного непосильного труда для не очень явно чего.

Агрессивно-империалистическая сущность доктрины с ее озлобленными нападениями на процветающий мир буржуазной демократии и не отмершими лозунгами мировой революции постоянно ориентировала на войну, так что получалось, что, несмотря на уверения о возможности строительства светлого будущего в одной стране, сначала нужно все-таки ликвидировать врагов. Значит, нужно готовиться к войне, которую придется вести самим. И весь созданный за счет миллионов умерших от голода и репрессированных промышленный потенциал страны должен быть направлен на создание военной мощи. Следовало и подготовить почву, а ею неожиданно оказалось соглашение 1939 г. с немецким фюрером, который вскоре беспардонно обманул нашего почти что обожествленного вождя. Его роковой просчет, открывший дорогу к Москве и стоивший жизни многим миллионам солдат и мирного населения, раскрыл глубину недовольства. Вспомним, с какой легкостью немцами была создана из пленных миллионная армия во главе с генералом А. Власовым. Как быстро на гигантской и наиболее густо населенной оккупированной части страны, практически вплоть до каждой деревни, возникла разветвленная сеть полицаяев. И сколь многочисленными стали отряды националистов на присоединенной в 1939 г. чужой территории.

Правда, отступление породило и патриотический подъем. Он, собственно, и спас страну. Но какой ценой! Она складывалась не только из десятков миллионов погибших. В нее вошли и изменение отношения к зарубежным капиталистическим странам, пришедшим на помощь СССР и ставшим его союзниками, и восстановление позиций православной церкви, что наглядно продемонстрировало, что **псевдорелигиозная доктрина коммунизма уже не в состоянии быть адекватной заменой религии**. Нельзя сказать, что все это сильно пошатнуло позиции вождя. А победа, казалось, упрочила коммунистическую идею. Но на самом деле было не так, и это ощущал вождь, который стремительно старел.

Коммунизм как псевдорелигиозный стержень страны дал трещину. Послевоенное поколение переставало в него верить и, что было неизмеримо важнее, не испытывало страха перед режимом. Конечно, лучше всего было бы прибегнуть к очередному раунду массовых репрессий. Но после войны, лишившей страну десятков миллионов людей, преимущественно мужчин, обрушиться снова на всех, как то было десятилетием назад, казалось и реально было весьма опасным. Да и ситуация в первые послевоенные годы, когда вождь был готов к новым авантюрам, объективно не выглядела бесперспективной. Дух

некоего величия гигантской коммунистической империи приводил к ощущению превосходства. Но длилось это не слишком долго, а вождь, быть может, впервые в жизни, если не считать начала войны с нацистами, был в состоянии паранойи и стресса, опасался, что не успеет, с нетерпением ждал, когда наконец появится атомная бомба, которая уравнивает шансы противостоявших сторон. Словом, покоя не было, как уходило понемногу и его железное здоровье. А что это значило для коммунистической идеи? Очень многое. Держалась она ведь не на догматической трактовке доктрины, как может показаться, но на власти, воле и жестокости диктатора. Без этого тоталитарный режим, как правило, долго просуществовать не в состоянии.

ПРОБЛЕМЫ РУХНУВШЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

Почему тоталитарный режим в принципе следует считать недолговечным и обреченным? Потому, что это наивысший уровень власти диктатора, харизматического лидера. Без жестокого всевластного диктатора, ни перед чем не останавливающегося, чаще всего тирана и убийцы, такой режим не возникает и не может существовать. Самая совершенная организация типа мафиозной группировки или ордена религиозных фанатиков без этого не в состоянии нормально функционировать, а при потере признанного предводителя она тем быстрее рухнет, чем жестче созданная им система структурирована. **И это не случайность, но великий закон энтропии.**

В принципе такой закон интуитивно хорошо понимают те, кто волею судеб оказывается во главе каждой из подобных организаций, от шайки воров до гигантской империи. Но одно дело — понимать суть проблемы и совсем другое — быть в состоянии реализовать требуемое ею. В редких случаях преемники диктатора, которые всегда выдвигаются наверх не случайно, а в процессе тщательного отбора, соответствуют необходимому стандарту. Чаще их возможности оказываются ниже предъявляемых требований. Очень важно и еще одно обстоятельство: не все зависит от потенций кандидата в лидеры, играют роль складывающаяся ситуация, самочувствие людей, зависящих от политики предводителя и вынужденных ее реализовывать. **Пока диктатор жив, они пассивно ждут. Но с наступлением неизбежной перемены за ней следует лавина непредсказуемых новаций.** Объективная ситуация в СССР, истощенном войнами, массовым террором,

нескончаемыми репрессиями и каждодневными мобилизациями, никак не располагала к продолжению коммунистического эксперимента. Но проблема в том, что оставалась неясной альтернатива. Если псевдорелигиозная доктрина, оправдывающая насилие и ее эксперименты, рухнет, что делать тем, кто стоял рядом с вождем?

Словом, система жестокого принуждения продолжала работать и после вождя. Работала она уже не так страшно, даже с определенной оглядкой, но все же безжалостно. Однако главное было в том, что доктрина как таковая изжила себя, становился все ощутимей серьезный кризис как самой идеи, так и коммунистического блока. Он возрастал по мере увеличения количества неверных шагов и политических просчетов, которые были не случайными. Мир стремительно изменялся. Технологические новинки давали о себе знать и оказывались убедительным свидетельством отставания СССР во всем том, что еще совсем недавно составляло его силу, будь то достижения в космосе или просто успехи военно-промышленного комплекса. В этих условиях отступать дальше было нельзя, но политическая обстановка становилась все серьезнее. Приходилось принимать важные решения, не успевая как следует просчитать их возможные последствия. Афганский просчет оказался для преемников вождя решающим и роковым. СССР рухнул, а вместе с ним ушел в историю коммунизм как мощная и влиятельная псевдорелигия (еще до этого утратил реальную свою силу, оставшись лишь в форме знамени, удобного для сохранения стабильной системы управления, коммунизм в Китае, где он псевдорелигией и не был).

Итак, идея не оправдала себя, но не исчезла вовсе. Пусть без претензий на статус псевдорелигии, но кое-где и обычно в измененном обличье осталась. Почему она остается притягательной для достаточно многих как утопический идеал? Вопрос далеко не прост. Легче всего счесть, что приверженцы репрессивной практики уничтожения многих миллионов ради утопического идеала (а без этого коммунизм не коммунизм — читайте Маркса о диктатуре пролетариата) заблуждаются и чего-то недопонимают. Или что среди них абсолютно преобладают те, кому жалко расставаться с воспоминаниями молодости, когда они были всемогущими и могли позволить себе власть издеваться над теми, кого сочтут социально чуждыми. Конечно, среди современных сторонников этой идеи во всем мире и, в частности, в России есть и те, и другие. Но не они задают тон. Обратите внимание на новое поколение, немалое количество представителей которого через интернетские сайты стремятся реабилитировать вождя, невзи-

рая на его страшные и вполне доказанные массовые репрессии и невиданные преступления.

Стоит обратить внимание на аргументы типа *подумаешь, убил миллион или там чуть больше, зато сумел отстоять величие страны!* Имеется в виду оправдание репрессий, представляющихся сегодня чем-то абстрактным (мало ли у нас миллионов; ради величия страны ничего не жалко). Но попробуйте спросить тех, кто так думает — а их, стоит повторить, много, — зачем им это величие, коль скоро не война и нет врага, а людей миллионами уничтожали для того, чтобы всем прочим внушить страх и добиться абсолютного повиновения (это-то вроде бы сторонники вождя понимают). И как они бы отнеслись ко всему, если бы именно так, мимоходом и ни за что, уничтожили бы их и их близких. Ответа обычно нет или в качестве ответа просто врут — благо вопрос задается задним числом. Но факт остается фактом, почему так? В чем глубинные причины? Начнем с того, что подобных мнений не существует ни в буржуазных странах Запада, ни даже во вчерашних странах *народной демократии*. Они не появляются потому, что люди в обществах западного типа привыкли, что жизнь каждого имеет цену, причем большую. **Что не человек существует для государства, а государство для него.** И оно обязано заботиться, чтобы каждому здесь и сегодня, а не где-то и когда-то в светлом будущем, жилось хорошо. И не смеет никого пальцем тронуть без решения беспристрастного суда, основанного на законе, принимаемом парламентом, регулярно переизбираемым на свободных выборах.

Разумеется, такая консенсусная система появляется не сразу. Она воспитывается веками, но в тех случаях, когда прилагаются осознанные усилия (со стороны колонизаторов в Индии или победителей в послевоенной Японии), срок может оказаться намного меньшим. Усилия могут быть предложены реформаторами, проводящими в стране, отставшей в развитии или незнакомой с передовыми западными либерально-демократическими ценностями, жесткую политику, порой даже вызывающую недовольство населения. Так было в Чили в годы правления А. Пиночета или в Сингапуре усилиями Ли Куан Ю.

Словом, практика показывает, что целеустремленное воспитание людей, направленное на приучение их к западным нормам существования, как то в недалеком прошлом было в Индии и в Японии, в Чили и Сингапуре, а совсем недавно началось в Китае, может, хотя и далеко не сразу, рассчитывать на успех. А вот без этого шансов на успех мало, иногда нет вообще. Если, как в России, коммунисти-

ческая идея дискредитирована, но воспеваётся диктатор, осуществлявший ее, это означает, что коммунистический идеал населения соответствует существующей структуре власти-собственности. Той, где власть первична и абсолютна, а остальное, начиная с человека, не более чем унавоженная почва для ее процветания. И такая ситуация — вне зависимости от того, как обстоят дела с псевдорелигией, — сохраняет возможность для возрождения утопического идеала. Ведь важен принцип, устрашающее безразличие к жизни людей, что воспринимается новыми поколениями под влиянием традиции, без помощи отмирающей коммунистической доктрины.

И если говорить о причинах притягательности утопической идеи, ответ будет угрожающе бесспорным. Россия с населением ее, веками жившим под воздействием традиций первобытной архаики с ее комплексами (свой-чужой, цена жизни, социопсихологическая сервильность и т.п.), не могла выработать должного иммунитета. А тяга ко всеобщему равенству и неосуществимой справедливости, с менталитетом, склонным к расколу, насилию и к поиску врага¹, создает немало причин для притягательности утопии. И неважно, какая именно утопия. Коммунизм случайно оказался первой. А разве не могли его место занять нацизм или еще что-либо в этом роде, в том числе типа терроризма экстремистов-исламистов?

Похоже на то, что отечественный социум объективно не в состоянии противостоять тоталитарным идеям. Разумеется, это не означает, что воспитание его в духе западно-демократических идеалов не может дать позитивных плодов. Может. Но для этого нужны целеустремленные усилия, которые пока не ощущаются. Скорей чувствуется движение в обратном направлении. И это движение, активно стимулируемое сверху, объясняется тем, что соответствующее настроение преобладает. Но почему? Похоже, из-за инертности населения. Страна выдохлась в процессе беспримерного напряжения и бесплодных попыток воплотить в жизнь утопию, тесно связанную с безразличием к простому человеку, жизнь которого практически не имеет цены. **Россия надорвалась.** Что же дальше?

А дальше может случиться разное. Страна, как о том свидетельствуют события рубежа 2011–2011 гг., отмеченные взрывным ростом стихийного протеста, вполне еще в состоянии повернуться лицом к либеральной демократии и вообще к западному стандарту, обеспе-

---

¹ См. об этом: *Яковенко И. Г.* Россия и репрессия. М.: Новый хронограф, 2011.

чивающему права и свободы человека. Возможна и постепенная либерализация режима. Но не исключен и возврат к прошлому, включая возрождение структуры власти-собственности в некоей новой ее модификации и с социополитической идейно-институциональной основой, весьма близкой как к марксистскому коммунизму, так и к сходным с ним новым доктринам. И если они будут отвечать чаяниям, все еще сохраняющимся в генотипе значительной части населения с его комплексом неполноценности, новый режим вполне может принять облик, соответствующий фундаменту этой структуры. Многое зависит от политики тех, кто окажется у руля.

Но оставим большие проблемы отечественного коммунизма, который все еще далеко не ушел в прошлое. Существуют и другие, которые не просто касаются коммунизма как примитивно-утопической доктрины, но и весьма способствуют время от времени ее оживлению. Все в конечном счете зависит от тех перемен, на которые автор уже не раз обращал внимание. Речь о тех самых острых демографических проблемах, которые всерьез многими еще просто не воспринимаются. Стоит пораздумать над тем, что, коль скоро численность населения планеты за XX век учетверилась, причем в основном за счет наиболее бедной, отсталой и обездоленной его части, которая выростала в два, если не более раз быстрее, чем другие, то соответственно растут в мире бедность и отсталость мировой деревни, т.е. наиболее примитивного восточного или первобытно-восточного ее типа. Об этом в конце тома еще будет специально идти речь. Пока же стоит принять сказанное к сведению и учесть, что не один только ислам в своем агрессивном-исламистском варианте претендует на противостояние с благополучным Западом. Рядом с ним пока еще остается и экстремизм утопического анархо-коммунизма, в том числе и в его почти что радикально-большевистском кровавом варианте.

Развивающиеся страны в послевоенные десятилетия

Теперь перейдем к обстоятельной характеристике и анализу третьей и самой большой, во всяком случае быстрее всего увеличивающейся в числе части современного населения планеты. Термин *слаборазвитые*, позже несколько смягченный и замещенный другим, *развивающиеся* страны, — появился в политической лексике и публицистике, а затем и в отечественной политологии вскоре после Второй мировой войны и был связан со все тем же происходившим в то время процессом деколонизации. Смысл и суть термина довольно широки, но главное, что призвано было охватывать им — если иметь в виду два противостоявших друг другу блока, — это как раз весь остальной, за исключением соперничавших, *третий* мир, мир вне блоков. Дело в том, что развитыми в то время считались, да и во многом, хотя и с оговорками, реально были, эти два альянса, обладавшие — что было едва ли не основным показателем уровня развития — весомым ракетно-ядерным потенциалом. О них, собственно, и шла речь выше. Все остальные страны принято было учитывать не просто отдельно, вне блоков, но и как нечто особое, третье.

Это обстоятельство и определило композицию тома, во всяком случае в его первой половине. Речь теперь пойдет о государствах, которые остались в стороне при рассмотрении событий, имевших отношение к истории стран, входивших в западный и советский альянсы. Но частично также и тех, что временами тяготели к СССР и ориентировались на марксистский социализм, равно как и тех, что с первых же послевоенных месяцев взяли твердый курс на развитие по западному стандарту. Это не означает, что будут нежеланные повторы. Но все следует учитывать, когда будет подводиться итог проблеме развития стран и народов мира.

Подавляющее большинство развивающихся стран с 60-х гг., когда в основном завершился процесс деколонизации, входило и в движение неприсоединившихся. Не слишком часто, но употребляется этот

термин и сегодня. Но главное не в термине и не в точном обозначении количества соответствующих стран, тем более не в их локализации или в уточнении их статуса. Важнее обозначить, что речь идет о большой группе государств, не менее чем о половине всех тех, что существуют и признаны международным сообществом, т.е. входят в состав ООН. Среди них немало и таких, кто отдал в свое время дань марксистскому социализму. Близость всех друг к другу в немалой степени формальна, да и различные международные конференции, фиксирующие совместные интересы, редки и не слишком содержательны. В лучшем случае они выдвигали и продолжают выдвигать лозунги, которые более декларативны, чем политически обоснованы, тем более осторожны, а то и просто разумны.

Конечно, к примеру, все могут настаивать на плате колонизаторов за торговлю рабами. Нет слов, работорговля — грязное и отвратительное пятно на европейской колонизации, от которого ей никогда не отмыться. Но так ли уж просто обстоит дело? Разве западноевропейские буржуа придумали ее? Разве до них то же самое не делали азиаты, в частности арабы? А еще раньше многие древние народы и на востоке, и на западе? И наконец, разве не негритянские вожди продавали работорговцам своих соотечественников? Ответ на все такие вопросы далеко не однозначен, не говоря уже о том, что потомки африканских рабов сегодня живут, скажем, в США, не в пример лучше потомков их бывших соотечественников на родине, в африканских тропиках.

Но не стоит долго говорить об этом. Конечно, рецидивы прошлого дают о себе знать. Неприсоединившиеся страны подчас склонны безоговорочно, даже как бы между прочим, делать, несмотря ни на что, выбор в пользу арабов при осуждении Израиля или в пользу Ирана при решении вопросов о ядерной программе. Но, имея в виду все сложности ситуации, трудно сказать, могут ли эти симпатии считаться адекватным отражением продуманной политической линии. Нередко создается вполне обоснованное впечатление, что заявления подобного рода не имеют сколько-нибудь весомой значимости. Поэтому, хотя и не только из-за этого, важнее говорить не об эфемерных лозунгах и слабо обоснованных претензиях редких конференций аморфного и политически не слишком влиятельного объединения неприсоединившихся, а о реальном и многообразном мире *развивающихся* стран. И не только говорить, но и иметь в виду интересы этих государств с их все еще достаточно слабо развитой экономикой, а также зависимость от той помощи и тех обстоятельств, которые способствуют их модернизации, вернее сказать, вестернизации.

Отставание в процессе вестернизации — самое важное из того, что мешает сегодня третьему миру. Послевоенные десятилетия для стран, о которых теперь пойдет речь, не сводились только к выбору пути развития и к пересмотру его, когда он был сделан неверно. Но к этому в конечном счете сводилось то, что связано с вестернизацией, т.е. с трансформацией идейно-институционального фундамента и принципов ведения хозяйства. И нет никаких сомнений в том, что от верного выбора пути и следовавших за тем успехов в вестернизации зависели процесс их послевоенного экономического роста и все сопутствовавшие ему благотворные преобразования, которые определяли достижения и неудачи многих стран, в силу разных причин отставших в развитии. Понятно, что это сталкивает с необходимостью разобраться в причинах, обусловивших успехи и неудачи в экономическом росте этих стран.

По статистическим данным ООН число развивающихся стран в наши дни достигает почти полутора сотен. Но сразу же необходимо заметить, что это очень разные страны. Подавляющее их большинство — крайне небольшие территории, в том числе островные анклавы, чаще всего вчерашние колонии, которые до колонизации не имели собственной государственности. Наряду с ними в этот же список включены и страны, имеющие немалую историю и по сравнению с отсталыми значительно более развитые. В их числе, к примеру, Эфиопия с государственностью, насчитывающей тысячелетия. К числу таких стран беспристрастная статистика относит и гигантов вроде Китая, Индии или Бразилии. Среди них можно обнаружить более или менее благополучные вчерашние колонии типа, например, Египта. Мало того, включают порой небольшие страны Европы, причем не только Албанию, Молдавию, Боснию с Герцеговиной или Македонию, но даже иногда и такие, как Польша, Сербия, Венгрия, Украина, Хорватия и страны Прибалтики.

Из списка ООН явствует, что критерии, используемые статистикой, явно не слишком продуманы и скорей всего опираются на формальные данные, быть может и не очень точные. Поэтому справедливей оставить этот список в покое, учтя, что он может лишь иллюстрировать ситуацию в самом общем виде, давая какое-то представление о проблемах развивающегося мира в целом. Что же касается интересующих нас пока послевоенных десятилетий, сыгравших решающую роль в формировании современного политического облика планеты, то в те времена развивающиеся страны выглядели несколько иначе, чем сегодня. И поэтому рассматривать их целесоо-

бразно, деля на региональные или иные группы. Следует принять во внимание и еще одно важное обстоятельство. Группы таких стран и вообще феномен развития в наши дни рассматриваются чаще и основательней всего специалистами, стремящимися оценить всю ситуацию с точки зрения экономического роста.

Нет сомнений, для экономистов, да и для оценки уровня развития стран, о которых идет речь, это наиболее важно. Но чтобы понять и определить феномен как явление исторического процесса и оценить значимость его в современном мире, одного экономического анализа мало. Его следует включить в более широкий контекст, начиная с того самого идейно-институционального социополитического фундамента, об определяющей роли которого во всем шеститомнике уже достаточно много было сказано. И это немаловажное обстоятельство должно служить основой как при анализе разных групп стран развивающегося мира в тот период, когда формировалось представление об их существовании, так и по мере возникновения новых ситуаций, определявших соотношение сил и относительную значимость разных стран.

В свое время, причем сравнительно недавно, пытаясь разобраться в положении дел на современном Востоке, я предлагал выделить три модели эволюции, японскую, индийскую и африканскую¹. Как легко понять, первая из них, японская, это та, что привела некоторые восточноазиатские страны к превращению в полноценную, пусть цивилизационно весьма своеобразную модификацию общества западного типа. Третья — заведомо отсталые страны, путь которых еще не определился, а будущее по меньшей мере не вполне ясно. А вот вторая, индийская модель — государства, которые уверенно стали на путь буржуазно-демократического развития по западному стандарту, хотя и многого еще не добились. Имелось в виду восприятие восходящих к антично-буржуазному стандарту свободы и права, принципов уважения к человеку и приоритетного отражения его интересов опять же при сохранении цивилизационных традиций и менталитета тогда, когда они этому никак не противоречат.

Сегодня, тем более в издании, посвященном не только Востоку, кое-что следует уточнить. Первый тип развития, доказав свои приоритеты, не имеет уже отношения к миру развивающихся стран, даже если по статистике ООН некоторые из государств, чье развитие связано с этой моделью, включены в список. Это часть развитого

---

¹ *Васильев Л. С.* История Востока. М., 2005, т. II, с. 554 и след.

Запада со всеми основными его нормативами, хотя и при любовном сохранении национально-цивилизационной, прежде всего китайско-конфуцианской дальневосточно-юговосточноазиатской специфики. Поэтому сразу же оставим его в покое, ибо о нем немало было сказано. Зато второй — индийский — имеет все основания занять теперь первое место в мире развивающихся стран и, более того, считаться едва ли не важнейшим по значимости и перспективам. При этом существенно принять во внимание, что именно он постепенно становится чем-то вроде эталона. Имеется в виду его путь по направлению к западному стандарту, наиболее удобный и самый безболезненный для населения. Это эталон, на который следовало бы ориентироваться развивающимся странам, по крайней мере многим из них.

Что же касается остальной части этих стран, то его следует воспринимать в трех различных, но порой — как, например, в случае с исламизованными государствами Тропической Африки — переплетающихся типах-вариантах, латиноамериканском, полноценно исламском и очень пестром африканском. В итоге возникает новая схема сосуществующих моделей. Она не во всем логично состыкуется, но имеет немалый смысл, о чем еще будет идти речь. Естественно, что при анализе событий и процессов, протекавших в послевоенные десятилетия, будет обращено преимущественное внимание на то, как тогда возникали и затем развивались страны, имевшие отношение ко всем упомянутым типам развития. Ведь хорошо известно, что большинства стран из упомянутых выше полутора сотен, представленных в статистике ООН, до Второй мировой войны и тем более до деколонизации после нее просто не было.

Стоит обратить внимание и на то, что каждый из всех четырех вариантов-типов развития или нормативных моделей эволюции представлен многими государствами с собственными особенностями, которые в совокупности являют пестрый веер не вполне сходных друг с другом социополитических и религиозно-цивилизационных организмов. Иными словами, типология весьма осложнена, и не всегда возможно в деталях разобраться в каждой из отличающихся многообразием стран с населяющими их социумами. Едва ли, впрочем, это в рамках данного издания необходимо. Для деталей существуют справочники, для знакомства со спецификой — разные путевые очерки и многие другие публикации, рассчитанные на интересующихся читателей. Наша же основная цель — разобраться в главном, проанализировать всю совокупность материалов и подвести основные обобщающие итоги. К этому и приступим.

Глава одиннадцатая. ИНДИЙСКАЯ МОДЕЛЬ

Сложный и болезненный процесс достижения Индией столь желанной политической независимости был на протяжении многих десятилетий XX, да и, по меньшей мере частично, XIX века, головной болью для англичан, отлично сознававших необходимость грядущей деколонизации, за что следует отдать им должное, и очень многое сделавших для того, чтобы максимально ее облегчить. Это было очень не просто. Основная сложность сводилась к конфессиональному несходству двух гигантских массивов населения, вперемежку заселявших просторы огромного индийского субконтинента. Вопреки кое-когда все еще встречающемуся мнению, будто англичане чуть ли не нарочно стремились противопоставить друг другу эти части и такое противостояние будто бы своекорыстно использовать в колониальных интересах, все было как раз наоборот.

Реальное и заметно проявлявшееся несходство индуизма и ислама с соответствующим различием в модусе поведения было всегда настолько серьезным, что едва ли не главной задачей колониальной власти, во всяком случае одной из таких задач, являлось нечто совсем иное, даже прямо противоположное. Имеется в виду постоянная забота о том, чтобы как-то сгладить нараставшие религиозные противоречия. А нарастали они хотя и постепенно, но заметно и неуклонно по мере политического развития страны, что влекло за собой требование ее независимости.

Сложность проблемы очевидна и фиксируется элементарно. Суть ее в том, что хотя внешне для всего мира Британская Индия выглядела как обычная — разве что очень большая — колония, населенная, естественно, индийцами, на самом деле, если оценивать ситуацию изнутри, все было не совсем так. Исторически субконтинент действительно, если уж на то пошло, был когда-то чем-то единым. Ведь, несмотря на то, что он всегда состоял из нескольких больших частей, заселенных отличными друг от друга этносами, которые говорили на разных языках, следует учитывать, что эти части на протяжении многих веков спланивались воедино интеллектуально крайне насыщенной и корнями уходившей в глубокую древность высоко развитой духовной культурой брахманизма-индуизма. Эта культура с ее поистине уникальными традициями в далеком уже прошлом была положена в основу великой индо-буддийской цивилизации. Однако — и это опять-таки так исторически сложилось, вины англичан здесь нет — субконтинент был в XIII в. завоеван мусульманами.

И после этого, пусть и далеко не сразу, на территории Индии появилось очень влиятельное исламское меньшинство.

Это властное и потому привилегированное меньшинство, используя свои преимущества в рамках традиционной восточной структуры власти-собственности со столь характерной для мусульманского государства сильной централизованной администрацией, заняло практически почти все престижные должности на субконтиненте. Неудивительно поэтому, что высокое положение мусульманина в Индии способствовало переходу в ислам тех, прежде всего многих индийских князей, кто своим высоким статусом не мог не дорожить (впрочем, что опять-таки вполне естественно и логично, и тех из низших, в основном ремесленно-городских каст, кто стремился таким образом избавиться от низкокастового своего статуса). Так в индуистской Индии возникло многочисленное исламское меньшинство, влияние которого было непропорционально большим по сравнению с его численностью, во всяком случае до прихода англичан.

С приходом и энергичной деятельностью колониальной администрации, сделавшей вполне естественный упор на индуистскую основу субконтинента и весьма удовлетворенной тем, сколь относительно легко ей было иметь дело с индустами, ситуация начала несколько меняться. Контактируя прежде и более всего с привилегированными европеоидными брахманами из высоких каст, оказавшимися готовыми воспринять многое из антично-буржуазных идейно-институциональных новаций, англичане содействовали тому, чтобы перекося в сторону ислама был выправлен. Но в то же время по мере резкого роста численности мусульман и особенно в связи с развитием индийского общества, стимулированного превращением английского языка в единый общий для всех (это не могло не ускорить процесс усвоения страной, пусть даже вначале в основном только ее верхами, западных стандартов), Индия понемногу теряла свой индобруддийский по преимуществу религиозно-цивилизационный облик.

Особенно заметно этот сдвиг оказался осознанным в начале XX столетия, когда в противовес давно уже заявившему претензии на соучастие в управлении страной Индийскому национальному конгрессу (ИНК) в колонии возникла сразу же превратившаяся во влиятельную политическую силу Мусульманская лига. Возросшее влияние огромного количества живших в Индии мусульман буквально вынудило Англию, давно уже обстоятельно готовившуюся к тому, что ей рано или поздно придется все же осуществить максимально безболезненную деколонизацию Индии, ускорить этот процесс. Была на-

тата разработка конституции, что заняло немало времени и вызвало серьезные противоречия. После этого — а дело шло к мировой войне — было намечено настоять в конечном счете на разделе колонии на части. Как и почему это получилось?

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ СУБКОНТИНЕНТА И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

Индия в годы Второй мировой войны принимала активное участие в боевых действиях на стороне союзников, хотя некоторые наиболее радикальные представители Конгресса пытались бороться с англичанами и с помощью стран оси. Противостоявшая политической активности Конгресса Лига решительно поставила вопрос о разделе. В создавшейся обстановке острых разногласий между основными политическими силами Индии у англичан практически уже не было выбора. Премьер К. Эттли в 1946 г. предоставил Индии, как и было обещано, статус доминиона. На выборах по двум куриям Конгресс получил в общендийском парламенте 930 мест, а Лига 497. Но Лига не признала результаты выборов и отказалась войти в общее правительство.

Сразу же после этого начались индо-мусульманские столкновения, имевшие тенденцию к обострению, так что англичанам не оставалось ничего иного, кроме как принять вариант раздела колонии на Индийский союз и Пакистан. В августе 1947 года британский парламент одобрил закон, разделивший субконтинент на три части. Северо-восток и северо-запад отходили к Пакистану, а остальная и основная территория — к Индии. Княжества получили свободу выбора с правом самим решать вопрос о присоединении к тому либо иному доминиону или даже сохранить свой прежний статус в отношениях с Англией. В ходе территориального передела многие миллионы людей были вынуждены сняться с родных мест и искать новые. Сопровождавшееся столкновениями переселение обошлось примерно в полмиллиона жизней. При этом княжества, как правило, вошли в то государство, на территории которого были расположены, хотя самое крупное из них, Хайдарабад, *низам* которого был мусульманином, решило этот сложный вопрос не сразу, а другое очень большое, Кашмир, в конечном счете оказалось разделенным на части.

Нет слов, ситуация была далеко не простой. Но, анализируя ее с высоты многих десятилетий, трудно не признать, что иного выхода практически не было. Точнее, любой другой мог бы обойтись много дороже. Что имеется в виду? Если не возвращаться к следствиям на-

пряженности и перемещения больших масс населения, что никогда, никому и нигде не обходится безболезненно, то итог следует считать позитивным. Во всех трех новых государствах (включая отделившееся в начале 70-х от Пакистана государство Бангладеш) были приняты, что следует считать результатом договоренной обусловленности, самые современные конституции с многопартийными парламентскими системами власти с переизбираемыми президентами и правительствами. Другой вопрос, что не всегда и не везде это оказалось надежно устоявшимся. И с этого, собственно, начинаются различия.

Обратим внимание на то, что люди в общем-то были одними и теми же, ибо за многие столетия, даже тысячелетия, этносы Индии принципиально не менялись. Да, вторгались мусульмане, занявшие господствующие позиции. Но их, по сравнению с местными народами, было вначале не слишком много. Разве что стоит учесть, что все принявшие под их давлением ислам в определенной степени и даже весьма значительно на протяжении поколений постоянно изменялись (имеется в виду роль исламизации в кардинальных сдвигах в религиозно-цивилизационной традиции со свойственным ей менталитетом). Следует ли считать такую ситуацию нормой? Безусловно, да¹. И это необходимо принять во внимание, когда пойдет речь о Пакистане и Бангладеш. Но пока речь о собственно Индии. При этом очень многое зависело и поныне зависит от того, что именно преобладало в той части субконтинента, которая стала современной Индией. Для толерантного индуизма — а эта религия определила очертания современной Индии — весь предложенный ей англичанами колоссальной важности антично-буржуазный идейно-институциональный фундамент оказался вполне приемлемым потому, что колониальная администрация готовила к этому страну и ее население. Но успех в конечном счете зависел и от того, что индуизм с его кармой и особенно кастами, как то ни покажется парадоксальным, оказался пригодным как раз для восприятия идей Запада.

В итоге следует заключить, что нет сомнений в том, что деколонизация Индии была обусловлена временем, что важный факт мировой

---

¹ Вспомним древних египтян. Когда пришли в Египет греки и македонцы, этот народ начал понемногу меняться, причем процесс перемен затронул не только заново созданные и переименованные греками города, но и, пусть в меньшей степени, также и провинциальную *хору*. Появились христиане-римляне — и эллинистический Египет стал провинцией Византии со своим александрийским патриархом. А когда пришли исламизованные арабы, почти все те же потомки древних египтян превратились, причем опять-таки сравнительно скоро, в таких же арабов-мусульман, что и завоевавшие их аравийские бедуины.

войны, столь многое изменивший во всем мире, оказался конечным толчком, приведшим к ее реализации. Однако вместе с тем есть и немало оснований считать, что главной на фоне множества причин, ожививших движение этой колонии к политической самостоятельности и создавших условия для этого, причем не только индуистской Индии, но и мусульманских Пакистана и Бангладеш, было успешное развитие в ходе вестернизации. Именно она привела к тому, что разнородное и разноязыкое в прошлом население в конечном счете оказалось готовым к тому, чтобы создать либерально-демократические в основе своей англоязычные республики, причем не только в индуистской Индии, по ее новой конституции переставшей быть кастовой.

Правда, что крайне важно сразу же учесть, все три части бывшей колонии не стали одинаково успешными с точки зрения последующего развития и уровня демократического стандарта. Более того, Индию и оба мусульманские государства нет оснований даже рассматривать и оценивать в рамках общей одинаковой для всех троих модели эволюции развивающихся стран. Они оказались разными, что подтверждает справедливость выделения основных моделей эволюции с акцентом прежде всего на религиозно-культурную традицию, усиливавшую либо ослаблявшую ту идейно-институциональную социополитическую основу, которая становилась фундаментом новой для индийцев антично-буржуазной структуры с ее обществом западного типа.

Как о том уже шла речь, в случае с Восточной Азией (китайско-конфуцианская цивилизация), важность именно этого для процесса вестернизации и темпов трансформации восточного типа общества можно считать доказанной с достаточной степенью убедительности. Но отнюдь не везде было так. Даже совсем напротив, так не было в случае с миром ислама, который подвергался трансформации наиболее медленно и в наименьшей степени. Приняв это во внимание и постаравшись запомнить, обратимся к характеристике индийской модели, которая, кроме самой гигантской Индии, представлена сравнительно немногими и достаточно разными странами.

ЗАПАДНЫЙ СТАНДАРТ И ТРАДИЦИИ ИНДУИЗМА

Политическая история Индии после обретения независимости отличалась удивительной и необычной для вчерашних колоний стабильностью, что было обусловлено благоприятным течением

обстоятельств, которое встречается достаточно редко, но было характерным именно для Британской Индии. Предикатив *Британская* использован здесь, как понимает читатель, далеко не случайно, ибо как раз тот факт, что колониальная администрация чуть ли не веками вела дело к тому, чтобы западные стандарты были усвоены великой страной Востока, сыграл свою немаловажную роль. Больше того, если сравнить судьбы трех больших государств, возникших на развалинах Британской Индии, этот факт окажется очень значимым. Однако все же не решающим. Ведь политическая история двух других — исламских — стран, возникших в то же время и на той же основе, бывших тоже многопартийно-парламентскими государствами, оказалась, несмотря на многие позитивные заимствования, которые следует отнести на счет британской политики, совсем другой, насыщенной военными переворотами в латиноамериканском постколониальном стиле. И потому об успешном взаимодействии Запада с индуистской цивилизацией — в отличие от того, что было с исламскими государствами распавшейся на части Индии, — стоит еще раз сказать особо.

Влияние со стороны либерально-демократической власти метрополии в истории Индостана непротиворечиво вписалось в религиозно-культурную традицию субконтинента. Можно сказать и иначе: древняя цивилизация, которая господствовала на субконтиненте до вторжения мусульман и основывалась на принципе кармы (все, что ты представляешь собой сегодня в данном твоём перерождении, есть закономерный результат твоего же поведения во всех предшествующих реинкарнациях) и тем более разделявшей страты касты, была близкой Англии. Она никогда не отличалась мятежным духом, тем более воинственностью, и не только была предельно толерантной, но и легко вписалась в западный стандарт. Более того, эта религиозно-цивилизационная традиция с присущей ей ментальностью индийцев, вписавшись в эту норму, оставалась довлеющей.

Характерно, что даже массовые социальные протесты в Индии чаще всего принимали характер ненасильственного сопротивления. Это хорошо известно из истории XX века, когда такого рода события обычно были связаны с активной и плодотворной деятельностью признанного духовного лидера страны М. Ганди. И, добавлю, неплохо вписывались в привычные для англичан митинги и шествия, демонстрации и прочие выступления недовольных. Сказанное означает, что благоприятное для великой страны стечение обстоятельств как раз и определило ее судьбу после деколонизации. Она, вполне

естественно, пошла вперед своим путем, и этот ее путь оказался удивительно безоблачным, особенно имея в виду не только позитивные (каждая каста отражает интересы меньшинства), но и негативные, тянущие страну назад, запрещенные конституцией кастовые нормы.

Разумеется, помимо далеко не забытых особенностей этого рода существовали в первые десятилетия после обретения независимости и многие другие оставшиеся в наследство от колониального и доколониального прошлого социальные язвы. Не исчезла ужасающая бедность низкокастовых, особенно деревенских жителей. Не перестали ночевать на городских тротуарах люди, приходящие из деревень на заработки. Но стоит заметить, что созданное заново и обретшее всю полноту власти национальное правительство, как и лидер ИНК первый премьер Индии Д. Неру, отнюдь не стремились переложить вину за это на чьи-то чужие плечи, включая и британских колонизаторов. Совсем напротив, получив реальную власть и взяв на себя, наконец, всю полноту ответственности за одну из древнейших и крупнейших стран мира, они вполне осознавали, что дел у них много и задача их отнюдь не из легких.

«Служение Индии означает служение миллионам людей, которые страдают. Оно означает ликвидацию нищеты и невежества, болезней, неравенства возможностей», — заявил премьер в своем торжественном выступлении перед Учредительным собранием 15 августа 1947 года, в день независимости страны. И страна решительно приступила к делу. Правда, на первых порах многое мешало выбрать разумный путь. Наивные надежды, подчас с явственным марксистско-социалистическим уклоном (послевоенные предпочтения), препятствовали этому. Время, как и постоянно шедшая за ним спорадическая переоценка результатов, достигавшихся в условиях демократических свобод и многопартийности, позволяли стране с завидной легкостью вносить в ее жизнь необходимые коррективы, которые всякий раз апробировались на очередных выборах.

В итоге, хотя и не сразу, пустые мечтания были решительно отброшены, а на передний план вместо них начала выходить разумная политика. Та самая, что была основана на давно воспринятом у англичан социополитическом идейно-институциональном фундаменте и которая одна только могла в сложившихся условиях реально обеспечить успешное движение далеко не процветающей еще страны по пути развития. С этого начался новый этап вестернизации. Тот самый, закономерным итогом которого стал выход Индии на авансцену мировой истории, все ее ставшие уже общепризнанными успехи

в развитии по точно определенному западному пути, завещанному бывшей колонии ее давно и без конфликтов покинувшими Индию колонизаторами, успевшими и сумевшими (всегда в этой связи вспоминаю Киплинга с его не очень-то приятными для индийского уха, но резонными и в общем справедливыми суждениями о *бремени белого человека* в этой стране) заложить основу для ее развития.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ

В 1949 г. Учредительное собрание приняло конституцию Республики Индия, оставшейся, о чем стоит помнить, членом Британского содружества. На выборах в парламент и законодательные собрания штатов в 1951–1952 гг. около трех четвертей мандатов завоевал ИНК. А возглавил новое правительство Д. Неру. Энергичная работа началась с определения основных целей. Они сводились к необходимости концентрации усилий страны на всем том, что может активно способствовать преодолению отсталости и развитию. Во-первых, это была давно назревшая аграрная реформа. Суть ее сводилась к ликвидации слоя посредников-*заминдаров* и к закреплению земли за обрабатывавшими ее земледельцами. Заминдары получали выкуп из казны, но часть пахотной земли оставалась у них. При этом им было оказано активное содействие в превращении хозяйств в товарно-фермерские. В итоге основная часть земледельцев огромной страны превратилась в землевладельцев, а те из арендаторов, кто по каким-либо причинам оказался лишившимся арендуемой земли, вынуждены были переселяться в города, нуждавшиеся в интенсивном притоке недорогой рабочей силы.

Для успешного решения необходимых задач, как тогда считалось, можно было позаимствовать и некоторые из тех методов, которые использовались в странах, достигших больших индустриальных успехов за исторически короткие сроки. Имелся в виду и тоталитарно-социалистический режим СССР, в частности, преимущественная ставка на государственные капиталовложения в те отрасли хозяйства, которые неокрепшими силами частного капитала обеспечить было невозможно. Речь прежде всего о тяжелой промышленности — металлургии, электроэнергетике, нефтехимии, машиностроении, автодорожном и прочем строительстве. Для достижения этой цели и расчета необходимой для того концентрации средств была даже принята система пятилетних планов. Стоит, однако, в этой связи

сразу же заметить, что частный капитал не только не отстранялся от достижения намеченной цели, но напротив, активно привлекался к этому.

В первую очередь это проявлялось в сфере легкой, пищевой и многих других отраслей этой группы экономики. Предпринимательская активность поощрялась и встречала поддержку со стороны властей. Особенно все это ощущалось в сельском хозяйстве, где был взят курс на поддержку фермеров, использующих передовую агротехнику, что вело экономику к уверенному экономическому росту. Аграрная реформа, в частности, привела к весьма заметному увеличению, примерно на две трети, объема производимой в стране сельскохозяйственной продукции. А объем промышленного производства за полтора десятилетия (1948–1964 гг.) вырос в 2,5 раза, причем значительная часть инвестиций принадлежала частному сектору, который в свою очередь щедро пользовался финансовой помощью государства. Однако эти первые и вполне ощутимые успехи были еще недостаточными и, главное, не создавали базы, которая могла бы послужить надежной основой для всех последующих достижений. Скорей напротив, не изжитая еще в те годы псевдосоциалистическая демагогия, порой очень мешавшая движению страны вперед, вызывала заметные разногласия, подрывая до того уверенные и многим казавшиеся незыблемыми позиции ИНК и его руководства.

Политическая жизнь страны с первых же дней ее существования была построена на строгих принципах заимствованного у бывшей метрополии вестминстерского парламентаризма. Это означало полную свободу для возникновения любых форм легализованной активности самых разных партий, от коммунистов и иных левых радикалов до правых националистов, включая реакционно-конфессиональные организации. Правда, большинство крайних группировок были немногочисленными и кратковременными. Их непрочность объяснялась не только отсутствием заметной поддержки со стороны электората, но и явной склонностью к внутренним распрям и столь мало свойственной Индии традиции нетерпимости. Так, именно по этой причине и без того не слишком влиятельная компартия в 1964 г. раскололась надвое, что похоронило надежды на то, что она будет в состоянии играть в стране хоть сколько-нибудь существенную роль. Впрочем, укреплению позиций ИНК это не помогло.

Конгресс постепенно терял свое преобладающее влияние. В этом сыграло роль несколько факторов. Летом 1964 г. умер пользовавшийся огромной популярностью премьер Неру. Пришедший ему на

смену Л. Б. Шастри был сравнительно мало известен, да и пробыл на посту недолго, ибо умер уже в начале 1966 г., после чего пост премьера заняла дочь Неру Индира Ганди. Она сумела на некоторое время восстановить утраченные было политические позиции. Однако общая международная обстановка играла на руку ее противникам. Осуждение сталинизма в СССР подорвало позиции тех, кто все еще делал ставку на строительство в Индии чего-то вроде социализма (а такие были и в ИНК с его *левоцентристским курсом*, как оценивали свою политику сами конгрессисты). Не все реформы давали желанные результаты. В частности, недовольны были более или менее зажиточные земледельцы, не ощущавшие должной поддержки со стороны власти, что, к слову, вело к появлению разногласий, а чуть позже и к расколу в рядах ИНК.

Все это накапливалось. И хотя явным преимуществом Конгресса была мажоритарная система голосования по округам, вследствие чего голоса многочисленных соперников его кандидатов обычно распылялись, это важное преимущество не работало автоматически. А на выборах 1967 г. ИНК получил едва заметное большинство в парламенте и лишился его в почти половине основных штатов страны. В 1969 г. Ганди ответила на это жесткой политикой централизации и курсом на усиление роста государства в экономике, не преминув напомнить о туманных лозунгах социалистического характера. Но это лишь подлило масла в огонь недовольства. Раскол в ИНК углублялся, а соперники из числа умеренных центристов, противостоявших любому заигрыванию с социалистической идеей, уверенно объединяли свои силы, имея в виду, в частности, необходимость укрепления союза с Западом перед лицом агрессивного натиска маоистского Китая.

В конце 1969 г. ИНК раскололся, а возникшую в результате раскола его часть, *Организацию Конгресс*, ИНК(О), с удовлетворением поддержала оппозиция. Впрочем, это не помешало тому, что на выборах 1971–1972 гг. Ганди одержала решительную победу, что позволило ей на протяжении нескольких последующих лет уверенно продолжать политику этатизма, проявлявшуюся в централизации и национализации. Но эта политика проводилась на фоне очень неудачного для нее стечения обстоятельств. Война с Пакистаном и образование Бангладеш привели к потоку из миллионов беженцев, которых следовало как-то обустроить, а борьба оппозиции против авторитарных методов в политике страны набирала силу. В стране складывалась мощная коалиция недовольных, требовавшая отставки премьера. В ответ на это она летом 1975 г. ввела чрезвычайное

положение, сопровождавшееся арестом наиболее заметных оппозиционеров. Если прибавить к этому активность ее сына Санджая с его программой сокращения рождаемости (большое место для многонаселенной страны) и соответственно чуть ли не обязательной стерилизацией части женщин, то станет понятно, почему недовольство правлением Индиры перехлестнуло через край.

На выборах 1977 г. при ликвидированном чрезвычайном положении решительную победу одержала оппозиция в лице коалиции Джаната, т.е. Народной партии, выдвинувшей в качестве лозунга и идеала духовные ценности великого М. Ганди (важно напомнить, что он не имел родственных отношений с семьей Неру и Индиры Ганди). Но время существования нового правительства было не слишком долгим. На выборах 1980 г. к власти вновь вернулось правительство Индиры Ганди, а коалиция во главе с М. Десаи, оказавшаяся во многих отношениях не то чтобы несостоятельной, но все же мало действенной, легко распалась, так и не сумев позже возродиться. О дальнейших шагах в истории страны речь пойдет позже. А пока есть смысл обратить внимание на серьезные проблемы независимой Индии, характерные для нее в первые десятилетия после обретения независимости.

ПРОБЛЕМЫ ИНДИИ И ПОИСК ИХ РЕШЕНИЯ

Первой и едва ли не основной по значимости была, причем во многом и остается, национально-конфессиональная рознь. Сразу же важно отметить, что меньше всего речь идет о несходстве разных локальных этносов, издревле населявших огромный субконтинент и всегда говоривших на разных языках. Сложности разноязычия были в основном сняты еще в период господства колониальной администрации, а после деколонизации английский язык стал государственным, тогда как попытка ввести в качестве такового язык наиболее распространенной этнической общности, *хинди*, провалилась вследствие решительного неприятия этого со стороны южных штатов, языки которых не сходны с хинди. Во всем остальном и прежде всего в основах религиозно-духовной традиции индуизма сходство, даже единство настолько прочно и очевидно, что никаких сомнений на этот счет быть не может. Да и система каст является общеиндийской, что также всегда сплачивало все народы Индостана, формируя на этой основе единую цивилизационную целостность.

Поэтому острота национально-конфессиональной розни де-факто была сведена к религиозным противоречиями, которые после раздела колонии на части обрели, как то ни покажется странным, тенденцию не к смягчению, но как раз напротив, к усилению. В республиканской Индии оставалось после раздела еще несколько десятков миллионов мусульман. После событий, связанных с образованием Бангладеш, их число заметно увеличилось за счет беженцев, которые уходили из перенаселенной Бенгалии в сравнительно малонаселенные северо-восточные штаты Индии. Немало мусульман и в индийской части Кашмира, на границе с Пакистаном. Прибавьте к этому своеобразную этноконфессиональную общность сикхов, рассеянную по всей республике, но наиболее полно представленную в штате Пенджаб, где сепаратистские тенденции долгие десятилетия были не только вполне очевидны, но и привели со временем к трагедии. Имеется в виду убийство Индиры Ганди. Накал страстей достиг своей наивысшей точки в 1992 г., в Айодхье, где разгневанные индуисты снесли мечеть, построенную несколько веков назад на месте разрушенного Моголами индуистского храма.

Второй проблемой, очень тесно связанной с первой, следует считать демографическую. Быстрый прирост населения характерен для многих развивающихся стран, особенно наиболее отсталых либо перенаселенных. Прирост населения велик во всем Индостане, но в самой Индии он наиболее заметен и — стоит запомнить, об этом еще пойдет речь — за счет мусульман, процент которых к концу XX в. стал равен примерно 10 (раздавались даже тревожные сетования на то, что к 2025 году это число может возрасти до 25). Приток населения, стоит повторить, стал особенно заметен после начала исхода бенгальцев из отделившегося от Пакистана Бангладеш, когда число ночующих на тротуарах резко возросло. Проблема перенаселенности страны быстро вышла на передний план, а непродуманная попытка решить ее с подачи Санджая чуть ли не силовым методом была последней каплей, переполнившей чашу недовольства, приведшего к временной отставке И. Ганди.

Еще проблема, связанная с обеими упомянутыми, — это долго висевшая над страной постоянная угроза голода. Считается, что главным успешным достижением 60–70-х гг. в Индии стал решительный курс на реализацию *зеленой революции*. Суть ее, как известно, сводилась к внедрению в сельскохозяйственную практику страны разработок Нормана Ф. Борлоуга. Этот ученый потратил несколько десятилетий на то, чтобы создать новые сорта злаковых и обеспечить

их высокую урожайность, за что он в 1970 г. был удостоен Нобелевской премии мира. Однако широкое применение ядохимикатов, как выяснилось позже, нанесло немалый вред почвам, что вызвало активную работу нового поколения ученых-селекционеров, в первую очередь в той же Индии. Но для Индии того времени, о котором идет речь, да и для современной Индии, зеленая революция все же оказалась спасением. Согласно некоторым данным, если в 1967 г. при 400 с лишком млн населения производилось около 40 млн т зерна, что держало страну в полуголодном состоянии, то в 2006 г. при почти миллиардном населении было получено 200 млн т, впятеро больше. И все же остережемся считать, что проблема голода в Индии решена (напомню, что для Китая примерно в то же время и при сопоставимом количестве населения достаточными после реформ Дэна стали 400 млн т). Будущее покажет, насколько это действительно так.

И, наконец, проблема каст. Формально, официально, согласно принятой конституции, ее вроде бы и нет. Но фактически она не только существует, но и играет свою важную роль. В отличие от Китая с его строгой социальной дисциплиной Индия всегда достигала крепкой внутренней стабилизации посредством строго обусловленного непререкаемого неравенства статуса множества каст — высших, средних, низших, вплоть до неприкасаемых. Сдерживающая функция касты в сочетании с обусловленностью бытия посредством кармы не столько гасила в этой стране любую возможность экстремизма, сколько не создавала, пресекала условия для его появления.

Поэтому отсутствуют и столь типичная для большинства иных традиций зависть и стремление к достижению равенства и справедливости любым способом, вплоть до открытого и масштабного, а то и все уничтожающего насилия. Нет в Индии и стоящей над народом и диктующей ему свою волю аристократии (вместо нее высшие касты), как и армии, ибо традиция и каста не способствуют привлечению в ряды военных любых честолюбцев, как то сегодня стало нормой для многих стран. Военное дело — дело определенных каст, но также и внекастовых сикхов и мусульман.

К слову, это немаловажное обстоятельство тоже сыграло немалую роль в том, сколь безболезненно — при наличии спорадических вспышек недовольства и ответного колониального насилия — шел и в независимой Индии завершился процесс усвоения либерально-демократического стандарта. Каста и карма в современной Индии в очень большой степени содействовали достижению ею многих успехов в процессе модернизации и вестернизации. Разумеется, говоря

об этом, не стоит недооценивать и консервативную роль той же системы каст, тянущей страну, как ни суди, не в будущее, а в прошлое. Ведь известно, что там, где каста менее значима, как то имеет место в сикхском Пенджабе, наиболее развито современное фермерство, вытесняющее традиционную индийскую общину.

ИНДИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИНДИИ

Близкий к индийскому стандарт демонстрирует **Шри-Ланка**, тот самый остров Цейлон, который издревле был тесно связан с Индией, а позже стал британской колонией. Здесь после деколонизации в 1946–1948 гг. был взят за основу такой же либерально-демократический стандарт, а в фундамент развития была положена та же идейно-институциональная основа антично-буржуазного происхождения, которую давно уже внедряла, учитывая все происходившее в Индии, британская колониальная администрация. Этот остров с 1948 г. стал доминионом, а с 1972 г. республикой Шри-Ланка. Сразу же по обретении политической независимости он превратился в близкое к обществам западного типа многопартийно-парламентарное государство с характерной для него борьбой партий за власть и зависящей от результатов выборов сменой правительств.

Как и в Индии, первые правительства независимой Шри-Ланки пытались искать нечто среднее между обычным капитализмом и *демократическим* социализмом, но очень отдавая себе отчет в том, что это за социализм, но явно имея в виду взять кое-что еще и из советской практики. Понятно, что предполагалось учесть специфику буддийского варианта индо-буддийской цивилизации, для которого характерна индийская карма, но в котором, как правило, отсутствовали касты. На Цейлоне они были разве что только среди индуистов-тамилы. При этом ведущие партии, объединенная национальная (ОНП) и партия свободы (ПС), лидер которой Соломон Бандаранайке после выборов 1956 г. стал премьер-министром, были озабочены необходимостью поддерживать мир в стране, северная часть которой населена тамилы, выходцами из южной Индии и соответственно индуисты.

С 1958 г. проблема национально-конфессионального несходства и противостояния сингалезцев и тамилы стала превращаться в центральную и наиболее болезненную для острова. Сингалские националисты в 1960 г. убили премьера, которого заменила его вдо-

ва Сиримаво Бандаранаике, управлявшая страной с 1960 по 1965 г. Оба представителя этой семьи успешно действовали в сфере экономики, которая представляла собой, как то было в те годы и в Индии, широкое поле деятельности для частного капитала. В то же время параллельно возрастала роль государственного сектора в ключевых отраслях дорогостоящей тяжелой индустрии. Но важно заметить, что в экономике страны в силу специфики острова пряностей по-прежнему, в отличие от субконтинента, задавало тон плантационное сельское хозяйство (чай, кофе, каучук, традиционная корица, кокосовая пальма и др.) с его резко возросшей товарностью, тогда как индустрия, тем более тяжелая, и после деколонизации, что вполне понятно, заметно отставала.

Сиримаво Бандаранаике, уступившая на время власть ОНП во главе с Д. Сенанаяке, в 1970 г. вернулась к власти и довершила аграрную реформу, сумев при этом национализировать часть плантаций. Важным ее успехом было принятие новой конституции 1972 г. Однако эта конституция, вызвавшая недовольство как сингалезцев из числа националистов, так и тамиллов, чьи права и тем более претензии на автономию были игнорированы, не способствовала укреплению власти ПС и ее руководства, на что премьер Бандаранаике явно рассчитывала. Выборы 1977 г. принесли победу ОНП, принявшей в 1978 г. новую конституцию. Главные ее новации свелись к замене британской мажоритарной системы выборов по округам на более демократичную пропорциональную, что сильно ударило по ПС, а также к введению президентской формы правления.

Придя к власти на сей раз, ОНП во главе с Д. Джаявардене направила усилия на приватизацию предприятий государственного сектора и создала широкие возможности для иностранных инвестиций, что способствовало ускорению темпов экономического роста. Однако в большой для острова проблеме национально-конфессиональной розни улучшения не было достигнуто. Несмотря на ряд важных уступок (предоставление нелегальным мигрантам с континента гражданства, провозглашение тамильского языка вторым национальным, назначение некоторых тамиллов на государственные посты и т.п.), мирный этап противостояния определенно перерождался в военный, сопровождавшийся многочисленными террористическими актами.

Пришедший к власти на выборах 1988 г. новый президент, лидер ОНП Р. Премадаса, предложил тамилам ряд серьезных уступок, включая переговоры с наиболее экстремистской группировкой ТОТИ (тигры освобождения Тамил илама), но существенных

перемен не добился. И хотя достигнутое им перемирие действовало около года, сам он в 1993 г. погиб от бомбы террориста-смертника, что сыграло существенную роль в последовавшей за тем на очередных выборах смене партии, стоящей у власти. Если подвести итоги первых десятилетий после обретения независимости Шри-Ланки, то — оставив в стороне остроту внутривнутриполитического конфликта — окажется, что перед нами модификация индийской либерально-демократической модели развития.

НЕПАЛ И БУТАН

А вот очень слабо развитые и крайне медленно, порой с драматическими кульбитами развивающиеся гималайские соседи Индии, Непал и Бутан, сильно отличались от этого стандарта, хотя и кое в чем с ним были сходны, что объясняется родством некоторых цивилизационных традиций. Впрочем, и эти традиции не слишком близки. Но обратимся к Непалу.

Непал. Гуркхи, которые принимали участие на стороне Британии в мировой войне, по своим боевым качествам намного превосходили индийцев. Но в других отношениях явно им уступали, хотя они — как и другие непальцы, жившие в Индии, — принесли с собой после войны немало либерально-демократических западных идей, создав партию Непальский конгресс (НК). Эта партия возглавила борьбу с всемогущим кланом Рана, давно уже захватившим власть в Непале и игравшим его королями как марионетками. Индия на рубеже 40–50-х гг. была заинтересована в усилении своего влияния в Непале, результатом чего стал ожесточенный внутренний конфликт, ознаменовавшийся бегством короля в Индию, торжественным его возвращением под приветственные возгласы подданных и падением влияния надоевшего всем клана.

Ликвидация режима всемогущего клана привела к некоторым реформам и возникновению своего рода конституционной монархии с парламентско-многопартийной системой. Однако сразу же стоит заметить, что король Трибхуван и с 1955 г. его сын Махендра отнюдь не стремились к серьезным реформам и предпочитали набирать в кабинет министров представителей разных мелких партий, но не влиятельного НК. Тем не менее в 1958 г. была принята конституция, а в 1959 проведены выборы в парламент. Подавляющее количество мандатов получил НК с его невнятным социалистическим уклоном,

более чем сходным с тем, что в те же годы был характерен для индийского Конгресса. Была проведена аграрная реформа с выплатой компенсации землевладельцам, чьи земли подлежали перераспределению. Был принят пятилетний план со стимулированием частного капитала и иностранных инвестиций. Но увеличивались и налоги, без чего казна осталась бы пустой. Недовольство народа и противодействие короля привели к поражению НК на муниципальных выборах 1960 г. А в декабре того же года Махендра приказал армии арестовать министров и взял власть в свои руки.

Конституция 1962 г. означала новую схему устройства власти в стране, это была система общинных советов-панчаятов разных уровней. Партии и профсоюзы упразднились (вместо них — крестьянские, рабочие, женские организации), а всю полноту власти взял на себя король, ставший главой этой общинно-панчаятной демократии, близкой по духу к корпоративной системе в некоторых странах Европы и Латинской Америки между мировыми войнами и отчасти к *джамахирии* в Ливии. Вслед за тем были проведены некоторые реформы, направленные на увеличение роли государства в экономике, и даже приняты, как и в Индии, то трех-, то пятилетний планы, оставшиеся, впрочем, невыполненными. Значительно больше достигли власти в области туризма и альпинизма, что обуславливалось притоком иностранцев (на территории страны находится Эверест). В условиях все более ощущавшегося кризиса на предложенном королем Бирендрой (1972–2001) референдуме был поставлен вопрос о замене панчаятной демократии конституционной монархией с парламентско-многопартийной системой власти. Однако большинство высказалось за более понятные ему панчаяты, что объективно укрепило королевскую власть. В последующие годы внутривнутриполитическое напряжение, сопровождавшееся внешнеполитическими сложностями (Непал все более очевидно вынужден был балансировать в условиях сильного влияния на него со стороны двух тогда враждовавших азиатских гигантов, Индии и Китая), привело к весьма ощутимому росту социального протеста.

Запрет на деятельность политических партий весной 1990 г. был снят, а осенью того же года вводилась в действие новая конституция с признанием роли парламента. На выборах 1991 г. большинство получила возродившаяся партия НК, а премьером стал ее руководитель Г. Коирала. Был взят, в соответствии с изменившимся духом времени и приобретенным собственным опытом, курс на приватизацию экономики. Однако уровень развития страны продолжал оста-

ваться удручающе низким, что сыграло важную роль в последующих событиях, проявившихся, в частности, в выходе на передний план маоистского экстремизма.

Бутан, расположенный чуть к югу от высот горного массива Гималаев и к востоку от Непала, — страна много более скромная и еще более отсталая. Сходства с Индией здесь еще меньше, чем то можно обнаружить в Непале, хотя Индия в лице Д. Неру, нанесшего в 1958 г. визит в это очень небольшое королевство (население — около 2 млн) с господством в нем тибетского ламаизма, заботилась о сохранении связей с ним. Некоторые реформы в системе аграрных отношений, оживление туризма и стремление к созданию основ конституционной монархии были здесь в послевоенные десятилетия своего рода данью времени. Кое-чего достигли и в сфере промышленных преобразований, в частности в гидроэнергетике. Сложность этнического состава — тибетцы, непальцы (до четверти населения), выходцы из Индии — вначале не была ощутима, но в 90-е гг. привела к связанному с экстремизмом маоизма этническому конфликту, вынудившему многих из непальцев, по некоторым подсчетам до 100 тысяч, эмигрировать в Непал.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как то ни покажется странным, но все остальные буддийские страны, о которых уже шла речь при рассмотрении проблем, связанных с поиском пути развития в направлении марксистского социализма или — как в Бирме — чего-то к нему близкого, на Индию в послевоенные десятилетия оказались мало похожи. Можно сказать и еще более определенно. Даже в Непале и по меньшей мере отчасти в заброшенном и казалось бы очень далеко от центров бурных волнений крохотном Бутане с 90-х гг., т.е. как своего рода отдаленное эхо, стали ощущаться насильственные эксцессы, очень тесно связанные с пароксизмами давно уже преодоленного в самом Китае маоизма. Таковы факты, которые настойчиво требуют объяснения. Смысл их в том, что индийская модель, как можно предположить, держалась в основном именно на касте. Система каст была тем стержнем, на который опиралась и традиционная структура не устоявшейся еще власти-собственности в ее варианте, более близком к феодальному, нежели чем к централизованному. Она, эта система, была в какой-то мере опорой и для мусульманской строго централизованной власти.

И, что может показаться на первый взгляд совершенно невероятным, также и британской колониальной. Все эти весьма разные формы организации администрации, каждая по-своему, но все-таки достаточно единодушно, если и не видели, то могли ощущать в системе каст ту прочную основу, которая в реальности крепко держала и не давала развалиться очень хрупкой и во многом действительно рыхлой Индии с ее разными народами и языками.

Сходство, взаимообусловленность и сплетение идеи касты с идеей кармы очевидны. Обе они намертво скрепляли Индию. Но обратите внимание: там, вне Индии, где каст не было или они, как, к примеру, на Цейлоне, а в древности и еще кое-где, играли незначительную роль, карма сама по себе, весьма важная для всех и буквально пронизывавшая всю духовную культуру буддийских стран, легко отступала, даже просто пасовала перед натиском со стороны внешнего экстремизма, чего в самой Индии никогда не было. Иными словами, индийская и буддийская модели развивающихся стран, каждая из которых тяготеет к одной и той же великой цивилизации, хотя и, если иметь в виду ее размеры, к различным внутри нее субцивилизациям и модификациям, в итоге оказываются в чем-то очень важном, судьбоносном, принципиально разными.

Выделяя из этих рамок чистую индийскую модель и сближая с ней ее варианты, основанные преимущественно на буддизме, не чисто буддийский цейлонский и близкий к буддизму, но подверженный китайскому влиянию непало-бутанский с разгулом экстремизма, получаем достаточно пеструю картину. А оценивая ее, в итоге получаем более четкое представление о сущности как индийской, так и буддийской модели. Индийской свойственно поразительное для огромной восточной страны уважение к стандартам совсем чужого, привитого колонизаторами антично-буржуазного идейно-институционального фундамента. Мало того, опираясь на эти стандарты и на тесно связанную с ними либерально-демократическую структуру, Индия сравнительно легко обрела столь явственно выраженные и проявившие себя уже в первые десятилетия после получения политической независимости тенденции к успешной буржуазно-индустриальной модернизации. И все это несмотря на то, что проблем в этой стране, как социополитических, так и многих прочих, было в эти десятилетия более чем достаточно. Не приходится говорить, что это же сыграло свою роль и в современных достижениях Индии.

А вот то, что отличало буддизм от Индии (в число буддийских входят Бирма и Сиам, Лаос и Камбоджа), тянет соответствующие

страны в другую сторону, заметно отличную от Индии. И это несходство фиксируется, на что стоит обратить особое внимание, в неожиданной для мирного миролюбивого буддизма склонности к принуждению и насилию. Она наглядно проявила себя с середины XX в. в Камбодже и Бирме, отчасти в Лаосе и миновала только Сиам, оставшийся без сильного влияния со стороны колонизаторов. Словом, так или иначе, а насилие и экстремизм сыграли в судьбах буддийских стран неизмеримо большую роль, нежели в Индии в весьма сопоставимых обстоятельствах (имеется в виду сложная эпоха обретения политической независимости и, главное, поведение достигшей ее или борющейся за нее страны). А о Непале и Бутане с их близостью к идеям маоизма и говорить нечего. Словом, индо-буддийский мир при всем его кажущемся сходстве состоит все же из разных вариантов индийской модели эволюции развивающихся стран.

Глава двенадцатая. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Вторая, латиноамериканская модель, в чем-то близка к индийской, хотя и, казалось бы, ничем в деталях ее не напоминает. Этому весьма своеобразному субконтиненту в начале XIX в. в какой-то мере, можно сказать, повезло. Великая революция во Франции и Наполеон, назначивший своего брата Жозефа королем Испании (1808–1812), коренным образом изменили судьбу испанских колоний в Новом Свете. Немногих лет, которые Жозеф провел на испанском троне, оказалось вполне достаточно, чтобы в условиях серьезных перемен в Испании в ее американских колониях поднялось несколько успешных восстаний. Они покончили с длившимся три столетия колониальным господством. В итоге на субконтиненте, включая и португальскую Бразилию, ставшую республикой значительно позже, возникло около 20 республик, причем появление там в 1810 г. французских войск содействовало поражению испанских колониальных вооруженных сил.

Сама по себе сравнительно ранняя деколонизация могла и даже должна была бы считаться благом для колонии. Так, во всяком случае, обычно считается теми, кто ненавидит и обличает колониализм. Между тем на деле все совсем не так. Республики Латинской Америки, не довершив сложного процесса радикальной перестройки, которую несла им неизбежная для всех колоний предбуржуазная

вестернизация, все без исключения и не без влияния на них событий в США и в Европе, оказались призванными двигаться в сторону уже довольно развитых там западных стандартов. Однако по уровню развития, т.е. вследствие отсталости подавляющего большинства их метисного населения, этот путь оказался им не под силу. И дело не только в том, что население субконтинента оказалось смешанным в этнорасовом отношении, хотя это и сыграло свою немалую роль. Креолы, метисы и мулаты в XIX столетии здесь преобладали, хотя позже вследствие миграции появились республики с преимущественно европеоидным, как в Аргентине, Уругвае, Коста-Рике, либо негроидным, как на островах Вест-Индии, населением.

Причина отставания коренится в том, что изначальный колониальный и долгое время абсолютно здесь господствовавший иберийско-католический импульс не сравним по его преобразовательной мощи с германо-саксонско-протестантским. Шедшие с Запада, из Европы, влияния (к числу западных заимствований следует относить также и идеи и институты, проникавшие из соседних США) стали играть важную роль в появлении и укреплении основ политико-правовых и партийно-парламентарных институтов только что возникших республик сравнительно поздно. Лишь на рубеже XVIII–XIX вв. они стали заметными, причем для отстававшего в развитии населения бывших испано-португальских колоний этого было явно не достаточно.

Дело в том, что для любого важного процесса есть свои исторические сроки, особенно если иметь в виду, о каком этапе процесса идет речь. Республики субконтинента были хорошо знакомы как с собственными, так и с принесенными из Иберии колонизаторами достаточно устойчивыми пережитками традиционной для Испании и Португалии структуры власти-собственности. Но такая же структура была, пусть в более примитивной модификации, и в доколумбовой Америке и тем более у привезенных туда негров, знакомых с первобытно-восточной системой власти. Речь о власти племенных вождей, авторитаризме правителей ранних государств Мезоамерики и о произволе иберийских колонизаторов.

А принципиально иной идейно-институциональный антично-буржуазный фундамент, культивировавшийся в века раннего колониализма, в XVI–XVIII вв., в городах средневековой Европы (менее всего как раз в отстававших в этом отношении Испании и Португалии) был, как и религия протестантов, Латинской Америке не известен. Только-только воспринятый в качестве основы передовыми буржуазными государствами Западной Европы и Северной Амери-

ки, этот фундамент и активно содействовавший его становлению и развитию протестантизм лишь вставляли на ноги и понемногу обретали необходимую устойчивость. Правда, примерно то же самое было в те века и в странах индийской модели, но там власть была у голландских и английских колонизаторов из числа тех самых буржуа, которые в далеко не простых условиях добились как раз в то время утверждения в собственных странах антично-буржуазного идейно-институционального фундамента. И они ускоренным порядком делали все, что было можно, для упрочения такого же крайне необходимого для них фундамента и в своих колониях, где очаги цивилизации существовали уже тысячелетиями.

Словом, индийская модель, на которую стоит ориентироваться в анализе, может считаться в процессе эволюции обществ первобытно-восточного типа в сторону западного заведомо более продвинутой. Поэтому, да и еще имея в виду разность цивилизационных потенциалов в Индии и в доколумбовой Америке, движение их по пути к западному стандарту было неодинаковым. Эта разница бросается в глаза, особенно учитывая, что Индия до середины XX в. оставалась колонией и развивалась под бдительным присмотром заинтересованных в этом колонизаторов, тогда как Латинская Америка деколонизовалась в начале XIX в. И если принять это во внимание, снова возникнет проблема роли колонизаторов в ускорении процесса эволюции отсталых стран вне Запада. Индия, будучи колонией, энергично развивалась по западному пути, хотя и не вся и далеко не во всех штатах одинаково успешно, что ощущается и поныне. Латинская Америка рано добилась свободы и политической независимости, но это не очень-то пошло ей на пользу. Не имея постоянной и сильной поддержки со стороны западных колонистов, огромная часть которых были иберийцами или католиками и оказывались насыщенными феодальными традициями, восходящими все к той же власти-собственности, она, стоит повторить, оказалась лишенной должной идейно-институциональной основы. А без нее свойственная антично-буржуазной структуре вестернизация до рубежа XVIII–XIX вв. себя почти не проявляла, а общество обрело вначале облик смешанного, но еще не смешанно-переходного типа. Это вело к тому, что на протяжении XIX–XX вв. медленно, с длительными реверсиями трансформировавшийся субконтинент находился в состоянии сочетания элементов прежней и новой структуры.

Такая затянувшаяся и вынужденно связанная с объективным течением обстоятельств ситуация объясняет все то, о чем вкратце пой-

дет теперь речь, т.е. замедленность и затянутость процесса перехода к новой структуре, для чего, казалось бы, были открыты ворота. Ситуация эта вела к тому, что трансформация общества восточного типа в западное здесь практически шла очень медленно. Быстрое движение оказалось невозможным, что резко бросается в глаза на фоне ускоренного развития соседних с Латинской Америкой, но населенных преимущественно европейцами-протестантами североамериканских колоний. Там колонисты создали необходимый им для стремительного экономического роста наилучший из всех возможных социополитический идейно-институциональный фундамент. Фундамент, который они успешно сконструировали, используя классическую модель либерально-демократического многопартийного парламентаризма Британии.

Ситуация весьма показательна. Она много лучше, нежели что-либо иное, свидетельствует о многих веками складывавшейся и укреплявшейся, резко возрастающей принципиальной разнице между Западом и Востоком. Главное именно в фундаменте. Он дал старт успехам США. И отсутствие его вполне наглядно свидетельствует, почему развитие латиноамериканских республик, включая те, где долго происходили грандиозные по размаху массовые протестные движения, которые старательно именуют *революциями*, как то было в случае с Мексикой, оставалось крайне замедленным и к быстрым, тем более серьезным результатам не вело. Конечно, стремление громко воспеть серьезные социальные потрясения типа крестьянской войны в Мексике вполне естественно. Но приравнивание их к полноценной и тем более успешной социальной буржуазной революции никак не может считаться обоснованным.

В отличие от впечатляющих достижений североамериканцев, в ходе войны за независимость (тоже не революции!) создавших США, или от подлинно буржуазной революции во Франции мексиканские социальные взрывы со всеми сопровождавшими их пертурбациями к решительному повороту в процессе буржуазного развития не привели. Они, как и движение всего латиноамериканского субконтинента в XIX и XX вв., были лишь формой медленной и постепенной буржуазной эволюции. Это в принципе следует считать нормальным явлением, хорошо известным и родственным тому, что до того имело место в большинстве стран Западной Европы, кроме разве что Нидерландов и Англии, где эта эволюция стартовала раньше.

Проблема в том, что ускоренные темпы становления буржуазно-демократических порядков, которые приходили в Европе на смену

структуре власти-собственности и с которыми латиноамериканские республики не были знакомы, объясняются наличием либо отсутствием необходимых для этого условий. Говоря об условиях, стоит лишний раз подчеркнуть, что имеется в виду отнюдь не только примитивное прошлое, представленное этнокультурными традициями аборигенного индейского населения и влиянием африканских тропиков. Свою роль сыграла специфика иберийско-латиноамериканской модификации католицизма. Не будем забывать и то, что многие республики расположены в районе американских тропиков. И даже учитывая, что эти тропики, тянущиеся узкой полосой, омываются двумя океанами и потому не столь изнурительны для жизни, как африканские, трудно было рассчитывать на то, что развитие будет легким. Вполне естественным и не столь уж трагичным было и отношение внешнего мира к центральноамериканским республикам как к поставщику тропических фруктов. *Банановые республики*, как их вполне официально именовали, довольно долго считались олицетворением примитивного производственного стандарта по крайней мере этой части Нового Света. Впрочем, за бананы, как и за прочие продукты типа кофе, какао, сахара, да и кое-чего еще, платили деньги.

Только в XX столетии ситуация начала изменяться. Приток западных инвестиций и определенные успехи в процессе вестернизации привели к заметному росту промышленности и городского населения, а мировые войны стимулировали индустриальное развитие субконтинента в еще большей степени. Ведь воюющие стороны были заинтересованы в ресурсах, будь то природные полезные ископаемые или элементарные продукты, зерно либо скот, кофе и сахар, да и многое другое, чем латиноамериканские страны оказались богаты. И не приходится удивляться тому, что страны Латинской Америки, хотя не все и тем более не сразу, начали достигать в развитии достаточно высокого уровня. Это, правда, было не очень заметным. Во-первых, потому, что темпы развития оказались не слишком велики, а более или менее заметный эффект достигался не очень быстро. А во-вторых, из-за того, что политические институты, призванные сопутствовать им и в свою очередь опиравшиеся на, как правило, весьма противоречивые тенденции, сумма которых часто гасила необходимые сдвиги в не очень радикальными темпами менявшемся идейно-институциональном фундаменте, запаздывали, решительно не поспевая за экономическим ростом и тем препятствуя ему.

Среди этих тенденций, опирающихся на соответствующие прочно укоренившиеся и уходящие в глубь веков общинные традиции, как

и на сформировавшиеся на этой основе институты, не говоря уже о ментальности отстававшего в развитии в основном деревенского населения, следует особо выделить некоторые. Такие, как патронажно-клиентные и клановые связи, очень привычный для отсталых общностей патернализм и особенно культ сильного лидера или, как его здесь принято именовать, *каудильо*. И хотя мощное влияние католицизма за многие века колониальной зависимости и независимого существования стран региона привело к ослаблению наиболее архаичных из упомянутых традиций, они, тем не менее, в середине XX в. оставались еще живы. Более того, и сегодня остаются достаточно активными, что всегда стоит принимать во внимание.

Учитывая сказанное, обратимся теперь к реалиям Латинской Америки в послевоенные десятилетия. Они, если говорить в самом общем плане, сводятся к тому, что в этот период истории субконтинента только некоторые, наиболее крупные и, главное, самые развитые из числа государств региона понемногу начинали приближаться к стандартам буржуазного Запада, разумеется, с сохранением неповторимой цивилизационной специфики. Остальные по разным причинам эволюционировали намного медленнее. Вот почему, хотя в целом есть немало оснований говорить об общей для всей Латинской Америки модели развития, в рамках этой общего стандарта достаточно отчетливо вычленяются разные подварианты, своего рода субмодели, региональные модификации. Они видны невооруженным глазом и выделяются как по объективным параметрам, так и по их традиционному месту в общелатиноамериканском, если так можно выразиться, разделении труда. Обратимся к характеристике разных групп стран субконтинента.

ГРУППА НАИБОЛЕЕ РАЗВИТЫХ РЕСПУБЛИК

Первая и наиболее продвинутая группа республик, она же первая субмодель, проявила себя довольно рано, и, хотя включенные в нее страны оцениваются по некоторой не очень четкой и точной сумме различных параметров, значимость соответствующих стран в общем не оспаривается. Это Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили и Уругвай. Страны разные во многих отношениях, но в сумме по территории, населению и уровню развития экономики представляют собой львиную долю субконтинента. Все они, кроме Мексики, находящейся к северу от экватора, расположены сравнительно компактно в

южной его части, вдалеке от экватора. Это важное геоклиматическое преимущество нельзя не оценить должным образом. И уже одно оно заставляет отнестись к субмодели с наибольшим вниманием.

Начать же стоит с того, что именно эти страны — что, видимо, следует считать вполне логичным и как бы само собой разумеющимся — являли собой на общем весьма неустойчивом фоне относительно несколько более прочные, временами и стабильные конституционные режимы. Эти режимы и являются достаточно убедительным свидетельством движения республик в сторону формирования общества западного типа, характеризуемого стремлением к соблюдению необходимых прав и свобод и некоторой степенью уважения к нормам буржуазной демократии со свойственной ей многопартийно-парламентарной избирательной системой. Впрочем, во всем том, что касается партийной борьбы и авторитарно-диктаторских замашек диктаторов и харизматических лидеров, да и вообще системы реальной власти, ситуация в странах, о которых идет речь, была неустойчивой. Это и не удивительно, если учесть, что в интересующее нас время Латинская Америка в целом была еще достаточно далека от строгих норм буржуазной либеральной демократии. В частности случались там, причем довольно часто, и перевороты.

И все-таки на общем фоне, стоит повторить, страны этой группы выделялись в лучшую сторону. Они охотно привлекали иностранные инвестиции, а капиталы извне, в первую очередь из США, столь же охотно притекали в них, ибо конституционные гарантии здесь в немалой степени способствовали благоприятному инвестиционному климату. Однако это не исключало того, что в Бразилии, Мексике и Аргентине в 30–50-х гг. XX в. время от времени осуществлялась национализация отдельных отраслей экономики и соответственно увеличивалась роль государственного сектора. Вне зависимости от этого во всех странах, что было особенно заметно в аграрной Мексике, росло число городов, возрастало количество горожан. Все это следует считать нормальными показателями ускоряющейся буржуазной эволюции, протекавшей в форме достаточно активной индустриально-инфраструктурной вестернизации. Первые послевоенные годы (конец 40-х), отмеченные во всем мире серьезным усилением прокоммунистических настроений, отразились и на этом субконтиненте, где в условиях привычной социополитической нестабильности для левацких радикалов открывались манящие возможности. Но это длилось недолго, так как реалии холодной войны взяли свое. Был взят курс на политическую сдержанность и перенос

центра тяжести усилий на экономические проблемы и, в частности, на необходимые реформы и создание основ индустрии. Это было нормой и для тех развитых республик, о которых теперь идет речь. Часть их, Бразилия и Чили, в 1947 г. даже порвали дипломатические отношения с СССР.

Бразилия по всем параметрам справедливо считается важнейшей из этой группы. Здесь в условиях мирового кризиса после поражения на выборах в марте 1930 г. не признавший поражения воинственный Либеральный альянс во главе с Ж. Варгасом, прибегнув к помощи армии, захватил власть в стране. Но, встретив в 1932 г. вооруженный отпор со стороны поверженной оппозиции, он сумел найти с ней компромисс и на выборах 1934 г. в условиях вступившей в силу новой конституции стал президентом. С этого начался энергичный курс на индустриальное развитие Бразилии. Укрепив позиции власти методами корпоративной социальной политики, явно заимствованной у Муссолини, и жестко подавив недовольство правых и левых, для чего ему пришлось отменить конституцию 1934 года, Варгас за несколько лет, большая часть которых пришлось на благодатные для страны военные годы, сумел добиться многого. Но под вполне резонным предлогом восстановления демократии очередной военный переворот отстранил его в 1945 г. от власти.

Однако на выборах 1950 г. он, возглавив созданную им рабочую партию, одержал победу и приступил к политике форсированного индустриального строительства, уделив внимание росту государственного сектора экономики с попутной национализацией некоторых отраслей промышленности. Успехи его политики были вне сомнений, но военные вновь были недовольны. Назревал очередной заговор, и, не желая отступать, президент осенью 1954 г. застрелился. Взрыв негодования, прокатившийся по стране, привел в 1956 г. к власти президента Ж. Кубичека, а в 1960 г. Ж. Куадруса, причем оба они не столько были заняты проблемами экономики, сколько громко восхищались кубинскими авантюрами Ф. Кастро, явно склоняясь к тому, чтобы как-то последовать этому примеру. Однако все получилось иначе. Сменивший Куадруса Ж. Гуларт в 1964 г. был свергнут военными, а к власти пришел генерал У. Бранко, которого, впрочем, скоро сменили другие военные.

Как то ни покажется необычным, но именно теперь и как раз в подготовленной к резкому скачку вперед Бразилии длительный период правления разных генералов оказался чем-то буквально ошеломительным. Занявшись явно не своим делом (стоит в этой связи

вспомнить и чилийского А. Пиночета, о котором еще пойдет речь), военные оказались наилучшими руководителями бурно экономически развивающейся страны. Достаточно жесткий режим на некоторое время погасил восторги по поводу кубинских *достижений*, да и генералы резко выступили против коммунистических упований. Потеснив левых, они изменили конституцию, оставив на политической арене страны две партии, проправительственную АРЕНА и оппозиционную БДД, сохранив парламентаризм как систему. Главное же в том, что за годы их правления (1964–1985) Бразилия стала демонстрировать экономические чудеса под стать хорошо известным западноевропейским и юговосточноазиатским. За первое десятилетие их власти рост ВВП увеличился до 10–11% в год, а промышленный рост до 15%. Это был триумф.

Триумф позволил ослабить вожжи. Генерал Э. Гайзела (1974–1979) начал проводить курс на либерализацию режима, генерал Ж. Фигейредо (1979–1985) продолжил его. Реформы проводились сверху и заняли несколько лет. Была объявлена амнистия, упразднены прежние партии и созданы условия для возникновения новых. Выборы 1982 и 1984–1985 гг. привели к власти новый конгресс и нового президента Ж. Сарнея, годы правления которого (1985–1990) полностью восстановили конституционно-демократическую структуру и соответствующий ей тип организации администрации, включая соблюдение всех основных буржуазно-либеральных прав, свобод и процедур.

В Аргентине, где в середине 30-х гг. у власти на короткий срок оказалась коалиция левых, правящая Национально-демократическая партия в 1938 г. пошла на уступки демократии. В 1943 г., в преддверии новых президентских выборов, левые попытались создать новую коалицию, Демократический альянс. Однако их опередили военные, совершившие в июле того же года государственный переворот, а главной фигурой нового правительства стал Х. Перон, провозгласивший целью создать справедливое (*хустициалистское*) государство, что привлекло к нему внимание народа. И когда осенью 1945 г. некоторые противники Перона из числа военных попытались было его арестовать, толпа не только отбила своего новоявленного кумира, но и охотно восприняла его корпоративистские идеи, острие которых было направлено против коммунизма, империализма США и за национальное возрождение страны.

Однако международная обстановка и всеобщий подъем в мире движения в пользу либеральной демократии вынудили перонистов

сильно смягчить их антиамериканские позиции, что привело к некоторой либерализации режима в целом. Политические партии получили полную свободу действий, а на выборах 1946 г. Перон набрал большинство голосов и стал президентом (1946–1955), сделав ставку на национализацию промышленности и резкое укрепление государственного сектора в экономике. В стране были созданы по корпоративно-фашистской модели государственные профсоюзы, возникла единая женская организация во главе с Евой Перон. В 1947 г. обычная в таких режимах партия *нового типа* завершила авторитарную систему власти, официально оформленную в конституции 1949 г., которая формально декларировала права и свободы, но в реальности предоставляла президенту возможность все это по своему усмотрению отменять.

Естественно, что авторитарно-популистские новации не только вызывали протесты с разных сторон, но и отнюдь не способствовали экономическому росту и не отвечали интересам национальной буржуазии. Неудивительно и то, что военный переворот 1955 г. с легкостью сбросил Перона, бежавшего в Парагвай. Около тридцати лет после изгнания Перона Аргентиной — как то было в те же годы и с Бразилией — управляли генералы. Но их успехи в развитии экономики оказались здесь много более скромными. Считается, что, поскольку перонизм более соответствовал склонности аргентинского населения к патернализму, нежели то было в случае с взаимоотношениями бразильского президента Варгаса с бразильцами, а может быть, и вследствие меньших способностей пришедших к власти аргентинских генералов (не исключено, что свое действие оказывали и иные серьезные факторы), к экономическому росту и к успехам в экономике в Аргентине их правление не привело.

Скорей напротив, годы их господства сопровождались непрерывными выражениями народного недовольства и спорадическим оживлением симпатий к перонизму. Не исключено, что свою немаловажную роль играло и то, что бежавший из страны Перон оставался жив и умело руководил своими сторонниками из-за рубежа, что придавало его политике некоторую дополнительную силу. Как и их бразильские коллеги, аргентинские военные не вели дело к жесткому авторитаризму. Уже в 1957 г. они перешли к конституционному правлению, правда, отказав в допущении к выборам перонистам. Новый президент А. Фрондиси (1958–1962) казался явным левым, хотя левизна его, насколько можно понять, более всего проявлялась в неистребимом желании выступать против роста иностранных ин-

вестиций — феномен, с которым приходится сталкиваться почему-то именно в латиноамериканских странах. В годы его правления конституционные гарантии и привычные буржуазно-демократические нормы были, однако, в чести, а жизнь заставила его все-таки прибегнуть к столь нелюбимой им политике привлечения иностранного капитала и тем более современных зарубежных технологий. Это, похоже, пошло на пользу стране, хотя и вызвало протесты со стороны оживившихся перонистских профсоюзов, которые были поддержаны коммунистами. Собственно, именно размах протеста левых и вынудил военных вновь вмешаться.

На организованных ими выборах победил очередной радикал А. Илия (1963–1966), который тоже стал рьяно бороться с иностранным капиталом, что вызвало нежелательные экономические последствия (рост цен, инфляция и, как следствие, недовольство и массовые забастовки). В это время Перон попытался вернуться, но его самолет отправили обратно в Мадрид. Военные вынуждены были сместить президента, установив на сей раз диктатуру генерала Х. Онгания (1966–1970), который уже не заигрывал с очередными левацкими претендентами на власть в рамках конституционных стандартов. Зато его министр экономической политики К. Васена сумел, наконец, кое-чего добиться в самом главном, в обеспечении экономического роста страны. Денационализовав едва дышавшую промышленность и существенно потеснив перонистско-коммунистические профсоюзы, он сдвинул, наконец, процесс вестернизации страны с мертвой точки. Однако благоприятное для этого время было безвозвратно упущено. Недовольство в стране нарастало. Потерявшие покой военные начали менять на посту президента одного генерала за другим, пока на очередных выборах 1973 г. не пришел к власти один из перонистов (самому Перону баллотироваться не разрешили). Сразу же в страну с триумфом вернулся Перон, который на проведенных тут же перевыборах вновь стал президентом.

Снова был взят курс на рост государственного сектора в экономике, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы престарелый президент не умер летом 1974 года. Пост президента заняла было его вдова М. Мартинес. Но эта женщина не сумела управлять государством. К власти вновь приходили военные, то правые, то левые. Как то хорошо известно, именно в эти годы в ряде стран Латинской Америки стали широко применяться рекомендации экономистов из числа представителей чикагской школы основателя теории монетаризма М. Фридмана. Он призывал резко ослабить вмешательство государ-

ства в экономику, активно привлекать иностранные инвестиции и передовую зарубежную технологию и, что существенно для Латинской Америки, поощрять деятельность конкурентоспособного местного частного капитала и вообще свободного рынка.

Эти разумные методы сыграли определенную роль в восстановлении разрушенной левацкими экспериментами экономики Аргентины, что в свою очередь способствовало успокоению страны и началу перехода ее к системе нормального конституционного управления. Правда, авантюра в 1982 г. с попыткой оккупировать принадлежавшие Англии Фолклендские острова, призванная показать возросшую мощь государства, провалилась. Но это не повредило процессу успокоения страны. Напротив, подстегнуло его. На выборах 1983 г. кандидат перонистов, отражавший провалившуюся политику левацко-популистского толка, потерпел поражение, а к власти пришел А. Альфонсин (1983–1989) с его установкой на оздоровление экономики за счет продажи неэффективных предприятий государственного сектора. Впрочем, выправить положение дел было трудно. Альфонсин, не сумев довести дело до успешного конца, на выборах уступил место перонисту К. Менему. Став президентом, Менем (1989–1999) довольно решительно отказался следовать перонистскому курсу.

Проведенная им энергичная приватизация привела к достаточно быстрому оздоровлению экономики страны и к резкому экономическому росту в начале 90-х гг. (6–10% в год). Казалось, основные сложности преодолены. Однако эти успехи были временными и — в чем Аргентина коренным образом оказалась отлична от Бразилии — к устойчивому процветанию страну не привели. Важную роль в этом сыграли как пришедший на смену Менему левый радикал Ф. де ла Руа, так и не ушедшие с политической сцены перонисты с их ставкой на левацко-популистские методы управления.

Сопоставляя ситуацию в двух очень значительных латиноамериканских государствах, вначале в основном друг от друга не слишком отличавшихся, можно заключить, что разница при сравнении этих стран южной части Латинской Америки весьма очевидна и говорит сама за себя. Это хорошо заметно при взгляде на ход их развития в послевоенные десятилетия, но еще лучше видно, если принять во внимание события последующих десятилетий. Именно в эти годы сравнительно недавно еще весьма развитая и чуть ли не процветающая республика Аргентина скатилась, благодаря в основном перонистам с их левацкой недостаточно продуманной экономической политикой, на более чем средний уровень даже по латиноамериканским меркам.

Мексика — третья огромная страна Латинской Америки. Число мексиканцев давно уже перевалило за 100 миллионов и, хотя не сопоставимо с количеством бразильцев, уже почти втрое превышает число аргентинцев. Но спецификой Мексики остаются большое количество сельского населения и связанная с этим огромная роль аграрных преобразований, энергично стартовавших еще со времен тех массовых крестьянских движений начала XX столетия, которые принято именовать мексиканской революцией. Реформы были долгими, осуществлялись, естественно, централизованно и сопровождались заметным увеличением роли государственного сектора и вмешательством государства в экономику страны.

Впрочем, если быть точным, активного вмешательства как такового почти не было. Просто в процессе аграрных преобразований — а это на протяжении многих десятилетий было главным — функции землевладельцев заметно уменьшались, плавно перетекая в обязанности государства. Что касается промышленности, то здесь шел позитивный и интенсивный процесс роста, сопровождавшегося увеличением числа городов и численности городского населения. Важно добавить к этому, что устойчивый конституционный режим с завидной внутривнутриполитической стабильностью способствовал развитию страны, включая взятый курс на индустриализацию, который сопровождался активным привлечением иностранного капитала. При этом правящая партия, институционно-революционная (ИРП), практически не выпускала руль правления страной, что придавало политической жизни Мексики зримый и весьма весомый оттенок авторитаризма.

В 60–70-х гг. результаты преобразований сказывались все более ощутимо. Становилась на ноги обеспеченная землей мексиканская деревня. Трудно пока еще было бы называть ее фермерской, но дело шло именно в этом направлении, косвенным свидетельством чего становилось все более заметное увеличение товарного экспорта сельскохозяйственной продукции.

Несмотря на упорное стремление укреплять государственный сектор экономики, росли и иностранные инвестиции, поднимался на ноги местный, частный капитал, а экономический рост поражал устойчивостью, достигая в 60-е гг. высоких показателей (рост ВВП равнялся 7% в год). О склонности к корпоративизму применительно к Мексике обычно не упоминают. Однако нечто в этом роде, начиная с бессменной правящей партии и находившихся под строгим ее влиянием общественных организаций и кончая определенной соци-

альной политикой, призванной гасить недовольство, здесь было совершенно очевидным и, что существенно, приносило свои плоды.

Этим Мексика, как и Бразилия, умело пользовалась, что отличало ее и Бразилию от перонистской Аргентины, где некоторые позитивные элементы корпоративизма сталкивались с анархо-радикальными тенденциями, время от времени перекрывавшимися жестким, хотя и не эффективным правлением военных. Соответственно и многие достижения Мексики оказывались более близки к бразильским, нежели к аргентинским. Президент Л. Эчеверрия (1970–1976), попытавшийся было увеличить объем государственного сектора экономики, столкнулся с сопротивлением с стороны как иностранного, так и местного капитала, что привело к финансовому кризису и замедлению темпов роста. Его преемник Х. Лопес Портильо (1976–1982), напротив, способствовал привлечению местного и иностранного капитала и вел дело к сокращению государственных расходов. При нем были узаконены права оппозиционных партий, а открытие новых богатых запасов нефти послужило залогом грядущего экономического процветания страны.

Правда, падение цен на нефть спутало все карты и привело Мексику к очередному финансовому кризису. Но в годы правления М. де ля Мадрида (1982–1988) ориентация экономической политики на поддержку частного капитала и приватизацию неэффективных предприятий государственного сектора привела к некоторому, еще не очень устойчивому подъему экономики. Одновременно назревал кризис однопартийной системы и всего, с этим связанного. Политическая реформа 1986 г. установила систему пропорционального представительства, что в конечном счете обеспечило рождение подлинной буржуазно-демократической парламентарно-многопартийной системы с открытой рыночно-частнособственнической экономикой.

Чили с 30-х гг. отличалась заметной склонностью к левым идеям. Одно время страна была даже провозглашена *социалистической республикой* с тенденцией к национализации экономики. И хотя просуществовал социализм в июне 1932 г. менее двух недель, само по себе это уникальное в своем роде событие любопытно. В частности, оно вполне созвучно типичному для всей Латинской Америки стремлению к огосударствлению экономики за счет умаления роли местного и тем более иностранного капитала в развитии народного хозяйства. После очередных выборов новый президент П. Агирре Серда создал правительство народного фронта (1938–1941) с явным оттенком принципа корпоративизма, необычайно широко распространившегося в то вре-

мя на всем субконтиненте. И хотя внутренние противоречия между партиями фронта привели в 1941 г. к его распаду, в 1946 г., когда была одержана победа над фашизмом, к власти опять пришли радикалы, включая и компартию, которая была устранена лишь в апреле 1947 г., когда холодная война достаточно давно уже была фактом.

С 50-х гг. наметилось серьезное сотрудничество Чили с США, чей капитал в немалой мере содействовал экономическому росту страны. Укреплялись и позиции национального капитала. Экономический рост продолжался и в 60-х, причем количество горожан достигло примерно 70% населения страны. Большой вклад в экономические достижения Чили внес президент Х. Алессандри (1958–1964), чья политика широко открыла двери для иностранных инвестиций и кто принял закон об аграрной реформе. В итоге темпы экономического роста возросли. На выборах 1964 г. победу одержал лидер новой христианско-демократической партии (ХДП) Э. Фрей (1964–1970). Главным его успехом стала широкомасштабная аграрная реформа 1967 года. Большое значение в глазах чилийцев имел выкуп 51% акций меднорудных компаний, до того принадлежавших США, что потребовало от страны немалых средств. Много средств уходило и на закупку новой технологии.

Экономическое напряжение ощущалось в стране все сильнее, что и помогло на выборах 1970 г. приходу к власти С. Альенде, социалиста и кандидата от блока «Народное единство» с его явственной склонностью к реформам в марксистско-коммунистическом духе. Политика президента Альенде превзошла все достаточно мрачные ожидания. Были полностью национализированы медная, а вместе с ней и некоторые другие отрасли промышленности, финансово-банковская система, внешняя торговля. На частных предприятиях право контроля получили группы рабочих. А аграрная реформа обрела типично коммунистический характер: экспроприированные (не выкупленные!) земли, около трети земельного фонда страны, были переданы сельским труженикам с тем, чтобы создать производственные кооперативы. Затем начались захваты мелких и средних предприятий, жилых зданий. Ситуация вполне ясна. И нет ничего удивительного в том, что политика Альенде и всего его блока стала вызывать в стране недовольство, постепенно нараставшее, особенно после того, как против сомнительного эксперимента высказалась влиятельная ХДП, партия экс-президента Э. Фрея.

«Правительство Альенде, — как писал один из специалистов по истории Латинской Америки, — все более утрачивало возможность

влиять на ход событий»¹. Дальнейшее абсолютно ясно. Армия во главе с А. Пиночетом в сентябре 1973 г. совершила государственный переворот. Президентский дворец был осажден и захвачен, а Альенде погиб в бою. Что же касается всего последующего, то, как известно, несколько лет ушло у Пиночета на то, чтобы с помощью экономистов чикагской группы упоминавшегося уже экономиста Фридмана весьма успешно ликвидировать все деструктивные последствия марксистско-социалистического эксперимента. Потребовалось всего несколько лет, чтобы умело взявшиеся за дело специалисты сумели в Чили, в отличие от неудач перонистов в Аргентине, не только возродить промышленный потенциал страны, но и дать мощный старт для ее быстрого и впечатляющего развития.

С начала и особенно в середине 80-х гг. изуродованную экспериментом страну было уже не узнать. Она преобразилась. Среднегодовые и устойчивые темпы роста страны колебались между 6 и 8 процентами. Но Пиночет, обеспечивший это экономическое чудо, оказался в своей стране, как хорошо известно, не в чести. Нет слов, он навязал процветание Чили силой, даже приостановив на время действие демократической конституции и прибегнув к репрессиям, затронувшим тысячи (не миллионы!) человек. Но зато теперь все чилийцы давно уже пользуются плодами процветания, которого без Пиночета страна достигнуть не могла. На мой взгляд — редкий пример столь вопиющей неблагодарности населения.

Уругвай — страна с наименьшей территорией и населением из числа тех, что в середине и во второй половине XX в. считались сравнительно более развитыми на субконтиненте. Она с ее преимущественно европейским населением отличалась хорошо налаженным сельским хозяйством с уклоном в производство товарного мяса и мясопродуктов. Социополитический ее стандарт близок к буржуазно-демократическому с развитой рыночно-частнособственнической экономикой. Реформы проводились в основном в аграрной сфере и ставили целью создать благоприятные условия для функционирования товарных фермерских хозяйств. Росла в стране и промышленность, а численность городского населения к 1970 г. достигла почти трех четвертей, что никак не исключало того, что и уругвайский город был в значительной степени ориентирован на содействие процветанию скотоводства, этой главной отрасли народного хозяйства.

¹ *Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке. М., 2008. С. 258.*

Военные перевороты были в этой республике явлением необычным, исключительным. Переворот 1973 г. был вызван стремлением левых к изменению конституции и чуть ли не борьбой за *революционный переход к социализму*. Вообще-то это кажется несколько странным и непонятным, если принять во внимание, что уровень жизни в буржуазно-демократическом вроде бы Уругвае всегда был стабильно высоким. Но чего только не бывает. Военные подавили мятеж и на доброе десятилетие взяли власть в свои руки. С 1984 г. конституционное правление в стране вновь стало нормой. Уругвай делал в послевоенные десятилетия едва ли не наиболее бесспорные и заметные успехи на пути превращения в общество западного типа.

ГРУППА СТРАН СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ

В отличие от первой, ко второй, средней по уровню развития, группе стран латиноамериканского пути развития относится довольно много государств субконтинента. Это очень разные республики, а различие между ними много глубже, нежели между странами первой группы. Но есть и сходство. Оно в том, что по уровню развития все они существенно уступают не только Бразилии, Уругваю или Чили, но и богатой нефтью и потому успешно развивающейся Мексике с ее все еще весьма значительным и сравнительно отсталым сельским населением. Больше того, они, похоже, — во всяком случае, в большинстве — уступают и весьма экстравагантной, но явно застывшей в развитии, если не деградирующей благодаря обанкротившемуся перонизму Аргентине. Уступают же страны второй группы, впрочем, тоже очень по-разному, каждая по-своему. Однако некий многофакторный учет, продельваемый специалистами более интуитивно, нежели с убедительными фактами в руках, дает все же основания для вычленения из всех остальных латиноамериканских стран группы со средним уровнем развития. В основном это страны, которые расположены на территориях, достаточно близких к экватору, но в то же время подчас и высокогорных, что позитивно сказывается на климате.

Колумбия — одна из наиболее необычных стран даже на фоне пестроты латиноамериканского субконтинента. Названная в честь первооткрывателя континента, эта республика с ее преобладающим метисным населением довольно щедро одарена природными ре-

сурсами и вполне пригодна для интенсивного сельского хозяйства. В прошлом главным в ее экономике было выращивание кофе, бананов и сахарного тростника, что всегда гарантировало уверенный сбыт на мировых рынках и неплохой доход. Однако события повернулись таким образом, что едва ли не главным занятием населения стали и давно уже определяют многое в стране выращивание коки и конопли и нелегальное производство кокаина и марихуаны.

Конституционные нормы в Колумбии часто прерывались гражданскими войнами, а государство энергично пыталось заботиться о передаче земли крестьянам, но в итоге, особенно с начала 60-х гг., несмотря на попытки власти наладить широкое использование природных ресурсов, в частности, сделать упор на добычу нефти, ситуация в стране стала складываться весьма причудливым образом. Доходы от нефти и вообще промышленное развитие и некоторый рост городского населения стали замещаться и перекрываться экономическими интересами и воинственными акциями мощных мафиозных клик наркоторговцев. Показательно, что социальной опорой наркоторговцев являются, как то имеет место и в современном Афганистане, обычные крестьяне, которые выращивают по заказу наркоторговцев и их агентов сырье для наркотиков. Но есть и разница.

Если на исламском Востоке идеологической скрепой выступает религия, то в Колумбии ту же роль играет экстремизм марксистского толка. Начиная с 60-х гг. здесь существуют несколько организованных хорошо вооруженных полубандитско-полукоммунистических групп партизанского типа. Они формально связаны с разными идейными организациями, будь то просто коммунисты, маоисты, че-геваристы и даже ходжаисты (от имени албанского Э. Ходжи), и каждое из упомянутых направлений, предлагая свою интерпретацию, в конечном счете твердо стоит на левацко-марксистских позициях, будучи в то же время бандами, оплачиваемыми наркобаронами.

Вооруженных экстремистов в стране оказалось много, слишком много. И они практически неуязвимы. Поэтому неудивительно, что официальная власть и ее армейские части с партизанами не справляются. Характерно, что, хотя параллельно с бандитской периферией в остальной части Колумбии, особенно в ее промышленно развитых городах, жизнь идет своим чередом и как бы не соприкасается с мятежной деревней наркоторговцев, на деле напряженная ситуация накладывает свой тяжелый отпечаток на всю страну. В ходе избирательных кампаний это выражается в убийстве неугодных кандидатов в президенты, как то случилось в 1990 г. И властям приходится счи-

таться с этим, как, впрочем, и с тем, что партизаны время от времени совершают вполне успешные вооруженные налеты на города.

Венесуэла — ближайший восточный сосед Колумбии. В годы диктатуры Х. Гомеса (1900–1935) она сумела достичь немалых успехов в привлечении иностранных инвестиций, что заложило неплохие условия для энергичной нефтедобычи. Нефть стала основой экономического развития и социальных преобразований в этой стране. Однако настойчивое стремление диктатора национализировать добывающие промыслы и все отрасли промышленности, связанные с переработкой нефти, вначале к большим успехам не привело. Зато конституция 1936 г. с ее явными либерально-демократическими нормами сыграла немалую роль в позитивном развитии страны. В 1948 г. очередной военный переворот приостановил конституционный режим. После этого перевороты, выборы и новые перевороты сменяли друг друга, пока не была принята еще одна конституция. Новая конституция 1959 г. привела к власти президента от партии «Демократическое действие» (ДД) Р. Бетанкура (1959–1964).

Правительство Бетанкура в 1960 г. провело аграрную реформу, причем на достаточно льготных для крестьян условиях, что не помешало компартии страны с помощью Кубы поднять в стране восстание, вскоре, впрочем, подавленное. Бетанкура на посту президента сменил Р. Леони (1964–1968), а заменивший его руководитель социал-христианской партии Р. Кальдера (1968–1974) амнистировал коммунистов и принял закон о национализации нефтяных концессий. Президент от партии ДД К. Перес (1974–1979) в очередной раз национализировал нефтяную промышленность страны, что позволило резко увеличить и частично модернизировать весь сильно возросший государственный сектор экономики. Доходы от нефти при колоссальном росте цен на нее помогли повысить уровень жизни в стране. Однако резкое падение цен на нефть в последующие годы побудило президента Л. Кампинса (1979–1984) сделать акцент в сторону более конкурентоспособного и экономически эффективного частного капитала.

Второе президентство Переса (1989–1993) столкнулось с серьезными экономическими трудностями, связанными не столько с падением цен на нефть, сколько со ставшимся неэффективным государственным сектором экономики. Был взят курс на приватизацию, что привело к некоторым успехам (наметился рост ВВП до 7–9%), хотя и несколько снизило уровень жизни и соответственно вызвало недовольство населения. Этим воспользовались военные, подняв-

шие мятеж. Мятежники во главе с подполковником У. Чавесом были усмирены и посажены под арест. Но ситуация в стране оставалась напряженной. Дело кончилось отставкой президента, а к власти снова пришел Кальдера, на сей раз открывший дорогу иностранному капиталу, в том числе и в нефтяную промышленность. К сожалению, эти разумные шаги к успеху не привели. На достижение реального результата просто не хватило времени. Возбужденная страна требовала радикальных перемен, и тут как нельзя лучше подошел человек с явно левацко-популистским уклоном. Это был давно уже вышедший из тюрьмы и успевший создать свою партию Чавес.

Эквадор расположен на восточном побережье субконтинента к юго-западу от Колумбии. Это небольшое и малонаселенное государство с президентом, парламентом, конституцией и разными партиями. Эквадор — традиционный производитель и экспортер бананов, бобов какао и кофе, но в то же время и обладатель немалого количества природных ресурсов, в основном нефти и цветных металлов. Политические перевороты, смена господства левацких партий военными режимами были характерны и для этой в прошлом почти исключительно *банановой* республики. Однако 30–70-е гг. XX столетия были в стране спокойными. Некоторые считают это заслугой президента В. Ибарра (1968–1972) с его умеренной политикой и стремлением удовлетворить потребности большинства народа. Вплоть до рубежа XX–XXI вв. серьезных политических событий в этой республике не происходило.

Перу — много более крупная республика, древняя столица государства инков. Расположенная преимущественно в предгорьях западного побережья южной части Америки, к югу от Колумбии и Эквадора, она являет собой ценную кладовую природных ресурсов, откуда еще первые испанские конкистадоры в огромных количествах вывозили золото и серебро. В наши дни богатством страны являются рыба и шесть домашних животных, хлопок, кофе и сахар. Есть в Перу нефть и цветные металлы. Как и в большинстве остальных республик, здесь давно уже существует конституционный строй с основными буржуазно-демократическими правами и свободами, партиями и парламентом. Но это никак не мешает тому, что, как и везде на этом субконтиненте, периоды конституционной власти с легкостью сменяются годами диктатуры.

Первый послевоенный 1945 год был здесь ознаменован выбором в президенты кандидата от демократов, а затем военным переворотом. Через несколько лет выборы выиграл М. Прадо (1956–1962),

которого сменил Белаунде Терри (1963–1968). Оба президента стремились провести реформы, но левацки настроенные военные препятствовали этому. Они и совершили в 1968 г. переворот, в результате чего власть перешла к офицерам, которые пытались повторить в Перу кубинско-никарагуанский социалистический эксперимент. Попытка подобного рода преобразований марксистского типа провалилась довольно быстро. Как только выяснилось, что казна пуста, а национализированные предприятия работают крайне неэффективно, те же реформаторы начали крутить колесо реформ в обратную сторону. А к власти в 1980 г. вновь пришел Б. Терри. Он делал, что мог, дабы выправить положение и предоставить богатой ресурсами стране возможность успешно развиваться. Но коммунисты развернули по колумбийскому стандарту мощное партизанское движение, опирающееся на выращивание наркотиков и на естественное содействие со стороны баронов наркобизнеса, снабжающих восставших оружием. С каждым годом ситуация в Перу ухудшалась, пока президентом в 1990 г. не был избран А. Фухимори, который сумел подавить движение левацких повстанцев, принять новую конституцию и решительно провести процесс приватизации. Успехи были поразительны. Но Фухимори не дали довести дело до конца. После его вынужденного ухода экономика Перу вновь покатила под гору.

Боливия, зажата между Перу, Бразилией, Парагваем, Аргентиной и Чили и к тому же лишенная выхода к океану, с ее огромными запасами олова могла бы достаточно быстро стать страной с процветающей экономикой. Однако левацко-коммунистическое восстание 1952 г. (его подчас именуют *болливийской революцией*) привело к национализации оловодобывающей промышленности, что лишило страну содействия со стороны иностранного капитала в важной сфере технико-технологического усовершенствования добычи и обработки олова. И хотя аграрная реформа была проведена успешно, безвозмездная экспроприация земли сыграла негативную роль, ибо сразу же прекратился приток необходимого оборудования в сельское хозяйство с его дробными маломощными крестьянскими участками. В итоге *революция* убедительно показала, что методами экспроприации скорее потеряешь, чем приобретешь.

Военный переворот 1964 г. положил конец столь разочаровывающим экспериментам. А урок, преподанный леваками боливийцам, оказался настолько поучителен, что, когда спустя пару лет кубинец Че Гевара попытался было прибыть в Боливию с тем, чтобы продолжить там нечто в том же духе, его небольшая группа оказалась нико-

му не нужной и скоро нашла свой печальный конец. В последующем власть в стране переходила от одних военных к другим, что не обещало ей ничего хорошего (Пиночеты встречаются не везде и не так уж часто).

Парагвай с его крайне тяжелой судьбой — последняя из республик субконтинента, расположенная вне экваториальной зоны. Страна эта небольшая и отсталая. Военные перевороты здесь, как и в ряде других латиноамериканских стран, были привычной нормой. Иногда, как после неудачной войны с Боливией в 1928–1938 гг. из-за нефтеносного района Чако, перевороты бывали левацкими, но чаще прямо противоположными. Наиболее заметным из этих последних был тот, что привел к диктатуре генерала А. Стресснера (1954–1989). Жесткий режим террора и репрессий, установленный этим диктатором, вначале выделялся даже на привычном для всего региона фоне. Партия со всеми притянутыми к ней организациями легла в основу авторитарно-корпоративной системы, прочность которой оказалась чрезвычайной. Однако важно обратить внимание и на еще одну важную составляющую этой прочности.

Если учесть, что мы имеем дело с очень небольшой страной, к тому же достаточно отсталой, то не приходится сомневаться в той роли, которую играл в Парагвае иностранный капитал. А этот капитал способствовал развитию страны и, как считается, вел дело к некоторому смягчению авторитарной власти диктатора. Это находило отражение в том, что уже с начала 60-х гг. было допущено создание оппозиционных партий, а в 1967 г. принята новая конституция. В начале 70-х начали увеличиваться темпы экономического роста (рост ВВП постепенно повышался до 6, а затем до 10% в год). Стресснер активно поддержал реформы Пиночета в Чили, однако внутренняя ситуация в стране в 70–80-х гг., мятежи и прокоммунистические партизаны, чья активность отражала недовольство долго управлявшим правителем, вели к развязке. В результате переворота 1989 г. Стресснер эмигрировал в Бразилию, а в Парагвае с начала 90-х стали производиться демократические реформы.

Коста-Рика сумела в 40-х гг. обуздать натиск левых, после чего она несколько десятилетий просуществовала в условиях весьма стабильного конституционного режима. Если принять во внимание, что в этой очень небольшой стране с маленьким населением вовсе нет своей армии (случай не только в Америке, но и вообще исключительный), то сразу же станет ясным, насколько она выбивается из общего ряда. Это небольшое государство с преобладающим европей-

ским населением, в недавнем прошлом пережившее и гражданскую войну, в последнее время и особенно в результате усилий президента С. Ариаса (1986–1990), удостоенного Нобелевской премии мира за его активную деятельность по предотвращению гражданских войн на субконтиненте, стало достаточно развитой, зажиточной и спокойной страной.

Куба, остров откровенной марксистско-коммунистической несвободы, — последняя из стран, которую можно отнести к группе средних, да и то с необходимыми оговорками. Суть оговорок в том, что никакие словесные восхищенные восклицания о будто бы обретенной кубинцами некой мифической специфически-социалистической свободе не в состоянии скрыть того мрачного факта, что население этой страны вот уже полвека, с начала 60-х, живет за счет нормированного распределения продуктов питания и промышленных товаров. А многочасовые речи ее президента Кастро, долгое время пытавшегося убедить кубинцев, что все хорошо, со временем перестали влиять на население, все больше и больше разочаровывавшееся в социалистическом эксперименте.

Стоит обратить внимание на то, что ситуации с Пиночетом в Чили и с Кастро на Кубе отличаются поразительным сходством. Обе страны в далеких 30-х переболели социалистической левизной, затем оказались под властью правителей, употреблявших принуждение и насилие ради достижения цели. Правда, цели были разными. Пиночет создал в Чили основы для процветания, и страна стала процветать. Кастро заложил основы для марксистского коммунизма, после чего Куба начала гнить. Более ничего говорить не стоит, все до предела ясно. Разве что напомним, что от репрессий на Кубе пострадало не меньше противников режима, чем то было в Чили. А если хорошо посчитать, то, полагаю, их окажется много больше.

ГРУППА ОТСТАЮЩИХ СТРАН

Вся остальная часть субконтинента в послевоенные десятилетия являла собой примерно одинаковые небольшие и весьма отсталые государства Центральной Америки. В меньшей степени это касается Карибского бассейна (те острова, что оставались колониями, процветали и превращались в весьма привлекательные места). В принципе же для них характерны те же метания между либерально-демократической видимостью конституционной нормы

и откровенно диктаторскими авторитарными режимами. Но если говорить о специфике именно этой группы стран, по преимуществу в недавнем прошлом *банановых республик*, то окажется, что для них левый уклон являет собой нечто еще более частое, длительное и деструктивное, нежели для остальных, включая и многое потерявшую на этом Аргентину, не говоря уже, разумеется, о Кубе.

Гватемала, небольшая и небогатая страна, расположенная на перешейке к югу от Мексики и населенная в основном индейцами и метисами, в 1944 г. стала жертвой очередного военного переворота, после чего власть на недолгое время (1944–1954) оказалась в руках конституционного правительства, чья левая ориентация привела к национализации экономики. Неудивительно, что в итоге ослабление экономики страны породило недовольство населения. Леваки были отстранены от власти. После этого в стране один переворот приходил на смену другому, а побежденные левые уходили партизанить в деревни. Гражданская война начала затихать лишь на рубеже 90-х гг.

Гондурас, расположенный к югу от Гватемалы, в те же годы тоже находился в состоянии непрекращающиеся смуты. То к власти приходил избранный президент, то его заменял кто-либо из военных. Лишь с начала 70-х гг. в стране установилась некоторая стабильность и власть стала осуществляться конституционными правительствами. Но страна продолжала оставаться экономически слабо развитой.

Сальвадор в 40–70-х гг. мало чем отличался от соседей. Смена режимов и постоянные выступления боевиков из группы Фарабундо Марти создавали обстановку напряженности. В редких случаях наступали периоды политической стабильности. Спокойствие стало нормой лишь с начала 90-х.

Никарагуа в десятилетия после низвержения диктатуры А. Сомосы (1936–1979) отличалось завидным экономическим ростом, до 7–10% в год. Но фронт Сандино, добившийся свержения младшего Сомосы, создал структуру корпоративистского типа (партия, профсоюзы, армия, полиция, женские, молодежные организации — все сандинистское) и повел дело к тотальной национализации. Уже через десяток лет страна страдала от инфляции и недостатка потребительских товаров. В 90-х гг. движение сандинистов стало распадаться на части.

Панама, история которой, как и других небольших государств региона, была сменой конституционных правительств военными, в 1977 г., в годы правления генерала О. Торрихоса (1968–1981), сумела добиться от США согласия на полный суверенитет республики над

зоной канала. В 1989 г. очередной диктатор М. Норьега, обвиненный в торговле наркотиками, был свергнут с помощью США. Основные доходы небольшой страны и вообще ее существование связаны с эксплуатацией канала.

Мелкие государственные образования Карибского бассейна с их преимущественно негритянским или метисным населением — эта та самая Вест-Индия, которая когда-то впервые была открыта Колумбом. Здесь распространено плантационное хозяйство и производятся кофе, какао, сахар. Большинство стран крепко связаны, прежде всего торговыми интересами, с их бывшими метрополиями. Крупнейшие из государств — если оставить в стороне Кубу с ее авторитарным режимом — это Гаити и Доминиканская Республика, расположенные на острове Гаити.

Республика Гаити, западная часть острова, прославилась жестокой диктатурой отца и сына Дювалье (1957–1986), после чего в стране наступил период нестабильности, характеризовавшийся борьбой разных военных группировок, пока наконец США не ввели в страну экспедиционный корпус. В 90-х гг. в стране был восстановлен конституционный порядок, который, впрочем, тоже оказался не очень устойчивым. Уровень жизни населения, в основном негритянского, крайне низок.

Доминиканская Республика свыше 30 лет находилась под властью диктатора *генералиссимуса* Р. Трухильо. Вслед за тем и здесь начался столь свойственный латиноамериканским республикам период политической неустойчивости, завершившийся введением в 1965 г. американских войск (в акции приняли участие вооруженные силы пяти стран континента). На выборах, после которых иностранные войска были выведены, очередным президентом стал Х. Балагер (1966–1978). Его преемником был А. Фернандес (1978–1982), оказавшийся замешанным в финансовую аферу, из-за чего покончил с собой, затем С. Бланко (1982–1986). А после него президентом вновь стал Балагер (1986–1994). По сравнению с соседней Гаити эта республика может считаться намного более благополучной.

Мелкие колониальные острова Карибов, как правило, развивались достаточно успешно, о чем вскользь уже было упомянуто. Вообще страны Центральной Америки и Карибского бассейна, хотя они и отнесены в группу наиболее отсталых, по многим параметрам, будь то ритм политической жизни или доход на душу населения, за редким исключением вроде Гаити не очень отличны от стран второй группы. Разница в основном в том, что это небольшие страны и мел-

кие острова, расположенные в тропической зоне и отличающиеся заметной ролью плантационного хозяйства в экономике. Собственно, именно это хозяйство и обеспечивало региону достаточно сносный уровень жизни. Некоторые из островных республик Вест-Индии, вчерашние колонии, это ощущали, развивались и богатели.

Глава тринадцатая.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ СПЕЦИФИКА

Знакомясь с латиноамериканскими странами, каждый раз невольно обращаешь внимание на нечто очень характерное для всех них, начиная с весьма своеобразного иберийского католицизма и кончая непрерывными военно-государственными переворотами и левацко-коммунистическими мятежами и настроениями. Конечно, в каком-то смысле все они разные, одни идут вперед более или менее успешно, другие почти стоят на месте, третьи даже пятятся назад и едва выживают. В этом смысле они разные, но, при всех существенных различиях, достаточно близки друг к другу и вполне могли бы при случае, если бы решились объединяться в стиле европейского сообщества, создать нечто почти однородное. И этой исконной и восходящей к уровню развития общностью, определяемой восточным стандартом традиционного общества, лежавшего некогда в ее основе (индейцы Америки и негры Африки), многое объясняется. Но, хотя восточная по типу социополитическая основа в прошлом преобладала, не стоит забывать, что она с рубежа XV–XVI вв. была серьезно разбавлена испано-португальской иберо-католической западной примесью.

Эта социокультурная примесь многое в первобытно-восточной структуре изменила. Она заложила фундамент для развития по западному пути. Однако, поскольку иберо-католический мир испанцев и португальцев был много менее развит по сравнению с европейским протестантским германо-саксонским и тем более североамериканским, мощи его не хватало для энергичного воздействия на индейско-негритянскую основу субконтинента. И тот заряд вестернизации, который Латинская Америка получила, оказался недостаточным для быстрых темпов эволюции. Эта эволюция, как и важнейшее в ней, если говорить о XX веке, т.е. вестернизация, стала очень заметно, даже драматически замедляться. В чем именно это проявилось и как сложившуюся таким образом ситуацию следует расценивать?

К сожалению, этим вопросом специалисты обычно не задаются. Или, во всяком случае, не выдвигают его на передний план. Создается впечатление, что все происходит, как оно и должно было быть. Это не так. И, если копнуть глубже, легко выявится, что существует и некая важная причина, которая оказывается общей для всех, даже для наиболее передовых. Речь не только об обусловленной этнорасовой спецификой отсталой социокультурной традиции, даже не просто о политической неустойчивости, что бросается в глаза и иногда даже кажется вполне понятным, но и о явных странностях. Например, о болезненном отношении к инвестициям. В других странах жаждут их, а здесь переживают, что они есть (колонизаторы нас окружают). Или о кажущемся бессмысленным чередовании национализации и приватизации отраслей экономики при всем том, что в любом варианте дело вперед не идет (*как ни садитесь, а в музыканты не годитесь*). Что стоит за этим?

И еще: почему очередной более чем сомнительный эксперимент, проделанный в соседней стране и принесший неудачу, не воспринимается как нечто, что следовало бы учесть, принять во внимание? Наиболее наглядный пример — Куба. Далеко не последняя из всех, эта страна, попав в руки социалистически настроенных правителей и лишившись главного, т.е. прав и свобод либеральной демократии, демонстрирует не удачное решение проблем, а явную деградацию. Однако постоянно, до наших дней, находятся желающие следовать ее примеру. Как все это объяснить? Ответ есть. Но беда в том, что его не хотят не то чтобы учесть, но всерьез воспринять. Проблема в том, чтобы выяснить, что здесь свойственно всем обществам восточного типа, находящимся в процессе очень медленной постепенной трансформации — под влиянием колонизаторов (и каких именно) — в общества смешанного восточно-западного типа, а что характерно только и именно для Латинской Америки.

Для отставших обществ характерны наличие видимых следов архаики, исходного примитива и связанные с ним привычные стереотипы восприятия, восходящие к распространенным общинно-крестьянским стремлениям к равенству и справедливости. Такое бывало во всем мире, начиная с древнего высокоцивилизованного Китая с его спорадически повторявшимися крестьянскими восстаниями, иногда принимавшими облик гражданских войн. Совсем другое — то, что демонстрирует латиноамериканская традиция. Вот совсем неплохо развитая перонистская Аргентина с населением в основном европейского происхождения и с необычными для Европы

(но не для России!) неумеренными рывками в противоположных направлениях и со склонностью к левацкому популизму. Или левацкие мятежи и существование крестьянско-партизанских экстремистских мафиозных групп, связанных с наркотрафиком. Перед нами не просто архаика, но некая неразумная стихия первобытности, к которой склонны племена где-нибудь в Афганистане или в горных районах Бирмы. В чем же дело?

Испанцы (и португальцы), которые призваны были заложить основу естественной в условиях колониальной экспансии вестернизации, сами, о чем не раз упоминалось, были не очень-то развитыми. Хотя они и не были вовсе чуждыми западноевропейской традиции, воспринявшей основы антично-буржуазной структуры, власть-собственность в ее децентрализованном феодальном варианте была в то время для них, пожалуй, ближе и понятней. Завоеванное же местное индейское население было знакомо лишь с ранней, едва вышедшей за пределы первобытности модификацией примерно той же власти-собственности с централизованной редистрибуцией. А немалая его часть находилась еще на догосударственном уровне, когда эта структура ограничивалась общинной властью старейшин-касигов. Что касается негров, то уровень социальной организации их был, как правило, вообще на уровне первобытности.

Правда, ориентация на протяжении многих поколений содействовала усвоению населением стандарта колонизаторов с их языком и религией. Но при этом латиноамериканцы остались незнакомыми с античностью, величием Ренессанса, с протестантизмом и идеями века Просвещения, с буржуазными преобразованиями в Европе и Северной Америке. Конечно, в какой-то мере и какой-то части населения, в разных республиках и в неодинаковой степени это было известно, но эти новые западные стандарты не становились идейно-институциональным фундаментом всей страны, всего ее населения. Так просто, со вчера на сегодня, процесс внедрения новаций, ломающих старую традицию, не происходит. Особенно, если количество неевропейского населения в регионе явно превосходит число европейцев, будь то потомки колонизаторов или только что прибывшие мигранты. Вестернизация, которая имеется в виду, требует времени, нескольких веков, да и то при условии постоянного влияния на этот процесс со стороны носителя западных новаций, которым может быть лишь буржуазия, на первых порах чужая, колониально-западная, а затем, спустя немалое время, и возникающая своя, местная.

Это генеральный закон и непремненное условие успешной вестернизации, являющейся гарантией устойчивой эволюции. Ниже, когда пойдет речь о современной России, мы вернемся к этой проблеме. А латиноамериканские реалии, самое время об этом упомянуть, весьма близки в этом смысле к российским. Сколько-нибудь развитой буржуазии у испанцев и португальцев в Европе до рубежа XVIII–XIX вв. практически не было. Тем более не было ее в их американских колониях. И когда эти колонии обрели независимость, они оказались без катализатора, столь необходимого для успешной их эволюции. Не очень-то помогала и миграция, шедшая в XIX–XX вв. в основном из тех же европейских стран, в ходе которой уже появлявшаяся буржуазия могла играть в латиноамериканских странах свою историческую роль. Кое-где, вроде Аргентины и Уругвая, эта миграция была заметной и европейцы по происхождению начинали даже преобладать. Но не стоит забывать, что, во-первых, это были католики, во-вторых, сравнительно недавно приобщившиеся к нормам европейского буржуазного либерально-демократического стандарта.

И еще. В некоторых других случаях, когда местное туземное население или тем более привезенные из Африки рабы достаточно резко — как то было в британских протестантских североамериканских колониях — оказывались отделены от европейцев, складывалась другая ситуация. Индейцы были изолированы, негры практически почти не смешивались с европейскими мигрантами. Латиноамериканский регион тем и своеобразен, что здесь издревле, веками и по весьма серьезным причинам шло непрерывное этнорасовое смешение. В результате, если исключить немногие республики вроде Аргентины и Уругвая, численно преобладающим слоем населения становились метисы, мулаты и креолы, а также индейцы и негры, тогда как *чистые* европейцы были заведомым меньшинством и вовсе не обязательно играли ведущую политическую роль. Диктаторы, как правило, тоже были метисами. А это сказывалось на становлении новой латиноамериканской традиции, которая являла собой смесь разных прежних, свойственных обществам восточного или смешанного восточно-западного типа.

И что характерно, такая заново сложившаяся общая и одинаковая почти для всех традиция господствовала практически везде, кроме, быть может, Вест-Индии, несколько отличной от остальных республик. Мало того, давно начав складываться и сравнительно рано, еще до деколонизации, в основном сложившись, эта смешанная традиция не только начала определять облик общества, но и способствовала

замедлению процесса становления его нового социополитического и идейно-институционального фундамента и соответственно мешала — при отсутствии колонизаторов — его ускоренной и успешной эволюции, что, к слову, происходило по крайней мере на некоторых из островов Вест-Индии. А мигранты, приезжавшие позже, к тому же далеко не все сразу, но понемногу, постепенно, обычно воспринимали сложившуюся традицию и если что-либо добавляли к ней, то — не сочтите парадоксом — антибуржуазную европейскую левизну, распространенную в Европе с конца XIX в.

РОЛЬ АРХАИЧЕСКОЙ СОЦИОЭТНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Итак, подведем первые итоги, дело далеко не только в этно-расовом метисном типе большинства населения и даже не в иберийском католицизме, хотя влияние этой религии с самого начала колонизации было вне всяких сомнений. Тормозящая роль того и другого была резко усилена отсутствием протестантских буржуа и сохранявшей поэтому свою сущность архаикой отсталой традиции, в данном случае местной индейской и африканской (оговорка существенна потому, что не стоит упускать из вида сходство этой архаики с отечественной). В итоге уже на начальном этапе колониальной истории Латинской Америки сложилась уникальная ситуация, когда религиозно-цивилизационная традиция превратилась, наряду с языком и связанной с ним иберийской религиозной культурой, в некий жесткий кросскультурный фон, обволакивавший новых мигрантов и игравший тормозящую роль. Традиционная архаичная отсталость в развитии, которая цепко держала в своих объятиях все латиноамериканское общество, прививая ему вполне определенный менталитет, сводилась к заимствованной от первобытности архаике и ко всему тому, что обычно связано с каждодневным регулярным производительным трудом.

Эта специфика экономики каменного века (трудиться не более того, что нужно, дабы стать сытым и довольным сегодня, сейчас, и не очень-то думать об будущем), на что обращают внимание антропологи¹, трудно преодолима. Для трансформации нужно время, исчисляемое многими веками, если даже не тысячелетиями. Латиноамериканцы,

¹ Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

как то и свойственно населению обществ первобытно-восточного типа, не ценили время (это вам не буржуа-протестанты) и долго в этом отношении не менялись. К слову, очень похоже, что и иностранные инвестиции они не жаловали еще и потому, быть может и в основном из-за того, что приходившие вместе с ними новые буржуазные предприятия с иной ритмикой труда сильно отличались от привычной нормы. В наши дни при современных благоприятных для повзрослевшего и развивающегося региона условиях подобные нормы постепенно уходят в прошлое, напоминая о себе разве что многодневными карнавалами с длительным безудержным весельем. Люди быстрее меняются, становятся серьезнее и умнее, о чем напоминает, в частности, славная когорта писателей региона.

Но еще сравнительно недавно таких благоприятных обстоятельств на субконтиненте не было либо они только появлялись и были слабо заметны. К этому стоит добавить, что в силу уже отмеченных условий миграции они не ощущались сколько-нибудь заметно даже там, где этнорасовый состав населения был, как в Аргентине, преимущественно европеоидным. Это новое население пассивно вписывалось в давно сложившийся традиционный образ существования, соответствующий упрочившемуся стандарту. Так было легче для людей и спокойней для властей, которые привыкли к тому, что население не слишком притязательно и что оно, конечно, будет благодарно за соблюдение конституционного строя, однако, ежели что, сравнительно терпеливо снесет и жесткий авторитарный режим диктатора. Практически это значило, что в латиноамериканском смешанном обществе не столько народ выбирал власть, хотя такое и случалось, сколько правители управляли подданными. Иными словами, обе принципиально разные формы власти и взаимоотношений человека с аппаратом администрации по не зависевшим от его выбора обстоятельствам равно имели право на существование, что здесь всем всегда хорошо было известно.

Мало того, достаточно часто низшие слои общества, особенно крестьяне из числа туземных индейских племен, сознательно предпочитали правителей, неважно, правых или левых, которые обещали реформы, имевшие в виду насильственную экспроприацию земли. И трудно обвинять крестьян за это. Им совершенно нет нужды разбираться, чья была земля, что получал за нее ее владелец (вспомним, с каким трудом шла великая реформа Александра II в России при такой же психологии отечественных крепостных). А своя земля, естественно, нужна каждому крестьянину — не помещик же станет

ее обрабатывать. И до фермера уровень производства в обществе без развитой буржуазии не доходил. Что же касается власти, то этим естественным для крестьянина желанием активно пользовались все, кто желал снискать его поддержку. И потому нет ничего странного в том, что соответствующая политика часто выходила на передний план, ибо успешная реформа вела к обретению популярности и к укреплению всегда не слишком прочной власти.

Но, как то ни прискорбно сознавать, элементарный принцип *отнять и поделить* (а за отобранную землю казна платила не везде и не всегда) всегда оказывается непродуктивным. С одной стороны, он был в состоянии породить социальные конфликты, порой непредсказуемые с точки зрения результатов. А с другой — вполне естественно замедлял любую позитивную эволюцию в сфере экономики, так как не способствовал ни превращению крестьянина в фермера, ни связанному с этим росту товарной продукции. Национальная латиноамериканская традиция такого рода, напоминающая негритянских кандидатов в фермеры в Зимбабве, хотя и диктовалась вполне естественными социальными потребностями (население растет, земли не хватает), создавала в обществе упомянутый социопсихологический стереотип, проявлявшийся в нежелании иметь дело с иностранными инвестициями, боязни буржуазного инационального капитала. Почти каждый претендующий на популярность лидер, будь то конституционный президент или военный диктатор, старался изгнать чужой капитал и национализировать экономику, старательно, порой до абсолютно неудобоваримых размеров раздувая при этом государственный сектор хозяйства. И делал это несмотря на то, что коррумпированные чиновники всегда хуже справляются с управлением производством, ибо не отвечают за его производительность и доходность хотя бы потому, что это не их собственность, что от плохого управления они лично ничего не теряют, теряет казна.

Не станем спорить, потому ли правящие верхи очень часто стремились национализировать экономику, что так легче нагреть руки на общественном добре. Но одно несомненно: почти всегда их действия людьми одобрялись, а иностранцев, стремившихся по-буржуазному вложить капитал в экономику страны, не любили и всегда подозревали в чем-то нехорошем. В этом тоже проявлялся примитивизм соционационального мышления: нечего к нам лезть, сами разберемся. И тот же архаический примитивизм, чтобы не сказать полудетская податливость на обман, сквозит во многих случаях, когда голоса избирателей или симпатии подданных сравнительно легко завоевыва-

лись популистскими обещаниями. Но это уже несколько иная проблема и в ней тоже стоит основательно разобраться, ибо здесь ключ к пониманию достаточно многого. В первую очередь речь пойдет о социопсихологии беднейших и соответственно чаще всего невежественных слоев населения.

СОЦИОПСИХОЛОГИЯ БЕДНОТЫ И ПАТЕРНАЛИЗМ ГОСУДАРСТВА

Продолжая начатое, невольно приходишь к тому, что, если оставить на некоторое время в стороне только что рассматривавшуюся специфику, изучаемая латиноамериканская модель развития едина в одном. И это одно, коль скоро на то пошло, свойственно не только этому субконтиненту, но и многим иным регионам развивающегося мира. Имеется в виду порожденная непрочностью фундамента, смешанным его характером, и к тому же уходящая в глубокую древность сугубо безответственная патерналистская привязанность коллектива подданных к правителю, обычно сакрально приподнятому надо всеми, а то и просто обожествленному. И совершенно неважно, что это за властитель, откуда он взялся и кем он был еще несколько лет назад. Все это как-то незаметно элиминируется в массовом сознании. А из этого измененного сознания рождается привычный социопсихологический стереотип.

Суть его полностью объясняется всем тем, что имеет отношение к древним модификациям структуры власти-собственности со свойственной ей централизованной редистрибуцией. Все дело в идее незыблемого права хозяина и только его одного, в крайнем случае с полностью подчиненным ему аппаратом помощников-администраторов, распоряжаться достоянием коллектива. Этот уходящий в глубь тысячелетий стереотип обычно очень крепок. В обществах восточного и смешанного восточно-западного типа он остается в глубинах подсознания до тех пор, пока незыблема и даже просто еще как-то дышит породившая его структура. И хотя в развивающемся мире середины XX столетия структура власти-собственности уже надломлена и вот-вот безвозвратно уйдет в прошлое, она еще существует, активно влияя на подданных, особенно приниженных и малообразованных, каких в обществах этого века не только заведомое, но и постоянно возрастающее большинство.

И вот рождается типичный феномен: не нужно нам чужого капитала. И вообще нехорошо, когда у кого-то, кто формально не у власти

и вообще не наш, есть чего-то — прежде всего основной ценности, земли, — больше, чем у других. А хорошо тогда, когда все добро коллектива собирается в казне, а распоряжаются им те, кому это издревле положено. А уж те, кто станет распоряжаться, по определению честны и справедливы и дадут каждому столько, сколько ему положено, — разумеется, с учетом числа едоков в семье, качества почвы и прочих немаловажных мелочей. И этот нехитрый, по твердо укоренившийся стереотип срabатывает во всех тех случаях, когда речь идет о любой сфере хозяйства, будь то добыча меди или выращивание коки, ибо и там принцип равенства и справедливости, о котором идет речь, будет, как принято надеяться, соблюден честно. Ко всему сказанному существенно добавить, что справедливая редистрибуция вовсе не всегда означает деление поровну. Некоторые, близкие к власти, не говоря уже о самом властителе, имеют законное право на большую и лучшую долю.

Приняв сказанное во внимание, легко понять, почему популизм желающих укрепиться у власти всегда начинался с увеличения роли государственного сектора хозяйства, национализации и аграрной реформы, часто в форме экспроприации. И что характерно. Хотя все это ярче всего проявлялось в политической практике с ее непрерывными государственными переворотами и приходом к власти все новых правителей, в принципе нечто подобное можно встретить в любой сопоставимой модели развития, включая совсем недавно и отечественную, но еще более исламскую и африканскую, о которых далее. Однако продолжим анализ и обратимся еще к одному весьма любопытному и порой многим кажущемуся необъяснимым феномену, очень ярко проявившему себя в интересующей нас латиноамериканской реальности. Речь пойдет о социальных экспериментах, столь полюбившихся многим в XX столетии.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ (КУБА И ЧИЛИ)

Итак, обратимся к оценке латиноамериканского варианта из числа тех, что потрясли мир в первой половине XX века и весьма явственно проявили себя затем на этом субконтиненте, разве что в более скромном по сравнению с другими масштабе. И как то ни покажется странным, здесь были очень активно задействованы те же социопсихологические стереотипы, о которых только что шла речь.

Латиноамериканские республики почти все находились как бы на перепутье. Люди, начиная с правителей, метались то в одну, то в другую сторону¹, ища наилучший выход из того положения, в котором находилась та или иная страна. А выбор пути в годы холодной войны и противостояния двух противоположных блоков, опиравшихся на принципиально разные идейно-институциональные фундаменты, был невелик. Либо ты выбираешь хорошо знакомую старую структуру с ее всеилием власти и генеральным принципом редистрибуции по воле начальства (правда, в несколько обновленной и потому обманчиво соблазнительной большевистской упаковке с акцентом на все ту же исконную социальную справедливость и ликвидацию богатых), либо рискуешь, ориентируясь на новую, буржуазную, целью которой поскорее сделать богатыми или по меньшей мере зажиточными всех.

Вообще подобный выбор пути стоял в период массовой деколонизации практически перед всем развивающимся миром. И латиноамериканский континент, давно уже как-то определившийся в своей политической независимости, был при этом далеко не в худшем положении. Но описанные социоэтнические и социопсихологические сложности при решении не вполне понятных людям проблем порой брали верх, особенно когда многотысячные массы сбитого с толку народа ежедневно обрабатывались многочасовыми выступлениями велеречивых и внешне вроде бы внушающих доверие харизматических лидеров типа Кастро. Поэтому неудивительно — особенно, учитывая горячую кровь и эмоциональный характер преобладающего населения, — что важные проблемы решались на митингах, причем часто как раз тогда, когда положение дел в стране, казалось бы, требовало гораздо более серьезной и много более осознанной разумом реакции. Впрочем, для такого положения дел были свои немаловажные причины.

Начнем с того, что бросается в глаза. Латиноамериканские республики давно уже были заражены бактериями левацкого радикализма. И ничто их, эти бактерии, не берет. Больше того, они, размножаясь, охотно мутируют, поставляя все новые и новые разновидности, от анархо-радикализма XIX века до угочавесизма XXI столетия. В прин-

---

¹ Видный отечественный культуролог А. С. Ахиезер (Россия: критика исторического опыта. М., 1991 или 2008, а то и другое издание) много говорит об этот генеральном принципе архаической общинной традиции. Он называет его *инверсией* и относит к нормативной отечественной общинной традиции, хотя на деле эта традиция предельно универсальна, что, впрочем, не умаляет, а увеличивает его вклад в современную антропологию.

ципе все они однородны и ставят своей целью все тот же генеральный принцип *отнять и поделить*. Но в деталях порой расходятся, да и проявляют себя по-разному, от более или менее уважаемого ныне псевдокоммунизма до бандитско-мафиозных группировок, порожденных, к примеру, колумбийским наркобизнесом.

Понять причину сравнительно легко. **Левацкие уклоны последнего столетия**, столь характерные для незападного мира и так блистательно отсутствующие на Западе (стоит вспомнить неудачу там Маркса), — это порождение не пролетариата, но агрессивной нищеты, а точнее, тех, кто хотел бы не лучше работать, но откровенно отбирать, экспроприировать что-нибудь у тех, у кого что-то есть. Нищета такого рода, о которой только что шла речь, характерна не только для Латинской Америки и, даже более того, не для нее в первую очередь. Но здесь она довольно хорошо организована, давно пользуется успехом и часто возглавляется влиятельными деятелями. В числе первых из них кубинские Кастро или Че Гевара. Заслуга их перед человечеством в том, что убедительно доказали полную бессмысленность того дела, которому отдали жизнь и ради которого не глядя погубили столько других жизней. И хотя вообще-то они незаметные карлики рядом с гигантами типа советского вождя, в масштабах Латинской Америки каждый из них кое-что значит.

Мало того, под их влиянием рождаются новые, и процессу этому, особенно в условиях резкого роста численности бедных и обездоленных на планете, пока что не видно конца. Одно утешает: как правило, речь о небольших государствах, да и явные потуги соединить усилия двух-трех их к успеху пока что не ведут. И если принять во внимание сложившуюся практику, едва ли приведут. Каждая из современных стран субконтинента пока что очень высоко ценит свою самостоятельность. Есть еще некоторые обстоятельства, которые позволяют смотреть на будущее в этом смысле с некоторой долей оптимизма. Прежде всего это грандиозный успех Бразилии. Он важен не только тем, что эта большая страна намного, причем практически по всем показателям, ныне обошла другие. Главное в том, что продемонстрировала принципиальную возможность для всего субконтинента рано или поздно выйти из порочного круга. И не просто выйти, но и убедительно доказать всем, что вполне возможно своими руками, пусть даже и с некоторой посторонней помощью, создать тот самый рожденный некогда античностью буржуазный парламентско-конституционный, многопартийный либерально-демократический идейно-институциональный фундамент, который ныне является за-

логом успешного развития и постоянно ускоряющихся темпов модернизации.

Бразилия в этом смысле — очень много. Рядом с ней другие отстают, но некоторые из их числа почти столь же успешно идут вперед, создавая свой собственный аналогичный социополитический идейно-институциональный фундамент, без которого достичь успехов невозможно. И есть немалый резон еще раз и теперь более детально продемонстрировать это на примере двух в принципе сравнимых латиноамериканских стран, Чили и Кубы. Как о том уже шла речь, в сравнительно недавнем прошлом обе страны были, фигурально выражаясь, сильно наклонены влево. Вспомним, что в 1932 г. в Чили две недели просуществовала *социалистическая республика*, слепо следовавшая советскому стандарту. На Кубе с сентября 1933 по январь 1934 г. было нечто подобное, временное *революционное* правительство. В 1959 г. на Кубе стартовал режим Кастро, а в Чили на выборах 1970 г. пришел к власти президент С. Альенде. Все как бы одно к одному. Но на этом сходство и кончается.

Последующее очень хорошо известно. Власть Кастро на Кубе вела страну от одной неудачи к другой и, если исключить регулярное производство собственного сахарного тростника, держалась на плаву почти исключительно за счет советской помощи. Режим *революционной диктатуры*, как его подчас именуют, был стопроцентно корпоративистским (все в руках правящей партии *нового типа*), причем с явным оттенком тоталитаризма. Тотальная национализация отрицательно сказалась на снабжении населения всем необходимым. Начисто, естественно, исчезла у людей материальная заинтересованность, что сказалось на трудовой активности. Едва ли стоит продолжать все то, чем ныне характеризуется марксистско-социалистический *остров несвободы*.

В Чили все пошло иначе. Военный переворот 1973 г. привел к власти А. Пиночета, который за несколько недолгих лет, открыв дорогу частному капиталу и прибегнув к помощи американских советников, достиг огромных успехов в процессе не столько даже создания, сколько надежного упрочения и реальной победы идейно-институционального антично-буржуазного либерально-демократического фундамента. Именно на этом прочном и надежном фундаменте и построено ныне новое здание чилийской экономики. И не только экономики, но и всего нового Чили с его высокоразвитой индустрией, успешным сельским хозяйством и многим остальным, что давно уже оценило большинство населения страны. Правда, на пле-

бисците 1988 г. Пиночет не получил большинства в просьбе продлить его президентские полномочия на 8 лет (стоит заметить, что в Латинской Америке редко кто из военных просит о полномочиях — там привыкли не просить власть, а брать ее). Так что уже в 1990 г. у чилийцев оказался новый конституционный президент.

И теперь можно подвести итоги. Кастро, несмотря ни на что, не уходил от власти и никогда добровольно не уйдет. У коммунистов это не принято. А народ пусть живет, как его давно уже научили жить, т.е. впроголодь. Пиночет же вполне добровольно ушел от власти, когда не получил голосов большинства, а народ Чили благодаря всему тому, что он сделал, процветает. И в то же время Кастро для многих бедных латиноамериканцев остается позитивным образцом, так как он против нехороших иностранцев с их капиталами. А Пиночет — объект для критики. Но почему? Потому, что он действовал жестоко, заставляя чилийцев учитывать мудрые (а не глупые, что тоже случается) советы иностранцев, позволившие им сегодня жить по-новому, причем хорошо.

И теперь главное, как следует справедливо оценивать эксперименты Кастро и Пиночета? И кто из них загубил больше людей, если к тому же учесть, что Пиночет не воевал со своим народом, хотя и подвергал репрессиям противников, тогда как Кастро делал и то, и другое? Никто всерьез, насколько известно, подобные цифры не сопоставлял. А стоило бы. Ведь оба в примерно равных условиях с одинаково настроенным народом в одно и то же время провели социальные эксперименты, каждый из которых не обошелся без принуждения и насилия. В принципе это, быть может, заслуживает порицания. Но что все же самое главное? Вне всякого сомнения, результат. В одном случае он безусловно положительный, ибо достигнуто желаемое и заложена основа всеобщего процветания, что хорошо ощущается уже сегодня. В другом результат давно сугубо отрицательный, причем признаков улучшения почти нет. Принуждение и насилие применяли оба лидера, но один привел свою страну к процветанию, а другой к нищете.

Выводов из сказанного и сравнивавшегося достаточно много. Один и едва ли не главный сводится к тому, что разжигать социальные, равно как и национальные страсти опасно. Всегда найдется беспринципный деятель вроде Кастро, для которого кровь людская что водица и который попытается под предлогом благородных устремлений развязать какую-нибудь борьбу за то, что лично ему кажется счастьем человеческим. Погубить сколько-то людей за это милое для

него дело пара пустяков. А не получится ничего путного — ну что же, стало быть не повезло. Есть и иные натуры, более утонченные, вроде Альенде. Пришел к власти и, опираясь на президентский мандат, начал делать примерно то же самое, не понимая или не желая видеть, к чему его реформы ведут. А ведут они к тому же, что и кастровские, ибо направлены туда же и руководствуются теми же ложными посылками.

А вот другим, вроде Пиночета, приходится не просто выправлять искажения, но и силой перенаправлять деятельность людей в ту сторону, где они действительно могут найти реальное благо и желанное процветание. И встает философская по своей мощи и значимости проблема: что же делать? Как разобраться в том, что нужно, а чего не надо? И кому с какими идеями можно, а кому и почему нельзя. Эта проблема далеко не случайно встает именно здесь и именно теперь. Постараемся разобраться, почему. Латинская Америка — своего рода оселок, на котором можно многое проверить и испробовать. С одной стороны, здесь сосредоточены явственные узлы вроде бы неразрешимых противоречий, едва ли не наиболее острых, нежели где-либо. Остры они потому, что общество в целом уже вплотную подошло к тому, чтобы завершить переход от старой структуры власти-собственности к новой, антично-буржуазной. Но этот переход не завершен, он может длиться еще немалое время, а о прочном новом фундаменте можно говорить разве что лишь применительно к передовой Бразилии. И вот ситуация: огромный субконтинент в состоянии перехода, численность населения быстрыми темпами растет, а процветание пока что фиксируется редко где. И это легко понять. Успех зависит от достижений городских преобразований, а городское население во всем регионе пока еще далеко от желаемого стандарта. Оно наполнено стереотипами, воспитанными деревней.

Это в общем-то для развивающихся стран обычная норма. И она хорошо известна. Там, где преобладает социопсихология мировой деревни, власти многое делают для того, чтобы взять ее под контроль, хотя порой склонны разжигать страсти во имя левацких социальных экспериментов (*отнять и поделить*). На субконтиненте с его сравнительно развитым уже обществом, с большой долей недавно появившегося из деревни городского населения создается ситуация своего рода перелома. В принципе можно повернуть ход событий к лучшему. Как то показывает пример Бразилии, это вполне реально. Во всем регионе уже немало сделано для создания нового идейно-институционального фундамента, остается не так уж много. Вопрос

в том, что именно осталось, куда что повернуть и к чему приложить усилия. И здесь, что называется, коса находит на камень. Одни твердо уверены, что для процветания обязательно нужна *революционная* мясорубка. Другие убедительно демонстрируют, что это не так, хотя и дают понять, что тех, кто будет активно вставлять палки в колеса, следует решительно устранять.

Более того, в реальности, если смотреть с позиций уже вполне просматривающегося близкого будущего, кажущаяся дилемма уже решена в пользу тех, кто решительно отрицает *революционные* методы, ибо ставка на мирные постепенные буржуазные преобразования дает ощутимые и зримые для всех результаты. Смотрите и учитесь! Но другие по-прежнему не хотят ни смотреть, ни учиться. Они твердо знают, что главное в достижении желаемой цели — рубить головы. И побольше. Тогда богатые испугаются и все отдадут бедным. А бедные, естественно, все это с удовлетворением потребят. А что будет дальше — там видно будет. Итак, две политики, две позиции. И они не придуманы, но всегда были и остаются поныне. Одна позволяет всех сделать богатыми (и западный мир — витрина, на которую каждый может взглянуть). Другим с их архаикой каменного века этого не нужно. Они не хотят много работать и их вполне устроит поделить и потребить то сравнительно небольшое, что прямо сейчас можно было бы отнять у тех, кто, наподобие западным, богато живет.

И что характерно: и у тех, и у других немало приверженцев. И не потому, что люди не видят, как можно жить в странах, выбравших процветание через труд. А потому, что это кажется им чересчур утомительным. И, если угодно, даже чрезмерно несправедливым. Ведь богатство — вот оно. Подойди и забери. Ну, конечно, нужно применить силу. Естественно, кто-то при этом потеряет голову. Ну и что? А разве бывало иначе? И чего в конце концов бояться? Стоит повторить, что философская дилемма не ограничивается латиноамериканским субконтинентом. Отнюдь. Но именно здесь она до предела обнажена. С колониализмом покончено давно, претензий быть не может. Некому и поучить, ежели нужно было бы. Вроде бы полная свобода. Выбирай свой путь. Можно выбрать и тот, и другой. И ведь всем хорошо понятно, к чему ведет один путь и к чему другой. Но единства в выборе нет. По-прежнему одни склоняются туда, другие сюда. Или даже хуже: **одни и те же склоняются то туда, то сюда.** Но почему так, если все вроде бы до предела однозначно?

Просто потому, что одни и те же люди колеблются. С одной стороны, им не нравится, когда страна процветает, но в то же время в

ней одинаково процветают отнюдь не все. С другой — они же все-таки не хотели бы получать ежедневно вместе с другими одинаковую ежедневную пайку. А как добиться того, чтобы было не так и не этак? И вот здесь-то и проявляет себя сила социопсихологического стереотипа: нужно наконец выбрать и либо много работать, не рассчитывая на скорую отдачу, но имея уверенность в том, что добиться успеха вполне реально, либо остаться на прежних позициях. Но тогда остается рассчитывать на повышение размера ежедневного пайка за счет нового ограбления тех, у кого еще есть что-то существенное и кто не может этого не отдать. Собственно, на этом выборе вся философия и кончается. Та самая инверсия по Ахиезеру, да еще с полным отсутствием усредняющей медиации, о чем он тоже много писал.

И вот итоговая картина. Субконтинент по многим показателям развивается не так уж и плохо. Есть вполне реальные шансы, что дальше будет лучше. Но есть и нечто прямо противоположное. Существуют прилежные ученики у Кастро, активно действуют колумбийские мафиозно-наркodelьческие группировки с левацкими лозунгами (вполне возможно, что в основном для прикрытия их неприглядной деятельности). Есть и новые кандидаты в псевдореволюционеры. И субконтинент в целом если пока еще и не бурлит, то имеет потенции для того, чтобы забурлить. В этом отношении он не сравним с теми вчерашними британскими колониями вроде Индии, которые спокойно и уверенно идут вперед и если пока еще далеки от процветания, то по меньшей мере имеют все основания надеяться на то, что путь их верен и что они с него не сойдут.

Глава четырнадцатая. МИР ИСЛАМА

Третья генеральная модель эволюции, представленная многочисленными мусульманскими странами, отлична от первых двух. Отличия эти не сразу видны и на примере некоторых государств мира ислама могут быть просто незаметны. Тем более что они разные. Мир исламских стран многолик. Лидируют в нем как наиболее крупные и развитые, испытывавшие сильное влияние со стороны Запада, так и небольшие, процветающие за счет нефтедолларов. Есть в их числе и большое число мелких и очень отсталых, причем не только в Африке, о чем речь пойдет особо, но и в других регионах, как, например, Афганистан. Когда-то, еще на заре колонизации и тем более до того, все

страны ислама мало отличались в процессе эволюции от других вне Запада, ибо общие для всех темпы эволюции были примерно одинаковыми, а различия между группами таких стран сводились в основном к религиозно-цивилизационным. Но с начала колонизации и интенсивной их вестернизации многое стало изменяться, а перемены зависели не только от политики колонизаторов, но и от многих других факторов и едва ли не в первую очередь от все тех же религиозно-цивилизационных. Именно тогда стали выявляться различия между регионами, будь то дальневосточно-юговосточноазиатский, индобруддийский, латиноамериканский или исламский, о котором теперь и идет речь.

И если говорить применительно к послевоенным десятилетиям о мире ислама, выяснится, что, хотя деколонизация породила много несходных модификаций этой модели, у всех них на исходе этого периода выявилось нечто общее, заметное даже в максимально отошедшей почти столетие назад от ислама Турции. Общее сводится не просто к следованию традиции, а к возвеличению средневековых норм времен пророка Мухаммеда и к вытекающей из этого экспансивной агрессивности этой религии, отличающейся крайней степенью нетерпимости. Основа такого единства понятна. Традиции ислама, на протяжении столетий жестко внедрявшиеся в ментальность населения, рождали определенные социоконфессиональные и социопсихологические стереотипы. Будучи крайне специфической, эта религия, несравнимая с прочими по ее внутренней жесткости, по силе фанатичной веры и готовности идти на все ради нее и, что наиболее важно, по уровню непримиримости к неверным, необычайно мощна. И речь вовсе не о том, что мусульмане не хотят и не могут вообще жить рядом и в мире с иноверцами. Дело в том, что их образ жизни во всех отношениях наиболее специфичен с точки зрения не веры, которая часто внешне, особенно в среде образованных (не женщин, о которых разговор особый), даже не очень-то и заметна, а нормативов повседневной жизни и стойкости предрассудков. Никогда не стоит забывать о том, как компания вполне образованных мусульман направила захваченные ими самолеты с целью уничтожения американских небоскребов 11 сентября 2001 года.

Началось же все — если говорить об исламе середины XX века — именно с деколонизации, когда мир ислама, освободившись от опеки, почувствовал себя способным возратить ушедшие было на задний план под давлением буржуазно-колонизаторского Запада высоко ценимые им духовные ценности религии. Правда, это стало

заметным не сразу и не везде. Такие страны, как Египет и Пакистан (позже и Бангладеш), Египет или Малайя, долго бывшие английскими колониями, очень многое взяли от британского либерально-демократического стандарта. Немало получили от французского стандарта Алжир, Тунис или Марокко, а от голландского Индонезия. Воспринимали западный стандарт и государства Леванта, т.е. Сирия, Ливан и Иордания. Сравнительно спокойно развивались богатые нефтью арабские страны Персидского залива, включая Аравию. С оговорками следовало бы вести речь о многолюдном Ираке и тем более о шиитском Иране и таких отсталых, как Палестина, Ливия, Судан или Йемен. Но самое важное в том, что в прошлом на исламскую основу всех этих стран долго обращалось сравнительно немного внимания. Были другие проблемы, существовали иные поля напряжения. **И проблема стремительного возрождения ислама с присущей ему агрессивной экспансией ошеломила Запад.**

Словом, к концу XX столетия стало очевидно, что все прочие проблемы и связанные с ними поля напряжения ушли в прошлое. А вот мир ислама, напротив, стал ощущать свою возвращающуюся к нему мощь. Важно, что речь идет вовсе не о каких-то вырожденках-исламистах, которые будто дискредитируют подлинный ислам. Увы, все не так. Достаточно увидеть, как во всем мире ислама после полуденного пятничного намаза в мечетях мусульмане стройными рядами выступают против *развратного Запада*, когда его газеты непочтительно писали о пророке, а то и рисовали на него карикатуры. И как эти выступления сопровождалось погромами. Или как ликовали в Палестине, когда произошла трагедия 11 сентября. Словом, дистанция между активными исламистами, включая террористов-шахидов, и обычными мусульманами, которые сидят рядом в мечетях и слушают проповеди одних и тех же мулл и имамов, призывающих почитать пророка и ненавидеть *развратных неверных*, не столь велика, как в то хотелось бы верить.

В чем смысл и откуда все это? В случае с миром ислама, если выделить самое общее, главное в незыблемо крепкой основе, сводящейся к резко выраженной и особо подчеркнутой религиозной обособленности, которая легко перерастает в будоражащую массы правоверных нетерпимость. Она же в свою очередь имеет склонность доходить до экстаза, до *джихада* в отношениях с неверными. Такой критерий может показаться недостаточным для вычленения модели развития, даже с учетом разных модификаций. Но это не так. Столь сильный импульс сметает все остальные, предоставляя им

играть второстепенную роль. Это не очень еще заметно на примере развитых и зажиточных Турции или Египта, Малайзии, Туниса или даже Индонезии и Марокко, тем более стран Залива. Но еще недавно во вроде бы по-европейски продвинутом Алжире и тем более ныне в развитом Пакистане, соседе нищего и воинственного Афганистана, его влияние очень велико. А о том, что реально станет в близком будущем, не стоит и говорить. Пример трансформации почти столетие назад деисламизованной Кемалем Турции перед глазами и он во многих отношениях поучителен и настораживающе серьезен. А теперь несколько слов о разных странах ислама. Анализ их будет начинаться с рассмотрения разных их групп, соединенных вместе с учетом уровня развития и по некоторым другим показателям

НАИБОЛЕЕ КРУПНЫЕ И РАЗВИТЫЕ

Турция, вплоть до окончания Первой мировой войны бывшая главной страной исламского мира, в годы между войнами сильно изменилась, причем вектор перемен был в сторону решительной деисламизации и вестернизации, что принесло этой стране огромные и весьма ощутимые результаты во всех сферах жизни. И хотя болезненный процесс отказа от привычных исламских традиций шел нелегко, он был необычайно благотворным. В таком же направлении шло развитие страны и после Второй мировой войны. Страна развивалась очень успешно, и лишь в самые последние десятилетия не угомонившийся ислам, опираясь на благоприятную для него общемировую конъюнктуру, заметно перешел в контрнаступление. Правда, тогда адепты фундаментального ислама добились еще не слишком многого. О том, чтобы возродить ислам в качестве официальной религии, речь и сейчас еще не идет. Однако 90-е гг. стали периодом резкого укрепления исламских партий в стране. И это прискорбное обстоятельство, объективно тянущее наиболее передовую и европеизованную страну ислама в затхлые тиски средневековья, следует воспринимать как весьма тревожный сигнал. Уж если нечто в этом роде оказалось возможным сделать в почти полностью европеизованной Турции, то что же ожидает другие страны исламского мира?

Пакистан, солидная часть недавней Британской Индии, по уровню развития и идейно-институциональному фундаменту близок Турции. Эта близость в том, что становящийся на глазах все неустойчивее заложенный англичанами фундамент общества западного

типа оказывается схожим с трансформирующимся турецким. Доля его, заимствованная от метрополии с ее антично-буржуазной основой, с самого возникновения этого государства была более основательно, чем в Турции, перемешана с идейно-институциональными и религиозно-цивилизационными ценностями ислама. Как и в случае с латиноамериканскими республиками, общество здесь смешанного типа и, более того, с явственной тенденцией к реверсии. С 1971 г., после обособления Бангладеш, Пакистан стал отличаться от Турции еще и тем, что официально провозгласил себя исламской республикой.

Правда, это не помешало тогда его успешному экономическому росту, что, скорее всего, следовало бы приписать влиянию все того же заложенного англичанами фундамента. Но уклон в сторону ислама не содействовал успешной вестернизации страны. Президенты М. Айюбхан, а затем и А. Яхья-хан пытались ослабить воздействие религии за счет усиления в стране элементов демократии, начиная с выборов, которые, впрочем, в обстановке развала страны на части мало чему могли помочь. З. А. Бхутто (1971–1977) способствовал рыночно-капиталистическому развитию страны, но при этом делал уклон в сторону увеличения государственного сектора экономики. Он провел аграрную реформу без выплат бывшим собственникам, пытался улучшить отношения с Индией и откровенно заигрывал со сторонниками марксистского социализма (стремление походить на Мао — *каждому по труду*). Левацкие загибы, чрезмерное усердие в ходе национализации, жесткое подавление оппозиции, неуверенная победа на выборах 1977 года — все это привело к военному перевороту.

К власти пришел генерал Зия Уль-Хак (1977–1988). Бхутто был в 1979 г. казнен, а влияние ислама стало быстро возрастать. Парламент с 1982 г. стали именовать *маджлис-и-шуро*. Зия погиб в авиационной катастрофе, а к власти пришла вскоре дочь казненного Б. Бхутто (1988–1990), причем ее правление отличалось стремлением восстановить погрязшие нормы либеральной демократии и потеснить сторонников усиления позиций ислама и введения в стране принципов шариата. Пакистан развивался, сумел даже создать свою, вслед за индийской, ядерную бомбу. Но ситуация в стране в это время менялась только к худшему.

Бангладеш как государство после его обособления развивалось в еще более скверных условиях. Военные перевороты вели к тому, что перенаселенная страна долго не могла справиться с безвластием и сопутствовавшей ему экономической разрухой. Чтобы как-то решить

проблему и направить недовольство в сторону внешнего врага, был взят курс на приоритет ислама. Стремясь решить проблему нехватки продуктов, мусульмане вынудили 7–10 млн индуистов в страхе за свою жизнь бежать в соседнюю Индию, после чего начались резкие индо-бангладешские столкновения. Ухудшившееся продовольственное положение выдвинуло на передний план проблему воинственных левых, что вынудило президента М. Рахмана распустить партии. Однако авторитарное правление в свою очередь вызвало протесты и привело к военному перевороту 1975 г. Деятельность политических партий в 1976 г. была восстановлена, несколько очередных военных мятежей было жестоко подавлено. С 1983 г. во главе страны стал Х. Эршад, который сумел, хотя и не без труда, продержаться у власти до 1990 года.

Стоит заметить, что вся ожесточенная политическая борьба не способствовала индустриально-инфраструктурным преобразованиям в не слишком промышленно развитом Бангладеш, но зато вела к постоянному укреплению позиций воинствующего ислама. Религиозные экстремисты, используя в своих интересах накаленную политическую обстановку в стране и учитывая общий накал мусульманского мира на рубеже тысячелетий, буквально расцветали. Один за другим осквернялись еще остававшиеся в стране древние индуистские храмы. А разрушение мечети в Айодхье в Индии в 1992 г. послужило сигналом для массовых погромов и разрушений в Бангладеш, насилий над индуистами, что вызвало новый всплеск массовой эмиграции в Индию. Мало того, начались преследования и изгнание тех мусульман, кто, по мнению экстремистов, недостаточно ревностно выступает за ислам.

Египет, длительное время, как и Индия, бывший по сути (пусть не де-юре) колонией Британии, после обретения политической независимости сделал, как и многие другие развивающиеся страны, резкий крен влево, включая национализацию, раздувание сектора государственного хозяйства и создание партии *нового типа* (БААС или ПАСВ). Итоги не замедлили сказаться. Неэффективность экономики вынудила президента А. Садата взять прямо противоположный курс в этой сфере, а многопартийно-парламентарная система создала основу фундамента либерально-демократического типа. Конституция 1971 г. закрепила все эти новации, но и признала ислам государственной религией.

Сменивший Садата, убитого фундаменталистами ислама, президент Х. Мубарак продолжил его политику. Подавив экстремистов

и проведя экономические реформы, он многого добился. Однако неудержимый демографический рост и угроза со стороны укреплявшихся исламистских организаций вели страну к состоянию острой внутренней напряженности. Мубарак не поддавался на провокации палестинцев и сохранял статус-кво в отношениях с Израилем, что долго оказывало его стране большую пользу.

Иран, как, впрочем, и Ирак, стоит особо среди крупных стран ислама. Одно время казалось, что страна выйдет вперед, ориентируясь на западный стандарт эволюции. В этом направлении активно действовал последний шах Реза Пехлеви, реформировавший страну в 60–70-е гг. и заложивший основы современной индустрии. Беда была в том, что преобладавшая в Иране отсталая деревня не очень одобряла реформы. Обработывавшаяся в 70-х гг. поднимающим голову крайне реакционным шиитским духовенством с его уходящими в далекое прошлое и резко антизападными религиозными идеями, она стала активно осуждать шаха с его не вполне убедительной легитимностью¹ за капитуляцию перед враждебным исламу западным капитализмом.

Страна не поспевала за быстрым ходом перемен. Не очень-то вписавшись в городскую жизнь, иранская деревня, да и поддержавшие ее образованные горожане, включая и студентов, выступили против политики шаха. И когда он осознал это, было поздно. Говорившие с народом от имени *скрытого имама* высшие шиитские духовники, иранские аятоллы, превратились в ярых противников шаха и немало сделали для его отставки и бегства из страны. С 1980 по 1988 г. Иран вел войну с соседним Ираком, более половины населения которого тоже составляют шииты. Эта довольно странная война была открытым соперничеством в борьбе за первенство в ближневосточном регионе. Обе стороны потеряли за десяток лет бездарных столкновений около миллиона человек, но остались после перемирия, что называется, при своих.

---

¹ Согласно оппозиционным ортодоксальному суннитскому исламу представлениям шиитов, подлинная власть должна принадлежать только прямому потомку пророка Мухаммеда. А так как линия прямых потомков оборвалась еще в период раннего Средневековья, исчезнувший тогда в подростковом возрасте последний легитимный правитель считается шиитами *скрытым имамом*, мессией-Махди, возвращения которого — как второго пришествия Христа — ждут все день ото дня. А шах при этом, естественно, воспринимался лишь как временно исполняющий обязанности правителя и потому был лишен столь свойственной в исламе для всех правителей сакральности.

Однако в некотором смысле война пошла все же на пользу им обоим. Что касается Ирана, то она укрепила его внутреннее единство и помогла определить, наконец, твердую политику. Суть ее сводилась к продолжению перехода в сторону рыночной экономики и к ускоренным темпам модернизации хозяйства, но в условиях резкого противостояния Западу и введения жесточайших норм экстремистского шиитского ислама, которые всегда были наиболее суровыми в мусульманском мире. И дело не в том, чтобы, скажем, закрыть женщинам путь к образованию. Напротив, этот путь был широко открыт, что сыграло большую роль в жизни иранцев, особенно горожан. Но строгие нормы, сопровождавшие каждый шаг вроде бы уже эмансипированных женщин, сохранялись и под суровым надзором бдительных аятолл ни в чем не давали слабину. Иран как одно из наиболее значимых государств исламского мира взял на себя функцию эталона в мире фундаменталистского ислама с присущим ему экстремизмом и явно претендовал на то, чтобы все остальные мусульманские государства это признавали и признавали. Одним из наиболее ярких и жестких проявлений притязаний Ирана на такого рода лидерство стала обозначенная им давно уже непримиримая позиция по отношению к Израилю.

Ирак по сравнению с Ираном — страна несколько меньшая и по размерам, и по значению. Государственный переворот 1958 г. привел к уничтожению короля и его семьи и к превращению страны в республику левого толка. Очередной военный переворот привел в феврале 1963 г. к власти партию БААС, сильно потеснившую левых, но в свою очередь лишившуюся власти осенью того же года после нового переворота. В конце 70-х гг. к руководству иракских баасистов пришел С. Хусейн. Жестокий и коварный, он сумел убрать всех своих потенциальных соперников и начал проводить политику, направленную на укрепление экономики страны, включая частную собственность. Особый акцент был сделан на националистическо-популистскую риторику и стремление укрепить влияние богатевшей от нефтедолларов страны в ближневосточном регионе. Однако, поскольку Израиль, разбомбивший ядерный центр Ирака в 1981 г. и тем подорвавший расчеты Хусейна превратить Ирак в лидирующую силу на Ближнем Востоке, оказался от Ирака достаточно далеко, а ближайшим соседом, с которым к тому же были давние счеты, был Иран, началась иракско-иранская война,

Эта война, как то ни покажется парадоксальным, принесла иракскому Хусейну не меньше дивидендов, пожалуй даже больше, чем иранским аятоллам. Народ страны воспринял Хусейна как достой-

ного и успешного лидера. А тот, решив играть ва-банк, попытался продолжить войну за счет оккупации Кувейта, что ему, однако, не удалось. Кувейт в 1991 г. был освобожден с участием американцев и ряда арабских стран. Но очередное восстание курдов антихусейновские силы не поддержали и на Багдад не пошли. Дело кончилось тем, что 90-е годы оказались тяжелыми для страны, которой довольно долго пришлось зализывать раны, тогда как Иран именно в эти годы успешно наращивал свой индустриальный потенциал.

Если попытаться подвести некоторые итоги, то внимание на себя обратит тот факт, что еще сравнительно недавно, на начальном этапе холодной войны, ни одна из ведущих стран исламского мира о выдвижении на авансцену политической жизни столь тесно сплетенной в прошлом с политикой религии не помышляла. В Египте и Ираке, а то и в Пакистане к власти вначале приходили леваки (симптом послевоенной ситуации с ростом престижа коммунизма), Турция и Иран успешно вели дело к ускоренному индустриальному росту. Да и в Бангладеш главными были не антизападные, а антииндийские настроения. Все стало меняться по мере угасания накала холодной войны и появления некоторых сопутствовавших этому весьма серьезных политических сдвигов. Но об этом чуть позже. А пока несколько слов о других странах исламского мира.

ПРОЧИЕ СТРАНЫ ИСЛАМА

Их много и они очень разные. Одни богаты природными ресурсами, особенно нефтью, другие этим не отличаются. Некоторые ощутили себя причастными к миру ислама позже других, и это сказалось на жесткости обязательных стандартов образа жизни, хотя и, как правило, не слишком заметно. Но в любом случае, что стоит хорошо помнить и всегда иметь в виду, перед нами особый мир ислама, внутренне крайне жесткий по строгости прав и к тому же безмерно обидчивый во все том, что касается его религии. А ее практически касается буквально все, от ваших тапочек до бутылки вина. Но обратимся к реалиям. Справедливости ради замечу, что проблемы экстремистского исламского фундаментализма во всех этих странах заявили о себе не сразу, так что в первые послевоенные десятилетия они в большинстве случаев еще не вышли на передний план.

Начнем со стран североафриканского Магриба, с западной его части. Небольшая **Мавритания**, расположенная в северо-западной

Африке, населена примерно 2 млн арабами и берберами и является исламской республикой с 1960 г. С 1965 г. там установилась однопартийная система власти, с 1978 г. военная диктатура, с 90-х гг. многопартийно-парламентская система власти. Основное занятие населения — скотоводство, рыболовство. Ислам не проявлял себя чересчур активно и существовал в умеренной форме.

Соседнее на севере **Марокко** с его 30 млн арабов — государство, отличающееся внутренней стабильностью и неплохим уровнем развития без левацких заскоков и соответствующих экспериментов. Богатые залежи фосфоритов, знаменитые сардины, цитрусовые обеспечивали благополучие страны, хотя и чувствовалась перенаселенность, толкавшая молодежь во Францию, где укрепиться ей было не очень просто. Конституционная монархия с многопартийностью отличала эту страну от многих других государств ислама. И это немаловажное обстоятельство заметно ослабило натиск воинствующих исламистов, которые с характерными для них фундаменталистскими требованиями появились еще в 60–70-х гг., но чей серьезный размах стал ощущаться в университетских центрах лишь в 80-х.

Соседний с Марокко **Алжир** боролся за политическую независимость достаточно долго, что, к слову, дорого обошлось де Голлю. Но в конечном счете ценой высылки французских колонистов и многих других тяжелых испытаний для разных слоев населения независимость страны к 1962 г. стала фактом. Однако сразу же после этого начались новые сложности. Небольшое количество нефтедолларов помогало развитию страны, но разрастание государственного сектора в экономике имело свои слабости. Попытка в 1976 г. лидеров страны сделать ставку на социализм при сохранении ислама в качестве официальной религии успеха не имела, а экономическое и внутривнутриполитическое положение страны начало заметно ухудшаться, что привело к довольно заметному оживлению исламизма. На выборах 1991 г. был даже отменен второй тур, а в стране началась гражданская война. Это был шаг назад. Охота на франкоязычную франкокультурную часть местной элиты, которую обвиняли в том, что она — враг Корана, как и убийство наиболее выдающихся ее представителей привели к эмиграции из страны почти полумиллиона специалистов из числа алжирцев. И хотя в середине 90-х гг. накал страстей несколько поутих и был взят курс на восстановление конституционного порядка, возвращение к нормальной жизни не только шло крайне медленно, но и было затруднено новыми реалиями, обусловленными выходом на передний план все того же воинствующего ислама.

Тунис — сравнительно небольшое арабское государство, расположенное на территории древнего Карфагена, обрело независимость в 1957 г., причем конституционный строй и глава его, президент Х. Бургиба, гарантировали стабильность этого весьма развитого по магрибским меркам государства. Тунис вел разумную экономическую политику, проводя необходимые реформы. А идеология партии Дестур с ее социалистическим (не марксистским!) уклоном не слишком мешала, как и время от времени проявлявшие себя всплески сравнительно умеренного исламизма. Можно сказать, что эта небольшая арабская страна была до арабской весны во многих отношениях умеренной и близкой к европейским стандартам.

Ливия, в отличие от соседей, одна из наиболее отсталых стран Магриба. Но обилие нефтедолларов в сочетании с оригинальностью личности и политики ее лидера М. Каддафи, склонного не столько к истовому исламу, сколько к экспериментам социополитического характера, к счастью без марксистско-насильственного уклона, обеспечивало ее благополучие. Правда, экстравагантность Каддафи не исключала вовсе насилия, а конфликт с США в 1986 г. побудил его взорвать в 1988 г. американский воздушный лайнер в Шотландии. В конце 90-х гг. он под давлением улик был вынужден выдать виновных в этом террористическом акте. Обилие нефти долго решало многие социально-экономические проблемы немногочисленного населения страны. **Рухнул режим в годы арабской весны.**

Судан, как и Египет, оказался в центре военных действий в Африке в годы мировой войны. Правда, это в основном касалось северной, арабской его части, тогда как южные негритянские районы войной практически не были затронуты. После войны достаточно отсталый Судан получил независимость не сразу, лишь в 1956 г. Военный переворот 1969 г. во главе с Д. Нимейри привел страну к курсу на национализацию и соответствующие реформы. Однако распространение в стране антикоммунистических группировок, которые ориентировались на фундаменталистский ислам, привело к тому, что в 1983 г. был сделан резкий поворот в сторону ислама. Впрочем, это не помогло Нимейри, и в 1985 г. очередной переворот отстранил его от власти, покончил с социалистическими проектами и направил усилия на усмирение бунтующего негритянского юга. Успех не был достигнут и там. Слабая страна не могла справиться со стоявшими перед ней проблемами. Влияние ислама тем временем усиливалось, и хотя очередной переворот, приведший в 1989 г. к власти генерала аль-Башира, сделал явственным уклон в сторону конституционного

управления страной, активность в этой стране фундаменталистского и экстремистского ислама все возрастала, что делало Судан одной из наиболее тревожных стран в этом смысле.

Североафриканский арабский Магриб плавно перетекает в Азию, где Египет смыкается со сравнительно развитыми торговыми странами древнего Леванта (Сирия, Ливан, Иордания). Эти небольшие государства всегда заметно отличались от магрибинских. Их отличия объясняются спецификой хозяйства Леванта, но также и конфессиональным составом его населения с большим количеством христиан, обилие которых восходит к древности. **Сирия**, численно наибольшая из них, одно время, в 1958 г., оказалась даже в составе единого с Египтом государства, возглавленного партией БААС, но в 1961 г. этот непрочный альянс распался. Во главе Сирии надолго оказался президент Х. Асад, вначале тоже пытавшийся было ориентироваться на социалистическую модель развития. Временами этот курс подвергался пересмотру, но просуществовал довольно долго и был даже закреплен в конституциях 1969 и 1973 гг. Сближение Асада с ливийским Каддафи сделало Сирию союзником Ирана в ирано-иракской войне, что, впрочем, большого влияния на положение дел в стране не оказало. Но авторитарный политический курс мало изменялся, разве что приобретал со временем все более явственную антиизраильскую направленность. Можно даже сказать, что мощь авторитарного правления в Сирии постоянно усиливалась.

Иордания территориально и численно намного меньше Сирии. Проблемы, связанные со становлением Израиля как государства, отразились на ней весьма заметно. Она потеряла некоторые западно-иорданские земли и едва спаслась от натиска палестинцев, наводнивших после неудачной для них войны с Израилем земли Иордании и не желавших их освободить. Вообще все существование Иордании давно уже очень тесно связано с ближневосточным конфликтом, в центре которого оказался Израиль. Но стоит заметить, что Иордания, как и Египет, всегда поддерживала с ним дипломатические отношения. Она весьма разумно не давала втянуть себя в конфронтационные разборки по поводу многочисленных проблем, которые были и все еще остаются в отношениях палестинцев с израильянами

Ливан — узкая полоса восточномедиземноморского побережья. Будучи одной из наиболее развитых частей арабского мира, именно это государство населено — как, впрочем, и Сирия — большим количеством христиан. Ливан долго пытался не быть втянутым в конфронтацию с Израилем, но давление со стороны соседней Сирии и

обоснование именно в Ливане полумиллиона палестинских беженцев сделали это невозможным. В результате некогда процветавшая экономика Ливана оказалась сильно подорванной. И хотя на рубеже 80–90-х гг. ситуация в этом отношении несколько выправилась, она долго была еще далека от благополучия и тем более былого процветания.

Обратимся теперь к наиболее процветающим арабским государствам — к тем, что расположены в зоне Залива и потому обладают нефтяными долларами. **Саудовская Аравия** — главная из них. Некогда бесплодная пустыня, но при этом родина ислама, она преобразилась, как сказочная Золушка. И дело вовсе не в том, что ее бедуины потеряли вкус к прежнему образу жизни. Многие из них добровольно остались верны глубокой старине. Суть дела совсем в ином. Нефтяные доллары изменили малонаселенную страну. Доходы от нефти давно уже позволили правительству выкупить у американцев их долю и сразу же национализировать компанию, поставляющую стране добываемую ею нефть. Не приходится и говорить, что весь процесс добычи и необходимой текущей модернизации нефтяного хозяйства выпадает на долю квалифицированных специалистов из разных стран, которым правительство за это хорошо платит.

Примерно так же построены взаимоотношения в других богатых нефтью небольших государствах Персидского залива — имеются в виду **Бахрейн, Кувейт, Катар, Оман и ОАЭ**.

Разумеется, в каждой из этих стран есть свои особенности, но в основном все эти буквально купающиеся в роскоши и очень хорошо, по-современному организованные государства Залива примерно одинаковы. Огромные современные города, вышколенная администрация (с соблюдением норм ислама, например в том, что касается спиртного), очень богатые магазины, хорошие дороги по пустыням, сотни тысяч обводненных в пустыне ферм, поставляющих зерно и другие продовольственные продукты собственным потребителям и на внешний рынок, — все это впечатляет. Часть своих доходов эмираты щедро жертвуют тем бедным арабским странам, которые лишены нефти и при этом должны помогать палестинцам. Немало идет и самим палестинцам. Заметное количество ежегодного дохода распределяется как между крупными владельцами месторождений (обычно это члены правящих домов эмиратов), так и среди остальных коренных жителей, на чью долю, стоит отметить, достается немало. Труд гастарбайтеров оплачивается из казны, как упоминалось, по щедрым, но обычным расценкам, не идущим в сравнение с долями

и привилегиями коренных жителей, обычно из числа уже упомянутых бедуинов или бывших бедуинов. Остается добавить, что отношение к женщине, обязанной соблюдать нормы ислама и соответственно закутываться с ног до головы, ныне тщательно соблюдается там, где ислам является официальной религией (таких большинство), но не игнорируется и в других, вплоть до нашей Чечни. Оно характерно и для стран Залива.

Йемен на юге Аравии в середине XX в. был разделен на части, причем южная часть, бывший английский Аден, вначале взяла было курс на развитие по марксистско-социалистическому пути. Но на рубеже 80–90-х гг. обе части страны воссоединились, а обнаруженные в стране залежи нефти, пока небольшие, вроде бы обнадеживали. Однако вспыхнувшая в начале 90-х гражданская война резко ухудшила положение дел в этом многострадальном аравийском оазисе. Реформы 90-х гг. к успеху не привели. Нефть своего веского слова не сказала. Зато исламисты стали накапливать силы и играть все большую роль. В стране все громче начали раздаваться голоса обычных в Аравии ваххабитов.

Об Афганистане едва ли стоит еще раз напоминать. Страна по-прежнему была в огне войны и занята производством наркотиков. Некоторое время в конце 80-х там прошло без войны, зато стало отличаться натиском талибов, которые с середины 90-х стали фактическими хозяевами страны, хотя и ненадолго.

Важно сказать несколько слов и о **центральноазиатских республиках**, возникших после распада СССР. И хотя об этом историческом периоде речь пойдет чуть позже, стоит сразу же заметить, что эти республики, которые расположены к северу от Афганистана, тоже заселены преимущественно народами, которые исповедуют ислам. Это многонаселенный **Узбекистан**, большой **Казахстан**, небольшая **Киргизия**, древний **Таджикистан** и богатая ресурсами **Туркмения**. Все эти страны, о чем стоит сразу же сказать, близки между собой в том, что сравнительно недавно перестали быть частями СССР. Но они, как и закавказский **Азербайджан**, весьма отличаются друг от друга. Не вдаваясь подробно в эти различия, сразу обратим внимание на то, что пребывание в составе имперской России и СССР сыграло немалую роль в том, что исламские традиции во всех этих странах сохранялись с трудом и без особой тщательности. В годы советской власти они вовсе сильно преследовались, что не могло не сказаться на их внутренней прочности. Сейчас понемногу оживают, причем в различной степени. Но так случилось, что по сво-

ей внутренней мощи исламские традиции во всех этих республиках намного уступают тому взрыву ислама-исламизма, что давно уже ярким пламенем разгорается на территории Северного Кавказа, являющегося ныне частью России и потому особо, в качестве отдельного государственного образования, здесь не рассматриваемого.

МИР ИСЛАМА КАК ФЕНОМЕН

Если попытаться в самом общем виде подвести хотя бы некоторые итоги всему тому, что произошло с миром ислама после его деколонизации (а колонизован он был в основном еще в далеком прошлом и оставался таким вплоть до послевоенного времени почти весь, кроме разве что Турции и еще некоторых небольших анклавов), то вывод окажется во многих отношениях весьма неясным. И не то смущает, что придавленный либо не имевший условий для полной свободы проявления ислам как религия и образ жизни в эпоху деколонизации, т.е. сравнительно недавно, повсюду как бы воскрес, во всяком случае ожил, а то, сколь бурно кипящая жизнь забила в нем, да еще с такой силой, что очень многим приходится на всякий случай поостеречься.

Для мира ислама близко многое из того, о чем говорилось применительно к латиноамериканской специфике. Здесь тоже большинство стран длительное время находилось в состоянии смешанных обществ, сочетания элементов разных структур, и соответственно ощущали болезненную для них ломку. Однако принципиальным и очень важным отличием стран исламской модели было именно то, что они относились к иной религиозно-цивилизационной глобальной общности и соответственно имели другие, причем весьма крепко укоренившиеся традиции. Главной из них является не столько даже резко противостоящая толерантности жесткость принятой нормы, доходящая до фанатизма, сколько несовместимость или затрудненная совместимость основных идейно-институциональных принципов с западными. В чем-то вроде бы сходные (склонность к торговле, к предпринимательству, к соблюдению договорно-правовых норм), они резко непримиримы в главном, во всем том, что касается прав и свобод человека, норм гражданского общества с его системой выборности и отчетности власть имущих. Здесь сближение дается трудней всего, причем нормы привычной для Запада электоральной культуры используются для уменьшения их значимости в жизни общества (выборы почти везде заведомо приносят одобрение исламистам).

Немалая часть исламских стран, как крупные и развитые, так и богатые нефтяными долларами (а в этом отношении мир ислама абсолютно лидирует), отличается от остальных, бедных и отсталых, порой крайне отсталых. В этом смысле перед нами в рамках мира ислама как бы два мира. Но это иллюзия. Бедные и богатые мусульмане не оказываются в положении антагонистов. Напротив, они близки именно в том самом главном, что и должно их сближать, в истовой преданности исламу с его традициями, восходящими к раннему Средневековью, к первоначальному учению пророка. И эта крайне немаловажная особенность рождает определенные следствия. Но начнем с начала.

Если исходить из того, что Аллах послал правоверным нефть, газ и соответственно нефтяные доллары — а так склонны в мире ислама считать многие, — то это практически означает, что богатство одних по меньшей мере частично должно иметь отношение и к бедности других. Разумеется, это не значит, что кто-то всё считает и справедливо делит. Но если обратить внимание на социальную практику ислама с его нормативной обязанностью имущих делиться частью своего достояния с неимущими, многое прояснится. Весь мир, в котором присутствуют правоверные, традиционно именуется миром ислама (*дар аль-ислам*), вселенской *уммой*. Умма — это не просто территория или местожительство, это вселенское сообщество *своих*. Можно даже сказать, что там, где живут мусульмане, даже если они в меньшинстве, как то пока имеет место в современной Европе с огромным количеством исламских мигрантов, там и существует умма со всеми ее нормами, включая в случае необходимости и расчет на поддержку со стороны богатых единоверцев.

Развитые страны, которые достаточно благополучны, чтобы не пренебрегать тем, что они сумели заполучить в процессе контакта с Западом и с чем едва ли захотят расстаться даже во имя солидарности с бедными мусульманами (скорей они предпочтут активно поддерживать недовольство бедных, направленное против богатого и процветающего буржуазного Запада), тоже не пренебрегают упомянутой солидарностью. И хотя между ними существуют противоречия, порой даже оборачивавшиеся войнами типа ирано-иракской, явственной доминантой становится эта самая исламская солидарность. Она значит, что все упомянутые страны, от Турции и Ирана до Пакистана и Египта, не просто вынужденно поддаются нажиму со стороны экспансивной части населения, но и как бы переключаются на уровень более высокого напряжения, чего требует большинство во всех них. И они готовы активно поддерживать тех, кто оказался —

опять-таки с точки зрения общего мнения очевидно консолидирующегося мира ислама — в трудном положении.

Страны менее развитые, но более богатые, насыщенные нефтедолларами, в несколько другом положении. Они процветают за счет того, что им дает тот же Запад, потребляя их энергоносители, и это отнюдь не заслуживает осуждения, скорей напротив. Монархии и эмираты Залива вызывают восхищение разумным и справедливым распределением свалившихся, как они полагают, по милости Аллаха на немногочисленные местные народы огромных богатств, умело пущенных в оборот и, вопреки строгим запретам Корана, приносящих очень внушительные проценты. Но вся сложность ситуации в том, что развитие без содействия Запада для этих процветающих стран закрыто, так что антизападный политический курс для них равноценен самоубийству. В то же время поддержать деньгами тех, кто, наподобие палестинцев и афганцев, борется с тем же Западом или олицетворяющим его Израилем, это совсем другое дело. И потому страны Залива активно и щедро поддерживают нефтедолларами всех тех мусульман уммы, кто в силу разных причин оказывается в трудном положении.

И перед современным миром, если не вдаваться в детали, возникает объединенный фронт недовольных Западом все теснее спланивающихся мусульманских стран. А спланивает их ислам. Эта религия, а скорей тщательно соблюдаемый, с великим трудом и крайне редко в чем-либо изменяющийся, очень консервативный и обладающий неопишуемой способностью к регенерации образ жизни, вне обычной нормы. В своем неведении многие в современном мире вне ислама склонны считать ислам обычной религией, сопоставимой, скажем, с христианством. Но это не так. При общности корней всех авраамических монотеистических религий ислам не просто религия, от которой ее адепты могут отойти в сторону, вовсе отказаться, которой можно откровенно пренебречь. **В странах, где ислам — официальная религия, это просто невозможно.** Особенно с тех пор, как на первый план вышли и пышным цветом расцвели притязания на чистоту и полноту традиций исконного средневекового ислама.

И это весьма и весьма тревожно. Не столько потому, что религия отстаивает, пусть даже с излишним рвением, свои высокочтимые нормы существования, сколько из-за того, что по меньшей мере часть ее наиболее активных и энергичных представителей, порой высокообразованных, а то и студентов, в которых во всех странах справедливо привыкли видеть носителей идей будущего, направила

энергию в сторону поддержки исключительности и традиционной воинственности ислама, что порой доводит некоторых мусульман до иступленного состояния, ведущего к практике самоубийц-шахидов. Создается впечатление, что потеряны, утрачены какие-то тормоза. Но только ли в этом дело?

Добавим к сказанному, что исламская модель существования развивающихся стран, пусть не всех, становится все более подчеркнуто антизападной, нередко отличается неприязнью, а то и полным неприятием западного стандарта. И хотя это сказывается и явно будет сказываться в дальнейшем на ее успехах в процессе развития, подобная перспектива, похоже, мир ислама не очень беспокоит.

Глава пятнадцатая. ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

Теперь обратимся к четвертой и последней из основных моделей эволюции все тех же развивающихся стран. Проблемы Африки хорошо известны. Они известны не только специалистам-африканистам или многочисленному отряду антропологов, изучающих отсталые социоэтнические общности. В гораздо большей степени обеспокоены ими разные политики и экономисты, демографы и журналисты, да и вообще все, кто озабочен сегодняшним состоянием дел и близким завтрашним будущим человечества. И это легко понять. За одно только последнее столетие население континента, причем прежде всего и в основном наиболее отсталой его части, африканских тропиков, выросло, напомним, не в четыре раза, как число людей на планете в целом, а раза в два-три больше, и достигло миллиарда. Мало того, оно энергично продолжает расти все возрастающими темпами. Континент пока что — и уже достаточно давно — не в состоянии прокормить себя сам и вынужден существовать за счет помощи извне, объем которой должен регулярно возрастать вследствие упомянутого роста населения. Ситуация в целом не вызывает оптимизма. Напротив, она приводит к весьма неутешительным выводам.

Суть проблемы в том, что выход не просматривается или, во всяком случае, просматривается с трудом и в основном не за счет усилий самих африканцев. Разумеется, жизнь в современной Африке не стоит на месте. А сын одного эмигранта из Кении, довольно продвинутой части африканских тропиков, стал даже президентом США. Но много ли это само по себе изменило в африканских тропиках?

Увы, нет. Очень медленно и понемногу изменяясь, Африка на протяжении последних десятилетий явно не поспевала за темпами демографического роста и вызывавшимися им тревожными переменами в себе самой. И это печальная и практически непоправимая реальность. Это почти что приговор. А означает он то, что африканская модель развития несостоятельна, что развития на практике почти нет. Не то чтобы его вовсе не было. Напротив, рост инвестиций в африканских тропиках очень заметен, особенно со стороны обиженного природными ресурсами, но быстро развивающегося Китая. Но этот рост и растущий объем помощи извне пока что не в состоянии помочь странам африканских тропиков, во всяком случае достаточно эффективно.

В конце XIX столетия, когда колониальное освоение этих тропиков только началось, европейцы впервые вплотную столкнулись с уровнем жизни африканских негров. Не следует думать, что колонизаторы здесь только и делали, что силой завоевывали местное население, хотя без войн, порой жестоких и истребительных, дело не обходилось. Но ведь были и совершенно иные европейцы, подлинные гуманисты вроде врача А. Швейцера, который несколько десятилетий провел в Африке, построил там, в Габоне, больницу и лечил местное население. В его лице — а он был не один — человечество, ужаснувшись состоянию бытия населения африканских тропиков, сочло своим долгом сделать все, что возможно, для помощи ему. Но, с другой стороны, известно и то, что, как только высокая элементарная бытовая культура Запада пришла на смену первобытным нормам бытия, столь характерным для этих тропиков, что, помимо прочего, означало знакомство с медицинской помощью, санитарией и гигиеной, **кривая прироста** бедного, отсталого и обездоленного населения африканских тропиков **неумолимо пошла вверх**. Она потащила за собой и все те **серьезные следствия**, которые ныне столь ярко себя проявляют.

Имеется в виду прежде всего очевидная неспособность сильно возросшего населения нормально себя содержать, а то и просто прокормить. Сначала это было еще не очень заметно. Больше того, всего полвека назад, на первых порах после деколонизации, казалось, что ситуация вот-вот изменится, а Африка, наконец став на ноги, начнет быстрыми темпами изменяться к лучшему в процессе благотворной вестернизации. В целях стимулирования этих ожидавшихся тогда перемен одни соперничавшие друг с другом страны занимались поставками оружия, другие устанавливали в городах и в районах до-

бывающих промыслов современное промышленное оборудование и помогали в строительстве и создании рабочих мест, третьи занимались поставками продуктов питания, которых уже тогда заметно не хватало.

Но все было напрасно. Население Тропической Африки (южнее Сахары, как еще ее именуют) на протяжении десятилетий после деколонизации не только численно возрастало очень быстро, чего естественно было ожидать. Гораздо более серьезным оказалось то, что огромное большинство тех, кто родился, не имели элементарных условий и культурных традиций, чтобы поспеть за временем. Они за не слишком долгий срок своей жизни мало что успевали сделать сверх того, чтобы дать жизнь новому, численно еще большему, чем их собственное, поколению. Можно многократно ставить вопрос, кто или что тому виной. Но факт останется фактом: так было и так, к великому сожалению, пока остается и, более того, останется в обозримом будущем.

Под знаком неудержимого прироста самой бедной и отсталой части населения планеты прошел весь XX век и уже идет начало следующего. А проблема остается и не решается. И дело вовсе не в том, что африканцев из тропической зоны очень скоро будет не меньше, чем китайцев или индийцев. Оно в том, что те худо-бедно, но все же в состоянии сами себя прокормить, а эти, как упомянуто, не могут. Не могут потому, что не успевают за темпами современной жизни, требующими от каждого появившегося на свет много более энергичной созидательной деятельности, нежели то бывало обычным прежде. А они к этому не готовы. Или, скажем мягче, весьма мало и плохо подготовлены. И здесь основа трагедии, которая за последние десятилетия наиболее ярко проявилась на примере Зимбабве, бывшей Родезии. Из нее давно уже были изгнаны многие тысячи европейцев-колонистов, фермеров. Эти колонисты обеспечивали благосостояние бывшей колонии, а занявшие их земли безземельные африканцы справиться с фермами просто не смогли. Итог ныне настолько красочен и очевиден, что не может не приводить к вполне определенным выводам.

Пример Зимбабве поучителен во многих отношениях. К нему, т.е. к неготовности местного населения облагородить не слишком гостеприимную и совсем не плодородную землю африканских тропиков, можно обращаться неоднократно. Но дело вовсе не в том, чтобы беречь хроническую болячку. Гораздо существенней понять, что земледелие в африканских тропиках обходится очень дорого, что оно

требует огромных целенаправленных и квалифицированных усилий при всем том, что существуют и семена, и средства агротехники, да и многое другое, связанное с зеленой революцией, столь помогшей иным континентам. Ко всему этому есть смысл прибавить разного рода стихийные и рукотворные бедствия, вплоть до участвовавших конфликтов и войн, доходящих порой до геноцида, или страшных эпидемий.

К сожалению, люди вне Африки мало знают об этом и еще меньше задумываются над возможными последствиями процесса, который обладает опасным свойством возрастать наподобие снежного кома просто по мере движения вперед. И ведь что парадоксально. Континент этот очень богат природными ресурсами, от нефти до алмазов, не говоря уже обо всем прочем. И как раз теперь, на рубеже веков, многие быстро развивающиеся страны, и в первую очередь упомянутый уже Китай, активно начинают разрабатывать эти богатства, соответственно заключая многомиллиардные контракты. Однако богатства наличествуют не везде. Кому-то вскоре может повезти, а кто-то так и останется без ничего. И, главное, нет никакой уверенности в том, что правительства стран, обладающих ресурсами, сумеют разумно и рачительно использовать то, что они смогут получить за них. Достаточно взглянуть на то, как система управления современными африканскими государствами выглядела в послевоенные десятилетия, чтобы сильно усомниться в возможных результатах.

Сказанное о Тропической Африке в меньшей степени, но подчас относится и к некоторым островам и архипелагам Океании, и к приполярным районам планеты, особенно на севере. Правда, населения во всех этих районах, вместе взятых, несоизмеримо меньше, чем в африканских тропиках. Но условия жизни во многих случаях не намного лучше, что тоже косвенно оказывается — должно оказаться — заботой всего остального человечества. И это один только из многих результатов процесса развития развивающихся стран планеты.

НЕКОТОРЫЕ СТРАНЫ АФРИКАНСКИХ ТРОПИКОВ

Современная Тропическая Африка в результате стихийного процесса ее колонизации во второй половине XIX в. оказалась поделенной на великое множество частей, мелких и более крупных. Они после деколонизации 60-х гг. превратились в независимые государства,

создававшиеся обычно без учета иных факторов, кроме принадлежности той либо иной колониальной державе. Это создало на континенте сложную ситуацию, которая, впрочем, не была бы намного проще и в том случае, если бы колонизаторы в свое время обращали больше внимания на многие мелкие анклавные, в которых жили разные отличные друг от друга этносоциальные общности. В итоге весь континент стал похож на лоскутное одеяло. Едва ли есть смысл оценивать отдельно каждое из многих десятков новых государств. Достаточно остановиться на некоторых наиболее крупных и, кроме того, знаковых странах, совокупность которых дает достаточное представление о событиях на континенте в первые десятилетия после его деколонизации.

Нигерия принадлежит к числу наиболее крупных африканских стран. Населенное многими этническими общностями, расположенными по преимуществу в бассейне Нигера, это государство после обретения им в 1960 г. независимости представляло собой нечто вроде очень непрочной федеративной республики. С 1966 г. начались военные перевороты, которые следовали друг за другом с промежутками в несколько лет, а то и меньше. Приходившие к власти генералы то управляли сами, то передавали власть гражданскому правительству, однако от этих перемен мало что менялось. Страну политически лихорадило, но экономика от этого не очень страдала, ибо богатые нефтяные месторождения давали стране стабильный и неплохой доход и на рубеже веков обеспечивали рост ВВП на уровне 4–5%.

Поскольку население страны лишь наполовину состоит из мусульман (почти все остальные христиане), слишком мощного единого в рамках большого государства движения в пользу исламистов здесь долгое время не было. Но, тем не менее, межконфессиональная рознь на рубеже веков начала заметно давать о себе знать, особенно в городах, где живут и христиане, и мусульмане.

Демократическая Республика Конго (Бельгийское Конго, Заир) — вчера еще одна из наиболее крупных и развитых африканских стран, богатых природными ресурсами. Здесь после первого этапа бурных политических столкновений в начале 60-х гг. прочно укрепился у власти диктатор Ж. Мобуту, что, впрочем, не помешало возникновению в стране нескольких мощных сепаратистских движений, порой ставивших страну на грань гражданской войны. Результат оказался плачевным: к концу правления Мобуту (1997), причем в немалой мере в результате жестокой войны между *хуту* и *тутси* в соседней Руанде в середине 90-х гг., страна оказалась в состоянии

разброда и экономического упадка. Стоит заметить, что при Мобуту, сколь ни заботился он о пополнении своего кармана (богатство его измерялось миллиардами долларов), экономика в стране, правда, благодаря усилиям, в основном, европейских предпринимателей, была успешной, порой почти процветала, откуда Мобуту и добывал свои миллиарды. **После него страна стала быстро катиться к анархии и безвластию, что привело к экономическому ее коллапсу.**

Танзания, оказавшаяся в начале 60-х гг. под властью президента Д. Ньерере, отдала внушительную дань марксистско-социалистическому эксперименту, что постепенно привело до того неплохо существовавшую республику к ряду серьезных кризисов и к открытому недовольству части населения. После Ньерере, с конца 80-х гг., курс был решительно изменен, но наметившемуся заметному улучшению экономического состояния страны помешал наплыв беженцев из все той же многострадальной Руанды.

Кения во главе с Д. Кениатой, а затем Д. Мбои продемонстрировала в 60–70-х гг. постепенный переход от однопартийной системы к многопартийно-конституционной. Эта особенность сыграла важную роль в успокоении страны, которая перед обретением ею независимости находилась под сильным давлением антианглийской группировки *мау-мау*, с трудом разгромленной еще в 50-х гг.

Сомали, расположенное в районе Африканского рога и ныне славящееся пиратством, в 60-х гг. отличалось склонностью к марксистскому социализму, а в 70–80-х гг. это государство распалось на части. Неудивительно, что в таких условиях явного политического хаоса южная часть Сомали, населенная преимущественно мусульманами (стоит заметить, что ислам в Сомали до его распада считался государственной религией), отличается наличием немалого числа фундаментальных экстремистов с их агрессивной политикой. Стоит вспомнить и о сомалийских пиратах, терроризирующих морские пути в районе Африканского рога.

Можно было бы продолжать перечень африканских колоний, обретших независимость и проживших несколько послевоенных десятилетий очень по-разному. Но, поскольку более подробные сведения о государствах африканских тропиков были опубликованы в недавно вышедшем очередном издании моего двухтомника «История Востока» (М., 2011, том II), а более подробные данные легко найти в других специальных трудах и справочниках, целесообразно остановиться на некоторых итоговых выводах. Они многочисленны и достаточно серьезны.

ПРОБЛЕМЫ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Наиболее заслуживающей внимания является общая для всех со- рока с лишком стран этого региона отсталость образа жизни, уходя- щая корнями в многотысячелетнюю традицию. Традиция как тако- вая дает о себе знать повсюду. В некоторых случаях — и это касается прежде всего мира ислама — она очень сильна. Но здесь, в Африке, ее влияние исключительно. Вне зависимости от того, богата та либо иная страна природными ресурсами или нет (а регион в целом от- личается их обилием), на передний план, особенно когда не имеет- ся в виду большой современный город, хотя и здесь бывают нужны оговорки, выходит и прямо-таки бросается в глаза не столько даже отсталость в уровне развития, сколько просто нищета.

Разумеется, речь не идет о лохмотьях, которые в современном мире вроде бы уже перестали символизировать нищету. Проблема одежды в Африке, помимо прочего, решается намного легче, нежели где-либо, прежде всего из-за климата. Но нищета, явно прогрессирующая хотя бы вследствие неумеренного роста населения, видна если и не повсю- ду, то почти везде. И она свидетельствует не только и даже не столько о том, что жителей региона кто-то регулярно и во все возрастающем масштабе обирает, отнимая чуть ли не последнее. Суть в том, что нет здесь воспитанной в других регионах многими веками и тысячелети- ями очень важной привычки к постоянному каждодневному производ- ительному труду подготовленного именно к нему работника.

Разумеется, на тех не слишком многих современных предприятиях, где нужен труд квалифицированных рабочих, их специально готовят и в общем недостатка в них особо не ощущалось. Но при современном характере индустриального производства, подавляющая часть которо- го устроена таким образом, чтобы как можно больше трудовых опера- ций приходилось на долю машин и механизмов, количество требуемой квалифицированной рабочей силы ограничено. И делалось это не в по- следнюю очередь именно потому, что предприниматель (буржуа или фирма, представляющая сумму таких буржуа, очень часто зарубеж- ных) очень хорошо знает, что такое Африка. Он понимает, с какими ра- ботниками приходится иметь дело, и предпочитает вложить капитал в довольно дорогие механизмы и высоко оплачивать именно специально обученных квалифицированных работников, часто из числа приезжих мигрантов или колонистов, нанятых для их обслуживания.

Естественно, что эта политика сказывается на складывающемся рынке труда и на возможности зарабатывать даже в больших городах,

не говоря уже обо всем прочем. Разумеется, огромная масса избыточной и, как правило, неквалифицированной рабочей силы в городах обычно находит себе какое-то применение, будь то торговля, бытовое обслуживание, мелкий бизнес иного плана и т.п. Но и здесь сказывается достаточно невысокая культура труда. Она ведет к тому, что некачественный труд привычно немногого стоит и соответственно оплачивается. А если принять во внимание размер семьи среднего работника, то неудивительно, что его скромного заработка всегда не хватает.

В тех случаях, когда в поисках выхода правители некоторых стран пытались выбрать марксистско-социалистический стандарт, ситуация неизменно лишь ухудшалась. Во-первых, за счет того, что и без того немногие высокопроизводительные буржуазные производства вынужденно сокращали либо вообще прекращали свою деятельность, а во-вторых, потому, что попытка дать работу на национализированном предприятии, которое обычно управлялось не очень-то заинтересованным в плодах своего труда чиновником, нескольким работникам вместо одного квалифицированного никогда к добру не приводила. В итоге стремление уравнивать всех в нищете вело к застою и снижению и без того низкого общего уровня жизни.

Следует сразу же обратить внимание на то, что нищета в регионе отнюдь не может считаться врожденным недостатком и тем более объясняться лишь нерадивостью населения. Просто так складывалась жизнь, которая не очень быстро удалялась от первобытного прошлого. Эта близость к прошлому особенно наглядна на примере жизни африканской деревни. Правда, и сама деревенская жизнь в Африке с ее климатом и не слишком плодородной почвой не очень-то способствовала улучшению ее качества даже при приложении для этого необходимых усилий. Но, как бы то ни было, факт остается фактом. А самое грустное в этом тревожном факте то, что сами по себе, без большой, постоянной и интенсивной посторонней помощи, африканцы выбраться из нищеты просто не в состоянии. Важно и то, что скапливающаяся в том либо ином районе нищета, даже если это внешне не очень ощутимо, может привести к заметным внутривнутриполитическим и этноконфессиональным осложнениям. Люди озлобляются на соседей, на *чужих*, которые, по их представлению, являются конкурентами в борьбе за скудные возможности выжить. И, независимо от того, с чего, по какому поводу возник конфликт, он в состоянии привести к массовому истреблению чужих, к тому самому геноциду, который обошелся в 90-х гг. чуть ли не в миллион жизней в Руанде.

Африке оказывается помощь, причем постоянно заметно возрастающая. Африканским странам довольно часто и без особых сложностей списываются многомиллиардные долги. Но неслыханный демографический рост — и это несмотря на очень большую детскую и иную смертность, в том числе от таких эпидемий, как СПИД, — и слабо преодолеваемая социокультурная отсталость гасят и практически сводят на нет все усилия. Разумеется, если обратить внимание на всю совокупность действий, связанных с современной Африкой, и, в частности, принять во внимание то, что сегодня притекает на континент в форме платы за ресурсы (один мало обеспеченный ресурсами Китай ежегодно тратит на это многие миллиарды), все в конечном счете может показаться не столь уж и драматичным. Но на деле это, к сожалению, не так.

Африка некогда вполне спокойно жила безо всякого вмешательства извне. Потом наступил страшный период расцвета работорговли, за что буржуазные страны сегодня не только извиняются, но и расплачиваются, да еще долго будут расплачиваться. Но всему приходит когда-то и какой-то конец. Вечно жить за чужой счет никто не может рассчитывать. А ситуация складывается таким образом, что африканцам грозит именно это. Несчастье их, если так можно выразиться, в том, что их слишком быстро стало чрезмерно много. Взгляните на то, как живут небольшие арабские эмираты за счет нефти — просто загляденье! А ведь они тоже не чересчур переутруждаются, стремясь заработать на приличную жизнь. Богатство прямо-таки само идет им в руки — и это потому, что они продают свои ресурсы. Казалось бы, вот выход, лучше которого ничего и не придумаешь.

Но вся трагедия в том, что африканцев теперь уже слишком много, чтобы выжить за счет продажи своих ресурсов таким же образом, как это удастся немногочисленным арабам в упомянутых эмиратах. Конечно, в принципе ситуация в будущем еще может несколько выправиться. Далеко не все ресурсы Африки выявлены и пущены в оборот. И на что-то в этом смысле еще можно надеяться. Но все хорошо в меру. И если число нуждающихся африканцев будет и далее такими же темпами превышать объективные возможности, связанные с продажей не столь богатых и ценных и не настолько многочисленных и тем более уже включенных в промышленный оборот ресурсов, как то имеет место в регионе Персидского залива, то и здесь Тропической Африке ни на что особо рассчитывать не придется.

Словом, проблема остается. Более того, она понемногу становится одной из главных для всего современного человечества. И очень похоже на то, что так будет продолжаться и дальше. Ведь реально та скуд-

ная почва и тот жаркий климат, которые характерны для африканских тропиков, увы, не изменятся. В лучшем случае для окультуривания хотя бы небольшой части их — по примеру саудоаравийских ферм — потребуются неслыханные средства. Однако хуже всего то, что одних средств мало. Вспомним еще раз в качестве наглядного примера о Зимбабве, в котором усилиями Мугабе и тех африканцев, что стали владельцами многих тысяч оставленных европейцами ферм, сельское хозяйство оказалось начисто разрушенным. Это государство теперь не только более не поставляет на рынок немалое количество товарной продукции, ради чего старались фермеры из числа европейских колонистов, которые — разумеется, с помощью их наемных африканских работников — выращивали в условиях тропиков достаточно продовольствия, но страдает от голода. Так что дело, на что есть смысл еще раз обратить специальное внимание, не в средствах, которых будто бы нет или не хватает. Дело не в них, а в работниках, которые не приучены к тому тяжелому повседневному и самостоятельному — без указки хозяина — труду, при отсутствии которого фермы здесь просто не в состоянии эффективно функционировать.

Можно было бы продолжать, но едва ли в этом есть смысл. Вывод, к сожалению, вполне определен. Лишь немногие из современных стран африканских тропиков в состоянии поддерживать свое существование без посторонней помощи хотя бы на минимально приемлемом уровне. Еще меньше таких стран имеют ресурсы, достаточные для приличного существования и успешного развития. Для остальных все это недостижимо. Но, несмотря на это и на различные несчастья, будь то войны, эпидемии либо стихийные бедствия, прирост населения оказывается устойчиво большим. Мало того, если брать за основу численность новых африканцев, которая постоянно возрастает, то выход из проблемы, в которой уже оказалась и, насколько можно судить, достаточно долго будет оставаться Тропическая Африка, пока, к чему и сводится мой вывод, не просматривается.

ОКЕАНИЯ И МАРГИНАЛЬНЫЕ АНКЛАВЫ

Большое количество островов и архипелагов Мирового океана в свое время осваивалось колониальными державами не слишком активно. Дело это было достаточно сложным, требовавшим кропотливого внимания и далеко не всегда экономически оправдывавшимся. Как легко понять, на многих из островов Океании жили аборигены, сильно отстававшие в развитии. Еще в большей степени это относится к

народам приполярных зон. Что касается Океании (стоит напомнить, что обычно острова и архипелаги Океании группируют в три больших региона, Полинезию, Меланезию и Микронезию), то она была в не малой мере вовлечена в военные действия в ходе Второй мировой войны, причем смена одних колонизаторов другими, в частности японцами, сыграла определенную роль в развитии местного населения хотя бы за счет военного строительства, требовавшего рабочих рук.

Следует сразу же заметить, что, независимо от географической параллели, в зоне которой расположен тот либо иной архипелаг или остров, океан обычно смягчал климат, а почва всюду была более или менее подходящей для производства сельскохозяйственной продукции. В ряде случаев острова, население которых вымирало, заселялись мигрантами из каких-либо стран, например индийцами. Уровень развития местного населения очень разный. Некоторые из островов или архипелагов в процессе деколонизации превратились в государства. Для отечественного читателя, хорошо знакомого с территорией Папуа — Новая Гвинея, сравнительно недавно, в XIX столетии, описанной ее знаменитым первооткрывателем Н. Н. Миклухо-Маклаем, будет любопытно узнать, что теперь на этой территории существует государство, которое при помощи соседней Австралии наладило производство ряда продуктов (кофе, пальмовое масло, копра) и разработку местных ресурсов (цветные металлы, нефть). Ряд островов Микронезии тоже создали государства, активно поддерживаемые США. Список можно продолжить, напомнив о Кирибати, Фиджи или Королевстве Тонга. Но показательно, что многие из анклавов, о которых идет речь, включая и здесь не упомянутые, самостоятельно, без поддержки извне, существовать в качестве независимых государственных образований не могут.

Если коснуться истории ряда отсталых народов приполярных районов, будь то чукчи или эскимосы, алеуты или некоторые другие, ситуация окажется примерно той же. Мы вправе отнестись снисходительно ко всем народам Океании и приполярных зон, ибо все вместе они едва ли намного превышают число в 2–3 миллиона. Ясно, что по сравнению с Тропической Африкой это сумма немногочисленных маргиналов, что, впрочем, не исключает того, что ко всем ним следует относиться с должным вниманием. При этом, однако, сам факт наличия в огромной массе современных народов довольно заметного количества отсталых не исключает ни того, что они нуждаются в помощи, ни того, что они имеют шансы развиваться и в конечном счете достичь в процессе развития заметных результатов.

К слову, это же относится и к таким предельно отсталым народам, как австралийские аборигены. По меньшей мере часть их, уже вполне владеющая английским и получившая некоторое школьное образование, демонстрируют это наглядно, с экрана телевизора. И даже если это только очевидное меньшинство, сам по себе факт убедительно свидетельствует о том, что в процессе развития для любых идущих по этому пути нет и не может быть ничего невозможного. Возможно, что то же самое в принципе можно было бы сказать и о крайне малочисленных пигмеях, так же как и о много чаще встречающихся южноафриканских бушменах, которые еще насчитываются десятками тысяч и порой встречаются в качестве работников на некоторых фермах южноафриканских колонистов.

Впрочем, со всеми такими представителями Homo Sapiens, которые принадлежат к числу наиболее отсталых представителей этого вида, дело обстоит наиболее сложно. Особенно это касается пигмеев. Но дело не в частностях, а в принципе. Принцип же сам по себе неколебим. И сводится он к тому, что любой представитель сапиентов вообще-то имеет данные для того, чтобы стать если и не вровень или почти вровень с теми, кто оказался достаточно развит, т.е. чтобы стоять среди тех, кто успешно идет вперед в процессе вестернизации. Но одно дело — принцип и совсем другое — некая реальность. Реальность же остается в том, что, хотя разного рода маргиналы своим существованием не отвергают того факта, что развиваться могут все, на деле все много сложнее. Они не обязательно проявляют способности и стремление к развитию, но зато имеют достаточно шансов подойти к уровню вымирания, что диктуется законом движения (нет движения — все сущее движется к энтропии). И теперь, обратив внимание на эти детали, стоит попытаться сделать генеральные общие выводы.

Глава шестнадцатая. ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Обобщающие выводы опираются на анализ всего того, что было сказано о мире развивающихся стран, как успешно трансформирующихся в сторону обществ смешанного восточно-западного и тем более развитого западного типа, так и слабо преуспевающих в этом. Или даже тех, что почти вовсе не движутся в интересующем нас направлении. Как подсказывает беглый взгляд на все рассмотренные основные модели и субмодели, они в конечном счете лучше всего

воспринимаются, если обратить преимущественное внимание на членение их по религиозно-цивилизационному принципу. И в этом есть немалый резон. Поэтому примем это за достаточную исходную позицию и будем рассуждать, отталкиваясь именно от нее.

Вначале, когда речь шла о восточноазиатской китайско-конфуцианской модели развития и о том влиянии, которое оказывало присутствие хуацяо в некоторых чуждых этой цивилизации странах, как Индонезия, Малайзия либо Филиппины, были выявлены особенности конфуцианской модели развития. Затем было выделено и рассмотрено еще несколько моделей, сгруппированных по цивилизационному принципу, будь то индийская, латиноамериканская или исламская. Потом внимание было обращено на отсталые общности, особенно африканские. Теперь самое время взглянуть на всех них сразу и попытаться выявить не столько особенности каждой, что частично уже было сделано, сколько сходство и различия между всеми ними. Точнее, даже степень сходства чего-то одного с чем-то другим и причины ощутимых различий между ними или некоторыми из них.

Это крайне важно не столько для прогнозирования темпов или результатов развития, сколько для того, чтобы докопаться до сути. Суть в том, чтобы оценить модели и их потенции в зависимости от количества и значимости элементов обществ разного типа, составляющих их первооснову, социополитический идейно-институциональный фундамент, а также от тех темпов трансформации одной структуры в другую, которые каждой из них свойственны. Сделать это далеко не просто, ибо сравнительный анализ сложен и запутан, когда объектов сравнения немало. В нашем случае их, не считая субмоделей, пять. Словом, проанализировать ситуацию, имея в виду сотни разных стран, находящихся в процессе развития (раньше писали *догоняющее развитие*¹; ныне очевидно, что догнать могут и хотят далеко не все), не очень простая работа. Но сделать ее необходимо.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

Начнем с более простого. Два субконтинента, латиноамериканский и африканский (южнее Сахары), во многом сходны. Гигантские просторы в пределах географически почти одной и той же зоны,

---

¹ Стоит обратить внимание на посвященный этой проблеме сборник: Что догоняет догоняющее развитие. М., 2011.

огромное и быстро растущее население, богатые природные ресурсы и ограниченные потенции эволюции жителей соответствующих стран убеждают в этом. Сходство очень заметно, начиная с ужасающей бедности и беспорядка большого количества сельского населения — да и не только его, — живущего преимущественно по нормам структуры власти-собственности, и кончая практически регулярными переворотами. Они всегда свидетельствуют о неустойчивости общества смешанного типа с явным преобладанием первобытно-восточных элементов, которое господствовало на протяжении большей части XX в. на обоих этих гигантских континентальных массивах.

Если попытаться теоретически оформить все сказанное, то окажется, что главное здесь — трудный переход этих суперобщностей от старой структуры к новой, обеим моделям мало знакомой западной антично-буржуазной. Она со всеми ее многократно упоминавшимися и не очень просто усваиваемыми атрибутами для населения субконтинентов была чуждой и непонятной, что и рождало не слишком осознанное, но непреходяще-упрямое стремление уйти от необходимости это делать. И хотя нечто в этом роде вовсе не уникальное свойство одних лишь африканских тропиков или латиноамериканской деревни, именно там, да еще в самых бедных и отсталых странах ислама, как в Афганистане, это наиболее четко проявлялось и проявляется до наших дней. Разумеется, между латиноамериканцами и африканскими неграми есть существенная, отчасти даже очень большая разница в уровне развития. Но дело отнюдь не только и даже не столько в том, что обе суперобщности находятся на разных ступенях движения по объективно вроде бы равно переходному пути. Неизмеримо важнее то, что обе они — хотя и в разной степени — вынуждались к этому переходу, будучи на разных ступенях развития и обычно при недостаточной помощи извне, что жизненно важно для успеха.

Разберемся в этом подробнее, не оставив в стороне и существенную разницу между обоими субконтинентами. Латиноамериканцы — если иметь в виду коренных жителей южной части Америки, индейцев, подавляющее большинство которых находилось на доурбанистическом уровне развития, хотя значительная их часть преодолела этот уровень, — раньше всех неевропейских народов были колонизованы. Их традиции были если и не ликвидированы полностью, то насильственно сломаны и грубо замещены иными. Эти иные, иберийско-католические, тоже очень слабо связанные с антично-буржуазными, сами являлись переходными от старой структуры к

новой. Конечно, они сыграли свою роль, положив начало переходу местного населения к новой структуре. Но большое количество африканцев из числа привезенных рабов сильно ослабило общий уровень процесса упомянутого перехода, ибо примитивно-первобытные традиции африканцев были намного более отсталыми по сравнению с индейскими. Разницу преодолевали, на что уходило немало сил и времени. Кроме того, влияние католицизма, слабо связанного с сформировавшимися на Западе новоевропейскими традициями, включая и антично-предбуржуазные, хотя и было в Латинской Америке сильнее индейского и африканского, но все же оказывалось недостаточным для того, чтобы энергично воздействовать на процесс перехода к смешанному обществу восточно-западного предбуржуазного типа.

Ситуация в целом, даже имея в виду почти постоянный, пусть не слишком быстрый и тем более массовый, приток колонистов, в основном из католических стран южной Европы, не очень способствовала ускорению этого процесса. Три века, XVI–XVIII, латиноамериканцы находились на мало изменявшемся начальном уровне перехода от привычной для подавляющего большинства старой структуры к еще не очень-то ясно обозначившей свои параметры незнакомой новой. Сильнее менялась разве что религиозно-культурная традиция, которая, вкуче со становившимися общими для всех языками, испанским и португальским, сближавшими метисное население на иберийско-католической основе с существенной примесью разного рода обрядов и культов индейцев и негров, превращалась в главный двигатель прогресса для всего региона. Конец XVIII столетия, насыщенный идеями века Просвещения, напомнил о великих идеалах античности и генеральных принципах созревшей антично-буржуазной структуры.

Колонисты американского севера, в большинстве бывшие выходцами из Англии с ее древними парламентскими традициями, к тому же истовыми протестантами, возбудившись этими идеями, одолели войска метрополии и создали государство, сформированное на идейно-институциональном фундаменте антично-буржуазного либерально-демократического типа. Эти новации не прошли мимо Латинской Америки. Но они были лишь слабым дуновением нового. Гораздо большую роль сыграли наполеоновские войны, следствием которых стали изгнание в начале XIX в. из Америки испанцев и расчищение поля для освобождения от колониального гнета. Это стало сигналом для восстания в латиноамериканских колониях и привело к деколонизации субконтинента. Часть света, раньше всех ставшая

колонией, раньше других и освободилась от колониальной зависимости. Но что это ей принесло?

Переход от старой структуры к новой, едва обозначившейся, только начался, а рецидивы старой с ее произволом власти и бесправием подданных, с недоверием к частной собственности и стремлением избавиться от нее оставались практически в полной силе. Отсюда та картина сумятицы, политической неустойчивости, стремления забрать капиталы в собственность государства и многие сопутствующие этому явления, которые на протяжении XIX–XX вв. оставались характерными для латиноамериканских стран, пусть даже в разной степени. Больше того, все левацкие загибы, которыми до наших дней восхищаются отечественные специалисты по Латинской Америке, начиная с *революции* на некоем мифическом *острове свободы*, — это не более чем рецидив старой, давно отжившей свое структуры.

В Тропической Африке примерно то же самое, но обращенное много глубже назад, к тому архаично-первобытному прошлому, через которое Латинская Америка давно прошла. Это очень сильно отставшее в развитии общество, точнее, огромная сумма социоэтнических общностей, говорящих на многих сотнях несходных языков. Очень небольшая часть прибрежных районов Тропической Африки имела с XV в. контакты с европейцами, ранее всего и преимущественно с португальцами. Но контакты были не слишком основательными и, как правило, ограничивались тогда работоторговлей, сопровождавшейся строительством небольших форпостов. В глубь континента западные колонизаторы и колонисты начали проникать лишь с XIX в., да и то только со второй его половины. Местное население было знакомо со структурой власти-собственности в ранней, доурбанистической и догосударственной ее модификации, а о каком-либо переходе в сторону новой структуры тогда и речи не было. Но с появлением европейцев из буржуазно-демократических стран, эволюционировавших на фундаменте развитого антично-буржуазного типа, начался процесс трансформации, сразу же более быстрый и сложный, чем то было когда-то в Латинской Америке. Кроме того, общая ситуация здесь была другой, что наложило на процесс перехода свой серьезный отпечаток.

Процесс метисации здесь, затронувший разные этнические общности, по в немалой мере и европейских колонистов, сопровождался трансформацией религиозно-культурной традиции и сменой привычного языка общения, каким становился язык метрополии. Но он сопровождался ускорением темпов эволюции, что стало давать со-

всем иные результаты, нежели те, что проявлялись в латиноамериканских республиках. Если в метисной Латинской Америке не существовало заметной сегрегации, это отнюдь не означало, что де-факто она не воспринимала разницу между европеоидными колонистами и массами местного метисного индейско-негритянского населения. Однако этим неравенство и ограничивалось. В Африке ситуация оказалась много более сложной. Та небольшая часть местного населения, в основном из рядов элиты, которая с немалым трудом получала образование, завершавшееся обычно в университетах метрополии, легко отрывалась от большинства и становилась отчетливо противостоявшим остальным социальным слоем. Он де-факто и по мере сил исполнял функции администрации и тем самым оказывался хотя и ниже по статусу, чем европеоидные колонисты, но несравненно выше рядовых своих соотечественников.

Практически это значило, что в африканских колониях шел не только процесс перехода от старой структуры к новой, но и ускоренный процесс созревания условий для появления более совершенной и свойственной уже государству модификации структуры власти-собственности, в рамках которой правитель, опирающийся на элиту администраторов, управлял остальными. Иными словами, параллельно шли два сосуществовавшие друг с другом процесса. Пока были колонии и возглавляли их губернаторы из колонизаторов, эта ситуация не была слишком заметной. Губернатор и его помощники из числа европейцев олицетворяли новую антично-буржуазную структуру со всеми ее аксессуарами, что создавало видимость успешного перехода всей колонии от старой структуры к новой. Но когда деколонизация стала фактом, а на смену губернаторам с их европейскими помощниками пришли местные вожди либо иные получившие образование, а то и просто как-то выдвинувшиеся из числа способных военных амбициозные лидеры, все обернулось резким движением общностей назад, к централизованной государственной модификации прежней структуры власти-собственности.

Борьба за власть и политические перевороты в латиноамериканском стиле, но порой с предельно упрощенными акциями и безо всякой апелляции к институтам демократии, оставленным в наследство колонизаторами, или почти без этих апелляций быстро и как бы само собой становились нормой почти везде. Проявляло себя, не считая склонности обращаться с просьбой о помощи к социалистическим государствам, и стремление к национализации, часто сводившейся к присвоению коллективного достояния руководителями новых го-

сударств. Это вполне естественное поведение в африканских тропиках было связано с традициями централизованной редистрибуции и проистекающей из нее чудовищной коррупции, что имеет самое непосредственное отношение к безусловному праву социальных верхов заниматься перераспределением коллективного достояния (а это, вспомним, основная функция правителя в структуре власти-собственности), не забывая прежде всего о своем кармане.

Для африканцев, чье пребывание — имеются в виду именно тропики — в состоянии колоний было, в отличие от латиноамериканцев, обычно очень недолгим, измерявшимся несколькими десятилетиями, эта традиция была наиболее близка, что и сказалось на результатах. Правящие верхи, которые часто выходили из рядов элиты, традиционно как-то причастной к власти, с легкостью в условиях деколонизации захватывали власть и бесцеремонно брали у страны для собственного потребления все то, что могли взять. То, что оставалось на долю их подданных (при этом демократический антураж практически не имел никакого значения, ибо подданные обычно голосовали, если выборы формально существовали, не по нормам демократического и тем более многопартийного парламентаризма, но просто каждая группа за *своих*), как раз и оказывалось достаточным, причем в лучшем случае, для полуголодного существования. И хотя для новых африканских государств были характерны частые политические перевороты, приход к власти других правителей мало что менял в рамках давно сложившихся взаимоотношений.

Сходство обоих субконтинентов, несмотря на очень заметную разницу между ними, поразительное. Оно убедительно свидетельствует о главном: перед нами одно и то же общество смешанного типа, отнюдь не стремящееся к эволюции. Только в старшем латиноамериканском варианте, несмотря на такую реакцию отсталой крестьянской деревни, развитие все же идет, в ряде случаев довольно быстрое и успешное, в африканском оно лишь начинается, порой даже почти не начинается. Вариант власти-собственности здесь с его догосударственного уровня сдвинулся в сторону чуть более совершенного раннегосударственного, а вот институты антично-буржуазной структуры, если и сохранялись со времен колонизации, то были либо удобным способом распределения власти с помощью выборов в тех случаях, когда в этом бывала нужда, что обычно случалось в государствах с довольно сильными разными этническими общностями, либо просто красочным осовременивающим обрамлением старой структуры, придающим ей некоторую пикантность.

В заключение, зафиксировав уже отмеченную разницу между обоими сходными процессами, можно сделать предварительные выводы о ее следствиях. В латиноамериканском варианте процесс, что бы там ни было, успешно идет и есть надежды, что не только Бразилия и Чили, но и многие другие республики в достаточно близком времени заметно продвинулись в процессе перехода к западной структуре с ее либерально-демократическим идейно-институциональным фундаментом. При этом нет сомнения, что иберийско-метисные религиозно-цивилизационные традиции навсегда останутся важным элементом, который будет являть собой безобидную и, главное, безвредную для процесса успешного развития идентификационную специфику. Во втором случае ситуация много сложнее, если не совсем другая. Здесь нет серьезных свидетельств того, что новая структура как-то всерьез себя проявила, а антично-буржуазные идейно-институциональные принципы в заметной мере легли в ее фундамент. Зато есть уверенность, что процесс преобразования, потребовавший от латиноамериканцев в гораздо более благоприятных условиях в общем свыше полутысячелетия, займет намного больше времени. Нужны, иначе говоря, долгие-долгие века.

Вопрос в том, будут ли эти многие-многие века. И если прибавить к этому почти безудержный демографический рост населения, в основном едва ли не стопроцентно ориентированного на старую структуру и на связанный с ней первобытно-биологический инстинкт, то о серьезной вестернизации Тропической Африки в обозримые исторические сроки говорить не стоит. Африка с ее миллиардным населением и тенденцией к непрекращающемуся его росту — это не столько резерв развитого мира, сколько тяжелое его бремя. В общем-то мир так или иначе это сознает. Но одного сознания — увы! — недостаточно. Вопрос в том, что делать, кому и какими силами, на какие средства. Особенно если принять во внимание, что мигранты из африканских тропиков все более интенсивно проникают в богатую Западную Европу, где адаптируются, если это все же происходит, с очень большим трудом.

СНОВА О КОНФУЦИАНСТВЕ И ХУАЦЯО

Совершенно иначе обстоит дело с эволюцией восточной части Азии, которая буквально на глазах, частично с послевоенного времени, отчасти после смерти Мао, становится, причем достаточно быстро, не просто совсем другой, но едва ли не новым центром миро-

вого развития. Это фиксируется без сомнений и, что существенно, не обращая внимания на то, что в ряде случаев, и в первую очередь в Китае, социополитический антураж и довольно сомнительный идейно-институциональный фундамент с его смутной, но все же имеющей место апелляцией к коммунистическим идеалам вроде бы противоречат основам западного либерально-демократического стандарта. Это, безусловно, следует считать чем-то временным, хотя и, возможно, отнюдь не слишком краткосрочным.

Может показаться, что уверенность подобного рода мало чем обоснована. Однако на самом деле основания есть, о чем выше уже кое-что было сказано. Но повторю или добавлю самое важное. Страны китайско-конфуцианской цивилизации были воспитаны на протяжении долгих веков одним и тем же конфуцианством, хотя вне империи (Корея, Япония, Вьетнам) играл заметную роль и буддизм. Оставаясь веками такими, они вплоть до XIX столетия, если не считать крошечных анклавов вроде Макао, почти не имели дела с западными иностранцами и потому не испытывали влияния его идейно-институционального фундамента. Более активной была в этом отношении разве что Япония, но и ее контакты с индонезийскими голландцами были строго ограничены. Зато с середины XIX в. контакты начали не просто расти, но и играть весомую роль как в экономике, так и в политических связях, о чем шла речь. И показательно, что, стоило всем этим странам ближе узнать Запад, как они начинали активно интересоваться не только проблемами буржуазных преобразований, но и идеологическими учениями, а также и разными политическими доктринами. Это более всего проявилось в Китае, но отчасти и в Японии, также и во Вьетнаме и Корее, не говоря о колониальных анклавах типа Гонконга и Сингапура.

Внешне могло показаться, что эти страны, особенно Китай, продолжают строгую политику изоляции. И частично так оно и было, а олицетворением такого отношения к Западу была правившая империей на протяжении ряда десятилетий всемогущая Цы Си, отказавшаяся как-то даже купить своему маленькому сыну увиденную им в витрине детскую железную дорогу. Но на деле все было иначе. Традиции практическо-прагматической реакции на все то, что могло бы усилить страну и укрепить ее величие, всегда сохранялись в глубинах национального подсознания и так либо иначе, но объективно реализовывались. Происходило это, несмотря на горделивое самосознание Китая, считавшего себя выше всего остального мира с его много низшим по уровню интеллекта и знаний населением. И очень важно точно уловить это парадоксальное состояние умов,

проявлявшееся в форме реакции всегда лидировавшей в империи не слишком легко приходившей к власти, но всегда с помощью непростых экзаменов добивавшейся этого правящей интеллектуальной элиты, вполне логично и естественно тянувшейся к новым знаниям. Эта элита достаточно охотно впитывала их, что было заметно уже в XVII в., когда в империи обосновались ученые иезуиты, и вполне наглядно сказалось на ситуации в Китае в XIX–XX вв.

И если подвести итог, то он сведется к тому, что в период энергичной, хотя и нелегкой, болезненной трансформации великой цивилизации именно конфуцианский стандарт оказался чем-то вроде катализатора. Он, активно работавший в определенной ситуации, включился в эти трудные для страны десятилетия на полную мощность и начал интенсивно работать в нужном направлении, способствуя усвоению западных знаний и стоявших за ними идей и традиций, причем разных. Я бы даже сказал, практически всех, идейно-институционально и социополитически совсем противоположных, условно правых и левых. Но очень существенно, что почву для этого в данном случае, в отличие от многих других, подготовили не колонизаторы, активно действовавшие в этом регионе, как и в прочих, но именно свое конфуцианство, во многом, о чем упоминалось, переключившееся с принципами протестантизма, вообще свои традиции.

Это поистине парадоксально, но именно так. Без и вне интенсивного включения Запада обычно мир вне его, включая конфуцианский Китай, развивался крайне медленно, очень ценил консервативную стабильность и потому не поддерживал сколько-нибудь активных социальных новаторов. Но суть дела в том, что китайская цивилизация была все же принципиально иной по сравнению с исламской или индо-буддийской, латиноамериканской и тем более практически отсутствовавшей тропическо-африканской. В отличие от всех них она истари была ориентирована не на истовую веру в божественную силу Творца, а на реальные возможности на земле живущего и всегда очень старательно работающего человека (*Юй-гун передвигает горы*, как сказано в одном из очень древних китайских мифов именно о такого рода полезном, не сизифовом труде). И это сыграло решающую роль в том, почему та часть человечества, которая ныне столь активно причастна к эволюции по западному стандарту, вплоть до небольших островов вроде Сингапура, имеет отношение именно к конфуцианской цивилизации и сильно затронутой ею Восточной Азии. Но почему это могло сыграть значимую роль в том, о чем идет речь? Да именно потому, что **символом китайской цивилизации всегда был**

труженик, который своим примером показывал другим, как можно хорошим трудом, старанием и упорством неплохо зарабатывать.

Оставим теперь в стороне страны с исконно китайско-конфуцианским идейно-институциональным фундаментом и обратим внимание на то, что во всех остальных случаях в странах востока Азии, причастных к китайско-конфуцианской цивилизации, едва ли не решающую роль в процессе успешной эволюции сыграли хуацяо. Те самые, которые несколько веков назад и чуть ранее колонизаторов начали осваивать страны южных морей, а затем и весь остальной мир. Это было практически, как упоминалось, почти одновременно с географическими открытиями европейцев. Но в отличие от западной колонизации, которая всегда опиралась на активную поддержку государств, хуацяо, о чем шла речь, такой поддержки не имели, а поначалу даже наталкивались на запреты. Тем не менее выполняли они примерно те же функции, что и европейцы, получив позже от этих западных пришельцев некоторые важные новации в сфере институтов, способствовавших экономическому развитию стран, в которых колонизаторы оказывались. Правда, западные колонизаторы с их огнестрельным оружием на первых порах в основном создавали фактории для выгодного товарного обмена, для купли-продажи. Их сравнительно мало заботил местный рынок, долго продолжавший существовать без их заметного воздействия. В отличие от них хуацяо всегда гармонично вписывались в экономическую жизнь стран, где они обосновывались, и довольно скоро их общины начинали господствовать на этом местном рынке.

Словом, западная буржуазия обретала не только экономическую силу, но и политическую мощь, что сыграло свою роль, когда потребности мирового капиталистического рынка привели европейцев к необходимости энергичной вестернизации мира вне Запада. С хуацяо было иначе. Они оседали в городах (а кто им даст высоко ценящуюся на Востоке землю?) и, оказавшись на новых местах освобожденными от привычного гнетущего постоянного воздействия на них со стороны правящей бюрократии имперского Китая, начинали энергично и старательно трудиться. Вообще-то именно это умение быть скромными и до предела сдержанными, дисциплинированными, неприхотливыми и готовыми много работать, постоянно обретая высокий профессионализм в своем деле, все китайцы имели с глубокой древности. Именно этому учил их мудрый Конфуций, не слишком много времени уделявший религии, но смело **вобравший в свое учение**, помимо высокой этики, которая начиналась обычно с благоговейного отношения к древним и к собственным предкам, всю

практическую ценность земного бытия, сводившуюся прежде всего к желанию и готовности постоянно трудиться.

Десятки поколений китайцев были приучены к этому. С глубокой древности они были настроены на постоянное движение вперед в своем деле, на энергию и инициативу, необходимые для достижения успеха, на старание и разумное соперничество в любой сфере деятельности. Вспомним хотя бы о том, что именно китайцы когда-то создали систему тщательно продуманных экзаменов, лучше других выдержать которые могли только те самые умные и способные, которых еще древние, до Конфуция, мудрецы требовали выдвигать из среды остального населения с тем, чтобы именно они помогали управлять народом. Но позже, в период империи, все эти разумные призывы и импульсы гасились административно-бюрократическим произволом застывшей в развитии гигантской империи, не стремившейся поддерживать инициативу частного собственника и опасавшейся возникновения в стране независимого от власти слоя людей. И совсем другое, когда эти же люди оказывались в странах, где такой системы не было или где не было людей, которых этой системе следовало бы всерьез опасаться. Как раз такими и оказались те самые страны южных морей, где китайцы в качестве хуацяо впервые начали довольно интенсивно оседать.

Не преувеличивая можно сказать, что многие государства, находившиеся в те времена в состоянии становления или развала, будь то довольно далекие Филиппины, близкая к Китаю Индонезия или сравнительно отсталые страны соседнего Индокитая, оказались очень подходящим полем деятельности для способных, активных и энергичных хуацяо. Расселяясь в них и достаточно быстро находя для себя подходящую нишу, мигранты из Китая оказывали местному населению и властям немалую услугу и потому обычно, несмотря на естественное чувство недовольства фактом появления чужих, обычно приветствовались, во всяком случае воспринимались с должным пониманием. Поэтому неудивительно, что они за несколько веков всюду сумели стать экономической основой упомянутых государств¹.

---

¹ Во всех этих странах хуацяо, в среднем составляющие обычно не более 10% населения, контролируют на сегодняшний день, опять-таки в среднем, 50–70% частного капитала либо иных финансово-индустриальных активов. В США, где китайцев около 3 миллионов, каждый десятый из них является предпринимателем, чаще всего мелким. Важны, стоит добавить, не точные цифры, существенней учесть масштаб влияния и огромную роль хуацяо в экономической жизни соответствующих стран.

И опять-таки все не просто. Дело вовсе не в том, что кто-то в исламском типа Индонезии или Малайи либо еще каком-то государстве оставлял свою религию и принимал за основу китайский стандарт жизни. Оно в том, что хуацяо создавали в городах, где жили, много ценных и необходимых для всех товаров и организовывали множество предприятий, причем именно эти ценности и предприятия с нанятыми работниками из местного населения, создавая все новые и новые товары, учили всех местных хорошо трудиться и постепенно вели дело к обогащению многих жителей и страны в целом.

КОЛОНИАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ ИНДИИ

В случае с Индией все было опять-таки совсем не так. Совершенно другая цивилизация, иной исходный вариант идейно-институционального фундамента. Принципиальным отличием его от активного древнекитайско-конфуцианского была заведомая пассивность. Идея кармы и несколько искусственно сочетавшаяся с ней неопределенность кастового статуса (как знать, а вдруг именно ты после очередной реинкарнации окажешься в совсем другой и много более высокой касте?) содействовали осторожному и предельно упорядоченному поведению в феноменальном мире. **Что ты заслужил, то и получишь.**

Казалось бы, даже в этой скромной формуле тоже немало от того самого протестантизма, к которому все время обращено наше внимание. Но на деле это не совсем так. Китайца традиция учит всегда и при всех обстоятельствах упорно трудиться. Именно трудиться, а не молиться или делать добрые дела, что само по себе отнюдь не предосудительно. Индиец же — индуист — очень хорошо знает, что дело не в трудовой активности, которая сама по себе не предосудительна, но и мало что дает. Смысл жизни в карме, улучшить которую можно разными способами, но наиболее надежно через разного рода ограничения, обеты, медитацию и т.п., т.е. любым способом, кроме как раз той *китайской* повседневной полуавтоматической работы, которая сама по себе твою карму заведомо не улучшит. К слову, это же относится и к буддистам, что, собственно, и сближает их с индийской цивилизацией.

Но что из этого следует? Следует, нужно еще и еще раз повторить, нечто очень важное. Если без обиняков, то не слишком обнадежива-

ющее. Конечно, для историков философии, разного рода любителей мистики и метафизики все то, что дала человечеству древнеиндийская мысль, может и должно быть сочтено очень ценным подарком. Больше того, и в сфере совершенствования жизни и даже заботы о здоровье (хотя здесь китайцы не уступят никому) Индия, пожалуй, впереди. Я бы даже добавил к этому нечто, что всегда несколько обижает китайских ученых, обожающих древнюю мудрость своего государства. Имеется в виду то, что кое-какие мудрые идеи проникли в Китай именно из Индии. На мой взгляд, здесь нет ничего обидного, ибо все в конечном счете компенсируется. Китай щедро подарил миру нечто свое, причем очень ценное, а Индия кое-что совсем другое, в чем ее никто не превзошел. Но оставим в стороне проблему ценности индийских идей, обращенных почти исключительно в сферу Высшей Небесной Реальности, не имеющей почти ничего общего с феноменальной сферой земного бытия, бесконечно-нудного колеса *сансары*. И соответственно взглянем более пристально на ту самую сферу профанического феноменального бытия, которой индийские мудрецы всегда, в отличие от Конфуция, уделяли столь мало внимания.

Вся проблема Индии в том, что невнимание к этой сфере и пассивность в повседневной жизни, обычно не выходящей за пределы необходимого для обеспечения текущих не слишком больших потребностей, особенно в том, что касается одежды и жилища, тормозили производственную сторону жизни. И если китайцы — ограничимся немногим — подарили миру шелк и фарфор, бумагу и компас, систему экзаменов и книгопечатание, да и много-много другого, то индийцы в этом отношении более чем скромны. Их подарки иные. Они преимущественно в области отвлеченной от жизни мудрости (что есть жизнь или смерть, как обеспечить высшее блаженство или достичь впечатляющих возможностей тела в системе *йоги*), что само по себе не снижает их ценность, но зато существенно корректирует ситуацию в целом. Корректировка в том, что о развитии как о некоем движении вперед в области производства и тем более предпринимательства индийцы до прихода в Индию англичан мало задумывались. Это относится и к тем нескольким столетиям, которые индийцы провели под властью многих мусульманских правителей, которые привнесли в их образ жизни, если не говорить о собственно религиозных идеях и ритуалах, мало что нового.

Вывод напрашивается сам собой, и о нем уже не раз в том либо ином контексте шла речь. Имеется в виду роль колониализма, а если точнее, то Британии в развитии Индии. И не просто в развитии

этого огромного субконтинента, а в той благотворной для него направленности, которая наилучшим образом способствовала выявлению его потенциальных возможностей. Заранее отметая сетования тех, кто не глядя осуждает любой колониализм, есть все основания считать, что именно англичане с их самым передовым на Западе идейно-институциональным антично-буржуазным фундаментом, основанным на правах и свободах развитого гражданского общества, параметры которого были крепко стянуты долгой многопартийно-парламентарной традицией, **оказались оптимальным подарком судьбы для Индии.**

Можно смело сказать, что без них сегодняшняя успешно развивающаяся Индия просто не существовала бы. Вместо нее был бы некий конгломерат враждующих или соперничающих стран, чего, к примеру, нельзя с такой же определенностью сказать о Китае либо Японии. И дело вовсе не в том, что те страны были более самостоятельны в выборе верного пути, хотя и это играло свою роль. Неизмеримо важнее то, что пассивный социокультурный модус Индии без очень подходившего для него британского фундамента двигаться в сторону успешного буржуазной эволюции не был настроен. Китайско-конфуцианский был настроен активно и при влиянии на него со стороны любой страны Запада успешно эволюционировать мог, а пассивный индийский едва ли. Впрочем, утверждать это сложно, ибо нет точки отсчета. Можно лишь настаивать на том, что британский фундамент был для Индии оптимальным. Он оказался подходящим даже для системы каст, которая в определенной степени вписалась в демократические процедуры, особенно на местах, в случае муниципальных выборов, где кастовая солидарность могла играть свою роль¹.

Следовало бы сказать несколько слов о Шри-Ланке, которая по многим параметрам близка к Индии, а буддизм которой оказался втянут в конфликт с тамильскими индуистами. Здесь просматриваются те же особенности, что характерны для индуистской Индии (сильное влияние британского фундамента, конституционный режим без насильственных государственных переворотов, успешное экономическое развитие). Но есть и то, что характерно для рассмотренных выше вкратце буддийских стран, из которых практически

---

¹ Это важно принять во внимание применительно к недавнему прошлому, хотя и сегодня, когда касты формально запрещены конституцией, реальную значимость их едва ли можно отрицать.

нет ни одной, где бы не отмечалось вспышек насилия, порой достаточно заметных и регулярных. Видимо, буддизм как система власти, в отличие от индуизма с его кастами, просто не мог решительно противостоять спорадическим вспышкам насилия.

Буддисты тоже чтут идею кармы. Но похоже, что конечный смысл такого почитания несколько отличает одних от других. Для индуистов карма нечто очень индивидуальное, ибо в случае особой повседневной о ней заботы и тщательного добродетельного поведения дается возможность каждому изменить его кастовой статус к лучшему. Буддисты, не знающие каст, об этом не думают. И хотя вообще-то к насилию они не склонны, их отношение к жизни другое. Не то чтобы все они стремились к *нирване*, это дело только монахов. Но забота об интересах общества, всей *сангхи*, им не чужда. В ряде случаев ради этого они готовы даже принести себя в жертву, идти на самоожжение. Но вот в критической ситуации, как в полпотовской Камбодже, могут смириться с неизбежным насилием и даже готовы погибнуть. Впрочем, многое зависит от ситуации. Японские буддисты порой становились известными своими не просто насилиями, но чуть ли не разбоем. Как бы то ни было, разница между индуизмом и буддизмом существует, а в некоторых случаях, как в Шри-Ланке с ее тамильским меньшинством, национальные конфликты не просто часты, но чуть ли не постоянны.

МИР ИСЛАМА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕМЕН

Британский идейно-институциональный фундамент через систему колониальной администрации сыграл свою роль и в процессе эволюции мусульманских стран. Однако здесь его роль оказалась, вопреки желаниям и ожиданиям, не столь позитивной, как то было в Индии. И виной тому не представшие вдруг нерадивыми англичане, а исключительно сам ислам. Почему получилось так? Ответ следует искать в исламе, что не вызывает сомнений хотя бы вследствие того, что две части из трех, на которые распалась после обретения политической независимости Британская Индия и где большинство населения составляли мусульмане, оказались разительно непохожими на Индию. Они были насыщены насилием и государственными переворотами, чем оказались похожими на почти все прочие, во всяком случае на подавляющее большинство остальных государств мира ислама.

Но начнем с того, что мир ислама велик и потому может показаться, что в различных его странах причины, вызывающие политические перевороты и прочие внутренние раздоры, разные. Это едва ли так. Дело в том, что мир ислама не только очень велик, но и, как говорилось, един и до предела однозначен. Это сущностное однообразие гораздо больше, нежели то, что характерно для уже рассмотренного китайско-конфуцианского, в чем-то к нему кажущегося близким. В китайском, не говоря уже о различиях между Китаем, Японией и Вьетнамом, существуют более значимые несходства между странами, олицетворяющими великую цивилизацию, и теми, где лишь численно сравнительно небольшая доля населения, хуацяо, создает условия, сближающие эти страны с китайско-конфуцианским миром. Но это не мешает близости в главном. Она, эта близость, настолько существенна, что есть основания говорить обо всех этих очень разных странах как о чем-то весьма сходном, во всяком случае больше отличающемся сходством, чем различиями. И это при том, что среди упомянутых стран с сильной общиной хуацяо есть и две крупные мусульманские.

Другими словами, в качестве исходного постулата можно зафиксировать, что в некоторых случаях в условиях господства или сильного давления со стороны предельно активного посюстороннего китайско-конфуцианского стандарта ислам может в чем-то важном для страны (но не для религии!) отступить на второй план. Однако это не означает, что энергия, ведущая к единству, в китайской цивилизации сильнее, чем в исламской. Не значит и то, что причины, объясняющие особенности политической системы ислама, всюду свои. Напротив, эти причины общие и являются результатом действия одинаковых для всех исламских стран внутренних пружин, существующих в соответствии с религиозной нормой. Суть в том, что крайне жесткая **идейно-институциональная основа, фундамент ислама**, в отличие от китайской туго сжата и до предела религиозно детерминирована. В противовес китайской она почти не поддается трансформации. Мусульманский фундамент везде, включая шиитов, единообразен, и, о чем уже шла речь, он, что самое важное, отличается отсутствием толерантности, насыщен изначальной, со времен пророка и Корана, агрессивной экспансией, воинственностью, фанатизмом и фатализмом.

Разумеется, в реальности страны разные, а если учитывать и Тропическую Африку, где преобладают мусульмане, то различий еще больше. Но жесткость как норма жизни в той либо иной форме

все же остается однотипной для всех правоверных. Более конкретный анализ проблем мира ислама весьма сложен. В самом общем виде можно было бы просто сказать, что этот мир вообще не желает никакого развития, но напротив, с каждым годом все чаще и более охотно заявляет о своей приверженности эпохе возникновения религии и мудрости, как и нормам жизни времен пророка. Но такое представление об исламе, несмотря на многие факты, свидетельствующие о неприкрытой ненависти наиболее активной части фундаменталистов-исламистов к ценностям современного Запада и к его идейно-институциональному фундаменту, не было бы полностью корректным. На деле все много сложнее. И вот в этой сложности и надлежит разобраться.

Сначала снова вспомним о наиболее крупных мусульманских странах. Это Турция, Пакистан, Бангладеш, Иран, Ирак, Индонезия и Египет (очень разросшуюся африканскую Нигерию, более чем наполовину мусульманскую, оставим пока в стороне). Среди них, включая Нигерию, почти нет таких, которые прошли бы в прошлом мимо сильного влияния англичан. Правда, Турцию это влияние затронуло лишь слегка, Индонезию ненадолго (там преобладали голландцы). Остальные же подверглись сильному влиянию со стороны британской колониальной администрации. Но интересно, что, в отличие от Индии, Пакистан и Бангладеш, восприняв внешнюю канву британского идейно-институционального фундамента с провозглашением прав и свобод и при существовании многопартийной парламентарно-президентской власти, сохранив английский в качестве главного языка общения, остались именно исламскими республиками.

И дело вовсе не в том, насколько значимую роль играет в них *шариат*. Гораздо важнее то, что формальные признаки западного фундамента в реальности часто не соблюдаются, что лучше всего видно на примере политических переворотов и частой смены конституций. Сильное влияние англичан в шиитском Иране вообще исчезло почти бесследно. Не ощущается оно и в Ираке, да и в Египте, где было, кроме Индии, едва ли не наиболее ощутимым. Примерно то же следует сказать и об аравийских эмиратах, где позиции Британии всего век назад были достаточно крепки. К слову, не лучше ситуация в этом смысле и в тех исламских государствах, где колонизаторами были голландцы, французы или другие европейские народы.

И если, учитывая все это, ставить вопрос о проблемах развития, то окажется, что ни сами мусульманские страны, ни колонизаторы

нужного для успешной вестернизации идейно-институционального фундамента создать не сумели. Может даже возникнуть весьма невыгодное для мусульман представление о том, что они вообще не сумели бы развиваться, если бы не богатые залежи нефти (для Египта эту роль сыграл Суэцкий канал). Только блага, проистекающие от эксплуатации ресурсов, к реализации которых сами эти страны, включая Египет с его каналом, отношения почти не имели, оказались тем источником доходов, прежде всего нефтедолларов, который в мире ислама воспринимается как великий дар Аллаха всем правоверным. Неиссякаемый этот доход действительно не только спас большинство мусульманских стран, но и позволяет держаться на плаву тем из них, бедных, у кого нет ресурсов.

Словом, с трансформацией исламской цивилизации дело обстоит крайне плохо. Эта цивилизация и тем более задающие тон в современном мире ислама фундаменталисты не меняются. Более того, соответствующие страны и народы ничего менять не хотят. Напротив, считают, что всему остальному миру пора перестать изменяться, т.е. вестернизоваться и развиваться по западному пути. А Аллах как бы специально подкрепляет их убеждение в том, что ничего менять не нужно, а все необходимое (не так уж и много его нужно скромному набожному мусульманину) вполне можно приобрести за нефтедоллары. И обретают. Но сложности при этом не только остаются, но и растут. Они в том, что остановка в развитии не безопасна. Те же мусульмане в лице экстремистов сознают, что долго на нефтедолларах не вытянуть. Нужно позаботиться о чем-то более надежном. Надежное в наше время — это так называемое оружие сдерживания, т.е. ракетно-ядерный комплекс. Кое-что в этом плане давно есть у Пакистана. Страстно стремится к тому же и скоро, видимо, добьется своего Иран. А если принять во внимание, сколь давно и успешно спекулирует на владении аналогичным комплексом охотно сотрудничающая с Ираном КНДР, то легко представить, как все будет выглядеть в том случае, если ядерными бомбами везде станут размахивать экстремисты и фундаменталисты.

Здесь можно было бы и остановиться, так как за этим вполне реально ожидаемым близким уже будущим могут последовать непредсказуемые последствия. И вот тут-то и станут всю сказываться те сложности, с которыми нам, вполне возможно, придется встретиться в лице значительной части мира ислама, сплоченного в своей подчас почти патологической неприязни к иноверцам. Современные реалии убедительно свидетельствуют, что в порыве такого рода не-

приязни, чтобы не сказать ненависти, ревностный мусульманин-экстремист, каких становится все больше, готов принести в жертву Аллаху не только себя. Он старается унести вместе с собой к Аллаху всех остальных, даже не слишком правоверных его единоверцев, до которых только смогут дотянуться руки.

ДИНАМИКА ЭВОЛЮЦИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Итак, перед нами несколько основных моделей эволюции, проявивших себя на протяжении послевоенных десятилетий. Встает вопрос, как реагировали страны развивающегося мира на назревавшие в последней трети XX в. серьезные перемены. Ведь дело в том, что в начале последней трети века, где-то с 70-х гг., когда интересующие нас десятилетия стремительно близились к концу, уже четко выяснилось, какие из новаций, воспринятых деколонизованным миром, себя оправдали, какой из избранных путей развития и для кого оказался подходящим, а который проявил себя как решительно негодный. Это заставляло многих задуматься, причем первым и главным из этих многих был Китай.

Но, напоминая об этом, необходимо также учесть, что параллельно с трезвой оценкой первых результатов развития шло некоторое отрезвление в обоих главных блоках стран, которые были противопоставлены друг другу в ходе холодной войны. А если высказываться точнее, речь о том, какую роль в процессе эволюции сыграли экономические *чудеса* в одном из этих блоков и реально все более ощущавшееся на этом фоне ослабление другого, чуть ли не стонавшего от недовольства насильно включенных в него стран. Процесс перемен, тогда еще не очень-то ощущавшихся миром, пришелся как раз на этот период, чего было вполне достаточно, чтобы страны, о которых идет речь, начали понимать, что к чему.

Поскольку вся авторская концепция исходит из того, что в фундаменте генеральных перемен в обществе лежит комплекс идей и институтов, а не что-либо иное, в частности не марксистские *производительные силы* и тем более *производственные отношения*, важно вспомнить, что первые послевоенные годы оказались волею судьбы кратким периодом триумфа мирового коммунизма. Некоторое время многие считали, что именно он одолел мировое зло. При этом не принимались во внимание ни цена победы, ни характер тоталитарного

режима левого толка, ни роль помощи союзников, ни многое другое, со всем этим связанное и, если по правде, очень мало кому тогда известное. Широко известно было, что победил в войне СССР. А раз так, то к нему обращались с надеждой взоры тех, кто сам еще не научился управляться со своей страной и искал помощи и совета в том, как лучше это организовать.

Прибавьте к этому общий средний уровень многочисленных стран, о которых шла речь и подавляющее большинство которых, даже длительное время воспитывавшихся такими демократами, как англичане, не преодолели привычных для них социопсихологических стереотипов и предрассудков, обычно свойственных стандарту структуры власти-собственности. Они видели в СССР нечто в этом смысле близкое и понятное и потому были склонны считать обновленную им жесткую структуру и понятной, и приемлемой, а может быть, и вполне естественной. Речь о структуре с приоритетом власти по сравнению с собственностью, особенно частной, и о господстве государства над подданными. Ни прав, ни свобод, ни демократических процедур, ведущих к регулярной и легитимной смене власти, такая структура не знала и не воспринимала. Однако именно из этого следовал вывод, что, если хочешь достичь успеха в обустройстве своей страны, структурно заведомо близкой и в идейно-институциональном плане почти что родственной той, что именуется социалистической, то стоит выбрать социализм. И многие десятки новых государств испещрили свои конституции и другие основополагающие официальные документы словами *национализация, социализм, пятилетний план, государственный сектор экономики* и иными близкими к ним по смыслу и сути. Это значило, что деколонизованный мир протянул руки к СССР (КНР возникла и тем более оказалась без Мао позже). Даже некоторые латиноамериканские республики, находившиеся в переходной форме структурного существования с немалой ролью антично-буржуазного либерально-демократического стандарта, пошли тем же путем.

Нельзя сказать, что все, сделавшие такой выбор, скоро разочаровались в этом. Во-первых, потому, что многое было привычным (структура одна и та же), а новое проявлялось в акцентах, так что серьезного основания пенять на чужое влияние вроде бы и не было. Во-вторых, из-за того, что такие, как решительно объявившая себя социалистической Куба, и временами ряд крупных африканских стран вроде Египта или Эфиопии, кто активней других воспринимал и усваивал азы марксистского социализма, получали от СССР

очень нужные вещи, в основном оружие. В-третьих, потому, что вначале и достаточно долго, три-четыре десятилетия, соотношение сил и достижения блоков стран, шедших разными путями развития, не были толком выявлены. Правда, с возникновением КНР и тем более советско-китайских разногласий многое усложнилось. Конечно, если принять за бесспорную основу тезис о том, что ласковая телка двух маток сосет, все вроде было бы и ничего. Но ведь очень скоро выяснилось, что за все приходится как-то и чем-то платить. Стало быть, приходилось выбирать. Можно было и ошибиться. Возникло естественное состояние дискомфорта. А если учесть, что это было уже как раз то время — начало последней трети века, — когда ситуация во всем мире стала довольно ускоренными темпами изменяться, проблема еще более усложнялась.

На том рубеже века, о котором только что было упомянуто, с каждым годом становилось очевиднее, что тоталитарные режимы с их марксистско-социалистическим фундаментом, столь близким и понятным отставшим в развитии, теряют и свои позиции (вспомним о гигантских провалившихся социальных экспериментах Мао), и свой престиж. Что сила и престиж их тают, не содействуя развитию, к чему давно, хотя и импульсивно стремился весь мир. Холодная война и чрезмерно длительная напряженность жизни нескольких поколений сказались как на генофонде советского народа, так и на его настроении и готовности жить и работать так, как прежде. Все, что можно было выжать, выжал в свое время вождь. Страна жила, особенно на фоне других, все хуже. Не то чтобы хуже ели или одевались. Это оставалось почти неизменным, к нему даже кое-что добавлялось, как квартиры и бытовая техника. Но из тех же телевизоров, не говоря уже о зарубежных фильмах, народ узнавал, как живут люди там, за железным занавесом. Узнавал и не очень-то старался работать, ибо понимал, что улучшатся лишь вооружение и космическая программа, что многое уйдет на помощь другим странам, тогда как ему достанутся остатки.

Удручающие перемены в СССР и КНР накапливались постепенно, но зато кумулятивный их эффект с каждым днем становился все значительнее, а сходство ситуации в обеих странах марксистского социализма не могло не оказать на развивающийся мир очень сильного воздействия. Для него это был шок. А демонстрировавшиеся Западом чудеса давали понять самым отсталым и упрямым, что время делать ставку на марксистский социализм прошло. Неудивительно, что в таких обстоятельствах развивающийся мир начал

медленно, но решительно разворачиваться в противоположную сторону. Практически это означало, что основной тенденцией оказывалась ставка на усвоение основ антично-буржуазного либерально-демократического фундамента и обретение обществом смешанного, а то и промежуточно-переходного статуса.

Эта перемена не была резкой, но сдвиг в сторону западного стандарта был вне сомнения, причем процесс усиливался по мере роста численности населения, который заметно обгонял прирост производства и потому болезненно сказывался на наиболее отсталых странах, не справлявшихся с обеспечением своего населения даже необходимым минимумом. И именно это все очевидней становилось основной характеристикой развивающихся стран. Становилось все более понятным, что они не резерв развития, а его если еще и не балласт, то уже едва ли не главная забота. Неодолимая сила их не в количестве, не в статусе, даже не в отношении их к развитому миру, а просто в их существовании. И этим, пожалуй, все было сказано. Во всяком случае, с позиций того времени.

Так как же, учитывая сказанное и несколько заглядывая вперед (а об этом специально еще будет идти речь), могут развиваться развивающиеся страны? Решающие выводы вытекают из всего проделанного анализа и в принципе достаточно объективны. Как выясняется, есть всего три пути (речь уже не о моделях) развития. **Первый из них — китайско-конфуцианский и индо-буддийский**, который наиболее наглядно продемонстрирован восточноазиатским миром с его китайско-конфуцианской основой и Индией с ее британскими колонизаторами. Это мирный и успешный заметный путь вперед, от старой структуры к новой, та модернизация-вестернизация, которая была намечена в основных чертах античностью и стала нормой для всего человечества в период расцвета буржуазных преобразований на Западе, а затем, уже в эпоху деколонизации XX века, оказалась наиболее удачной. Латиноамериканский, с учетом всех его внутренних сложностей и проблем, есть основания считать вариантом этого же первого пути, значительно запаздывающим.

Второй путь, исламский, принципиально отличен от первого. Для него — а его даже трудно называть путем развития, ибо главное здесь вовсе не в движении вперед, скорей напротив, — наиболее характерно выдвигание на передний план различных соображений, с модернизацией-вестернизацией напрямую не связанных, хотя и не всегда и не обязательно то и другое решительно отвергающих. Единство исламского мира видится практически всеобщим, включая уже

в очень заметной форме Турцию, частично и республики бывшего СССР. Это означает отнюдь не только признание и уважение к мудрости Корана, зафиксированным в Сунне речам пророка и строгим нормам шариата, но также и повседневное поведение каждого мусульманина, включая обязательный пятикратный ежедневный намаз, посещение по пятницам мечети, внимание к проповеди муллы или имама и соответственно отрицательное отношение к *развратно-му* Западу и особенно к Израилю, включая чаще всего право его на существование.

Многообразие тех благ, которые приносят углеводородные ресурсы с их обильными нефтедолларами, воспринимается как великий дар Аллаха, который послан правоверным. Сами правоверные в условиях возрождения мощи ислама не однородны. В Ираке, Афганистане, Пакистане и еще кое-где (можно вспомнить о Кавказе и о Нигерии) идет настоящая война между непримиримыми экстремистами — а это в основном радикально настроенная мусульманская молодежь — и теми, кто не осознал, по мнению экстремистов, важности их непримиримой позиции. Неприязнь иногда усугубляется противоречиями между суннитами и шиитами. Может даже создаться впечатление, что сами мусульмане друг с другом общего языка найти не могут и что такое будет долго. **Обманчиво это впечатление.** Гораздо больше шансов на то, что мир ислама (по прогнозам демографов, он где-то к 2025 году численно составит треть человечества) **окажется под властью крайних**, которые сумеют силой и террором добиться желанного ими единства в борьбе за *всемирный халифат*. Этого единства, к счастью для человечества, еще нет. Пока. Но благодушно расслабляться едва ли стоит.

Третий путь — африканский. О нем просто нечего сказать. Это самый тяжелый путь, почти безнадежный с точки зрения успешной эволюции. Субконтинент африканских тропиков почти не развивается, увеличиваясь численно. Этот путь, даже при условии энергичной разработки его ресурсов, мало перспективен. Но человечеству придется все время помнить, что с каждым поколением обилие голодных африканцев будет все более тяжелым бременем ложиться на богатый Запад — больше, собственно, не на кого. У Китая, который предполагает наиболее интенсивно разрабатывать ресурсы Африки, хватит собственных забот еще на очень долгое время. Не слишком хорошо в этом смысле обстоят дела и у свыше чем миллиардной Индии. Да и другие развивающиеся страны в лучшем случае сумеют обеспечивать себя. А вот сумеют ли они внести весомый

вклад в решение жизненно важных проблем, стоящих перед всем человечеством, сомнительно. Ведь, за исключением немногих вроде Японии и южной части Кореи, они все еще далеки даже от решения собственных проблем.

Глава семнадцатая. О СМЕШАННОМ И ПЕРЕХОДНОМ ТИПЕ ОБЩЕСТВА

Теперь, пусть с запозданием, разберемся в вопросе о том, что такое общества смешанного типа. Главное здесь в конечном счете сводится к тому, что является сутью всей авторской концепции истории человечества. Это проблема двух сосуществующих и соперничающих структур, традиционно-восточной (иногда первобытно-восточной) власти-собственности и антично-буржуазной рыночно-частнособственнической либерально-демократической. Самое важное — иметь в виду их очевидное принципиальное несходство и связанные с ним различные потенции. Правда, сосуществование всегда несколько, иногда значительно смягчалось религиозно-цивилизационными особенностями различных регионов и, что неизмеримо важнее, спецификой трансформации этих особенностей. Но в любом случае важно, что наряду с сосуществованием и соперничеством следует особо рассмотреть проблему перехода от одной структуры к другой и связанную с этим проблему смешанного и переходного варианта структуры и тесно связанного с ней типа общества.

Проблема сводится к тому, чтобы определить, что представляет собой как тип общества страны, подвергшейся серьезной трансформации. Начнем с того, что путь от одной структуры к другой не просто велик и долог, но и требует усилий от общества. Потому, что структуры очень разные и принципиально противостоят друг другу по нескольким основным параметрам. Для того, чтобы суть проблематики была предельно ясна, следует обратить внимание на основные элементы каждой из генеральных структур в их чистом, идеальном виде. Дело в том, что все эти элементы не только играли в каждой из структур важную, иногда ведущую роль, но и определяли их сущность, облик, характер отношений в обществе, а также потенции и пределы дальнейшей эволюции. **Начнем, естественно, с первой из них.**

1. Структура власти-собственности, возникшая в незапамятные времена на Востоке, в любой из известных модификаций (перво-

бытно-примитивные формы организации социума; общества в складывавшихся и сложившихся древних неантичных и более поздних, в том числе в колониальное время небуржуазных государствах) предполагает существование сильных или заметных родовых и семейно-клановых связей, которые долго сохранялись, особенно на уровне правящей элиты, где они важны как для счета родства и старшинства, так и для учета места в системе редистрибуции. Эти связи при нормальном ходе событий, вне неожиданных потрясений, обычно определяли сложившийся в обществе порядок замещения должностей, включая правителя. В экстраординарных случаях они способствовали решению вопроса об очередном носителе власти. В стадийно поздних, тем более в современных модификациях структуры такие связи замещаются сходными, опирающимися на институты и нормы в рамках партий *нового типа*.

2. Власть правителя, правящей элиты и стоящего у них на службе разветвленного административного аппарата, если он уже есть, обычно величина постоянная в рамках данного государства и общества, что не исключает возможных перемещений внутри иерархической пирамиды, даже предполагает их. Высшая власть обычно наследственна и в любом случае сакрализована, а от личности правителя зависит многое. В ординарных случаях возглавлять страну может почти любой, имеющий на то право. В неординарных многое зависит от значимости оказавшейся на троне личности. **Власть в рамках структуры в любой ее модификации всегда абсолютна и первична.** Такой же она может быть и в каждом из ее подразделений (независимо от того, централизована или децентрализована система редистрибуции, хотя во втором случае полнота власти главы удела или иного руководителя части страны в пределах этой части вне сомнений). Сказанное остается нормой и в современных модификациях этой структуры.

3. Суд, закон и право связаны с типом общества и зависят от него. **Право есть воля власти.** Чем абсолютнее и бесконтрольнее власть, тем очевидней жесткий централизованный контроль в сочетании с властным произволом в организации судопроизводства и всей пенитенциарной системы. И даже если свод действующих норм закона и отправления судопроизводства имеет некоторые статьи, которые касаются частного права (вспомним законы Хаммурапи или Салическую правду), это никак не мешает тому, что суд, закон и право в целом служат интересам государства. Того самого, которое в обществе восточного типа всегда олицетворялось властью, имевшей право де-

лать с нижестоящими все, что пожелает. Суд, закон и нормы права в такого типа обществе, включая аналогичные современные, санкционируют грубое насилие и беззастенчивый произвол власти, отчего она абсолютна.

4. **Все достояние коллектива, населения страны, формально есть владение возглавляющего его руководителя, в любом случае имеющего традиционное право заниматься редистрибуцией этого достояния по своему усмотрению.** Собственности в правовом антично-буржуазном смысле этого слова в обществе первобытного или развитого традиционного восточного типа, которое свойственно такой структуре, нет. Нет его и в современных обществах аналогичного типа. Появляющиеся частные собственники являются таковыми лишь де-факто, но не де-юре, чем и объясняется их приниженный статус, невозможность стать буржуа и превратить свои подчас немалые доходы в капитал, приносящий гарантированные проценты. Этим общество восточного типа, т.е. **мировая деревня**, осознанно оскопляющее частную собственность, принципиально отличается от западного. Будучи богатыми и притом вынужденными щедро субсидировать обычно алчную бюрократическую администрацию, такие частные собственники, если они не принадлежат к правящей элите, формально остаются простолюдинами наравне со всеми остальными обычными подданными государя.

5. **Города на Востоке**, несмотря ни на что, издревле были большими, часто процветающими, с огромным количеством ремесленников и торговцев, иногда довольно богатых. Но, оставаясь в социальном плане обычными поселениями, они не имели ни прав, ни гарантий, ни признанного статуса, ни какого-либо подобия самоуправления. Власть в любом городе принадлежала чиновникам, представлявшим аппарат администрации. Единственное, на что могли надеяться зажиточные горожане, это система социальных корпораций (род, семья и клан, община, каста, цех, землячество, даже секта), в которых богатые обычно играли важную роль. Правительство в лице чиновника охотно шло на контакт с корпорациями, в том числе составленными из иностранцев, возлагая на них ответственность за соблюдение порядка и вообще всех принятых норм общежития, включая исполнение медиативных, порой даже некоторых пенитенциарных функций. А богатые горожане в свою очередь были привычно лояльны по отношению к власти, ибо только она могла защитить их, как и чиновников, от ярости недовольных в годы суровых бедствий и массовых протестных движений. Эта обусловленная реалиями близость

и взаимозависимость власти и частных собственников в некоторой степени сохранялась и сохраняются в стадияльно более поздних современных обществах и государствах с аналогичной структурой.

6. Форма власти, о которой идет речь, неизбежно порождала коррупцию. Вначале она логично проистекала из недовольства правящей верхушки тем, что какая-то часть совокупного продукта коллектива при зарождении частной собственности ускользает из системы распределения. Затем, по мере развития рыночно-частнособственнического хозяйства, аппарат власти утверждался в праве требовать от богатых простолудинов своего рода откупа, что со временем обретало разные формы, но не теряло своей сути. Все подданные, у кого что-то есть сверх минимальной нормы, либо те, кому что-то нужно от аппарата администрации, обязаны поделиться с правящими верхами. Стоит особо подчеркнуть, что коррупция в ее наиболее развитой и изощренной современной форме всегда наследие структуры власти-собственности и традиции редиистрибуции с обычаем обирать разбогатевших частников. Она как институт возникла из практики перераспределения, привилегированную роль в которой играли правящие верхи. Коррупция на более поздних этапах существования структуры перерастала в откровенное воровство, особенно по отношению к казне, откуда путем нехитрых манипуляций причастные к власти либо их родня и ставленники могли просто красть.

7. Состояние консервативной стабильности, стремление избегать любых новаций и страшиться раскачивающих структуру перемен более чем вполне естественны для такой устоявшейся структуры. Народ должен довольствоваться тем, что имеет, для удовлетворения его самых неотложных нужд. Остальное подлежит переделу и в немалой его части уходит в карманы чиновников. Мало того, население обязано быть готовым к тому, чтобы отдать все свои оставшиеся силы, а то и жизнь государству. Неважно, идет речь о строительстве огромной пирамиды, гигантской стены или о создании невиданной военной мощи для завоевания тех, кто такой мощи не имеет. Важно, чтобы все делали то, что велено. И чтобы они всегда были готовы отдать жизнь ради благополучия страны и ее правителя, особенно жестокого. Не дело подданных рассуждать, их участь — слепо повиноваться и, когда велют, искренне восторгаться.

8. Между правящей элитой во главе с правителем и населением традиционно существуют уходящие в глубокую древность доверительные отношения с сильным оттенком патернализма. Более того, патернализм, избавляющий не привыкших к этому подданных от

чувства ответственности и заботы о себе и своих близких, присущей этой структуре и является одной из кардинальных ее основ. Проявляющийся в постоянной опеке власти, в заботе ее об элементарном благополучии подданных, патернализм воспринимается как закон законов. Конфуцианец Мэн-цзы учил, что, если правитель не заботится о народе, его стоит свергнуть, и в истории Китая было немало протестных движений и крестьянских войн, выступавших в периоды кризиса против недобродетельного правителя и, как правило, завершавшихся его ликвидацией с воцарением новой династии, подчас во главе с предводителем восстания. Словом, тезис о патерналистской заботе сверху молчаливо, но крайне весомо определял характер взаимоотношений верхов и низов. Это обычно проявлялось и в открытии казенных амбаров в голодные годы.

Но главное, что стоит принять во внимание, это то, что патернализм по отношению к подданным приучал архаически мыслящих подданных с их привычной ментальностью и свойственными им социопсихологическими стереотипами поведения доверяться власти и надеяться на нее, что тоже было немаловажной причиной и фундаментальной базой постоянного стремления к консервативной стабильности. Лишь крайняя степень дезорганизации общества прерывала эту идиллию и побуждала население протестовать.

9. Готовность служить государству и терпеть, не ропща, любые репрессии — закон такого общества, основанный на всемогущей власти, патернализме и стремлении к консервативной стабильности, как и на полном отсутствии или крайней недостаточности частноправовых норм и всей системы судопроизводства. Какими еще могут быть взаимоотношения между сакрализованным отцом-правителем и его безропотными и почтительными подданными? Но этот опять-таки неписанный закон обусловил отсутствие в структуре, а то и в языке таких понятий, как права и свободы. Вместо этого строгие законы сверху и высшая воля правителя и аппарата власти. К этому стоит добавить, что патернализм и отсутствие представлений о правах и свободах способствовали сплочению равновеликих подданных в рамках привычных социальных корпораций со строгим членением в них на старших и младших и в социуме в целом, не благоволившем к противопоставлявшей себя обществу индивидуальности. Любой талант должен был воспитываться так, чтобы он, будучи отмечен начальством, оказался причастным к власти, к аппарату администрации, а то и ко двору (придворный поэт; умные и способные чиновники в Китае).

10. В восточной структуре нет и не может быть модернизации. Это не означает, что там не делались открытия и что традиционные восточные общества были чужды любых новаций. Такое случалось и порой, как в Китае, играло свою важную роль. Но дело ограничивалось случаем. Не было условий для систематизации достигнутых новаций с целью их постоянного улучшения и усовершенствования с расчетом на новые и более значимые достижения и тем более на рынок, которому они могут понадобиться. Твердая ставка на консервативную стабильность со всем этим просто не совместима. И пример Китая, наиболее показательный, убеждает именно в этом.

Если это и не все элементы, характерные для разных модификаций традиционной первобытной и восточной структуры, то самые основные из них. Вполне понятно, что в конкретных ситуациях они могли несколько варьировать. Но анализу подвергается суть явления, поэтому об оговорках и различиях речь не идет. Суть же важна для того, чтобы можно было увидеть следы такой структуры в любом обществе, будь то примитивные общности глубокой древности, полупервобытная Тропическая Африка, традиционные цивилизации Востока или современная посткоммунистическая Россия.

Обратимся теперь ко второй структуре и уделим внимание тому, что характерно для любой ее модификации, от древнегреческого полиса до нынешних государств развитого буржуазного Запада. Задача та же: вычленил элементы, характерные так либо иначе для любой из таких модификаций.

1. Роль родовых и семейно-клановых связей невелика и имеет тенденцию к минимизации. В любом случае не она определяет основы общества и формы взаимоотношений между ним и возглавляющими его политиками. Для решения проблемы администрации существует детально разработанная еще древними греками процедура демократических выборов. Генетически восходящая к первобытности, эта процедура в античности обрела свои жесткие и нейтральные по отношению к родству и другим связям правила и процедуры. Суть их в том, что из ряда достойных и выдвинутых полноправным населением (гражданами) кандидатов выбираются те, что на свободных и честных выборах получают очевидное большинство. Избранные на небольшой четко определенный срок (обычно один раз), обязанные по истечении его отчитаться и имеющие право на переизбрание, они не имеют никакого отношения к редиистрибуции достояния общества и никак не связаны с имуществом граждан или иных лиц, не имеющих гражданских прав, из которых общество состоит. Функция

управителя (главы) и аппарата администрации в этой структуре сводится к охране упомянутого имущества и к созданию условий для благополучия и благосостояния населения, прежде всего основной его части, полноправных граждан.

2. Ни граждане, ни остальное население не являются подданными. Они не нуждаются в родственно-патерналистской заботе правящей элиты и приучены заботиться о себе сами. Но именно поэтому они нуждаются в строгих законах, неумолимо и равно соблюдаемых по отношению ко всем. Эти законы, где четко прописаны все их права, создаются ранее всего и в них со времен афинского Солона отдан приоритет интересам не государства, а населения, граждан и всех жителей, которые, если не считать рабов, нуждаются в свободе в самом широком смысле этого слова, что со времен античности считается наивысшей ценностью общества этого типа. И созданная гражданами полиса новая антично-протобуржуазная западная структура все эти права и свободы гарантирует, что является основной, основополагающей ее ценностью. Что касается рабов, то их число ограничено и они могут быть отпущены на свободу или выкуплены, стать вольноотпущенниками, обрести статус метеков, т.е. чужих по отношению к данному полису, жителей его без гражданства.

3. В западной структуре нет места иной собственности, кроме как частной. Это не значит, что государство не принимает участия в процессе планировки городов, создания необходимой инфраструктуры, не заботится о внешней политике, не ведет войны и т.п. Но оно делает это не по воле всесильного правителя, а с ведома и в соответствии с решением граждан, выражаемым свободно избранными ими представителями. Граждане являются основной сущностью и главной ценностью государства. Иными словами, **государство в западной структуре — совокупность граждан** страны, в которой это государство создано. А интересы государства отражают избранные представители граждан, со временем вплоть до руководителей типа кабинета министров с его главой, премьером и/или президентом.

4. Частная собственность граждан и прочих лиц охраняется и гарантируется законом и администрацией. Как и свободный рынок, на котором частные собственники свободно оперируют, она является объектом забот со стороны представителей власти. Мало того, в отличие от восточной структуры, где доходы частного не могут быть превращены в капитал, который приносит проценты, ибо там необходимых для этого условий просто нет и потому нет никого, похожего на буржуа, в западной структуре возник протокапитал как феномен.

Со временем по мере развития европейской городской предбуржуазии, затем и полноценной буржуазии именно он становится основой модернизации, а потом и вестернизации человечества.

5. Древнегреческий полис — прежде всего город (деревня и земля — пригороды). Города — основа процветания и энергичного развития общества, предшественники деловых западных городов. Именно города, создававшиеся на европейском Западе по античной модели (рыночная площадь, храм и школа, но не дворец правителя; общественные строения), а также суд, строго фиксированные нормы самоуправления, сила написанного договора и т.п., стали базой формирования буржуазии с ее идейно-институциональной первоосновой. Поэтому только западную структуру и соответствовавший ей тип общества следует считать, в отличие от восточных, **мировым городом**.

6. Западная структура и свойственный ей тип общества всегда способствовали расцвету творческой индивидуальности каждого и тем более обладающего талантом человека. В городе — не при дворе правителя — каждый мог обрести максимальную свободу самовыражения и возможность для расцвета своих способностей, которые при этом, как правило, находили спрос и справедливо вознаграждались обществом, позже иногда и имущими его представителями (благотворительность). Не будучи принижеными подданными, люди обретали возможность стать такими, какими появились на свет по прихоти судьбы, т.е. следовать собственной индивидуальности и приносить тем пользу обществу. На Востоке такое тоже случалось, но там талант всегда зависел от власти, а на Западе обходились без этого.

7. Частная собственность, свободный рынок, индивидуальность творца и активная предпринимательская деятельность с возможностью гарантированно извлекать проценты из протокапитала были на Западе условием модернизации, которая берет свой исток именно в античности. И весь великий смысл существования западной структуры в том, чтобы освободить ум, таланты, энергию и предприимчивость свободного и обладающего строго фиксированными правами и свободами человека, готового стать прото-, пред- и полноценным буржуа (бюргер, горожанин). Этого было достаточно, чтобы добиться в масштабах планеты реализации всего того, что дала людям антично-буржуазная модернизация, возникшая в античности и ставшая со временем заметной на Западе уже с рубежа XV–XVI вв., с Великих географических открытий и процесса колонизации. Западные буржуа, одолев сосуществовавший рядом с ними в средневековой Европе феодализм обществ восточного и смешанного типа,

начали во всю свою гигантскую мощь проявлять себя примерно с XVIII века и особенно после этого. И очень важно принять во внимание, что теперь модернизация, уже ставшая всепланетным явлением и оказавшая сильное воздействие на страны и народы, существовавшие в рамках восточной структуры, обрела, что вполне естественно и само собой разумеется, облик вестернизации

8. Подлинная модернизация как новация, достижимая лишь в определенных условиях, была возможна только там, где господствуют антично-буржуазная структура, мировой город и стандарты общества западного типа. Преимущества этого вне сомнения, отчего и неудивительно, что гигантские успехи в процессе развития проявили именно общества Запада. Все величайшие принципиальные индустриальные или технико-технологические новации — результат вестернизации, с чем едва ли кто-нибудь станет спорить.

* * *

Ко всем этим пунктам — речь об обеих структурах — стоило бы добавить еще один, появившийся уже сравнительно поздно, в основном в XX в. Речь о партиях. Вообще-то говоря, нечто вроде неодинаковых группировок, по-разному реагирующих на всем предложенное решение, восходит к незапамятным временам, когда вопрос, к примеру, о лидере группы бродячих охотников и собирателей решался голосованием, т.е. победой какого-то большинства над остальными. Это и было первоначальное членение на группировки типа будущих партий. Со временем в большинстве обществ восточного типа такие группировки исчезли, хотя в смутное время или в случае крайней опасности они могли неожиданно возрождаться и решать жизненно важные вопросы тем же древнейшим способом. В западном типе общества, начиная с древнегреческих полисов, такая процедура, о чем упоминалось, была повседневной нормой, хотя она вовсе не вела к созданию устойчивых группировок типа партий. В каждом конкретном случае расклад голосов был свой.

В XIX–XX вв. в обществах западного типа и возникавших в результате длительных вынужденных постоянных контактов обществах смешанного типа, существовала, о чем упоминалось, многопартийно-парламентская система, результирующая каждые несколько лет свободный выбор населения. А вот в обществах восточного типа, как и в некоторых из смешанных, стали появляться партии *нового типа*, которые призваны были, формально опираясь на традицию во-

леизъявления народа, на деле лишить народ права выбора, принудив его голосовать за представителей одной партии, сросшейся со все- сильным аппаратом администрации возрожденного либо латентно существовавшего общества восточного типа. Такие партии отметили своим присутствием тоталитарные и близкие к ним авторитарно- полицейские корпоративные режимы. Это было в какой-то форме знаменем времени. Времени тяжелого, когда доминирующими стали многочисленные деколонизовавшиеся, но еще не определившиеся в своем статусе государства с населением, оказавшимся в обществах нового для них, но уже смешанного типа. Как же возникали и что собой представляли эти общества?

СМЕШАННЫЙ ТИП ОБЩЕСТВА

Хотя в чистом виде, особенно имея в виду религиозно-циви- лизационные особенности, обе рассмотренные выше генеральные структуры если изредка и существовали, такое было далеко не всегда. И справедливей — особенно когда речь идет о теоретическом ана- лизе явления — считать, что в этих случаях мы имеем дело с идеаль- ными конструкциями. Однако это вовсе не означает, что вычленение таких конструкций лишено смысла. Как раз напротив, оно облегчает реконструкцию исторического процесса. Больше того, помогает по- нять, что к чему. Факты свидетельствуют, что восточная структура в ее более или менее чистом виде просуществовала многие тысячеле- тия, хотя подчас уже в древности подвергалась давлению со сторо- ны другой (имеется в виду, в частности, феномен ближневосточного эллинизма). Но эта структура и соответствующий ей первобытно- восточный и традиционно-восточный знакомый с цивилизацией и государством тип общества с момента колонизации начали подвер- гаться постоянному и значительному давлению со стороны много более развитого общества западного типа (что, впрочем, не помешало им сохраниться до наших дней).

Западное общество тоже имело сложную историю и в более или менее чистом виде существовало лишь в эпоху античности, да и то более греческой, нежели римской, имея в виду новации периода им- перии. В многочисленных городах средневековой Европы оно поне- воле вынуждено было, по меньшей мере частично, сосуществовать с элементами восточных обществ, особенно в их феодальной модифи- кации (с децентрализованной редистрибуцией). Но оно заново воз-

родилось в своем более совершенном городском облике и достигло высокого предбуржуазно-буржуазного уровня в XVII–XVIII вв., после чего вступило в эпоху триумфа в XIX столетии. С этого времени резко усилился начавшийся раньше, в Западной Европе уже в I тысячелетии, а вне ее с рубежа XV–XVI вв., процесс сложения обществ смешанного типа. Эти общества появлялись в ходе эволюции западноевропейского региона и вестернизации всего остального мира, что понемногу – в разных регионах и странах, естественно, по-своему – вносило в общества вне европейского Запада перемены. Изменения были разными, строго в зависимости от уровня их развития, а также от религиозно-цивилизационных традиций и вызванных ими ментальных особенностей населения. Но смысл сводился к взаимовлиянию элементов восточной и западной структур.

Такого рода влияние следует считать вполне естественным процессом, неизбежным в ситуации длительного сосуществования двух принципиально несходных структур. При этом, однако, нельзя не принимать во внимание разность потенциалов этих структур и соответственно обществ восточного и западного типа. Правда, эта различие проявляло себя обычно не сразу. Логично предполагаемое превосходство западной структуры, очевидное со многих точек зрения, во-первых, не было бесспорным, особенно для не очень-то привыкших к новациям масс населения вне Запада, а во-вторых, не могло сказаться слишком быстро. К тому же вынужденное смешение элементов разных структур не могло не ослаблять возможности европейского Запада. Будучи опутанной чуждыми ей элементами, западная структура оказывалась не в состоянии постоять за себя в открытом бою. Это, в частности, сказалось в годы исламского нашествия на ближневосточные некогда эллинизованные греками земли или переселения варваров в Европу, что сопровождалось кризисом и падением Западной Римской империи¹.

Возрождение античной традиции в ее западном римско-христианском варианте происходило уже на территории европейского Запада. На сей раз традиции восточной структуры у полупервобытных варваров были заведомо слабее либо отсутствовали вовсе, что активно способствовало сохранению и развитию античных полисных

---

¹ Следует особо оговориться, что Восточная Римская империя, Византия, создавшая православный вариант христианства, со временем утратила античные традиции и очень заметно ориентализовалась, так что к моменту своего падения (1453 г.) к западной структуре она имела уже очень слабое отношение, если вообще что-то в этом смысле еще имела.

традиций в городах раннесредневековой Европы. Все это вело к успешному выживанию восходившей к античности предбуржуазии в западноевропейских протофеодального типа обществах, которые в подобных обстоятельствах вынужденно трансформировались в общества смешанного типа. Мало того, на сей раз и в этих благоприятных для них условиях элементы общества западного античного типа (мировой город) явно доминировали, тогда как в варварских королевствах элементы общества первобытно-восточного типа в раннефеодальной их модификации явно отступали под натиском более высокой культуры, составной частью которой рядом с античностью было и западное христианство.

В конечном счете дело шло к трансформации раннефеодального варианта структуры власти-собственности со свойственной ему децентрализацией и с присущим такой структуре обществом восточного типа. Трансформация шла под влиянием и давлением много более передовой городской антично-предбуржуазной структуры с элементами общества западного типа. Вполне очевидные преимущества этого общества на сей раз — если говорить пока только о Западной Европе — с особой силой начали проявляться в эпоху Ренессанса и Реформации, т.е. в XIV–XVI вв. и тем более позже. А успехи западной предбуржуазии не меньше, нежели многие феодальные войны укрупнявшихся западноевропейских государств, способствовали процессу дефеодализации и приходу на смену раздробленности централизованных авторитарных монархий. Это в свою очередь сыграло немалую роль в дальнейшей и ускорявшейся трансформации теперь уже в рамках общества смешанного типа в новых государствах, внутри которых шло движение в сторону преобладания в них западных элементов. Таким образом и выходили на авансцену антично-буржуазные элементы постепенно обновлявшейся и развивавшейся новой западной структуры с характерным для нее новым обществом западного типа.

В это время происходила и очень существенная дифференциация между различными обществами европейского Запада, который, в отличие от стран Восточной Европы и тем более России, развивался не только быстрее, но и иначе. А разница сводилась к тому, какими были трансформировавшиеся общества, насколько энергично становились они обществами смешанного типа и в которых из этих обществ смешанного типа было больше элементов общества западного типа. Те страны, вроде Нидерландов и Англии, что более других преуспевали в развитии, которое проявлялось, в частности, в

успешной колонизации неевропейского мира, много энергичней и легче освобождались от элементов традиционной восточной структуры, сохранявшейся у них со времен раннего Средневековья. За счет успешного развития их городов, особенно портовых, рождавшейся буржуазии, расцвета капиталистических форм торговли и рыночно-частнособственнического предпринимательства они замещали институты власти-собственности античными в существенно обновленной их модификации. Появлялись и укрепляли позиции обществ западного типа парламент и генеральные штаты, не говоря уже об успешно развивавшемся городском самоуправлении и о содействии этому процессу со стороны местных правителей, будь то английская королева Елизавета или голландский штатгальтер Вильгельм Оранский.

Другие западноевропейские страны отставали, что касается Испании и Франции. Отставание привело испанцев к ослаблению их империи и к потере колоний, а Францию к великой революции, которая силой устранила элементы восточной структуры у себя и оказала вольно или невольно в ходе победоносных наполеоновских войн содействие не только в ликвидации их практически во всей Европе, но и в ослаблении их в далекой переставшей быть испанской колонией Латинской Америке. Именно после этого, когда на Западе стала задавать тон рыночно-частнособственническая либерально-демократическая структура и пришло время триумфа буржуазии с ее бурным процессом капиталистической модернизации, проблема окончательного освобождения европейских западных обществ от элементов восточной структуры была успешно решена. Здесь, на Западе, причем уже не только европейском (вспомним о США и Канаде), возродился западный антично-буржуазный тип общества. В немалой мере, хотя и много слабее, этот процесс коснулся большинства стран Восточной Европы. В России же, где не было ни чужой западной, ни своей буржуазии, процесс вестернизации со времен Петра I вынужденно шел причудливо-однобоко и долго не затрагивал главного, не способствовал становлению нового социополитического идейно-институционального фундамента.

Но параллельно с этим крайней важности историческим процессом в странах европейского Запада вне его в ходе колониального освоения мира европейской предбуржуазией, а затем и буржуазией, появлялось пусть много более своеобразное, но тоже общество смешанного типа. Естественно, что этот тип общества был крайне разнообразен и зависел от великого множества весьма объективных

факторов и обстоятельств. Играли свою роль уровень развития разных неевропейских народов, их численность и формы организации, существование либо отсутствие урбанистической цивилизации, религиозно-цивилизационные и ментальные традиции со свойственными им социопсихологическими стереотипами и предрассудками, примитивными суевериями и архаичными мифопоэтическими представлениями, да и многое другое. А поскольку весь этот мир в то время был и кое-где до сегодняшнего дня продолжает существовать в привычных для него рамках восточной структуры с ее либо первобытными либо традиционными обществами восточного типа, то процесс его вынужденной трансформации после начала контактов с Западом принял облик вестернизации. И вся долго шедшая под влиянием колонизаторов модернизация была вестернизацией, что касалось и общества, вольно или невольно, но понемногу обретавшего определенный комплекс элементов западного общества и потому превращавшегося в общество смешанного типа.

Разный объем примеси элементов чужого типа общества и культуры тоже зависел от множества факторов и случайностей, начиная со степени отторжения либо готовности воспринять все полезное из чужого. Для этого следовало понять, что полезно, а это тоже было очень не просто и давалось не сразу (Япония потратила на это века, но зато в конечном счете очень многое приобрела). Играли роль и нажим со стороны колонизаторов, и облик самих этих стран-колонизаторов (пиренейские Испания и Португалия, начавшие процесс колонизации, не чета Голландии и Англии, где в то время уже очень активно шел с помощью протестантизма процесс формирования капитализма), и политика колониальной администрации, о чем выше немало было сказано.

Разные общества смешанного типа и развивались, естественно, по-разному. На различия оказывала влияние религиозно-цивилизационная основа тех стран и народов, которые были причастны к урбанистическим цивилизациям. В наименьшей степени это имело отношение к доколумбовым американским цивилизациям с их крайне слабым еще цивилизационным фундаментом, в наибольшей — к исламу с его жесткой спецификой образа жизни. Немалое значение, но уже в несколько ином плане, имела степень первобытной отсталости народов, будь то негры Тропической Африки, жители приполярных районов или части островов и архипелагов Океании. Были и иные условия и обстоятельства, которые определяли облик и формы существования различных возникавших в процессе вестернизации неевро-

пейских обществ смешанного типа. Для всех них — и это необходимо особо отметить — имела значение работорговля, которая, несмотря ни на что (имеются в виду извинения и вся современная политкорректность), навсегда останется грязным пятном на совести европейских предбуржуа и буржуа. Но сейчас следует обратить особое внимание на еще одну сторону проблемы. Смысл ее в анализе обществ смешанно-переходного типа. Это своего рода следующий этап процесса

ОБЩЕСТВА СМЕШАННО-ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Частичный либо широкомасштабный процесс перехода от одного типа общества к другому со смешением их элементов следует считать нормой, ибо без этого восприятие нового отсталыми общностями было бы просто невозможно. А это бывало реальностью, начиная с первых попыток контакта обществ разных типов, что случилось еще в эпоху ближневосточного эллинизма. Впрочем, это никогда не мешало специалистам отличать общества с преобладанием элементов одного типа от обществ с господством элементов другого из них, как и определяющую в каждом случае тенденцию эволюции. В принципе преобладало движение от восточного типа к западному, но отнюдь не всегда. Обратное направление бывало и в поздней древности, когда шел процесс ориентализации ближневосточного эллинизма, и в период раннего европейского Средневековья, когда античный мир уступал дорогу приходившим с востока варварам, преимущественно кочевникам или рушившим все мусульманам. Случалось нечто в этом роде и позже, вполне достаточно вспомнить ориентализацию Византии, не говоря уже о ее христианизованных ближневосточных окраинах типа Египта или Сирии.

Словом, случалось по-разному. Но среди множества линий в конечном счете преобладала, как то обычно бывало и свойственно процессу эволюции, главная. А она сводилась к переходу от общества первобытно-восточного либо традиционно-восточного типа к обществу западного типа. И хотя прежде, чем успешно совершить такой переход, требовалось стать обществом смешанного типа, о котором только что шла речь, это никогда не мешало двигаться далее в том же направлении. Впрочем, и те, кто двигался в обратном направлении, как то было с некоторыми странами ислама, тоже могли оказаться *обществами смешанно-переходного типа*. Но если поставить вопрос, что случалось чаще, нет сомнений в ответе. Поэтому, говоря об обще-

ствах смешанно-переходного типа, будем иметь в виду те, что идут от восточного к западному. А разница между ними и обществами смешанного типа лишь в том, имеем ли мы дело с общностью, застывшей в определенном состоянии и на некоторой фазе смешения (неважно, стоящей на месте илидвигающейся то вперед, то назад — это все равно смешанный тип), или напротив, с обществом, которое находится в процессе продолжения более или менее активного перехода от восточного типа к западному. Играет роль и то, с какой скоростью и по какой причине, под воздействием каких сил и обстоятельств идет процесс такого рода трансформации.

Такого рода смену социополитического стандарта бытия, трансформацию фундамента, следует считать естественной и в принципе закономерной нормой. Она соответствует гипотетическому вселенскому закону, смысл которого, о чем в свое время шла речь, в том, что движение, эволюция, — это условие существования всего сущего и жизни всего живого. Этот закон неумолим. Автоматически и тем более без сложностей и препятствий он, однако, не реализовывался, особенно на раннем этапе процесса. Ведь в исторической реальности переход отстававших восточных обществ к чуждому для них стандарту динамичных и много более развитых во многих отношениях западных был нежелательным, ибо решительно нарушал привычный ритм их существования. Однако гибель античного мира с его успешной тысячелетней историей не смогла и не должна была повернуть процесс эволюции человечества вспять. Появившиеся с востока варварские полукочевые народы, включая мусульман, которые поставили точку на существовании Западной Римской империи и создали на развалинах Рима протофеодальную модификацию привычной для первобытно-восточных обществ структуры власти-собственности, вынуждены были развиваться под воздействием высокой антично-христианской культуры.

Обратим особое внимание на этот случай. Это не причудливый извив эволюции, но ее генеральная линия. Кажущаяся спонтанность формирования западноевропейского феодализма на самом деле не такова. Создание слабых государственных образований полупервобытными общностями, знакомыми с нормами структуры власти-собственности в наиболее примитивной их форме, протекало не на пустом месте. Оно шло на фоне тысячелетнего существования здесь высокоразвитой античной структуры с чуждым для варварских королевств идейно-институциональным фундаментом, с активной городской жизнью, рыночно-частнособственнической экономикой

и колоссальными успехами в сфере невиданной в восточных обществах модернизации. Эти антично-христианские традиции Рима (о Византии нет речи) не исчезли, но напротив, возродились в феодализме европейского Запада в виде самоуправляемых городов, в основном бывших римских колоний. Такие незнакомые варварам города заимствовали основы своей структуры и самоуправления из римской античности и в свою очередь оказали решающее воздействие на трансформацию варварских королевств.

С трансформации под влиянием античной традиции примитивных обществ первобытно-восточного типа и создания на этой основе первых обществ смешанного типа началось западноевропейское средневековье. Понятно, что очень важной вехой в процессе развития, о котором идет речь, следует считать появление, а затем и длительное процветание городских агломераций. Сначала это была североитальянская Ломбардия с великой Флоренцией, затем, чуть позже, городское сообщество Нидерландов и содружество городов Ганзы с выработанными ими Любекским и Магдебургским правом. Основные элементы древнегреческого полиса с его демократическими процедурами и высшей ценностью прав и свободы, предоставлявшие гражданам и метекам исключительно благоприятные возможности для торгово-ремесленной частнособственнической активности, легли в фундамент и духа предпринимательства, и выборного управления раннесредневековых европейских городов, бывших тогда дочерними по отношению к античности, но не к варварам.

Развитый город и крестьянская деревня европейского средневековья активно и гармонично взаимодействовали если не с их возникновения, то достаточно рано. Управлявшие либо владевшие сельскими территориями феодалы были заинтересованы в этом в наибольшей степени, так как город представлялся им лакомым куском. Но города, становившиеся все крепче и, как правило, защищенные крепкими стенами и имевшие достаточные возможности для защиты, легко феодалам не поддавались. В итоге был найден приемлемый компромисс: города откупались от притязаний соседних феодалов, приобретая пригороды, подчас достаточно обширные, либо заключали с феодалами договоры, приглашая их жить в городе и даже исполнять обязанности военачальников, а то и обладающих немалой властью правителей. Как правило, договоры соблюдались, а союзы с феодалами содействовали процветанию городского хозяйства и предпринимательской деятельности городских предбуржуа, этих дальних наследников античных граждан-протобуржуа. И здесь стоит напом-

нить, что процесс модернизации, начавшийся именно с появления античности, так как прежде для его сколько-нибудь систематического и целенаправленного функционирования просто не существовало необходимых условий, получил благоприятные возможности для своего успешного продолжения. Это нашло проявление во многих разных сферах деятельности, но главным стало воссоздание античного идейно-институционального фундамента, сломленного было варварами вместе с разорением Рима.

Воссоздать его было не просто, но именно эту роль сыграло великое движение Возрождения, смысл которого в конечном счете и сводился к тому, что соответствующие элементы античности следовало не просто возродить, но и возвеличить. Это и было реализовано городами цветущей Ломбардии, а позже подхвачено и в Нидерландах, в меньшей степени в других городах Западной Европы. Ренессанс, начиная с Флоренции и с великого Данте, вплотную сблизил городскую культуру античности с вчера еще варварско-восточной разноречивой Западной Европой. За Ренессансом последовала церковная Реформация, сыгравшая огромную роль в преобразовании отношений человека с Богом. Рожденная этой перестройкой отношений протестантская этика труженика, стремившегося своим упорным трудом, старанием и достигнутыми успехами угодить Всевышнему и добиться его благоволения и вечного блаженства на том свете, в немалой мере стала средством массовой ориентации все новых и новых поколений работников, из которых выковывались кадры буржуа.

Ренессанс, Реформация и городская культура западноевропейских предбуржуа стали той материальной базовой основой, которая, опираясь на идейно-институциональный антично-буржуазный фундамент, освоила нечто новое. Это было не только превращение феодальных доходов, охотно проедавшихся политической элитой западноевропейских государств, в капитал, но и умение использовать капитал, выявить и поставить себе на службу его способность в условиях правовой защиты от любого типа лихоимцев приносить гарантированные проценты. Это и был процесс трансформации давно уже переплетавшихся западной и восточной структур и западноевропейских обществ смешанного типа в западную антично-предбуржуазную структуру и общества западного типа. **Возникали сперва общества смешанно-переходного типа** не просто с явным преобладанием элементов Запада, но и с укоренным движением в сторону завершения процесса преобладания. Появлялись предбуржуазные, а затем и буржуазные общества уже западного типа с новыми присущими

им возможностями. И это проявлялось сначала в самых передовых государствах европейского Запада, а после революции во Франции и в результате наполеоновских войн во всей континентальной Европе, включая отстававшие и сравнительно слабо развитые страны, как католические Испания или Португалия или восточные ее окраины, кроме разве что России.

Об Испании и Португалии уже шла речь. Стоит, однако, напомнить, что Великие географические открытия были сделаны именно испанцами и португальцами, приморскими странами с хорошо налаженным океанским судоходством. И хотя политическая ситуация в XV в. в этих пиренейских государствах была не слишком завидной, а только что завершившаяся Реконкиста, приведшая к изгнанию из цветущих городов мусульман-мавров и мудрых старательных евреев, не способствовала укреплению в этих городах новых предбуржуа, это не изменило того, что пиренейские страны были частью Западной Европы. Кроме того, сделав великое дело (начало колониального освоения мира вне Европы), они вместе с остальными со временем тоже шли в сторону завершения перехода к обществу западного типа. И это привело к тому, что в истории человечества начался как бы завершающий этап процесса массового перехода от восточного типа общества к западному.

А мощная волна колонизации территорий вне Запада была исходным моментом той вестернизации, в ходе которой общества восточного типа начинали превращаться — каждое в меру сопутствовавших обстоятельств — в смешанные. Колониальная экспансия пришельцев (понятие *Запад* в интересующем нас контексте не имеет прямой коннотации с географией, но отражает историко-культурные процессы в рамках планеты в целом), вначале напоминавших авантюристов, которые искали выгоду в открытии океанских путей в далекие страны Востока, обладавшие пряностями и сокровищами, была только началом. Но начало оказалось многообещающим. На смену пиренейским государствам пришли сообщества буржуа-предпринимателей более развитых Голландии и Англии. Хорошо организованные частные Ост-Индские компании, которые патронировались государством, начали свой энергичный натиск на колонии. И с этого момента практически весь мир вне Запада оказался под сильным влиянием западного рынка, обретавшего немалую силу и безудержно стремившегося к постоянному расширению. Развитие рынка, создающее условия для конкуренции, — могучий стимул для превращения робкой еще вначале западноевропейской

предбуржуазии в буржуазию, начинавшую осознавать свои возможности и перспективы.

Это было началом всепланетного преобразования обществ восточного типа в смешанные, причем для многих из таких обществ их смешение было прелюдией к переходу в общества западного типа. Переход давался не легко и не был кратковременным. Но, тем не менее, **некоторые из обществ, о которых идет речь, становились обществами смешанно-переходного типа.** Начало периода, особенно интенсивно проявившее себя в Новом Свете, восходит к XVI в., когда колонизация южноамериканского субконтинента приняла характер военной экспансии конкистадоров, беззастенчиво грабивших завоеванных индейцев. Там и тогда речь могла идти только о появлении обществ смешанного типа. Но в других колонизованных странах, в том числе в осваивавшемся португальцами юго-восточноазиатском регионе, это была форма сравнительно мирной торговли, сыгравшая роль своеобразной подготовки более развитых обществ к трансформации.

Процесс этот в большинстве стран вне Запада начался позже, в XIX в. он всерьез затронул Китай, Японию, которые вскоре после этого ранее других начали движение в состояние обществ смешанно-переходного типа. Однако потом многое стало зависеть от уже упоминавшихся разных факторов. Все они, действуя порознь или совместно, тем более в разных обстоятельствах, приводили в различной ситуации к неодинаковым результатам. Как правило, чуждые традиции и нормы жизни легко нигде и никем не воспринимались. Сильное давление, а то и принуждение, время и воздействие со стороны нового и полезного, что приходило с Запада, создавали ситуацию, когда привыкшие к изменившимся обстоятельствам новые поколения (не все сразу, но хоть некоторое осязаемое меньшинство) начинали понемногу приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам. **К этому и сводятся особенности становления обществ смешанно-переходного типа.** Однако далеко не все так просто. Первоосновой успешного процесса перехода следует считать уровень развития, особенно отставших в развитии обществ.

Важным фактором, который необходимо учитывать, является религиозно-цивилизационная традиция. Здесь тоже не все гладко. Китай, несмотря на высокомерно декларировавшуюся самостоятельность, на деле всегда был и остается доступным для рациональных доводов. Индия с ее особенностями оказалась подходящим объектом для сильного воздействия на нее со стороны британской

колониальной политики, во многом сочетавшейся с этими особенностями. А вот ислам, вначале не проявлявший особой строптивости и вроде бы поддававшийся внешнему на него воздействию, что лучше всего было заметно на примере стран Магриба и особенно Египта, напротив, оказался в наши дни категорическим противником Запада, довольствуясь состоянием общества смешанного типа с минимумом приемлемых западных элементов.

Описанная ситуация позволяет обратить внимание на факт наличия тех, кто давно и традиционно пребывает в состоянии смешения. Казалось бы, здравый смысл диктует им стараться покинуть это не слишком комфортное промежуточное состояние и тем завершить процесс перехода к обществу западного типа. Ведь в условиях этого общества лучше жить, приобретается возможность создавать что-либо новое, стать более обеспеченными, а то и зажиточными. Но здравый смысл, вопреки распространенному на Западе предположению, отнюдь не всегда главный советчик. Чаще свое берут уровень развития и соответствующий культурный стандарт, закрепленные в ментальности, воспитанной многовековой традицией. И практически нет оснований рассчитывать на то, что уговоры или демонстрация преимуществ другого стандарта сразу же подействуют на тех, кто привычно остается в состоянии смешения и либо не хочет, а то и не может завершить переход.

А время не терпит. У отставших остается мало надежд на хороший исход дела. Они рано или поздно станут еще беднее и по уровню жизни приблизятся к стандарту тех, кто уже сегодня не в состоянии не только двигаться вперед, но и просто существовать без посторонней помощи. Это время, быть может, наступит не очень скоро, но шаги истории в нашу эпоху летят стремительно, как никогда. И нагнать ушедших вперед будет очень не просто. А если принять во внимание, что численность населения планеты продолжает увеличиваться, да еще и с непредставимым ускорением, намного превышая не только примерные расчеты, но и потенциальные возможности природного плодородия (вспомним формулу незабвенного Мальтуса!), то опоздавшие первыми пожнут те неприятности, которые могут в не слишком отдаленную пору нагрнуть на человечество. Остановимся пока на этом. Есть над чем подумать. А пока обратимся к событиям, определившим облик мира в последнем десятилетии XX и в начале XXI века.

СССР – Россия: взрыв и перемены

В первых частях тома было уделено внимание событиям в мире после мировой войны. И хотя хронологически эти события достаточно точно не определялись и речь шла о послевоенных десятилетиях, было вполне очевидно, что имеется в виду история того мрачного периода XX столетия, который был связан с холодной войной. Холод этого полувоенного, а подчас перераставшего в локальные войны напряженного существования ощущался очень сильно. Именно в этот период мировой истории возникли и определяли атмосферу на планете глобальные поля напряжения, обретшие колоссальные возможности, воздействовавшие практически на всех. Эти поля определяли условия, в которых приходилось жить.

Для Запада такое состояние было мощным стимулом для ускорения развития и постоянного движения в сторону интеграции. Для советского блока, который слабел как из-за экспериментов с дорогостоящими попытками привязать к себе некоторые страны развивающегося мира, так и вследствие открытых (СССР и Запад; СССР и КНР), а также менее явных внутренних противоречий и конфликтов, этот холод не сулил ничего хорошего. Однако, тем не менее, период был длительным. Правда, он все же подразделялся на этапы. Сначала это был острый приступ непримиримости, грозивший всемирным взрывом, прелюдией которого стала война в Корее. Но как некое успокаивающее обстоятельство можно было воспринимать смерть вождя, после чего СССР начал вроде бы становиться другим, утратив присущую ему агрессивность, накал которой мир так ощущал в годы войны в Корее. Из этого логично следовало, что в дальнейшем так либо иначе, но все будет решаться соотношением сил, которое менялось, пусть и неторопливо, порой с реверсиями, но все же преимущественно лишь в одну сторону.

Это вполне сознавали новые советские руководители, Хрущев и тем более Брежнев. Хрущев и его партийное окружение долго не

могли смириться с этим и, несмотря на провозглашенный ими курс на мирное сосуществование, были готовы ради сохранения жизненно важных для них полей напряжения идти на авантюрное обострение (Кубинско-карибский кризис 1962 года). Этот рискованный шаг в конечном счете стоил Хрущеву карьеры. Но, тем не менее, мощь глобального напряжения СССР продолжал поддерживать и при Брежнев, свидетельством чего были концентрация сил страны на военно-промышленном комплексе и активизация военной помощи третьему миру. В последней трети XX столетия это стало особенно заметно. Как известно, Хельсинкские соглашения 1975 года формально приостановили нарастание напряженности. Казалось, конец ее был близок. Неясным было разве, каким он станет, чем и как будет отмечен.

Стоит сразу же сказать, что это ожидание, как и все сопровождавшие его события, было не в пользу СССР. Советские руководители продолжали производить все более современное вооружение и оказывать военную поддержку то Анголе, то Кубе, то Никарагуа, то Эфиопии, видя чуть ли не единственное свое спасение в продолжении противостояния США. В реальности такой курс лишь истощал страну. Однако глобальное напряжение в мире не исчезало. Больше того, оно возрастало в ходе усиления новых полей напряжения (СССР — КНР). Тем временем в Китае в сентябре 1976 г. умер Мао. Китай некоторое время находился в состоянии острой внутренней борьбы за власть, пока эту власть решительно не взял в свои руки Дэн Сяопин, который в декабре 1978 г. начал рыночно-капиталистические реформы, призванные положить конец марксистскому социализму в Китае и ознаменовавшие его быстрое движение в сторону прогресса и процветания. Трудно сказать, понимали ли в Москве все то, к чему вели эти реформы.

Похоже, что в любом случае не до конца. Но вполне могли сознавать, что события в новом Китае без Мао были опасным сигналом и для них. А затем, на рубеже 80-х, начались драматические события в Польше, где возникло великое всенародное движение *Солидарность*, с которым правительство Брежнева так и не смогло справиться. Державшийся на военной силе *лагерь социализма* медленно распадался, а в СССР уже не было возможности его сохранить. С этого и началась агония, апогей которой пришелся на войну в Афганистане. Впрочем, ее можно было бы начать отсчитывать и с более раннего времени. Но так ли уж важна разница? И стоит ли спорить? Главное, что конец был неотвратим, так что жалостливые рассуждения на эту тему мало чему могут помочь. Союз оказался обречен.

Не все тогда понимали — да не слишком многие сознают это и сегодня, — что обречен он на неминуемую гибель вождь, причем сделал это задолго до своей смерти, еще тогда, когда он с легкостью строил военные авантюры, после чего, будучи жестоко обманут фюрером, бездумно забрасывал врага десятками миллионов трупов отечественных солдат. Победа была одержана невероятной ценой. Но сразу же оказалось, что вождю этого мало. Велика стала советская империя, возросшая за счет Восточной и Центральной Европы, но этого было недостаточно для удовлетворения его аппетита. И не получившая передышки перенапрягаясь страна уже тогда начала гнуться. Потеряв свою силу, она медленно и внешне даже как бы спокойно шла к своему концу. Неясным только оставалось, каким будет этот конец и как долго его еще ждать. И, кроме всего, теплилась слабая надежда, что, быть может, еще как-нибудь обойдется...

Иными словами, послевоенные десятилетия истории нашей страны были неясными с точки зрения перспектив. И пусть не смущают нас грандиозные успехи в освоении космоса, которые свидетельствовали вроде бы о другом. Эти успехи были велики, но не опирались на надежную базу. А та военная, на которую они и вся страна опирались, с каждым годом становилась все менее надежной и теряла устойчивость. Страна на этом пути давно и вполне очевидно истощалась, особенно при сопоставлении ее с западным миром. Более того, неустойчивость и истощение оказывались все усиливавшимися. Еще было совсем не очевидно, что дело идет к концу холодной войны, но становилось все яснее, что в этой войне СССР, остававшийся советско-коммунистической тоталитарной империей, становился заведомо слабой стороной. В стране появлялась надежда на что-то новое. И хотя эта надежда слишком большого оптимизма не внушала, неумолимый ход истории вел человечество к великим событиям и серьезнейшим переменам. Переменам, которые были вызваны к жизни в конечном счете агонией нежизнеспособного режима тоталитаризма.

Глава восемнадцатая. АГОНИЯ СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

«Вот бараны идут, бьют в барабаны. Шкуры для барабанов дают те же бараны», — писал в свое время Б. Брехт. С упоминания об этом прискорбном сочинении начинаю для того, чтобы лучше было по-

нять, что такое советская власть и тоталитарный режим СССР и от чего к чему страна стремилась в незабываемые годы неудавшихся реформ. Теперь об агонии. Казалось бы, ничего особенного не случилось. Потому и трудно с точностью сказать, когда и из чего именно стало понятно, что холодная война завершается. Неясно было, завершается ли она по доброй воле соглашающихся идти на это противостоящих сторон или по иным причинам. Было бы, конечно, приятней сознавать, что в ходе переговоров, соглашений, изменений в политике. Но при всем позитивном отношении к тому, что случилось, места для такого рода оптимизма явно нет. Все, что мы знаем, говорит о том, что холод войны исчез не по доброй воле пожавших друг другу руки глав двух сверхдержав, как их в те времена порой именовали, но совсем по другой причине. Более того, незадолго до кончины СССР, о чем уже шла речь, пошел на заведомо гибельную авантюру в Афганистане, что перечеркнуло возможность пожать друг другу руки и, напротив, резко обострило противостояние. Только теперь это было уже не противостояние сверхдержав, а отчаянное стремление уходящего из жизни престарелого руководства СССР как-то удержать свои позиции, которые удержать было уже просто невозможно.

Слабеющий СССР с его многими внутренними проблемами и невзгодами был обречен тогда, когда руководству страны стало понятно, что усмирить бунтующий Афганистан ему не по силам. И хотя далеко не все в те дни могли это понять, неумолимый ход событий все тверже и чаще напоминал, что время советского тоталитаризма уходит в прошлое. Однако самое важное для нас не фиксировать этот факт. Гораздо существеннее понять, почему агония тоталитарного режима обошлась стране, измученной экспериментами и до предела истощенной экспансионистскими мечтами о светлом будущем для всего мира, так дорого. Почему на смену тоталитаризму не пришла в нашей стране столь желанная многим либеральная демократия привычного западного типа. Вся восточная часть европы сравнительно легко ее обрела, а в СССР с легкостью вернула себе свободу разве что только Прибалтика.

Здесь сыграло свою роль очень многое, начиная с исторических корней и традиций, с присущих основной части населения страны общинной архаики полупервобытных крестьянских *миров*, сервильного комплекса и привычного патернализма. Существование на протяжении веков крепостного права и архаичная ментальность большинства населения, отстраненная замкнутость в деревнях с привычкой подчиняться начальству и неподготовленностью к самостоятельному су-

ществованию, к ответственности за свои поступки, к элементарным нормам гражданского общества — все это сыграло свою роль. Но только ли это всему виной? Увы, нет. Вспомним цитату из зонга Брехта. Она направлена против тоталитаризма, стремившегося превратить людей, поверивших или вынужденных подчиниться главе режима, в покорных баранов. Из основных тоталитарных государств — а их в предвоенные 30-е и в годы войны было лишь два — нацистская Германия просуществовала лишь какие-нибудь 12 лет (мало кто обращает на это специальное внимание, а стоило бы), а большевистский СССР, в отличие от нее, около 70. Разница огромна и заслуживает внимания. Но гораздо важнее выводы, которые из нее следуют.

В самом общем виде можно сказать, что тоталитарный режим правого толка был кратким эпизодом в жизни достаточно культурных и развитых немцев, чья жизнь была искорежена разве что Первой мировой войной и тяжелым в ней поражением. И хотя этот эпизод был более чем важен и многое объясняет, не стоит удивляться той простоте и скорости, с какой из памяти поколения, сильно им задетого (о других и говорить нечего), нацизм выветрился. Несмотря на хорошо запечатленные кинокамерой миллионные митинги, наполненные горячей и вполне искренней любовью народа к фюреру, он оказался после Второй мировой войны почти никому не нужным. За него следовало разве что расплатиться с теми, кто от него пострадал, что Германия в меру своих сил и средств более или менее аккуратно и сделала. Это очень важно подчеркнуть, потому что оно многое объясняет. Прежде всего то, как легко немцы социально, морально и по всем иным параметрам восстановились, обрели ту вполне естественную для буржуазного Запада норму жизни и поведения, какая характерна для всех западных стран.

И нет на Западе сегодня ни нацистов, ни тем более коммунистов, зато есть и прежде занимавшие в обществе весьма почтенное место социал-демократы и христианские демократы. Правда, в Германии как следствие знаменитых Нюрнбергских процессов, покончивших с бациллой нацизма, сохранились некоторые не вполне обычные законы, вроде тех, что грозят наказанием каждому, кто открыто станет восхвалять фюрера. Но вот бы нам такой закон! Однако у нас все не так. И не потому, что вождь наш хоть чем-то был лучше фюрера. Он был хуже, по меньшей мере настолько, насколько дольше просидел в Кремле и во сколько раз больше миллионов людей загубил, причем далеко не только на войне и к тому же *своих* (*чужих* уж и считать не стоит, хотя фюреру в основном ставят в счет именно чужих, если, конечно, согласиться с тем, что немецкие евреи были для Германии чужими).

А оказался наш вождь для многих не преступником, а героем только потому, что войну выиграли мы. Себя он назначил главнокомандующим и чудовищной ценой нескольких десятков миллионов солдат и мирного населения в конечном счете одолел фюрера. Сравнивают же нашего вождя и немецкого фюрера не случайно и вовсе не для того, чтобы раззадорить кого-либо, а потому, что они не просто два сапога пара. Дело в том, что оба равно были не обычными мелкими преступниками, а идейными вдохновителями многих десятков миллионов подданных, возглавлявшими огромные империи, похожие друг на друга почти во всем. Только в одной убивали людей за то, что те принадлежали к неправильной национальности, а в другой за то, что были выходцами из ненужных большевикам разных, причем весьма многих слоев общества.

Больше того, вождь был настолько силен и так ловко сумел выжать все силы из общества, что сумел просидеть в правящем кресле тридцать лет из тех 70, что выпали на долю большевиков. *И убивал или стремился убить побольше почти до гробовой доски.* Поэтому нет оснований удивляться, что измученное население привыкло довольствоваться тем, что дают, не сетовало на то, что кое-кого все еще убивают, и внутренне всегда было готово ко всему. А пропаганда до известного разоблачительного доклада Хрущева в 1956 г. вдобавок еще и учила каждого восхищаться тираном. Запуганные им люди, одурманенные пропагандой и утратившие способность сопротивляться злу, с изощренно вырезанной палачом лучшей частью национального генофонда при столкновениях с несправедливостью и неправдой терпели и молчали. А то и восхваляли мудрость вождя и активно доносили, в том числе и на ближнего. И это легко понять: советская жизнь их к этому приучила, а неподчинение грозило гибелью.

Многие ли из них, даже после смерти вождя, но наученные жизнью, уже во времена холодной войны, по-прежнему живя значительно хуже тех же потерпевших поражение немцев и не чувствуя за собой ни прав, ни свобод, были готовы идти на баррикады? Да и зачем, ради чего? Чтобы на смену старым правителям, боявшимся отречься от давно дискредитировавшего себя коммунизма, пришли такие же новые? Все эти сентенции не выдуманы. Они, быть может, покажутся кое-кому чересчур мрачными, но зато до предела правдивы. Конечно, люди как-то приспособлялись к той жизни, какая была, как приспособляется большинство их везде и всегда, будь то американские негры-рабы или русские крепостные. Но в нашем случае в описываемое время главным было не это, а то, с каким явным

равнодушием воспринимали жители СССР перед его крахом замену одного престарелого правителя другим. И если к чему относились не равнодушно, так это к войне в Афганистане или к событиям в Польше. Афганистан был страшен просто потому, что еще одна война, новые убитые и раненые. А вот польская *Солидарность*, напротив, рождала в душах нечто вроде надежды.

И хотя поколение живших на рубеже 70–80-х гг. далеко не одинаково воспринимало волнения в Польше, многие из нас все же смотрели в сторону поляков с чувством щемящей зависти: вот ведь, они еще могут, а мы едва ли сможем... Словом, все описываемое, стократ описанное многими, было началом агонии режима. Но если честно, тогда даже наиболее готовые ко всему не ощущали, насколько она близка. Что поделаешь, давно уже привыкли. И вроде ничего особенного в стране не происходило. Так чего же было зря ломать голову? Не лучше ли продолжать просто жить? Жить, как вроде бы все-таки жили, порой и с некоторыми житейскими радостями. Но неумолимое время брало свое. И шло достаточно быстро. В 1982 г. вслед за Брежневым к власти на очень короткий срок пришел Ю. В. Андропов, а неутомимый и оказавшийся умелым президентом Р. Рейган не только сумел резко усилить военную мощь США, но и открыто заклеил СССР как *империю зла*. И именно в эти годы явного отставания от главного соперника вдобавок ко всему еще ухудшились отношения с Китаем, а афганская война не предвещала ничего хорошего. Умершего в начале 1984 г. Андропова сменил К. У. Черненко, проживший после этого около года. И вот тогда началось время М. С. Горбачева.

КУРС НА ПЕРЕСТРОЙКУ

Это время как раз и выпало на период агонии не только СССР, но и всей красивой утопии о светлом будущем, ради воплощения которой уничтожали десятки миллионов сограждан¹. И тоталитар-

---

¹ Сегодня, спустя многие уже годы, все, о чем речь, многократно описано и проанализировано, причем с очень разных позиций. Иногда удивляются, как вообще могло случиться, чтобы под знаком утопического мифа о счастливом будущем равенства и справедливости можно было спокойно и при активной поддержке большинства — и сопротивлении явного меньшинства, жестоко подавляемого, — хладнокровно уничтожать десятки миллионов соотечественников. Позиции и психология тех фанатиков, кто возглавил эту бойню и впоследствии был репрессирован вождем, хорошо показаны, в частности, в книге А. Кестлера «Спящая тьма» (М., Новая газета, 2011).

ная империя, и создавшая ее утопия умирали беспокойно. Скорей напротив, отчаянно боролись за жизнь. А так как они были обречены, то это отчаяние приняло форму своего рода мощного взрыва, сопровождавшегося громом и молнией. Молния на мгновение озарила сразу все — и страна ужаснулась тому, как же мы живем. Так жить нельзя, это было вполне очевидно. Нужно было что-то делать. Не медля и достаточно решительно. Но как? С кем? И куда идти? Под каким знаменем? С какой целью и во имя чего? Вопросы все не праздные, и каждый требовал ответа. А Горбачев был вначале почти один. По крайней мере там, на политическом вершине, где все решалось. И, что намного хуже, он сам, видимо, не очень-то хорошо сознавал, что и как нужно делать. Вообще писать о живых людях — а первый и последний президент СССР жив и более или менее здоров, — тем более о том, что они думали и почему поступали так, а не иначе, дело неблагодарное. И потому стоит быть предельно кратким и касаться только самого главного и наиболее бесспорного.

Бесспорным было то наследство, которое досталось человеку, готовому стать реформатором. Приходившая в упадок экономика страны давно уже не могла тягаться с американской примерно так же, как небезызвестная Эллочка Шукина из классического советского романа с ее заочной соперницей Вандербильдихой. В СССР было накоплено огромное количество оружия, но оно быстро устаревало, а делать новое, пригодное для соперничества, не было ни сил, ни средств. Мало того, вставал страшный вопрос, а есть ли вообще в этом смысл, нужно ли продолжать соперничество? И если нет, то как перестроить всю эту гигантскую давно отлаженную машину с тем, чтобы заставить ее работать на людей? И кто сможет это сделать? Да и как делать? Сложности, вставшие перед реформаторами, первым из которых оказался Горбачев, были невероятно, нечеловечески сложны. Это трудно понять многим в мире вне СССР, даже в тех странах, что были включены в блок или, наподобие Китая, находилось в аналогичной ситуации.

Попытаюсь объяснить, в чем тут дело. Если не считать полупервобытной Тропической Африки с ее проблемами несколько иного плана и на время исключить из анализа другие страны *социализма*, включая и Китай, для чего есть немалые основания, о которых далее, СССР был уникален. Он оказался единственным в истории человечества развитым государством, в котором частная собственность, в прошлом существовавшая, хотя и в разное время имевшая различный статус, при советской власти была ликвидирована как институт. И ряд поко-

лений жителей не были с ней, как и с более или менее свободным настоящим, а не строго контролируемым *колхозным* рынком, знакомы. Больше того, рыночная деятельность не только воспринималась как криминал, но и с большим опасением реализовывалась в боявшемся санкций обществе. Она была нелегальной и публично, не говоря уже о средствах массовой пропаганды, прежде всего кино, резко осуждаемой (*если кто-то где-то иногда честно жить не хочет...* — пелось в популярной песне как раз об этом). И складывавшийся стереотип был необычайно силен. На нем в немалой мере держалось воображаемое превосходство перед враждебным миром капитала. Потому подойти к идее о необходимости разрушить стереотип и ввести в стране частную собственность и свободный рынок, что было так просто сделать в реформировавшейся одновременно с нами Восточной Европе или даже в постмаоистском Китае, где оба эти институты были в принципе знакомы людям, оказалось у нас необычайно трудно.

Нужно было переступить через запретную грань, нарушить въевшееся в поколения советских людей табу и преломить нечто важное и в самом себе (не стоит забывать, что президенты-реформаторы были коммунистами и знали кое-что об экономике только в объеме марксистской политэкономии). Лишь немногие из специалистов-экономистов, чьи квалификация и познания были значительно шире, понимали, что ключ к переменам лежит именно в идейно-институциональной первооснове общества, которая одна только способствует расцвету рыночно-частнособственнического хозяйства. Они, собственно, и могли реформировать страну. Все остальные в нашей стране просто не понимали, что происходит с привычными нормами бытия.

Это в первое время было слабым местом реформаторов, которые не могли сразу и открыто объяснить, что переходят на *вражеские* позиции в процессе реформ. Либо они, как то было вначале и с Горбачевым, сами не понимали, что речь идет о сломе социализма как системы и как утопии и что поэтому без реабилитации рынка и частной собственности не обойтись (а вот Дэн Сяо-пину ничего объяснять не было нужды — все до последнего крестьянина поняли его без слов), либо были вынуждены делать свое дело, не слишком торопясь объяснять, что к чему. И это тоже сложность, которая сыграла едва ли не роковую роль в судьбах наших реформ. Ведь следовало с самого начала объяснить людям, стране, миру, что и для чего мы теперь намерены делать. Однако этого не получалось. В основном потому, что сами реформаторы на горбачевском этапе реформ не были к тому готовы, а вокруг потенциально готового к преобразованиям были те,

кто воспитан на идеях марксистского социализма, всю жизнь отдал этому делу и не знал ничего о рыночной экономике кроме того, что она враг коммунизма и, естественно, неприемлема для нашего народа, которому все, как предполагалось, служат.

И вот здесь самое время снова напомнить о 12 годах нацизма и 70 годах советского марксистского социализма. Там, в Германии, все всем было абсолютно ясно. И они, даже потерпев страшное поражение, быстро нашли выход. Более того, даже в Венгрии, Чехословакии или Польше, да вообще практически везде, до далекого Китая, о рыночной экономике люди знали если не всё, то самое главное и основное. Просто не успели забыть. Мало того, людей, помнящих о том, как было раньше, оказалось очень много по сравнению с СССР, где таких уже, кроме разве что Прибалтики, вовсе не было. Так что было делать Горбачеву? Так прямо и начать с того, что с социализмом пора кончать? Даже если бы он так думал, войдите на мгновенье в его положение — и вы все поймете.

Он начал с того, что наполовину обновил партийное руководство. В условиях падения цен на нефть пытался найти выход в том, что им было названо перестройкой экономической политики, но при этом сначала и не пытался ставить вопрос о рынке, утверждая, напротив, что *нужно больше социализма*, причем как раз с ускорением его развития. Едва ли он отдавал себе отчет в том, что именно за таким лозунгом реально может и должно стоять. А ведь на дворе был уже 1985 год, реформа Дэна с его ставкой на рынок успешно работала уже шесть-семь лет и ее позитивные результаты были общеизвестны. Впрочем, стоит напомнить, что и Дэн не слишком много говорил о рынке, но напротив, настаивал на том, что строит *социализм с китайским лицом*. Однако одно дело — утверждать и совсем другое — совершать что-то явно полезное и нужное для страны, пусть даже не очень с этими утверждениями коррелирующее.

Справедливости ради важно заметить, что идею рынка Горбачев совсем не отрицал, а о НЭПе в этой связи даже вспоминал. Однако сложности были в том, что к этому самому рынку было трудно подойти, а сочетать его с советским социализмом вообще никак не получалось. Хорошо было Дэну в Китае с его крестьянской деревней, а что было делать с нашей тяжелой промышленностью, в основном ориентированной на войну? Если прикрыть ее, что останется? За что люди станут получать зарплату? И где ее взять? А если переориентировать, то как это сделать? Откуда получать нужные людям товары и чем за это платить? Вспомним, что поток нефтедолларов в те годы

иссякал. Поэтому в качестве альтернативы было предложено ускоренно развивать машиностроение. Однако быстро выяснилось, что создать современное машиностроение, да еще ускоренными темпами, стране не под силу. К тому же была ли гарантия, что государственное хозяйство сумеет сделать нечто ощутимо полезное, даже если некоторая часть новых заводов станет работать? А потом катастрофа на Чернобыле поставила точку и на этом.

Казалось, все против реформатора. Но он понял, уловил самое главное. Оно было в том, чтобы произвести решительную перестройку в умах людей, а затем и в тех идеях и институтах, которые были функцией отживших представлений. Сигналом был лозунг, призывавший всех к *новому мышлению*. И хотя этот лозунг в официальных публикациях марта 1987 г. на очередном 27-м съезде КПСС функционировал рядом со все еще жившим классическим тезисом *наша цель коммунизм*, мысль о новом была сразу же замечена и оценена. Тем более что в сентябре Горбачев уже отрекся от приоритета *классовых ценностей* в пользу общечеловеческих, а в декабре категорически отказался от применения силы в международных отношениях, что формально явно касалось и взаимоотношений СССР с его сателлитами. Потом контакты с руководством США привели к договорам о резком сокращении вооружений и к некоторым другим аналогичным соглашениям, что позволило, хотя и с явным запозданием, в том же 1987 г. прекратить страшно навредившую стране войну в Афганистане, равно как и военную помощь многим просоветским режимам.

Параллельно в 1987 г. был выдвинут весьма популярный лозунг борьбы за демократию и гласность (при сохранении пока еще идеи *демократизации социализма*) и после этого встал вопрос о необходимости строительства в СССР правового государства, в связи с чем была преобразована процедура выборов. И вот на смену всем нашим стандартно-безгласным советам, включая Верховный, пришел созданный новым законом в 1988 г. съезд народных депутатов с правом выбора из нескольких кандидатов. Это был колоссальный поворот как в практике существования страны, так и в сознании по меньшей мере наиболее образованной, преимущественно городской части ее населения. В СССР буквально на глазах начал было формироваться тот самый антично-буржуазный фундамент, о котором выше так много было сказано и без которого об успехе перестройки застоявшейся структуры отечественного марксистско-социалистического общества, да еще в его советско-тоталитарной модификации, не приходилось и мечтать.

Горбачевские реформы в сфере идей и институтов всколыхнули общество. Впервые с февраля 1917 г. страна оживала. Возникали многие новые журналы, переиздавались запретные прежде книги, повсюду создавались политические, творческие, спортивные и различные иные самостоятельные организации, разного рода семинары и клубы, из тюрем и мест исполнения наказаний были освобождены многие диссиденты во главе с Сахаровым. Во всей стране шло активное социополитическое брожение, на окраинах и в республиках формировались народные фронты в поддержку перестройки, кое-где организации перерастали в более прочные союзы типа партий. Право свободного выезда из страны стало одним из едва ли не самых важных из числа рожденных Горбачевым прав и свобод. Наконец, торжествами было отмечено тысячелетие христианства на Руси. Словом, новации лились мощным и крутым потоком, захватывая понемногу всю страну.

Однако далеко не все шло гладко. Труднее всего эти новации пробивали себе дорогу в той главной сфере, которая затрагивала всех. Речь шла уже не просто о затратной и бесплодной военно-космической индустрии (не стоит забывать, что все наши успехи в космосе — плод гонки вооружений). Главное было в том, что СССР с продолжавшимся падением цен на нефть резко ускорившимся темпом шел к упадку в сфере всего народного хозяйства. Да и само это хозяйство, уже безо всякой нефти и нефтяных долларов и независимо от них, трещало по швам. Люди, и без того привычно плохо работавшие на казенных предприятиях (а казенными были все, вплоть до мелких булочных или парикмахерских), в обстановке всеобщего духовного подъема менялись. Они, и до того не очень-то переутруждавшие себя, стали меньше всего заботиться о том, чтобы на своих безнадежно устаревших и крайне убого, как правило, выглядевших военных или любых прочих предприятиях работать лучше. Ради чего? Разве не пришла пора все решительно менять?

Этот вопрос давно уже висел в воздухе, активно обсуждался, но не находил приемлемого решения. Снова нужно напомнить, что за 70 лет — это три полных поколения, как принято считать в статистике, — страна и люди в ней не просто изменились. Они утратили главное, все-таки привитое веками. Это привычка к старательному труду. Сколь ни страшно было крепостное право, но деревенский мужик имел свое хозяйство, а благополучие его семьи зависело во многом от его повседневных усилий на своем клочке земли. На этом же клочке его внук продолжал и в годы СССР производить все то,

чем жил и что частично даже продавал на колхозном базаре. Правда, колхозная система с ее трудом за палочки-трудодни превратила его в раба социализма, а рабский труд всегда безответствен и непроизводителен.

Экономистам, да и не только им, известно, что любое начинание частного собственника всегда зависело от заинтересованности самого хозяина в его экономической эффективности и что чиновники, руководившие казенными предприятиями, меньше всего думали об этом. В СССР, как известно, им нужно было *знать план* любой ценой, не заботясь ни о качестве, ни, что вполне понятно, о цене, себестоимости, конкурентоспособности продукта. Правда, на военных предприятиях за упущения можно было поплатиться. Но все остальное, что делалось не для войны, а для людей, было в явном загоне, а в сложившейся в стране обстановке это начинало все сильнее сказываться на уровне жизни. Короче, и без того полупустые полки советских магазинов пустели еще больше и быстрее.

Перед Горбачевым и его советниками все острее вставал вопрос о самом главном, об экономической реформе. Однако попытки найти выход в создании по всей стране многочисленных кооперативов и в предоставлении немалой самостоятельности предприятиям и их руководству в условиях строгой плановой экономики, игнорирующей конкуренцию и оформленные законом рыночно-частнособственнические отношения, к успеху не привели. Половинчатые и непродуманные новые законы мало чему могли помочь. И в этом снова сказывались — в отличие от Восточной Европы и того же Китая — драматические для страны 70 лет большевизма с отсутствием буржуазии и с запретом частной собственности. Единственная польза этих экономических метаний была в том, что в СССР появлялся слой коммерсантов, мелких (*челноков*) и более крупных, ранее и успешнее других приспособившихся к существующим условиям и бравших на себя создание необходимых предприятий, добычу ископаемых, той же нефти, и организацию снабжения населения.

Правда, экономике страны в целом это помогало явно недостаточно. Страна не привыкла ни к конкуренции, ни к безработице, ни к отказу от государственных дотаций финансово несостоятельным. Соответствующие статьи принимавшихся законов практически не работали. А это значит, что реформы буксовали. Результатом становился все усиливавшийся товарный голод. Вообще радикальные реформы гладко никогда не проходят. Что-то приходится терпеть и преодолевать. Но обычно при этом для большинства видны и понят-

ны цель и смысл преобразований. Люди, терпя неудобства, верят в успех, рассчитывают на улучшение положения и готовы потерпеть. Наш случай был — да и еще остается таким — особый. Население в основном не понимало, куда движется общество. Прикидывали, что теряют, и плохо сознавали, что смогут получить потом. Поэтому мало у кого эти расчеты вызывали оптимизм.

Кроме того, не следует забывать, что в России издревле привыкли к тому, что обо всем должно заботиться государство. А оно пыталось сбросить с себя как можно большую часть этих забот, переложив их на плечи общества, которое к этому не привыкло. В стране ничего подобного не существовало. Все это, как и новое общество, подготовленное к новой жизни, еще только следовало создать. Беда была в том, что мало кто понимал, до какой грани процесс перемен должен прийти и что станет, когда грань будет достигнута. И нет ничего удивительного в том, что с соответствующими пояснениями никто не спешил, ибо вполне резонно можно было исходить из того, что тебя просто не поймут (даже если ты сам уже все понял, что тоже сомнительно).

Вполне понятно и объективно созрело представление, что все это должен взять на себя заново создававшийся орган типа Учредительного собрания, в котором было бы представлено как можно больше выходцев из разных слоев общества. И в 1989 г. в СССР начал работать избранный по очень сложной системе квот и выборщиков (сам был таким выборщиком в квоте депутатов от АН СССР) съезд народных депутатов, в котором, что вполне естественно и чего следовало ожидать, было много тех, кто в реформах видел прежде всего их недостатки, ухудшающие привычную жизнь, а смысл конечной цели просто не понимал. Неудивительно и то, что к словам наиболее разумных прислушивались мало. К голосу представителей наиболее интеллектуально продвинутой и энергетически активной части депутатов (имею в виду межрегиональную депутатскую группу — Б. Ельцин, А. Сахаров, Г. Попов, Ю. Афанасьев, А. Собчак и очень многие другие из числа наиболее видных и известных стране людей) относились явно предвзято, резонно воспринимая их как хулителей привычного всем социализма, а выступления приехавшего из ссылки академика Сахарова не раз пытались просто и нагло захлопать, что сыграло свою роль в его скорой кончине.

Существенно подчеркнуть, что травившее великого человека *агрессивно-послушное большинство*, как его метко заклеил Афанасьев, было против подрыва устоев социализма, о чем оно не уста-

вало напоминать. А вопрос об этом чаще всего возникал в связи с требованием отменить 6-ю статью конституции, которая навечно закрепляла *руководящую и направляющую роль* КПСС. В итоге в стране, заполучившей наконец демократически избранный и реально действующий законодательный орган типа обычного западного парламента, а не какого-либо *совета*, создавалась парадоксальная ситуация. Власти вроде бы хотели успеха реформ, а столь послушное им большинство съезда было озабочено сохранением устоев социализма. В какой-то мере Горбачева можно было понять. Отвергнув эту злополучную статью, он не просто кастрировал КПСС, но направлял правящую партию *нового типа*, а вместе с ней и весь аппарат администрации огромной страны к немедленному краху и в итоге как правитель оставался без мощной социополитической опоры. Но отказываясь от отмены статьи, он усиливал позиции тех, кто был настроен и открыто выступал против него самого как нежеланного реформатора.

В последние годы многие задаются вопросом, кто в наши дни составляет основу влиятельной части населения страны, настроенной в пользу сурового террора практики сталинизма. И ответ обычно примерно одинаков. Помимо тех молодых, кто еще просто не разобрался, что к чему, и, ненавидя разгул коррупции и произвол власти в сегодняшней России, готов предпочесть им практику террора, ведущую к десяткам миллионов уничтоженных, лишь бы был порядок, это еще вполне живые *вчерашие*, кого довольно много. Это те, кто с коммунизмом как системой власти был в ладу, хорошо пристроился в администрации, в так называемой номенклатуре, даже те, кто искренне верил, что система не доказала своей непригодности — просто нужно ее чуть совершенствовать. Но был и еще один очень мощный пласт социального планктона, которым питаются сталинисты вплоть до сегодняшнего дня.

Вспомним ГУЛАГ, где губили миллионы людей. Те из них, кто дождался освобождения, потомства, как правило, не воспроизводили. И выше не зря упоминалось о генофонде. Генофонд любой нации, особенно современной, — главное национальное достояние. Лучшая его часть была обдуманно и безжалостно уничтожена большевиками еще в первые годы их власти. Затем эстафету подхватил вождь. А наиболее мерзкая часть тех, кто добровольно и старательно зарабатывал на доносах, охране порядка и издевательствах над заключенными, не только обычно освобождалась от фронта, но и более чем охотно воспроизводилась, тем самым явственно ухудшая национальный ге-

нофонд. Вот этот планктон, исчислявшийся миллионами, и задавал тон в нашем обществе в годы работы первого посткоммунистического парламента, в котором его заботливо отобранные представители составляли послушное большинство.

Словом, в первые годы перестройки далеко не все было столь безоблачно, как хотелось бы. А осложнения в стране, если оставить в стороне проблему национальных окраин, о чем разговор особый, начались именно на почве не только бездействия и противоречивых настроений среди депутатов, что сыграло свою роль, но и из-за постепенного и всестороннего ухудшения положения в экономике. Отсутствие многих продуктов, дороговизна, система карточек, очереди — ко всему этому люди у нас привычны. Но когда повсюду стали запаздывать с выплатой зарплаты, а это началось в широком масштабе осенью 1989 г., ситуация резко ухудшилась.

С трудностями снабжения кое-как все же справлялись, но накал страстей усиливался. На втором съезде в декабре 1989 г. (по регламенту сессии должны были происходить раз в год, но в реальности они учащались) проблемам экономики было уделено максимально серьезное внимание, но за пределы советского *пятилетнего* планирования депутаты так и не вышли. Зато на третьем в марте 1990 г. все-таки было принято решение отменить 6-ю статью конституции и избрать генсека КПСС Горбачева президентом СССР. Это решение всерьез изменило не только статус руководителя страны, но и многое другое. КПСС лишилась основы, на которой держалась, и стала выпускать воздух, как проколотый воздушный шар. Была заложена основа для нормальной многопартийности. Возник гигантский круговорот интересов, группировок, лидеров, что многократно и красочно описано в деталях во многих специальных работах. Краткая же суть всего сводилось к одному: КПСС неудержимо теряла влияние, а ее место на политической сцене страны — теперь уже стоит говорить не столько об СССР, сколько о России, — занимали другие, прежде всего объединенная Демократическая Россия.

Эта партия настояла на проведении выборов на съезд народных депутатов РСФСР. Выборы состоялись в мае 1990 г., а председателем Верховного совета России стал Б. Н. Ельцин. С этого времени можно считать, что перестройка Горбачева во всем том, что касается СССР, начала подходить к концу. Но, что неизмеримо важнее для истории, вместе с ней шел к бесславному концу тоталитарный режим, превратившийся в раздираемый на части политический полутруп. Великая бесчеловечная империя готова была развалиться на части.

КРУШЕНИЕ СССР

Крах большевистской империи был не только чем-то естественным и вполне ожидаемым, но и закономерным. И вовсе не потому, что империи как таковые долго не существуют. Из истории известно, что их существование могло быть много более длительным. Что касается тоталитарных империй, то сравнительно небольшой срок их жизни объективно обусловлен именно их сущностью. Это **чересчур туго сжатая пружина**. Так или иначе, но она в таком состоянии долго быть просто не может, на это не рассчитана. А вот конец ее, империи или пружины, может быть разным. Либо она с усилием, но все же достаточно быстро, а то и рывком разрушается, что ведет ситуацию к какой-то норме, как то было после крушения нацизма, либо держится из последних сил, внутренне за этот счет деформируясь, т.е. теряя те свойства, на которые изначально была рассчитана. На нашу горькую долю достался именно этот вариант.

Он был не просто тяжелым и изматывающим. Он, что намного хуже, оказался деструктивным в том смысле, что разрушал вместе с собой многое из того, что при иной ситуации могло бы быть сравнительно безболезненно восстановлено. И хотя крушение тоталитарного режима следует вне всяких сомнений считать великим благом, на деле благо не только не доставалось легко, но и встречало на своем пути такие препятствия, которые более или менее быстро и успешно преодолеть было просто невозможно. И, что касается России (с другими советскими республиками, как и с сателлитами, было иначе, что во многом зависело от них самих), то великое счастье было хотя бы в том, что она сумела выжить без гражданской войны. Выжила же она, как то всем хорошо известно, уже вне рамок рухнувшего СССР.

Как и почему это происходило? Летом 1990 г., т.е. практически сразу после оформления высшей законодательной власти в рамках России (12 июня – праздник независимости страны), все другие республики Союза объявили о своем суверенитете. Встал вопрос о статусе СССР, причем Горбачев принял разумное решение не оспаривать свершившийся факт, но поставить его в строгие рамки. На четвертом съезде (сессии) общесоюзного парламента в декабре 1990 г. было обновлено правительство за счет его укрепления просоветскими деятелями и объявлено о сохранении СССР в качестве федерации, а на референдуме в январе 1991 г. большинство в стране поддержало это решение. Правда, одновременно укрепил свои позиции и Ельцин, ставший президентом России.

Горбачев, уже не слишком заботясь об экономических реформах, все силы сосредоточил на том, чтобы воспрепятствовать процессу распада СССР. Встал вопрос о заключении нового союзного договора, в котором вначале, кроме России, приняли участие руководители среднеазиатских республик, а также Азербайджана, Украины и Белоруссии. Проект разрабатывался, если учесть остроту сложившейся ситуации, недопустимо долго и был завершен в середине 1991 г. решением преобразовать СССР в ССГ (Союз суверенных государств). И хотя многое осталось так и не выявленным до конца, в том числе важнейший вопрос о статусе ССГ, было решено, что достигнутые новоогаревские, по месту переговоров, соглашения будут подписаны 20 августа. В общем, было ясно, что Горбачев проигрывает, а СССР в любом его варианте накануне краха. Но легко могло показаться, что дела обстоят не так уж и плохо. Какие-то договоренности все же были достигнуты.

И это впечатление не было слишком обманчиво. Все жили сравнительно спокойно, референдум вроде решил, что союз не распадется. Правда, в то же время экономическое положение продолжало ухудшаться. Финансовые и продовольственные ресурсы иссякали, приток налогов из-за всеобщих радикальных сдвигов заметно убавился. О сколько-нибудь серьезных займах в условиях крайней нестабильности государства говорить не приходилось. Реально над страной нависала угроза полного банкротства, а секретные статьи союзного бюджета продолжали оставаться закрытыми. Неясным становилось все, вплоть до того, что же все-таки будет завтра или через несколько дней. И в этой внешне безмятежной обстановке Горбачев, почему-то поверивший, что все как-то образуется, в начале августа уехал на отдых в Крым, в Форос. Ненадолго, на пару недель.

Однако эти недели, как и весь крымский отпуск, оказались решающими. Как позже выяснилось, тайные переговоры Горбачева (он обещал Ельцину и Назарбаеву, что наиболее одиозные деятели будут убраны из руководства современного СССР и предполагаемого ССГ) стали известны руководителю КГБ В. Крючкову. И сразу же после отъезда Горбачева среди управлявших страной деятелей созрел заговор (иногда считают, что не без некоторого участия еще не уехавшего Горбачева), суть которого сводилась к тому, чтобы помешать наметившемуся ходу событий и, прибегнув к силе, решительно выправить положение дел в пользу агонизировавшего СССР. Пutschисты 18 августа прислали в Крым делегацию, предварительно позаботившись о том, чтобы охрана в Форосе отключила все средства связи и подчинялась приказам из Москвы, что по меньшей мере частично

им удалось. Затем Горбачеву был предъявлен ультиматум, смысл которого сводился к согласию президента на введение чрезвычайного положения или на удаление от дел. Президент не торопился с ответом на это предложение и в свою очередь предложил все-таки созвать для решения проблемы очередную сессию союзного съезда.

Существует великое множество версий и предположений аналитиков по поводу того, как шли и чем завершились переговоры. Не вдаваясь в детали, в которых легче утонуть, нежели найти истину, важно сказать о главном. Оно в том, что президент держался твердо, визитеры возвратились ни с чем, а в Москве утром 19 августа было официально объявлено о введении в стране чрезвычайного положения и о переходе полномочий президента Союза из-за его *нездоровья* к вице-президенту Г. Янаеву. В город были введены войска, а москвичи (среди них была и моя дочь) стали массами собираться вокруг Белого дома для его защиты от путчистов. Здесь начали из подручных средств создаваться баррикады, а к вечеру того же дня появились и верные Ельцину войска.

Ситуацию можно было бы назвать патовой, и она реально была опасной. Следовало ожидать драматического развития событий. Но нерешительность и бездарность путчистов привели к тому, что уже к вечеру того же 19 августа после пресс-конференции, когда телезрители во всем Союзе (а многие начальники успели объявить о солидарности с путчистами) увидели, как у Янаева трясутся руки, страна облегченно вздохнула. Она узнала, что нет никаких документов о *нездоровье* Горбачева, а потом в вечерней передаче по телевизору все своими глазами увидели, как Ельцин с танка обратился к народу с призывом дать отпор врагам демократии. Стало ясно, что путч провалился. Натиск народа 20 августа был огромным и единым в ненависти к пытавшимся захватить власть, волна митингов прокатилась по всей стране с такой бурной силой, какой страна давно уже не видела. Это был, если смотреть со спокойной вершины сегодняшнего дня, момент наивысшего взлета духовной силы страны, измученной семью десятками лет жестоких издевательств над ней. К сожалению, более уже никогда ни такого явного душевного подъема, ни столь очевидного единства народа, ни той великой искренности чувств Россия не демонстрировала. И для того были свои серьезные причины. Пока же следует возвратиться к Горбачеву, ибо его роль ведущего в те дни завершалась.

Президент Союза находился в Форосе до 21 августа 1991 г., когда в Москве с путчем было покончено, а все средства связи к вечеру в

его крымской резиденции были включены. Сразу же после этого он, отвергнув любые контакты с арестованными путчистами, вернулся в Москву. Но это была уже другая Москва и вообще другая страна. По настоянию Ельцина КПСС была распущена, имущество ее национализировано, а над Белым домом вместо красного знамени 24 августа взвился российский трехцветный флаг. В те же дни в центре города на Лубянке был сброшен памятник Дзержинскому. Свободный народ столицы ликовал. И было из-за чего. Страна переживала поистине незабываемые, великие дни. Казалось, перед нами другая, совсем новая страна. К сожалению, было не так. Ликовала столица, да и то далеко не вся. Ее поддерживало еще несколько больших городов. Остальная Россия, похоже, просто ждала, что же будет дальше.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР

1990–1991 гг. были решающими для судьбы СССР. Но прежде, чем поставить последнюю точку на описании драматического процесса с его нарастающим крещендо, необходимо сказать о том, что происходило в описываемое время на окраинах большой страны. Дело в том, что, скованная строгим режимом тоталитаризма, она сохраняла единство и цельность, спаянную навязанной ей идеологией *дружбы народов*, лишь до тех пор, пока над нею довлело ничем не ограниченное насилие. А коль скоро оно уходило в прошлое, ситуация начала меняться. Союз, состоявший из многих разных республик, на глазах переставал быть чем-то цельным. Все те до того старательно гасившиеся и скрывавшиеся внутренние противоречия, которые многими десятилетиями накапливались и набирали немалый вес, практически разом и с огромной силой обрушились на обновляющуюся страну. События, происходившие в республиках, из которых она состояла, оказались, помимо прочего, важным знаком, жестко подчеркивавшим неумолимость свершавшегося процесса распада и даже завершавшейся агонии режима, а вместе с ним и всех тех жестких скреп, с помощью которых выросший некогда из огромной империи во многом искусственный союз держался. Это был своего рода процесс единовременной расплаты за все.

Республики, о которых идет речь, были различными, и эта разница сказалась на итоговых результатах. Дело не столько в том, что одни из так называемых *союзных* республик издревле по многим параметрам тяготели к Западу и, как правило, люто ненавидели СССР,

в который их втащили силой, сопровождавшейся произволом и высылкой людей в Сибирь, тогда как другие мирно существовали в свыше чем вековом полуколониальном статусе где-либо в середине Центральной Азии и на независимость, по меньшей мере вначале, вроде бы не претендовали. При всем том, что это было именно так, нельзя забывать, что параллельно с союзными были и автономные, причем по меньшей мере часть их, особенно на Кавказе, давно дожидалась своего часа, мечтая о свободе и независимости. И все это почти сразу соединилось в некоем гигантском вихре не только антиимперских, но и многочисленных взаимных претензий, погасить которые уже не было сил. Это было своего рода мощное цунами, пытаться противостоять которому невозможно.

Все началось с национальных конфликтов, а эти последние с армяно-азербайджанских столкновений. Вообще-то они, всегда в немалой мере подогревавшиеся конфессиональной рознью, но рождавшиеся чаще из-за социально-материального неравенства, происходили в этом регионе еще до возникновения СССР. Однако советская власть была в этом смысле более чем жесткой, так что взаимное недовольство на несколько десятилетий утихло. А как только СССР начал слабеть, эта враждебность не просто оживилась, но неизмеримо возросла. В конце 80-х гг. в ряде городов Азербайджана, реже в Армении, происходили конфликты, перераставшие в массовую резню, обычно стоившую жизни сперва десяткам, затем и многим сотням мирных жителей, в основном армян. Из самых крупных городов Азербайджана, прежде всего Баку, где армян было едва ли не большинство, сотни тысяч их, оставив все или почти все, оказались вынуждены бежать. Затем встал вопрос о Нагорном Карабахе, где на рубеже 70–80-х гг. жило около 190 тысяч армян и лишь чуть больше 37 тысяч азербайджанцев. В условиях массового бегства армян из Азербайджана (свыше 200 тысяч) это привело к переходу области к Армении де-факто осенью 1991 г. Вопрос стал одним из самых острых в то время, дело практически дошло до военных столкновений, хотя решить проблему они не смогли.

Что касается другой части Закавказья, где ситуация была если и не аналогичной (конфессионального противостояния в заметной форме не было), то сходной, то там резко вышли наружу раздоры между грузинами и жителями окраин Грузии, абхазами и южной частью осетин. В Абхазии уже в 1989 г. был поставлен вопрос о создании самостоятельной союзной республики, что сразу же послужило толчком к резкому обострению абхазо-грузинских отношений,

а затем и к 10-тысячному митингу в Тбилиси с лозунгами о выходе из СССР. Митинг разогнали войска, действовавшие не столько стрелковым оружием, сколько ставшими знаменитыми саперными лопатками. Для урегулирования ситуации были приложены немалые силы из Москвы, включая министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Но в итоге на очередных выборах в Грузии победили крайние радикалы во главе с З. Гамсахурдиа, что резко обострило отношения грузин как с РСФСР, так и с Абхазией и южной частью Осетии. В 1990 г. Приднестровье, которое в 1940 г. было насильственно присоединено к Молдавии, а после войны находилось в состоянии скрытого конфликта с молдаванами, порвало с насильственно навязанной ему зависимостью и объявило о собственной политической самостоятельности.

Пришло время и Прибалтики, которая давно и обстоятельно готовилась к предъявлению своих политических требований. Вообще-то, если быть точным, прибалты начали первыми, еще в 1986 г., когда наиболее активные диссиденты стали усиливать давление на Горбачева со ссылками на всю неприглядную историю сговора Сталина с Гитлером в августе 1939 г., что было явным предлогом для того, чтобы СССР признал право Литвы, Латвии и Эстонии на независимость. Встречая сопротивление на местном уровне, протестующие не только не приостанавливали свой натиск, но напротив, планомерно и подчеркнуто мирными способами его усиливали. 1988 год прошел под знаком создания в республиках Народных фронтов. Изменили свой облик, тематику и лексику все местные газеты и журналы, более не подлежавшие привычному критическому взору цензоров, которые уже не могли работать по-прежнему. Затем начали понемногу отступать местные республиканские партийные лидеры, а в день шестидесятилетия позорного сговора, 23 августа 1989 г., от Таллина до Вильнюса была создана живая цепь взявших за руки людей, в чем приняли участие сотни тысяч жителей трех прибалтийских стран. Честно говоря, Прибалтика была единственным регионом в рамках СССР, где существовало не забытое еще гражданское общество. И оно убедительно себя продемонстрировало.

Год спустя официальные представители парламентов этих стран уже вели серьезные переговоры в Москве о признании, о восстановлении их независимости. Но этому многие активно сопротивлялись. Властям удалось, действуя силой, в январе 1991 г. высадить десант и захватить телебашню в Вильнюсе. Неясно, на что именно эта акция была рассчитана. Но быстро выяснилось, что телебашня окружена

десятками тысяч литовцев, которые вышли на улицы и площади города. Оказавшись в здании в положении осажденных, десантники попытались действовать силой. В результате открытого ими огня было убито около полутора десятков собравшихся и многие были ранены. Тем не менее десантники вскоре были вынуждены уйти. Встал вопрос о ведении переговоров, чего очень не хотел Горбачев, надевшийся на подписание давно готовившегося им нового союзного договора. Поэтому переговоры шли долго и медленно, дотянувшись до августовского путча, после чего в них уже не было нужды. Республики Прибалтики могли праздновать свою победу.

ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА

Победоносное возвращение не уступившего реваншистам Горбачева из Фороса и жалкий конец путча против него и его реформ могли бы считаться в иных обстоятельствах немалым успехом. И не исключено, что инициатор перестройки, летя обратно в Москву и ожидая намеченных переговоров о новом союзе вместо гибнущего СССР, на что-либо в этом роде надеялся. Но, как о том было вскользь упомянуто, первый и последний президент СССР возвратился в другую Москву и другую страну. Провал путча поставил на всех его надеждах жирную точку. Однако все было не слишком просто. И хотя эта точка весомо подкреплялась роспуском 19-миллионной компартии и зримым триумфом Ельцина, этого успешного соперника Горбачева, который решительно и демонстративно, на глазах у всего мира (все было показано по телевидению и до сих пор памятно до мелочей, включая медленные движения уверенного в себе нового лидера страны), порвал с КПСС, дело было отнюдь не в этом. Конечно, это придало ему силы и популярности. Но беда в том, что и он не знал, по крайней мере вначале, что же теперь нужно делать, куда и как вести страну.

Не один Ельцин, но едва ли не все в России этого толком не знали. Они — вот она, разница между Россией, незнакомой с гражданским обществом, и знакомой с ним крохотной по сравнению с ней Прибалтикой, — просто не были готовы к тому, чтобы взять на себя свалившуюся на них с крутого холма истории непосильную тяжесть. Тяжесть эта сводилась прежде всего к решению непонятной, непривычной проблемы, залитой морем крови и заполнившей собой насквозь запутанные мозги всех, кто сумел выжить в суровые годы

коммунистического террора. Разумеется, были еще идеологи движения, которые знали ситуацию лучше других и к числу ведущих среди которых, если говорить о высшем уровне в руководстве Россией, нужно отнести, например, А. Н. Яковлева. Но и они не могли себе даже представить объем всего, что свалилось на страну. Так что же стало происходить?

Ельцин решил отправиться на отдых. Не вполне ясно, насколько он был необходим и на какой срок рассчитан. Но явно замедлил темп, ход событий и, что существенней, вроде бы дал понять Горбачеву, что у того еще есть шансы побороться за проектируемый ССГ. Ситуацию вполне можно понять. СССР, хотя и был в заключительной стадии агонии, еще как-то дышал. Сравнительно недавно на упомянутом референдуме три четверти населения страны высказались в его пользу. Союзный парламент в спешке проводил какие-то реформы, причем Горбачев принимал в этом деятельное участие, что вполне понятно, ибо для него это был последний шанс. Но все это теперь уже явно перекрывалось нетерпением республик, которые (речь обо всех *союзных*) не только уловили, наконец, смысл происходящего, но и успели оценить благоприятные возможности самостоятельного существования. Тем более что формально это не противостояло плану создания ССГ.

Конец августа — время официального провозглашения независимости республик. Но в большинстве своем они, как и Россия в лице Ельцина, не знали, что с этой независимостью делать. Однако время шло, активность Горбачева приносила некоторые плоды. Например, в союзном парламенте появилось предложение выправить экономику страны за 500 дней, что выглядело не очень серьезно. В октябре 1991 г. было на это заявлено, что Россия будет заниматься восстановлением своей экономики сама, т.е. вне связи с остальными вчерашними *союзными* республиками. Стоит заметить, что при всем том наибольшее внимание Россия, да и Горбачев как символ еще дышавшего СССР, уделяли референдуму на Украине, крупнейшей из республик, где вдобавок к провозглашению независимости было решено подкрепить это всенародным голосованием.

История явно подсказывала, что рассчитывать на то, что народ Украины, вот уже несколько веков мечтавшей о независимости, а временами бывший рядом с ней, откажется от этого теперь, было неразумно. В отличие от России, всегда остававшейся ядром империи, эта самая большая ее окраина ощущала имперский гнет и была к тому же достаточно велика и богата, а также имела хороший опыт борьбы за независимость. Я, в частности, не сомневался в исходе ре-

ферендума и оказался прав. А на тех, кто руководил событиями, решение Украины, похоже, не только произвело очень сильное впечатление (недавно же там на таком же референдуме активно голосовали за союз), но и побудило изменить некоторые планы. На смену ССГ пришел проект СНГ (Содружество **Независимых** Государств), договор о создании которого подписали президенты России, Украины и Белоруссии 8 декабря на совещании в Беловежской Пуще. Этот документ зафиксировал роспуск СССР и замену его СНГ. 12 декабря он был ратифицирован Верховным Советом РСФСР. 21 декабря к соглашению о создании СНГ присоединились еще 8 бывших *союзных* республик, а 25 декабря Горбачев официально снял с себя полномочия президента СССР.

Сегодня, десятилетия спустя, все меньше остается тех, кто жалеет о роспуске СССР. Однако число их все еще остается значительным, что косвенно свидетельствует об очень многом. В частности и в первую очередь о том, что политической незрелостью людей умело пользуются те, кто хочет сохранить свою власть, не подвергая ее неуверенным результатам в ходе честных выборов. Впрочем, это уже другие проблемы другого времени (но как быстро оно летит!). Пока же важно констатировать основное. Оно в том, что СССР как империя и тоталитарный режим рухнул и произошло это на удивление спокойно. Длительная агония завершилась мирной кончиной.

Глава девятнадцатая. ЛОГИЧНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОГО СОБЫТИЯ

С крушением СССР завершилась деятельность инициатора перестройки, благодаря которому исчезла тоталитарная империя. Конечно, это было чем-то само собой разумеющимся. Но в таких условиях, когда режим даже при смерти остается недоступным для реформирования его иначе, как сверху или, что случилось с германским нацизмом, в результате войны, силового воздействия на него извне, деятельность того, кто взял на себя неимоверно трудную миссию преобразователя, забыть невозможно, недопустимо. Мало того, даже если он оставался зараженным разными воспитанными режимом предрассудками, от которых отделаться тому, кто сделал карьеру в процессе служения существующему строю и укрепления его, очень не просто, о его заслугах должно не просто помнить. Их следует достойно оценить, причем открыто, для всех.

Справедливости ради важно с самого начала сказать, что весь мир это сделал еще тогда, во второй половине 80-х. Показательно, что никому не приходило в голову задавать себе или другим невнятный вопрос *кто Вы такой, мистер Горбачев?* Все отлично это знали. Мало того, буквально затаив дыхание, внимательно следили за тем, что происходило в СССР и с СССР. Люди, и особенно правящая политическая элита, понимали, что в современном им мире происходит не просто нечто весьма необычное. Они видели, что перед ними события величайшего значения, которым суждено потрясти сложившийся после войны мировой порядок. И, в частности, окончательно покончить с холодной войной, а то и с разделом человечества на противостоящие друг другу части, со зловещим дыханием накопленного ракетно-ядерного потенциала. И все это было начато сверху руководителем государства, которое, несмотря на давно уже отмеченные знаковые в нем перемены, все еще оставалось потенциальной опасностью, угрожало другим. Стало быть, заслуги того, кто оказался во главе этого государства и повел его по иному пути, не могли быть переоценены.

И действительно, заслуги эти не чета тем, кто когда-либо проливал моря человеческой крови ради достижения высшей власти. Таких, кто с легкостью создавал в память о себе горы черепов или страшный ГУЛАГ, мир тоже помнит и тоже не забудет. Но память здесь иная, да и оценка другая. И это стоит с самого начала хорошо понять нам, кого это прежде и более всего касается. Те, кто ценит имперское величие державы, достигнутое горами трупов, всегда существовали и существуют поныне, в том числе и в нашей стране, зараженной бактериями большевизма в их наиболее страшной и смертельной форме сталинизма. Но есть и другие, растут новые поколения, привыкающие с детства к тому, что **ценна не империя, ценен человек, которого нельзя просто так миллионами уничтожать во имя процветания империи.** И это вполне очевидный факт.

Однако сейчас речь не об этом. Она касается заслуг и оценки того, кто, сделав карьеру на служении существующему строю (а как иначе он достиг бы вершины в тоталитарном государстве?), нашел в себе силы, ум и мужество зачеркнуть все, что причиняло его стране зло. Можно ли упрекать его за колебания и ошибки, в частности за то, что не сразу решился на гибель государства, олицетворявшего зло, но надеялся радикально изменить его так, чтобы оно вдруг стало бы творить добро или, по крайней мере, не мешать тем, кто готов делать именно это? Что он не хотел расстаться именно с таким государ-

ством, отлично понимая, что при ином повороте дел руководители нескольких новых, возникших на основе рухнувшего, постараются обойтись без него, оставив инициатора перемен в стороне? Но именно так и случилось.

И это, имея в виду инициатора перестройки, прискорбно. Однако, если обратиться к совсем другой стороне дела, к тому престижу, который был справедливо заработан президентом СССР в мировом общественном мнении и особенно среди тех многих стран, что получили полную свободу благодаря его реформам и его политике (имеются в виду прежде всего сателлиты, хотя по меньшей мере косвенно то же коснулось и многих из деколонизованных развивающихся стран, поверивших было в позитивную роль преобразований в духе марксистского социализма), все окажется не столь уж и грустным.

Напротив, едва ли есть и когда-либо было в мире много людей, к которым такое большое количество стран и народов одновременно и достаточно долго испытывали бы такую искреннюю признательность за весьма зримые и благотворные плоды их политической деятельности. И взглянув именно с этой точки зрения на весь мир, мы легко увидим, сколь титаническую, еще далеко не до конца оцененную роль сыграла не слишком долгая, но весьма насыщенная плодотворными достижениями деятельность президента СССР на благо мира. Ведь так либо иначе, но благодаря ему изменился весь мир, так что справедливо врученная Нобелевская премия мира вполне и более многих других таких же эквивалентна тому, что человечество обрело от его преобразований. Хотя бы просто от того, что при нем и благодаря его решимости и усилиям тоталитарный режим прекратил свое существование. Но обратим теперь специальное внимание на то, каковы же были ближайшие и наиболее очевидные следствия крушения советско-коммунистического тоталитаризма.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В отечественной историографии часто любили в прошлом напоминать, что эти страны в конце войны будто бы освободил СССР. Имелась в виду победа над нацистами. Но ни в одной из стран, о которых теперь пойдет речь, никто так не считал и не считает, ибо эти государства, перестав быть оккупированными нацистами, оказались под властью страны, которая принудила их не только стать частью лагеря марксистского социализма, но и полностью и беспрекословно

снова была подчинена тоталитарному насилию. Так приходится ли в такой ситуации говорить об освобождении? Подлинной свободы пытались добиться некоторые из них в разное время (в 1953, 1956, 1968, 1980–1981 гг.), но к успеху это не привело. Она, свобода, пришла ко всем этим странам лишь во второй половине 80-х благодаря тем переменам, что происходили в то время в СССР.

А за этими преобразованиями весь мир следил, стоит повторить, затаив дыхание. Но особенно это касалось их самих, тех, кто после войны был превращен в советских сателлитов, т.е. стран Восточной Европы. Здесь не только наследие, но и дыхание навязанного этим странам тоталитаризма левого толка ощущалось особенно сильно, много сильнее, чем где-либо за пределами СССР (исключение можно сделать разве что для КНДР). Процесс перемен, сопровождавших каждый шаг новаций, достигавшихся у нас во второй половине 80-х гг., шел здесь, пожалуй, быстрее и много активнее, а также, что существенно, почти не встречая сопротивления, чего не скажешь об СССР с его путчистами, да и не только с ними.

Что было наиболее характерным для этого процесса? Во-первых, почти полное единство активного населения и пассивной политической элиты, включая всех тех, кто осознанно избрал путь лидера в тоталитарном режиме, но, тем не менее, не хотел оставаться таким лидером в создавшейся и на глазах радикально изменявшейся обстановке. Это во многом помогло почти всем странам, о которых идет речь. Существенно, что начиналось все, как то и должно было происходить, с перемен в идейно-институциональном фундаменте. Изменялись тексты конституций, сильно ограничивали свою ответственность, а то и вообще самораспускались правящие компартии, восстанавливались обычно еще хорошо известные населению привычные либерально-демократические традиции, права и свободы граждан. Одна за другой создавались новые партии и проводились выборы на многопартийной основе. Принимались решения о форме власти с явным предпочтением парламентской, не президентской (опасались сильной власти одного человека).

Гораздо сложнее обстояло дело с экономическими преобразованиями, с переходом к свободному рынку, основанному на частной собственности. Не сравнимые с советскими (снова вспомним о 70 годах большевистского эксперимента), трудности в принципе были такими же. Как создать частный рынок, решить проблему цен и организовать свободное обращение товаров, не забывая о нерентабельности государственных предприятий и имея в виду процесс

неизбежной приватизации? В разных странах решали эти проблемы неодинаково, но общим и отличным от СССР было то, что в этих странах все оказалось достигавшимся легче и намного проще, чем у нас. А причина очевидна. Страны эти, за редкими исключениями вроде Албании и отчасти Румынии, являли собой другое общество, иной уровень массовой культуры. У них были, как и у советских республик Прибалтики, не забытые начисто традиции либерально-буржуазного гражданского общества, причем солидные, исчислявшиеся не десятилетиями, а обычно веками.

Лучше всего дела шли в Венгрии, Польше, Чехословакии. И не только потому, что именно в этих странах народ был наименее склонен мириться с навязанным ему марксистско-социалистическим режимом и уже время от времени активно выражал свое недовольство, подавлявшееся чаще всего советскими танками, но и оттого, что здесь почва для закрепления новаций оказалась наиболее плотной, удобренной веками и потому подходящей. Нельзя не принимать во внимание и того немаловажного обстоятельства, что после подавления недовольства, сопровождавшегося насилием над мирным населением, эти государства выторговывали, а иногда и обретали явочным порядком некоторые послабления, помогавшие им встать на ноги и затем сыгравшие в нужный момент решительной перестройки весьма позитивную роль.

В Венгрии, например, сразу же после того, как завершились казни и преследования участников восстания 1956 г., пришедший к власти Я. Кадар позволил себе немало новаций, ослаблявших жесткие тиски планового хозяйства и государственной экономики. Он ввел в стране кооперативы и принцип хозрасчета, урезал военные расходы и применял, имея в виду сельское хозяйство, практику индивидуальной трудовой деятельности, соблюдая, однако, при этом видимость государственного контроля. Ныне считается, что уже при Кадаре и особенно заметно в 70-х гг. происходило медленное, но неуклонное преобразование жесткого режима в нечто более мягкое, то самое, что потом, в конце 80-х, стало основой *бархатных* перемен в этой стране, решившей свои проблемы наиболее безболезненно. Что же касается самих этих перемен, то они начались уже в 1988 г., а в январе 1989 г. компартия добровольно отказалась от руководящей роли, после чего стали создаваться другие партии, были проведены свободные выборы и даже открыта граница с Австрией. Созданный новый идейно-институциональный фундамент, пусть пока еще переходный по характеру, оказался вполне подходящим для того, чтобы в стране

активно заработали частные банковско-финансовые и иные рыночные учреждения, а обильные иностранные инвестиции позволили в кратчайший срок переоборудовать отсталую технологию в большинстве до того не очень конкурентоспособных государственных предприятий.

В Польше, обретшей шутовское прозвище *самого веселого барака в лагере социализма* (иногда считают, что этого вполне респектабельного наименования более заслуживает Венгрия), происходило нечто подобное. Здесь тоже рано началась трансформация идейно-институционального фундамента, чему способствовал долгий период становления, запрета и существования в начале 80-х гг. в полулегальном виде многомиллионного движения *Солидарность*. Это, к слову, сильно облегчило задачу взявшего на себя функции военного диктатора генерала В. Ярузельского, который осенью 1988 г. передал бразды правления этому движению, чей глава Л. Валенса, лауреат Нобелевской премии мира 1983 г., стал в 1990 г. президентом страны. Экономические проблемы Польши решались с неизмеримо большим трудом, нежели то было в Венгрии. План Л. Бальцеровича с его *шоковой терапией*, включавшей отпущение цен, а также отказ от дотаций нерентабельным государственным предприятиям, правда, с последующей постепенной их приватизацией, был весьма болезненным. Это состояние затянулось надолго и сказалось на некоторой неустойчивости настроений электората и соответственно на смене правящих партий — разумеется, при строгом соблюдении норм парламентской демократии с ее многопартийной системой и регулярными выборами.

Чехословакия, в промышленном и многих иных отношениях наиболее развитая из восточноевропейских стран, шла в те же месяцы тем же путем. В конце 1989 г. коммунистическое правительство ушло в отставку. Парламент отменил статью конституции о руководящей роли компартии и выбрал своим главой А. Дубчека, руководителя государства времен Пражской весны 1968 г. Затем президентом страны стал В. Гавел, а в 1990 г. были проведены выборы на многопартийной основе. В 1993 г. Чехия и Словакия мирно отделились друг от друга, создав самостоятельные государства. Решение проблемы цен и товарного рынка было достигнуто быстро, а приватизация осуществлена с акцентом в сторону реприватизации, т.е. передачи бывшим собственникам некогда конфискованного их имущества. Были использованы и ваучеры, но с купонами, что позволяло выбирать варианты вложений. В итоге ваучерная привати-

зация здесь оказалась много более весомой, чем советская. Итогом реформ стало достаточно быстрое возникновение частного капитала и широкомасштабного рынка.

В **Югославии** с ее особым статусом в рамках коммунистической Восточной Европы процесс обновления начался позже и шел более долго и сложно. Это в основном объяснялось многонациональным составом страны, превращавшейся в непрочную и все время готовую рассыпаться федерацию. Соответственно и центр тяжести реформ пришелся вначале не столько на экономику, сколько на политические перемены. Первыми объявили о своем выходе из федерации в июне 1991 г. Словения и Хорватия. Затем в сентябре за ними последовала Македония, а в марте 1992 г. Босния и Герцеговина. Это сразу же породило вооруженные столкновения сербов, хорватов и мусульман. Длившаяся около четырех лет жестокая война шла именно между конфессиональными общностями, ибо православные сербы, католики-хорваты и мусульмане говорили на одном языке, разделяла же их, кроме религии, разве что только графика алфавитов.

Не вдаваясь в детали последующих событий, связанных с крушением Югославии и ведшимися в ней войнами, нужно сказать несколько слов о переменах в образе жизни населения. Так или иначе, в той либо иной форме и степени, но эти перемены всюду, как и в остальных декоммунизованных восточноевропейских странах, были значительными, хотя и не слишком заметными. Это следует объяснять тем, что роль частной инициативы и индивидуального хозяйства в Югославии еще до ее развала была весьма существенной, а вмешательство властей в экономику сводилось до минимума, что выделяло эту страну еще при жизни Тито. Однако огромная задолженность в 80-х гг. и гиперинфляция привели к реформе 1990 г. Она выправила положение с инфляцией, но потребовала форсированного создания свободного рынка. Появились проблемы цен, рентабельности, безработицы. Главным же следствием всего стала все более определенная тенденция к распаду федерации, что реально вскоре и произошло. В сфере экономики проблемы рождались в связи с неравенством в уровне развития и стремлением республик к самостоятельности.

В **Болгарии** дела в 90-х гг. обстояли примерно так же, если не хуже. Экономический кризис и инфляция сопровождали робкую политику не очень удававшихся реформ. Процесс приватизации, долго не начинавшийся, стал реализовываться лишь в середине 90-х. Только вторая половина 90-х привела экономику в более или менее

приемлемое состояние, а за все десятилетие 90-х, если считать с начала преобразований, сменилось несколько правительств. Страной с рыночным хозяйством Болгария стала восприниматься лишь на рубеже XX–XXI вв.

В Румынии, где диктатура Н. Чаушеску была наиболее жесткой, все началось с убийства диктатора. Оно последовало после кратковременного восстания и по приговору суда в конце 1989 г. Компартия и коммунизм рухнули вместе с диктатором, а на выборах 1990 г. к власти пришел Фронт национального спасения, осуществивший реформы, направленные на создание основ рыночного хозяйства. В отсталой Румынии этот процесс шел с большими трудностями. Экономика страны в начале затянувшегося процесса перестройки хозяйства в сторону рынка долго страдала от высокой инфляции.

Албания, одна из наиболее отсталых стран Европы, к тому же после смерти Сталина долго предпочитавшая политически ориентироваться на маоистский Китай вместо хрущевского СССР, лишь после смерти Э. Ходжи в 1985 г. начала постепенное движение в сторону рыночно-либеральной ориентации. Однако отсталость страны обусловила сложности перехода, сопровождавшиеся неустойчивостью внутривластной обстановки и финансовыми неурядицами.

Следует заметить, что особенности становления рыночного хозяйства в трех последних из рассмотренных восточноевропейских странах чем-то напоминают неприятие населением реформ и, главное, их негативных последствий в нашей стране. Об этом отчасти уже шла речь и ему в свое время еще будет уделено специальное внимание. Пока же, завершая тему активных преобразований в восточноевропейских странах, есть основание сделать некоторые выводы. Главным из них следует считать то, что переход к рынку был тем проще, легче и желанней для населения, чем исторически более развитым было общество, чем крепче в нем давали о себе знать традиции буржуазно-демократического рыночно-частнособственнического образа жизни и факт существования гражданского общества. Играло роль и то, насколько ближе к этому стандарту старались держаться руководители стран, на чью долю выпадало управлять ими в период господства в них силой навязанного марксистского социализма. Все обстояло тем хуже, чем слабее были упомянутые традиции и чем сильнее давила местная власть, не говоря уже об экономически сравнительно отсталом обществе и весьма невысоком уровне культурного развития населения.

Еще один вывод сведется к тому, что навязанный силой и реально ничем себя не оправдывавший марксистский социализм имеет

питательную среду в наиболее отсталых странах. Во всех далеких от уровня хоть сколько-нибудь развитой индустрии и буржуазных преобразований. Это было нормой для всего развивающегося мира. В восточноевропейском регионе был кусочек такого мира, и он дал знать о себе. В этом как раз и проявляется глобальная закономерность, объективно предохраняющая мир от любых социальных экспериментов, ставящих целью легко достичь желанного равенства и справедливости сразу для всех, особенно когда этих *всех* много и они очень бедны и сильно отстали в развитии.

Но главное, что следует помнить и что ценнее всего, это освобождение целого региона придушенных тоталитарным режимом стран и народов. Они долго терпели свалившуюся на них историческую несправедливость и сумели наконец дожидаться свободы. Не все были в состоянии ее оценить. Но большинство не только оценило, но и благословило ее. И, как только это стало возможным, страны, о которых идет речь, вступили в состав той самой стремившейся и все еще стремящейся к интеграции Европы, в пределах которой они, наученные жизнью, чувствуют себя наконец в практически полной безопасности. И это следует считать одним из величайших событий драматического XX столетия. Или, что не меняет вывода, одним из великих следствий великого события — крушения тоталитарного режима, который был представлен рухнувшим коммунистическим монстром.

ГДР И БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА КАК СИМВОЛ

ГДР как некая витрина марксистского социализма была не то чтобы в особо привилегированном положении, но все же отлична от всех остальных. Для этого было немало причин. Чтобы народ не слишком шустро бежал из этой витрины на соседний немецкий же Запад, следовало, помимо печально знаменитой Берлинской стены, иметь еще хоть что-нибудь. И это *что-нибудь* было старанием добиться того, чтобы республика *социалистических* немцев выглядела более или менее пристойно. Трудно судить, было это старание осознанным и тем более сколько-нибудь излишне дорогостоящим (имеется в виду для оккупационных властей, для СССР, а не для самих аккуратных и достаточно культурных немцев) или нет. Но должен сказать, что выглядела страна — правда, мне довелось посмотреть не так уж много, в основном восточную часть Берлина и Дрезден, — не-

плохо. А к вопросу о стене и стремлении немцев покинуть ГДР мое впечатление и вовсе не относится. Здесь важно учесть другие важные обстоятельства.

Во-первых, если уж на то пошло, жизнь восточных немцев при сравнении с нашей была почти что царской. Хотя не слишком скверно выглядели при сопоставлении с ГДР и Польша, и Венгрия, и Чехословакия (остальных восточноевропейских стран, каюсь, не видел). А во-вторых, бежали ведь вовсе не потому, что плохо были обустроены, а для того, чтобы быть свободными от марксистского социализма. Тем, кто не жил в условиях свободы, это не всегда понятно. Жаль, конечно, что основная масса нашего населения и в те времена, и теперь еще не всегда осознает эту величайшую ценность, **быть свободным**, а порой и откровенно готова оставаться без нее. Не всем она нужна. Тем не менее **для всего западного мира** это, как было со времен античности, **наипервейшая ценность**. И потому свобода ценилась немцами очень высоко. Это и учитывалось властью в ГДР, как местной, так и оккупационной. Для того и построили огромную стену с сопровождавшими ее защитными средствами и устройствами для стрельбы по беглецам. Ну и чем же все кончилось? Конец общеизвестен.

Но вот о начале длительного процесса решения проблемы ГДР стоит напомнить. Еще летом 1987 г., в дни празднования 750-летия Берлина, президент Р. Рейган, напоминая о начатых в СССР тогда еще весьма робких реформах, связал направление и серьезность намечавшихся Горбачевым преобразований с проблемой Берлинской стены. Американский президент ясно дал понять, что успех начинавший советского реформатора тесно связан прежде всего с его решимостью действовать твердо и рубить гордые узлы так, как то делал, если верить легендарным преданиям, Александр Македонский (*Господин Горбачев, разрушите эту стену!*). Эти слова были сгустком позиции несоветского мира. Нет никаких сомнений в том, что стена в этом мире рассматривалась как символ не столько даже железного занавеса (меткая формула Черчилля давно ушла в прошлое), сколько оценки места пытающегося измениться СССР в быстро и резко трансформирующемся мире. И Горбачев, в отличие от многих других в СССР, думавших лишь о том, как бы подороже продать богатым западным немцам уже фактически обреченную на освобождение ГДР, хорошо понял смысл обращенной к нему просьбы.

Но одно дело понять и даже внутренне принять твердое решение и совсем другое — суметь реализовать его. На пути реформатора сто-

яло многое, начиная с энергичной позиции руководства ГДР. Снова обратимся к тезису о привилегированном и, главное, символическом положении этой страны в социалистическом лагере. Она неплохо жила, а ее руководство не желало заниматься реформами и тем более думать о сближении с остальной частью Германии, что заведомо не сулило ему ничего хорошего. На некоторое, причем для периода реформ довольно долгое время, примерно на два года, вопрос о ГДР повис. Да и не до ГДР и Берлинской стены было в нашей стране, где тогда решались свои проблемы, один за другим выдвигались и реализовывались лозунги о свободе, гласности, демократических правах и процедурах, о господстве в стране партии *нового типа* и о многом прочем, жизненно важном для измученного марксистским социализмом народа.

Но время шло быстро, а в процесс решительных реформ и перестройки включались, вслед за СССР, восточноевропейские страны. Особенно это касается Венгрии, где преобразования шли энергичнее и решительнее, чем где-либо. Как упоминалось, это выразилось, в частности, в том, что в сентябре 1989 г. Венгрия открыла свои внешние границы, в частности, с Австрией. Это сыграло едва ли не решающую роль в ускорении решения проблемы ГДР и Берлинской стены. Все те, кому не терпелось и кто давно решил покинуть ГДР, перестали обращать внимание на стену и устремились в Венгрию, куда путь для немцев ГДР всегда был открыт. Десятки тысяч немцев покинули страну таким образом. Затем были открыты и границы Чехословакии, куда тоже направились жители ГДР. Сама стена потеряла смысл, правительство ГДР сменилось, и 9 ноября 1989 г. было объявлено о праве свободного перехода через проходы в стене. Это был всенародный праздник немцев, о котором они никогда не забудут. Стена вскоре была снесена, частично разнесена на сувениры. Но ГДР просуществовала еще несколько месяцев, пока Горбачев на встрече с Г. Колем не согласовал все детали воссоединения Германии. 3 декабря 1990 г. единая Германия стала реальностью.

Нельзя сказать, чтобы сразу же после этого все наладилось. Скорей напротив, вскрылось великое множество несоответствий между обеими частями страны. И дело не только в том, что на подтягивание уровня жизни восточных немцев к общегерманскому ушли многие миллиарды марок, причем окончательно процесс долго не был завершен. Гораздо важнее то, что социопсихологически многие восточные немцы, особенно из относительно бедных слоев, рассчитывавших на патерналистскую помощь государства, оставались недовольны своим

положением. Медленно шел процесс восстановления буржуазного либерально-демократического идейно-институционального фундамента, без опоры на прочность которого трудно строить привычные для западного мира отношения. Но, тем не менее, этот процесс шел и результаты его несомненны. Что же касается исторической его значимости, то она бесспорна. А несходство в образе и уровне жизни между обеими частями Германии — это то, что наглядно свидетельствовало о том, сколь трудно построить и как легко разрушить (с последующим опять-таки долгим и трудным восстановлением) общество западного буржуазно-демократического процветания.

СУДЬБА ОСТАЛЬНЫХ СТРАН ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ СССР

Стран, которые в свое время по прихоти судьбы или собственной неосторожности выбрали путь марксистского социализма и шли по нему с помощью СССР, было немало. Их в мире в разное время послевоенных десятилетий (всего примерно полвека) было несколько десятков. И если вычесть из их числа Китай, который сам перестроился вскоре после смерти Мао и вне зависимости от событий в СССР, то почти все остальные связали свою судьбу, кто надолго, а кто, наподобие Египта времен Насера, на короткий срок, с СССР. Об этом уже шла речь. Теперь несколько общих выводов. Они не слишком утешительны, особенно для тех, кто держался советско-коммунистической ориентации, что называется, до последнего.

Прежде всего, очень важно обратить внимание на то, что начавший перестраиваться СССР перестал активно снабжать тесно связанные с ним развивающиеся страны оружием, да и всем прочим, включая разного рода поставки в кредит. Это не только ударило по экономике соответствующих стран, но и поставило ее в очень трудное, подчас безвыходное положение. Нужно было решительно ломать установившиеся связи и срочно искать новые. А это значило, что прежнее руководство должно было уступить место новому, а новое быстро изменять политическую линию и устанавливая контакты с другими спонсорами, на сей раз в основном со странами Запада.

Это, разумеется, не означает, что конфликты и войны стали сразу же прекращаться. Купить оружие всегда было где и у кого. Но иначе стояла проблема оплаты, что как раз и ударило по экономике и ставило под вопрос устоявшиеся и, как правило, достаточно низкие

стандарты существования населения, что было чревато ростом внутриаполитической напряженности. Поэтому амбициозные планы целесообразно было сократить, если не пересмотреть вообще. В итоге многое в мире развивающихся стран, прежде всего наиболее бедных из них, особенно в Африке, было пересмотрено.

Может показаться, что тем самым основное бремя помощи бедным странам и народам было переложено на более богатый Запад. Но это не вполне так. Конечно, западные страны и без того активно помогали отстающим, но вставшая перед новыми спонсорами задача перестроить экономический механизм стран, ориентировавшихся на марксистский социализм, была не менее, пожалуй, более сложной, чем та же задача, стоявшая перед восточноевропейскими странами. В целом все же крушение тоталитарного СССР, как и начавшиеся в КНР реформы, ведущие к резкому изменению характера китайского общества, переменяли ситуацию во всем мире, начиная с тех развивающихся стран, которые после войны ориентировались на марксистский социализм. И это, безусловно, следует считать благом, хотя упомянутая перемена сама по себе не везде привела к заметным позитивным результатам. Не привела потому, что кое-что в быстро менявшемся мире активно компенсировало уход с политической арены тоталитарных режимов. Имеется в виду, в частности, как раз в эти годы начавший очень энергично давать знать о себе исламский фундаментализм.

Но обо всем по порядку. Самым заметным результатом, крупнейшим геополитическим сдвигом XX столетия, по крайней мере после войны, стало изменение в соотношении сил в мире. Показателем этой величайшей для XX столетия геополитической перемены было прекращение холодной войны. Для тех, кто принадлежит к молодому поколению и для кого все, о чем сейчас идет речь, уже достаточно давнее прошлое, стоит специально напомнить, что это было событием необычайной важности. Конец этой войны означал, что мир вступает в принципиально новую эпоху своего существования. О том, что эта новая эпоха вовсе не принесла с собой одни только радости или хотя бы всеобщее удовлетворение, уже шла речь и еще будет сказано. Но пока важно обратить внимание на то, что после победы и исчезновения с лица земли первого из двух мощнейших для своего времени тоталитарных режимов крушение СССР в 1991 г. было вторым равным по значимости событием, ибо советско-коммунистический тоталитарный режим принес человечеству не меньше зла, а уж о пролитой крови, начиная с 1917 г., и говорить не приходится.

А холодная война исчезла тихо и даже незаметно. Просто всем стало ясно, что буржуазно-демократическому Западу не с кем больше вступать в сколько-нибудь значимую и постоянно напряженную конфронтацию. Нет больше той страшной силы, которая могла бы всерьез ему противостоять. В мире не только не осталось двух лагерей, о которых так любила напоминать отечественная пропаганда, но и двух сверхдержав. Конечно, от СССР осталось накопленное оружие массового уничтожения, которое в свое время и на протяжении десятилетий вроде бы уравнивало его по потенциам уничтожения человечества и всего живого на планете со столь ненавистным коммунистам Западом. Но оно довольно быстро приходило в негодность, а для замены его обновленным и усовершенствованным ни сил, ни условий не было, что Запад хорошо понимал. Однако главной его заботой было не столько радоваться унижению бывшего соперника, сколько совсем напротив, опасаться того, чтобы ракетно-ядерный потенциал СССР не распозался по разным частям, на которые СССР распался. Поэтому Запад в лице США охотно шел на сокращение стратегических вооружений (в 1991 и 1993 гг.), что было выгодно прежде всего слабевшей в этом плане России, и с облегчением вздохнул в 1994 г., когда процесс ликвидации ракетно-ядерных вооружений на Украине, в Белоруссии и Казахстане был завершен (все это оружие было передислоцировано на территорию России).

Однако решение этой важнейшей задачи, резко снизившее взаимную подозрительность прошлых десятилетий, хотя и перестало быть главной заботой США, не создало в мире благостной ситуации, на что кое-кто надеялся (можно напомнить рассуждения американского профессора Ф. Фукуямы о *конце истории*). Но, тем не менее, мир изменился, и изменился очень решительно. Великие и глобальные по масштабу перемены, которые свершились в последнем десятилетии XX столетия, были столь большими, что именно их следует считать основой тех важнейших сдвигов, которые стали происходить на планете на рубеже XX–XXI вв. и еще будут происходить в ближайшем обозримом времени. Поэтому важно проанализировать все происшедшее. И если к концу истории это пока не привело, то возрождению буржуазной демократии как ведущей силы мировой эволюции, сходной с той, что была столь очевидной в период ее триумфа в XIX в., до известной степени содействовало.

С одной стороны, мир Запада резко возрос и постоянно возрастает за счет энергичного процесса эволюции и вестернизации ряда крупнейших стран вне Запада. Но с другой — остаются многие тре-

возные поводы, не позволяющие благодушествовать. И это прежде всего вызов со стороны становящегося все более массовым и внутренне сильным движением исламских экстремистов, которые, похоже, очень торопятся заполнить опустевшую и оказавшуюся вакантной антизападную нишу мирового тоталитаризма. И, что особенно существенно, это им не то чтобы легко дается, но при непредвзятом анализе представляется вполне реальным. Ситуация, сопровождаемая активной афроазиатизацией Запада, что делает его весьма доступным для террора, вносит большую ложку дегтя в бочку меда, какой вполне могла бы иначе представляться жизнь мира после холодной войны. И об этом, как, впрочем, и о мировом кризисе, будет идти речь далее. А пока обратимся к событиям в нашей стране, теперь уже, как и в досоветском прошлом, России.

Глава двадцатая. УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ОБНОВЛЕННОЙ РОССИИ

Россия с рубежа 80–90-х гг. стала де-факто, а затем и де-юре законным преемником СССР. Несмотря на кажущуюся неторопливость действующих сторон в период между августовским путчем и концом 1991 г., когда было подписано мало кого к чему-либо обязывавшее соглашение о создании вместо СССР некоего СНГ, на самом деле это было время, когда подспудно свершались серьезные события. Не всегда то были активные действия, подчас напротив, важным событием оказывалось именно отсутствие чего-либо, что следовало бы сделать. Тем не менее все происходившее и не происходившее было очень важным и потому заслуживает пристального внимания. В те заметно уже отдаленные от нашего времени годы, даже порой месяцы, решалось многое из того, что произойдет с Россией. Отчасти и то, какой станет сама Россия и есть ли у нее вообще будущее.

Самыми бросающимися в глаза были паралич власти в рамках СССР и отсутствие воли и готовности принимать решительные меры со стороны тех, кто уже взял на себя ответственность за новую Россию. Другое дело, как это было в действительности и что можно было бы в реально складывавшейся обстановке делать. Начнем с того, что союзные министерства, которые занимались хозяйством (а их были десятки), уже ничем не управляли, ибо решения о расширении хозяйственных прав директоров предприятий вели к тому, что централизованное руководство и плановая система, основанная на

директивах из центра, рухнули. Вся структура партийных органов, обычно направлявшая деятельность хозяйственных центров, в свою очередь не только прекратила деятельность, но и была формально ликвидирована, а соответствующие здания временно опечатаны. Все силовые министерства (армия, КГБ, МВД), оставшиеся на время без привычного повседневного централизованного партийно-союзного руководства и без ориентировки, застыли в деморализованном бездействии.

Словом, СССР уже почти совсем не дышал, а шедшая ему на смену Россия еще не осознала и в некотором смысле еще не могла осознать себя ответственной за все и соответствующим образом действовать. Это было связано с тем, что из перечисленных рычагов власти у нее почти ничего не было. Формально она, в отличие от других союзных республик, их никогда и не имела. Нужно было решить, как действовать, и точно определить, куда двигаться. Казалось бы, при всей сложности проблемы выбор прост. Идти к рынку и действовать таким образом, чтобы все шло само собой, лишь при направляющем контроле со стороны власти. Именно так и сделал в Китае Дэн Сяопин за несколько лет перед этим, что реформаторам было хорошо известно. Но Россия не была Китаем. И не только потому, что старательный и дисциплинированный китайский труженик не чета нашему. За ним, веками привыкшим работать на своем поле или участке деятельности, не так-то легко угнаться, что всегда важно иметь в виду. Но сложнее было то, что крушение СССР и КПСС лишило руководство России логичной возможности оперативно и без особых забот вести реформы, сохраняя рычаги власти. К власти пришли новые люди, свободные или почти полностью свободные от предрассудков вчерашнего дня, но не умеющие управлять и учившиеся этому, что называется, на ходу.

В истории многих стран нечто подобное случалось, и достаточно часто. Но наш случай особый. Его не сравнишь ни с насильственным захватом власти, ни с плавным переходом всего налаженного аппарата администрации из одних рук в другие, когда от мало чего знающего и ничего не умеющего нового правителя, какого-нибудь латиноамериканского генерала, ничего необычного и не требовалось, особенно на первых порах. Здесь же сложилась совсем иная, в некотором роде уникальная обстановка. Президент России был популярен. Своими поступками и речами, отвергавшими привилегии власть имущих и уважавшими законные требования людей, он снижал уважение. *Ельцин спасет Россию!* — такими лозунгами, обычно

чаще всего написанными от руки, была увешана Москва. Но у него не было команды. Ее нужно было создать. А ситуация складывалась таким образом, что созданием ее президент озаботился достаточно поздно. И были причины, почему так.

Причины упирались в отсутствие тех, на кого можно было бы уверенно положиться. Были люди – немного, несколько десятков (если иметь в виду грамотных профессиональных экономистов, а не весьма многочисленных специалистов по лженауке под названием *политэкономика социализма*), – которые знали дело и могли принять активное участие в реформах. Были и те, кто понимал ситуацию, не будучи профессионалом. Они могли помогать, каждый на своем месте. Но задача заключалась в том, чтобы не просто свести всех этих людей в одну команду (они и без того в общем достаточно знали друг друга). Нужно было, чтобы они, детально обсудив суть проблемы и тщательно продумав наиболее вероятные и просто возможные последствия каждого шага в процессе реформ, пришли бы если и не к консенсусу, то по меньшей мере к чему-то единому в самом главном, с чего и как начинать. Здесь важно добавить, что, высоко оценивая результаты деятельности Горбачева, нельзя не заметить, что он потратил несколько лет на колебания, вызванные незнанием, как поступить, и нежеланием сделать решительный выбор из предлагавшихся ему вариантов стратегии. А пока он выбирал, становилось все очевиднее, что нужны крайние, радикальные меры для ликвидации финансового дисбаланса.

Просьбы о зарубежных кредитах наталкивались на отказы, которые сопровождались резонным предложением сначала произвести финансовую стабилизацию и либерализацию экономики, т.е. открыть широкую дорогу рынку. Без этого все кредиты будут напрасно потрачены на залатывание дыр. О постепенной либерализации цен Горбачев все время размышлял, тем более что продовольственный кризис толкал его к этому. Но вот о рынке он старался не вести речь. Его гораздо больше заботила задача сохранения СССР. В итоге до осени 1991 г. ничего решено не было. Следствия были очень тяжелыми. Экономика разваливалась, нефть дешедела, деньги теряли смысл и повсюду замещались бартерными сделками. Руководители совхозов и колхозов (золотая осень!) не везли зерно к элеваторам. Попытки воссоздать единое экономическое пространство без единства политического были уже бессмысленны. Кредитов такому государству, естественно, никто не даст. Резервы, финансовые и товарные, исчерпаны. Раньше в таких условиях некоторые страны объявляли

себя банкротом. Для гибнущего СССР этот выход был заведомо закрыт. Оставалось последнее и по сути единственно возможное решение. Речь о жестких и непопулярных, но неизбежных мерах: сразу, с маху отпустить цены и тем заложить основы будущего рынка. Это понимали почти все, но мало кто был готов взять на себя инициативу и осуществить весьма непопулярные реформы, крайне болезненные для нашего населения, не готового к ним, не понимающего смысл происходящего.

НАЧАЛО РЕФОРМ

Решать пришлось России, а в конечном счете Ельцину и той команде, которой он в конечном счете доверился. Возглавил эту команду в октябре 1991 г. Егор Гайдар, который к власти не рвался, отличался непривычной для советско-коммунистических верхов интеллигентностью в поведении и в обращении со всеми и в то же время — редкое в принципе совпадение качеств — решительностью и твердостью в выборе и в отстаивании нужных решений. И именно с подачи его команды взявший на себя ответственность Ельцин в выступлении на очередном съезде народных депутатов России заявил о своей готовности начать радикальные рыночные преобразования с либерализации цен, имея в виду осуществлять затем приватизацию, земельную реформу и многое другое, со всем этим связанное. Формально он взял на себя функции главы правительства, но фактически эту должность стал исполнять Гайдар, который и комплектовал кабинет. Сам Гайдар в деталях позже описал этот процесс, уделив особое внимание своим сложностям с комплектованием аппарата администрации кабинета, от точности и четкости работы которого зависело очень много. И началась текущая и крайне неприятная для всего кабинета и его главы часть работы. Работа шла, к реформам готовились, причем очень обстоятельно, что для неопытной в таких делах команды было делом буквально героическим.

Но неприятности навалились с совсем другого конца. Дело в том, что реформ еще не было, они только готовились, а кабинет и Гайдар уже были. И люди об этом знали. А в стране ситуация ухудшалась с каждым днем, и все претензии изголодавшихся, измучившихся в нескончаемых очередях людей начали автоматически сыпаться именно на реформаторов и особенно на него. Помочь делу было невозможно. Не сдавали зерно и не везли в магазины иные продукты; навес бу-

мажных денег все возрастал, но истратить их было не на что. Господствовал бартер, а дороги между некоторыми областями были перекрыты. В стране в конце 1991 г. не оказалось запасов золота. Нечем было платить даже за самые неотложные государственные долги. Не было и валюты, а цены на нефть не позволяли получать сколько-нибудь достаточное количество новой. Рублей не оставалось и в банках страны, только цифры на страничках сберегательных книжечек вкладчиков. И во всем этом оказался виновным Гайдар.

Он был и в составе команды Ельцина в Беловежской пуше, когда там составляли и подписывали документ, похоронивший СССР. И именно тогда было окончательно решено, что либерализация цен начнется с января 1992 г. Готовясь к этому дню, реформаторы стремились учесть все: и безудержно растущие цены, и озлобленность изголодавшегося населения, и жесткую необходимость контроля над отпущенными ценами, особенно в том, что касалось списка наиболее важных товаров, и невозможность чрезмерного расширения этого списка, и обезденежные вклады. Они надеялись на сочувствие людей, на их готовность понять необходимость реформ и вынести необходимые утраты. Но наше население не было приучено к сочувствию, его десятилетиями приучали к ненависти и немало в этом преуспели. Можно было, конечно, предусмотреть это и провести кампанию, направленную на разъяснение безвыходности ситуации. Нужно было бы многократно и доступно для всех разъяснить во всех средствах массовой информации и прежде всего по телевидению.

Но не было времени, да и едва ли это бы помогло. Конечно, сделать это следовало бы, хотя понятно, что успех реформы во многом зависел от внезапности решительной перемены. Как было совместить одно с другим? И еще. Врагами реформаторов оставались коммунисты. Компартия исчезла, но о люстрации по отношению к номенклатуре КПСС речи не было. И хотя настроение в обществе было не в ее пользу, как знать, узнай кто-либо о готовящейся реформе, не нашлось ли бы тех, кто в очередной раз после недавно провалившегося путча возглавит недовольных?

Как бы то ни было, но реформы начались. 2 января 1992 г. все магазины открылись с большим набором товаров, но уже по новым, рыночным ценам, значительно возросшим. И все, хотя не сразу, стало налаживаться, но одновременно всем пришлось подтянуть пояса. А затем начались новые реформы. Одной из них стала та, что была направлена на свободу торговли. Другой — право на индивидуальное предпринимательство. И все бы ничего, если бы не следствия.

Зарплата росла медленно, а предприятия военно-промышленного комплекса (это была наша беда, ни у кого больше такая доля производства, трудящихся и денег на этот комплекс не приходилась) и вовсе приостанавливались. Шла эмиссия советского рубля в бывших союзных республиках, что ухудшало ситуацию с инфляцией. Денег, несмотря на это, у горожан катастрофически не хватало. После объявления свободы торговли появились массовые рынки типа толкучек, а в центре Москвы это были просто ряды торгующих всем, что было дома и можно было продать. Жаль было смотреть на это зрелище: свои возможности демонстрировала скрывавшаяся до того и вдруг выбравшаяся наружу неприглядная бедность.

Это был молчаливый упрек как ушедшему в прошлое режиму, так и реформаторам. Больше того, отвечать за все должны были именно они, кто работал безостановочно. И если с проблемой зарплаты команда Гайдара кое-как все же справилась, то позаботиться о товарах она не могла. Все, что можно было сделать, это открыть беспрепятственный путь для сотен тысяч челноков, ездивших в соседние страны, начиная с Турции и уже вполне в этом смысле оправившегося Китая, и привозивших оттуда то, в чем нуждались наши люди. И страна жила за этот счет, как, впрочем, по меньшей мере частично, и за счет помощи из других стран. Но если посчитать и сложить одно с другим, если учесть, что страна могла произвести и продать и что было необходимо иметь и приобрести для ее содержания, то станет вполне естественным, что в итоге получался один большой минус. А он вполне логично разжигал столь привычную для наших ненависть (так и хочется сказать *классовую*; в этом духе всех людей советских воспитывали).

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПАРЛАМЕНТА (1992–1993)

Первый этап реформ можно было, пусть с трудом, считать удавшимся. В стране на созданном Горбачевым идейно-институциональном фундаменте рыночно-частнособственнической структуры стали складываться новые формы взаимоотношений между людьми и государством. Но беда была в том, что принципиально эти новые связи рвали многими десятилетиями укреплявшиеся и доминировавшие в стране старые. А это больно ударило по тем же людям, в том числе и по наиболее квалифицированным из их числа.

Рушился военно-промышленный комплекс с гигантским обслуживавшим его корпусом разнообразных КБ и НИИ, где трудилась та самая либерально настроенная часть общества, которая лучше других понимала необходимость реформ и горячо им сочувствовала. Но что их ждало? Резкое сокращение военного и военно-промышленного бюджета (примерно втрое) означало если не безработицу, то очень заметное уменьшение зарплаты, не говоря уже о премиальных и прочих льготах. Скудость финансовой базы в условиях невообразимой инфляции (по некоторым данным, в 1992 году она достигла 2500%) не давала никакой возможности соответственно повысить зарплату всегда и без того заметно ущемленному в этом смысле другому большому слою интеллигенции — учителям, врачам, ученым, работникам культуры, не говоря уже о ветеранах и пенсионерах.

Люди жили в непривычно новых условиях, когда все можно было купить, но ни на что не хватало денег. Эти условия нормальны для любой развитой и даже не слишком развитой, но давно устоявшейся рыночной экономики. Но они оказались чудовищно болезненными для советских людей, с рождения не имевших ничего общего с такой экономикой. Лишь немногие из них, кто обладал определенным даром от природы (я назвал бы это синдромом Остапа Бендера), чувствовали себя в этой обстановке как рыба в воде и быстро на глазах изумленных их соседей и сослуживцев оказывались зажиточными, а то и богатыми. Они, как правило, умело осаждали людей с именем и с весом, предлагая им свои несбыточные проекты и стремясь заполучить льготы (например, получить дешевые государственные субсидии для ввоза каких-то импортных товаров или заморозить цены на нефть, создать заведомо фиктивный банк и т.п.). Коммерция тесно сплеталась с уголовщиной, начинали расцветать привычные для России, особенно в смутные времена, коррупция, а то и просто бандитизм.

Важно прибавить ко всему сказанному, что к бедам России не остались безучастными различные благотворительные фонды, особенно в богатых США. Один только фонд Сороса потратил многие миллионы долларов на поддержку в самый трудный момент нескольких сотен отечественных ученых (знаменитые гранты Сороса распределялись очень демократично и многие, как и я, их получили, что позволяло как-то протянуть в это очень не простое время) и на выпуск важнейших иностранных научных журналов. В страну потоком пошла и продовольственная помощь, ощущавшаяся в больших городах. Но все это могло лишь как-то поддержать людей. Решать их проблемы должны были только радикальные реформы.

На очередном съезде российских депутатов в апреле 1992 г. Гайдар был официально назначен первым вице-премьером, что должно было всем показать, что президент, считавшийся и премьером, в целом результатами первых реформ удовлетворен. Однако оппозиция росла и жестко проявлялась среди депутатов, большинство которых стремилось создать себе известность за счет непримиримости к реформаторам. И очень характерно, что критики даже не вспоминали о 70–75 годах правления коммунистов. С них, которые должны были бы отвечать за все, печего было взять. А вот реформаторы с неизбежными издержками проводившихся реформ были удобной мишенью. Полная же свобода позволяла в те дни говорить что угодно, ибо никаких сдерживающих преград не было. Никто не стал бы обвинять депутата за экстремизм или тащить его в суд за клевету. И говорили не приученные к порядочности люди все, стремясь заклеить тех, кто им казался неудобным, и требовать того, чего им сегодня хотелось. Как на революционных митингах где-нибудь в 1917-м.

Нельзя сказать, чтобы эти выступления сильно тревожили реформаторов. Но для них были важны итоги голосований, от чего зависела устойчивость их позиций. До поры до времени здесь решающую роль играл харизматический авторитет Ельцина, которого те же крикливые депутаты долго вынужденно отделяли от открытого для любой ругани кабинета Гайдара. Это означало, что продолжению реформ ничто пока практически не мешало. И реформы продолжались. Несмотря на крики депутатов, продолжалась политика либерализации цен. Теперь уже почти на все продукты и товары, включая хлеб и нефть. Повышалась процентная ставка на кредиты, и вводился принцип конвертации рубля. Месячные темпы инфляции сократились до 10%. В стране появились даже зарубежные кредиты, что дало повод критикам реформ кричать о том, что реформы осуществляются под диктовку Международного валютного фонда (МВФ). Но правительство реформаторов держалось, а Гайдар с лета 1992 г. стал даже исполняющим обязанности премьера. Однако уже в декабре того же года под давлением депутатов он был вынужден уйти в отставку.

А премьером стал В. Черномырдин, явно к этому тогда не готовый. Он обещал *рынок без базара* и реформы без ухудшения жизни людей. И сразу же все потребовали от него дополнительных кредитов (в ноябре их было выдано на 160 млрд рублей, а в декабре уже на 900 млрд). Угроза гиперинфляции вновь стала реальной. Осенью 1992 г. приняли решение о приватизации. Решение было трудным,

из многих вариантов выбрали не лучший и опять-таки плохо объяснили людям, что с ваучерами можно сделать. Это привело к тому, что появилось множество жульнических фирм, которые под разными доверительными наименованиями (та, на которой я остановил свой выбор, называлась *Московская недвижимость*; казалось, куда уж прочнее) у людей за их же деньги, пусть небольшие, 25 рублей, забирали ваучер с никого ни к чему не обязывавшей регистрацией и с обещаниями, вскоре начисто забытыми. Правда, приватизация жилищ имела совсем иной характер и реально превратила всех жильцов в собственников их квартир (квартиры благодаря Хрущеву и последующему городскому строительству имело к этому времени уже подавляющее большинство горожан). В деревне был частично начат возвратный процесс восстановления колхозов и совхозов с обязательными поставками. Это было отступление.

Тем временем парламент разжигал страсти, что содействовало сложению организованной оппозиции. В феврале 1993 г. восстановили компартию (КПРФ). Парламент, который в те дни можно было причислить к наиболее безответственным в истории человечества, выступал против президента. Ему помогали вице-президент Руцкой и глава конституционного суда Зорькин. Президент потребовал референдума и одержал летом 1993 г. решающую победу. Но отношения между разными ветвями власти продолжали оставаться напряженными. Сначала они проявились в сфере финансов. После реформы в январе 1991 г., проведенной еще в СССР и сводившейся к обмену лишь крупных купюр, что привело к конфискации примерно 10% денежной массы и к сильному подрыву доверия населения к правительству, прошло несколько лет, полных сложными финансовыми проблемами. Летом 1993 г. правительство провело новую денежную реформу, вызвавшую рост цен и давшую повод парламенту требовать выполнения всех финансовых обязательств. Черномырдин выполнить обещания не мог, да и обращения претензии были не к нему, а к президенту.

Противоречия между безответственным парламентом и отвечающим за все президентом еще сильнее обострялись. В парламенте и в газетах кричали об импичменте. В стране создавалась ситуация не столько двоевластия, сколько безвластия и сопутствующего ему хаоса. И в сентябре Ельцин вновь назначил Гайдара первым вице-премьером, с чем Черномырдин, похоже, с большой радостью согласился. И по правде сказать, другого выхода в сложившейся ситуации ни у президента, ни у премьера не было. Кто-то должен был реши-

тельно взять правительственные вожжи в свои руки и отвечать за чужие ошибки своей головой. Лучшей, наиболее подходящей для этого головы не нашлось.

ОСЕНЬ 1993-го: ОЦЕНКА СОБЫТИЙ

Легко рассуждать задним числом, как то всласть делается в наши дни, когда многое из органических пороков отечественного образа жизни выявилось с такой выпуклой ясностью, что по сравнению с ней претензии нынешних греков, оказавшихся на грани дефолта, жить как немцы, а работать как африканцы покажутся славными цветочками. Тогда, на рубеже 90-х, многое выглядело иначе. И хотя уже тогда было вполне ясно, к сколь тяжелым последствиям ведет и еще может привести страну слом той военной машины, которую представляла до предела агрессивная держава, менее всего заботившаяся о процветании привыкшего к убогому существованию населения, то, что уже было к 1993 году сделано, внушало надежду. Быть может, не все делалось лучшим образом, что и неудивительно, ибо делать приходилось, что называется, с колес, но была надежда. Многое зависело от того, как пойдут дела дальше, какие решения станут приниматься и реализовываться.

1993 год во многом, если не во всем стал решающим для судеб России. Он выцветил значимость всего того, что свершилось в стране и навсегда останется знаком наивысшего успеха, символом непреходящей значимости и начатой Горбачевым перестройки, и достигнутых Ельциным и Гайдаром результатов. Но это далеко не все. 1993-й еще и злосчастный для страны год, оказавшийся под занавес символом неудач, вызванных не столько ошибками, сколько недостаточным пониманием общества, с которым реформаторам приходилось иметь дело. Мечтали о демократии и бездумно рассчитывали на то, что люди осознают необходимость потерпеть ради нее. Не учитывали, что почти весь XX век они только и делали, что терпели и ждали светлого будущего, что к моменту решающего перелома они подошли с крайней степенью нетерпения и чудовищно преувеличенными ожиданиями. И потому все вышло не так, как ожидалось...

Страна, которая, в отличие от восточноевропейских ее соседей, даже западной прибалтийско-молдавской и восходящей к польско-литовской древности западной украинско-белорусской ее части, ничего не знала о европейском антично-буржуазном стандарте бытия,

оказалась нетерпимой к радикальным переменам. Они требовали от ее населения слишком многого, к чему оно было совершенно не готово. А этой ситуации к успеху могли бы привести лишь крайне авторитарные методы в стиле сингапурского Ли Куан Ю или чилийского Пиночета. Или – что лучше всего – если бы реформатор мог сохранить мощь партийно-авторитарной структуры, которую получил в наследство от маоизма Дэн, опиравшийся на китайскую деревню, знакомую хотя бы с буржуазным рынком, функционировавшим в Китае к тому моменту уже более столетия. Но у нас все было не так.

Население, силовым образом вдавненное и почти уже век снова прожившее в условиях столь привычного для страны чуть ли не с самого ее возникновения сервильного комплекса, социопсихологически ориентированное на нормы патерналистской заботы власти, оказалось решительно не склонным горячо приветствовать тех, кто хотел видеть страну процветающей буржуазно-демократической державой. А вынужденное разрушение еще Горбачевым тоталитарной силовой структуры всесильной власти лишило неопытных младороссийских реформаторов той опоры, которую имели в своих странах Дэн, Пиночет или Ли. Это привело к возрождению характерного для России в прошлом и стократ усиленному в СССР расколу населения на склонное идти в сторону Запада привилегированно-образованное меньшинство и резко противостоящее всему западному огромное большинство. Противостояние это и решило судьбу реформ и, скорей всего, судьбу России. Обратимся к подробному описанию событий.

Все началось с того, что почти сразу же после возвращения Гайдара президент пошел на обострение конфронтации с парламентом и оппозицией. Опираясь на недвусмысленные итоги только что, в апреле, проведенного референдума, он принял решение распустить парламент, провести новый референдум по введению только что подготовленной конституции и выборы в Государственную думу. Несмотря на то, что избранный для этого момент был выгоден скорее парламенту, который уже вступил на тропу войны и не стеснялся в словах, понося и провоцируя президента, Ельцин настоял на своем и 21 сентября подписал не согласовывавшийся с существовавшими на тот момент конституционными нормами указ №1400, распускавший парламент и назначавший выборы на декабрь. Конституционный суд, опираясь на букву конституции 1978 г., подправленной в 1992 г., признал его неконституционным, на что коммунистически настроенное большинство депутатов ответили лишением президен-

та полномочий, привели к присяге вице-президента А. Руцкого и призвали население страны к неповиновению.

Пользуясь тем, что здание парламента было насыщено оружием, депутаты сформировали группу боевиков, посланных в ночь с 23 на 24 сентября захватить здание штаба объединенных вооруженных сил СНГ. Но, хотя несколько человек из охраны и нападавших были убиты и ранены, затея не удалась. Президент и даже патриарх пытались вести переговоры, однако большинство депутатов от них отказались. Тогда от Белого дома была отключена связь, вокруг здания поставили ограждения. В воскресенье 3 октября толпа смяла заграждение и, поощряемая спикером парламента Р. Хасбулатовым, отправилась громить мэрию. Вооруженные боевики сумели овладеть в Москве несколькими ключевыми пунктами, в том числе зданием ИТАР-ТАСС, после чего во главе с генералом А. Макашовым отправились громить телестудию в Останкино. В ночь на понедельник начался кровавый бой в Останкино, важнейший момент в попытке переворота. Грузовик с яростью пробил двери, в проем устремились вооруженные боевики, которых сразу же встретил огонь собравшейся здесь охраны телестудии. Огонь был силен, так что потери быстро отступивших нападающих оказались велики. Надежды на захват здания уже не было. А лишённые связи (мобильников тогда еще не существовало) притихшие депутаты бездействовали. Один Руцкой ухитрился по какой-то радиации истерично и с гнусной руганью кричать, взывая о помощи. Но его никто уже не слушал. Точнее, никто не хотел активно вмешиваться в неясно как происходящие события.

Тот факт, что милиция и ОМОН были деморализованы и явно старались дистанцироваться от столкновений, не мог не насторожить правительство. Президент молчал, но после телефонного звонка Гайдара согласился с тем, чтобы кто-то выступил от имени власти. И тогда, уже поздно вечером, на старой телестудии на Шаболовке появился Гайдар, который спокойно, не форсируя голос, обратился к москвичам с просьбой о поддержке. Он обещал даже в случае необходимости выдать оружие, но для начала призвал всех собраться у здания мэрии на Тверской. И народ стал собираться. Молча, небольшими группами, изредка переговариваясь, люди шли и шли в центр города, готовые защищать то, в чем видели оправдание и смысл своего существования в освобожденной от тоталитаризма стране. Собравшиеся грелись у костров, будучи готовы ко всему. Число их все время росло. А к тому времени уже заработала телебашня в Останкино, показывавшая поражение боевиков. Раздавать оружие

не пришлось. Победа над теми, кто замыслил переворот, была очевидной. А к утру подошли и войска.

Враги Ельцина и Гайдара — а их не становилось меньше, ибо борьба за обновление была трудной, легко ничего не доставалось, приходилось терпеть, и далеко не все хотели и могли понять, что к чему, — позже пустили байку, будто утром танки президента *расстреляли парламент*. Эта фраза многим пришлось по вкусу. Да, танки сделали несколько выстрелов по верхушке здания парламента, где никого не было, что было показано по телевидению и видела вся Россия. Но расстрелять обновляющуюся Россию и уничтожить ее президента мечтали как раз поднявшие коммунистический мятеж и потому де-факто — **вне зависимости от того, как и почему толковал эти события Конституционный суд**, — свершившие государственный переворот депутаты того безответственного парламента, которые вполне заслуженно потерпели позорное поражение. Многие из вооруженных и рвавшихся к захвату власти боевиков были убиты во время мятежа, и это тоже следует считать нормой. Так оно обычно и бывает, когда в любой стране мятежники пытаются устроить государственный переворот.

В итоге все депутаты, никем не расстрелянные, однако, естественно, перепуганные, были вежливо посажены утром 4 октября в автобусы и в большинстве своем отвезены в тюремные камеры, где они провели некоторое недолгое время, пока в стране выполнялся президентский указ №1400. В выступлении от 6 октября президент обвинил в попытке государственного переворота представителей разных националистических организаций и коммунистов, а через несколько дней специальным указом упразднил по всей стране систему советов, на чем **советская власть в России прекратила свое существование**. Текст же новой конституции в его нынешнем жестком пропрезидентском варианте — что было в тот момент вынужденным, так как только это гарантировало сохранение статус-кво в реформированной России, — к сожалению, оказался губительным для страны после Ельцина. И здесь для ясности необходимо на мгновение приостановиться и объяснить, что к чему.

Детальное изложение связанных с коммунистическим мятежом событий дано в сдержанной форме в соответствующей интернетовской статье Википедии. Там же о том, что трактовка и оценка их неоднозначны, и это действительно так. Если бы я был революционером, то не стал бы долго рассуждать, а просто заявил бы, что все происходило в интересах революции и что в тех же ее интересах

следовало бы не амнистировать, а расстрелять всех мятежников. Но я далек от революции, хотя это и не значит, что столь же готов слепо следовать заключению конституционалистов. Их можно понять, *dura lex sed lex*, их так учили, они правоведаы. Но, как говорится, **не единым хлебом сыт человек**, хотя хлеб, т.е. еда, основа его существования. И с этого стоит начать, в этом вся суть.

Конечно, закон есть закон, а уж конституция тем более. Правда, не везде и не всегда. Меньше всего в нашей многострадальной России и тем более в годы бесчеловечного коммунистического эксперимента, изуродовавшего и без того не слишком передовое и умудренное разумом ее население. И как раз поэтому, **коль скоро стоял выбор, коммунисты или конституция, его по существу не было. Что угодно, но не коммунисты.** Не продолжая, твердо замечу, что Ельцин был безусловно прав, ибо без выполнения указа 1400 весь смысл великих событий 90-х гг. (речь о на некоторый срок пробудившемся и в массе своей еще явно не готовом к решительной ломке структуры населении страны) был бы вовсе потерян. В любой другой, например в Китае с его привычным и воспитанным высокой культурой консенсусом, такое было допустимо, но не в нашей с ее резкой разницей разных групп населения в уровне культуры. Словом, **коммунизм как режим был в тот момент в России вне закона, и этим все сказано.**

Но иначе это было воспринято большинством населения с его веками воспитанным антизападным настроем, что очень быстро сказалоь. Да, мы расплачиваемся сегодня за конституцию конца 1993 года, которая с ее подчеркнута пропрезидентским уклоном сыграла трагическую роль в годы правления новых президентов, в частности В. Путина, повернувшего руль демократии назад, в прошлое. Но тогда вопрос стоял иначе, и потому полная поддержка Ельцина была для тех, кто шел впереди, необходимой. Для многих, но, к сожалению, повторю, отнюдь не для всех. И это убедительно доказали результаты выборов в Государственную думу в декабре того же 1993-го, шедшие одновременно с одобрением конституции. В выборах приняли участие несколько партийных группировок, еще весьма рыхлых и подчас с трудом определявших свою политическую платформу.

Ведущей силой выглядел блок *Выбор России* во главе с Гайдаром. Но рядом были и другие объединения демократического характера, а также коммунисты и сторонники партии В. Жириновского. Половина мандатов разыгрывалась по партийным спискам, другая по одномандатным округам. Расклад голосов на выборах оказался нео-

жиданным. Неожиданность не в том, что проиграла партия Гайдара, не сумевшая набрать даже 5 проходных процентов голосов из числа списочных. Проблема страны в том, что победу одержала партия, лидер которой меньше всего принимал участия в реальной политической жизни страны, но зато отличался крайней степенью популизма и демагогии. Эта партия, ЛДПР, и ее глава Жириновский, начиная с названия организации (*либеральные демократы*) и кончая тем, что можно было бы считать программой, в основном лишь сбивали голосующих с толка. Но то обстоятельство, что сбитых с толка оказалось столь много — 59 мандатов в первой половине депутатов, т.е. из 225 (вторая половина выглядела иначе), заслуживает внимания. Тем более что и на всех последующих выборах эта партия, как и заново созданная КПРФ, всегда получала свою скромную долю мест в парламенте, чего нельзя сказать обо всех остальных.

Что касается коммунистов, то в этом нет ничего неожиданного. Но вот неизменная поддержка ЛДПР не то чтобы озадачивает, но нуждается в объяснении. Если в партии реально нет ничего общего ни с демократией, ни с либерализмом, а этого там заведомо нет, напрашивается один логичный вывод: люди голосуют не за демократию и не за либерализм, а за лидера партии. Лидер — человек незаурядный. Это умело играющий на чувствах населения националист с резким привкусом неконтролируемого поведения, что многим импонирует. Нет сомнений, что, войди в политику чуть позже, он назвал бы свою партию иначе и, быть может, даже на этом выгадал бы. Его эскапады, часто доходившие до оскорбительного эпатажа по отношению к внешнему миру (не раз ему отказывали во въезде то в одно государство, то в другое), при одновременном исключительном умении договориться с властью имущими и поддерживать их своими мандатами в нужный момент, создавали и продолжают поддерживать его имидж.

Примем это за данное и задумаемся над тем, что это значит. А значит это достаточно многое. Понятно, что демократизация, а скорее декоммунизация и десоветизация России обошлись стране очень дорого и многих выбили из привычной колеи. Правда, во всех или почти во всех восточноевропейских странах аналогичный процесс, кое-где сильно затягивавшийся, в конечном счете, несмотря на тяготы жизни, вызывал понимание. Но там происходило это потому, что население помнило те довоенные времена, когда люди были гражданами, и потому практически все активно содействовали реформам и обычно не поносили реформаторов. В России все оказалось не так.

Озлобленное население выместило все свои претензии на тех, кто делал дело. Они для недовольных были виновными во всем, начиная с того, к чему привели СССР коммунисты, и кончая трудностями, с которыми неизбежно оказался связан крайне болезненный переход страны, долгие десятилетия работавшей почти только на войну, на совершенно иные рельсы рыночно-частнособственнической экономики. Подлинные демократы и либералы-реформаторы оказались врагами для очень большой части страны, для страдающего от невзгод населения, корни социополитических представлений которого, не стоит забывать, восходят не только к советскому близкому прошлому, но и к нормам крепостного рабства и сервильного комплекса старой России.

И отсюда следует крайне печальный вывод. Страна после всех выпавших на ее долю потрясений оказалась такой, в которой многие так и не поняли, что же такое подлинная либеральная демократия. И не только не поняли, но и, оказавшись неподготовленными к радикальным переменам, лишившись привычной патерналистской опеки государства, будучи тем самым как бы предоставленными сами себе, но не научившись ни ответственности, ни навыку самоорганизации, от чего их так долго отучала советская власть, озлобились против реформ и реформаторов. Часть вновь повернулась лицом к коммунистам, другие, не думая об этом, предпочли истинной либеральной демократии не столько даже ее имитацию, сколько будто бы воплощавшего ее политического деятеля, который не имел отношения к ненавистным реформам, но зато всегда умело рассуждал на актуальные национально-патриотические темы, искусно лавировал и обычно многое щедро обещал. Народ вообще-то легко привлечь, особенно когда он не слишком много знает и понимает. Этим часто пользуются те, кто готов ему льстить и обещать.

РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ И КОНЦЕ 90-х

Уже в январе 1994 г. избранная по новому закону и в соответствии с новой конституцией Государственная дума легко амнистировала не только участников мятежа, но и путчистов 1991 года. Президент не только не возражал, но одобрил инициативу, направленную на достижение согласия в обществе, что действительно было едва ли не наиболее актуальным для страны. В это время Гайдар окончательно ушел из правительства и перестал быть главным раздражителем не-

довольных. Тем не менее из попыток примирения ничего не получилось. На передний план сразу же выступила проблема Чечни, решившейся на открытую борьбу за независимость. О перипетиях войны с чеченцами много сказано и написано. Главное здесь даже не в том, что горцы захотели стать независимыми. Много важнее то, что новое правительство, да и президент отнеслись к требованиям и намерениям Чечни не очень серьезно, рассчитывая одолеть сепаратистов чуть ли не силами пары полков и к тому же в короткие сроки.

Началась долгая война, которая, не говоря уже о неизбежных потерях, очень дорого обошлась прежде всего демократическим силам России, снова расколовшимся на части, на сей раз в связи с отношением к этой войне. И если новое правительство хотело обойти тех, кто блистал воинственно-патриотической риторикой, доказав свою состоятельность в этом смысле успехами в *маленькой победоносной войне*, то Гайдар и его партия хорошо понимали, что такие расчеты построены на песке, что руководство страны просто не сознает, на что идет.

К сожалению, именно так и вышло. Первые танковые атаки на Грозный в октябре-ноябре 1994 г. позорно провалились. Не принесло значительного успеха и более основательное наступление на город в декабре, да и в первые месяцы 1995 года. А затем чеченцы, и до того промышлявшие захватом в плен и продажей в рабство заложников и пленников, открыто перешли к тактике массового террора. Вначале, в июне 1995, это был захват Басаевым небольшого городка Буденновска в Ставрополье, когда ради спасения пациентов больницы телефонные переговоры с Басаевым должен был вести премьер Черномырдин. Затем, в январе 1996 г., Радиев повторил такой же налет на город Кизляр. Война продолжалась. Мало того, середина 90-х оказалась периодом страшных насилий по отношению к русским в Чечне. Они уничтожались и выживались из этой республики.

На этом фоне разворачивались новые политические столкновения в России, связанные с президентскими выборами 1996 г. Эти выборы оказались тяжелым испытанием для России. Коммунисты во главе с Зюгановым считались основной силой, вполне способной бросить вызов Ельцину, чей авторитет заметно снизился за несколько последних лет. Правда, усилиями избирательного штаба во главе с А. Чубайсом была создана обстановка, изменившая соотношение сил в пользу президента. Да и сам Ельцин, судя по отзывам, выглядел в эти предвыборные недели намного крепче и уверенней в себе, чем до того (впрочем, до нынешнего времени не замолкают голоса,

утверждающие, что без подтасовок — речь о победе Ельцина — не обошлось).

Как бы то ни было, но он, если не сомневаться в официальных данных, вышел победителем в первом туре, несколько опередив Зюганова, намного генерала Лебеда и тем более главу партии *Яблоко* Г. Явлинского. Во втором туре многие голосовали уже не столько за Ельцина, сколько против коммунистов. Это и принесло Ельцину победу. В последующие годы страна развивалась довольно нервно. В экономике шло активное перераспределение собственности в ходе так называемых залоговых аукционов, когда от имени государства тому либо иному банку передавался пакет акций по заниженной стоимости, что в конечном счете часто вело к злоупотреблениям. Создавался круг первых отечественных миллиардеров. А это в условиях обеднения части населения и продолжавшихся несвоевременных выплат зарплат и пенсий вызывало озлобление. Неустойчивым становился финансовый баланс, что вызвало потребность в государственных долговых обязательствах (ГКО), количество которых постоянно росло, пока не привело страну в августе 1998 г. к дефолту, обернувшемуся обесцениванием рубля и, таким образом, снова массивной потерей накоплений. Дефолт пошел на пользу стране, ибо резко выросший в цене доллар прикрыл дорогу к импорту и способствовал развитию отечественного производства продуктов и товаров. Но плоды успехов пожал уже не Черномырдин и даже не на короткий срок заменивший его С. Кириенко, а Е. Примаков, который, впрочем, тоже недолго был премьером. В мае 1999 г. его на несколько месяцев сменил С. Степашин, а затем появился В. Путин.

ЕЛЬЦИН В ПОИСКАХ ПРЕЕМНИКА

Вопрос о преемнике президента заслуживает особого внимания. И не только потому, что президент, понимая, что от этого очень многое зависит, предпочел снова пойти на резко антидемократический шаг, суть которого свелась к замене открытых выборов с конкуренцией достойных кандидатов подбором заранее избранного им и поставленного в некое исключительное положение козырного кандидата. Можно было увидеть в этом абсолютное неуважение к демократическому выбору в стране, сделавшей демократию своим знаменем. Но можно еще раз обратить внимание и на нечто другое, что для президента — да и для всей страны, едва выкарабкавшейся из

под обломков тоталитарного режима, — выглядело как неприемлемый риск. Демократия безусловно предпочтительна, когда общество сознает и видит ее бесспорные преимущества. Но она становится сомнительным институтом, коль скоро дело обстоит иначе. И теперь о причинах такого поступка.

За власть уже очень больной Ельцин не держался. Тревожило его совсем другое. Президент видел, что Россия, увы, не готова воспринять ценности буржуазно-либерального парламентаризма. И это его, конечно же, угнетало, заставляя в угоду общественному мнению не столько даже менять тактику, сколько идти на весьма рискованные шаги типа отставки Гайдара и замены его подготовленной для необходимых реформ команды набором случайных руководителей типа Черномырдина с его помощниками. Порой он сознавал, что такой шаг неверен, губителен для страны, и вновь возвращал к власти Гайдара. Но даже одолев с его помощью мятежников и надеясь на понимание избирателей, он увидел в конце 1993-го, что все в стране идет не так, как должно было бы и как того следовало бы ожидать. Так что нет ничего удивительного в том, что пожилой и уставший человек (в промежутке между первым и вторым турами выборов 1996-го ему была сделана тяжелая операция на сердце) сразу же после того, как он был переизбран, стал думать о преемнике его великого дела.

Продуманное решение этого вопроса стало делом всей жизни Ельцина. Это было заметно, помимо прочего, еще и из-за того, что он постоянно держал в голове вопрос о том, кто придет к власти после него, и был занят им настолько серьезно, что его раздумья прорывались наружу публично, перед экраном телевизора. Разумеется, президент никогда не открывал все свои соображения на этот счет всем, полностью и сразу. Но о самом главном не мог молчать. Оно прорывалось само собой и сводилось, во-первых, к тому, что его преемником должен был стать человек молодой и полный сил. А во-вторых, естественно, чтобы тот, кто взялся бы за этот нелегкий труд, мог бы вести страну по уже намеченному пути. Первый пункт очень не нравился большинству его собеседников, с кем он когда-либо публично вел разговоры на эту тему. Отлично помню, как морщился Ю. Лужков, когда президент, глядя прямо на него, объяснял, что хочет видеть своим преемником молодого человека. На это московский мэр, чуть отклонившись от прямого взгляда, что-то говорил насчет того, что он и не рвется в президенты и что его-де *москвичи не отпустят*. Жалко было смотреть на человека, который довел публичную телебеседу с президентом до того, что тот был вынужден в неделикатной

форме дать ему понять, чтобы он не рассчитывал стать преемником, чего он, судя по многим разным данным, очень хотел.

Полагаю, что примерно такие же беседы и, во всяком случае, заявления случались и в разговорах президента с другими. Но вот что казалось тогда странным: молодым и практически главным единомышленником президента был Гайдар, однако о его кандидатуре вопрос даже не вставал. Сегодня вполне все понятно. Ельцин в связи с проблемой преемника о нем не думал и думать не мог. Гайдар был заведомо непроходной фигурой. Да и сам он, в отличие от стремившихся к этому Лужкова или Явлинского, не говоря уже о Жириновском, никогда, насколько я, будучи — уже позже — рядом, его знал, не согласился бы пытаться стать новым президентом. Тем не менее не возраст возможного кандидата должен был быть, да и был для президента самым важным. Ведь очень многое зависело от того, кому именно он доверит стать кандидатом в президенты на следующих выборах. И кто будет вести страну дальше, продолжая все то, что сделано было Горбачевым и им. И здесь главным было не ошибиться. Ельцин знал многих. Но никто его не устраивал, ни на ком он не склонен был остановить выбор. И, в общем, легко понять, почему.

Все те, с кем вместе он шел, воспринимались им, точнее не столько им, сколько электоратом, который будет голосовать, делать свой выбор, как нечто вроде отработанного материала (все они вместе с Ельциным и Гайдаром в глазах большинства отвечали за все). А нужен был ему даже не столько молодой, сколько прежде всего надежный и имевший реальные шансы на победу. Устроить электорат мог поэтому лишь сравнительно мало кому известный человек, дабы у страны не было оснований сомневаться и тем более сколько-нибудь обоснованно думать, что кандидат из той же команды. Словом, кандидат должен был соответствовать мнению и желаниям большинства, которое будет за него голосовать. Собственно, эти параметры и определили выбор президента. И дело не в том, кто именно выбирал, а в том, чем все обязаны были при этом выборе руководствоваться. Другое дело, что и здесь следовало тщательно смотреть, дабы не ошибиться, в этом и была вся сложность. Своих президент знал и никого из них предложить не мог. Стало быть, выбирать приходилось из тех, кого и он, и тем более электорат мало знали, и, следовательно, должно было быть время для проверки. И лучше всего было бы, во всяком случае, глядя сегодня в прошлое, если предварительный отбор дал бы несколько кандидатов, из которых можно было отобрать наиболее подходящего.

Трудно судить, было ли это и насколько было возможным. Но создается впечатление, что серьезной установки на отбор среди проверившихся кандидатов не было. Похоже, что выбор был сделан если и не в спешке, то почти без вариантов. Во всяком случае, данных о параллельном отборе соперничавших кандидатов, насколько мне известно, нет, хотя, быть может, таковые и были. Вот краткая выдержка из официальной биографии избранного.

Весной 1996 г. вместе с Алексеем Кудриным Владимир Путин руководил кампанией Анатолия Собчака на выборах губернатора Санкт-Петербурга. После провала на выборах ушел в отставку со своих постов в правительстве Санкт-Петербурга.

С июня 1996 по март 1997 г. — заместитель управляющего делами Президента РФ Павла Бородина.

С 26 марта 1997 г. — заместитель руководителя Администрации Президента РФ и начальник Главного контрольного управления Президента РФ.

С 25 мая 1998 г. — первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ, ответственный за работу с регионами.

С 15 июля 1998 г. — глава Комиссии при Президенте РФ по подготовке договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами той же власти субъектов Российской Федерации.

С 25 июля 1998 г. — директор Федеральной службы безопасности России (ФСБ).

С 1 октября 1998 г. — постоянный член Совета безопасности РФ.

С 29 марта 1999 г. — секретарь Совета безопасности РФ с сохранением должности директора ФСБ.

Итак, перед нами мало знакомый Москве человек из Питера, сотрудник мэра города Собчака, активного сторонника реформ. Вроде бы вполне свой и в то же время почти никак не связанный с московской (общероссийской) командой реформаторов. Летом 1996 г. его приглашают в Москву на заметный пост. Почти через год — смотрели, следили, проверяли — уже выяснилось, что все более или менее в норме. А назначенный преемник успешно работает в администрации президента. Но сможет ли руководить большим учреждением? И в июле 1998 г., уже после двухлетней работы в Москве, кандидат становится руководителем одного из наиболее важных и административно сложных министерств, где когда-то сам служил. Все вроде в порядке, справляется. И в Совете безопасности тоже. Чего же еще?

Правда, это не Гайдар, в преданности которого делу реформ и вообще преобразования России президент был, скорее всего, уверен едва ли не больше, чем в самом себе. Но ведь можно и поговорить об этом с человеком. Предупредить. Поставить условием. Зато он безусловно проходной, никому толком не известный, а Зюганов или тем более Жириновский с Явлинским ему не соперники, коль скоро народ увидит, что президент предлагает не кого-то из реформаторов, а совсем другого кандидата.

Разумеется, это гипотетическая реконструкция сложного процесса, в ходе которого могли сыграть свою роль и иные соображения. Но гипотеза, на мой взгляд, не лишена смысла. Она может прояснить, как и почему Ельцин совершил, похоже, главную ошибку в своей жизни. Как бы то ни было, но многое говорит за то, что кандидат был лишь в одном варианте и президент в него поверил. 31 декабря 1999 г. в новогоднем обращении к гражданам России Ельцин с оттенком горечи попрощался с избирателями, извинившись, что не сумел достичь того, на что надеялся. Он дал понять, что новое молодое поколение, которое придет ему на смену, справится с делом лучше. Вплоть до очередных президентских выборов в марте 2000-го обязанности его будет исполнять назначенный им новый премьер В. Путин.

Так пришел к власти новый президент. А завершая рассказ о России 90-х, стоит еще раз обратить внимание на то, что **это был поистине звездный час страны, которая почувствовала себя великой**. Великой не потому, что какой-то из тиранов поработил кого-то или что-то, все время держа курс на войну и на запугивание всего остального мира, а потому, что каждый, кто того хотел и мог сделать для страны что-то полезное, получил возможность сказать свое слово и сделать то, что ему казалось правильным. Разумеется, в пределах норм мирной политической жизни (о взявших в руки оружие речи нет). Но сразу же стоит заметить, что это величие эпохи осознали не слишком многие. Больше было озлобленных, что и побудило президента сделать такой выбор, который был сделан.

Трудно судить о том, что было бы, если бы... В истории не принято много рассуждать на эту тему. Тот выбор, который сделали, тот путь, по которому в реальности пошли, — это и есть наша история. Разумеется, могли быть и были другие. Реальная историческая ситуация всегда богата, иногда чересчур богата вполне возможными, а то и напрашивающимися вариантами. **За ведущими политическими деятелями всегда было, есть и будет право выбора, в этом их великая привилегия и сопутствующая ей столь же гигантская**

ответственность. Словом, место для выбора всегда есть и всякому выбору сопутствуют объективные обстоятельства, счастливые либо неудачные случайности. Все это оказывает свое влияние. А итог в истории остается одним. Тем, к которому и привел сделанный кем-то когда-то выбор, верный или неверный. Изменить прошлое никто не в силах. Но всегда можно выправить неверное, но следует делать все для того, чтобы страна могла надеяться на лучшее будущее. Только будет оно лучше уже для других поколений...

Глава двадцать первая. СТРАНЫ РАСПАВШЕГОСЯ СССР

Россия, ставшая формальной преемницей распавшегося СССР, передала бразды правления новому президенту, о котором, как и о России времен его правления, пойдет речь в следующей главе. А теперь нужно рассказать о том, как обстояли и обстоят дела у тех бывших советских республик, которые стали самостоятельными государствами. Из всех них лучше всего пошли дела в республиках **Прибалтики**, что, собственно, и следовало ожидать, особенно если вспомнить, как их насильно присоединяли к СССР в 1939–1940 гг. и как они практически единодушно были резко настроены против СССР в годы, когда близилась к завершению и кончалась мировая война. С них, как и с во многом уникальной Молдавии, мы и начнем.

ПРИБАЛТИКА И МОЛДАВИЯ

Все три прибалтийские республики восприняли возвращение им независимости как естественную норму, которая должна сопровождаться восстановлением всех тех отношений, которые существовали до 1939 г., включая реституцию отобранного имущества. В **Латвии** и **Эстонии** — в отличие от **Литвы**, где доля иностранного русскоязычного населения была незначительной, менее 20%, — сразу встал жесткий вопрос о гражданстве. В промышленно развитой Латвии доля русскоязычных достигала почти половины населения. Вопрос о гражданстве решался медленно, по мере того, как новое поколение овладевало в школах местным языком, основами истории и культуры (старшим предоставлялась возможность — если нужно, с помощью — изучить язык с последующей сдачей экзамена). Толь-

ко после этого русскоязычные могли обрести право гражданства. Но показательно, что о реэмиграции в Россию вопрос практически ни у кого не вставал.

К слову, отсутствие этого права не мешало русским заниматься бизнесом и вести в стране прочие дела, а после приобретения странами Прибалтики членства в Евросоюзе свободно ездить по всему миру со своей шенгенской визой. Ограничения сводятся в основном к электоральным правам, реже к занятию каких-либо должностей, требующих знания государственного языка. Что касается основ восстановления свободного общества, государственно-правовой культуры и экономической жизни при занявшем свое место рыночно-частнособственническом хозяйстве, то этому заново учиться не пришлось. Прибалтика за свой счет и при содействии возвратившихся мигрантов сумела довольно легко достичь средневропейской нормы, хотя эта норма подверглась некоторой временной деформации в годы кризиса 2009–2010 гг.

Молдавия в некотором смысле сходна судьбой с Прибалтикой. Она стала советской республикой и позже обрела политическую независимость практически одновременно со странами Балтии. Однако отрезанная от Румынии Бессарабия (согласно секретному протоколу соглашения Молотова-Риббентропа) была в СССР заново перетасована. Какие-то части от нее были переданы Одесской и Черновицкой областям Украины. А территория ранее существовавшей в СССР и бывшей частью Украины приднестровской автономии с г. Тирасполем, напротив, соединена с Бессарабией. Обе обрели наименование Молдавии, теперь искусственно лишенной выхода к морю. Перекройки такого рода были типичными для советских времен. После 1991 г., когда Молдавия обрела независимость, эта страна оказалась в трудном положении. Близость ее к Румынии (молдавский язык фактически не отличается от румынского) создавала сильную тягу на запад. Ведь даже по сравнению с бедной Румынией уровень жизни в сельскохозяйственной Молдавии был заметно ниже.

И Румыния охотно принимала мигрантов. Эта тяга многократно усилилась после того, как Румыния стала членом Евросоюза и широко открыла свои двери, предоставляя свои паспорта всем молдаванам. Особенно охотно стала получать румынские паспорта молодежь, стремившаяся поехать куда-либо в Европу и устроиться там получше. По некоторым данным, до миллиона молдаван неплохо зарабатывает в Европе в качестве гастарбайтеров, что способствует экономическому развитию страны. Возможно, этот же фактор сыграл свою роль

в том, что Молдавия не превратилась в автократию, хотя ее долгое время возглавлял президент из коммунистов. С другой стороны, начались трудности с промышленно развитым Приднестровьем, населенным преимущественно русскими и украинцами и не желавшим становиться частью Румынии или сближаться с ней. В конечном счете Приднестровье де-факто отделилось от Молдавии.

УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ

Две республики, славянские по основному составу населения, всегда считались важнейшими. Для этого было множество причин, начиная с того, что они реально были наиболее близкими к собственно России не только по крови и языку, но и по истории и исторической судьбе. По сути русский язык и русские вообще здесь — в отличие не только от Прибалтики, но даже и Молдавии, не говоря уже о закавказских и центральноазиатских, в основном иноязычных и иноконфессиональных, а потому инокультурных республик, — были просто своими. Правда, и тут стоит все же провести некоторую грань, отличающую их от России. Белоруссия в большой ее части веками принадлежала не столько к Ордынской либо позже Московской, сколько к Литовской Руси, что не могло не сказаться на несколько ином, более близком к западу уровне ее культуры, особенно городской. Украина же, будучи веками частью Речи Посполитой, имела весьма прочные связи с Польшей и через нее тоже с Западом. Не стоит забывать и о том, что в этих землях веками в черте оседлости жили иудеи с их великой религиозной культурой и что вплоть до осени 1939 г. западные районы обеих республик в СССР не входили, а православие их населения по меньшей мере в значительной его части обрело облик близкого к западному униатского вероисповедания.

Есть и еще одно обстоятельство, о котором не стоит забывать. Если Белоруссия при всей сложности ее исторического пути и особенно после тех несчастий, которые выпали на ее долю в годы Второй мировой войны, оставалась как бы частью России и иначе свое существование себе в общем-то не представляла, то с Украиной было иначе. Тяга украинцев к России, имея в виду запорожских казаков (а они в некотором смысле сперва были основным населением Украины, остальное население переселялось в ее пустующие степные районы из России позже), была не столь очевидной. Россия, быть может, для них предпочтительней Польши, но лучше все же — не-

залежна Украина, т.е. независимость. И такого рода ориентацию не стоит забывать, ибо она постоянно напоминала о себе и в годы обеих мировых войн, да и после них.

Начнем с **Украины**. С того момента, как СССР начал разваливаться на части, рассчитывать на то, что эта республика не попытается вернуть себе политическую независимость, было наивно. Воспоминание о голодоморе, который затронул все советское крестьянство (по последним данным — около 7 миллионов уничтоженных искусственно созданным голодом и заградотрядами НКВД, не выпущавшими умиравших из их поселений), но тяжелее всего сказался именно на Украине, стоит многого. Рух, известное национальное политическое движение 1990 года, и, наконец, референдум 1 декабря 1991 г. (75% за независимость) — важные знаки. И хотя доля страны, бывшая вне СССР, территориально была сравнительно небольшой, Украина, сильно пострадавшая в войну и от немцев, и от советских спецчастей, неустанно преследовавших националистов, была почти единодушна. Только независимость!

Ее первый президент Л. Кравчук отдал России, хотя и не без сомнений, размещенное в стране ядерное оружие. Украина согласилась на пребывание русского флота в Крыму и моряков в Севастополе. Преемник Кравчука Л. Кучма (1994–2004) оказался замаранным в уголовном деле с убийством и, хотя избежал суда, остался дискредитированным. Главное же в том, что при нем страна заметных успехов не добила ни в экономике, ни во внутренней политике. Успех пришел позже, когда в 2004 г. на президентских выборах столкнулись В. Ющенко и В. Янукович. Этот год стал звездным часом Украины. Она не разбогатела, ее экономика не встала на ноги, но зато люди показали себя зрелыми и готовыми стоять за правду, не дать обмануть себя по-советски. Все началось с выборов и закончилось ими же. Но каким потрясающим стал финал! Первый тур не выявил победителя. А во втором, не успев завершиться, стали громко кричать о победе Януковича, активно поддержанного Россией. В этом и был просчет.

Не стоило так настырно лезть в чужие дела. Киев оказался запруженным сотнями тысяч протестующих с оранжевыми лоскутами. *Оранжевая революция* не была воинственной. Просто вышли на площадь, да еще и приехали из других мест люди, не желавшие, чтобы их обманули. В дело вмешался Верховный суд страны (вот оно, разделение властей!), который предложил провести повторное голосование. Так и поступили, в результате выиграли оранжевые. Выиграли с очень небольшим перевесом, но зато победили. Настояли на своем.

И с этого момента Украина начала все дальше отходить от России, которой была суждена иная судьба. И хотя на выборах 2010 г. верх взял Янукович, справиться с людьми, вкусившими свободу, ему оказалось не просто. Правда, он попытался было расправиться с оппозицией, но из этого мало что получилось для него хорошего. Ю. Тимошенко сумела постоять за себя, хотя это ей и дорого обошлось. И, несмотря ни на что, Украина сумеет остаться демократией не российского типа и, видимо, вскоре станет все-таки частью Европы.

Дела в **Белоруссии** оказались много сложнее и запутанней. Стоит начать с того, что республика, пострадавшая в войне больше других, была после нее неплохо отстроена, а общий облик ее выгодно отличался от российских городов и деревень, помимо прочего, более высоким уровнем культуры. Во всяком случае, это бросалось в глаза, особенно в городах. Возможно, уровень жизни сыграл свою роль и в том, что страна спокойна. Нет национальных движений и почти не заметны политические. Но существенно, что президент А. Лукашенко, прочно сидящий в своем кресле с 1994 года и много меньше украинских лидеров заботящийся о демократических реформах, тем более о многопартийности и честных выборах, что, естественно, не делает ему чести, сумел — здесь так и хочется провести сравнение с постмаоистским Китаем, хотя оно будет не очень корректным, — немало сделать для того, чтобы эта небольшая страна, так и не найдя общего языка с Россией, вписывалась в новые рамки жизни не спеша и не теряя выгодных для нее советских стандартов слишком быстро.

Интрига с Россией, в ходе которой Лукашенко, обещая сблизиться и чуть ли не слиться с ней, начисто переиграл российских президентов и за этот счет немало приобрел, позволила ему сохранить в республике сравнительно высокий жизненный уровень. Не способствуя коррупции, не ведя дело к появлению белорусских миллиардеров, но вполне поддерживая мелкий и средний бизнес, президент обеспечил стране очень приличные темпы роста ВВП. А в итоге сложные отношения власти с оппозицией, даже становясь порой острыми, даже почти до предела конфликтными, не вызывают у населения широкого протеста. Оно, достаточно довольное жизнью, охотно торгует своей неплохой продукцией, особенно молочной, с Россией. Разумеется, режим в этой стране оставляет желать лучшего, но все познается в сравнении. И если сравнивать с Россией, Белоруссия может оказаться не столь уж и скверно построенным *батькой* авторитарным государством. Вообще оно, это государство, по образу жизни в чем-то близко к соседней с ним Прибалтике, хотя авторитарный режим пре-

зидента, казалось бы, должен был резко отличать Белоруссию в худшую сторону. Впрочем, стоит принять во внимание, что самовластие Лукашенко не слишком бросается в глаза, а его простоватое поведение и политическая ловкость, позволяющая, пусть не без труда и потерь, но держаться на плаву и поддерживать на приемлемом уровне население, как иногда со стороны кажется, даже нравятся белорусам. Неравнодушны к этому и многие в нашей стране.

ЗАКАВКАЗЬЕ

Республики Закавказья — Грузия, Армения и Азербайджан — давно уже были составной частью Российской империи. Но у этих трех стран были свои проблемы, и немалые. Вообще-то, если глядеть свысока, может показаться, что все они в досоветском прошлом были более или менее довольны жизнью, ибо вполне благополучно уживались под не очень обременительной для них властью русского царя. Более того, эти страны были геополитически и экономически важной частью империи, которой она весьма дорожила. Ну а под властью компартии мало кому в СССР жилось хорошо. А если учесть проблемы, о которых было упомянуто, то ситуация окажется достаточно сложной.

К Азербайджану, населенному мусульманами-шиитами (основных жителей этой части империи в России того времени чаще просто называли татарами), это относится едва ли не в первую очередь, ибо столица страны Баку была не просто промышленно важным и развитым центром страны, но долгое время главным источником российской нефти. При большевиках Азербайджан стал союзной республикой, продолжавшей в основном качать нефть, в том числе и с буровых вышек Каспия. Обретя в 1991 г. нежданно свалившуюся на нее политическую независимость, эта республика оказалась мало к этому готовой. Наспех созданный Народный фронт, хотя и успел свергнуть правившего страной А. Муталибова и сделать президентом своего лидера А. Эльчибея, был очень некрепким образованием. Этим энергично воспользовались как один из полевых командиров С. Гусейнов, так и призванный ими обоими на помощь Г. Алиев, долгие годы бывший не только главой местной компартии, но и членом московского политбюро ЦК КПСС, а в последние перед независимостью годы управлявший азербайджанской автономией Нахичевань, откуда был родом.

Несравненно более опытный и имевший некоторую поддержку в своей республике, Алиев, вовремя вышедший из компартии в знак протеста против политики СССР в армяно-азербайджанском конфликте из-за Нагорного Карабаха, быстро обыграл обоих поссорившихся деятелей не слишком крепкого и быстро обанкротившегося Народного фронта и уже в 1993 г. был избран президентом страны. Сознывая, что воевать из-за Карабаха не время, он пошел на мировую с армянами и сосредоточил все усилия страны на главном, что она могла дать, на нефти. Он с помощью зарубежных фирм не только восстановил сильно устаревшую технологию добычи нефти, но и создал ориентированную на западных покупателей инфраструктуру трубопроводов, особенно главный из них Баку-Тбилиси-Джейхан (Турция).

Доходы от нефти были направлены на экономическое развитие республики, что позволило Азербайджану стать одной из наиболее быстрыми темпами развивающихся стран СНГ. А если прибавить к этому огромную роль азербайджанских мигрантов в обслуживании российских рынков, что было особенно заметно в 90-х гг. (в республику текли многие миллионы дохода от этих операций), то не придется спорить с тем, что президент Г. Алиев неплохо справился с главной задачей, сумев перевести страну на рельсы рыночного хозяйства. При этом отношения между Азербайджаном и Россией балансировали порой буквально на грани, особенно в тех случаях, когда Россия предлагала ему присоединиться к санкциям против Грузии, на что ни Г. Алиев, ни заменивший его на посту президента в 2003 г. его сын И. Алиев, продолжающий его политику, не соглашались.

Армения из-за спора с Азербайджаном за Карабах оказалась в изоляции от России, а большая часть ее экономики была ориентирована на внешние контакты, причем не на Турцию, с которой у армян связей почти не было. Прибавьте к этому последствия страшного землетрясения 1988 г., с чем республика в момент провозглашения ею политической независимости еще далеко не справилась. Уровень жизни населения здесь в 90-е гг. резко упал. Началась энергичная эмиграция. Лишь с середины последнего десятилетия XX в. ситуация благодаря реформам несколько улучшилась. Снижалась инфляция, рос экспорт, оправлялось приватизированное сельское хозяйство с его привычной интенсивностью. Однако положение в стране оставалось трудным. Именно это привело к серьезному политическому конфликту, который вначале нашел свое отражение в резком падении популярности президента Л. Тер-Петросяна, ушедшего в отстав-

ку в 1998 г., а затем в драматическом событии (убийство в 1999 г. премьера и спикера группой террористов в момент заседания парламента, на глазах у телезрителей).

Сменивший Тер-Петросяна Р. Кочарян приложил немало усилий для налаживания отношений с Россией, в чем была заинтересована и она, особенно имея в виду все ухудшавшиеся взаимоотношения ее с Грузией. В итоге темпы экономического роста резко возросли, достигая в 2000-х гг. порой 13%. Добыча цветных и редких металлов, включая драгоценные, ювелирные изделия армянских мастеров и большая помощь со стороны обширной диаспоры во всем мире оказывают современной Армении немалое содействие. Ситуация в этой небольшой стране быстро улучшается, причем переход к рыночно-частнособственнической экономике происходит без каких-либо новых затруднений. Президент с 2008 г. С. Саргсян, как и его предшественники, видит залог политической устойчивости страны в сохранении тесного контакта с Россией.

Грузия оказалась в наихудшем положении из всех закавказских союзных республик, добившихся в 1991 г. политической независимости. Процветавшая и высокоразвитая часть СССР, заявившая о своем стремлении к свободе и самостоятельности ранее многих других (вспомним события апреля 1989 г., когда ОМОН орудовал саперными лопатками и газом, что привело к гибели нескольких десятков тбилисцев), эта страна к тому же оказалась в состоянии непрекращающихся внутривнутриполитических разборок. Ситуация осложнялась желанием двух ее национальных окраин, Абхазии и южной части Осетии, отсоединиться от грузин. Проблема Абхазии, начавшаяся с военной экспансии грузин, захвативших в 1992 г. Сухуми, привела к изгнанию из нее живших там 150–200 тысяч грузин, составлявших большинство ее населения. Затем последовало вмешательство России, которая выдала почти всем абхазам русские паспорта и на этом основании (мы защищаем интересы своих граждан) в 2008 г., после русско-грузинской войны, признала Абхазию независимым государством.

С малочисленным югом Осетии было несколько сложнее, ибо натиск Грузии здесь был энергичнее. Уже после 1992 г. многие десятки тысяч осетин предпочли перебраться в русскую северную часть Осетии, где у них, к слову, возник конфликт с ингушами из-за спорных территорий. После этого южная часть Осетии на ряд лет превратилась в гнездо контрабандистов, которые торговали с Россией производившейся здесь водкой, доход от чего был вполне доста-

точен для неплохой жизни всего анклава. Затем русские паспорта стали выдавать и осетинам, а вооруженные столкновения и обстрел соседних территорий между грузинами и осетинами, за которыми стояла Россия, учащались. Дело завершилось войной 2008 г., результатом которой стало вторжение российских войск в Грузию (войска почти дошли до Тбилиси), и провозглашением независимости юга Осетии.

Что же касается самой Грузии, то единственным ее территориальным достижением стало освобождение Аджарии от правившего ею чуть ли не наследственно местного главы. А во внутривосточном отношении страну долго лихорадило. Сначала, вскоре после саперных лопаток, ее возглавил З. Гамсахурдия, человек с активными националистическими настроениями, который, однако, вскоре был изгнан из Тбилиси его соперниками и погиб при неясных обстоятельствах. Затем в 1995 г. президентом стал Шеварднадзе, с трудом наведший порядок в стране. Но позиции его, переизбранного в 2000 г., были шаткими. В 2004 г. его сменил М. Саакашвили, переизбранный в 2008 г. И хотя именно при нем произошла неудачная для Грузии война за сохранение национально-исторического единства страны, война за ее части, юг Осетии и Абхазию, престиж его, несмотря на наличие незначительной, но влиятельной и весьма крикливой оппозиции, не упал. Напротив, рос. И для этого были веские причины. Умелой политикой жестких реформ он покончил с главнейшим злом, с коррупцией, чего не могут простить ему оппоненты, всячески пытающиеся умалить значение этого выдающегося достижения. Он также много сделал для строительства и благоустройства страны, особенно Тбилиси, да и других городов, чем опять-таки недовольны его оппоненты.

Можно было бы напомнить и о том, что десятки тысяч грузин, изгнанных из осетинских сел, получили в Грузии выстроенные для них дома. Конечно, все это не означает, что в современной Грузии все идет хорошо. А уж в наших средствах массовой информации давно и столь обильно изошряются по поводу Саакашвили, что просто непонятно, как и почему его терпит оппозиция и почему эту оппозицию не поддерживает разгневанный народ. Видимо, стоит успокоить нервы и посмотреть правде в глаза. Грузия сегодня не чета вчерашней, не говоря уже о советской. И важно, что дух либерально-демократической реформы и успехи рыночно-частнособственнического хозяйства в ней очень заметно одолевают пережитки структуры власти-собственности, доставшиеся ей, как и всем другим республикам, в

наследство от СССР. Придет срок, и на честных выборах народ скажет, за Саакашвили он или против него. Даже если сам президент уже не примет участия в них, что наиболее вероятно.

РЕСПУБЛИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Менее всего ждали самостоятельности и стремились к ней именно эти республики. Однако все они активно включились в общее движение и начали достаточно энергично пытаться как-то самоопределиваться, тем более что политическая независимость была им в создавшейся ситуации почти навязана. Понятно, что и пути всех пяти республик этого региона были достаточно разными, как по сложности, так и по достигнутым результатам.

Казахстан, крупнейшая из них, во всяком случае территориально, как и ее руководитель Н. Назарбаев, были, пожалуй, в наибольшей степени вовлечены в процесс событий, связанных с проблемой сохранения или развала СССР. Однако само по себе это еще ни о чем не говорит, как и близость казахских степей к пограничным с ними русским. Назарбаев действительно больше других стоял за сохранение СССР. Но, как только выяснилось, что вопрос решен, он достаточно быстро переключил свою активность на решение важнейших проблем республики, одной из которых, как в Латвии, была чуть ли не половина русских в этой стране и особенно в ее городах, которые ими и были в свое время созданы (не забудем, что казахи до недавнего времени были, да и сегодня в немалой своей части остаются кочевниками).

Неудивительно, что был взят курс на интенсивную дерусификацию, сводившуюся к переименованиям городов, замене на всех сколько-нибудь заметных государственных должностях русскоязычных (а к их числу относились и украинцы, и сосланные сюда немцы, да и другие народы) казахами. В итоге около миллиона-полутора человек покинуло Казахстан. Однако русский язык продолжает пока использоваться, хотя и был намечен срок (сначала 2007 г., потом продлен), когда двуязычию должен быть положен конец. Неспешность в решении национально-языковых проблем с лихвой компенсируется успехами в экономике, которая развивается прежде всего усилиями русскоязычных. Богатство природными ресурсами, развитая инфраструктура, удачная приватизация, открытие страны для инвестиций и внешней торговли привели к экономическому росту в

условиях перехода страны на рыночно-частнособственническое хозяйство. Кроме того, половину прироста ВВП стала давать сравнительно недавно обнаруженная нефть. Связь с разными странами, как и энергичное сотрудничество с ними с целью обнаружения и использования новых ресурсов, создает выгодные условия для дальнейшего расцвета хозяйства. Строятся разнонаправленные трубопроводы, в том числе связывающие страну с Китаем, и наиболее нужные железнодорожные линии. Словом, очень похоже на то, что Казахстан буквально на глазах становится наиболее экономически мощной и процветающей из стран Центральной Азии.

Правда, в том, что касается демократии, она далеко не впереди. Ее элита, как и встарь, формируется на основе принципа баланса между прежними тремя казахскими *жузами*, а партии комплектуются с учетом этого и многих других факторов, и вовсе не обязательно на основе одних лишь либерально-демократических норм. Парламент (*мажилис* из 107 человек, 15 из которых назначает президент) в 2007 г. принял решение, дающее возможность президенту править бессрочно. Пока его очередной срок завершается в 2016 г. Преобладание в парламенте казахов считается нормой. Важно заметить, что ислам не слишком влиятелен в этой стране, не заявляющей о себе как об исламской.

Киргизия с избранным ею в 1990 г. президентом А. Акаевым, известным в СССР ученым, сразу же пошла по пути демократических рыночных реформ. Однако путь этот для вчера еще полукошевого народа оказался сложным. И если приватизация и создание индивидуально-фермерской системы в рамках скотоводческих хозяйств больших препятствий не встретили, не случилось заметной инфляции и даже наметились неплохие темпы экономического роста, то вскоре сказались и слабости промышленности страны, и отсутствие инвестиций. А национальные притязания, почти аналогичные казахским (разве что русский язык официально остается здесь государственным), привели к миграции русскоязычного населения (уехало около полумиллиона, что составляет более 10% жителей республики). Мало того, бедность и отсталость способствовали и энергичной трудовой миграции многих киргизов. Присылаемые ими из-за границы средства составляют чуть ли не половину доходной части бюджета страны.

Кроме всего прочего, промышленный север республики и ее сельскохозяйственный юг, смыкающийся с Узбекистаном в районе перенаселенной Ферганской долины, соперничают. На юге, где ис-

лам много сильнее, чем в северных степных просторах полукочевых Казахстана и Киргизии, также клановые споры между северянами и южанами в вопросе о переделе влияния и о владении ресурсами постоянно создавали и еще создают в стране серьезную внутривнутриполитическую неустойчивость. Она, как и усиливавшееся влияние на юге исламистов и их набег, постепенно и все чаще облекавшиеся в форму организованного захвата части страны тысячными отрядами боевиков из узбеков, таджиков и даже чеченцев, вела к дестабилизации и вызывала ответные меры киргизских властей, которые, в частности, ограничивали демократические права населения. Противостояние юга и севера достигло высшей точки накала в момент парламентских выборов 2005 года, когда победа северян во главе с Акаевым привела к массовым выступлениям протеста, которые завершились отъездом Акаева из республики и приходом к власти К. Бакиева, которому помог ранее сотрудничавший с Акаевым бывший мэр столицы Ф. Кулов.

Затем возник спор между этими двумя лидерами по вопросу о характере власти (Кулов стоял за усиление власти парламента и премьера). В итоге, опираясь на грубую силу и используя влияние толпы, верх взял Бакиев, надолго ставший президентом республики с фактически неограниченными полномочиями. Но после очередного кризиса в стране он в свою очередь был вынужден покинуть Киргизию в 2010 г. Его заменила в качестве временного президента Р. Отумбаева, с трудом справившаяся с мощным всплеском национальной вражды на юге. Референдум в июне передал всю полноту власти парламенту, но выборы в октябре 2010 г. не дали ни одной из партий весомого большинства, что усложнило процесс создания нового дееспособного правительства. Однако с этого времени страна считается парламентской республикой, а премьером в конце 2010 г. стал социал-демократ А. Атамбаев, который в октябре 2011 г. был избран президентом.

Последние годы прошли под знаком усиления контактов республики с Россией и США, причем характер этих контактов давно уже определяется не столько размером и важностью промышленных инвестиций, сколько ключевым геополитическим расположением Киргизии. В борьбе с талибами в Афганистане услугами киргизского аэропорта в Манасе пользуются обе страны и особенно США, взявшие ныне на себя основную тяжесть борьбы с притязаниями мирового экстремистского ислама, центром которого после ухода советских войск стал Афганистан. Плата за аренду составляет существенную

часть доходов республики. Обращает на себя внимание становление в стране за последние год-два демократических норм с элементами разделения властей.

Таджикистан — одна из наиболее бедных республик бывшего СССР, более всего пострадавших от последствий распада союзного государства и от войны в Афганистане. Став независимой и испытав на первых порах лишь состояние политической неустойчивости, созданное внутриклановой борьбой промышленно более развитого севера и почти нищенствующего горно-бадахшанского юга, эта республика оказалась в огне гражданской войны. Войну вела исламистская оппозиция, представленная в основном выходцами из горных районов юга. И хотя расположенная вдоль границы с Афганистаном 201-я российская дивизия пыталась вначале не вмешиваться в эту борьбу, в конечном счете именно ей пришлось навести в стране некоторый порядок. За годы войны почти все русскоязычное население покинуло Таджикистан, а президентом республики в 1994 г. стал Э. Рахмон, заключивший в 1997 г. соглашение с оппозицией, которой было предоставлено некоторое количество мест в органах власти.

Не приходится говорить, что война нанесла большой вред хозяйству страны, которое приходило в себя крайне медленными темпами и в немалой мере за счет нелегальной транзитной торговли афганскими наркотиками. А если говорить о ситуации в целом, то она осложняется еще безземельем и быстрыми темпами прироста населения. И хотя множество таджиков уезжает на заработки в другие страны (их немало в Москве и Подмосковье), что только и позволяет выжить бедной и промышленно мало развитой стране — переводы составляют 60% ее ВВП, — а ресурсов, в частности рудных запасов цветных металлов, в Таджикистане очень много, экономический рост пока почти не идет. Многие сложности мешают этому, оставляя освоение таджикских богатств будущему, когда проблемы, прежде всего связанные с неустойчивостью и в самой республике, и в соседнем Афганистане, как-то не будут улажены, хотя бы частично. О демократии в стране говорить не приходится, зато исламизм все выше поднимет голову.

Узбекистан всегда считался своего рода лицом советской Средней Азии. И численно, и во многих других отношениях он выделялся на общем фоне. Узбекская модель государственности в том ее виде, как она сформировалась с момента обретения независимости, была наиболее близка к советской. А руководителем страны, ее бессменным президентом, является бывший глава местной компартии И. Кари-

мов. Это наиболее авторитарный лидер из всех тех, о которых шла речь выше. Узбекистан по типу общества ставится рядом разве что с Бирмой (Мьянмой). Оппозиция в этой стране придавлена, как и соперничавшие было за власть местные кланы. Массовая информация под строгим контролем власти, как и очень значительная часть экономики, вплоть до мелочей, до почти централизованного распределения важной для хозяйства страны воды. Но нет места и для исламизма, и в этом республика выгодно отличается от соседнего Таджикистана.

Промышленность страны, достаточно развитая и прежде, продолжает набирать темпы. Развито машиностроение: сельскохозяйственное, авиазавод, автозавод. Но основа экономики — хлопководство, в основном в Ферганской долине. На сбор хлопка регулярно продолжают направлять, как то было и при советской власти, множество школьников и студентов. Экономический рост заметен (до 10% в 2007 г.). Экспортируют газ и нефть, урановую руду. Инфляция незначительна, но безработица высока, а условия жизни вынуждают довольно многих узбеков мигрировать, как в нашу страну, так и в Казахстан, где заработки значительно выше узбекских. Выступление организованной оппозиции в Андижане в 2005 г. было жестко подавлено; в стране действует парламент и существует несколько партий.

Туркмения — наиболее авторитарная из республик распавшегося союза. Менее всего стремясь к политической независимости, но оказавшись волею судеб самостоятельным государством, она осталась под властью главы компартии С. Ниязова, не только ставшего ее неменяемым президентом, но и провозгласившего себя «отцом туркмен», *туркменбаши*. Понятно, что в этих условиях не могло быть и речи не только о многопартийности, но и вообще о существовании оппонентов, тем более о свободной печати. *Меджлис* был послушным орудием в руках президента, а вся страна была обязана чуть ли не наизусть учить написанную Ниязовым книгу. Самодурство диктатора не знало границ. Арка независимости с 12-метровой золотой фигурой тирана, произвольные изменения в сроках образования, в наименовании месяцев, запреты на работу театров, закрытие больниц, ликвидация пособий и пенсий, требование не носить длинные волосы и т.д. и т.п. — свидетельства этому. В обмен, правда, бесплатные вода, газ, свет и дешевое жилье, но не для русских. Русскоязычные вообще стали как бы вне закона. Их во всем ограничивали и при этом мешали уехать из страны. А Россия, особенно в годы правления второго президента, когда прелести режима *туркменбаши* раскры-

лись полностью, не хотела ссориться с ним из-за газа, который транзитом шел через Россию.

Обилие газа, запасы которого оказывались все большими, подзадоривало Ниязова, готовившегося к созданию все новых трубопроводов в разные страны, вплоть до Китая. Неожиданная его смерть в 2006 г. и приход ему на смену по его завещанию вице-премьера по делам медицины и образования Г. Бердымухаммедова (поговаривали о том, что это его внебрачный сын) вначале породили надежды на перемены. Однако новый президент, начав их осуществлять, вскоре остановился. Тем не менее многое было сделано. Отменили переименование месяцев и заучивание книги, ликвидированы наименования *туркменбаши* и бесчисленные его изображения. В 2007–2008 гг. было восстановлено нормальное функционирование школьного образования и лечебных учреждений, уделено внимание вузам, науке и культуре, появилась перспектива пересмотра дел осужденных. Было дано разрешение пользоваться интернетом, и даже открыты пункты обмена валюты.

Но вместе с тем новый президент оставил в стране одну правящую партию, строго контролирует страну, не давая хода исламско-исламистским вольностям и заявляя, что не допустит *импорта демократии* в страну, что Туркмения будет развиваться соответственно национальному опыту и традициям предыдущих поколений, что не внушает особых надежд на будущее страны. Страна богатеет на экспорте газа, нефти, хлопка, ковров. В первой половине 2009 г. президент сменил почти всех министров и дал понять России, что предпочитает других партнеров, начиная с Китая (трубопровод в Китай был торжественно открыт в конце 2009 г.). Но что самое удручающее, так это то, что в положении русскоязычных нет перемен к лучшему. Они изолированы от России и лишены возможности издавать свои газеты, учиться в русских школах (функционирует на всю республику только одна). Российские же визитеры высокого ранга ставят в основном лишь вопросы о проблемах экспорта и цены туркменского газа, но не о тех 100–150 тысячах русских, которые поставлены в столь унижительные и безвыходные условия, что по сравнению с ними латвийские не-граждане живут в раю.

КАВКАЗ

Собственно, о кавказских автономных республиках современной России, строго говоря, в этой главе не следовало бы вести речь. Но очень многое, и прежде всего то, что происходит сегодня в формаль-

но все еще включенном в Россию Кавказе, ближе к проблемам центральноазиатских республик, чем к любому из российских регионов. И дело здесь не столько в сильном влиянии исламистов, хотя это и очень важный фактор нестабильности, сколько в ряде общих для мусульманских стран и народов особенностей, начиная с бурного роста народонаселения при ограниченном количестве рабочих мест, которые равно проявляют себя практически везде. Все началось с Чечни, о которой уже упоминалось. И хотя это не самая большая из нескольких населенных кавказцами автономных республик, именно она энергично возглавила движение за независимость. Этому способствовала память о выселении чеченцев в Казахстан, где погибло 30–35% жителей страны. Как бы то ни было, но уже в 1991 г. встал вопрос о самостоятельности Чечни, после чего Ичкерия, как она была названа, перестала считаться с полуразвалившейся советской властью, а затем и с Россией. Президент генерал Д. Дудаев стал формировать армию, Россия начала готовиться к войне, против которой, однако, решительно выступил Гайдар. Многие поддержали его, и вопрос тянулся до конца 1994 г., а чеченцы тем временем беззастенчиво грабили поезда и устраивали мошеннические операции с банковскими авизо. Русские и русскоязычные с трудом выживали и решительно, силой изгонялись.

Наконец, терпение лопнуло и чуть ли не в новогоднюю ночь очень плохо подготовившиеся к войне русские части с танками были отправлены штурмовать Грозный. Штурм, как известно, не удался. Много солдат погибло, другие попали в заложники. Чудовищные зверства одной стороны рождали аналогичные методы ведения войны другой. Страшная была война, не лучше только что прошедшей афганской. Чеченцы, потеряв города, сменили тактику и действовали партизанскими налетами, все время ухитряясь снабжаться оружием, явно продававшимся им с казенных военных складов России. После гибели Дудаева и временного затишья в боевых действиях генерал Лебедь в 1996 г. провел в Хасавюрте переговоры с А. Масхадовым. Российские войска покинули Чечню, а Масхадов стал президентом Ичкерии. Первая чеченская война на этом вроде бы закончилась. Но сразу же оживились исламские фундаменталисты, резонно уловившие, что пришло их время. В России началась вакханалия террора шахидов. Взрывались дома, вагоны, самолеты. Но мир пока еще как-то сохранялся.

Ситуация стала существенно меняться после ухода с политической арены президента Ельцина, когда с Чечней усилиями отца и сына Кадыровых удалось поладить. Однако сразу же после этого начались междоусобицы и террор в Ингушетии, затем с особой силой в

Дагестане, да и в других республиках Кавказа. Проблема кавказского севера остается острой и в некоторых отношениях самой болезненной для современной России. Выход из нее пока не просматривается. Более того, растет напряжение, связанное с национальными столкновениями кавказцев с коренными жителями России в разных частях нашей страны уже вне Кавказа (на Кавказе некавказского населения практически не осталось).

Если попытаться подвести некоторые итоги, они сведутся к тому, что за исключением западных, отчасти закавказских республик бывшего СССР, которые худо-бедно (а прибалтийские даже превосходно) обустроились, у остальных, несмотря на богатые ресурсы, после распада Советского Союза дела обстояли хуже, а то и много хуже. Драматически развивались события в Таджикистане и Киргизии, с трудом и под очень сильным авторитарным давлением существует перенаселенный Узбекистан, неприглядны реалии богатеющей, но весьма отсталой Туркмении. Лучше всего выглядит на этом фоне Казахстан, но и у него масса проблем, не говоря уже о проблеме русских. Вообще статус и доля русскоязычных наиболее трагичны. В свое время де Голль способствовал эмиграции из бунтующего Алжира всех французов, что стоило бы воспринимать как хороший пример.

В нашей стране, где постоянно слышны стоны о вымирании коренного ее населения, почему-то не заботятся о том, чтобы протянуть русскоязычным (точнее — всем, кто считает себя русским и не вписывается в национальную политику местной власти) руку помощи. Следовало бы не только призвать их в Россию, сняв все формальные преграды, но и напротив, стимулировать переезд весомой государственной помощью, не меньшей, чем в свое время обеспечивало правительство России времен Столыпина переселяющихся крестьян. Польза была бы немалая, не говоря уже о законном милосердии по отношению к попавшим в трудные условия соотечественникам. И это вскоре оказалось бы перекрыто тем вкладом, который внесли бы в авуары России благодарные за помощь попавшие в беду те самые русские, которые у нас так легко и быстро вымирают.

Глава двадцать вторая. РОССИЯ ПОСЛЕ ЕЛЬЦИНА

Возвратимся к положению дел в России. Уже в первые годы XXI века добровольно удалившийся в отставку Ельцин, так старательно искавший продолжателя демократических реформ, — а вме-

сте с ним и все, кто надеялся на президента и верил в избранного им преемника, — обнаружили, что во главе страны оказался совсем не тот человек, на которого стоило возлагать подобные надежды. Вообще-то в этом нет ничего удивительного. Иное происхождение, весьма специфическая профессия, совершенно другой круг общения вкупе со многими прочими факторами, включая черты характера, способствовали формированию чиновника, не очень-то близкого к тем и таким, которые реформировали страну, могли и хотели бы продолжать реформы. Случай, способствовавший тому, что кандидат в президенты за несколько лет до избрания находился в администрации питерского мэра, который был известен своими демократическими взглядами, мог сыграть роль в том, что подбиравшие кандидата сотрудники президента оказались в некотором заблуждении. Не исключено, что они таким образом сами попали впросак.

Скорей всего, и кандидат не очень-то понимал вначале, что ему следует делать, и во всяком случае не спешил кого-то осознанно разочаровывать. Не исключено, конечно, что у него не было слишком большой привязанности к идеям демократии и тем более к соответствующим реформам. Возможно, те, кто заблаговременно изучал кандидата, были вначале вполне удовлетворены его характеристикой, свидетельствовавшей о том, что высокопоставленный чиновник исправно делал свое дело и в конце концов не сам просился куда-то наверх. Просто он чем-то привлек внимание, а дальше уже действовал его величество удачный случай. Но как бы то ни было, уже с первых месяцев его президентства стало ясно, что реформатором в демократическом смысле этого слова В. В. Путин не был и, похоже, быть вовсе не хотел. Его заботила и постоянно продолжает заботить лишь возможность укрепить власть так, чтобы население было в основном — речь все время о большинстве, не об оппозиционно настроенном меньшинстве — удовлетворено и чтобы никакая досадная непредвиденная случайность не могла бы ее, власть, с легкостью подорвать. Нужно было сохранить сложившийся баланс.

Во всяком случае, это вытекало из его поступков и, в частности, тех новаций, за которые он, пусть не сразу, но достаточно энергично взялся. И для ожидавшего продолжения демократических реформ интеллектуального меньшинства отечественного общества это было очень важным знаком. Оно было шокировано тем, что новый президент, оглядевшись, быстро понял, что если **чего-то страна в лице явного ее большинства не хочет**, так это как раз продолжения демократических реформ. Здесь я позволю себе сделать небольшой

исторический экскурс, который, на мой взгляд, многое может прояснить.

Отечественная история судила так, что отсталые восточнославянские племена, переместившись на территорию современной России в районе Новгорода, затем Киева, и достаточно широко расселившись здесь, сами создать государство оказались не в состоянии. Им помогли в этом сперва варяги, заложившие основу княжеско-боярского слоя привилегированной политической элиты, а затем кочевники монголы-татары, сумевшие подчинить себе потомков славян и варягов и создавших на этой основе Золотую Орду. Прибавьте к этому ориентализованное и весьма отставшее от западного католицизма византийское православие с характерным для него подчинением религии власти императора. В итоге на Руси сложилось государство с жестким членением общества восточного типа на управителей и управляемых, с сильным патерналистским акцентом и еще более сильной ненавистью *своих* по отношению ко всем *чужим*.

Со временем эти социокультурные стереотипы, которые подпитывались сложившейся архаичной матрицей, бюстителем нормативной традиции, прочно легли в основу предпочтений общинных *миров*, после чего намертво законсервировались. Для крестьянской общины на передний план вышло недоверие ко всему внешнему, неожиданному и грозившему невзгодами привычному укладу жизни, который всех устраивал его предсказуемостью и консервативной стабильностью. Тревожная жизнь, выпавшая на долю отечества и проявлявшаяся то в междоусобицах, то в набегах карателей, то в своевольной жестокости правителей типа Грозного, то во вселенской Смуте после него, приучила отечественные миры к недоверию, а то и к злобной ненависти по отношению к любым неожиданным переменам или к угрозе этих перемен. Ненависть обратилась в сторону буржуазного Запада, откуда после Грозного и Смуты угроза перемен шла с наибольшей интенсивностью. Реформы Петра, при котором самодержавие обрело сакральную мощь, крестьянскую общину почти не затронули, но после них вестернизация, истоком которой была потребность в усилении военной силы империи, стала фактором, резко обострившим существовавший уже до того весьма заметный раскол. Затаенная ненависть к буржуазному неправославному Западу провалилась.

Проявилась она наиболее остро в нежелании принимать реформу 1861 года, ликвидировавшую крепостничество, но не отдавшую всю землю общинам. Потом в неприятии русских интеллигентов-

народников, шедших в народ с целью помочь ему, но злобно отторгавшихся общинами, видевшими в этих *барах* чуждых ему внешних врагов. А после 1917-го — в активном отклике на провокационные лозунги большевиков (*грабь награбленное; землю крестьянам; отнять и поделить* и т.п.), что и сыграло решающую роль в судьбах России. Следует согласиться с тем, что после этого, принимая во внимание и перемены в генофонде страны в годы после 1917-го, социокультурный стандарт подавляющего большинства населения, на протяжении поколений и особенно двух-трех последних подвергавшийся интенсивной целенаправленной пропаганде, оказался резко антизападным, антибуржуазным и направленным против реформ с их непредсказуемым результатом.

Правда, параллельно с антизападным отсталым большинством в России уже было и яркое вестернизованное меньшинство, сыгравшее огромную роль в возвеличении уже не традиционной, но вестернизованной великой русской культуры XIX и начала XX в., высшие достижения которой потрясли мир и до сих пор почитаются всеми. Но это меньшинство было почти что с корнем вырезано большевиками, а оставшиеся, как и оказавшиеся лишними в стране марксистского социализма крестьяне, влачили жалкое существование и были придавлены страхом и репрессиями. Вот со всем этим после тех трудностей, которые выпали на долю Ельцина и команды Гайдара с ее судьбоносными реформами, создавшими в стране рынок и обусловившими ее прорыв в будущее, столкнулся в самом начале нового тысячелетия новый президент. И, будучи вполне себе на уме, сделал вообще-то напрашивавшиеся выводы.

Смысл их сводился к тому, что удержаться у власти можно будет лишь в том случае, если учитывать настроение недовольного большинства, интересы которого пока что выражали либо вчерашние, в основном коммунисты и их союзники, либо демагоги-популисты с националистическим уклоном. То и другое как опора власти не годится. Но тем более не годятся и радикальные реформаторы. Стало быть, нужно создать новую силу. Неудивительно, что в результате вскоре после прихода к власти Путин вместо того, чтобы с помощью масс-медиа внедрять в большинство мало еще доступный ему смысл либеральной демократии, побуждать подданных стать гражданами, сделал вывод, что лучше перестать осуществлять реформы. Более того, стоит идти против них, а вместе с ними и осудить *лихое* десятилетие 90-х гг. Страна это поймет и одобрит. А если сложатся такие условия, при которых значительная часть населения из тех, кто считал себя

обделенным в ходе реформ, сможет при постоянном повышении доходов от нефти и газа получить компенсацию в виде некоторого повышения зарплаты, то таких, которые будут готовы к демократии и озаботятся ею, останется немного. Тем более что выезд из страны для всех недовольных был облегчен, практически широко открыт.

Этот вывод нового президента был очевиден. Он помогает понять, что было положено в основу его политики, активно поддержанной аппаратом из его единомышленников, который в обмен за усердие оказался неплохо в материальном отношении устроенным и гарантированным от любых треволнений. Заняв понемногу все престижные и доходные места в системе власти и среди коррумпированного чиновничества, а то и в рамках крупного бизнеса, этот аппарат сподвижников стал процветать. Более того, быстро разрастаясь и охватывая все большее количество готовых в него влиться, аппарат власти начал превращаться в мощный слой правящей элиты, окруженный готовой служить ей армией работников правоохранительных органов, занятых, как то вытекало из ситуации, не столько охраной порядка, сколько принуждением недовольных к строгому соблюдению установившихся в стране правил. Оговорюсь, речь о неписаных правилах, не имеющих отношения к законно-конституционному правопорядку.

Суть их, этих правил, не слишком ясных поначалу, с течением времени становилась все элементарнее, очевиднее и доступнее для всех. **Главный их смысл, характерный для типичной отечественной структуры власти-собственности, заботливо сохраненной большевиками, в том, что власть первична и абсолютна.** А остальное, будь то собственность миллиардера или поведение оппозиционера, не просто вторично, но независимо от власти с ее созданными для этого нормативной системой поведения и аппаратом принуждения. Конечная цель — обеспечить и вознаградить личную преданность власти и поставить всех в такую позицию, при которой ни один из них, даже не совершив ничего предосудительного, не мог бы чувствовать себя в полной безопасности. Стоит добавить, что формально власть осталась демократической, суды вроде бы независимыми, что выборы проводятся регулярно и средства массмедиа будто бы никем не контролируются. Есть разные партии, а вовсе не одна только партия *нового типа*. Каждый вправе высказать свое мнение, например в интернетовских дискуссиях, а зрители разных телевизионных программ временами охотно голосуют, поддерживая такие взгляды, которые вполне оправдывают политику и позицию власти.

Словом, трудно было формально придрататься к сложившейся в стране после Ельцина *управляемой* и *суверенной* демократии, как этот режим обычно именуется. Конечно, есть недовольные, да и как без них, есть недостатки, а где их нет. Но необходимые формальности соблюдены, уровень жизни при всех явных проблемах и многочисленных недочетах благодаря нефти и газу более или менее приемлем. Да и социологическая служба, включая вполне независимую, подтверждает, что по-прежнему антизападное большинство населения в массе своей если и не в восторге, то во всяком случае вообще-то удовлетворено тем, как в стране за последние десяток с небольшим лет идут дела. Остается лишь рассказать, как конкретно выглядела политика второго, а затем и избранного (им, вторым) третьего президента России за последние годы. Разумеется, в процессе этого рассказа следует отказаться от жестких оценок и сохранить объективный академический стиль изложения. Это соответствует целям автора, стремящегося изложить основные материалы, проанализировать и оценить события и процессы с учетом их значимости в определенном и вполне сдержанном стиле. На переднем плане будут факты, которые должны говорить сами за себя.

ПЕРВЫЕ НОВАЦИИ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА

Президент Путин, придя к власти, громко высказался за порядок. В стране 89 регионов — это слишком много. Трудно одному управиться, даже вместе с премьером (им был тогда М. Касьянов). В 2000 году появилось семь федеральных округов, руководители которых по идее должны были стать посреднической ступенью в управлении. Затем была реорганизована верхняя палата Думы, Совет Федерации, где вместо точно определенных губернатора и главы законодательного собрания каждый регион должны были теперь олицетворять те двое, кого изберет президент из кандидатов, представленных соответственно региональным законодательным и исполнительным органом. Смысл перемен — укрепить вертикаль власти, т.е. власть президента.

Параллельно с этим было обращено пристальное внимание на партии. Их, по мнению президента, оказалось слишком много, что опять-таки мешает упорядочению и упрощению системы администрации. Сначала был введен жесткий закон о минимальной численности партии, не меньше 50 тысяч членов. Затем были предприняты

усилия для создания одной сильной партии власти, той самой «Единой России», которой вскоре было суждено стать в новой России партией *нового типа*, обычно озабоченной максимальным укреплением власти центра. Не сразу эта созданная в 2001 г. партия была формально возглавлена президентом. Порой создавалось впечатление, что вошедшие в нее чиновники и многочисленные прочие зависевшие от представителей власти люди буквально умоляли его стать главой партии, но он не торопился с этим. Формально он возглавил партию лишь в 2008 г.

Начиная с выборов 2003 г., подавляющее преимущество партии власти стало настолько бесспорным, что она вполне могла считаться надежной и очень прочной законодательной гарантией для безоговорочной поддержки всех без исключения последующих инициатив президента. А их, таких инициатив, было много. И касались они разных сторон жизни новой и неустоявшейся еще в своих основных параметрах пореформенной России.

Важной проблемой, требовавшей, по мнению президента, неотложного решения, было взаимоотношение власти с собственниками, особенно наиболее богатыми из их числа. Первые из них появились уже в 90-х гг., в основном в процессе приватизации. При этом предпринимательская их активность, особенно в условиях неразработанной еще законодательной базы, приводила к быстрому накоплению богатства. Богатства и доходы, которые имеются в виду, были уже в нашей не привыкшей к этому стране настолько значительными, что их владельцы (в России стало принятым именовать их древнегреческим термином *олигархи*; олигархия — власть богатых) потенциально могли в случае чего как-то соперничать с руководством страны. Но дело было вовсе не в том, что кто-либо из появившихся в России богатых предпринимателей реально на власть претендовал. Независимость их богатства от власти была угрозой для того, кто стремился укрепить власть и поставить зависимость с каждым из ее обладателей в очевидную и бесспорную зависимость высшей власти. И если уж на то пошло, стоило дать понять всем богатым собственникам, что их богатство зависит не только и не столько от умения и удачи в экономике, сколько от отношения к ним высшей власти в стране. Можно продолжить логическую линию и дальше: те, кому много досталось, не должны наивно полагать, что так будет всегда и что у власти нет средств для того, чтобы переместить в случае надобности их богатства так и туда, как и куда она сочтет нужным. Эта мысль оказывалась тем основательней, чем больше в обществе, давно отвыкшем

от сколько-нибудь существенного и тем более имущественного неравенства, возникало раздражение против богатых собственников.

Здесь необходимо сделать оговорку, смысл которой в том, что президент в принципе отнюдь не был противником ни богатых, ни капиталистического предпринимательства как такового. Отнюдь не был он и принципиальным противником буржуазного Запада и даже либеральной демократии. Но он, строго стоя на позициях порядка, воспринимавшегося им в форме крепкой центральной власти и *суверенной* (*souverain* — фр. *высший, верховный*, т.е. носитель высшей власти), демократии, считал справедливым такой, при котором, как то тысячелетиями практиковалось в рамках восточной и привычной для России структуры власти-собственности, перераспределять богатства должен тот, кто олицетворяет власть в стране. Нет смысла рассуждать о том, насколько он сознавал, что такая структура с ее централизованной редиистрибуцией, безусловным приоритетом власти и подчиненным статусом частных собственников не только была генеральной в недавнем прошлом, но и являлась (без частной собственности) основой СССР, но одно он, будучи человеком, вне сомнений, умным, осознал очень четко: обществом, большинство которого в принципе против перемен и патологически боится врагов, отчего и резко антизападно настроено, спокойно и уверенно можно руководить только в том случае, если, усвоив его симпатии и антипатии, руководствоваться именно ими.

Не нужно было теоретического знакомства с тем, что легко было ощутить элементарно, даже интуитивно, не вдаваясь в историю вопроса. Власть, конечно, может быть демократической. Тогда она зависит от волеизъявления населения и потому неустойчива. Но может быть и централизованной лишь при имитации демократических процедур, вследствие чего она становится много более прочной. И судебное преследование процветающих предпринимателей Б. Березовского, В. Гусинского и, как вершина, в 2003 г. М. Ходорковского должно было показать всем, что не рыночно-частнособственнические права, тем более свободы и гарантии, а привычная и издревле присущая России централизованная редиистрибуция задает и впредь намерена задавать тон.

Особо следует сказать об экономике. Как о том уже шла речь, вся военная промышленность России — а иной почти не было — рухнула вместе с СССР, что явилось одной из основных причин столь очевидной болезненности и в конечном счете неприятия населением реформ команды Гайдара. Положение мог бы легко исправить только

поток нефтедолларов. Но на горе России в 90-х гг. этот поток сократился до своего минимума и на протяжении недолгих лет реформ, когда ценна была каждая копейка, цены на нефть находились примерно на уровне 20 долларов за баррель и опустились до 11 в 1998 г., в год дефолта. А в 2000 г. они увеличились втрое и вскоре достигли невероятной цифры в 100, а затем и больше. Нет смысла искать причины. Важен факт, который очень помог новому президенту не только погасить долги, но и поднять уровень зарплаты, пенсий, снизить инфляцию и вообще перевести бюджет страны на иную основу. Рост доходов от нефти, а затем и от газа позволил не только урегулировать налогово-финансовые проблемы, но и создать огромный стабилизационный фонд, укрепить едва дышавшую до того банковскую систему. Поток инвестиций позволил наладить импорт продуктов и товаров, которые — благодаря реформам команды Гайдара, не забудем этого, — буквально завалили прилавки прежде полупустых советских магазинов.

Началось массовое строительство маркетов и супермаркетов. По-немногу возрождались промышленность (правда, уже не дорогостоящая тяжелая), в основном питавшаяся за счет своих доходов и иностранных инвестиций. Рос ВВП, и увеличивалось доверие народа к политике президента. Начали даже производить некоторые виды вооружения, пытались снова экспортировать его, но с этим дело теперь обстояло неважно, ибо качество российской продукции за годы перестройки существенно отстало от стремительно растущих стандартов. Рост средств в экономически оживавшей стране вызвал к жизни два тесно связанных друг с другом и криминальных по характеру следствия, борьба с которыми, если не считать редких случаев, связанных обычно с внутренними распрями, практически не велась.

Первое — неслыханный прежде размах коррупции, который хотя формально можно было бы объяснить обилием денег в стране, но на деле был генетически явственно связан с традиционными институтами структуры власти-собственности, в частности с осознанием в сложившихся в стране условиях возросшим корпусом чиновников права осуществлять от имени власти и опираясь на ее административные ресурсы централизованную редиистрибуцию. А проявлялось это в разной форме, начиная с элементарного обложения представителями власти произвольной данью собственников, особенно слабых, мелких и средних. Дело в том, что в условиях логичной ставки на ускоренное развитие малого и среднего бизнеса, на чем держатся обычные, особенно ранние буржуазные общества и которым активно

покровительствует буржуазное государство, весьма заинтересованное в преимущественном расцвете именно этой сферы экономической активности населения, именно их процветание вело к увеличению количества имущих. В России бизнесмены, едва становившиеся имущими, оказывались объектом поборов со стороны чиновников, в том числе представляющих разного рода контролирующе-организационные структуры. Поборы принимали характер *крыши*, т.е. высокооплачиваемого покровительства со стороны правоохранительных и иных властных органов, вплоть до высших уровней властной пирамиды.

Второе — размах разбойного рейдерства, прямого пиратства, суть которого сводилась к едва прикрытому насильственному захвату чужого имущества, к силовому переделу собственности, чаще всего опять-таки под чьей-то высокой *крышей* и, что существенно, с санкции вынужденного дать соответствующее решение суда, неважно какого, хоть крайне отдаленного какого-нибудь дальневосточного. Вся система власти сверху донизу и прежде всего обязанные следить за правопорядком органы (даже именно они в первую очередь и с наибольшей наглостью) были не просто вовлечены в такого рода сделки, но и процветали за этот счет. Понятно, что режим власти, допускающей такое, пользовался у постоянно расширявшегося аппарата администрации и правоохранительных органов в широком смысле этого слова большой популярностью. Все это придавало внутренней силе руководящей партии и становилось основой для всех последующих новаций президента.

ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В НУЛЕВЫХ ГОДАХ

Нулевые отличались обострением критики политики 90-х гг., чего ранее президент, получивший власть из рук Ельцина, не делал. Удары по реформам и реформаторам были некорректными, зато примитивного популизма в них хватало. Считалось бесспорным, что народ при них обнищал, хотя всем, включая президента, было хорошо известно, как обстояло дело с финансами в момент крушения СССР, как выбирались из этой ямы реформаторы и какую роль во всем этом сыграл иссякавший тогда поток нефтедолларов. Параллельно продолжалась политика, направленная на усиление власти руководителя страны. Теперь речь шла уже о таком усилении, при котором никто не смог бы оспаривать высшую власть без разрешения самого ее обладателя. Прежде всего, снова встал вопрос о губернаторах.

Показательно, что самые страшные дни трагедии в осетинском Беслане, когда пришедшие 1 сентября 2004 г. в школу свыше тысячи школьников с их родителями оказались заложниками чеченских боевиков, президент считал подходящими для того, чтобы заявить, что *с целью усиления борьбы с терроризмом* надо бы отменить выборы глав регионов. Вскоре это было осуществлено. Кроме того, весной 2005 г. был принят закон о выборах в Госдуму исключительно по партийным спискам, что сразу же обеспечило преобладание в ней представителей правящей партии. Затем Дума приняла поправки к федеральному законодательству, позволяющие партии, которая победила на выборах в региональный парламент, предлагать президенту на выбор своих кандидатов на губернаторский пост. В большинстве регионов это право оказалось принадлежащим той же партии, «Единой России». Совершенно естественно, что после этого почти все губернаторы, кто до того еще этого не сделал, вступили в партию власти. На начало 2007 г. ее членами были 70 из 86 руководителей российских регионов, потом их число еще увеличилось. Затем Думой были приняты законы о повышении порога для прохождения в нее политических партий с 5 до 7% (таких партий, кроме главной и основной, оказалось две-три, каждая с небольшим количеством депутатов) и, что показательно, об отмене порога явки избирателей на выборы. Ходите, если хотите, давалось понять избирателям, выборы в любом случае будут считаться состоявшимися, причем с заранее известным результатом.

Что касается экономики, то здесь процесс укрепления центральной власти привел к возрастанию участия государства во многих крупных предприятиях и к появлению нескольких крупных казенных промышленных и некоторых иных корпораций. Это не сказалось на росте зарплаты (она, учитывая и инфляцию, выросла в несколько раз; значительно хуже обстояло дело с пенсиями и пособиями) и уровня жизни населения, о чем лучше всего стало свидетельствовать обилие автомашин в стране, включая и дорогие иномарки. Но с жилищным строительством дело застопорилось, во многом из-за неслыханного роста коррупции и связанных с этим махинаций с ценами на землю в городах, что превращало покупку новой городской квартиры в нереальную мечту. Не слишком были заметны успехи и в сфере сельского хозяйства.

Задача создания массового фермерства оказалась по ряду причин, в первую очередь из-за нерешенности вопроса о земле и об обеспечении желающих стать фермерами крестьян нужным оборудованием, а

также из-за нехватки дорог и прочей инфраструктуры, не говоря уже об упомянутой чиновно-бандитской коррупции, явно нереальной. Кроме того, процессу упорядочивания сельского хозяйства мешали и мешают растущие аппетиты наиболее алчной части пронырливых собственников земли, срачивавшихся с властью и правоохранительными органами и с их помощью отбиривших земли у едва сводящих концы с концами фермеров. Концентрация земельной собственности в других условиях и в иных странах вела к созданию гигантских ферм. Но в нашей стране с ее быстро вымирающей деревней, не очень-то привыкшими к труду не из-под палки все еще зараженными архаическими стереотипами и предрассудками сельскими тружениками, часто склонными к выпивке, все было не так. Конечно, кое-где фермы появлялись. Но для этого нужны были идеальные условия. А с ними дело обстояло плохо. После развала военного производства не слишком много обрела сельскохозяйственная техника (тракторные заводы были в основном и танковыми, что не могло не сказаться на их выживании).

Продуктов отечественного сельского хозяйства в городах поэтому мало, преобладают импортные, оплаченные нефтедолларами и по пути к прилавку дорожающие в зависимости от роста аппетитов все тех же коррупционеров. Естественно, что это вело к ухудшению состояния нищей и отсталой нашей социальной системы. Незавидной оказалась судьба всех принятых в 2005 г. национальных проектов, ставивших целью резко улучшить дела в сфере здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, пенсионного дела, военной реформы и демографического состояния страны. В ЖКХ или пенсионной сдвигов почти нет, скорей напротив, ухудшение, особенно с пенсиями. Военная реформа кое-как осуществляется. Демография от решений власти не зависит почти совсем, ибо стимулы для воспроизводства несерьезны, детей на эти деньги не вырастить. С образованием в связи с новыми требованиями к выпускникам школы ситуация разве что только усложнилась, а о здравоохранении и говорить не приходится.

Конечно, многое можно списать на кризис, пришедшийся на последние годы. Но от этого никому не легче. Особенно стоит обратить внимание на прогрессирующее вымирание и старение коренного (вне Кавказа!) населения страны и призванный компенсировать это приток мигрантов. Проблемы, связанные с этим, еще далеко не вполне ясны, изучены и оценены. Но стоит сразу же заметить, что они принадлежат к числу долговременных и несущих необычайно

мощный деструктивный заряд. И в этой связи так и хочется снова напомнить о резервах, о русских, рвущихся домой из Средней Азии. Но почему-то до них руки не доходят. Дело дорогое, нужно о них заботиться, в обезлюдевшую деревню не пошлешь, ибо они в основном горожане, а жилья для них в городах нет. Да и возиться с ними без наvara и платы за *крышу* чиновники не привыкли.

Примерно так же обстоит дело и с проблемами столь важного для гражданского общества (которого пока практически нет) местного самоуправления. Даже как-то странно об этом напоминать, но ведь во всех развитых странах, на пример которых мы еще вынужденно ориентируемся, основы гражданского общества создавались и все еще создаются на местах, хотя население руководствуется идеями и институтами, принятыми в центре. Не то у нас. Центр, конечно, формулирует и свои идеи, и вытекающие из них соответствующие им институты, о чем шла речь. Однако создание вертикали власти, предполагающей строго централизованную редистрибуцию всех бюджетных ассигнований и прочих возможных льгот и средств, — один из важных узлов этого идейно-институционального фундамента, который выбивает почву из-под ног на местах. Нехватка средств и ограничение возможностей больно затронули всю систему местного самоуправления. В стране фактически нет именно этого самого самоуправления, как почти никогда не было ничего подобного и в прошлом. Нет тех самых движений снизу, организаций и инициатив, которые столь важны и играют такую важную роль в пробуждении гражданского чувства ответственности за все то, что происходит на местах, у тебя и твоих соседей, в твоем поселке, уезде, губернии.

Вместо всего этого — спущенные сверху разнарядки и мелочные поучения разным начальствующим лицам, призванным от имени власти руководить населением. Да и само это население, не приученное заботиться о себе в любом масштабе, кроме разве что семьи, да и то совсем не всегда (обилие беспризорных и беглых детей поражает), с легкостью внимает указаниям сверху и не озабочено инициативами, порой и достаточно часто к тому же строго контролируемые и наказуемые. Далеко не случайно оборачивается это тем, что инициативу проявляет местный криминал, срачивающийся с властью и жестоко подминающий под себя всех. И не привыкшие к иному люди молчат и повинуются бандитам, что не так давно, в 2010 г., привело к массовым убийствам в станице Кущевской на Кубани (прежде до власти было не достучаться, а бандиты ходили чуть ли не в числе местных депутатов). Показательно, что и после разоблачений и су-

дебных дел мало что изменилось, хотя жалобы на произвол бандитов, сблизившихся с местной властью, начали сыпаться из разных мест.

Прибавьте к этому неравенство исходных позиций регионов, слабость тех из них, где с промышленностью и тем более с ресурсами, особенно теми, что имеют отношение к нефтедолларам, неважно. Все это требует серьезной разработки системы муниципальных и местных сельских территориальных образований. Стоит учесть, что взимание налогов с имущества и с земли в сельской местности остается делом нелегким, ибо далеко не все имущество официально зарегистрировано. Это более всего касается сельской местности. Колхозы, что уцелели, в новой рыночной обстановке сильно уменьшили обрабатываемую площадь, особенно вдалеке от городских центров. Там вот уже на протяжении многих лет поля зарастают, строения разрушаются, а население не стремится к работе на земле, ибо это влечет за собой множество хлопот и требует средств. Живут крестьяне, как и в советском прошлом, в основном за счет продукции с приусадебных участков.

В определенной степени это компенсируется вниманием к земле на пригородных территориях и в плодородных областях, где и создаются агропредприятия, производящие товарную продукцию. Однако приходится заметить, что там, где земля ценится, как раз и кружатся мафиозные группировки. Они, к слову, мало похожи на сицилийские, которые привычно опекают поддерживающее их местное население. У нас напротив, бандиты, как упоминалось, никогда не останавливаются перед насилием и убийствами и имеют достаточно средств, чтобы скупить все местное и не только местное начальство, что в условиях невиданной коррупции, разъедающей страну подобно раковой опухоли, оказывается, к сожалению, обычным делом.

В 2003 г. новый земельный кодекс разрешил продажу земли (не иностранцам!), но реализовать земельный пай в глубинке почти невозможно. Их, эти пай, взяли всего 2% сельского населения. Еще столько же семей, в основном неподалеку от городов, используют землю для создания ферм, обычно небольших, ибо владение фермой влечет за собой выплату налогов, соблюдение разных норм, что при современном уровне коррупции слишком накладно. Считается, что ферм в нынешней России около 250 тысяч, и едва ли в обозримом будущем, при сохраняющихся весьма некомфортных для мелких хозяйств формах взаимоотношений фермеров с властью, это число заметно возрастет. Скорей уменьшится, особенно в плодородных районах, о разгуле коррупции и рейдерства в которых только что

упоминалось. Тем более что фермы чаще разоряются, нежели процветают.

Проблема небольших городов и поселков, где местная муниципальная власть долго еще была, а кое-где и продолжает быть выборной, тоже не принадлежит к числу легких и без труда решаемых. Как правило, власть бедна, налоги брать не с кого, а содержать инфраструктуру в порядке и платить учителям, врачам, пенсионерам и некоторым другим категориям населения нужно. Выкручиваются, как могут, чаще всего за счет крайне низкой заработной платы. Соответственно страдает инфраструктура, прежде всего находящиеся, как правило, в безобразном состоянии дороги, не говоря уже о жилом фонде и коммунальных услугах, которые давно в плачевном состоянии. Не имея средств, местная власть не в силах навести порядок, а безнаказанность способствует росту произвола и бандитизма. Хозяйства в упадке, люди, кто может, уезжают, земли и разваливающиеся дома пустуют. Российская глубинка, и особенно деревня, что видно из статистики и признается социологами, вымирает.

Если подвести краткий итог обоим срокам правления Путина, как и истекшему в 2012 г. президентству его преемника Медведева, которого часто и не без оснований рассматривали в качестве кого-то вроде местоблюстителя, то ситуация в целом окажется весьма безрадостной. Конечно, страна наша благодаря нефtedолларам не голодала, но даже улучшала средний стандарт жизни, обзаводясь автомобилями, что считается показателем благосостояния. Но если взглянуть в корень, даже не имея пока в виду проблемы свобод, прав и вообще демократии, рост не только недостаточен, но и сомнителен. И нет особых надежд на третий (2012–2018) срок Путина.

СТАНДАРТ ЖИЗНИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Заслуживает внимания общая оценка жизни населения в современной России, равно как и условия жизни, включая соответствующую активность населения. Многие изменилось, однако столь же многое оставляет желать лучшего, что вполне можно понять и довольно легко объяснить, хотя само по себе это мало что дает. Можно еще много раз повторить, что измороженная тоталитарным режимом страна устала. Три поколения работали на износ и десятками миллионов бездумно уничтожались или гибли в развязанных режимом кровавых боях. И все это время не было не только обыч-

ного человеческого покоя, но и никакой сколько-нибудь свободной жизни, кроме всего того, что навязывалось пропагандой. Народ, во всяком случае те его социальные слои, которые уцелели в кровавой мясорубке большевизма, долго ждал перемен.

Перемены наступили в годы реформ, начиная с горбачевских и кончая последними усилиями уставшего и больного Ельцина с его командой реформаторов. И стоит вспомнить, какие надежды у людей были рождены на рубеже 80–90-х гг. начинавшимися тогда переменах. Но надежды и бурная политическая активность, особенно в городах страны, довольно быстро начали угасать, когда выяснилось, что реформы в такой стране, как Россия, легко не даются и не могут даваться. А неудачи озлобили массы и без того если и не нищих, то обездоленных людей. Они-то рассчитывали на лучшее, а вышло, во всяком случае вначале, все хуже и хуже. Или, если быть более точным и вспомнить афоризм Черномырдина, хотели, конечно, чтобы стало лучше, но вышло как всегда. И это очень суровый приговор, из него явствует, что лучше, во всяком случае у нас, не получается.

Правда, в стране появились невиданные прежде свободы, возникли и некоторые права, пока еще, увы, не успевавшие оказаться закрепленными в легитимно принятом законодательстве. Но за право ходить на массовые митинги приходилось на первых порах расплачиваться пустыми полками магазинов. А когда реформа наполнила эти полки продуктами и товарами, оказалось, что нет денег на их приобретение. Это вызвало в народе сильный крен в сторону от реформ и реформаторов. В собраниях типа парламента (Верховный Совет, Съезд депутатов, Дума) быстро сформировалось весомое большинство недовольных, а демократическое меньшинство, вначале сплоченное и подававшее надежды, постепенно рассыпалось и уходило в небытие; сначала оно дробилось на части, а затем и на вовсе едва заметные партии и группы, те самые, которым после Ельцина был перекрыт путь в Думу избирательным порогом в 7%. Это была вполне осознанная политика нового руководства России.

Одним из наиболее показательных свидетельств поворота в сфере внутренней политики стал кризис Конституционного суда России. В годы правления Ельцина этот суд считал себя вправе объявлять те либо иные указы президента неконституционными, о чем упоминалось. Теперь все стало иначе. Суд без особых церемоний по решению правительства, не особенно интересовавшегося его согласием, отправили в Санкт-Петербург. А вслед за тем значимость его как высшей и тем более независимой ветви власти приблизилась к нулю. Об

этом убедительно свидетельствует тот факт, что в декабре 2009 г. был без особых рассуждений принят самоотвод судьи Конституционного суда Владимира Ярославцева, который выступил с обвинениями в адрес руководства страны и созданной им вертикали власти. А судья Анатолий Кононов написал заявление об уходе со своего поста с 1 января 2010 г. вследствие — обратите внимание! — несогласия с нарушением принципа независимости судей со стороны исполнительной власти России.

Ситуация выглядит странной. Казалось бы, в России уже был намечен путь вперед и именно ради этого были предприняты в условиях полного в стране и безденежья и почти банкротства трудные, но спасительные реформы. Был создан независимый Конституционный суд. Можно было бы рассчитывать на то, что, когда уже худо-бедно, но все-таки заработал рынок, а страна обрела некоторую устойчивость, президент в условиях мощного потока нефтедолларов резко выправит ситуацию и сделает акцент на демократические права и свободы. А это поможет всем партиям прийти в приемлемую норму и всей стране начать строить не какую-то *суверенную*, а нормальную либеральную демократию в России. И если бы было так, он стал бы, возможно, великим президентом. Но он выбрал совсем другой путь, путь президента всевластного. Что же, каждый делает свой выбор. И его выбор, вполне возможно, до определенного момента был оптимальным с точки зрения желанного баланса, способного сохранить его власть.

Взглянем на страну. Многие все-таки стали жить лучше. И это в первую очередь заслуга и результат деятельности реформаторов и работы их реформ, хотя также и следствие ставшего более мощным потока нефтедолларов. Некоторые превратились в зажиточных, а то и в богатых, порой в очень богатых. Однако количество бедных по-прежнему удручающе велико. А главное — **как не было в стране гражданского общества западного типа, как не было структурообразующего среднего класса, так и почти еще нет ни того, ни другого.** А без этого иначе стоит и вопрос о структуре нашего общества. Оно принадлежит сегодня, как то было со времен Петра I, к числу обществ смешанного типа. И нет признаков того, что смешанное по типу и структуре общество делает достаточные усилия для того, чтобы завершить переход к обществу и структуре западного типа. Даже Китай в этом смысле, пожалуй, уже впереди, не говоря о более бедной, но вполне демократической и давно ставшей страной и обществом, стремящимися к стандарту Запада, многонаселенной Индии. А рядом с ней уже другие страны, еще недавно, казалось бы, несопо-

ставимые с Россией, такие как Бразилия, Индонезия, Малайзия или Таиланд.

От том, что значит быть и, главное, оставаться в состоянии смешанного типа общества и стремиться либо не стремиться завершить переход к обществу западного типа, уже специально говорилось. И есть много признаков того, что Россия не сможет иметь достойного будущего, если ее руководители не примут этого к сведению. Достаточно напомнить, что экономика страны по-прежнему держится в основном на нефтедолларах, тогда как вся прочая сильно устаревшая и почти неконкурентоспособная промышленность, несмотря на разговоры на тему о модернизации, не в состоянии внести серьезный вклад в развитие страны. Пока сильный вред от этого мы еще не чувствуем, а потому в большинстве своем не осознаем. Но долго ли будет так?

Вопрос не случаен. Ведь совершенно очевидно, что, если что-то вдруг кардинально изменится не в лучшую сторону — имеется в виду прежде всего поток нефтедолларов, — наша страна, в которой уже через несколько лет демографический процесс приведет к тому, что количество трудоспособных уменьшится, а число пенсионеров возрастет, окажется в трудном положении. Особенно если учесть, что население ее пока еще не очень-то привыкло к высокопроизводительному конкурентоспособному труду, особенно в деревнях и небольших городах. Как и за счет чего Россия станет выживать? Нельзя сказать, что на это вовсе не обращается внимание. Скорей напротив, именно об этом только и говорят. Но решение проблемы видят в притоке мигрантов, что, похоже, действительно остается единственным выходом. Беда в том, что такое решение проблемы ведет не к стабилизации, но скорей напротив, к дестабилизации в России. И это чувствуют многие, а скоро почувствуют все.

Пойдем дальше. Давление власти на рынок и частных собственников стало чересчур сильным и, как следствие, деструктивным. И дело не только в концентрации усилий на углеводородном сырье, приносящем нефтедоллары. Сырьем торгуют многие, некоторые только за этот счет живут и процветают. Однако наша страна, еще недавно претендовавшая на высокий уровень успешного индустриального развития, не может, не должна вести себя так. Но другого не получается. Включение же государства в сферу экономики ведет к потере конкурентоспособности, к коррупции и колоссальным убыткам, ибо к коррупционному налогу на потребителя присосался криминал. А начальство подкуплено, жалобам не дают хода, суды не смеют перечить сильным. Естественно поэтому, что вмешательство сверху (*ручное управление*), ограничиваю-

щееся минимумом наведения порядка, ситуацию в стране не улучшает. Общество, в котором тон задает сохранившийся чуть ли не с допетровских времен вороватый редистрибутивно-коррупцированный аппарат власти, не может быть производительным из-за обременяющего производство коэффициента поборов. Представьте, что какие-то успехи, связанные с модернизацией, становятся ощутимыми. Успешные предприятия облагаются коррупционным налогом, идет сокращение их доходности и соответственно конкурентоспособности.

Отсюда очевидный вывод: нужно менять первооснову, идейно-институциональный фундамент, чтобы дать широкий простор рыночно-частнособственнической экономике. Иного выхода нет. Мы на плаву, пока востребованы наши углеводороды, приносящие нефtedоллары, и только до тех пор. Правда, в нашей стране есть и другие проблемы, о которых тоже необходимо сказать. Главная из них — обеспокоенность власти ослаблением вертикали вследствие ее внутренней неустойчивости. Вернемся к политике Путина. Он вполне сознает, что западный стандарт предпочтительней, что направленные к этому реформы целесообразны. Россия в 2012 г. вступила в ВТО, но по этому поводу шли и все еще идут горячие споры. Готова ли многого лишенная страна к конкуренции с другими в рамках этой серьезной организации?

Снова все дело в том же: большинство в стране этого боится, не очень-то готово поддержать. Вот и приходится балансировать: и нужно, и почти невозможно. А так как главное — сохранить власть, ибо от этого слишком многое зависит, то часто приходится ориентироваться на антизападно-антибуржуазное, даже просто на архаично-антизажиточное, резко осуждающее богатство большинство. Обычно Путин стремится солидаризироваться с большинством, убеждая и свое население, и весь внешний мир до того момента, пока гром не грянет. А как только становятся слышны раскаты грядущего грома, да еще если пришлись они на предвыборный период, он, по-прежнему балансируя, преобразуется и активно проявляет готовность к сотрудничеству с продвинутым прозападным меньшинством. Неясно только, к чему все это может привести.

НАЦИОНАЛИЗМ И ПОЛИТИКА ВЛАСТИ

Признак *оранжевой революции* — а ведь это на самом деле лишь требование честных выборов — кошмар для Путина. И не случайно. Дело уже не в весьма скромных политических страстях, как то

было на Украине; все намного тревожнее и страшнее, ибо в ситуации неустойчивой политики баланса, но без признаков серьезной установки на разумную медиацию с параллельными усилиями по созданию основ гражданского общества, крушение России вполне может произойти в результате мощного националистического взрыва. Два очень разных потока грядущих полей напряжения создают в России ситуацию, чреватую таким взрывом.

Первый из них — *чужие*, т.е. наши враги. Деление мира на *своих* и *чужих* всегда было присуще примитивным общностям с архаическими социопсихологическими стереотипами. Но оно живуче и в подходящей для того обстановке долго сохраняется, а то и возрождается, что хорошо известно на примере коммунистической России, у которой все и везде были врагами. Правда, борьба с врагами веками была и до большевиков едва ли не основой существования России, что не способствовало ее социально-нравственному здоровью. Коммунисты резко взвинтили ситуацию, в результате приведя страну к катастрофе и спровоцировав социопсихологический надлом, с трудом пережитый выжившими, в памяти которых все отпечаталось. Отсюда страх, безразличие, убогость, обилие нетрудоспособных и болезни большого количества детей, часто лишенных должной заботы, вынужденных уйти из дома, где нет любви, а вместо нее пьянство, брань, побои. Это и есть в немалой мере нынешняя Россия: на архаический стереотип, сохранившийся с древности, налег не менее сильный коммунистический.

И не нужно думать, что рассуждения о *дружбе народов* в СССР серьезно этому противодействовали. В пропаганде — да, но в жизни далеко не так, если к тому же учитывать традицию. Люди, с древности привыкшие к жесткости членения мира на *своих* и *чужих*, легко меняются в зависимости от ситуации (Ахиезер назвал такую особенность архаики *инверсией*). И потому никакие заклинания на тему о дружбе народов не помешают, если возникает соответствующая ситуация. А она возникает, причем в последнее время наиболее интенсивно. И для того есть немало причин. Первая и главная — судьба надорвавшейся и вымирающей России.

Есть немало тех, кто в понятие *Россия* не намерены включать ни Кавказ, откуда русские вынуждены бежать и где все более очевидно задает тон ислам с шариатом, ни вообще мигрантов, особенно из числа тех же мусульман, почти абсолютно среди них преобладающих. И стоит подчеркнуть, что в основе конфликта не вздорный характер тех, кого изгнали из республик Кавказа. Не стремясь вникать в де-

тали и не пытаюсь реабилитировать имперскую политику России, в том числе и СССР, обращаю внимание на то, что почва для недовольства *русских* (не *россиян*, практически автоматом отождествляемых с мусульманами той же Чечни, где русских вовсе не осталось) есть, что она создает ситуацию, рождающую националистические чувства. А ситуация приводит к взрыву этноконфессиональной ненависти, которая в декабре 2010 г. завершилась многотысячным митингом на Манежной, столь взбудоражившим власть.

Возьмите и другую сторону, оставив пока в стороне сложную проблему мигрантов. Речь о встречном националистическом потоке — это тот же в основном мусульманский Кавказ, где живут *чужие*, сколько бы ни говорить о том, что и у них русские паспорта. И они тем больше становятся *чужими*, чем хуже приходится *своим*. Популярный лозунг *перестать кормить Кавказ* очень показателен в этом смысле. Обделенные судьбой русские, чьи архаично-православные крепостные предки веками кормили страну, не могут подчас точно выразить причину своего недовольства, но хорошо сознают, что она существует и жизненно для них важна, что бы там ни говорили ученые мужи о дружбе народов. И это как раз и есть главная причина недовольства в стране, недовольства со стороны того большинства, на которое старается опираться власть.

Теперь прибавьте к этому мигрантов из Средней Азии, гораздо менее задиристых, старательно работающих за гроши, но для многих коренных русских таких же *чужих*. Не буду вдаваться в рассуждения о том, почему они, мусульмане, более чужие, нежели какие-либо иные иноземцы, чье несходство, особенно при взгляде на с ног до головы закутанных женщин, бросается в глаза. Но это именно так, и из-за этого могут возникнуть и возникают национально-конфессиональные конфликты. Ислам нетерпим, а исламисты — его экстремистское проявление. Все, кто знает, как развиваются события в странах, где много мигрантов из числа мусульман, вопросов задавать не станут. Боевики и террористы появляются из мира ислама, причем их становится не меньше, а больше, потому что весь мир ислама ныне затронут бациллой исламизма, воздействие которой на население даже такой деисламизованной страны, как Турция, усиливается. И это ведет к конфликтам и рождает взрывы национально-конфессиональной розни.

Формально это часто объясняют тем, что дешевая рабочая сила мешает зарабатывать русским, которых гастарбайтеры вытесняют. На деле не так. Те виды работ, где они, особенно среднеазиатские,

заняты (уборка мусора, строительство, другие трудоемкие рабочие места), коренными русскими не оспариваются. А кавказцы вообще не рабочая сила, чаще мафиозного типа группы. Словом, градус накала растет; делать вид, что нет этого, неразумно, для России еще и крайне опасно. Огромная страна вымирает. Молодежи мало и будет меньше, часть покидает страну. Пенсионеров много и будет больше, а трудоспособных мало, их замещают гастарбайтеры, которые много более энергично, чем русские, воспроизводятся. Значит, подросших *чужих* скоро станет не меньше, чем молодых коренных русских. И что тогда? Перед Россией с ее населением наполовину из старых и больных пенсионеров через несколько десятилетий встанет проблема более серьезная, чем сепаратизм Кавказа. И это далеко не напрасные тревоги.

Второй исток напряжения — отношения России с внешним миром, которые во многом складываются под воздействием ситуации в стране. И вымирание России играет здесь много большую роль, чем может показаться. Фантомные боли ушедшей в прошлое империи дают о себе знать. Президент Путин никогда не уставал и время от времени продолжает напоминать миру, подчас в довольно резкой форме, что он (а после 2008 г. вместе с Медведевым) возглавляет еще великую державу. И хотя миру давно уже понятно, что Россия, обладающая еще ракетно-ядерной мощью, в отличие от Китая уже не велика, никто не смотрит на нее свысока. Напротив, президент США Обама постоянно дает понять, что считается с ней. Она включена в мировую восьмерку ведущих стран. Правда, став в ряды восьмерки и оставаясь в ней на последнем месте (некоторые важные заседания проводятся без нее), Россия фактически может лишь утешаться внешним респектом, тогда как Китай, пока демонстративно в эту восьмерку-девятку не стремящийся, остается постоянно растущим великаном. Но проблема не только в том, насколько поменялись местами Россия и Китай за какую-то четверть века (а это тоже разжигает националистические страсти).

Корни намного глубже. Руководство современной России, сознательно выбравшее, вслед за сошедшими с исторической сцены отечественными коммунистами, возврат к структуре власти-собственности и к обществу смешанного типа без стремления к завершению перехода в общество западного типа, не в состоянии прыгнуть выше головы. Интересы правящей элиты далеко на Западе, где она хранит вывезенные туда правдами и неправдами капиталы, имеет дома и учит своих детей. Казалось бы, здравый смысл должен был бы подталкивать по-

литу страны к сближению с Западом, к чему призывает власти и ориентированное на вестернизацию продвинутое меньшинство. Но не тут-то было. Великодержавные акценты в политике не случайны, они диктуются основами внутренней политики, заставляющими власть в интересах самосохранения не просто балансировать, но, будучи подогреваемой фантомными великодержавными амбициями, с которыми подспудно, чаще всего безотчетно, но зато настойчиво солидарно антизападное большинство, все чаще открыто выступать против Запада. Сделав ставку на консервативную стабильность, они не учитывают, что длительная стабильность – это застой, стагнация. Страна стоит на месте, заботясь лишь о добыче и продаже ресурсов, а иногда о чем-либо, что имеет привкус дорогостоящей экзотической забавы, как устройство **зимней** Олимпиады в субтропическом Сочи или строительство огромного моста из Владивостока на пустующий остров Русский.

Выступая против Запада, власть ищет союзников. И здесь тоже все не в лист. С одной стороны Китай, который, в отличие от нас, внутренне не разделен и потому не имеет нужды балансировать, наращивает силы. Он в состоянии вполне мирно, что следует учесть, превратить наш Дальний Восток в процветающий чайна-таун. Случится это или нет, вопрос другой. Но стоило бы строить не олимпийский комплекс в Сочи, а дороги и города в той части Сибири, которая отделяет европейскую Россию от очень уж далекого Дальнего Востока. С другой стороны, сознавая сдержанность Китая по отношению к Западу, наша политика ищет в Китае союзника. И эти метания тоже своего рода неуверенное балансирование, рождающее напряжение. Словом, пока правящая наша элита бросается из стороны в сторону, то в угоду распропагандированной ею же отсталой массе осуждать весь Запад, а то делая жесты, направленные на сближение с ним, никакая внешняя политика к добру не приведет.

Конечно, очевидная непредсказуемость и метания из стороны в сторону тоже очень значимый симптом. Он свидетельствует о неуверенности и непрочности позиций страны, что объективно отражает реальное положение ее в мире и тем более весь тот сгусток проблем, который одолевает наш расколотый на части и очень нетолерантный народ, привыкший за XX век бороться со всеми, как в своей стране, так и вне ее. А события в стране, накалившие внутреннюю в ней обстановку после массовых митингов с декабря 2011 г., являются недвусмысленным свидетельством недовольства, отразившего всю сложность сложившегося положения вещей. И хотя весь тот сгусток

проблем, о котором теперь идет речь и который выявился в ходе упомянутых митингов с их главными лозунгами (*За честные выборы; За демократию! Путин, уходи!*), пока не очень-то себя проявил, он взбудоражил Россию.

Завершая предварительный обзор проблем современной России, должен сказать, что число их неизмеримо. Накладываясь друг на друга, они сжимаются в плотный и тяжелый слой пелены, выпутаться из которой крайне проблематично. Однако выход следует найти. Сегодня едва ли не подавляющая масса столичных жителей, находясь в состоянии эйфории, надеются на скорые и радикальные перемены. Но есть объективные причины, препятствующие тем переменам, которые многие склонны ожидать почти что со дня на день. Да, перемены будут, во всяком случае есть некоторые основания их ожидать. Но едва ли радикальные и тем более скорые. Разумнее рассчитывать на медленные, но необратимые процессы. И потому целесообразно все усилия сосредоточить именно на них, на подготовке к ним. Но о чем конкретно идет речь и как ожидаемые изменения в отечестве могут и должны выглядеть, есть ли способ их приблизить, как этому содействовать? Комплекс таких и близких к ним вопросов настолько серьезен для России, что на нем стоит остановиться особо, следует разобрататься в нем основательно.

Глава двадцать третья. ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Эта глава снова уведет читателя в сторону поиска корней. Известно, что будущее России сегодня на устах у всех, начиная с политиков и публицистов, ученых-обществоведов и кончая все возрастающей армией блогеров и посетителей интернетовских сетей. Все ищут корни, наперебой формулируют свое понимание истории отечества и, что наиболее заметно в сетях, клеймят, не задумываясь, несогласных и инакомыслящих. И, к слову, эта давящая массой общность ревнителей судеб нашей страны, которую с полным правом можно считать выразителями мнений ее населения, весьма любопытна и существенна именно в силу своей численности. Она поражает не столько мощью молодости, сколько невинной детскостью, которая, несмотря на невообразимую пестроту высказываемых суждений, искренне и воинственно предана столь присущим отечественному читателю и слушателю (имеется в виду пропаганда, чьими усилиями целенаправленно обрабатывалась общественность) мифологическим идеалам.

И неважно, воспринимаются эти идеалы или, напротив, ожесточенно оспариваются, важно то, что они явно доминируют в умах спорящих, что свидетельствует об укорененности в наших людях тех социопсихологических стереотипов, которые исстари рождали у наших предков уходящие в глубокую древность традиционные пристрастия.

Так уж веками сложилось в незадачливом нашем отечестве, такими были восприятие и понимание того, что происходило с русскими и Русью с тех пор, когда рядом с безгласной общинно-деревенской массой – с принятием православия и появлением грамотных монахов – появились первые из тех, кто пытался и мог осмыслить, позже и описать их историю. На основании этих описаний и других источников специалисты судили о том, как веками складывалась наша нормативная традиция и что эта традиция означала для трагически складывавшейся судьбы России. За последнее время, на что уже было обращено внимание, многое в этом направлении было сделано отечественными культурологами.

АНАЛИЗ КУЛЬТУРОЛОГОВ

Это связано с социокультурными исследованиями, которые обратили внимание на стандарты мировосприятия, на практику архаичных ментальных конструкций и на складывающуюся на этой основе традицию. Первым в этом ряду был А. С. Ахиезер¹, обстоятельно проанализировавший проблемы отечественной нормативной традиции с позиций культурологии и внесший в историю отечества новый аспект познания. То, что внесено им в понимание отечественной истории, – значение примитивно-первобытной общинной архаики с ее социопсихологическими стереотипами и специфическим менталитетом.

Такого рода ментальные стереотипы были уже давно известны и неплохо изучены многочисленными социо-, эконом- и политантропологами, которые занимались анализом отставших в развитии общностей и реконструкцией ранних форм социо- и политогенеза. Но все это, с чем и я когда-то весьма обстоятельно знакомился², в отече-

---

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991; последнее издание – 2008.

² Это входило в мою обязанность, когда я работал над трехтомником «Древний Китай» (М., 1995, 2000 и 2006) и двухтомным учебником «История Востока» (6-е изд., М., 2011).

ственном историописании долго почти не учитывалось. Насколько можно понять, молчаливо предполагалось, что Россия стартовала не с уровня примитивной архаики, а чуть ли не со стандарта средневековья, пусть и раннего. Так-то оно так, история Руси действительно восходит лишь к IX веку. Однако этот поздний старт никак не помешал тому, что началось все с примитива первобытной архаики, причем примитив этот оказался необычайно устойчивым¹. Мало того, специфика отечественной архаики оказалась крайне невыгодной для успешной эволюции населения.

В частности, это выразилось в том, что обширность лесных и лесостепных территорий вела к крайней степени рассредоточенности малонаселенных общинных деревень (*миров*) и, как следствие, к слабости родовых и семейно-клановых связей, которые компенсировались мощью единства в рамках замкнутого деревенского *мира*. Управлявшиеся сходкой старших, эти *миры* не создавали условий для формирования структурированных племен во главе с вождями (привычно именуемые племенами *поляне, древяне, кривичи* и пр. были родственными рыхлыми социоэтническими общностями). И эти общности, попав под власть пришлых варяжских князей, а затем завоевавших их татарских ханов, долго оставались такими, пока со времен Ивана III и особенно его внука Ивана IV Грозного они не начали превращаться в массе своей в крепостных, отличие которых было в том, что они не имели права уходить от своего хозяина.

Не ставя целью в кратком напоминании о прошлом подробно говорить о князьях и боярах, в основном варяжского происхождения, о пришедших им на смену дворянах и о городах, где они жили по древневосточному стандарту с обслуживавшей их челядью, ремесленниками и казенными торговцами, скажу о главном. Оно в том, что спецификой России по сравнению с Азией, Африкой и Латинской Америкой было то, что она и с наступлением эпохи колониализма не имела ни своей, ни чужой колониальной буржуазии и потому даже после реформ Петра I оказалась ориентированной на милитаризованную вестернизацию. Главным для Петра, как то хорошо известно, было обретение военной мощи. Вот почему, хотя влияние петровских преобразований вышло далеко за пределы усиления армии России и оказало огромное воздействие на отечественную

---

¹ Именно поэтому построения Ахиезера были высоко оценены. См., в частности, *Яковенко И. Г.* Россия и репрессия. М., 2011; *Яковенко И., Музыкантский А.*, Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2011.

культуру, развитие страны без буржуазии оказалось и после Петра замедленным и погруженным в примитивную архаику первобытности, стократ увеличенную и намертво законсервированную крепостничеством.

Крепостное право, закрывшее локальные общинные *миры* русской деревни от окружавшего их внешнего мира, тем более за пределами обширной России, породило те социокультурные нормативы в сфере ментальности и мировоззренческих стереотипов, о которых ныне столь щедро, охотно и умело пишут культурологи. А едва ли не главным из багажа первобытной архаики было столь свойственное всем отсталым общностям выдвигание на передний план среди прочих стереотипов дихотомии *свои-чужие*. Этот стереотип, усиленный преобразованием дихотомии на манихейский манер в противостояние добра злу, а всех *наших* — *врагам*¹, господствовал среди восточных славян и утвердился в самодостаточной крепостной общине. После этого он стал генеральной основой формирования национального характера русских. И неудивительно поэтому, что едва ли не самое главное в построениях культурологов — фиксация отсутствия либо очень заметной недостаточности медиативной функции в России.

А теперь, учтя сказанное, обратимся к другой проблеме. Все тот же социокультурный анализ отечественных исследователей подводит к вопросу о так называемой русской *матрице*, которая все чаще фигурирует в дискуссиях, в том числе в сетях. Ю. Пивоваров и И. Фурсов, впервые всерьез обосновавшие эту идею², вызвавшую немало откликов, подчас не слишком убедительных (имею в виду, в частности, графики с циклами, не очень согласующимися с историческими реалиями³), привлекли внимание. Идея, правда, создала впечатление, что мы имеем дело с исключением, и это весьма вдохновило сторонников поиска неповторимого отечественного пути в истории, некой *святой Руси*. Не желая никого задеть, замечу, что воспетая идеологами славянофильства и православно-византийской

---

¹ В начале новой эры в доктрине иранского пророка Мани, в манихействе, было резко усилено деление всего сущего на известные со времен иранского дуализма Зороастра (Заратуштры) противостоящие силы Света, Мира и Добра с одной стороны силам Тьмы, Войны и Зла с другой, что придало мистической и без того ситуации зловещий оттенок угрожающего наступления сил мирового Зла (*наши враги*) на добро, на нас.

² Русская система и реформы. Pro et contra. 1999. 4. 4.

³ Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011.

неповторимости идентичность на самом деле очень сильно преувеличена и на 80–90% свойственна всей первобытно-примитивной архаике. Той, которая сопровождается обычно крайней степенью отсталости, рабской приниженностью, неумением длительно и напряженно работать, неаккуратностью в быту, небрежностью в выполнении обязательных текущих дел, нецелестремленностью и общей для отсталых общностей склонностью к разного рода отвлечениям от главного, да и еще многим в том же роде. Имеется в виду прежде всего отсутствие лично-индивидуальной — нет еще их, личности и индивидуальности, — элементарной заботы о порядке, равно как и о завтрашнем дне, которые коллективно-общинной архаике, коллективу как общинно-родовому телу, сопутствуют (нет смысла уточнять, отсылаю интересующихся к культурологическим публикациям).

Смысл матрицы, воспринимаемой в качестве русской, в том, что за *русскость* выдается осязаемая отсталость, свойственная нецивилизованным или слабо цивилизованным обществам. Тем, которые не были затронуты вестернизацией в эпоху колониализма. Словом, смысл *русской* матрицы в том, что она, будучи реальностью, не является чем-то, свойственным именно отечеству. Она всеобщая, хотя и очень неодинаковая в мелочах, но единая в самом главном, в склонности к консервативной стабильности, в стремлении не поддаваться на перемены и при любом удобном случае возвращаться к прежнему высоко ценимому модусу вивеиди.

Выводы напрашиваются сами собой. Архаика в сочетании с неразвитым культурным потенциалом и слабой степенью цивилизованности — основа для формирования матрицы, о которой идет речь. Смысл и сила ее в устремлении соответствующих стран и народов к консервативной стабильности. Поэтому такой комплекс остается неизменной матрицей лишь до того момента, пока он стерилен, а данная общность не потревожена процессом вестернизации. После этого комплекс начинает подвергаться эрозии. Бедой нашей страны стало то, сколь медленным и социально ограниченным было приобщение России к европейскому Западу.

Петр Великий прорубил окно в Европу и заставил тех, с кем имел дело, включиться в процесс вестернизации. Это были бояре и дворяне, частично горожане, особенно чиновники, но в неимоверно меньшей мере крестьяне, особенно крепостные, которые временами мобилизовывались в армию или на тяжелые работы вроде строительства столицы на болотах, приписывались к заводам какого-нибудь Демидова. Но крепостные при этом оставались не столько даже де-

юре, сколько де-факто людьми локальных общинных миров со всеми их привычными нормативными традициями. В итоге в огромной территориально разраставшейся стране на протяжении XVIII века шел процесс социального размежевания, достигший уровня раскола, изучению особенностей которого культурологи уделяют большое внимание. Глядя на Россию сквозь призму этого драматического явления, только и можно приблизиться к истине.

РАСКОЛ КАК НАЧАЛО ТРАГЕДИИ РОССИИ

Как и в случае с матрицей, раскол характерен для многих обществ вне Запада, где присущая отсталым общностям архаика обретала развитую религию, легшую в основу цивилизации. Правда, приводило это к разным результатам. Латинская Америка потому и отставала в развитии, что там возникла весомая разница между первыми поколениями колонизаторов с одной стороны и местными индейцами и ввезенными африканцами с другой. Но, первоначально очень заметная, эта разница со временем стиралась под воздействием двух других весьма значимых факторов. Во-первых, в результате активной метисации (европейских женщин почти не было, что не преминуло сыграть свою роль), а во-вторых, вследствие долгого воздействия католической церкви, в принципе отрицательно относившейся к рабству и к порабощению местного населения.

На азиатском континенте ислам, не знакомый с наследственной аристократией (роль социополитических верхов играли образованные мусульманские улемы или выбившиеся наверх удачливые военачальники, которые обычно и становились правителями), отличался активной работой социальных лифтов, которые ослабляли раскол между всемогущими верхами, управлявшими правоверными, и основной массой управляемых подданных. В китайско-конфуцианской цивилизации картина была иной. Там путь наверх открывали либо родственные связи в среде правящей династии, либо успешная сдача экзаменов. Прошедшие через их тройное сито грамотеи, хорошо знавшие конфуцианскую мудрость, изложенную в канонах, брали на себя управление империей (опять-таки социальные лифты). Здесь раскол компенсировался возможностью для *умных и способных* (официальный термин) выбиться наверх и стать в ряды правящей элиты. В Индии система каст весьма эффективно создавала огромное количество промежуточных граней, что ослабляло раскол на верхи и низы, а в

буддийских странах очень мощным промежуточным слоем были монастыри, где приобщались к культуре и верхи, и низы.

Словом, раскол на управителей и управляемых был в той либо иной мере повсюду, включая и хорошо известную феодальную Западную Европу до начала ее дефеодализации. Но нигде и никогда не было такого глубокого и непроходимого, как у нас. Сыграло свою роковую роль главное, что отличало нашу Россию, — уровень культуры *миров*, христианизованных лишь очень поверхностно, пропитанных языческими суевериями и осознанно чуравшихся вестернизации. Чурались из-за того, что резонно видели в ней своего заклятого врага, грозившего сломать либо повредить консервативную стабильность, к которой они привыкли и с которой, чего не стоит забывать, чувствовали себя вполне привычно и потому уютно, комфортно.

Нет слов, европеизацию, сопровождавшуюся колониальной экспансией буржуа и, как следствие, взломом привычного образа существования, не приветствовали нигде. К ней лишь вынужденно приспособлялись, да и то только на протяжении ряда поколений, не быстрее. Но происходившая, что важно, в условиях принуждения *вынужденность* играла преобразовательную роль. Она буквально силой меняла образ и принципы существования везде, от феодальной Западной Европы до отдаленных окраин неевропейского мира. **Везде, даже в начавшей в XVIII веке принадлежать Российской империи Польше и Прибалтике, чуть позже и в Финляндии, но менее всего в самой России с ее архаикой крепостного мира.** И когда дефеодализация европейского Запада завершилась революцией во Франции, а Наполеон распространил достижения этой революции на континенте от Испании до Польши, Россия оказалась единственной страной, давшей решительный, хотя и не до конца осознанный населением отпор революционно-буржуазной *заразе* либеральной демократии. Знай наших!

В итоге европеизация России не достигла, а раскол у нас оказался трагически огромным, несовместимым с нормальным существованием. После неудачи декабристов это уже ощущали почти все, кроме разве уютно чувствовавших себя и не желавших перемен крестьянских и едва ли не более всего ценивших свою изолированность от внешнего мира крепостных общинных *миров*. **Но миры эти и составляли подавляющее большинство населения империи.** Поймите верно. Речь вовсе не о том, хорошо или плохо жили крепостные, как и не о том, были ли они недовольны их господами. Случалось всякое, и когда ситуация выходила за пределы приемлемого, могли возникать

протестные движения. Но обратите внимание: никогда не было восстаний крепостных хотя бы в масштабе уезда, области, скажем, типа тамбовского восстания при большевиках. Ни Разин, ни Пугачев, ни Болотников не были вождями крепостных *миров*, они выступали за маргиналов, например казаков. А *миры* жили себе сравнительно спокойно и, повторю, именно так, как того и хотели. И с этим столкнулись правящие верхи, начиная с высшего света, с декабристов, и тем более другие после их неудачи, когда на смену декабристам пришла разночинная интеллигенция, предтеча отечественного среднего класса, практически выполнявшая функции отсутствовавшей в России буржуазии. Все они, что хорошо известно, искренне стремились помочь народу русскому, т.е. прежде и более всего крепостным.

Именно декабристы и интеллигенты, да и сами императоры, начиная с Екатерины II, понимали, сколь **объективно большим злом** для отстающей от Европы империи являлось крепостное право. Они разрабатывали планы с целью избавиться от него (начиная со Сперанского, это были серьезные планы), но неизменно, вплоть до Крымской войны и Александра II Освободителя, как его было тогда принято именовать, искали и не могли найти реального решения проблемы. Почему? Во-первых, — и это главное, это понимают все — потому, что за счет крепостных существовали дворяне, которые были опорой трона. Но не только. Во-вторых, из-за того, что **сами крепостные** с их архаичным матричным комплексом и соответствовавшими ему социопсихологическими стереотипами **не очень-то хотели перемен**.

И это свое желание они выражали весьма недвусмысленно. Разумеется, крепостные *миры* приветствовали бы, если бы всю помещичью землю отдали им¹. Но что тогда осталось бы на долю помещиков, на чем стала бы держаться империя? И потому, сколь горячо интеллигенты ни сочувствовали крестьянам, их сочувствие ничего не решало. А когда Александр II и лучшие отечественные умы в 1861 г. приступили к реформам, которые затронули все важнейшие сферы жизни отстававшего в развитии общества, оказалось, что **крепостные были в массе своей реформами не довольны**. Освобождение без помещичьей земли или даже с частью этой земли, но за выкуп, пусть даже с отсроченными выплатами, их не устраивало. Земля ни-

---

¹ Земли к этому времени, особенно в Центральной России, было уже не так много, как в древности, а население численно во много раз возросло, так что полей и угодий не хватало, появились регулярные переделы.

чья, божья, а пользоваться ею должны те, кто на ней работает, — вот и весь сказ.

И хотя великие реформы предусматривали возникновение земств и давали в руки земской власти и причастной к ней интеллигенции немало возможностей, те же крестьяне не приняли интеллигентов, пошедших было *в народ* (народников), и тем более тех из них, кто — уже много позже реформ, в последней четверти века, — звал их бунтовать. Этих обычно без церемоний вязали и сдавали полиции. Идея похода *в народ* провалилась, а вчерашние крепостные оказались недовольны и не только не приветствовали реформу, но противостояли ей. Те, кто в соответствии с предоставленными общинной деревне возможностями хотел покинуть общину, забрав с собой надел, встречали сопротивление. И общину можно понять. Она уже привыкла к спорадическому перераспределению не хватавшей ей общинной земли по едокам и не хотела терять то, что имела. С этим в начале XX века столкнулся и П. А. Столыпин, стремившийся решить проблему за счет хуторов и переселений, но так и не успевший добиться желаемых результатов.

Короче, раскол страны при отсутствии на уровне общинной деревни вестернизации и наличии взамен мощного воздействия архаики на социум не просто усугублялся, становился взрывоопасным. Общинные *миры* с их стойкими социопсихологическими стереотипами, в центре которых было враждебное отношение к внешним злобно-враждебным влияниям, сконцентрированным в западном мире латинства (позже в формуле «*католики и лютеране*»), вели себя и с собой всю Россию к трагедии. Объективно она была закономерна. Сыграли роль и архаика *миров*, и резко антизападный настрой православия, и основанная на нем раблепная политика Невского и его преемников по отношению к ханам, что задержало развитие страны на два-три века. Ту же роль сыграли и опустошившие страну злодеяния Грозного, и шедшая за ними Смута, и отсутствие своей и чужой (колониальной) буржуазии со всеми роковыми вытекавшими из этого следствиями. Но главное все же в итоговой ситуации.

Страна оказалась глубоко расколотовой. Одни, *вестернизированное* правящее *меньшинство* и тяготевшие к нему слои населения, дворянство и интеллигенция, частично и остальные горожане, с начала XIX века уверенно и энергично ориентировались на передовой Запад. А все другие, резко *настроенные против враждебного Запада*, откуда шли непредсказуемые новации, т.е. *большинство*, достаточно твердо им противостояли. И в этом расколе вся суть оказавшейся по

прихоти судьбы неразрешимой для отечества проблемы, постоянно обострявшейся с петровских преобразований и в конечном счете столь дорого обошедшейся России.

МАТРИЦА, РАСКОЛ И БОЛЬШЕВИКИ

Тоталитаризм как главная новация XX века не случайно возник на базе марксистского социализма в России и дал затем старт его разновидностям в остальном мире, от фашизма Италии до маоизма Китая. Да и о натиске сменивших всех их в XXI столетии исламистов забывать не следует. Все они, как говорится, одним миром мазаны. Все стоят за интересы бедных и готовы плеткой, револьвером, а то и бомбой стимулировать их активность в деле, в которое фанатики той или другой идеи слепо верят. Встает вопрос, почему так. Отечественная культурология способствовала тому, что сквозь призму архаичной матрицы оказалось возможным вскрыть не только корни раскола отечественного социума, но и все то, что касается зловещих последствий этого, включая мощь враждебного по отношению к общинам насилия и издевательство над ними же, поверившими большевикам и ставшими их жертвами. В частности, очень важно понять, как и почему большевики, не зная ничего ни о матрице, ни о русских *мирах* и отнюдь не интересуясь этим, умело использовали вполне реально заявлявший о себе раскол, да еще и в столь чудовищной форме и при таких соблазнительных для них обстоятельствах. Они ведь сумели, изнасиловав и изуродовав страну и все ее население, навязать ослабленному войной социополитическому организму России свою бесчеловечную волю.

Внимание большевиков приковывал русский пролетариат, фантомный маргинальный едва просматривавшийся на российском фоне слой социума. И ведь они хорошо знали, что пролетариата в России, несмотря на все их ухищрения найти что-то, в реальности почти еще нет и что уже поэтому любезная им пролетарская революция как таковая – нонсенс. Но их ничто не останавливало, и, заместив революцию красным террором, они показали всем их последователям, что такое тоталитаризм и как легко создать его силой в сочетании с обманом. И еще. Очень помогло большевикам то, что **они вели отсталое общество** не к вестернизации по западному буржуазному сценарию, а к **ужесточению хорошо известной ему, невестернизованному обществу, структуры власти-собственности** с присущей ей тягой к консервативной стабильности. Ко всему тому

самому, от чего Россия только что, за полвека до того, едва сумела избавиться и чему крепостные *миры* отнюдь не радовались. Или, говоря понятней, большевики ликвидировали помещиков и отдали всю их землю страстно желавшим этого общинам. И такой переворот дал им возможность не только выиграть войну с белыми, но и, опираясь на армию из тех же крестьян, усмирить бунтующих недовольных продрозверсткой мужиков.

Это была драма страны, от униженного отечественного крестьянства, закабаленного теми же большевиками в колхозах, вовсе уже без своей земли, без общинных переделов, но зато оглушенного понятной ему антизападно-антибуржуазной пропагандой, до всех тех, кто был вестернизован и потому погиб либо был изгнан из страны. Лишь слабость коммунистической идеи и ее воплощения в стране с массой обездоленного крестьянства привела к крушению воздвигнутого на ее основе государства. Однако крушения не оправдавшей себя идеи и развала СССР было далеко не достаточно для того, чтобы оставшаяся с разбитым корытом Россия поняла, как и на какой основе построить новое государство и общество.

Нельзя сказать, что альтернативы вовсе не было. Она была и все-речь о себе заявила. И те последние большевики, что еще оставались, сдали на рубеже 80–90-х гг. XX в. власть практически без боя. Россия снова стала было возвращаться к стандартам, что существовали до 1917-го. Но беда страны была в том, что живых от той далекой поры не осталось. И хотя теоретически о далеком добольшевистском прошлом люди кое-что знали, практически действовать не умели. Довлела все та же архаика, опиравшаяся на отнюдь не умершую еще отечественную матрицу. Можно было, конечно, опереться на западный либерально-буржуазный опыт с разделением властей, правами, свободами, парламентарно-президентскими выборами при строгом соблюдении необходимой процедуры. Можно было сделать ставку на расцвет присущих всему этому рынка, частной собственности, активно патронируемого властью предпринимательства. Но были и проблемы, оказавшиеся практически неразрешимыми.

Казалось бы, все это работало как часы на Западе, оставалось только быстро и энергично заимствовать опыт, что и было сделано. И поначалу могло даже показаться, что все идет как надо. Но вскоре выяснилось, что все не так. В восточноевропейских странах и на западных окраинах бывшего СССР все шло, как надо, ибо люди там имели другую матрицу, т.е. были неплохо знакомы с принципами существования обществ смешанного и даже западного типа. Россия же в массе своей

оставалась невестернизованной (милитаристскую большевистскую вестернизацию, унаследованную от времен Петра и осуществляющуюся силовыми методами, с репрессиями и террором, учитывать не приходится). Потому дело не шло, как надо, что, естественно, было объективно обусловлено. Так произошло не из-за того, что реформаторы не понимали реальности и делали ошибки, тем более грубые, а именно потому, что невестернизованное население не только не умело жить по-новому, но и, как то было свойственно всем известным науке общностям вне Запада в период раннего колониального капитализма и европеизации, не хотело этого и очень упорно ему препятствовало.

Можно снова и снова напоминать, как непросто было европейским буржуа навязывать колонизованным странам вестернизацию, которую медленно, на протяжении жизни ряда поколений, преодолевая сопротивление местного населения, используя разные формы принуждения, подчас и насилие, Запад буквально навязывал остальному миру. Без этого дело не шло и просто не могло идти. И хотя методы Запада коренным образом отличались от террора и репрессий большевиков, что-то общее здесь было. Это общее в том, что вестернизованный стандарт, какую бы форму он ни принимал, был чужд общностям и цивилизациям вне Запада. Права, свободы и процедуры антично-буржуазного типа были чужими для них и потому неприемлемыми, а архаичная матрица с ее формулой *свои-чужие* везде исправно работала, пока сама жизнь и практическое восприятие новаций не обусловили приоритет приспособления к переменам над сопротивлением им. И это очень важно осознать и принять во внимание.

Только после этого и прежде всего там, где сложились лучшие со всех точек зрения условия, возникала твердая ориентация на Запад, практически почти единодушно воспринимаемая всем населением. И если эта ориентация выходила победителем, то **национально-культурное начало** (идентичность типа *святой Руси* с ностальгическим почтением к далекому прошлому) на фоне новой много лучшей жизни занимало более скромное место. Там, где это происходило и происходит, никто не оставался вне причастности к вестернизации. Но в России было не так.

РОССИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМ

Так вот, у нас такого не получилось. И, как теперь выясняется, было ничтожно мало шансов, что сможет получиться. Причем вовсе не потому, как можно было еще сравнительно недавно считать, что

реформаторы чего-то совсем не учли, а своеволие группы руководителей, которая пришла на смену Ельцину с его командой молодых реформаторов, вообще испортило все дело. Конечно, стремление новой команды не заботиться о продолжении реформ, а напротив, резко их приостановив, а то и повернув обратно, обеспечить устойчивость власти сыграло решающую роль. Если расколота страна неустойчива, а крепость власти зависит от умения балансировать, то можно даже считать, что резкая смена политики была чем-то объективно оправдана. Но ведь не следовало бы забывать о будущем, о стратегической линии. А это значило, что в мятущейся и вынужденно готовой к переменам стране нужно было делать все для того, чтобы уменьшить раскол и вести дело ко все той же вестернизации. В частности, не следовало менять наглядную пропаганду в массмедиа, на телеканалах.

Этого, однако, не случилось. Слабая еще и крайне напуганная власть стала беспорядочно нажимать на все тормоза. На телевидение и в печать начали допускать лишь немногих, проверенных, проправительственных. Изменилась, окутав всю страну частоколом ограничений, сама власть. Но почему так произошло? Только ли потому, что она **вдруг стала враждебной либеральной демократии**, как не без оснований полагают многие? Так-то оно так, но и не вполне так. Все было намного сложнее. И понять это уже не составляет особого труда. Глубинные причины были в том, что новое руководство во главе с президентом Путиным не просто так отказалось от продолжения реформ. Оно сделало это потому, что в условиях раскола и вынужденного сложного балансирования во имя укрепления позиции ее самой, этой новой власти, выбор был невелик. Вопрос стоял примерно так: продолжать давно уже ставшие непопулярными реформы, ведущие к ускоренной вестернизации, или приостановиться и, опираясь на начавшие притекать в страну в возрастающем количестве нефтедоллары, отказаться от этого. В создавшейся обстановке колебаний не было: лучше балансировать, чем рисковать. Это и легло в основу политики Путина.

Политика эта на протяжении первого ее десятилетия вполне себя оправдала, ибо смогла привести страну к некоторой релаксации. Все выглядело вполне логично. **Население страны не оценило и не приняло реформ** не потому, что они сопровождались естественными в таких случаях трудностями, хотя сыграло свою роль и это. Не приняло из-за того, что оказалось **в принципе с ними не согласно**. А не согласилось потому, что в результате уничтожения большевиками интеллектуально мощного, но тонкого слоя вестернизированной верхушки страны (считанные два-три миллиона, едва ли больше, против двух-трех сотен

миллионов в то время), не говоря о массивированной пропагандистской обработке остальных в резко антизападном духе, на чем коммунистическая идея держалась, эти реформы оказались без необходимой в таких случаях более или менее массовой социополитической поддержки.

Обратите внимание, другие страны советской зоны послевоенной оккупации сумели сравнительно легко преодолеть все трудности именно потому, что по меньшей мере со времен наполеоновских войн восприняли идеи французской революции и за редким исключением ряда десятилетий в первой половине XX века (расцвет тоталитарных режимов) развивались в рамках системы либеральной демократии. Они были вестернизованы, тогда как мы оказались другими, что сыграло в результате решающую роль. И эта весьма немаловажная причина обусловила все остальное.

А теперь поставьте себя на место нашей высшей власти, президента Путина. Придя на смену Ельцину, он столкнулся с резким противостоянием населения команде реформаторов. И для того, чтобы уцелеть, вынужден был с этим считаться, причем чем дальше, тем в большей степени, потому что успокоение страны шло за счет миллиардов, полученных от продажи углеводородов. И хотя сами наши правящие верхи в общем-то далеко не чужды современному Западу, где большинство их хранит наворованные миллионы, держит семьи и покупает дома, виллы и яхты, не говоря уже о банках и разных предприятиях, личное их благополучие и инстинкт самосохранения вынуждают их вести хрупкую и опасную политику, которая сводится подчас почти что к искусству эквилибристики на туго натянутой проволоке. Что это дает? Как то ни покажется странным, очень и очень многое, можно даже сказать, практически все, что имеет в качестве авуаров современная наша элита.

БАЛАНС И ПРОБЛЕМА МЕДИАЦИИ

Баланс — это элементарно и даже легко. Опыт, основанный на здравом смысле, подскажет любому, что вернее всего исходить из принципа **каждой сестре по серье**. А то и еще пуще, отнять и поделить. Всем поровну — и все вроде должны быть рады, особенно когда архаика примитива в стране еще далеко не изжита и питает тот самый антизападный настрой населения, о котором идет речь. Правда, едва ли нужно настаивать, что те, от кого зависит принятие важнейших решений, рассуждают и действуют столь примитивно. Но даже

если это не так, если поведение лидера России в данной конкретной ситуации может показаться непредсказуемым, это заблуждение. Дело в том, что иначе у верхов ничего просто не получалось. В любой данный момент наша очень необычная страна являет собой некий хрупкий баланс, который легко может быть нарушен, и потому сразу же возникает естественная в такой ситуации необходимость сделать нажим в противоположном направлении, дабы выправить перекос.

Разумеется, более внимательный взгляд, быть может, даст повод для иных предположений. Но идея баланса важна не только потому, что она кое-что может объяснить, но также и из-за того, что хорошо вписывается в главный тезис: Россия трагически расколота и потому малейший крен в ней грозит обвалом, отчего требуется решительный шаг в противоположном направлении, что позволяет сразу же восстановить поколебленное статус-кво. Это, если подумать, и оказывается причиной того ручного управления, в использовании которого столь часто винят Путина.

Но и это еще далеко не все. Обратим внимание на свойство матрицы в вестернизирующемся мире изменяться под воздействием процесса структурных перемен. Процесс влечет за собой распад архаики, чему в свое время сильно поспособствовали большевики, для кого крестьянство было лишь ненужным балластом. И хотя мигрировавшие в города вчерашние крестьяне несли с собой стереотипы, легко и быстро не исчезающие, все же какая-то эволюция происходила. А смысл ее однозначен: от прошлого к будущему. Если нужно, то и за счет принуждения. И тут снова свое слово говорит неустойчивый баланс, столь очевидный проявляющий себя в современной начинающей бурлить России.

Многочисленные комментаторы, анализирующие это сегодня столь красноречиво проявляющее себя движение, склонны его причину видеть в изменении к лучшему уровня жизни значительной части населения. И если вспомнить, что смысл вестернизации в других странах на протяжении веков тоже сводился прежде всего именно к этому, такой вывод окажется вполне приемлемым, даже в какой-то степени обнадеживающим. И вот здесь самое время обратить внимание на то, что все же может в реальности привести к благоприятным переменам нашу многострадальную Россию. Точнее даже, на то, что может хотя бы породить надежду на такое улучшение. Это едва ли не наиболее значимое для судеб отечества из всего того, о чем идет речь в главе.

Культурологи подчеркивают склонность социопсихологии локальных миров к ненависти, непримиримости к незаурядному, чуж-

до-враждебному, не-нашему. У нас это проявляется в неприязни к инакомыслящей и вообще оригинальной личности и в принципе единомыслия (*кто не с нами, тот против нас*). Эта генеральная идея с веками превратилась в национальный идефикс, ныне являющийся едва ли не основой той пока еще виртуальной отечественной национальной идеи, которую многие ищут. Понятно, что в подобных условиях, опирающихся на столь надежную нормативную традицию, от яростной жесткости отечественного социума просто некуда деваться. Окунитесь в интернетовские сети и почувствуете это. Можно лишь скорбеть о том, что в стране веками не существовало очень уважаемого обществом западного типа принципа медиации.

Нечто в этом роде у нас стало появляться как метод управления лишь с появлением самодержавия. Самодержавие как уздцы, позволяющие власти снять высокое внутреннее напряжение, оказалось крайне необходимым в обществе с господством архаики. Ведь медиация в такой ситуации и есть власть. Но, если у других издревле фиксировалось всеилие власти, которая вполне могла обходиться без интенсивной медиации (и без нее со времен древнеегипетских фараонов все было, как надо), у нас долго не было даже ее. Варяжские Рюриковичи веками сражались друг с другом, собирая с общин-миров полюдые, татарские ханы с помощью служивших им Рюриковичей, начиная с Невского, делали примерно то же самое. А локальные общинные *миры* внешнюю власть, за исключением спорадических насильственных акций, не ощущали, к вакууму ее привыкли, в медиации не нуждались и, чуть что, с негодованием ее отвергали.

С возникновением самодержавия и крепостного права в общинной деревне ситуация изменилась. Помимо признанного самодержца появились помещики, которые вмешивались в дела крестьян (*барин вот приедет, барин нас рассудит*, писал Некрасов). Однако и теперь отсутствие постоянной и заботливо-эффективной медиации не очень-то ощущалась общиной. *Мир* по-прежнему воспринимал себя как коллектив первобытно-примитивных единомышленников, в медиаторах особо не нуждавшийся и в случае важных дел, например земельного передела, всё решавший по древним нормам совместно и строго по справедливости, что, впрочем, никогда не исключало насильственного торжества над бунтарем или чужаком-соперником. И яростное сопротивление вчерашней крепостной общины реформам Александра Освободителя и особенно Столыпина, ведшего в начале XX века дело к ее уничтожению, убедительно это доказывает.

Современная Россия, так уж получилось, — наследник древнерусских локальных *миров*, а глава ее, который строго следит за ба-

лансом, делает свое дело как верховный медиатор. Казалось бы, коль скоро власть включает в себя функции медиации, причем даже не стопроцентно диктаторские, тут не о чем и говорить. Но это совсем не так. Напротив, об этом и стоит говорить почаще и побольше. Даже можно сказать, что здесь важный ключ к решению наших глобальных проблем. Больше того, без решения проблемы власти и связанных с ней проблем консенсуса и компромисса успеха не добиться. Альтернатива — распад, гибель страны, что вполне реально.

Итак, начнем снова с проблем медиации и власти. Проблема государства как политической формы организации общества и тем более проблема власти как реального лица любого государства необычайно важна, всегда изучалась, высоко расценивалась в науке и потому неплохо изучена. Существуют разные точки зрения. В наши дни мировая политическая практика исходит из того, что власть бывает двух основных типов, (1) **всесильная**, доминирующая над подданными в рамках **мировой деревни** и (2) **избранная гражданами** на определенный срок и потому ограниченная в рамках **мирового города**¹. Бывают переходные формы, смесь одного типа с другим, что наиболее часто встречается в латиноамериканских и исламских странах, хотя и не только там.

Соответственно по-разному выглядит и практика медиации. В странах с государствами первого типа господствует **принуждение**, а то и **насилие**, что, в частности, было характерно для России, как самодержавной, так и тем более советской. В либерально-демократических — **поиск компромисса и консенсуса**. Это непререкаемая норма, сомнения могут быть лишь там, где идет, пусть долго, быть может и веками, переход от первого ко второму (иногда случается и движение в обратном направлении, вспомните послевоенную Восточную Европу). Если принять эту теоретическую позицию за основу, что обычно в науке и происходит, то оказывается, что генеральная функция носителя власти там, где она ограничена правовой нормой, да и в неустоявшихся сообществах переходного характера, — это именно медиация.

Задача постоянно действующей медиации, в отличие от лихорадочного балансирования с помощью ручного управления, в том, чтобы должная стабильность страны достигалась за счет раз и навсегда установленного консенсуса, а также компромисса в тех случаях, когда по какой-либо причине консенсуса нет. Консенсус, естественно, соз-

---

¹ Мной эта проблема детально рассмотрена в 27-й главе четвертого тома серии: *Васильев Л. С. Всеобщая история. Новое время (XIX век)*. М., 2010. С. 582 и след.; М., 2012, с. 588.

дается не сразу, но должен быть усвоен населением с младенчества, в результате естественной социализации. Воплощен он — речь, оговорюсь, не о жестких религиозных сообществах типа исламского — в том случае, который имеется в виду, в антично-буржуазной либерально-демократической традиции, а реализуется автоматически, хотя иногда, особенно на первых порах, в результате принуждения, а то и насилия. Компромисс достигается с учетом этого всеобщего консенсуса.

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Как обстояло дело с этим в нашей стране на рубеже 2011–2012 годов, когда вся она, взбудораженная выкрутасами политических верхов, оказалась вновь готовой выйти на улицу и выяснять там отношения с носителями власти? Не пытаюсь влиться в мощный поток тех, кто сетует на беззаконие и вливается в ряды требующих естественной сатисфакции, следует поставить проблему иначе. Да, в стране все не так, как должно было бы быть. И не очень ясно, приживется ли демократия — подлинная антично-буржуазная западная, а не какая-нибудь имитационная, — вообще. Несмотря на происходящие в стране многотысячные митинги, которые, похоже, могут заставить власть идти на некоторые уступки, ситуация пока не в состоянии быстро и решительно измениться, чего хотели бы многие.

Разумеется, если бы речь шла о революционном взрыве, можно было бы рассуждать иначе. Но пока условий для этого нет и они вроде бы не предвидятся. Вся сложность, однако, в том, что в нашей стране с ее чудовищно затянувшимся переходом от власти одного типа к другому нет и пока не намечается консенсуса. Более того, с начала нового тысячелетия этот робко намечавшийся консенсус (ориентация общества на рынок с частной собственностью и либеральной демократией) встретил столь радикальное и многостороннее сопротивление, что пришедшие к власти восприняли бурный протест как сигнал к отступлению. Смысл другой политики, взятой ими на вооружение, — всеми силами сохранять тот самый хрупкий баланс, *и нашим, и вашим*, с помощью которого они рассчитывали не только укрепиться, но и получить возможность сказочно обогатиться в условиях коррумпированного, презирающего право, закон и суд мафиозно-бандитского неокапитализма. И благодаря нефтедолларам многим из них с необычайной легкостью удалось это именно потому, что **антизападное большинство страны** с его стойким не-

приятием новаций, связанных с буржуазным рынком и либеральной демократией, молчаливо, а порой и вполне ощутимо предпочло привычные продажность, воровство, беззаконие, ложь и произвол существующей власти привычно осуждаемому им Западу.

И это данность, с которой нельзя не считаться. Поэтому политика баланса, вынужденно благосклонная по отношению к антизападному большинству, активно подкреплялась соответствующей практикой строго контролируемой телеинформации. В итоге население, нуждающееся в противоположном акценте в сфере телеинформации, которая вполне бы могла способствовать постепенной перемене в привычной его большинству антизападной ориентации, продолжает быть трагически расколотым. Мало того, оно все больше возмущается лживо и карикатурно представленной в массмедиа и особенно на телеэкранах политикой Запада и ее реальным воплощением (США и НАТО), так что умело форсируемый властью раскол не дает пока никакой надежды на успех спасительной для России вестернизации.

Стало быть, если мыслить с учетом реальности, главной задачей всех митингующих и протестующих в наши дни вместо призывов к быстрому крушению с трудом балансирующей власти с риском породить в стране с большинством, не принимающим вестернизацию, состояние хаоса нужно нечто иное. Этим иным должно стать стремление преодолеть раскол, т.е. продолжить политику 90-х гг., когда телевидение в меру сил воспитывало население в духе вестернизации, а не натравливало его на врага в лице всего западного и прежде всего США. Это единственный серьезный выход в поисках решения проблем России. **А путь к нему, помимо уступок со стороны нынешней власти и нажима либерально-демократического меньшинства на эту власть, — в поиске консенсуса, даже, если говорить жестче, в принуждении к нему.**

Но что это такое для нас сегодня? Сформулирую в самой приближенной форме. Все, пожалуй, в наши дни согласятся с тем, что не население и подданные существуют для государства, а оно в лице демократически избранного президента и переизбираемой администрации служит интересам населения. Население, принимающее участие в честных выборах, свободно голосующее за ту либо другую партию, допуск каждой из которых к выборам должен определять строгий закон, а не мнение той же власти, вправе определять, кто допущен к управлению страной. Оно вправе решать и пересматривать свое решение. По этой простой причине оно уже становится не населением, не подданными, а **гражданами**. Должно существовать раз-

деление властей (законодательная, исполнительная, судебная), а для независимого и подчиненного закону суда все обязаны быть равны и равно подсудны за любое их преступление и правонарушение. Интересы граждан должны охраняться, всем позитивным начинаниям (позитивно то, что не запрещено законом) государство на всех уровнях обязано оказывать содействие безо всяких ограничений, незаконных поборов и вымогательств. Это примерно тот минимум прав и обязанностей, по отношению к которым в обществе складывается и на базовой основе которого действует консенсус.

Есть и другой очень важный аспект проблемы. В России нет пока еще ни сложившегося гражданского общества, ни осознавшего свой статус численно заметного и влиятельного среднего класса. Для общества с либеральной демократией то и другое необходимо. А для возникновения их нужны осознанная политика власти, направленная на воспитание общества граждан и на создание осознающего свою значимость среднего класса, а также время, и, к сожалению, немалое. Быстро на достижение всего этого рассчитывать не приходится. Разумеется, при благоприятном раскладе и удачном стечении обстоятельств ситуация может резко измениться к лучшему гораздо быстрее. Наше время доказывает это. С аналогичной задачей в сходной ситуации не раз сталкивались многие, мы не первые. По-своему решали ее, о чем уже упоминалось, Ли Куан Ю в Сингапуре, А. Пиночет в Чили, Дэн в маоистском Китае, М. Саакашвили в Грузии.

Однако для этого стране нужно по меньшей мере если и не полностью то, что чуть выше было сформулировано как оптимальный консенсус, то по крайней мере существенные шаги в этом направлении. Нужно сочувствие большинства. Когда Дэн осуществлял свои реформы после Мао, он был уверен, и не зря, что весь народ его поддержит. Ли в Сингапуре такой уверенности, насколько можно судить, не имел, он вынужден был заставлять немногочисленное население в его же интересах подчиниться своей воле — и на протяжении нескольких недолгих десятилетий добился чуда. Легче успех достался Саакашвили. А вот Пиночету не повезло. Он в сложившейся в стране обстановке мог только прибегнуть к насилию, что и сделал, но зато нужные реформы довел до конца. В итоге неблагодарное Чили уже без Пиночета процветает, а тот, кто сделал это, не в чести, во всяком случае пока.

Пример других заставляет задуматься. Поймут ли те, кто будет во главе России, в чем спасение страны? Трудно сказать, обстоятельства могут сложиться по-разному, не следует сбрасывать со счетов и случайности. Но совершенно ясно, что нужен примирительный консен-

сус в самом главном и основном, без этого ничего не получится. А есть ли у нас основания на него рассчитывать? Не берусь утверждать, но на легкое решение проблемы рассчитывать не приходится. Конечно, все может быть, особенно если осознать, что принуждение к вестернизации в наше время нечто вроде горького лекарства от болезни. Руководство для того и руководит, чтобы понимать и учитывать все сложности, но не дергаться под их влиянием в разные стороны. Пора понять, что Россия должна быть готова идти вперед вместе с Западом, а не с теми примитивно мыслящими (агрессивно-послушное большинство по меткому определению Ю. Н. Афанасьева) и соответственно настроенными, кто его не приемлет и ненавидит.

Это важно, очень важно. Ведь серьезная опасность, нависшая над миром, о чем еще пойдет речь, отнюдь не придумана. Она порождена той глобальностью мировых процессов, которая стала нормой с XIX в., достигла апогея в XX столетии с его двумя мировыми и холодной войной и не ушла на задний план после этого. И давно пора России, если она с ее ресурсами и ее населением стремится остаться на политической карте мира, это осознать и принять необходимые меры не столько по отношению к ресурсам, сколько к населению, заслуживающему уважения и процветания на основе западных стандартов. Похоже, что руководство страны все-таки подходит к этому. Страшно, если это впечатление окажется обманчивым. Россия еще может измениться. Шансов на это не очень много. Но они все же есть.

И последнее. Следует очень четко представлять себе, что речь ни в коем разе не идет и не может идти о восстановлении имперского могущества России. Это в прошлом и никогда более не вернется. Россия, измороженная марксистско-коммунистическим экспериментом, не силах восстановиться. Более того, она понемногу теряет последние силы. Ее великая культура XIX и начала XX столетий — лучшее, что от нее осталось и что некогда потрясло мир, — навсегда будет главным и практически неоценимым ее вкладом в тезаурус человечества. Но на большее рассчитывать, увы, не приходится. Способные покидают нашу страну, где нет современных условий для достойного существования. На смену им приходят мигранты, причем прежде всего из числа самых отсталых и бедных (прочие из стран Востока, особенно образованные, стараются устроиться на Западе). Поэтому проблема будущего для несчастливого отечества нашего иная, *не до жиру, быть бы живу*. И вот ради этого, ради хотя бы будущих поколений, стоит, не опуская руки, постараться. Постараться, дабы спасти то, что еще можно спасти.

Мир после дискредитации марксизма

Последние четверть века мир просуществовал под знаком нескольких новаций колоссальной важности, каждая из которых очень сильно повлияла на привычную жизнь тех ныне семи уже миллиардов обитателей планеты, число которых, как упоминалось, продолжает неудержимо расти. Одна из них — мощный рывок техники и технологии, который за невероятно краткий исторический срок сделал если и не каждого, то почти каждого обладателем своего мобильного и еще очень многих — компьютера, ноутбука, планшета с безграничными возможностями интернета. Эти вроде бы элементарные и ныне практически каждому, за редкими исключениями, известные и многим вполне доступные электронные приборы поставили точку на великом процессе всемирной глобализации, грозя сжать планетарное пространство и время в нечто виртуальное, но вполне реально и ощутимо единое для всех. Имеются в виду ныне живущие и идущие им на смену во все возрастающем количестве завтрашние очень уже многие миллиарды обитателей и без того весьма перенаселенной Земли. И от этого буйства электроники на глазах делается шаг к нанотехнологии и нанобиотехнологии, которые, как можно предполагать, еще более изменят мир.

Едва ли есть смысл запугивать людей вытеснением их роботами, да и нет серьезных оснований верить в то, что разум человека, создающего их, когда-либо уступит сверхразуму электронного изделия. Но нет сомнений, что мир в научно-технологическом плане меняется, причем быстро и в ускоряющемся темпе. В последней части тома еще пойдет речь об этой важной проблеме завтрашнего дня. А пока необходимо сказать, что взрыв таких электронных возможностей человека, похоже, совсем не случайно совпал с другой очень важной новацией, которой уже было уделено немало внимания. Речь о крушении тоталитарных режимов левого толка, маоистского КНР и

СССР, включая все шедшие за ними страны и, естественно, соответствующие им тенденции. Видимо, всему свое время, но порой такие времена значимо совпадают. В эпоху господства всемирной электронной сети нет и не может быть места колючей проволоке. И мир это не просто понял и прочувствовал, но весьма решительно принял к сведению, взял за основу. Однако и это еще далеко не все.

Тоталитарные режимы за редким исключением вроде КНДР и Кубы ушли в небытие. Но на смену им, о чем упоминалось, пришло новое силовое поле напряжения, представленное неототалитаризмом и террором исламистского толка, причем не режимом, даже не отдельно взятой страной, хотя бы и небольшой, но фанатиками крайнего экстремистско-фундаменталистского исламизма, той модификации современного ислама, которая грозит повести за собой многие миллионы, а то и миллиарды мусульман завтрашнего дня. Это поле, как может показаться, потому и для того только и возникло, чтобы люди не утонули в состоянии эйфории и не представляли себе, подобно Ф. Фукуяме, что наступил некий конец истории. Но, памятуя, как господин Фукуяма в посольстве США в Москве несколько лет назад оправдывался за невольную свою поспешность в такого рода суждениях, стоит исходить из того, что до конца истории человечества могут еще произойти разные, в том числе и, вполне вероятно, катастрофические события.

Не думаю, что исчерпал все заметные существенные новации рубежа веков (не говорил пока, в частности, о конфликте между Природой и Человеком, не напомнил о возрастании количества бедных и обездоленных, рождающихся в самых нищих регионах планеты, — обо всем этом еще будет идти речь), но о важнейшем уже сказал. Именно оно резче всего определило нынешнюю расстановку сил в мировой политике. Ту, что пришла в конце XX столетия на смену холодной войне. А начать более подробное изложение всех связанных с этим событий нужно с того, чтобы четко определить, как реагировал Запад на происходившее в мире в последние четверть века. И здесь сразу же стоит заметить, что трансформация маоистского Китая не слишком взволновала его. Можно просто смело сказать, что тогда, на рубеже 70–80-х гг., никто еще и подумать не мог, во что превратится эта страна за столь короткий срок. Но тогда это, повторю, не было сенсацией. Чего-то такого ждали.

А вот крушение СССР и развал коммунистического блока всех в мире потрясли. Человечество оценило это очень высоко, восприняв как бесценный подарок, положивший конец холодной войне. Мир с

облегчением вздохнул. Люди не везде сразу, но поняли, что прежнему тоталитаризму пришел конец, что путь экстремизма-коммунизма столь же несостоятелен, а потому обречен на гибель, как и тоталитарные режимы фашистского толка, расцветшие было в мрачный промежуток между мировыми войнами и частично сохранявшиеся даже после этого. Конечно, тоталитаризм, учитывая попытки его оживить в форме терроризма исламистов-шахидов, пока еще рано было сбрасывать со счетов. Но главное было уже в том, что мир в целом стал пока что в связи с этим более свободным.

Правда, пока нельзя сказать, что страны с обществами смешанного типа не будут более с завидной легкостью пойманы на архаично-агрессивную псевдорелигиозно-коммунистическую удочку, будто специально созданную Природой для безудержно растущего отставшего в развитии обездоленного большинства современного человечества. Нет никакой уверенности в том, что это большинство в меру сил станет двигаться вперед с целью перехода в общества западного типа. Да и в том, что другая очень большая их группа — мир ислама — не склонится в сторону исламистов-шахидов с курсом на восстановление раннесредневекового халифата и режима времен пророка. Все это именно так, но пока все-таки обратим внимание на то, что мир не просто стал свободным от мрачной угрозы коммунистического насилия. Он, что крайне важно, вздохнул, пусть ненадолго, но с явным облегчением и, как то началось еще в XIX столетии, частично и на некоторое время, но все же обратился лицом к передовому либерально-демократическому Западу.

Практически это нашло свое проявление в том, что огромное количество стран и народов, лишившись опоры на мировой коммунизм, изменили свой путь. В результате количество обществ западного типа или тех, кто готов двигаться в сторону Запада, начало понемногу расти, что и следует считать наиболее серьезным геополитическим сдвигом в рамках всей планеты. Но этот гигантский по объему сдвиг отнюдь не решил проблемы человечества. Скорей повернул глобализованный до предела мир лицом к этим проблемам, о которых специально пойдет еще речь в последней части тома. Однако в большинстве своем это уже несколько новые проблемы, хотя частично они остаются связанными с прежними, включая угрозу со стороны радикальных исламистов, которые все более умело используют достижения быстро мчащейся науки и техники, самой совершенной нанотехнологии, что может реально помочь им в их кровавой практике массового терроризма.

Обратимся теперь к описанию и к анализу конкретных событий в разных регионах мира в последние четверть века. Читатель из знакомства с этими событиями легко заметит, что очень существенные перемены действительно идут, причем во все ускоряющемся темпе, хотя и далеко не одинаково и тем более не равноценно. Каждый из регионов, о которых далее пойдет речь, имеет свою специфику, религиозно-цивилизационные системы ценностей и сформулированные ими ментальные традиции. Но, принимая во внимание все это, нужно разумно оценивать существенные различия между странами, как уже ставшими обществами западного типа, подошедшими вплотную к этому стандарту или идущими к нему, так и отвергающими этот стандарт или оказывающимися не в состоянии за ним угнаться. Будем держать в голове, что мир XXI века при всех его прежних и возникших заново сложностях уже не тот, каким он был еще совсем недавно, в конце XX столетия.

А главное отличие в том, что тот мир в едва ли не большей, даже много большей своей части, включая и немалое количество оставших в развитии среди населения стран, вроде бы готовых частично вестернизоваться, все чаще и активной отторгает Запад. Это легко заметить и именно это стоит прежде всего всерьез держать в голове и учитывать. Это то самое новое, что наиболее важно с точки зрения перспектив скорого уже будущего.

Глава двадцать четвертая. ВАЖНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В МИРЕ

Мир в целом на рубеже веков и тысячелетий продолжал жить своей жизнью. Воздействие на него всего того, что осталось от интенсивной холодной войны, было минимальным. Но афганская авантюра, открывшая ящик Пандоры, не могла оставить вовсе равнодушным мир развитого Запада, и прежде всего США, которые противостояли коммунистическому блоку. К тому же ящик открылся не сразу; он начал раскрываться еще тогда, когда руководители СССР наивно полагали, что сумеют чего-то добиться в афганской войне. Мир тогда был в состоянии крайней настороженности. На серьезное вмешательство США тогда не пошли, что не исключало интереса их к афганским делам и даже осуждения Советского Союза (*империя зла*). В конце XX в. на этом проблема почти была закрыта, особенно после вывода советских войск в 1989 г. Однако ненадолго. Крушение

СССР и перемены в Восточной Европе, не говоря уже о республиках бывшего Советского Союза, вызвали столь сильные и разнообразные следствия, что афганские дела на этом фоне быстро ушли на задний план. На смену им пришли глобальные и многосторонние геополитические перемены, которыми ознаменовались исчезновение коммунистического блока и конец холодной войны.

На карте мира появилось 14 независимых государств. Была разрушена злосчастная стена в Берлине, и произошло воссоединение Германии. Все эти неопределимой важности сдвиги привели к тому, что от былой угрожавшей Западу военной мощи СССР остались только быстро устаревавшие бомбы и ракеты. Мир в связи с этим не только успокоился, но и заметно изменился. Однако радикальные перемены на этом не завершились, они начинались. Перемен оказалось много, и далеко не все они уложились в уходящий в прошлое век. Тем не менее в конце XX века и тем более в начале нового они достаточно строго обозначились, определив последующий ход событий. Планета стала другой. Если еще совсем недавно она членилась на два враждебных блока и третий мир развивающихся стран, то на рубеже 80–90-х гг. все это старательно воздвигавшееся строение рухнуло в одночасье.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Альянсы перестали существовать, исчез третий мир. Тенденция уже не к расколу, а к единению привела к тому, что сложилась иная конфигурация влиятельных держав и их союзов. Если поставить вопрос, кто от этого выгадал, а кто и насколько прогадал, то ответ будет достаточно сложным. Безусловно, в новом мире основной силой стали страны либерально-демократического Запада. Но Запад сам, о чем уже шла речь, стал другим. Его позиции, включая такие страны, как Япония или Корея, отчасти и некоторые другие из числа юговостоазиатских, давно уже двигавшихся в сторону обществ западного типа, усилились за счет присоединения многих новых государств. Во-первых, это страны Восточной Европы и Прибалтики. Во-вторых, немалое количество тех, кто до того числился в несколько аморфной группе развивающихся.

Исчезновение третьего мира оказалось практически незаметным по той простой причине, что этот мир никогда не был единым и организационно оформленным. Это был скорее символ, обозначенный рамками, которые отгораживали его от основных блоков.

Исчезли блоки, не стало и этих рамок, но сами страны никуда не делись. Напротив, увеличилась роль некоторых из них, часть которых вполне очевидно взяла курс на движение в сторону рыночно-частнособственнической экономики. А эта экономика с тенденцией не столько к объединению, сколько к облегчению глобальных транзакций в обновленном мире, диктовала свои условия. Она, в частности, притягивала к доминирующему в мире Западу те огромные страны, которые долго стояли в стороне от него.

Прежде всего, перемены в мире, а в еще неизмеримо большей степени внутренние сдвиги в **Китае** привели к тому, что именно эта формально еще коммунистическая страна начала быстрыми темпами выходить на авансцену истории. Крах социалистического эксперимента в СССР и КНР привел к тому, что некоторое время со вниманием смотревшая с почтением на идеи социализма **Индия** окончательно утратила к ним интерес и встала на путь интенсивного рыночно-частнособственнического хозяйства, что быстро и резко изменило ее статус в современном мире. Произошли очень заметные сдвиги в Латинской Америке, результатом чего стало признание огромной роли в процессе развития и перехода в общество западного типа крупнейшей из стран региона, **Бразилии**¹. Неумолимая сила глобализации толкает упомянутые большие страны, как и множество других, к более тесному и повседневному общению в рамках становящейся все более скромной на этом мощном фоне нашей небольшой планеты. И это очень важное новое, что проявилось после краха СССР. Что касается остальных стран, то некоторые из них, которые и прежде ориентировались на Запад, успешно продолжают свой путь, хотя и не играют первостепенной роли. Другие, особенно из числа развивающихся, энергично перестраиваются, меняя ранее избранный и оказавшийся тупиковым путь. Но немало и прочих, особенно из числа исламских и африканских, что находятся в состоянии крайне замедленного развития, а то и вовсе безнадежного застоя. Это вынуждает их рассчитывать на постоянную помощь извне.

---

¹ **Россию** порой ставят сегодня рядом с этими тремя, используя аббревиатуру БРИК. Трудно сказать, стоит ли этим гордиться. Но существенно заметить, что по многим показателям Россия не в состоянии претендовать не только на первенство, но даже и на участие и в этой группе стран. Ведь, в отличие от трех других, она по характеру ее идейно-институционального фундамента не движется в сторону сближения со стандартом общества западного типа. А сырьевой характер ее экономики не сравним с экономическим спуртом трех других.

В целом положение дел в мире радикально изменилось. Но, хотя угроза коммунистического тоталитаризма ушла в историю, это вовсе не означает, что она не имеет шансов в подходящих условиях возродиться и что ничто не пришло и не придет ей на смену или не станет рядом с ней. Напротив, выход на авансцену истории радикального исламистского фундаментализма спутал все карты. Нельзя сказать, чтобы мир и прежде всего Запад не видели этой опасности или не воспринимали ее достаточно серьезно. Проблема, однако, в том, что исламский фундаментализм возник не из точно фиксированного центра и не в качестве единого и сплоченного движения. Он был своего рода реакцией радикальных групп мусульман во всех уголках мира на все то, что происходило во второй половине XX века, в том числе и на извивы холодной войны. Искусно используя острое противоборство чуждых исламу блоков, идеологи фундаментализма хотя и медленно, но целеустремленно делали свое дело. Беря за основу недовольство быстро увеличивавшейся численно и в основе своей не блещущей уровнем развития мусульманской уммы (ныне это примерно миллиард с четвертью, если не больше), подавляющая масса которой являет собой неустроенных бедняков из трущоб, они использовали любую возможность для того, чтобы на проповедях в мечетях ориентировать правоверных. Им внушалось, причем чем дальше, тем в большем масштабе, представление о том, что современный мир не отвечает заповедям пророка и нормам Корана или шариата, что является высшей ценностью мусульман.

Ислам как религия и как образ жизни отличается от других склонностью к фанатичной вере и нетерпимостью ко всем, кто не является правоверным. Ему присуща ненависть к тем, кто не придерживается мусульманской этики и, в частности, разрешает женщинам выходить на улицу, не прикрыв голову, а то и лицо. И это не мелочи, это жесткая норма, нарушение которой чревато суровыми наказаниями. А вот страны Запада с их реальным безбожием и нравственной распушенностью все это позволяют. Мало того, они с их коммунистическими идеями или капиталистической реальностью нарушают и многие другие заповеди раинесредневекового ислама, сущность которого в представлении современных исламистов — а это наиболее ревностные и активные из мусульман, а не какая-нибудь четко оформленная оппозиция — сводится к тоталитарному по принципам его существования режиму.

Оставив пока в стороне вопрос об исламском фундаментализме, как и о том, насколько повлияло на политику Запада то, что прои-

зошло с Россией после краха СССР, зафиксируем, что по многим причинам весьма недолгое состояние эйфории в современном мире быстро улетучилось. И дело не в том, что с трудно развивавшейся с 90-х гг. Россией далеко не все было ясно. Не только в том, что мусульманский фундаментализм, грубо и бездумно развороченный СССР в годы афганской войны, превратился, что намного существенней всех проблем России, в костер разгорающейся религиозной ненависти ко всему Западу огромной массы человечества, в основном самой бедной, отсталой и быстрее всего воспроизводящейся. Важнее то, что Запад стал, учитывая сложившуюся ситуацию, более энергично содействовать давно уже начатому процессу интеграции.

Это следует расценить как закономерный и естественный ответ заведомо уменьшающегося в доле планетарного населения передовой и наиболее активно и продуктивно мыслящей части современного человечества. Хотя упомянутая передовая часть человечества не сразу и не очень-то осмыслила сложившуюся в этом отношении ситуацию, ясно, что ситуация, о которой речь, эволюционировала, причем очень быстро, отнюдь не в ее пользу. Зона активного и результативного движения человечества вперед сокращалась, как шагрeneвая кожа. И это не могло оставлять мировых лидеров и с ними весь современный Запад равнодушными. Они и не были равнодушными.

После нескольких общеевропейских совещаний и принятых в начале 90-х документов были заложены основы для того, чтобы наряду с Советом Европы с его парламентской ассамблеей, ПАСЕ¹, усилила свою работу на значительно расширенной основе ОБСЕ, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (это ее наименование с 1995 г.). Проблема всеобъемлющей безопасности Европы в самом широком смысле этого слова привела к тому, что в результате ряда новых совещаний и договоренностей в организацию в последующие годы вошло около 60 членов, включая страны СНГ во главе с Россией. К ним можно добавить дюжину *партнеров*, от Алжира и Израиля до Афганистана, Японии и Австралии. Целью ОБСЕ были обозначены предотвращение конфликтов, урегулирование кризисов и ликвидация их последствий. Для всестороннего обеспечения безопасности

---

¹ Едва ли не главная функция ПАСЕ (в 2012 г. глава ее — представитель Франции) — выборы генерального секретаря Совета Европы, а также судей Европейского суда по правам человека. В январе 2012 г. большинство членов ПАСЕ, собравшихся на очередное заседание, обратилось к президенту Украины с просьбой позаботиться об освобождении Ю. Тимошенко.

были выделены три группы функций: военно-политические проблемы; экономико-экологические; права и свободы человека. Имелось в виду, в частности, реальное стремление к обеспечению безопасности от различных новых угроз, от экстремизма и терроризма до борьбы с наркотиками, а также решение демографических и экологических проблем. Штаб-квартира — Вена, председательствует в 2012 г. представитель Ирландии.

Столь важное и заметное расширение процесса интеграции, выходящее за пределы собственно Европы, не исчерпывает новации в этом направлении. Помимо Совета Европы с ПАСЕ, а также и ОБСЕ, решением Маастрихтского договора от 1992 г. с ноября 1993-го (немалое время заняла ратификация договора его 27 участниками) стал функционировать Евросоюз, ЕС, более тесная и сплоченная организация стран Европы, весьма строго ограниченная географическими и политическими рамками и не включившая в себя Россию с ее азиатскими просторами. Цель союза — движение к единству, что долго встречало препятствия и наталкивалось на сложности. В условиях, которые требовали добровольного, иногда и всеобщего одобрения населения стран-членов, такая реакция была естественной. Нужно было терпеть, но не идти не только на принуждение, даже на давление.

Смысл Евросоюза в сплочении вступивших в него стран, символом чего стали шенгенская виза, т.е. право граждан всех стран свободно пересекать границы ЕС, и общая валюта евро, вступившая в силу с 2002 г. Основой ЕС стали общность финансово-экономических проблем (с ограничением размера инфляции, внутреннего долга и дефицита госбюджета каждой из стран), единая внешняя политика и тесное сотрудничество во внутренних делах и правосудии.

Важнейшей и обязательной для всех основой остались генеральные стандарты общества западного типа, которые продолжали прикрываться мощным оборонительным щитом военного союза НАТО. С этим в принципе никто не спорил. Напротив, все, кто стремился в объединенную Европу, хорошо понимали важность НАТО, куда кроме европейских стран, включая Турцию, входили США и Канада. Больше того, в 1997 г. было достигнуто соглашение о сотрудничестве и безопасности между НАТО и Россией, что теоретически должно было снять опасение, что НАТО преследует цель противостоять России. Во времена Ельцина, к слову, это казалось вполне естественным, хотя в первом десятилетии нового века раздраженные тирады в адрес НАТО стали слышаться в России достаточно часто. Впрочем, в том же 1997 году было подписано и соглашение о сотрудничестве

и торговле между Россией и ЕС. Вообще тогда, на исходе века, могло показаться, что Россия, став как раз в это время восьмым членом бывшей *большой семерки* ведущих стран мира, почти вписалась в западный мир.

В тот момент это соответствовало ее внутренней политике, реформам и радикальным преобразованиям, превращавшим нашу страну в государство западного типа. Позже, как говорилось, реформы были свернуты, кое-что обращено назад, а структура России стала напоминать власть-собственность с абсолютным приоритетом бесконтрольной власти. Это многое объясняет в нынешней противоречивой, а то и непредсказуемой политике руководства России по отношению к Западу, НАТО и единой Европе. Конечно, претензии руководства России всерьез в западном мире не воспринимаются, что вполне соответствует ее месту в мировом сообществе начала XXI века. Но скверный осадок от стремления повернуть нашу страну назад, в недавнее прошлое, от этого не исчезает.

Особенно все становится заметным после того, как в разных местах мира возникают политические конфликты. Создается впечатление, что взятый на себя США нелегкий труд гасить эти конфликты, будь то столкновения в Югославии в начале 90-х, проблема Косово в конце 90-х в распадавшейся той же стране, режим С. Хусейна в Ираке или ситуация в Судане, вызывает раздражение у российской политической элиты. Да и оживление фанатиков-талибов и новая война в Афганистане, равно как и превращение этой страны в центр мировой торговли наркотиками и исламистского терроризма, не вызвали в России должного понимания. Больше того, в пику Западу и желая показать свою политическую независимость, новая власть в России с начала первого десятилетия века стала демонстративно сближаться со странами-изгоями и теми террористическими организациями, которые настроены против Запада.

Правда, впечатление несколько сглаживается, когда учиываешь, что между США и Россией идут плодотворные контакты, направленные на достижение договоренности о разоружении. Эти переговоры важны, причем более для России, чем для США (там сенат приходится уговаривать ратифицировать соответствующий договор). Вообще же ситуация складывается таким образом, что забота о предотвращении возникновения новых центров угрозы миру практически переложена на плечи США, тогда как Россию — с ней часто солидаризируется Китай — это вроде бы почти не заботит, что особенно заметно в связи с ситуацией в Иране, явно готовом, вопреки уверениям, стать

ядерной державой. Много споров и возражений вызывало до недавнего времени стремление США защитить Запад от удара со стороны Ирана. Это воспринималось в России как потенциальная для нее угроза. Словом, переговоры с Россией, как и сотрудничество с ней в связи с афганскими делами, тем более с волной массовых протестных движений в арабских странах в 2010–2012 гг., нередко все еще используются для того, чтобы дать понять Западу, что сегодняшняя Россия не является его частью. Остается, правда, неясным, с кем же хочет быть рядом руководство современной России. И на что — на кого — оно предполагает опираться в соревновании с динамично развивающимся Западом (о противостоянии речь, естественно, уже не идет). Здесь логично перейти к обстоятельному обзору и оценке современной мировой экономики, не игнорируя и кризис 2008 и ряда последующих годов, вплоть до нынешнего 2012-го.

НОВАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ В ЭКОНОМИКЕ

О взрыве в сфере электронной технологии и о результатах его, зримо ощущаемых во всем мире, вплоть до Тропической Африки, нет нужды снова говорить. Они всем очевидны, хотя многие при этом со скорбью вспоминают, сколь мала сегодня роль в этих новациях России, которая еще сравнительно недавно была пионером в космических проектах. Вообще же все перемены политического характера, сводящиеся прежде всего к расширению сферы общезначимых забот о поддержании миропорядка на всей планете (задача, которую пока что еще почти целиком, во всяком случае в первую очередь и главным образом, берут на себя США), перекликаются с аналогичными проблемами и процессами в сфере мировой экономики. Сходство и близость проблематики — речь о бесспорном приоритете США — связаны с тем, что геополитические перемены заметно повлияли на характер экономики во всем современном мире.

Правда, становление постиндустриальной экономики напрямую с крахом СССР и концом холодной войны связано не было, но любому ясно, что связь, пусть не совсем прямая, была. Она проявлялась хотя бы в том, что система хозяйства в коммунистических странах заходила в явный тупик, тогда как экономика передового свободного мира и по меньшей мере отчасти всех связанных с ним других стран развивалась, а кое-где и процветала. А вот объясняется это предельно просто. Новации в технике и технологии, которые появлялись и в

СССР, но наглухо тогда запрятывались в секретные папки советских НИИ, в остальном мире всегда работали преимущественно на благо людей. В отличие от наших секретных НИИ в свободном западном мире новации становились всеобщим достоянием и начинали энергично использоваться, пусть даже не все и не сразу, во благо экономического и любого другого процветания.

Несколько слов о самих этих новациях. Их было много и они оказались исключительно важными. В этом смысле рубеж XX–XXI вв. смело можно считать триумфальным шествием высокой техники, хай-тек (hi-tech). А ведущей силой в этом деле были основные и самые передовые страны Запада, т.е. США, наиболее развитые государства Европы, ну еще и Япония с Кореей. Следом, порой буквально по пятам, шли и некоторые из тех, кто в процессе перехода от смешанного общества к обществу западного типа уже почти достиг необходимого уровня. Во всяком случае, оказался готов подхватить эстафету и включиться в производство новейшей продукции, что касается упоминавшихся уже Китая, Индии и еще сравнительно немногих стран с быстро и успешно развивающейся техникой, технологией и экономикой.

Это было не слишком сложно потому, что для изготовления новой продукции в постиндустриальном мире передовых в этом отношении стран требовались не комбинаты и нефтесобывающие агрегаты с трубами. Нужны были напряжение ума и создание принципиально новой творчески осмысленной и грамотно изложенной информации при работе с такими давно уже распространявшимися в сотнях миллионов экземпляров технологическими новинками, как упоминавшиеся уже компьютеры. Вот с этого, собственно, все и начиналось. Когда приходится делать обзор и анализ исторического процесса в целом, становится особенно заметным, насколько сегодня ускорился этот процесс по мере успешной эволюции и интенсивного развития современной индустрии, тесно связанной с ней инфраструктуры и, главное, обеспечивающей ее технико-технологической модернизации.

Следует особенно подчеркнуть, что именно это последнее — хай-тек — в конечном счете обеспечивает потрясающее ускорение темпов уже даже не буржуазных, скорей постбуржуазных преобразований. Дело в том, что не только античные протобуржуа и средневековые предбуржуа, но и буржуа XIX–XX столетий ушли в прошлое. Больше того, уходят в прошлое и те пузатые капиталисты, которыми пугали наш народ в годы советской власти (*мистер Твистер, миллионер*). На смену им пришли менеджеры, финансовые воротилы, а также умные головы инженеров и гениальных изобретателей вроде Б. Гейтса.

И все это нередко в одном лице и, если идти дальше, в становящейся эталоном для всех системе индустриально-инфраструктурных преобразований в принципе. Имеется в виду, в частности, возникновение транснациональных корпораций (ТНК) с их филиалами, опутавшими ныне густой сетью всю планету (этот аспект глобализации, к слову, наиболее ненавистен антиглобалистам, о чем еще будет сказано). Все такие ТНК, как правило, не являются собственностью какого-то миллиардера. Разумеется, миллиардеры и миллионеры не исчезли. Их осталось много и еще больше появляется заново. Но важно, что это уже не столько хозяева предприятий, привыкшие не считаться со своими наемными работниками, как то обычно представлялось в советской пропаганде, а собственники пакетов акций и директора компаний. И хотя их роль в управлении экономикой по-прежнему огромна и, скажем прямо, благотворна (а если не так — компания разорвется), важно, что решают основные проблемы все-таки не они, не только они. Их решают умные специалисты и опытные менеджеры, поднимающиеся наверх в тех же компаниях благодаря таланту, знаниям, опыту, деловой хватке и прочим способностям, которые зависят от самого человека, от каждого из нас. И тот же Гейтс совсем недавно начинал с какой-то мастерской где-то чуть ли не в гараже.

А работники компаний работают, как правило, добросовестно и интенсивно, весьма производительно, за что получают достаточно высокую заработную плату. Для того, чтобы снизить издержки, ТНК переводят свои предприятия в быстро развивающиеся страны вне Запада с их сравнительно дешевыми рабочими руками. Но не стоит думать, что этот элементарный расчет приводит к усилению эксплуатации несчастных поотставших. Совсем напротив, это великое для них благо, ибо наличие хай-тек дает возможности местному производству расти, как на дрожжах, всем труженикам получать рабочие места и обретать специальность, учиться зарабатывать деньги. И все это в конечном счете способствует и развитию этих стран, и процветанию корпораций. В начале нашего века количество таких корпораций уверенно перешагнуло за цифру 65 тысяч с близким к миллиону числом зарубежных филиалов.

Едва ли есть смысл считать, какую долю в мировом производстве, обмене и услугах они играют. Цифры разные и все время меняются. Но они более чем весомы, и, главное, важно иметь в виду тенденцию. А она вне сомнений. Планета стала слишком маленькой; современные средства сообщения — а это преимущественно авиалайнеры — и тем более средства всесторонней связи, которую надежно и недо-

рого обеспечивают мобильники, компьютеры и интернет, уплотнили расстояния до невероятного минимума. Лаборатории Америки обслуживаются программистами где-нибудь в Индии или в России. То, что придумали в США или в Германии, завтра же начинают производить в Китае или в Индии с их трудолюбивыми и аккуратными, но еще дешевыми рабочими руками. Выгодно и тем, и другим, хотя такое возможно еще далеко не повсюду. Нужны страны с высоким уровнем культуры труда, воспитанным многовековой цивилизацией типа китайской или индийской.

Все это возникло в современном мире и стало реальностью считанные десятилетия назад, как раз тогда, когда СССР шел к своему краху, но зато экономически развитый мир готовился вздохнуть свободно. А раз так, не приходится удивляться тому, что экономика стала транснациональной, планетарной, глобальной и что это резко ускорило процесс развития ряда отставших стран, которые стремятся быстрее развиваться и тем активно способствуют своей трансформации в общество западного типа. Важно также, что мировая экономика становится такой же взаимосвязанной и интегрированной, что и политические связи в различных регионах, более всего в Европе и в северной части Америки. Правда, менее всего это заметно в нашей стране с ее полуразвалившейся экономикой и страшной коррупцией, которая делает финансовый навес на выпускаемую в стране продукцию, как и на импорт, столь тяжелым, что преимущества современного западного посткапитализма у нас почти не ощущаются.

Иными словами, если лучшие умы бегут из России (утечка мозгов), то это не потому, что наше рыночно-частнособственническое хозяйство не лучше советско-социалистического. Все из-за того, что рыночной экономике наша новая власть, как то традиционно было на Востоке, ставит всевозможные препятствия или чрезмерно ее регулирует, занимаясь перераспределением всего, что можно, — та же редиистрибуция, зависящая от власти, — в своих интересах и целях. А на современном Западе все не так. Там к числу новаций, связанных с тем, о чем уже шла речь, относится выход на передний план сферы услуг, в которой уверенно лидируют информатика и реализующий ее корпус программистов, едва ли не самая престижная современная профессия из числа интеллектуальных и массовых. Мир ежедневно пользуется услугами гигантского количества таких специалистов и порой даже не подозревает этого, во всяком случае не обращает внимания на то, что эта новация коренным образом изменила стиль жизни прежде всего горожан, хотя и не только их.

В конце нулевых и начале десятых годов нашего века в мире бушевал серьезный финансово-экономический кризис. Он до сих пор не завершился и повлиял на многое, заставив сотрясаться преимущественно финансовую систему ряда стран, особенно сравнительно отстающих европейских. Но в общем не слишком поколебал сложившуюся систему и, к слову, те страны, где по-прежнему преобладает сельское население. В нашей стране более всего пострадали так называемые моногорода (нигде еще, насколько известно, их в таком внушительном количестве не было и нет). Кризис, быстро превращавшийся в мировой, лишней раз обратил внимание на то, что мир ныне един, как никогда. И то, что затронуло одну страну, тем более огромную, уже не оставит в безмятежном покое и остальные. Все связаны. И интересно, что господствует, пусть не всегда и не во всем, взаимопонимание.

Перераспределение в связи с кризисом имущества среди имущих, включая и ТНК, меняет их взаимные возможности и преимущества, но не ломает систему в целом. Если где эта система и ломается, требуя интенсивной модернизации, так это там, где инновациям не уделяли должного внимания, рассчитывая, к примеру, на сырьевые ресурсы (к их числу, к слову, относятся не только нефть и газ, но и лес, тем более пресная вода). Роль ресурсов в современном мире огромна, что и спасает многих отставших в вестернизации от краха. Однако существенно, что долговременный расчет на ресурсы — это психология временщиков. И столь немаловажное обстоятельство всегда необходимо учитывать. Важно учитывать еще и потому, что все во всем современном мире тесно взаимно связано. Экономические новации, как и финансовые проблемы, порожденные распространившейся практикой несколько обогатившегося населения жить в кредит, рожают не только выгоды, но и немалые потери.

СОЦИУМ, КРИЗИСЫ И ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ

Западный мир достиг и продолжает достигать, несмотря на все еще время от времени не оставляющие его удары кризиса, многого. Кризис подействовал, но нигде, насколько известно, не привел к катастрофам. Даже те страны, вроде Греции, Латвии, Ирландии или крохотной Исландии, а затем также Италии и Испании, где пока что ощутили его удары наиболее болезненно, все существуют пока

еще в рамках почти привычной нормы. Разве что большее ударяет безработица, отнюдь не полностью компенсируемая разнообразными пособиями. Конечно, всё не одинаково. Где чуть хуже обычного, иногда с трудностями и с бурными протестами, но в целом именно так. Если же брать остальной мир, то стоит заметить, что он вообще кризиса почти не заметил и в любом случае не слишком пострадал от его ударов. Разумеется, это не значит, что везде все хорошо. Но хорошо вообще в таких обстоятельствах не бывает, на то и кризис. А вот после него обычно бывает улучшение, подчас и кое-где очень заметное.

В целом же ситуация в мире остается примерно такой, что и была. Есть страны, сполна ощутившие кризис, но в силу их развития и благосостояния переносящие его удары сравнительно спокойно. Есть те, которые не слишком развиты и потому испытали те же удары более болезненно. Есть богатые нефтедолларами и потому существующие более или менее в норме. Немало таких, кто кризиса почти не заметил, и в их числе, похоже, гиганты вроде Китая. Однако все это не означает, что социальные взаимоотношения и связи в мире остаются безоблачными и ничуть не изменились. Тем не менее важно оговориться, что эти перемены отнюдь не результат кризиса, хотя он, быть может, и оказал на них некоторое воздействие. Перемены, которые имеются в виду, назревали десятилетиями, а в кризисные годы лишь несколько обострились либо видоизменились. Это следует принять к сведению как достаточно явный факт, чтобы не создалось впечатление, что мир в годы финансово-экономического кризиса чуть ли не рухнул или оказался готовым рухнуть, как то с удовлетворением восприняли бы уже упоминавшиеся антиглобалисты. На самом деле в развитых странах — а именно их, как упоминалось, кризис затронул прежде и более всего — социальная политика настолько преуспела, что наименее обеспеченная часть населения эти удары почти не заметила.

Безработные получали приличные пособия, и им активно содействовали в процессе получения рабочих мест. Нужды в массовых мероприятиях в стиле депрессии рубежа 20–30-х гг. XX века не было, обходились, насколько известно, без этого. Мало того, очень большую роль в процессе защиты от ударов кризиса сыграла глобализация, которая позволяла мгновенно сориентироваться и избрать в случае нужды новую экономическую и социальную стратегию. Если уж на то пошло, то много более значимую роль сыграли социальные потрясения, связанные прежде всего с упоминавшимся уже мас-

совыми протестными движениями типа арабской весны, но об этом разговор особый, и мы к нему еще вернемся. Пока же еще несколько слов о все том же кризисе.

Нет слов, длительный кризис — проблема достаточно серьезная, способная потрясти сложившийся миропорядок. Он с наибольшей силой затронул Западную Европу, заставив ведущие ее страны, Германию и Францию, приложить немалые усилия для того, чтобы спасти финансовую систему и, в частности, подвергаемую наибольшему давлению общеевропейскую валюту, *евро*. Не вполне ясно, чем борьба за *евро* завершится, но вне зависимости от этого нет сомнения, что Евросоюз как великий символ интеграции выстоит.

Как известно, возможности постиндустриальной экономики позволяют найти разные способы смягчить удары кризиса, что активно и происходит там, где эти удары особенно сильны. И в этой связи стоит вспомнить об антиглобалистах. Эта шумливая братия, состоящая, как правило, из весьма энергичных леваков, которых всегда хватает среди студенческой, да и прочей молодежи, обычно скапливается в тех городах, где происходят важные конференции или встречи, скажем, *большой восьмерки*. Лозунги и призывы антиглобалистов чем-то напоминают позиции *луддитов*, некогда ломавших в Англии машины, которые будто бы отнимают у рабочих их кусок хлеба. Бунтари требуют справедливости, списания долгов с бедных стран, а более агрессивные из них — сплочения всех бедных против развитого Запада. Иногда, уже на рубеже 2011–2012 гг., устраивались в десятках городов шумные шествия против *заправил Уолл-стрит (захвати Уолл-стрит)*, что очень напоминает по стилю советскую пропаганду и сближает протестующих с покойными тоталитарными режимами правого и левого толка, возникшими и прекратившими свое существование в прошлом веке.

Разумеется, современные формы глобализма гораздо более объемны и реально действенны, нежели одни только финансисты с Уолл-стрит, будто бы исключительно несущие ответственность за мировой кризис. Мир меняется и усложняется, причем тоже очень быстрыми темпами. Далеко не просто справляться со всеми теми сложностями, что возникают вследствие перенаселенности многих стран, отсутствия там достаточного количества рабочих мест, тем более прилично оплачиваемых, к которым все стремятся и на нехватку которых бурно реагируют. И вполне понятно поэтому, что у воинствующих современных антиглобалистов, этих рьяных, хотя и, понятно, абсолютно безответственных ниспровергателей всего того,

чего с немалым трудом достиг ныне Запад (а где увидеть ответственных революционеров?), есть пассивные, но зато необычайно многочисленные потенциальные сторонники из числа тех, кто в конечном счете склонен свести все свои поучения, рассуждения и эмоции к элементарному *отнять и поделить*.

Их всегда было немало, а в современном много более грамотном и численно очень возросшем мире, привыкшем к разным гаджетам и к интернету, к сближающим всех их друг с другом мощным социальным сетям, стало, безусловно, больше. И с ними, как с весьма солидной, агрессивно-подвижной и энергично-молодой частью современного мира, нельзя не считаться. Другое дело, как их воспринимать, как к ним относиться. Думаю, что пока вернее всего было бы не придавать им большого значения. Они представляются не более социально вредными, нежели анархисты или коммунисты, продолжающие регулярно собираться на свои конференции в разных странах. И во всяком случае сегодня их нельзя сравнивать, скажем, с экстремальным исламом террористов-шахидов. Это сопоставимые силы.

Но нельзя не видеть и того, что эти силы постоянно как-то пересекаются, что среди протестующих все чаще и все больше встречаются разбуженные массовыми арабскими протестами юные мусульмане, которые готовы переключить нерастраченную энергию в русло исламизма, над чем старательно работают очень многие из мулл и имамов, читающих всем правоверным одни и те же общие проповеди в мечетях (а намаз, особенно полуденный пятничный, — святое дело для каждого мусульманина; все они идут в мечети и после намаза слушают там очередные и чаще всего отнюдь не толерантно звучащие проповеди). И если учесть и эту более чем напряженную энергию, то совокупный ее потенциал окажется вполне достаточным для того, чтобы о нем серьезно задуматься. Молодых и необустроенных в мире становится все больше, энергии им не занимать, а противопоставить им что-либо существенное весьма сложно.

Что же касается нормальных форм организации общества в наше время, то следует отметить, что они в принципе развиваются в масштабах почти всей планеты в соответствии с тем, что было достигнуто в развитых странах еще в XIX столетии. Это прежде всего восходящая к античности довольно сложная электоральная процедура, целью которой в ее современном виде является стремление точно отразить общественное мнение и позволить ему, этому общему мнению, определять характер социополитической системы в той либо

иной стране и партию, которой избирателями на время доверена в этой стране власть. Но не следует эту систему идеализировать. Всеобщее избирательное право, слепо дарованное всем, способно родить чудовище, что XX век не раз убедительно демонстрировал.

Знаменитый испанский философ Ортега-и-Гассет в своем эссе «Восстание масс» (1929) обратил внимание на поведение *массового общества*, тесно связанного с психологией толпы. Будучи республиканцем и эмигрировав из страны до развязывания в ней гражданской войны, он весьма скептически оценивал духовную атмосферу, возникшую в ходе спонтанного роста чрезмерной и свободной от ограничений демократической активности масс.

Работа его, что называется, поспела вовремя. Резонанс от нее усилился в процессе тех бесчинств, которыми сопровождалась война испанцев друг с другом. Но сейчас речь не о войне в Испании, а о том, как воспринимать рост социального недовольства в современном мире, как сочетать его с теми рассуждениями о демократии, которыми, хотя и не всегда, сопровождаются протестные движения. И речь вовсе не о том, чтобы ликвидировать, скажем, всеобщее избирательное право, хотя именно оно действительно способно родить чудовище. На это в наши дни уже никто не пойдет. Речь о том, чтобы понимать, к чему это может привести в условиях, когда воспроизводство молодых и недовольных в отставших в развитии и находящихся еще на недостаточно высоком уровне культуры странах неустойчиво растет. Ведь именно этот рост резко превышает элементарную возможность предоставить всем недовольным то, чем они хотели бы без особых усилий и трудовых затрат обладать, к чему они, быть может и вполне резонно, стремятся. Обладать не вообще и когда-либо, но здесь и сейчас, даже вопреки всему.

В этом смысле затянувшаяся арабская весна 2010–2012 гг. еще не сказала своего последнего слова. А когда скажет, многие, особенно из тех, кто этой весне рукоплескал и возлагал на нее большие надежды, будут обескуражены. Несколько слов о социальных отношениях в странах, о которых идет речь и которые можно воспринимать как некий эталон современного развития и соответствующих ему тенденций, ибо арабская весна в этом смысле более чем репрезентативна. Вздурораженные событиями государства переживают состояние расцвета и надежд. И не очень хочется их разочаровывать. Однако нужно. Пока еще если не все, то многие там уповают на лучшее. Но чего лучшего они, воспитанные исламской традицией и соответствующей ментальностью, ждут? На что реально надеются? Нет сомне-

ний, прежде и больше всего на то, что как-то решится вопрос с их рабочими местами и заработками. Однако как раз этот вопрос практически в сложившейся ситуации не решаем. И не стоит убаюкивать себя надеждами, что где-то там легко победит чуждая мусульманам либеральная демократия.

Пока все решительно против этого. Вместе с тем принципы той же западной либеральной демократии, от которой бунтари еще решительно не открестились, требуют, чтобы всем были предоставлены равные условия, в том числе в момент выборов. Вот это и есть сегодня самое главное, что побуждает твердо считать, что ничего доброго из того проблематичного будущего, на которое многие возлагают надежды, не получится. Если всем без ограничений со стороны новой власти социальным группам и партиям будут предоставлены в разных странах, независимо от уровня их развития, право существовать и действовать, влияя на выбор избирателей, ничего хорошего ждать не придется. Вперед выйдут исламисты. Это констатация бесспорного факта, от которого не уйти. А страны, рассчитывавшие на весну, станут резервом радикального исламизма. Парадокс же в том, что не будет никаких подтасовок и вбрасываний избирательных бюллетеней. Просто большинство проголосует за них, как то уже происходит на наших глазах. Напомню, что во многих странах, о которых идет речь, включая такие, где с либеральной демократией дело обстоит далеко не просто, будь то Иран или даже совсем не исламская Зимбабве, выборы производятся по классическому античному демократическому стандарту. И неизменно приводят к результату в пользу тех, кто очень далек от либеральной демократии. И этот парадокс, как то легко заметить, не безобиден.

О МЕНТАЛИТЕТЕ И СОЦИОПСИХОЛОГИИ

Но почему так? Все оттого, что мир изменился не только вследствие крушения коммунистического блока. Параллельно с этим шли и многие другие важные процессы, вроде бы не зависевшие от идеологии и властного насилия правящей элиты, от развития экономики и проблем глобализации, но и не вовсе к ним безразличные. Речь о тех новациях, которые оказались производными от новейших достижений в сфере технологии, которые в свою очередь сильнее всего повлияли на привычный ритм жизни. Конечно, не везде и вовсе не в дебрях африканских тропиков и не в глубине китайской,

индийской, русской, латиноамериканской либо центральноазиатской деревни, а в городах, да и то главным образом в западных. Но это новое, по сути функционально весьма близкое к архаическим социопсихологическим стереотипам, вьелось в жизнь нового поколения, родившегося незадолго до третьего тысячелетия, весьма заметно. И вьелось не по чьей-то прихоти или целенаправленному намерению, а в результате интенсивного воздействия всего того нового, что обрушилось на головы молодежи разных стран как своего рода мощное веление времени.

Процесс перемен, которые имеются в виду, начался вообще-то намного раньше и спорадически проявлял себя то в движении хиппи, то в других аналогичных склонностях, которым отдавало должное молодое поколение, наиболее чуткое к такого рода новациям. Но если в те годы и в рамках тех движений ведущим было еще нечто вроде эпатажа, хотя уже и тогда чреватое многими социально важными сдвигами, в частности, в области социально-семейных и сексуальных ограничений, то теперь все много серьезнее. С молодежью, да и не только с ней, стали происходить вроде бы совершенно не ожидавшиеся перемены. Речь о том, что оказалось связанным с новейшими технологическими новациями и обусловленным ими. Во многих больших городах, да и не только в больших, появились компьютеры, а вместе с ними и огромное количество игр, позволяющих легко связываться по каналам интернетовской паутины (World Wide Web — WWW) с любой точкой планеты. Связи эти оказались если и не вредными, то во всяком случае не безобидными. Молодые люди, а за ними и не слишком молодые стали легко находить партнеров по игре, втягиваться в бесконечные баталии и тратить огромное количество времени именно на это.

Возникло нечто, сопоставимое с архаикой и примитивной ментальностью первобытного населения отсталых стран, которые при благоприятных для того обстоятельствах — как то было, в частности, в крепостной России — долго и благополучно сохранялись и дожили до большевиков. Более того, серьезно помогли им победить, даже, можно сказать, обеспечили их победу. И эта странность внушает немалые опасения

Напомню, что, если в середине XIX в. поэт Некрасов скорбел о том, что не дождетя, когда русский мужик *Белинского и Гоголя с базара понесет*, то в наши дни речь идет почти о таком же нежелании новых поколений читать книги, особенно классику. Да и вообще всё, кроме разве детективов и фэнтези. А ведь книги — источник знаний и

разума, другого человечество не создало. Итог же отказа от книг однозначен: научившись компьютерно-интернетской мудрости и погрузившись в нее до самозабвения, молодые забывают о реальной жизни.

Можно сравнить это с наркозависимостью, можно сопоставить с юными исламистами, готовыми, не задумываясь, стать шахидами и отдать свои молодые жизни Аллаху во имя величия истинного раннесредневекового ислама времен пророка. Но главное останется тем же. Перед нами новое явление, это те самые молодые, которых слишком много и которые потому не знают, куда себя девать, где и к чему приложить силы. И, что уже очень серьезно, те и другие не очень стремятся долго и нормально учиться и тем более читать книги и вообще активно пользоваться всеми теми благами мировой культуры, которые выработали жившие до них и которыми вправе гордиться человечество. Их устраивают игры, их удовлетворяют активные виртуальные контакты.

Разумеется, те стереотипы и та ментальность, о которых идет речь, не чета тем архаике и ментальности, которые складывались в первобытности и ныне свойственны наиболее отсталым и обильнее всех воспроизводящимся общностям. Но главное не в этом, тем более что вовлеченные в игры вовсе не остаются малограмотными или малокультурными. Справедливости ради стоит сказать, что в некотором смысле дело даже обстоит наоборот. Общение помогает многим овладеть — для тех, кто не принадлежит к англоязычным, — разговорным английским, узнать многое из того, что вращается в тех же интернетовских сообщениях и даже просто в самих играх. Кроме того, компьютер, мобильник и интернет обеспечивают контакт и мгновенный обмен информацией в случае экстраординарного развития событий, как то хорошо видно на примере молодежной активности в ходе арабской весны, да и не только.

Пока все это еще не очень заметно, но темпы распространения подобного образа существования напоминают темпы эпидемии. Особенно тревожным это становится, когда касается тех, у кого и без того сложности, скажем, с овладением школьной программой. Но есть и нечто прямо обратное, весьма позитивное. Мир интернетной связи свободен от цензуры и чем дальше, тем больше становится отражением общественного мнения. В разных странах это принимает неодинаковые формы и имеет неравноценную значимость. Но в таких, как Россия или Китай, влияние интернета становится все большим и не может с некоторой опаской не учитываться властью, если она тяготеет к авторитарным методам управления.

Технологические сдвиги, имея в виду не только массовое распространение мобильных телефонов, но и сам резко ускорившийся ритм жизни, концентрацию внимания на мелочи реального в ущерб осмыслению общего, на внешнюю мозаичность бытия в ущерб его композиционной цельности, ведут многих к ценностям постмодернизма при небрежении рациональностью. Пока это еще далеко не всеобщее увлечение. Но это зримая тенденция, наметившееся направление, опирающееся на склонность к очевидному искажению реалий, откуда, к слову, и тяга к наркотикам, способствующим созданию иллюзии ухода от надоевшей нормы бытия. Если все это сопоставить, даже просто сложить с новейшими научными достижениями, будь то расшифровка генов и разработка генома человека, возможность клонирования живого организма или хотя бы страшилки в виде многочисленных и крайне разнообразных фэнтези, окажется весьма неприятным еще один вывод.

На сей раз это представление о направлении движения передовой части человечества, не забудем, молодых его представителей, т.е. в конечном счете о будущем. Словом, есть о чем задуматься. И еще. Все, о чем упомянуто, — а это лишь небольшая доля того, на что стоило бы обратить внимание, — обретает ускоренный ритм. Люди не успевают адаптироваться к новому, которое обрушивается на них во все более убыстряющемся темпе. И они, что естественно, замыкаются, искусственно ограничиваются тем, что успевают воспринять. Здесь проблемы социопсихологии вплотную соприкасаются с тем, что подведомственно психиатрии. Пока что, следует повторить, все это касается лишь сравнительно небольшой, но во многих смыслах наиболее передовой части человечества. Во всех смыслах, тем не менее, это касается близкого будущего, о чем еще не раз будет идти речь. Что оно сулит? Что ждет наш мир уже в весьма скором будущем? И это, между прочим, проблема из проблем, особенно если принять во внимание демографические процессы, сопровождающие пока современный достаточно благополучный период существования мирового сообщества. Он явно не чета тому, который скоро его сменит.

АФРОАЗИАТИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН

Обратим внимание в заключение на нечто, как вполне может показаться, безобидное. Ко всем новациям рубежа тысячелетий стоит добавить еще одну серьезнейшую проблему. Имеется в виду зримая

афроазиатизация западного мира. Началось это в заметном объеме вскоре после широкомасштабной деколонизации 60-х гг. XX в. Тогда интересующий нас процесс частично совпал с незавершившимся еще восстановлением послевоенного времени. Смысл его был в том, что европейские страны нуждались в притоке дешевой рабочей силы, а страны, освободившиеся от колониальной зависимости, получили по условиям деколонизации некоторые права на переезд в метрополию. Позже эти права были, понятно, сильно ограничены, если не ликвидированы вообще. Но того, что стало фактом, оказалось вполне достаточно для появления серьезных проблем во всем западном мире. Дело в том, что часть европейского Запада достаточно быстро оказалась заселенной легальными и нелегальными мигрантами из Азии и Африки (в США это произошло за счет интенсивного притока *латинос*, в основном мексиканцев). При этом стоит заметить, что некоторые мигранты из стран вне Запада, будь то почти европеизированные турки в Германии или индобуддисты в Британии, сравнительно легко вписывались в существующий на их новой родине уклад жизни.

Но с арабами и тем более неграми Африки из числа мусульман, да и со всеми прочими мусульманами, дело обстоит много сложнее. Большинство их не только с трудом адаптировалось, но, порой с элементами вызова, просто не желало этого. Стремясь сохранить привычный образ жизни и, главное, основные и очень жесткие в исламе религиозные запреты, мигранты из мира ислама создавали ситуацию, которая приводила к эксцессам, особенно после того, как в Европе выросли новые их поколения. Это были люди, мало и плохо учившиеся, но претендовавшие на хорошую работу и приличную зарплату. А если прибавить к этому очень характерные для мусульман, да еще живущих в условиях благополучного Запада, темпы демографического прироста, то проблема окажется много сложнее, нежели то представляется. Сложность ее для европейцев, давно уже не стремящихся достичь уровня рождаемости, который обеспечил бы не расширенное, а простое воспроизводство, сводится к утере привычных и надежных позиций в их собственных странах.

Эта реальность становится со временем все более очевидной и, прямо скажем, угрожающей. Она, к слову, относится не только к европейскому Западу. В США, к примеру, давно уже ждут момент, когда белое население окажется в меньшинстве¹. Даже в

---

¹ Это касается и России. Уже упоминалось, что вождь не жалел людей и не особенно заботился о сохранении их числа до и после войны. Это ска-

далекой Австралии были введены миграционные нормы, широко открывающие двери для въезда только женщинам европейского происхождения. Может показаться, что речь идет о расовых предпочтениях. Но это не так. Проблема упирается в уровень развития основной европеоидной части населения, которая не только цветом кожи отличается от других. Речь не о непроходимом расовом барьере. Барьер совсем иной, но он все же есть и объясняется тем, что высокий уровень развития — де-факто удел не для всех, обретается не всеми и не очень просто, для этого нужна именно глубинная традиция, выковывавшаяся на Западе тысячелетиями и потому не каждому, да не с легкостью, особенно если иметь в виду гастарбайтеров, дающаяся.

Отсюда следует вывод, что чем скорее будет идти процесс замещения детей местного населения детьми мигрантов, тем заметней будет идти процесс утраты тех темпов и того высокого уровня развития, которого достиг современный Запад. Быть может, это и не так уж плохо для человечества в целом. Оно, человечество, за последние десятилетия слишком уж ускорило свой бег. Но встает другой вопрос: а как быть с уровнем рождаемости, с процессом демографического роста? Если на планету в середине века будут давить уже не 7 млрд, как сегодня, а 9–10, а к концу века и еще много больше, то как отреагирует на это не безжизненная вовсе наша планета? И, главное, кто сумеет прокормить и просодержать на современном уровне эти миллиарды бедного и отсталого населения (а увеличивается в числе в основном именно оно) в условиях, когда эволюция стареющего Запада станет замедляться, а то и вовсе почти остановится?

Эта проблема практически не разрешима, но обсуждать ее всерьез некому. Мало кто встревожен ею. Считается, что до конца века

зывается сегодня настолько очевидно, что и объяснять ничего не нужно. Иногда злые невежды, чаще всего из компартии, обвиняют в депопуляции реформы. Но это вполне очевидная ложь. Никто людей в 90-е годы в ГУЛАГе миллионами не гноил, да и сами они при всех сложностях жизни с голода не умирали. А вот влияние на рождаемость военных волн покажет любой квалифицированный демограф или социолог. Что же касается афроазиатизации, то она у нас заметна и у многих вызывает, как шла речь, злую ненависть — и это при том, что наши гастарбайтеры не чета западноевропейским. Бузу узбеки и таджики не устраивают, чужие автомашины просто так, из баловства, не жгут. Довольно смиренно делают обычно тяжелую черную работу за сравнительно небольшие деньги. Другое дело — кавказцы, но о них разговор особый.

далеко, мало ли что еще случится, чего же зря расстраиваться. Но, поскольку он уже поставлен, вкратце затронем и этот вопрос, обратив внимание на то, что явно имеет к нему отношение. Речь пойдет о вооружении и войнах. Ни то, ни другое с повестки дня не исчезло — так и хочется еще раз вспомнить незабвенного Фукуяму с его идеей о конце истории. Она, столь обычная, идет привычным ходом, разве что ускоряющимися темпами. Существенно, конечно, что поставки оружия в массовом количестве разным сомнительным режимам или протестным движениям несколько сократились, что не могло не сыграть своей положительной роли. Но проблем и конфликтов в мире не стало меньше, скорей напротив. Распад Югославии сопровождался кровавыми националистическо-конфессиональными разборками, для прекращения которых США и другим странам (решение ООН было поддержано и Россией) пришлось прибегнуть к военным операциям, в том числе к бомбардировке городов. Вспомним о вмешательстве в дела Гаити, о войне в Ираке или все еще тянущейся, затронувшей Пакистан и почти не сулящей успеха войне с талибами в Афганистане. Не забудем о конфликте в Руанде в 1994 г., о внутренних войнах в распавшемся на части Сомали или в Судане, в бывшем бельгийском Конго, в восточной части Ферганской долины.

Здесь очень важно понять, что конфликты различны по многим параметрам и в зависимости от этого могут в принципе поддаваться или не поддаваться легкому и даже длительному и сложному, дорого обходящемуся решению. Это вообще-то следует считать нормой. Но, понимая и признавая любую ситуацию как таковую, при современном состоянии во всем мире ни к одной из них нельзя оставаться равнодушным, ибо каждая может выйти за рамки региона и стать причиной более серьезного конфликта. В общем и целом, завершая тему, важно заметить, что мир после крушения советско-коммунистического блока сильно изменился. Он оказался в состоянии новых конфликтов и резко обостренных внутривнутриполитических конфессионально-демографических диспропорций с порождаемой ими ненавистью.

И стоит особо подчеркнуть тот немаловажный факт, что у истоков многих из этих конфликтов оказались те, кто объективно создает наиболее значимую угрозу для человечества. Это прежде и более всего экстремисты из числа сторонников фундаменталистского ислама, взявшие на вооружение массовый терроризм. Но даже если попытаться отстраниться от террора, хотя сделать это довольно

трудно, все так или иначе возвратит нас к миру Африки и Азии, а точнее — к разрастающейся мировой деревне, к бедным и отсталым, обездоленным и недовольным. И, если уж на то пошло, проблема выходит на авансцену в гораздо более широком объеме, чем это могло бы показаться, если ограничиться лишь анализом афроазиатизации как феномена. На самом деле эта проблема много более серьезна. Ведь, вслед за учетверением числа жителей планеты в XX веке в основном за счет этой самой мировой деревни, переместился центр тяжести всех мировых проблем. Мир, хотя на это пока еще не обращено должного внимания, давно уже воюет в основном вне Европы, где в XX веке обе мировые войны велись во имя интересов ведущих мировых держав, каковыми были тогда почти исключительно европейские.

Войны идут теперь почти исключительно в Азии и Африке. И хотя их все еще ведут страны Запада, точнее, главная из них, США, тогда как остальные только по мере сил и возможности в них соучаствуют, сам факт показателен. Пока мир вне Запада был из колоний, войн в нем было не слишком много, а функционально они были чаще колониальными либо — имея в виду мировые войны — лишь вспомогательными. Когда колоний не стало, в Европе войны почти прекратились, а вне ее, напротив, участились и усилились. Едва ли этот факт свидетельствует лишь о том, что независимые государства воюют чаще колониально-зависимых. Много более значимым является то, что центр тяжести мировых конфликтов, уйдя из Европы, решительно переместился на Восток, в Азию и Африку. Вот с этих позиций и стоит взглянуть на то, как выглядит до предела уже глобализованная планета в наши дни, на рубеже тысячелетий и в начале XXI столетия.

Глава двадцать пятая. США И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ

Начнем с Запада. Это понятие по мере расширения количества стран, добывающих заметных успехов в развитии, и принимая во внимание, что общества в таких странах имеют тенденцию превращаться в общества западного или смешанного восточно-западного типа, оказывается, хотя с необходимыми оговорками, применимо ко все большему числу стран. Вначале пойдет речь о тех сравнительно немногих государствах, которые давно олицетворяли Запад и тради-

ционно продолжают считаться именно таковыми. Это, если так можно выразиться, сегодня **первый эшелон западного мира**.

Именно эти страны, с начала холодной войны объединенные в НАТО, которая противостояла агрессивным интенциям коммунистического блока, восприняли с особым облегчением не только крушение СССР и конец войны, но и все, что было с этим связано. Разумеется, это историческое событие очень многое изменило в политике всех стран Запада, более не вынужденных тратить усилия на сдерживание напора со стороны советского блока. Их политика, помимо прочего, обрела немалую и весомую дополнительную прочность в результате значительного увеличения числа европейских и других стран, склонных к движению в сторону Запада. Имеются в виду разные страны, прежде всего специально уже рассматривавшиеся и оценивавшиеся в этом смысле государства китайско-конфуцианского дальневосточно-юговосточноазиатского региона, которые обрели или достаточно определенно обретают облик обществ западного типа с сохранением своей ментально-культурной идентичности. Идентичности, что стоит оговорить, отраженной в цивилизационных традициях, которые реально вполне совместимы с идейно-институциональным фундаментом, характерным для общества западного типа. К числу стран такого типа относится также и группа восточноевропейских государств. Это группа бывших государств блока СССР, которые стремились вернуть себе отнятое у них коммунистами обычное состояние обществ западного типа¹.

Все страны, о которых идет речь, пусть не всегда быстро и слишком заметно, но совершенно очевидно движутся в сторону западного стандарта, имея в виду как эволюцию их фундаментальной основы, идей, институтов, да и всего социополитического бытия, так и экономику. И уже одним своим существованием — а это, среди прочих, такие гиганты, как Китай и Индия, — они весьма благотворно способствуют позитивной эволюции буржуазного либерально-демократического Запада. А удары мирового финансово-экономического кризиса 2008–2012 гг., оказавшись кое-где болезненными, не поколебали этого по-

---

¹ Стоит специально подчеркнуть, что стремление освободившихся от гнета коммунизма стран в западноевропейское сообщество было неудержимым и диктовалось прежде всего опасением практически невероятного, но все же считавшегося — пусть только из-за безотчетного ужаса — возможным возвратом к прошлому, продолжавшему в их ощущениях висеть над ними дамокловым мечом.

зитива, что важно для всего Запада в целом, ибо свидетельствует о значимости процесса как региональной интеграции, так и планетарной глобализации. Обновленный и заметно раздвинувший свои границы европейский Запад, особо пострадавший в годы войны, ощутил его удары, но выходит из связанных с кризисом потрясений более или менее спокойно и удачно, хотя, конечно, пока еще не все ясно, имея в виду последствия этого кризиса. Теперь же речь пойдет о том, что произошло в США и в странах европейского Запада после распада СССР.

Эти общества в 90-е и нулевые годы продолжали успешно развиваться под знаком дальнейшего движения в сторону интеграции. Соглашения, выработанные еще в 1986 г. и вступившие в силу с 1987 г., определили основные параметры будущего Евросоюза, организации, которая должна была прийти на смену прежним разрозненным сообществам. Был сделан акцент на унификацию законодательства в странах-членах Евросоюза и на расширение полномочий наднациональных органов этого обновленного союза. Начало ему положил Маастрихтский договор 1992 г., согласно которому к странам, вступавшим в союз, предъявлялись финансово-экономические требования, смысл которых был в том, чтобы удержать достаточно высокий общий стандарт уровня жизни стран-членов Евросоюза, входивших и до того в объединенную Европу. Ныне в рамках Евросоюза средний доход на душу населения превышает 20 тыс. долларов. Затем еще один, Амстердамский договор, вступивший в силу в 1999 г., несколько ужесточил структуру организации, введя шенгенские визы и некоторые ограничения в процессе приема новых государств в состав союза. Он уточнил порядок выборов в Европарламент, который не следует путать с ПАСЕ и который функционирует в качестве контролирующего органа союза с ограничением законодательной инициативы¹.

В 2002 г. большинство европейских стран приняло новую валюту, евро. Вступивший в силу в 2009 г. после его ратификации всеми членами союза Лиссабонский договор поставил последнюю точку на структуре Евросоюза. Был введен пост председателя Совета Ев-

---

¹ Европарламент, существующий с 1957 г. и заседающий преимущественно в Страсбурге, но также в Брюсселе и Люксембурге, состоит ныне из примерно 750 депутатов от 27 стран — членов Евросоюза и имеет 7 основных фракций (число партий, в которые входят депутаты в своих странах, превышает полторы сотни). Функции его со временем возрастают. Совместно с Советом Евросоюза он формирует бюджет союза.

росоюза (Европейского совета, состоящего из глав государств или правительств стран-членов), сменяющего один другого. Система управления в Совете сложна, ибо связана с количеством голосов, стоящих за каждым голосующим, с наличием некоего блокирующего меньшинства и с некоторыми прочими немаловажными соображениями. Это было вызвано стремлением как обеспечить эффективное руководство, так и максимально сохранить возможность каждого государства защитить его интересы. Следует сразу же сказать, что эта множественность и сложность систем управления не слишком удобны. Но, видимо, приходится считаться с тем, что добиться единства в сложившейся ситуации крайне не просто, так что необходимо довольствоваться пока достигнутым.

Параллельно с европейским шел аналогичный процесс много более скромной интеграции североамериканского континента, находящийся, в отличие от европейского, на начальной стадии. Здесь в 1994 г. было создано объединение НАФТА (North American Free Trade Agreement) для обеспечения свободной торговли между США, Канадой и Мексикой. Существенно не забыть, что продолжает функционировать НАТО, включившее в себя восточноевропейские страны (с 2009 г. уже 28 стран-членов). Важно также учесть, что после крушения коммунистического блока изменились цели этой организации, которая стремится гарантировать свободу и безопасность ее членов и продолжает быть основой стабильности в евроатлантическом регионе и способствовать предотвращению конфликтов. Существует специальное соглашение *Партнерство во имя мира*, которым НАТО в разные последние годы связала себя еще с 23 государствами, включая и Россию.

Нелишне заметить, что, осуществляя это сотрудничество, Россия считает нужным постоянно подчеркивать свои особые интересы. Однако на деле повседневная активная деятельность, протекающая открыто и гласно, убедительно свидетельствует, что ни Европа, ни Америка, ни НАТО не имеют агрессивных планов и намерений, тем более по отношению к России. Правда, именно в этом их довольно часто, следуя старой советской традиции, подозревают в российском общественном мнении, которое во многом, к слову, формируется государственным телевидением. Иногда создается впечатление, что такие вслух высказываемые подозрения нужны для того, чтобы у нас почаще вспоминали о советском прошлом, которое близко политическому курсу современного руководства России, не слишком жалующего демократические реформы.

Об этом уже было сказано, так что вернемся к тому, как воспринимает современную политическую обстановку и как чувствует себя в такой обстановке буржуазно-демократический Запад. Он, как это достаточно быстро выяснилось, был слишком занят своими делами, чтобы уделять много внимания подозрениям со стороны России, что подчас, как в случае с войной с Грузией, оказывалось удобным для нее. Стоит заметить, что после прихода к власти президента Обамы отношение НАТО к России стало много более уважительным. Правда, устойчивыми при господстве в нашей стране политики балансирования отношения между Россией и США не назовешь. Но это особая проблема. А теперь обратимся к обзору и анализу ситуации в США и к тем функциям, которые после крушения советского блока выпали на эту оставшуюся пока единственной сверхдержаву.

США

Население США, в отличие от России, да и вообще от Европы, постоянно растет. Ныне оно свыше 314 млн¹. Об уровне экономического развития едва ли стоит говорить. Он, несмотря на удары кризиса и огромный внешний долг, в общем-то очень высок, что известно всем. Важнее сказать о политике страны. Президент Дж. Буш-старший (1988–1992) стремился продолжать успешную политику Р. Рейгана и сумел укрепить позиции США в мире. Он продемонстрировал силу в 1991 г., когда по мандату ООН поставил на место зарвавшегося иракского диктатора С. Хусейна, за несколько недель вынудив его вывести войска из Кувейта. Но сделать марш-бросок на Багдад он тогда не решился. И хотя именно в годы его правления рухнул Советский Союз, что косвенно могло бы сыграть в его пользу, это важное обстоятельство, как вскоре выяснилось, не сыграло своей роли. Позиции Буша, казалось, были настолько крепкими, что накануне выборов на следующий срок в 1992 г. наиболее влиятельные потенциальные кандидаты от демократов не решились бросить ему вызов.

---

¹ Здесь и далее, когда будет идти речь о разных странах, в скобках приведено примерное количество их населения сегодня. Сразу же следует оговориться, что цифры эти именно примерные, нередко средние из ряда разных источников. То же самое относится к ВВП на душу населения. Оба немаловажных показателя приводятся потому, что, несмотря на их в силу обстоятельств неточность, они все же дают определенное представление о каждой стране и ее населении.

Это сделал, воспользовавшись ситуацией, молодой Билл Клинтон — и неожиданно для всех победил, став очередным президентом США (1992–2000). Основной внутривнутриполитической проблемой, которая заботила североамериканских президентов несколько десятилетий (точку на ней, да и то не очень жирную, поставил лишь Б. Обама) было весьма дорогостоящее реформирование системы здравоохранения, на что решиться оказывалось очень трудно именно из-за неимоверной стоимости этого проекта. Клинтон и его жена Хиллари, назначенная на пост главы специального ведомства, занятого именно этим, довольно многое сделали для разработки проекта, но большого успеха так и не достигли. Много большего добился президент на внешнеполитической арене, особенно в Азии, где были сделаны важные шаги в сторону улучшения отношений с Китаем и Вьетнамом, а также начаты серьезные переговоры с КНДР. Кроме того, были усилены позиции США и во многих других неустойчивых точках, будь то снова Кувейт, истребительная экспедиция Ирака против курдов, проблемы отдаленных Гаити или Сомали. И хотя не везде американцам удавалось добиться желаемого, урегулирования ситуации, сам факт исчезновения конкуренции в связи с прекращением холодной войны им помогал. К этому стоит добавить попытку вместе с И. Рабиным и Я. Арафатом решить вопрос о создании палестинского государства в сентябре 1993 г., договоренность в Дейтоне в 1995 г. о прекращении военных действий в бывшей Югославии, визит в США в том же году председателя КНР Цзян Цзе-миня.

Успехом администрации Клинтона было и резкое выправление финансового состояния страны вкупе с реформами, направленными на решение проблем социального обеспечения. Если учесть все это, то не приходится удивляться тому, что, несмотря на скандал, связанный с любовными отношениями с сотрудницей Белого дома и попытками в этой связи ввести прокуратуру в заблуждение, американцы проголосовали за Клинтона второй раз. Вообще период правления этого президента был удивительно удачным для него. Удачи сопутствовали и стране в целом. Освободившись от соперничества с развалившимся коммунистическим блоком, США с готовностью приняли на себя ответственность за состояние дел в мире и в общем вполне справились с теми сложностями, которые со всем этим были связаны. В этом смысле годы правления Буша-старшего и Клинтона следует считать вполне успешными.

Стоит добавить, что именно в это время США сделали и тот мощный инновационный рывок вперед, который надолго опреде-

лил будущее планеты. Имеется в виду наступление века интернета с его всемирной паутиной и всеми теми неисчерпаемыми его возможностями, которые открыли перед человечеством нечто поистине сказочное. И хотя ни Буш, ни Клинтон к этому лично не были причастны (скорей уж стоит назвать имя Билла Гейтса, хотя рядом с ним появилось и несколько новых), не стоит забывать, что мы ведем речь об уникальной стране. О стране, где, несмотря ни на что, созданы наилучшие условия для реализации самых выдающихся достижений современности. Стоит напомнить о мобильниках, изобретение и доведение до совершенства которых заняли едва ли не полвека и продолжаются, но начались тоже в США, как и о появлении элементарных ныне компьютеров, ноутбуков, планшетов и т.п. Не следует об этом забывать, как нет оснований удивляться тому, что вся научная мысль (точнее, все, у кого хорошие мозги) стремится попасть в США и работать именно там. Для этого есть немало оснований.

Новое тысячелетие началось для Соединенных Штатов не столько с выборов президента Джорджа Буша-младшего (2000–2008), сколько с момента страшного террористического акта 11 сентября 2001 года. Трудно сказать почему, но ненависть к этому президенту у многих, особенно в сочетании с непреоборимой завистью к США, буквально застит глаза. А между тем Буш-младший показал себе во все не так уж плохо, как то порой представляется. Он был глубоко прав, когда, покидая Белый дом, говорил о том, что история рассудит. Отчасти представляя именно ее, эту будущую историю, которая будит судить не на пустом месте, а на что-то опираясь, я специально обращаю внимание на все то, что в состоянии помочь справедливо и непредвзято оценить деятельность этого президента.

Надо сказать, что первый год правления был начат уверенно и встретил полное одобрение в стране. Позиции США неколебимы, экономическое превосходство, политические достижения и военная мощь вне всякого сомнения. Но страшная катастрофа 11 сентября не то чтобы поставила все это под сомнение, но сделала абсолютно явным факт, что на смену, казалось бы, навсегда поверженным тоталитарным режимам XX в. пришла новая, не менее грозная, но при всем том практически неодолимая, во всяком случае военными средствами, опасность со стороны экстремистского ислама со ставкой на террор фанатиков, самоубийц-шахидов. Антитеррористическая деятельность в самом широком масштабе стала с этого момента главной целью страны, и под ее знаком прошел фактически весь восьмилетний срок президентства Буша-младшего. И следует сразу же сказать,

что провел эти годы президент достойно, не поддаваясь критике и шантажу со стороны той части американской и мировой общественности (а уж о нашей и говорить не приходится), которая сама подчас не понимала, чего хочет и по какому поводу протестует.

Достойное поведение было продемонстрировано президентом уже 11 сентября, когда он мужественно встретил известие о террористических актах и сделал все, что мог и должен был, для того, чтобы последствия этих актов для страны свести к минимуму. Примерно так действовал он и далее, начав эпоху активной вооруженной борьбы с терроризмом фундаменталистского ислама. Вообще, читатель мог бы заметить, что изложение материала о США чаще всего принимает, причем далеко не только в данном издании, форму описания и анализа деятельности соответствующего президента, будь то Вашингтон или Линкольн, Вильсон или Рузвельт. И в этом есть некоторая вполне в общем-то оправданная закономерность, так как политика именно президента, несмотря на огромную роль конгресса и других ветвей власти в США, обычно обладает бесспорным приоритетом и во всяком случае внешне выглядит именно таковой. Поэтому нет странного в том, что все имеющее отношение к США подается в виде деятельности первого лица страны.

Сразу же после сентябрьского акта террора президент Буш начал войну с афганскими талибами, и американская армия практически почти дошла до горных границ с Пакистаном, где ее передовые части не сумели, однако, довести операцию до успешного конца, дав возможность главе мировых террористов-исламистов Усаме бен Ладену ускользнуть от преследования и надежно упрятаться в горах. Война на этом в тот момент вроде как бы временно завершилась, а режим талибов был сочтен уничтоженным. Во главе правительства страны стал Х. Карзай, в 2002 г. утвержденный временным президентом на собрании традиционного совета старейшин страны Лойя джирги (позже он был переизбран на тот же пост всеобщим голосованием). Однако война вскоре возобновилась. За 2003–2005 гг. талибы перестроили тактику и начали вести партизанскую войну, создав базу на пакистанской границе.

Совет Безопасности ООН осенью 2003 г. принял решение расширить зону военных действий. В войне приняли участие силы НАТО из разных стран, но это не привело к успеху. В 2009 г. в военных действиях уже участвовало около 85 тыс. военнослужащих из почти 40 разных стран и конца ей пока не видно, хотя условно этот конец, точнее, отвод войск ООН отнесли недавно на 2014 год. По-

тери одних только США превысили 1000 убитых, но о победе пока речь не идет. Параллельно с военными действиями продолжают производство и транспортировку по миру афганского героина. По некоторым сведениям, в одной только России от этого наркотика в год гибнет в несколько раз больше людей, чем их погибло за годы советско-афганской воны (тогда, по официальным данным, около 17–19 тысяч).

Не легче, хотя и с более ощутимым результатом завершил Буш войну в Ираке, за которую его особенно порицали. Между тем именно в Ираке он добился успеха, уничтожив еще в 2003 г. режим диктатора Хусейна и постепенно сведя до минимума деятельность свободно орудовавших в этой стране террористов. В 2010 г. в Ираке были проведены свободные выборы, а уже в 2011 г. президент Обама вывел из этой страны почти все американские войска. Что касается популярности этого нового президента, то все, видимо, хорошо помнят, с какой помпой шел, занимая все каналы телевидения, длительный процесс выборов этого кандидата из мулатов (его отец, напомню, родом из Кении). На нового президента почему-то очень многие в мире надеялись, рассчитывая на серьезные перемены. Однако пока что серьезные перемены в ситуации мирового кризиса не слишком ощутимы, хотя и был принят готовившийся еще при Клинтоне закон о реформе здравоохранения (он обойдется стране в примерно 950 млрд долларов за 10 лет).

В разразившемся в последние годы мировом кризисе Обама, разумеется, не виноват. Это своего рода стихийное бедствие. И, если уж на то пошло, президент и его команда встретили удары кризиса стойко и успешно свели его воздействие на страну до приемлемого минимума. Было много разговоров на тему о неустойчивости доллара и желательности найти ему замену. Но дальше разговоров дело не идет и, похоже, не пойдет. Кризис пока не завершился, но это не мешает тому, что дела в мире идут почти как обычно. И это лучше всего видно на примере США, хотя именно там он начался и принял, во всяком случае вначале, наиболее серьезные размеры. Трудно сказать, как этот кризис отзовется в конечном счете на судьбе президента. Однако, скорей всего, не только и не столько он будет поставлен ему в вину, если американцы засомневаются в том, стоит ли продлевать его мандат. Что же касается внешней политики, то стоит заметить, что в разгар мирового кризиса президент США заявил о своей готовности не только несколько улучшить отношения с Россией, но и вообще показать, что Америка не претендует на исключительное

лидерство в мире. Напротив, она явно готова разделить ответственность за все события на планете с другими странами. ВВП на душу в США свыше 47 тыс. долларов.

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ

Ведущими странами теперь уже в большой мере объединившейся Европы остаются эти две страны, хотя, если мерить индустриальную мощь, на первый план выйдет, пожалуй, Германия, о которой, впрочем, тоже не будет забыто. Население **Великобритании** примерно 63 млн. Пришедший на смену М. Тэтчер консервативный кабинет Д. Мэйджора (1990–1997) в общем, несмотря на незначительные изменения, продолжал ее политику, направленную на приватизацию и поддержку успешного частного бизнеса, что, впрочем, не привело к повышению рейтинга правительства. Скорей этот рейтинг падал, даже в условиях достигнутого в 1995 г. важного соглашения о прекращении боевых действий в Ольстере. Но стоит напомнить, что при Мэйджоре был построен (1994) туннель под Ла-Маншем.

Лейбористский кабинет Т. Блэра (1997–2007) и сам премьер сыграли более значительную роль в современной истории Британии. Участие англичан в иракской войне против Хусейна и за преобразование авторитарного режима в демократический было мужественным и вполне оправданным, о чем сам Блэр немало и не раз с уверенностью и достаточно бесстрашно (его шумно осуждали) говорил, не забывая упомянуть о ближневосточной *дуге глобального экстремизма*. И за это он заслуживает доброго слова, особенно имея в виду позитивные итоги многолетней, но все же успешной войны. Ведь это была первая победа над исламистским фундаментализмом и массовым террором, которые были развязаны в Ираке последователями Аль-Каиды. Понятно, что Англия при правительстве Блэра приняла участие и в войне с талибами в Афганистане, хотя это и вызвало недовольство части избирателей.

Но этим заслуги Блэра не ограничиваются. Он резко выступил за пересмотр курса партии на социализм, связанный с обобществлением средств производства. Новая сформулированная им цель, что естественно на фоне краха коммунистических экспериментов, это рыночно-предпринимательская динамичная конкурентная экономика, сочетающаяся с коммунитаризмом гражданского общества и социальной политикой государства. Блэр не стал решительно пересма-

тривать внутреннюю политику консерваторов. Напротив, во многом ее поддержал. Он уделил немало внимания реформе в сфере избирательного права и автономизации Шотландии и Уэльса, которые получили свои законодательные собрания. В историю страны он вошел как создатель *нового лейборизма*, близкого к либерал-демократам. Эта его политика была активно поддержана англичанами и обеспечила десятилетний срок пребывания Блэра у власти с переходом руководства страной к его коллеге лейбористу Г. Брауну, на долю которого выпало принимать тяжелые и непопулярные решения в связи с мировым кризисом.

Тем не менее в целом политика лейбористов не привела страну к провалу, скорей напротив. А внешняя политика страны (министр — Д. Милибэнд) должна быть оценена удовлетворительно. Разве что отношения с Россией резко ухудшились вследствие весьма серьезных подозрений в организации в 2007 г. убийства советскими агентами с помощью радиоактивного полония (очень редкий и труднодоступный элемент) российского эмигранта, бывшего сотрудника ФСБ. А. Литвиненко. Приход к власти в 2010 г. консерваторов в союзе с либерал-демократами пока еще мало себя проявил и, похоже, всерьез политику страны менять не собирается. ВВП на душу 35 с лишком тыс. долларов.

Что касается **Франции** (свыше 65 млн), то после де Голля здесь во главе государства стояли вначале голлист Ж. Помпиду (1969–1974), затем сменивший его В. Жискара д’Эстен (1974–1981). После него власть перешла к социалисту Ф. Миттерану (1981–1995), несколько лет сотрудничавшему с премьером голлистом Ж. Шираком, который затем в свою очередь стал президентом (1995–2007). Соответственно несколько изменялись и политика, и даже экономические акценты страны. Предприятия то подлежали частичной национализации, то снова происходила их реприватизация. Наибольший конфликт в стране в эти годы возник в связи с решениями упоминавшегося выше Маастрихтского договора. Он был предложен в 1991 г. Францией и Германией и ставил целью оформить всю уже сложившуюся структуру Европейского союза с его наднациональными органами — парламентом, Советом министров, Европейским судом, — что было воспринято многими французами как ущемление национальной самостоятельности. Однако на референдуме по этому поводу с незначительным перевесом одержал победу все-таки президент Миттеран.

Особенностью Франции, определявшей едва ли не все сложности ее внутривнутриполитического существования, принято считать сочетание

власти президента с исполнительной властью назначенного им в соответствии с исходом очередных парламентских выборов премьера. Пришлось и Шираку с этим считаться и, как Миттерану, сосуществовать с правительством, составленным из представителей других, противостоявших ему партий. Правда, социалисты в это время, как то было и с лейбористами в Англии, уже сильно изменили программу и более не настаивали ни на национализации промышленности, ни на чрезмерных социальных реформах. Тем не менее сосуществование вызывало естественные трения и, похоже, сыграло свою роль в том, что семилетний срок президентского мандата был в 2000 г. на референдуме сокращен до 5 лет. ВВП на душу около 34 тыс. долларов.

Подытоживая все то, о чем говорилось в связи с событиями в текущей политической жизни Англии и Франции, существенно обратить внимание на то, что тенденция эволюции обоих важнейших государств европейского Запада стала удивительно сходной. Менялись на выборах предпочтения избирателей, сменяли друг друга лидеры разных партий (а во Франции и сосуществовали), но ничего серьезного не происходило. Налаженный и вполне удовлетворяющий население ритм жизни мало менялся. Беспокойство вызывали разве что мигранты, о которых уже шла речь и приток которых ограничивался. Рождало разноречивые мнения участие в войнах, особенно в иракской, что было характерно более для Англии. Но в том, что касалось интеграции, заметных разночтений или взаимных подозрений почти не было. Правда, англичане остались при своем фунте стерлингов, но зато французы отказались от ограниченного участия в НАТО. А вот боевая роль профсоюзов здесь и там сократилась, что в описанной ситуации в связи с энергичной и весьма результативной социальной политикой и следовало ожидать. В целом же, если иметь в виду наиболее важное, и Англия, и Франция продолжают сохранять свое безусловно лидирующее положение среди государств буржуазно-демократической Европы.

ГЕРМАНИЯ, ИТАЛИЯ, АВСТРИЯ

Эти три государства, воевавшие в мировой войне в качестве основных членов блока стран оси (Австрия после аншлюса 1938 г. в составе рейха), что их, собственно, и объединяет, ныне являются вполне равноправными и — если иметь в виду Германию — вместе с

Англией и Францией самыми значимыми в ряду европейских государств. О Германии (более 81 млн) стоит сказать особо. То, что происходило с ней после начала перестройки, слома стены в Берлине и прекращения существования ГДР, наиболее важно. История этих и последующих лет, всего двух с небольшим десятилетий, насыщена событиями. Столицей объединенной Германии вместо Бонна вновь стал Берлин, а у власти вначале остались партия ХДС и канцлер Г. Коль. Главной же проблемой страны оказалась адаптация изуродованной коммунистами ГДР. Как и в России, трудности сводились к ликвидации нерентабельного производства с соответствующим ростом безработицы, вынужденному отказу от социальных гарантий государства в лице прежних ликвидированных министерств и закрытых предприятий, сложностям с приватизацией. И все связанные с этим расходы должна была покрывать западная часть страны. Не легче обстояли дела с преобразованиями в сельском хозяйстве и в сфере жилищного строительства с коммунальным обслуживанием. Но особого внимания — и здесь снова разительное сходство с Россией — заслуживает социопсихологическая реакция жителей той части страны, которая подверглась социалистическому эксперименту.

Если принять к сведению, что к 12 годам нацизма в ГДР прибавились сорок лет коммунистической обработки населения, что в сумме равно статистическому периоду жизни примерно двух поколений, то едва ли стоит удивляться. Ведь не удивляемся мы тому, что в современной России в этом смысле до сих пор фиксируется аналогичный раскол в обществе, а число сталинистов и антисталинистов примерно одинаково, хотя и временами сдвигается в пользу первых. Т.е. количество тех, кто хочет жить в условиях свободы, у нас едва ли не более таких, кто готов оставаться бесправным рабом, лишь бы его кормили и как-то содержали. Отчуждение между жителями восточной (*осси*) и западной (*веси*) частями Германии сохранялось долго и, похоже, не исчезло окончательно и по сей день. Но постепенные перемены в ходе вынужденной адаптации все же — на сей раз в отличие от России — делали свое дело. Экономика страны быстрыми темпами развивалась, а приход в 1998 г. к власти социал-демократов во главе с Г. Шрёдером способствовал этому и, в частности, заметному переключению акцента на средних и мелких предпринимателей при отказе от присущего многим социалистам принципа *социальной справедливости*, что весьма способствовало упомянутой адаптации.

К руководству ХДС пришла Ангела Меркель, чьи родители, на что стоит обратить внимание, сразу же после ее рождения в 1954 г.

переехали в ГДР, где Ангела росла, училась, обрела специальность физика и даже активно участвовала в работе союза молодежи. После 1989 г. она работала в партии *Демократический прорыв*, затем вступила в ХДС и начала делать быструю партийную карьеру, став в 1990 г. депутатом бундестага, в 1991 г. министром по делам женщин и молодежи, в 1998 г. генеральным секретарем, а в 2000 — председателем ХДС. На выборах в бундестаг блок ХДС/ХСС победил и Меркель стала канцлером Германии. Сведения из ее биографии интересны потому, что Ангела оказалась не просто самым заметным деятелем, который вышел в первые ряды политиков страны из *осси*. Она стала как бы символом того, что восточногерманский анклав уже не тот, что был прежде, 15–16 лет назад. В нем действительно произошли немалые перемены, означавшие выздоровление либерально-демократического государства в целом.

Меркель не просто оказалась на своем месте. Она энергично взялась за руль и начала весьма успешно управлять страной. Ее несколько раз в журнале «Форбс» называли самой влиятельной женщиной в мире. В 2007 г., в период председательства Германии в Европейском союзе, она уверенно вела дела. И если уж на то пошло, то стиль ее руководства мне чем-то напоминает незабвенную М. Тэтчер. Меркель, в частности, весьма энергично поддержала политику США в Ираке, не колебалась при решении проблемы в Косово, имея в виду необходимость противостоять диктаторам типа С. Милошевича. Поддержка Израиля, вину перед которым немцы не могут не ощущать, и постоянный курс на сближение с США при осторожном отношении к России президента Путина дорисовывают черты этой выдающейся женщины, играющей огромную роль в современном мире.

Во внутренней политике Меркель придерживается курса на социально ориентированную рыночную экономику, не забывая о проблемах защиты окружающей среды. Не приходится напоминать, что Германия включена в процесс европейской интеграции, что она, как и другие страны Запада, в немалой мере населена мигрантами из Азии, в основном турками и курдами, и что эта проблема ее весьма беспокоит. В 2011–2012 гг., когда самым больным местом Евросоюза оказалась Греция, она много сделала для того, чтобы вопреки забастовкам в самой Греции, где население хотело продолжать жить хорошо, невзирая на то, что живет не по средствам, эта небольшая страна осталась в составе объединенной Европы. К слову, Меркель в то же время очень осторожно относится к проблеме включения Тур-

ции в Евросоюз, считая, что эта страна не слишком близка к Европе. ВВП на душу 36 тыс. долларов.

Проблемы **Италии** (более 61 млн) во многом отличаются от немецких и сводятся более всего к противостоянию мафии и коррупции в этой стране. Частая смена правительств и связанная с этим некоторая внутривластная неустойчивость давно уже стали нормой для итальянцев, которые, как представляется, привыкли к этому и не переживают понапрасну. С середины 90-х и до наших дней в числе наиболее частых руководителей страны оказывался С. Берлускони с его весьма сомнительными достоинствами, включая допросы и попытки судебного преследования. Из его заметных соперников наиболее видное место занимал Р. Проди с кабинетами, обычно составленными из сторонников левых и левого центра. Что касается экономики и социальной политики страны, то со всем этим, несмотря на правительственную чехарду и мафиозно-коррупционные скандалы, дело обстоит вполне нормально.

Правда, в последние годы страна болезненно ощутила удары мирового кризиса. Кроме всего прочего, большую роль, как и на всем Западе, играет здесь проблема мигрантов, в том числе и нелегальных, борьба с которыми приносит сравнительно мало успехов, но обходится весьма дорого. В конце 2011 г., когда удары кризиса стали в стране наиболее чувствительны, а Берлускони в очередной раз оказался за его проделки (иначе не скажешь) под ударами критики, во главе страны встал уважаемый профессор М. Монти и ситуация в стране вроде бы начала выправляться. Италия, как то хорошо известно, — страна высокоразвитого туризма, что приносит ей всегда немалые доходы. ВВП на душу 30 тыс. долларов.

Австрия (8,2 млн) длительное время, по условиям мирного договора 1955 г., была нейтральным государством. Однако после крушения СССР ситуация изменилась, и с 1995 г. она стала членом Евросоюза. Это высокоразвитая современная страна с большой историей, высокой культурой, особенно музыкальной, с прекрасными возможностями для туризма, как городского, так и альпийского. Главное, что ее характеризует, как, впрочем, и многие другие небольшие европейские страны, это спокойный ритм жизни, который практически почти ничем не напоминает сравнительно недавнее военное прошлое, которое, впрочем, тоже не слишком затронуло Австрию и ее жителей. ВВП на душу около 40 тыс. долларов.

В целом, характеризуя бывшие европейские страны оси, следует заметить, что тоталитарный режим правого толка (фашизм, нацизм),

господствовавший в них сравнительно недолго, почти не оставил следов. Если уж на то пошло, то гораздо более сильный отпечаток оставил в бывшей ГДР послевоенный тоталитаризм левого коммунистического толка, с которым *осси* трудно окончательно разделиться до сих пор. Несмотря на это, следов тоталитарного наследия практически нигде уже почти нет. Если оно еще кое-где осталось, то разве в памяти и отчасти в некоторых социопсихологических стереотипах старшего поколения, да и то в основном в восточной части Германии. В том, что от прошлого осталось немного, сказывается наследие буржуазного либерально-демократического идейно-институционального фундамента, господствовавшего в этой стране в XIX и в значительной части XX в. Этого, как известно, не было в России, отчего, хотя есть и другие исторические причины, столь существенная разница во многом. Эта разница сказывается прежде всего в том, что касается человека, его привычной ментальности, в отношении к жизни и в системах ценностей (свободный человек или сильная жестокая власть как основа той либо иной системы).

ПРОЧИЕ СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗАПАДА

Большинство остальных европейских стран, если не считать нейтральной Швейцарии, а также наиболее благоустроенной в мире, по данным ООН, Норвегии и еще нескольких небольших стран, особенно таких крохотных, как Монако, являются членами Евросоюза и вполне этим удовлетворены. Соответственно и благополучие каждой из них в очень значительной степени гарантируется взаимопомощью, что в годы кризиса оказалось наиболее заметным и ощутимым применительно, скажем, к положению дел в Греции. Правда, в том, что касается этой страны, проблема была шире и сводилась не только и даже не столько к взаимовыручке, сколько к устойчивости евро и опасности, грозившей в связи с этим всему Евросоюзу. Но, тем не менее, сам факт существенен. Остановимся далее вкратце на том, что было наиболее значимым из событий в этих странах в последние два десятилетия, после крушения СССР, коммунистического блока и конца холодной войны.

Нейтральная **Швейцария** (7,6 млн) с ее красотами альпийской природы, богатством банков и многими прочими всемирной значимости ценными достижениями, начиная с продуктов (сыры) и изделий (часы) и кончая великими городами типа Женевы, родины

кальвинизма, продолжала в эти годы существовать как обычно. Она являет собой неоспоримый пример самодостаточности, что иногда свойственно небольшим горным анклавам, но никогда ни одному из них не было столь выгодным, гарантирующим такой высокий стандарт жизни и приносящим такие дивиденды, как то имело и имеет место здесь. ВВП на душу 41,7 тыс. долларов.

Норвегию (4,7 млн) тоже стоит считать если и не самодостаточной, то во всяком случае умеющей обеспечить все свои нужды по самому высокому разряду. Она обеспечена всем необходимым прежде всего благодаря ее неисчислимым богатствам нефти и газа при скромном числе жителей. Эта страна характеризуется очень высоким уровнем жизни и, естественно, соответственным стандартом существования, включая и довольно высокие цены для туристов. Правда, красота *фьордов* и многие иные удобства и преимущества все равно привлекают иностранцев, преимущественно европейцев, так что доходы от туризма — как и от рыболовства — тоже учитываются. Вообще же Норвегия с ее давно известными деятелями культуры, от хорошо известных в недавнем прошлом Э. Грига и Г. Ибсена до скомпрометировавшего себя сотрудничеством с нацистами, но все же оставшегося великим национальным достоянием К. Гамсуна или близкого к нашему времени знаменитого путешественника Т. Хейердала, вполне соответствует достигнутому ею стандарту существования.

Это очень развитое общество западного типа, которого его граждане, почти, к слову, не знакомые в прошлом с феодализмом, добились своими руками. Правда, спокойная благополучная жизнь норвежцев была в 2011 г. омрачена страшным преступлением: несколько десятков юношей и девушек были убиты человеком, попытавшимся таким зверским образом призвать своих соотечественников обратить внимание на рост в его стране числа нежелательных мигрантов из числа мусульман. ВВП на душу 59 тыс. долларов.

Швеция (9 млн) и до Второй мировой войны, и после нее была и остается государством с очень развитой экономикой и дорогостоящей социальной политикой. Она долгое время считалась в Европе чуть ли не образцом социализма, хотя далеко не все понимали при употреблении терминов разницу между тоталитарным режимом коммунистического толка и социал-демократией буржуазно-либерального общества западного типа. Умелое и заложенное еще Бисмарком в Германии лавирование между трудом и капиталом с учетом максимального удовлетворения потребностей обеих сторон и в то же время при достаточно заметном налоговом давлении на буржуа и вообще на

всех высокооплачиваемых¹ обеспечило шведам высокий жизненный стандарт. Специалисты, да и общественное мнение, подчас говорят о шведском чуде. На мой взгляд, для этого нет оснований.

Швеция в отличие от многих других, включая и некоторые европейские страны, развивалась постепенно и ничего чудесного с ней в смысле темпов развития не происходило. Эта страна принадлежит к постиндустриальному современному хозяйству с его хорошо продуманной инфраструктурой и всеобщим благосостоянием, не слишком отличающимся от норвежского. Богатство железной рудой и развитая черная металлургия в сочетании со многими другими отраслями производства и услуг, особенно в сфере информационной технологии, обеспечивают стране постоянно высокие темпы экономического роста. Обратила на себя внимание мира и так называемая промышленность впечатлений: новый собирательный термин, который используется для обозначения креативных занятий: дизайн, музыка, мода, художественная промышленность, гастрономия, медийные отрасли, туризм и даже реклама. В этой сфере шведы за последние годы обрели всеобщее признание и немалые доходы. ВВП на душу около 39 тыс. долларов.

Исландия (0,3 млн) — страна льдов и горячих гейзеров, очень слабо заселенная, хотя этот остров уже давно был обитаем. Рыболовство и переработка рыбы составляют основу ее экономики. Республика отличается богатством энергоресурсов и довольно многочисленным торговым флотом. Ее экономические показатели неплохи для крошечного далекого острова, как и темпы роста в 2000-е гг. (5,5%). Но это, как известно, не спасло маленькую страну от жесточайших ударов мирового кризиса в 2008–2010 гг. ВВП на душу еще сравнительно недавно был около 39 тыс. долларов.

Малонаселенная Финляндия (5,3 млн) после крушения СССР вздохнула с явным облегчением и продолжала свой давно начатый успешный путь в сторону энергичного экономического развития. Поражает высокая культура жизни этой до предела благоустроенной страны, когда-то — сравнительно недавно и довольно долго — бывшей частью России. Не слишком богатая ресурсами, кроме разве что леса, она использует их с умом и максимальной отдачей. В 1995 г. страна вошла в состав Евросоюза. ВВП на душу 35 тыс. долларов.

---

¹ В печати появлялись сообщения, что великий шведский кинорежиссер И. Бергман одно время был вынужден покинуть Швецию и жить вне своей родины именно потому, что невыносимые налоги мешали ему нормально работать.

Дания (5,5), в прошлом самая значительная из скандинавских стран, и поныне отличается высоким уровнем жизни, который обеспечивается развитой индустриальной и постиндустриальной экономикой. Не приходится, конечно, напоминать, что датское общество принадлежит к числу гуманных и высококультурных обществ западного типа. Но стоит напомнить, что именно датчане чуть ли не первыми выступили против стремления воинствующего ислама навязать Европе свои нормы жизни. В частности, это касается карикатур на пророка Мухаммеда. И если первая их серия носила заметный оттенок оскорбления, что вызвало естественную бурю протеста во всем исламском мире, вплоть до Чечни, то карикатуры 2008 года (пророк с тюрбаном в виде бомбы) — это уже несколько иное. Здесь гораздо больше от протеста в адрес исламского фундаментализма, нежели от желания вновь обидно подшутить над чувствами обычно истово верующих мусульман. ВВП на душу 37 тыс. долларов.

Нидерланды (16,7 млн), расположенные рядом с Данией, к группе скандинавских стран не принадлежат. Но это никак не умаляет ни высокого жизненного стандарта, ни впечатляющей культуры, расцветшей намного раньше других. Роттердам издавна был и поныне остается одним из самых крупных портовых центров мировой торговли. Линия дюн и дамб надежно защищает низины страны, плодородные ее *польдеры*, от моря. Мало того, польдеры вполне достаточны для того, чтобы производить все необходимое для сравнительно большого населения этой территориально небольшой страны и многое (цветы, молочные продукты и др.) успешно экспортировать. Родина таких ТНК, как Phillips и Shell, Нидерланды имеют высокоразвитую современную промышленность и столь же развитую постиндустриальную экономику высоких технологий, связанную со сферой услуг. ВВП на душу почти 41 тыс. долларов.

Бельгия (10,4 млн), расположенная к юго-западу от Нидерландов и в прошлом не раз бывшая их частью, ныне самостоятельная конституционная монархия. Главная, хотя и не критическая проблема страны — национальные трения между фламандцами на севере и католиками-валлонами на юге страны. В стране в 2010–2011 гг. долго по этой причине не могли сформировать правительства, что, впрочем, никак скверно на состоянии дел в стране не отразилось. Правительство появилось лишь в декабре 2011 г. во главе с социалистом-франкофоном, т.е. валлоном. Приморские районы Фландрии, как и нидерландские, — это дюны, дамбы и польдеры. Исторически преобладает (97%) городское население, а более развитой и многонаселен-

ной частью страны всегда был и ныне является ее север. В экономике решительно вышла на передний план сфера услуг, почти три четверти национального продукта. ВВП на душу 37,6 тыс. долларов.

Великое Герцогство **Люксембург** (0,5 млн) — небольшой анклав, который расположен к югу от Бельгии, между Германией и Францией, отличается высокоразвитой экономикой, в недавнем прошлом металлургией. В настоящее время расцветает за счет сферы услуг, в первую очередь банковско-финансовых учреждений и преимуществ офшорной зоны. ВВП — 81,4 тыс. долларов, один из наиболее высоких в мире.

Лихтенштейн (чуть более 35 тыс.) — небольшое княжество. Отличается, помимо высокоразвитой индустрии, значимым сектором услуг и очень высоким уровнем жизни. По ВВП на душу населения (как считается, 118–122 тыс. долларов) занимает почти недостижимое место в мире, что, впрочем, не фиксируется в некоторых рейтингах — возможно, из-за размеров и степени значимости княжества.

Ирландия (4,2 млн), исторически много страдавшая от войн с Англией, обрела полную независимость лишь в 1949 году. Ныне развивается необычайно быстрыми темпами. Для экономики страны характерно обилие иностранных инвестиций. Главная проблема Ирландии — развитие инфраструктуры, с чем республика успешно справляется. К числу проблем стоит также отнести попытки сменить английский язык на родной кельтско-ирландский, которые пока, однако, к успеху не ведут, хотя язык изучают в школах. Кризис довольно сильно ударил по этой стране, вынужденной прибегать к многомиллиардным займам. Но ВВП на душу высок, 42,2 тыс. долларов.

Испания (47 млн), в отличие от всех только что рассматривавшихся, начиная с Швейцарии, — большая страна с длительной и порой очень заметной историей. Сегодня это конституционная монархия, причем короля выбрал и назначил своим наследником, а фактически подготовил к трону каудильо этой страны Ф. Франко незадолго до своей смерти в 1975 г., о чем уже было упомянуто. Вплоть до недавнего времени в стране не забывали о генералиссимусе, последний памятник ему был лишь в 2010 г. демонтирован и отправлен не на свалку, а в музей. Франко, в отличие от других кровавых диктаторов, это оказанное ему испанцами уважение вполне, на мой взгляд, заслужил. Заслужил именно потому, что позаботился о будущем, не мечтая ни о войнах, ни о мировом господстве, ни о беспардонном насилии над мирным населением своей страны, но предоставив власть тому, кто был воспитан в современном духе буржуазной либеральной демо-

кратии и строго конституционного многопартийно-парламентского управления доставшейся ему страной.

Современная Испания сравнительно безболезненно, хотя и не без эксцессов, вписалась в интегрирующуюся Европу и заняла в ней достойное ее место. Ее вполне развитая экономика свидетельствует о многом, хотя и не исключает того, что в этой стране есть слои населения, близкие к уровню относительной, как говорится в официальных текстах, бедности. Специалисты сходятся на том, что за последние 10–15 лет Испания сумела совершить огромный рывок в улучшении качества жизни ее населения.

На рубеже XX–XXI вв. обострилась в стране национальная проблема, связанная на сей раз не столько с сепаратистскими претензиями северных районов, частично населенных басками, но и с аналогичными выступлениями юго-восточных каталонцев в Барселоне. А в марте 2004 г., как известно, в Испании был реализован один из наиболее страшных террористических актов современности. Это была серия взрывов на поездах близ одного из вокзалов (погиб 191 человек и свыше 1200 были ранены). Считается, что акт был мстью исламистов за поддержку начавшейся в 2003 г. войны в Ираке. Правительство социалистов, пришедшее к власти через несколько дней после этого, вывело испанские войска из Ирака. В 2006 г. в ответ на это и некоторые иные новации социалистического правительства военные дали понять, что они не потерпят дальнейших уступок, в частности каталонским сепаратистам. Кризис больно ударил по сравнительно благополучной стране, количество безработных в ней в конце 2011 и в 2012 гг. буквально зашкаливало. ВВП на душу 29 тыс. долларов.

Португалия (10,7 млн), в отличие от подавляющего большинства, если даже не всех рассмотренных выше государств Запада, заметных темпов экономического роста в последние годы не показывает. Сравнительно небольшая и не очень населенная страна, она на протяжении нескольких последних десятилетий управлялась чаще всего сменявшими друг друга правительствами социалистов. Только в 1985–1995 гг. это был экономист из числа центристов А. Силва, а в последующем (в 1995–2002 гг. А. Гуттериш, с 2002 г. Ж. Баррозу, с 2005 г. Ж. Сократеш) социалисты и социал-демократы, которые оказались не в состоянии обеспечить быстрое и успешное развитие страны. Поэтому какими-то заметными результатами в сфере экономики и уровня жизни эта страна не отличается, хотя и в общем соответствует стандарту общества западного типа. Кризис 2008–2010 гг.

выявил ее явную экономическую слабость. ВВП на душу 23 тыс. долларов.

Греция (10,7 млн) являет собой — как и Португалия — пример сравнительно слабых темпов и неудачных реформ в сфере экономики. Государственный сектор чересчур перенасыщен и, как водится, неэффективен, а приватизация идет медленными темпами. Сельское хозяйство, если исключить маслины виноград и вино, никогда не было в этой стране высокопроизводительным. Впрочем, выращивают хлопок и табак, что для Европы вообще-то не очень характерно. Едва ли не главный источник валюты — туризм. Но он не спасает страну от ударов экономического кризиса, что стало особенно заметно в 2009–2012 гг., когда на помощь Греции вынуждены были прийти другие европейские страны, прежде всего Германия. Как и очень благополучная Финляндия, еще менее века назад бывшая частью Российской империи, находящаяся на грани дефолта Греция в строгом смысле слова к числу стран развитой традиционной западной буржуазной демократии не принадлежит. Ей приходится прилагать неимоверные усилия, чтобы не слишком отставать от других. Но с этим в стране обстоит дело довольно скверно. В отличие от финнов греки оказались совсем не готовы к ударам мирового кризиса. Население привыкло к высокому уровню жизни и многие годы жило в кредит, а производительность и качество труда не соответствовали такому стандарту. Это остро проявилось в 2011–2012 гг. в связи с невероятной задолженностью. Европа пошла навстречу Греции, хотя это обошлось ей очень дорого. ВВП на душу пока около 30 тыс. долларов.

СПЕЦИФИКА ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО МИРА

Как легко заметить, страны европейского Запада, т.е. Западная Европа и США, не только в послевоенные десятилетия холодной войны и активного противостояния блоков, но и после ликвидации коммунистического блока, что произошло без войн (разве что нечто в этом роде случилось в Югославии, которая, если быть точным, в советский блок и не входила), процветали. От самых успешных до наиболее незадачливых типа Греции или Португалии они постоянно и успешно развивались. Происходило это порой в ритме чуда, но в основном спокойно и без особого напряжения. Можно сказать, что после двух мировых войн и немалой нервотрепки периода холодной

войны это было свидетельством высокого уровня эволюции, достигнутого наиболее передовыми обществами западного типа.

Стоит заметить, что мирное исчезновение СССР обеспечило спокойный переход от состояния холодной войны к существованию без нее, причем этот переход мир европейского Запада, кроме разве что Германии или Финляндии (отчасти, хотя и во много меньшем размере, Австрии), просто фактически не заметил. США — иное дело. На них, как ни крути, лежала ответственность за все мировые дела. Они вынуждены были реагировать и всюду вмешиваться. А вот европейского Запада это почти не касалось. Кто-то соглашался дать толику своих войск, обычно небольшую, для нужд восстановления мира и наведения порядка в том либо ином регионе, а кто и не думал об этом или, как Испания, передуывал.

В стороне остались бывшие британские доминионы, статус которых и в последние десятилетия оставался примерно тем же, что и прежде, но политика которых бывала разной. О них в следующей главе, хотя стоит помнить, что они все же ближе к тем западным странам, о которых только что шла речь, нежели другие, в той либо иной степени лишь стремящиеся, порой даже, как в случае с Китаем, не вполне очевидно, к превращению в страны западного типа. Тем не менее можно будет сблизить эти страны с восточноевропейскими и восточноазиатскими, которые, как и упомянутые бывшие доминионы — кроме разве что Канады, члена НАТО, — все же несколько отличны от других. Отличие их от исконных традиционных обществ Запада, каждое из которых внесло весомый вклад в формирование Европы как исторического феномена, прежде всего в том, что они оказались далеки от многих из тех проблем, что всегда были очень острыми для европейского Запада или для США.

Если обратиться к оценке этих традиционных обществ, то окажется, что спецификой всех их следует считать почти полутысячелетнюю активную вовлеченность в некие общепланетарные проблемы. Такая вовлеченность после деколонизации стала заметна в том, что после Второй мировой войны они начали активное движение в сторону интеграции и, внося в это движение немало сил, добились весьма ощутимых успехов. И это, в общем-то, понятно. Именно они вполне ощутили на себе, что такое две мировые войны. Это ощутили и США, хотя на их территории военные действия не шли. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, оставшись после второй такой войны рядом с мощным и до зубов вооруженным советским блоком, европейский Запад мог выжить лишь в условиях незамедлительной

интеграции, к тому же при очень интенсивной помощи США. Это и было реализовано в годы холодной войны во всех мыслимых формах. И в этом, если уж на то пошло, их большая заслуга перед историей.

Глава двадцать шестая. ПРОЧИЕ СТРАНЫ ЗАПАДА И КАНДИДАТЫ В ИХ РЯДЫ

Остальные страны Запада — еще раз вспомним, что речь идет все не о географии, она в данном случае неуместна, ибо членение на Запад и тех, кто вне его, условно и изменяется в разные исторические периоды, — по сути оформились как таковые, опять-таки за исключением бывших доминионов, лишь после войны. Соответственно и речь о них пойдет особо, несмотря на то, что некоторые группы этих стран тоже реализовывали тенденцию к интеграции, хотя и, как правило, много менее заметную и потому реально обычно слабо ощущавшуюся. Учтя это и лишний раз подчеркнув явно заслуживающую того специфику традиционного Запада, достигшего в общем наивысших из возможных результатов во всем том, что касается человека, его личности и прав, свобод и жизненного уровня, обратимся теперь к тому, как остальные страны мира вписывались в стандарты передового буржуазно-демократического Запада.

В рассматриваемую в этой главе достаточно пеструю со многих точек зрения группу разных стран входят как те, что давно уже копировали Запад (это колонии первого типа, т.е. в основном, даже исключительно британские доминионы, хотя и не все), так и некоторые иные. Это, если характеризовать группу в целом, нечто вроде **второго эшелона современного мира Запада**. Эшелона огромного, длинного-предлинного, первые вагоны которого к тому же несколько, а то и значительно, отличны от следующих и тем более от последних. Но при всех упомянутых различиях, которые станут вполне очевидны по мере разбора каждой из групп стран, перед нами в лице упомянутого эшелона все же скованное либо связанное чем-то единым и общим для всех соединение государств, движущихся в одном направлении. И пусть это общее, т.е. **приоритет личности перед коллективом, гражданина перед подданным, человека перед властью, свободного перед рабом**, пока еще не вполне и тем более далеко не всем и всегда очевидно, но очень многое говорит о том, что это именно так.

К сказанному стоило бы добавить, что в ряде случаев — это следовало бы особо выделить, имея в виду Албанию, Косово и Боснию с Герцеговиной, не говоря уже о негритянском большинстве населения в Южно-Африканском Союзе, — мы сталкиваемся либо не с европейским населением, либо с такой весьма необычной религиозно-цивилизационно традицией, которая наиболее активно и до предела убежденно противостоит западному стандарту. Как заметит читатель, все связанные с этим особенности при их огромной значимости можно считать, с оговорками в случае с ЮАР, чем-то все-таки вторичным. Обычно это не мешает делать вывод о характере обществ, которые явно имеют отношение к обществам западного типа или, во всяком случае, будучи обществами смешанного типа, определено и, несмотря ни на что, все же склонны развиваться по направлению к западному стандарту. Словом, перед нами очень разные по многим показателям страны и народы, объединяемые главным образом тем, что (повторяю, несмотря ни на что) ценят основы западного стандарта и достигли его либо стремятся к нему изо всех сил.

БРИТАНСКИЕ ДОМИНИОНЫ

Начнем с доминионов. Следует оговориться, что, хотя бывшие доминионы отнюдь не все в этническом плане однотипны (некоторые имеют более или менее значительное количество аборигенного населения, не говоря уже о переселенцах не из числа европейцев), большинство их, кроме разве что ЮАР, почти ничем не отличается от традиционных западных стран первого эшелона. Во всех отношениях, включая главенствующую в них религиозно-цивилизационную специфику, тем более фенологический и антропологический тип большинства населения (европеоиды), они, что немаловажно, близки именно к традиционному Западу. Этих бывших колоний первого типа, точнее, тех, что благополучно были преобразованы в доминионы — это произошло не со всеми; Алжир выбрал иную судьбу — и кто остался в этом статусе, даже обретя отнюдь не формальную, но подлинную политическую самостоятельность, в XX в. было немного. Из их числа следует сразу же исключить острова, многие из которых, конечно же, не могут считаться полноценными обществами западного типа. И, не вдаваясь в тонкости геополитического статуса, но заботясь прежде всего о реальных параметрах, ограничимся поэтому основными доминионами.

Канада (34,3 млн) по некоторым соображениям должна считаться первым и наиболее заметным из них. Став политически независимой и обретя в 1982 г. свою конституцию вместе с национальным праздником (День Канады), эта страна зафиксировала права всех населяющих ее народов, включая индейцев. Экономическая интеграция с США, давно уже сама собой определившаяся традиционным отсутствием границ, равно как и уважение к исконным правам франкоязычного Квебека практически не мешают тому, что Канада является чем-то вполне особым и цельным. Могу засвидетельствовать, что в столице этой провинции, Монреале, преобладает английский. Однако, к слову, это не мешает Квебеку добиваться некоторых удовлетворяющих франкофонное меньшинство особых прав. Как известно, в 2006 г. население провинции получило даже статус особой нации в составе Канады с правом стать членом ЮНЕСКО.

Стремительный экономический рост обеспечивает благосостояние страны. По уровню жизни она мало чем отличается от США. Обилие ресурсов (нефть в пров. Альберта) и умелое руководство экономикой, которой с 1993 г. руководил Пол Мартин, ставший в 2003 г. премьером страны, являются важными основами этого роста. Но многое в этой огромной стране еще не освоено. Канада является одним из современных западных государств, которая рада открыть двери мигрантам, особенно европейцам. А хорошо налаженная жизнь, включая систему здравоохранения, являющуюся гордостью страны, служит вполне достаточной приманкой для этого. Во главе страны, что существенно напомнить, стоит королева Британии, представленная назначенным ею генерал-губернатором, который создает тайный совет, формирующий из членов партии большинства в парламенте кабинет министров. С 2008 г. премьером является лидер консерваторов С. Харпер. Разумеется, все необходимые атрибуты развитого общества западного типа в этой стране наличествуют. ВВП на душу примерно 39 тыс. долларов.

Австралия (более 22 млн) в чем-то похожа на Канаду, но и во многом отлична от нее. Сходство в организации управления страной, начиная с ее величества королевы Великобритании и назначенного ею генерал-губернатора. Д. Говард, представляя коалицию либералов с националистами, был премьером с 1996 по 2007 г., после чего к власти пришли лейбористы. Как и Канада, Австралия обладает огромной территорией, целым, пусть самым маленьким, континентом. Но разница существенна хотя бы в том, что гораздо большая, чем в Канаде, часть территории (центральные и северные районы континен-

та) весьма мало пригодна для активного ее освоения. Зато ресурсов не меньше, чем в Канаде, от урана и бокситов до нефти и газа. Тем не менее в современной экономике страны преобладает сфера услуг. Очень развито сельское хозяйство. Мясо (баранина) и овечья шерсть идут на экспорт. Экспортируются масло и сухое молоко.

От кроликов, некогда завезенных и чересчур быстро расплодившихся, австралийцы с трудом избавились. Зато в пустыне появились верблюды, которые тоже одичали и быстро размножаются (считается, что их около 1 млн). Особым почтением в стране все еще пользуется кенгуру. А вообще по индексу человеческого развития (не вполне ясно, что имеется в виду, но внушает уважение) Австралия заняла чуть ли не первое место из 170. Утверждается, что по паритету покупательной способности страна обгоняет Англию, Францию или Германию. ВВП на душу около 41 тыс. долларов.

Новая Зеландия с ее небольшим населением (4,2 млн, из них свыше 560 тыс. туземцев-маори) тоже считает своей главой королеву и управляется генерал-губернатором, а ее премьером с 2008 г. является глава национальной партии Д. Кей. Страна достаточно богата ресурсами, при этом, что важно, исключительное право добывать нефрит предоставлено маорийцам, особо его ценящим. Вообще о правах маори, об их участии в политической жизни и об их здравоохранении очень заботятся. Многие из них уже живут в городах, причем им выплачивается компенсация за некогда отнятые земли, к 2008 г. было выплачено уже около 900 млн новозеландских долларов. И хотя в стране основной язык общения английский, маорийский тоже считается официальным. Как и Австралия, Новая Зеландия экспортирует баранину, молочные продукты, шерсть. Еще лес и морепродукты. Дивные красоты страны и великолепный климат привлекают множество туристов, в том числе издалека. Соответственно очень развита транспортная инфраструктура. ВВП на душу почти 28 тыс. долларов.

Южно-Африканская Республика (49 млн, почти 80% негры) в этом перечне исключение, о чем сразу же следует напомнить. Сама по себе эта страна при сравнении с тремя другими, о которых шла речь, выделяется по многим параметрам. Это государство, в прошлом Капская колония, которая была заселена в свое время исключительно европейцами, голландцами-бурами, затем англичанами, давно перестала быть колонией, хотя в ней и остались те основные признаки общества западного типа, что были в то далекое время заложены и голландцами, и англичанами. Все начало решительно меняться, ког-

да в государство были включены обитавшие неподалеку зулусы, а затем здесь были открыты поистине неисчерпаемые и очень дорого стоящие природные ресурсы, начиная с золота и алмазов, для разработки которых стали активно привлекаться негры-отходники со всей Тропической Африки. Они с охотой оседали в этой стране, на редкость богатой и очень благоустроенной по африканским стандартам.

Вначале это привело к апартеиду. Но потом времена изменились. И хотя тип общества по мере возможности сохранялся за счет европейского меньшинства и его старых традиций, ситуация постепенно осложнялась. Пестрота расового состава и внутривнутриполитические перемены, довольно резко все изменявшие, после ликвидации апартеида и перехода реальной власти в руки негритянского большинства (1990 г.) вынудили белое меньшинство, живущее, как правило, обособленными анклавами (его осталось около 10%), понемногу покидать страну. Это в будущем может негативно сказаться на положении республики, как то произошло, в частности, с соседним государством Зимбабве, бывшей Родезией. Но если принять во внимание несметные ресурсы ЮАР и учесть, что она является экономически самой развитой страной африканского континента, а к тому же не забывая о том, что здесь уже довольно давно было создано ядерное оружие, от которого затем страна добровольно отказалась, то нельзя не отнестись к ней серьезно.

Экономика, как только что было упомянуто, пока еще первая в Африке. С фундаментом, формальным социополитическим стандартом, прочной законодательной базой и другими институтами, заложенным достаточно давно европейцами, все вроде бы в порядке. Продолжают сохраняться основные демократические процедуры. Правда, больше нет консенсуса, да и руководители республики, как нынешний из них, зулус и многоженец Д. Зума, ставший президентом страны в 2009 г., не внушают особого доверия. Имеется в виду прежде всего то, останется ли при таком руководстве страна обществом западного типа и тем более пойдет ли вперед с точки зрения ее развития. Пока же продолжается процесс эмиграции колонистов (за двадцатилетие 1985–2005 гг. — 900 тыс.), а взамен приезжают черные мигранты, более всего из того самого незадачливого Зимбабве. В стране очень развита транспортная и иная инфраструктура, производятся многие современные изделия, включая автомобили. Следует добавить к этому многоотраслевое товарное сельское хозяйство.

Но, оценивая этот в недавнем прошлом весьма благополучный и очень богатый британский доминион и имея в виду ситуацию в

нем сегодня, особенно в сравнении с тремя другими, о которых речь шла выше, стоит быть, тем не менее, осторожным в выводах. На мой взгляд, нет полной уверенности, что ЮАР останется обществом западного типа. Ведь такие общества или кандидаты в них должны отличаться не столько даже высокой культурой и уровнем производительности труда, что как раз и обеспечивает их благосостояние (именно это едва ли не наиболее важно), сколько их решительным выбором антично-буржуазной идейно-институциональной основы, без которой обретение высокого уровня культуры всеми, или по меньшей мере преобладающей частью населения, невозможно.

И если, учитывая слабость цивилизационной традиции, которая тысячелетиями вырабатывает умение высокопроизводительно трудиться, обратить внимание на тенденции в изменении состава населения и, что существенно, не упускать из вида судьбу соседнего Зимбабве, окажется, что есть основания для сомнений. Это не всегда ощутимо, непросто и как-то вычислить. Но это заметно, и, более того, стремление к соответствующему стандарту — или, напротив, прямое ему противодействие — определяет судьбу страны и народа. Незачем в очередной раз для сопоставления рассказывать о том, как живут голландцы или бельгийцы, насколько удачно выстроили свое государство шведы или датчане, как процветают швейцарцы, люксембуржцы или норвежцы с их богатыми возможностями. Незачем говорить о финнах, португальцах и даже греках. Но сопоставляя всех их с негритянским и метисным большинством ЮАР, трудно отделаться от впечатления, что с этим государством вскоре может оказаться не все в порядке. И дело отнюдь не в том, что у власти стали представители неевропейских народов. Проблема в том, что они, будучи традиционно заведомо отсталыми, не в состоянии быстро и тем более самостоятельно, демонстративно игнорируя европейское образованное меньшинство, продолжать с успехом добиваться дальнейшего развития.

Пример Зимбабве не просто перед глазами. Он буквально вопиет. Либо страна наивно выбирает расовое предпочтение темнокожего большинства, либо довольно уверенное развитие. Совместить то и другое оказывается необычайно трудным и редко кому удается. Это не значит, что с ЮАР произойдет все именно так. Но, если предусматривать все возможные варианты, такой ход событий отнюдь не исключен. Практически может получиться нечто в этом роде. Во всяком случае, возврат к прошлому явно исключается. Белые либо останутся в заведомом и неудобно ощущающем себя меньшинстве,

либо постепенно исчезнут из этой страны, оставив о себе лишь историческую память. ВВП на душу ныне всего чуть более 10 тыс. долларов.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ

Другой большой отряд стран, которые в наши дни можно считать обществами западного типа (речь все о том же втором эшелоне таких обществ), — это группа освободившихся от коммунизма стран Восточной Европы. Это государства, которые, за весьма редкими исключениями типа ряда придавленных властью наиболее отсталых стран этого региона вроде Албании, давно уже стремились стать свободными, т.е. обрести ту самую свободу, которую, если верить официальной коммунистической пропаганде, они будто бы обрели еще с помощью советских войск где-то в конце Второй мировой войны. Не возвращаясь к этой теме, обратим внимание на то, с какой радостью, несопоставимой с тем, что было в странах Запада, эти страны восприняли крушение ненавистного им коммунистического строя в СССР. Конечно, все это в разных странах выглядело по-разному. Но было, безусловно, и нечто общее, сводившееся к старанию всех их как можно скорее вступить на путь, гарантировавший переход в общество западного типа и обязательно в составе интегрированной буржуазно-демократической Европы, не имеющей ничего общего с тоталитарным насилием.

Разумеется, новый путь их, достаточно давно знакомых с преимуществами буржуазного западного образа жизни и в ряде случаев многие десятилетия в прошлом существовавших в его рамках, оказался не прост. Суть проблем, затронувших и нашу страну, свелась к болезненности самого перехода от одной структуры к другой в быстром темпе, не дававшем возможности ни переучиться, ни суметь приспособиться как следует к изменившимся обстоятельствам. А быстрота эта была в свою очередь вызвана к жизни кардинальной сменой форм управления хозяйством и связанной с этим необходимостью решить как жизненно важные проблемы, связанные с макроэкономикой, так и текущие потребности горожан, зависящие от организации общества, проблем трудоустройства, заработной платы и товарно-продуктового снабжения городов.

Вот эту зранию стоит уловить с самого начала. Высокоразвитые индустриальные страны буржуазной либеральной демократии с лег-

костью восстанавливались после войны именно потому, что хорошо знали, что и как следует делать. И это касалось всех их, победителей и побежденных, бывших полем ожесточенных сражений или оказавшихся волею судеб незатронутыми либо слабо затронутыми ими. Еще проще было отсталым аграрным странам, существовавшим в те же времена в основном вне Европы и без особых сложностей переживавшим процесс реформ даже в случае серьезной послевоенной разрухи, как то было, к примеру, во Вьетнаме. Там не было особых неясностей во всем том, что нужно делать. Неизмеримо сложнее оказалось реформирование тех изуродованных марксистским социализмом стран, где народ десятилетиями старательно отучали от нормального ведения хозяйства в условиях рынка и частной собственности, человеческих прав и свобод. В этих случаях, имея в виду страны, которые, в отличие от советских республик, были сравнительно недавно все же знакомы с нормами жизни обществ западного типа, что касается почти всех стран Восточной Европы, дело обстояло неизмеримо сложнее.

Казалось бы, чего проще. Отмените все нежизнеспособные стандарты марксистского плано-распределительного ведения хозяйства и замените это рынком. Но сравнительно легко так было сделать в крестьянском Китае в 1978 г., да и еще в некоторых странах вроде уже упомянутого Вьетнама, хотя и там были свои немалые сложности. Просто там были время и условия для того, чтобы спокойно их преодолеть. Иначе обстояло дело в индустриально развитых государствах с преимущественно городским населением. На примере нашей страны об этом уже шла речь. Упоминалось и о сложностях с ГДР, которые были неизмеримо меньшими, хотя и обошлись Германии очень дорого. Теперь речь о бывших восточноевропейских сателлитах СССР.

Все они, быть может не в одинаковом ритме и не одновременно, но взялись за радикальные реформы. Ориентируясь на хорошо известный им западный стандарт, они начали проводить демократические реформы. Местные компартии, как правило, сопротивления не оказывали, но напротив, если и не возглавляли процесс, то меньшей мере не препятствовали ему. Многие из них не распускались, но с легкостью преобразовывались в социал-демократические, решительно при этом меняя свои программы и цели. Параллельно и стремительно рядом с ними возникали новые партии и, главное, исчезали из конституций статьи о привилегиях компартии. Свободы и права человека занимали свое основное место в жизни государств, ликвидировалась цензура, проводились выборы, образовывались

новые правительства. Огромное количество людей, до того не привыкших вмешиваться в общественные дела (общества как такового не было, его замещала административно-регулирующая централизованная система партийных *приводов*), как бы с силой, свежим ветром всюду вырывалось наружу, на улицу, в реальную и всех касающуюся жизнь. Словом, решительно изменялся идейно-институциональный фундамент общества, чего и следовало ожидать в качестве первого и серьезнейшего этапа перемен. Но за первым последовали следующие, и с ними было много труднее.

Труднее всего было построить на этом обновленном фундаменте принципиально иную макроэкономическую структуру, так как для этого требовалось что-то решительно сломать и нечто совсем новое быстро создать. Быстро именно потому, что долго жить в безвременье большие города и развитая экономика не могли. Им грозили упадок, безработица, резкое снижение уровня жизни. Ведь на смену подлежавшему ликвидации давно дискредитированному плановому хозяйству и очень тесно связанной с ним всей административно-редистрибутивной системе жесточайшего коммунистического варианта власти-собственности должны были прийти частная собственность и рынок. А добиться этого за короткий срок было невероятно трудно. Из стран советского блока легче всего добиться этого было тем странам, в которых сохранялись хоть какие-то следы мелкого частного хозяйства. Таких было несколько.

Прежде всего, это была **Венгрия** (около 10 млн). Здесь достаточно развитое мелкое частное предпринимательство смягчило болезненные последствия перехода к новому методу ведения хозяйства. Процесс приватизации, совпавший с притоком зарубежных инвестиций, позволил избежать многих излишних сложностей, в том числе и в ходе либерализации цен. А дальше развитие событий шло своим чередом без особых проблем, сначала во главе с правительством из христианских демократов, позже, с 1994 г., из социалистов. Первые годы новой власти и создававшегося в стране нового режима были не без сложностей. Венгры ощутили и удары безработицы, и снижение заработной платы в сфере государственного сектора. Но правительство сумело сохранить уровень социальных расходов, хотя на фоне прочих болезненных потерь это и не было слишком заметным.

В 1998 г. социалистов сменили правые во главе с В. Орбаном, управлявшие страной до 2002 г. и сумевшие добиться снижения безработицы и налогов, ограничения инфляции. Экономический рост в эти годы колебался между 4 и 5%. Страна вышла на стартовый уро-

вень подъема. Сменивший Орбана экономист П. Медьеши из числа свободных демократов завершил создание налоговой системы, необходимой для рыночного хозяйства. В 2004 г. страна стала членом Евросоюза. Экономика страны продолжала развиваться вполне успешно, но без особого блеска. Встречались сложности и даже массовые выражения недовольства, как то было в 2006 г., когда премьер Ф. Дюрчань (2004–2009) вслух фиксировал скверное ее состояние. Однако страна успешно шла вперед. В годы кризиса 2008–2010 г. Венгрия ощущала себя в средней для Западной Европы норме. ВВП на душу 18,7 тыс. долларов.

Польша (38,5 млн) с ее сложной исторической судьбой может считаться одним из наиболее крупных восточноевропейских государств, вздохнувших с облегчением после исчезновения СССР с политической карты мира. Для нее это означало не просто свободу и не только политическую независимость. Это было подлинным возрождением страны, давно уже ожидавшей этого. При этом общее состояние умов в стойко державшейся за католицизм Польше было настолько враждебно навязывавшемуся стране марксистскому коммунизму, что в этом смысле страна явно претендовала на лидерство в восточноевропейском регионе. Ситуация способствовала тому, что реформы здесь шли ускоренным порядком. Были отпущены цены в условиях уже свободного рынка. Приватизация сопровождалась банкротством всех нерентабельных предприятий. Эту согласованную линию, что важно подчеркнуть, проводили президент Валенса (1990–1995), его преемник социал-демократ А. Квасьневский (1995–2000) и ставший президентом в 2005 г. трагически погибший в 2010 г. Л. Качиньский. С 2004 г. Польша, как и Венгрия, — член Евросоюза. И хотя темпы экономического роста страны для быстро прогрессирующей Европы средние, при сравнении с мировыми они достаточно высоки. Разумеется, у поляков остаются сложности, особенно в сфере финансов (переход в зону евро они планируют не ранее 2014 г.), но это мелочи по сравнению с тем, чего эта страна уже достигла. ВВП на душу 18,9 тыс. долларов.

Чешская Республика (10,2 млн), в недавнем прошлом основная часть возникшей после Первой мировой войны Чехословакии, сумела провести именную купонную приватизацию, что наиболее справедливо распределило акции, превратив в акционеров примерно 75% населения страны. Однако в условиях очевидной неконкурентоспособности многих из предприятий редко кто разбогател. Акции обычно вкладывались в паевые инвестиционные фонды, судьба которых в конечном счете решалась банками и фондовыми биржами. Приток

иностранных инвестиций способствовал реструктуризации развитой чешской промышленности, а после вступления страны в 2004 г. в Евросоюз темпы ее экономического роста начали расти, достигая 6–7% ВВП. В стране развиты автомобильная промышленность, энергетика, впечатляет современная инфраструктура. Чехия издревле привлекает туристов водами (Карлсбад или Карловы Вары), славится своим хрусталем, пивом. Считается, что в этой стране переход к рынку произошел наиболее плавно, откуда и термин *бархатная революция*. В какой-то степени о том же свидетельствует и мирный развод страны 1 января 2003 г., когда вместо Чехословакии появились Чехия и Словакия. Из всех премьеров страны, которых было после обретения независимости около десятка, наиболее яркой фигурой, многое сделавшей для Чехословакии, был знаменитый драматург В. Клаус (1993–1997). ВВП на душу 25,1 тыс. долларов.

Словакия (5,5 млн), отделившаяся от Чехии, в 2004 г. выбрала своим президентом христианского демократа И. Гашпаровича. Словаком был знаменитый А. Дубчек, возглавлявший КПЧ в период ее мужественного противостояния КПСС в 1968 г. Это не очень богатая и не слишком развитая страна, но в последние годы, после вступления в 2004 г. в Евросоюз, она начала расти достаточно энергично (свыше 10% ВВП в 2007 г., около 6,5% в 2008 г.). Производятся автомобили, электроника, есть химическая промышленность. Гордость страны — ее великолепный горный курорт Татры. ВВП на душу около 22 тыс. долларов.

Румыния (22,2 млн) с ее отсталой экономикой вписывалась в рыночное хозяйство с немалым трудом. Стагнация общества сыграла свою роль в озлоблении, приведшем в 1989 г. к взрыву и гибели почти бессменного правителя коммунистической Румынии Н. Чаушеску. И. Илиеску, первый президент обновленной страны (1990–2004), и его преемник Т. Бэеску сумели провести в стране необходимые реформы, которые привели к появлению в стране рыночно-частнособственнической структуры. Не сразу и не легко были восприняты эти перемены, что сказалось на примере выступлений шахтеров, которые в 90-х гг. энергично выступали против закрытия нерентабельных шахт. В промышленности был сделан акцент на химию, металлургию и автомобилестроение. Запасы нефти в стране иссякают. Вступление в Евросоюз в 2007 г. не слишком сильно изменило ситуацию. ВВП на душу 11,5 тыс. долларов.

В Болгарии (7,2 млн) переход к рыночно-частнособственному хозяйству был очень не прост. Болезненность трансформации

ощущалась несколько лет, так что лишь в середине 90-х гг. начали ощущаться позитивные перемены. Были преодолены возникшие в сравнительно слабо развитой стране серьезные перекосы и диспропорции, вызванный ими кризис. Постепенно снижалась инфляция, шла приватизация. Но время серьезной системы реформ пришло лишь в конце этого десятилетия. Некоторая стабилизация экономики и подъем промышленности, совпавший с притоком инвестиций, стали заметны в начале нового века. И хотя Болгария, как и Румыния, в 2007 г. стала членом Евросоюза, состояние ее экономики не следует считать хорошим. ВВП на душу 12,6 тыс. долларов.

Югославия, формально в коммунистический блок не входившая (Тито был одним из инициаторов движения неприсоединения), но фактически им все же бывшая, испытывала немалые сложности с процессом реформ прежде всего потому, что ее руководители продолжали после краха СССР либо оставаться правоверными коммунистами, либо преобразовываться в стопроцентных националистов. Собственно, этого и следовало ожидать, причем не только потому, что после смерти Тито в 1980 г. его преемники оказались не в силах бороться с сепаратизмом, сколько из-за того, что политические реформы и прежде всего многопартийность, отражавшая многонациональность и поликонфессиональность федерации, стали стартовым моментом для развала несколько искусственно созданной страны, которая держалась вместе в основном благодаря прежде всего, если даже не главным образом мощной фигуре Тито.

В декабре 1990 г. от союза отделилась промышленно развитая Словения. Вскоре за ней последовала сравнительно зажиточная Хорватия, а в 1991 г. союз распался. Самой сильной частью оказались Сербия с Черногорией во главе с Милошевичем, которые в начале 90-х гг. начали войну с населенными мусульманами (но частично и православными сербами) Боснией и Герцеговиной. Конец 90-х гг. прошел под знаком противостояния албанцев и сербов в Косово, а затем борьбы Милошевича за Косово. В связи с этим началось вмешательство иностранных войск в эту войну. Косово, как известно, все же добилось независимости, как и Босния с Герцеговиной и Македония. Последней вышла из союза с Сербией Черногория. Теперь несколько слов о каждом из этих новых балканских государств.

Босния и Герцеговина (БиГ, 4,6 млн, большинство мусульман) обрели независимость в апреле 1992 г., после чего в этом небольшом государстве сразу же началась гражданская война между сербами, хорватами и мусульманским большинством босняков. В эту войну,

ведшуюся с бесчеловечной жестокостью, вынуждены были вмешаться другие страны, включая США, после чего боевые действия завершились. Переговоры держав в Дейтоне (США) в 1995 г. положили конец конфликту. С 2002 г. БиГ — член Евросоюза, что спасает эту страну от продолжения конфликтов. Разрушенная экономика страны с трудом восстанавливается. ВВП на душу 6,6 тыс. долларов.

Словения (2 млн) с ее сравнительно высокоразвитой экономикой, в основном в сфере услуг, член Евросоюза с 2004 г., избежала серьезных потрясений и, будучи почти что раем для туристов, не только процветает сама, но и помогает встать на ноги соседней с ней БиГ. ВВП на душу 28,2 тыс. долларов.

Хорватия (4,5 млн) тоже весьма развитая часть бывшей Югославии. После обретения независимости оказалась в состоянии вооруженного конфликта с жившими в ней сербами, большинство которых было вытеснено в Сербию, частично в БиГ. Остальные были вынуждены сосуществовать с хорватами. Расположенная вдоль побережья Адриатического моря между Словенией и БиГ, Хорватия во многом живет ныне за счет туризма (две трети ВВП). Что же касается экономики, то она немало потеряла в годы гражданской войны. Однако восстановление ее, особенно судостроения, идет быстрыми темпами. ВВП на душу 17,7 тыс. долларов.

Македония (2,1 млн), небольшая республика к северу от балканской Греции (вспомним великого Александра), стала независимой в 1991 г. Бывшая достаточно бедной окраиной Югославии, она счастливо сумела, с серьезной внешней помощью, избежать национальных конфликтов. Ее экономика слабо развита, доход стране приносят сельское хозяйство и сфера услуг, все тот же туризм. ВВП на душу 9,4 тыс. долларов.

Черногория (0,7 млн) сохраняла свои традиционные близкие связи с Сербией до 2006 года. Расположенная между БиГ, Сербией, Албанией и Адриатическим морем, эта небольшая республика с ее высоким уровнем культуры и разными достопримечательностями более всего ныне зависит от туризма, но при этом не оставляет без внимания и остальные сферы экономики, что способствует их росту. ВВП на душу 9,8 тыс. долларов.

Сербия (7,4 млн) — наиболее крупная часть распавшейся Югославии, оказалась после распада в очень трудном состоянии. Начать с того, что она имела неосторожность в 1992 г. вмешаться в гражданскую войну в БиГ на стороне сербского ее меньшинства, что привело к санкциям со стороны ООН. А в 1998–1999 гг. в связи с событиями в анкла-

ве Косово, который в свое время был частью Сербии, но теперь заселен выходцами из мусульманской Албании, эта страна подверглась карательной операции со стороны НАТО, сопровождавшейся даже бомбардировкой Белграда. Главным виновником всех невзгод, выпавших на долю этой в недавнем прошлом процветавшей части Югославии, справедливо считают ее коммунистического правителя С. Милошевича (1990–2000), который в попытках предотвратить распад Югославии вмешивался во многие внутривластные конфликты в разных новых республиках, отстаивая при этом, естественно, позиции сербов. Милошевич в 2000 г. в качестве военного преступника был арестован и в 2001 г. оказался главным обвиняемым в Международном трибунале по военным преступлениям в Гааге, где он в тюрьме и умер в 2006 г. Его сменил В. Коштуница в 2000 г. на посту президента формально еще существовавшей Югославии. В самой Сербии президентом стал в 2004 г. Б. Тадич, с 2012 С. Николич. ВВП на душу 11 тыс. долларов.

Косово (1,8 млн, 90% мусульман) — анклав, признанный многими в качестве независимой республики. Эти исторические земли сербов после поражения от турок на Косовом поле в 1389 г. стали энергично заселяться мусульманами-албанцами. Балканская война 1912 г., когда власть Османской империи ушла в прошлое, усилила эту вражду, а крушение Югославии привело к войне, в которую в конце 90-х гг. вмешалась ООН. Дело завершилось признанием Косово в 2008 г. и вынужденной эмиграцией из нее большинства сербов. ВВП на душу 2,5 тыс. долларов.

Албания (3,6 млн) была и остается, как и Косово, наименее развитой из стран Восточной Европы. И на ней больше всего сказались вынужденная перестройка хозяйства на рыночно-частнобизнесническую основу. В стране промышленное производство резко сократилось, появилось большое количество безработных, чье недовольство, как и в России, было в 1992–1994 гг. направлено против реформаторов и демократического правительства (1992–1997), которое заложило основы идейно-институционального фундамента нового, западного типа. Кризисные явления, усугубившиеся неизбежными ошибками, а также коррупцией с финансовыми пирамидами, добавили огня в тлевшее недовольство. Левые, вчерашние коммунисты, в 1997–2005 гг., действуя в изменившихся условиях, немного исправили ситуацию. Приватизация и рынок способствовали оживлению экономики. Усилия левых и создание широкой коалиции в 2005 г. стабилизировали обстановку в стране. Есть основания полагать, что Албания движется в направлении к стандартам

общества западного типа. В 2009 г. страна подала заявление о приеме ее в Евросоюз. Но пока остается бедной, в основном аграрной, ВВП на душу 8 тыс. долларов.

Если попытаться оценить итоги, то бросается в глаза большое несходство стран, их экономического, политического и социокультурного потенциала. Можно вывести некоторую закономерность. Страны, причастные к западному христианству (протестантизм, католицизм), несравненно более продвинуты во всех этих направлениях по сравнению с православными и тем более мусульманскими. И если принять во внимание, что у всех была примерно одинаковая историческая судьба в последнем столетии (а сто лет, особенно в наши дни, это довольно много, не говоря уже о решительных радикальных перестройках, не прошедших мимо ни одной рассмотренной выше страны, ни одного народа), то становится ясной и убедительно доказуемой бесспорными фактами та роль религиозно-цивилизационной традиции и формулируемой ею ментальности, о которой все время идет речь. Впрочем, продолжим рассмотрение событий в разных частях второго эшелона стран,двигающихся к западному стандарту.

НЕКОТОРЫЕ БЫВШИЕ РЕСПУБЛИКИ СССР

К числу последней по значимости части **второго эшелона**, о котором идет речь, следует добавить несколько западных республик развалившегося СССР. Эта небольшая группа стран, тоже весьма отличающихся друг от друга, близка к восточноевропейским с их почти единодушным стремлением преобразиться в общества западного типа. Это прежде всего прибалтийские страны, но также Украина, Молдавия, Армения и Грузия. В несколько неопределенном состоянии остается пока Белоруссия, но и она, похоже, может склониться в ту же сторону. Все эти страны, кроме разве что нуждающейся в энергичной военно-политической поддержке Армении, едины в стремлении поскорее отойти в сторону от все еще стремящейся давить на них России. Однако в то время, как прибалтийские в этом полностью преуспели, Грузия очень многого достигла, но пока лишь надеется на вступление в Евросоюз, а Украина и Молдавия лишь думают об этом. Взглянем без особого углубления в детали, как обстоят дела в каждой из этих стран.

Литва (3,5 млн), эта древняя соперница Ордынской, а затем и Московской Руси, была одной из тех республик, которая из-за стрем-

ления к политической самостоятельности испытала недовольство репрессивных органов СССР в последние годы их существования. Однако это не повлияло на ее решимость добиться независимости, что и было достигнуто в 1990-м. Практически безболезненно произошла перестройка народного хозяйства. С 2004 г. Литва — член Евросоюза. ВВП на душу 17,2 тыс. долларов.

Латвия (2,2 млн) прошла примерно тот же путь. Но сложности ее первых шагов в качестве свободного национального государства сводились к огромному числу русскоязычных переселенцев (30–40% населения). Ныне лишенных гражданства осталось всего около 400 тысяч. Преобразование экономики Латвии далось легче, чем Литве, основа ее — сфера услуг. С 2004 г. Латвия — член Евросоюза. Кризис 2008–2009 гг. довольно больно ударил по этой республике. ВВП на душу 14,5 тыс. долларов.

Эстония (1,3 млн) тоже с 2004 г. член Евросоюза. Русскоязычных переселенцев там ныне чуть более 10%. Промышленность неплохо развита. ВВП на душу 19 тыс. долларов.

Говоря о прибалтийских республиках, стоит специально заметить, что, несмотря на все исторические невзгоды, которые выпали на их долю и вызвали весьма резкую депопуляцию, они сумели сохранить достоинство и успешно реализовать их социокультурные авуары. Впрочем, стоит заметить, что далось это им непросто, особенно таким государствам, как Латвия и Эстония, в которые советская власть внедрила неподъемную для любого небольшого национального государства долю мигрантов из числа россиян с присущим им совсем иным ментальным стандартом и уровнем культуры. Разница эта заметна и сейчас, но еще заметней тот факт, что никто из Латвии или Эстонии не стремится вернуться в Россию.

Они могут быть недовольны отсутствием гражданского статуса, но терпят и остаются там, куда их забросила судьба. А их дети адаптируются в школах, обретают другую культуру, вписываются в число полноправных граждан. Происходит все по той простой причине, что они хорошо видят и высоко ценят ту разницу, которая отличает их образ жизни от знакомого им советско-российского. У нас многие не любят даже слов *Запад*, *западное*, не говоря уже о том, что за этим стоит. А там, на всем Западе, включая и Прибалтику со всеми ее *негражданами*, люди смотрят иначе. Собственно, этим многое и объясняется. Было время, причем совсем недавно, когда и у нашей России был реальный шанс двинуться в сторону Запада. Но это время ушло. Мы во многом вернулись к старому, советскому образу жизни.

И в этом огромная разница между современными россиянами и *негражданами*, о которых идет речь. И кризис сильно повлиял на Латвию, и живут там по-западному, и прав гражданских не имеют. А вот поди же, не хотят плюнуть на ненавистный Запад и не едут домой, в Россию. Из какого-нибудь далекого авторитарного восточного Туркменистана, Таджикистана или Узбекистана едут, даже с охотой, порой просятся, чуть ли не умоляют, но не всегда это получается. **А вот оттуда, с близкого к нам Запада, — ни ногой. Ничем их не заманить. Хотят они жить в обществе западного типа — и все тут!**

Несколько иначе, но тоже очень непонятно для многих из нас обстоят дела и с некоторыми другими бывшими советскими республиками. Та же **Украина** (45 млн) — почти родная славянская часть России. Но отличной от России оказалась ее история, в том числе в последние годы, вскоре после обретения ею независимости. Достаточно напомнить об *оранжевой революции* 2004 г., когда сотни тысяч вышли на площадь в центре Киева с лозунгами, цветами, оранжевыми ленточками и, получив сведения о подтасовках на выборах, потребовали от власти честных выборов и добились требуемого. Украина осталась той же, что доказали и выборы 2010 года. Выбрали одного из активно соперничавших кандидатов, причем никто в стране не мог заранее сказать, кто будет избран. Это, собственно, и есть демократия в действии. И телевидение на Украине похоже на то, что было у нас в недавнем прошлом, в славные 90-е годы, но ничем не похоже на наше современное. Там, к примеру, популярен знаменитый Савик Шустер, который раньше, до 2000-х, активно работал и у нас, а потом вынужден был уехать.

Почему так? Чему эта часть Российской империи обязана своими отличиями от России? Не пытаясь дать исчерпывающий ответ, обращу внимание на то, как долго эта часть страны находилась в составе не Ордынской, а Литовской Руси с присущей ей, в частности ее городам, западноевропейским Магдебургским правом. Напомню и о веках, когда запорожские казаки, тогда основное ее население, жили в составе Польши. Эти века не могли не наложить на Украину своего отпечатка и, скорей всего, сыграли определенную роль в том, что она оказалась не совсем похожа на современную Россию. Конечно, на Украине нет нефти и газа, отчего она беднее нас. Там после выборов разгул репрессий, в которых принимает активное участие судебная система, осудившая Ю. Тимошенко. Но она успешно развивается. А станет членом Евросоюза — и будет обществом западного типа. И меняться будут ее президенты всегда по выбору народа, а не тех,

кто будет кого-то допускать в список кандидатов, а кому-то не давать разрешения на это. Не все у нас еще сознают эту принципиальную разницу, как и не все понимают, почему украинцам, как выясняется, можно то, чего нельзя нам. ВВП на душу 6,7 тыс. долларов.

Грузия (4,6 млн) тоже оказалась не похожей на Россию. Это древняя страна с очень высокой культурой, где всегда ценили и ныне ценят свободу и уважают тех, кто дорожит достоинством. Она за последние два с лишком десятилетия прошла трудный путь, наполненный внутренними неурядицами и жесткой политической борьбой. Небольшая страна, чьими интересами, как казалось, легко пренебречь, стала жертвой многосторонних интриг, включая игру с российскими паспортами. Печальный итог всем хорошо известен: Грузия в 2008 г. вследствие конфликта с Россией лишилась двух своих областей.

Это не помешало ей навести порядок в остальной части страны, избавиться от коррупции и гарантировать демократический стандарт. Правда, с экономикой дело пока обстоит неважно. Когда страна станет членом Евросоюза, чего все с нетерпением ждут, никто уже не посягнет на ее территорию, честь, свободу, достоинство. И, если учесть ее судьбу, станет вполне понятным, почему, коль скоро на Украине с ее разнородным населением (восточная часть страны освоена переселенными туда еще в имперское время русскими, в том числе бывшими крепостными) еще есть те, кто за, и те, кто против Запада, в Грузии такой разногласицы нет. Все практически за. ВВП на душу около 5 тыс. долларов.

Молдавия (Молдова, 4,3 млн) тоже оказалась в довольно сложном положении. Провозгласив независимость в 1991 г. и потеряв промышленно наиболее развитую ее часть, Приднестровье, она осталась демократической, как и Украина. Несмотря на то что большую часть периода существования независимой Молдавии президентом ее был коммунист В. Воронин (2001–2009), страна развивалась в сторону рынка и либеральной демократии, что, в частности, проявлялось в момент выборов (Воронин покинул свой пост, утратив большинство, которое только и могло бы его переизбрать). Страна с 2005 г. готовится вступить в Евросоюз. Будучи преимущественно страной сельскохозяйственной, славящейся овощами и фруктами, вином и многими другими продуктами, но не слишком развитой промышленностью, она наводнила Европу своими безотказными тружениками, но остается пока отсталой и бедной. ВВП на душу 2,4 тыс. долларов.

Армения (около 3 млн) — пожалуй, последняя из тех республик бывшего СССР, о которых можно сказать, что они идут по

буржуазно-либеральному демократическому пути с рыночно-частно-собственнической экономикой. Она стала независимой в 1991 г., но уже с 1988 г. республику, как и соседний с ней Азербайджан, сотрясала война за Нагорный Карабах. Экономика страны весьма развита, темпы промышленного производства солидны, 5–6% в год, иногда больше. Однако внутренняя политика неустойчива, порой сотрясается междоусобицами, вплоть до убийств влиятельных политических деятелей. Все это может восприниматься как ситуация, несовместимая с демократическим стандартом западного типа. ВВП на душу 5,8 тыс. долларов.

Белоруссия (9,6 млн) не может считаться демократией, ибо в ней гораздо больше авторитаризма, так что на первый взгляд ее можно было бы считать близкой к России, о соединении с которой в единое государство давно и долго говорили. На деле это было несерьезным проектом, что, несмотря на сходство смеси структур обеих столь разных по размеру стран, особенно имея в виду амбиции руководства каждой из них, легко было бы понять с самого начала. Вскоре после обретения независимости власть в Белоруссии оказалась в руках А. Лукашенко, который весьма решительно расправился с оппозицией и не менее полно, нежели Путин, взял все властные поводья в свои руки. Обострение политической обстановки в 2011 г., связанное с попыткой оппозиционных кандидатов на пост президента, не имевших шансов на победу, прибегнуть к силовым методам, лишь укрепило позиции Лукашенко. Экономика страны развивается вполне удовлетворительно, а все более очевидное охлаждение отношений с Россией многие расценивают как знак, предназначенный для Запада, считающего Белоруссию чуть ли не последней диктатурой Европы. Трудно сказать, как пойдет дело дальше. Страна пошла на таможенный союз с Россией. Но неизвестно, что будет потом. ВВП на душу 13,4 тыс. долларов. Стоит обратить внимание на эту цифру, которая находится посередине между прибалтийскими и всеми остальными западными республиками бывшего СССР и тем самым кое о чем свидетельствует.

О ВТОРОМ ЭШЕЛОНЕ ОБЩЕСТВ ЗАПАДНОГО ТИПА

Завершая раздел, посвященный не традиционно европейскому и тем более североамериканскому Западу, но очень разному по составу входящих в него стран второго эшелону тех стран, которые, за

редкими исключениями, являются обществами западного типа либо теми, что энергично движутся в этом направлении, важно обратить внимание на некоторые обстоятельства. Общий смысл их в том, что мир европейского Запада, со времен античности увеличивавшийся в первую очередь и главным образом за счет активности европейцев, всегда был склонен к расширению своих пределов как в ходе колонизации, так и в результате войн. Войны — но не колонизация! — были нормой и для остальных частей света. Но для европейцев с их сравнительно скудными землями колонизация была условием выживания. И, если оставить в стороне их античную древность и сконцентрировать внимание на средневековье, когда процесс модернизации и рецепция античной традиции в обилии породили предбуржуазные города и привели к созданию влиятельных городских агломераций, то окажется, что веками складывавшийся мировой предбуржуазный рынок требовал постоянного расширения. Это и вызвало к жизни как великие океанские открытия, так и длительное время не прекращавшуюся колониальную экспансию.

Собственно, именно за этот счет, имея в виду колониальную экспансию и возникновение колоний первого типа, но также и за счет влияния Западной Европы на страны и территории, которые на востоке Европы входили в состав таких империй, как Российская, Османская и Австрийская, шел процесс вестернизации как глобальной экспансии европейского антично-буржуазного Запада. Считать ли этот процесс закономерностью? Вне сомнений, на этот вопрос следует ответить утвердительно. Перед нами именно историческая закономерность, причем достаточно жесткая. Если обратить внимание на то, что наибольших успехов в процессе развития достигли — вне Западной Европы — и продолжают добиваться именно заселенные целиком либо в основном колонистами-европейцами колонии первого типа, а также учесть динамику развития тех стран Восточной Европы, которые были затронуты наибольшим влиянием антично-буржуазного Запада, трудно с этим спорить.

Есть немало оснований думать, что общество западного типа в принципе всегда было ближе к ним, к западным европейцам, жителям этой части Европы и выходцам из нее. Речь, понятно, не о расе, не об этносах и языках. Просто античность как феномен, которая некогда формировалась и энергично распространялась на европейской территории, достигала наибольших успехов в основном в Западной Европе и обогащалась идеями и новациями, возникавшими по преимуществу здесь. И стоит напомнить о генеральной авторской

схеме исторического процесса. Суть ее достаточно проста и сводится в двум основным позициям.

Первое: основой является приоритет идейно-институционального социополитического фундамента, определяющего успех эволюции. Успех этот зависит от трансформации восточной структуры власти-собственности (власть всесильна, частная собственность строго ограничена, население — бесправные подданные) в сторону западной антично-буржуазной. В ней власть подчинена обществу, а избранная им и сменяемая на выборах администрация обязана заботиться о правах, свободах и демократических процедурах, гарантировать независимость суда и неприкосновенность частной собственности граждан.

Второе: степень успешной трансформации от общества восточного типа через промежуточный смешанный восточно-западный к обществу западного типа зависит от исходного уровня развития и той религиозно-цивилизационной национально-культурной традиции, которая присуща данному обществу и проявляется в его системе ценностей, нормативах этического стандарта и в образе жизни, определяемом мировоззренческо-ментальной практикой.

Если говорить о странах второго эшелона, то как раз здесь очень многое зависело от господствующего состава населения с его исходным уровнем развития и религиозно-цивилизационными традициями. Когда это были в основном выходцы из самой Западной Европы, картина была одной, причем она не менялась от вкрапления небольшого количества аборигенов или ввезенных рабов-африканцев. Если количество аборигенного населения оказывалось большим, как в ЮАР, ситуация изменялась. В случае с восточноевропейскими странами, слабо знакомыми с античной традицией и помимо влияния европейского Запада подвергавшимися воздействию со стороны восточных или местных полупервобытных традиций, процесс трансформации шел медленней и сложней. Однако, учитывая эти важные различия, следует, тем не менее, иметь в виду, что все страны и народы, о которых в главе шла речь, подвергались в конечном счете мощному и интенсивному влиянию идей и институтов античности и западного христианства и тем самым обретали западный социополитический фундамент. Этот фундамент не мешал разным народам Европы и некоторых других регионов планеты, которые долго подвергались аккультурации, сохранять в необходимой степени и постольку, поскольку это не противоречило структурным параметрам, свою идентичность.

Отсюда логично следует, что общества обоих первых эшелонов стран в немалой мере генетически принадлежат западнохристианской европейской традиции. Эта традиция господствовала там, где обитали выходцы из стран европейского Запада. Она была заметно слабее в странах, расположенных к востоку от него. Однако и там влияние западного христианства и античной традиции европейских городов весьма ощущалось и во многом определяло ход и темпы эволюции. Можно разве добавить к этому, что отклонения от общей нормы обуславливались воздействием со стороны ориентализованной византийской традиции или влиянием соседнего с Европой мира ислама, в частности Османской империи. В случае с ЮАР сыграло решающую роль воздействие со стороны численно возмужавшего местного населения.

Глава двадцать седьмая. ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ ЗАПАДНОГО МИРА

Сказанное никак не означает, что принципы общества западного типа всегда были чужды и даже враждебны людям любых иных, вне Запада, регионов и других культурных традиций. Вначале, на заре регулярных культурных контактов, нечто в этом роде могло бы с немалым основанием считаться вполне справедливым суждением. Однако по мере расширения постоянных контактов европейцев с многочисленными разными народами вне Европы, что обрело широкомащтабный характер в ходе колонизации, ситуация изменялась. Медленный, но вместе с тем неуклонный и в общем-то неостановимый процесс вестернизации делал свое дело. Население планеты рано или поздно, но ощущало немалые преимущества антично-буржуазных преобразований и начинало в той либо иной степени воспринимать их, что, собственно, и превратило его в совокупность обществ уже не традиционно восточного или первобытно-восточного, но смешанного и даже кое-где смешанно-переходного восточно-западного типа.

Общества этого типа разнообразны по очень многим параметрам, причем различия определяются уровнем развития, религиозно-цивилизационными традициями, спецификой ментальности и системами ценностей, которые определяли облик каждой из культур. Эти различия важны и могут оказаться определяющими, когда заходит речь о готовности населения какого-либо региона, тем более принадлежащего к обусловленному жесткой религией вроде ислама

образу жизни, к усвоению принципиальных основ общества западного типа. В этих случаях речь может идти лишь о частичном восприятии таких основ, как то и происходит в реальности сегодня с большим количеством стран.

Учитывая сказанное, есть основание с удовлетворением констатировать, что многие неевропейские общества смешанного типа все же склонны не только воспринимать преимущества вестернизации, но и подвергаться трансформации в общества западного типа. Разумеется, при этом они обычно сохраняют свои традиционные системы ценностей. И только когда традиции и вся система ценностей оказываются несовместимыми с принципами антично-буржуазной вестернизации, что более других свойственно миру ислама, страны и народы более чем осознанно ограничиваются лишь частичным восприятием стандартов общества западного типа, оставаясь обществами смешанного типа, которые при этом категорически не желают дальнейшего сближения с Западом. Имея это в виду, следует продолжить описание процесса вестернизации в наши дни. Речь пойдет об очередном эшелоне стран, склонных, в отличие от подавляющего большинства мусульманских, принять во внимание преимущества западного стандарта эволюции.

Это **третий эшелон стран**, порой очень дальних, но успешно или пока не очень успешно, но в какой-то мере все же как-то и когда-то шедших по пути становления общества смешанного восточно-западного типа. Как того и следовало бы ожидать, количество государств, которые после прекращения неудавшихся коммунистических экспериментов в СССР и в других странах выбрали движение в эту сторону, возросло. Это и неудивительно. История убедительно доказала, что иного пути к успеху нет. При этом, однако, степень и пределы движения очень различны. Некоторые богатые ресурсами и соответственно нефтедолларами страны, более всего исламские, могут публично отвергать западные идеи и институты, вместе с тем охотно воспринимать у того же Запада все полезное и удобное, платя за это немалые деньги. Но таких стран не очень много и они, как правило, малочисленны.

Однако среди развивающихся стран было немало и таких, что сочли за благо взять за основу стандарты процветающего Запада. Они тоже разные и находятся на различном уровне развития, не говоря уже о несходстве религиозно-цивилизационных традиций и норм повседневного бытия. Вот о них и пойдет речь далее. Напомню, что некоторые из них, родственные по стандартам развития (Малай-

зия, Индонезия, Таиланд, Филиппины и Сингапур), в 1967 г. даже объединились в созданной ими ассоциации АСЕАН, что свидетельствует об их пути в сторону обществ западного типа.

С самого начала важно добавить к сказанному, что, хотя подчас это и не очень заметно, а в ряде случаев почти совсем не заметно, все страны, о которых будет идти речь далее, в конечном счете едины в том, что они, будучи де-факто подвергнуты интенсивной вестернизации, восприняли кое-что, иногда и достаточно много из социополитического фундамента западной буржуазной либерально-демократической структуры. И хотя такое труднее всего происходило со странами ислама вроде Пакистана, Бангладеш, Малайи или Индонезии, не говоря уже о ближневосточно-североафриканских арабских странах, существенно заметить, что по крайней мере частично это касается и их. Основная мысль сводится к тому, что без влияния и восприятия западного стандарта дело не обошлось практически нигде, хотя и степень такого влияния и восприятия очень различна и сочетается с совсем не одинаковым успехом в вестернизации, не говоря уже об отторжении и неприятии ее.

Словом, темпы и успехи эволюции стран третьего эшелона, в отличие от первых двух, далеко не столь однозначны. В ряде случаев, будь то ислам или африканские тропики, очень многое окончательно еще не решено, так что подчас трудно говорить даже о наличии тенденции к эволюции по западному пути. Но все же есть некоторые основания считать рассматриваемые теперь страны, хотя и в очень разной степени, как такие, которые идут или готовы пойти в развитии по пути Запада. Цель пока лишь в том, чтобы выявить во всех них нечто в этом отношении общее.

СТРАНЫ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Начнем с тех, кто с наибольшей очевидностью продвинулся в этом направлении. Это страны дальневосточно-юговосточноазиатского китайско-конфуцианского в своей религиозно-цивилизационной основе региона. И, конечно, из этих стран первой бесспорно и справедливо должна считаться **Япония** (127 млн). Конец XX века для этой к тому времени бывшей уже частью Запада страны был периодом испытаний. Она вступила в новый период реформ, ставивших целью ослабить привычный для нее патернализм и избавиться от традиций догоняющей модели развития. Вмешательство государства в этот

процесс оказалось необходимым, а в итоге Япония упрочилась в своей уникальной и очень выгодной позиции главного представителя западного стандарта на Дальнем Востоке. Крушение СССР и конец холодной войны ослабили поле идейно-политической напряженности и открыли перед Японией широкие просторы для усиления ее влияния на международные дела, включая расширение экономического сотрудничества и помощи отставшим странам.

Появилось новое и во внутривнутриполитической жизни. В жизни общества, особенно среди молодежи, стали ощущаться стремления к непривычному прежде индивидуализму, что оказалось характерным для высокообразованных выпускников вузов, количество и доля которых заметно возрастали. Это, впрочем, не сказалось заметно на конфуцианском уважении к старшим и заботе о родных стариках. Большее воздействие стали оказывать и нормы традиционной культуры, будь то эстетика микросада или чайная церемония. Усиление внимания к информационной технологии, к сфере услуг и инфраструктуре, в чем Япония и так лидировала, способствует позитивным сдвигам в социальной системе и созданию гуманитарно ориентированного общества, основанного на новейших достижениях науки. В предельно упорядоченной стране многое делается ради благоденствия населения, есть условия для улучшения социальных программ. Драматически сказались на стране последствия землетрясения и цунами 2011 г., в результате которых была серьезно повреждена атомная энергостанция в Фукусиме, как и наводнение 2012 г. на острове Кюсю. Тем не менее страна успешно справляется с ее проблемами. ВВП на душу 34 тыс. долларов.

Республика **Корея** (48,8 млн — речь не о КНДР, которая продолжает наращивать ракетно-ядерный потенциал с явной целью шантажировать соседей и партнеров по переговорам) мало чего добилась в последнем десятилетии XX в. от руководства северной части полуострова, готового подписывать любые документы и тут же не обращать на них внимания. Отношения между обеими частями Кореи продолжают быть напряженно недружественными. Что же касается экономики и внутривнутриполитической жизни южнокорейского государства, то с этим все в порядке. Мировой кризис ее, как и Японию, затронул не слишком заметно. Сфера услуг в стране необычайно развита, сохраняются высокое качество и внушительное количество экспортируемой высокотехнологичной продукции. Как и Япония, Корея — очень развитое общество западного типа, что не препятствует ни корейцам на юге полуострова, ни японцам сохранять и даже культивировать их лучшие национальные цивилизационные традиции. Речь о тех нор-

мах мышления, поведения и повседневного бытия, которые не мешают процветанию буржуазной рыночно-частнособственнической структуры со всеми ее атрибутами и, главное, с соответствующим идейно-институциональным социополитическим фундаментом. ВВП на душу 30 тыс. долларов.

Тайвань (23 млн) реализовал свое экономическое чудо в условиях не только и даже не столько американской поддержки, сколько вследствие того, что перебравшееся на остров ядро антикоммунистического Китая во главе с Чан Кай-ши достаточно последовательно шло за учением Сунь Ят-сена. Того самого, кто на рубеже XIX–XX вв. возглавил в Китае мощное движение за буржуазно-демократические преобразования. Как известно, в отечественной историографии с легкой руки официальной пропаганды долгое время было принято считать, что Сунь — великий революционер чуть ли не с явной склонностью к марксистскому социализму. Поводом для этого служили его контакты с СССР. Однако на самом деле он — родоначальник радикального крыла буржуазной демократии, чье стремление к преобразованию страны способствовало его выдающейся политической роли в Китае после крушения империи и возникновения республики. С коммунистическими идеями, если не считать некоторых фраз уже в конце его жизни, он не имел ничего общего. Напротив, его кредо были буржуазные идеи разделения властей в духе великих идей мудрецов века Просвещения.

Эти идеи, что хорошо известно, легли в основу того самого идейно-институционального фундамента, который после образования на материке КНР был создан на Тайване последователем Суня Чан Кай-ши. Система управления островом выразилась в форме идеи о создании нескольких параллельно действующих влиятельных и независимых центральных ветвей власти, пяти юаней (законодательный, исполнительный, судебный, экзаменационный и контрольный). Сочетая восходящую к прошлому — имеется в виду система экзаменов — национальную традицию с достаточно хорошо известными ему, получившему образование в учебных заведениях, основанных европейцами, и побывавшему в странах Запада, разработками Монтескье и других мыслителей, Сунь принес в старый Китай неизвестные там конституционные новации¹. Но в реальности

---

¹ Сунь в 80-х гг. учился в миссионерском колледже в Гонолулу на Гавайях, затем в медицинских английских учебных заведениях на юге Китая. Позже, бежав от преследований, побывал в Японии, США и в разных странах Европы.

идеи были использованы не в годы его жизни, а много позже, причем не на материке, а на острове Тайвань, отделившемся от Китая в 1949 г., что во многом как раз и объясняет поразительные успехи этого острова в процессе его более чем успешной вестернизации. После смерти Чан Кайши наибольший вклад в развитие Тайваня внес его сын президент Цзян Цзин-го, которого сменил тайванец Ли Дэн-хуэй, а с 2000 г. президент Чэнь Шуй-бянь.

Все потрясающие экономические успехи Тайваня были, как и в Японии и Корее, результатом кардинальных перемен буржуазно-демократического характера в фундаментальных социополитических основах острова. Нет смысла всё перечислять. Достижения Тайваня в финансово-экономическом развитии общеизвестны. Это одна из наиболее процветающих стран мира, ныне охотно сотрудничающая с КНР. И констатация этого говорит о многом. ВВП на душу 35,2 тыс. долларов.

О Гонконге (7 млн), ставшем в конце XX в. по условиям договора, заключенного с Англией еще в XIX столетии, снова частью Китая, особо говорить не приходится. Но существенно обратить внимание, что попасть в этот город обычный китаец не может. Анклав так же закрыт от посещений, как и некоторые другие особые экономические зоны, приносящие Китаю огромный доход именно потому, что они целиком основаны на нормах буржуазной демократии, включая и формы социополитической структуры, основы идейно-институционального фундамента, который в Гонконге если и несколько изменился со времен английского управления, то крайне незначительно. Это по-прежнему один из крупнейших в мире центров финансово-биржевых сделок и важнейший порт. ВВП на душу 46 тыс. долларов.

Сингапур (4,7 млн, почти 80% китаец). После длительного правления Ли Куан Ю, сумевшего сделать из лишенного ресурсов бедного острова процветающую страну, покончить с коррупцией и преступностью, наладить разумную экономическую жизнь и добиться процветания населения, его преемники (сам он остался в качестве министра-советника, пользующегося непререкаемым авторитетом) успешно продолжают его политику. Сингапур, как и Гонконг, стал крупнейшим финансово-банковским центром, а его порт — один из самых больших в мире. Стоит, однако, оговориться, что идейно-институциональный фундамент небольшого островного государства все еще несет на себе следы той авторитарной системы управления, с помощью которой Ли Куан Ю вел свою жесткую

политику на протяжении долгих десятилетий еще сравнительно недавно. Но эту плату за процветание весь сравнительно немногочисленный Сингапур, насколько можно судить, платит с готовностью и с удовлетворением. В целом же это островное государство (ВВП на душу 62 тыс. долларов), как и вся стоящая рядом с ним численно сравнительно небольшая группа стран, достаточно успешно эволюционируют в сторону Запада. Но они, если иметь в виду весь регион, лишь наиболее успешная и передовая часть тех, кто выбрал такое направление развития.

СТРАНЫ С ОЩУТИМЫМ КОМПОНЕНТОМ ХУАЦЯО

В отличие от передовой части стран, которые непосредственно причастны к китайско-конфуцианской цивилизации, вторая их часть причастна к этой цивилизации опосредованно. Но сила воздействия хуацяо на страны с иной религиозно-цивилизационной основой оказалась настолько значительной, что это обстоятельство многое изменило. И хотя это вовсе не означает, что значительное большинство населения стран, которые имеются в виду, полностью готово принять западный стандарт, объективную готовность таких стран к переходу их общества смешанного типа в западное нельзя не оценить и не учесть.

Малайя (ныне Малайзия, 29,2 млн; 60% малайцев-мусульман, треть хуацяо) — пример одного из наиболее успешных таких государств, очень быстро развивающихся и активно осваивающих западный стандарт при участии очень большой и многочисленной китайской общины. К слову, не были забыты в этой стране и мусульмане. Конституция 1963 г. специально оговорила права малайцев на занятие определенных позиций и в бизнесе, в котором преобладали китайцы, и на государственной службе. А когда серия антикитайских выступлений 1969–1970 гг. привела к серьезной напряженности, встал вопрос об укреплении межнационального единства страны. И в это время пришедший к власти Махатхир Мохамад (1981–2003) сыграл важную роль в преобразовании страны. Ориентируясь на достижения Японии и Тайваня, он поставил целью развитие сравнительно отсталого государства. Была сделана ставка на резкое улучшение системы образования, на широкое привлечение иностранных инвестиций и на создание высокотехно-

логичных отраслей экономики. Все эти новации оказались за короткий срок успешно реализованными. В кратчайшие сроки (стоит вспомнить сингапурского Ли) страна стала крупнейшим центром по производству электроники в весьма широком ее ассортименте, развила нефтегазовую промышленность, не забывая о каучуке и пальмовом масле. Преобразились ее города, радующие глаз великолепными строениями, включая потрясающие воображение небоскребы, гигантские мосты, так называемый мультимедийный коридор с заново построенной столицей Пуграчжая, где сосредоточены новейшие предприятия и центры, снабженные сетью оптоволоконной связи.

Преемник Махатхира А. Бадави (2003–2009) продолжал ту же политику, особенно в сфере экономики, но сделал акцент на искоренение коррупции и — в соответствии с духом времени — на создание в стране с преобладающим мусульманским населением *цивилизованного ислама*. Десять принципов *техноислама*, как его подчас именуют, сочетают экономические, социальные и политические достижения вестернизации современной Малайзии с верой в Аллаха, правительством из верующих и обучением в школах основным обязанностям мусульманина (как следует понимать — что не оценимо важно, — без крайностей исламского экстремизма). Похоже, что эта идея была основной новацией в годы правления Бадави. Интересно понаблюдать, как это скажется на практике в последующие годы. С 2009 г. премьер страны М. Разак. ВВП на душу 14,7 тыс. долларов.

Индонезия (248,2 млн, в основном мусульмане) за долгий период правления президента М. Сухарто (1968–1998) не просто вступила в стадию интенсивного экономического роста, но и стала своего рода центром борьбы с угрозой коммунизма в регионе. Страна, отдавшая столь весомую дань этим идеям, после провала государственного переворота энергично приступила к решительным преобразованиям в противоположном антикоммунистическом направлении. Курс на приватизацию и иностранные инвестиции помогал становлению национальной буржуазии и вел к реформам, способствовавшим переменам в социальных и политических отношениях. Конституционные нормы и парламентарно-многопартийная система изживали естественные в стране и обществе элементы авторитаризма и коррупции. Преемники Сухарто продолжили политику реформ, хотя и встречались с серьезными трудностями как во внутривнутриполитических отношениях (имеются в виду проблемы Тимора и Аче), так и в свя-

зи с характерным для того времени разгулом антизападного терроризма мусульманских экстремистов. После всенародных президентских выборов 2004 г. во главе Индонезии стал С. Юдойоно, который добился новых успехов в развитии страны и ныне является одним из весьма авторитетных политических лидеров (журнал «Тайм» в 2009 г. включил его в сотню самых влиятельных людей).

Президент модернизировал системы образования и здравоохранения, заметно улучшил финансовое положение страны. В дни мирового кризиса, который индонезийцы почти не заметили (рост экономики в 2007–2008 гг. был около 6% ежегодно, в 2009 г. — 4,4%), он заявил, что главным для страны являются восстановление экономики и дальнейший рост благосостояния народа. По некоторым данным, известный американский банк Морган Стэнли предложил даже расширить аббревиатуру БРИК за счет Индонезии до БРИИК, хотя эта инициатива, насколько известно, принята не была. Стоит напомнить, что основная масса индонезийцев — мусульмане (первая по численности мусульман страна). И если принять сказанное во внимание, не забыв об аналогичной ситуации в Малайзии (оба государства вплотную сблизилось с теми, что демонстрировали *чудеса*), станет вполне очевидным, что мир ислама не един в своих принципиальных симпатиях и антипатиях по отношению к современному буржуазному Западу. ВВП на душу пока в многочисленной стране лишь 4,3 тыс. долларов.

Таиланд (67 млн) — страна буддистов, хорошо знакомая с хуачао, — в 80-е гг. начал быстро развиваться по западно-буржуазному либерально-демократическому стандарту, хотя немало было достигнуто и прежде. Премьер П. Тинсуланон, придя к власти (1980–1988 гг.), энергично приступил к реформам. Он привел в соответствие с проблемами страны законодательство, улучшил систему налогообложения и инвестиционный климат, привел к управлению страной технократов и начал борьбу с коррупцией. Свобода печати, политическая многопартийность, активизация парламента и соответствующие всему этому другие новации способствовали бурному экономическому росту. В стране было многое построено, велась успешная борьба с повстанцами. Расчет на приток рабочей силы в промышленно развивавшиеся города способствовал развитию. И хотя все это сильно затруднило военным совершать привычные в этой стране перевороты, в 1991 г. он все-таки произошел. Правда, длился недолго. Уже в 1992 г. массовые демонстрации и последовавшие после вмешательства чтимого тайцами короля Рамы IX выборы

привели к власти демократическое правительство Ч. Липкхая, который продолжил политику реформ.

Победа на выборах 2001 года Т. Чиннавата привела Таиланд к конфликту между буддистами и живущими на юге, близ Малайи, мусульманами. Чиннават начал было проводить жесткую политику подавления мусульман. Ответом на это стал военный переворот 2006 года, после которого были проведены выборы, но политическая устойчивость не была восстановлена. Сторонники Чиннавата в 2009–2010 гг. энергично, с многотысячными демонстрациями, настаивали на его возвращении к власти, считая именно его сторонником демократии в стране и требуя новых выборов. Эта партия одержала победу на выборах в июле 2011 г., а премьером стала сестра находящегося в эмиграции Чиннавата Й. Чиннават. ВВП на душу 8,7 тыс. долларов.

Филиппины (около 104 млн; 92% христиан) — последнее и наиболее слабое звено в цепи тех стран, о которых идет речь. Президент Ф. Маркос, правивший до 1986 г., оказался противоречивой фигурой. Пытаясь провести реформы и опираясь на авторитарную власть в манере сингапурского Ли, он потерпел неудачу, после чего власть перешла к К. Акино, вдове Б. Акино, незадачливого соперника Маркоса, родом из богатой семьи, причастной к хуацяо. Эта женщина взялась за реальное преобразование страны в буржуазно-демократическом плане, к чему давно стремились опекавшие Филиппины США. Однако выправить положение и обуздать коррупцию не сумела. Новый президент Ф. Рамос (1992–1998) добился больших успехов в экономическом росте страны. Однако при его преемнике Д. Эстраде все снова стало приходить в упадок, а сам президент был обвинен в коррупции. Глория Арройо, которая управляла Филиппинами с 2001 года, но формально была избрана в 2004 г., тоже достигла в развитии страны не слишком многого. Однако опора на США помогла ей добиться некоторых успехов в борьбе с мятежниками, как из числа коммунистов, так и мусульман-*морона* на юге страны. В итоге, однако, трудно сказать что-либо об успехах населенных христианами-католиками, прежде всего *тагалами*, Филиппин, кроме того что путь к обществу западного типа перед этой страной открыт и некоторые экономические успехи страны налицо. Напомню, что Филиппины тоже считают юговосточноазиатским *тигром*, хотя это государство менее зубасто и стремительно, нежели другие, в чем-то равные ему. С 2010 г. президентом страны является сын К. Акино, тоже Б. Акино. ВВП на душу 3,5 тыс. долларов.

КИТАЙ, ВЬЕТНАМ И МОНГОЛИЯ

Кроме вышеперечисленных стран, которые давно определились как более или менее полноценный резерв буржуазного Запада и либо уже превратились в общества западного типа, либо идут в соответствующем направлении, за последнее время в странах, причастных к китайско-конфуцианской цивилизации, появилось очень важное прибавление. Это государства, которые именно за последние два-три десятилетия более или менее решительно определились в выборе пути. Среди них самое видное место занимает гигантский Китай (1,34 млрд). И у него оказались для этого свои немалые основания. Начав реформы по инициативе Дэн Сяопина в далеком 1978 году, эта страна, забыв об экспериментах Мао, обошедшихся ей столь дорого и отнявших у нее три десятилетия развития, начала с энергией неофита наверстывать упущенное. Следует сразу же принять к сведению, что, хотя этот резкий поворот дался нелегко, у КНР были основания для столь существенной перемены. Они в традициях и воспитанном ими менталитете китайцев.

Опираясь на традиции древности и держа в уме незабываемые заповеди Конфуция (551–479 гг. до н.э.)¹, Китай, до предела организованный строгой в этом смысле конфуцианской традицией, был готов к решительной перемене всего курса жизни, столь неумело навязанного ему маоизмом. Привычный к незыблемой и всеми признанной социальной дисциплине и многими веками приученный к постоянному производительному труду, народ сделал главное, что от него ожидалось. Вместо экспериментов он приступил к будничной работе и удивил весь мир. Мир был удивлен не тем, что народ стал трудиться в нормальном ритме, от которого он за три десятилетия бурных событий мог отвыкнуть, но тем, как быстро и успешно этот

---

¹ Суть его учения в том, что главное в жизни каждого — быть достойным этой самой посюсторонней жизни, для чего следует совершенствоваться в добродетели, уважать людей и обладать чувством глубоко осознанного долга. Заботясь о старших (культ предков, сыновняя почтительность *сяо*) и участь у них праведной жизни, каждый должен стремиться достичь максимума возможного и, в частности, уметь добиться процветания в процессе упорного труда и великого старания в сочетании с высоким уровнем самоконтроля и дисциплины, а также в условиях постоянного самоусовершенствования и соревнования с другими. Стремление к мелкой выгоде и наживе должно отступать перед великим благородством мудрости тех, умных и способных, кто способен и готов вести остальных по верному пути истины и справедливости.

поворот был сделан теми же партработниками КПК, которые еще недавно были вовлечены Мао в явно деструктивные всекитайские эксперименты. И здесь требуются некоторые пояснения.

Выясняется, что, несмотря на десятилетия старательных уроков и активное заимствование советского марксистско-коммунистического опыта, КПК как организация (партия *нового типа*) в силу традиции оказалась в чем-то очень важным отличной от КПСС, а ее функционеры — *ганьбу*, казалось бы столь похожие на отечественную коммунистическую номенклатуру, не слишком похожими на советских. Они **оставались** в глубине души, во въевшихся традициях и стереотипах поведения скорей **чем-то и кем-то вроде старой китайской имперской администрации и ее чиновников и кандидатов в чиновники, ее привилегированного социального слоя грамотных шэньши**. Это крайне важно принять во внимание, ибо без понимания принципиальной разницы между теми и другими многое будет непонятным или, имея в виду специалистов, непонятым.

Дело в том, что вся постмаоистская администрация, обремененная исторически сложившимися обязанностями управления империей, с дивной легкостью, недоступной советско-коммунистическим партвыдвиженцам, лишенным китайско-конфуцианских традиций, хорошо понимает свой статус и свои обязанности перед империей, народом и социальным порядком¹. Ее задача не поддерживать неясно откуда и для чего принятую идеологию, которую смело можно счесть преходящей и даже не обязательной (в конце концов ведь действительно неважно, какого цвета кошка, если она исправно ловит мышей), но продолжать организовывать общество так, чтобы оно делало дело. И если оказывается, что дело идет споро и приносит растущий доход, причем не начальству, а обществу в целом, которое администрацию не обидит, то она, администрация, вполне в состоянии достаточно быстро измениться и стать такой, чтобы активно содействовать процветающему обществу.

Если для этого нужны развитое рыночно-частнособственническое предпринимательство и хорошо ведущие свои дела миллионеры — пусть все это будет и пусть этому будет оказываться должное почтение. Если нужна ротация высшего руководства — пусть будет и это. И если окажется, что вскоре страна и народ окажутся готовы-

---

¹ Следует напомнить, что выдвигать умных и способных входило в обязанности аппарата управленцев с глубокой древности, а система экзаменов предполагала и ротацию чиновников, что никак не соответствует жесткости советской системы номенклатуры.

ми к системе демократических выборов и даже к многопартийному парламентаризму, а то и вообще к либеральному строю и идейно-институциональному антично-буржуазному фундаменту, то нет никаких сомнений в том, что со временем администрация пойдет и на это, а Китай превратится в общество западного типа.

Исходя из этого не лишнего смысла и основания постулата, можно понять и очень многое другое в неясном для большинства современном Китае. **Например, проблема власти.** Это обычно центральная проблема, взгляд на которую и оценка которой решают все или почти все. Кто и как правит страной — вот и весь вопрос. С Китаем сегодня дело обстоит далеко не просто. С одной стороны, власть явно авторитарна, да и сама она, власть, здесь первична, тогда как частная собственность вторична и зависит от нее. Или, иначе, перед нами вроде бы традиционная восточная структура власти-собственности. С другой — здесь нет свойственной этой структуре жесткой системы централизованной редиистрибуции достояния огромного коллектива, но напротив, предоставлены немалые возможности частному собственнику. **В сегодняшнем быстро трансформирующемся Китае с необходимыми для его расцвета рыночными отношениями, не контролируемыми, но слегка и в пользу собственника государством регулируемые и направляемые, очень многое необычно.** Складывается впечатление, что власть и всю правящую элиту в Китае, в отличие от других аналогичных авторитарных структур, заботят не только и даже не столько интересы казны и возможность хорошо жить за ее счет, а то и наживать миллиарды, но совсем напротив, стремление побыстрее улучшить положение народа, энергично работающего ради этого.

А те, кто еще не понял такую политику и, действуя прежним образом, пользуясь преимуществами власти, свойственным ей правом редиистрибуции, стремится урвать свое, легко, невзирая на чин и должность, оказываются на скамье подсудимых и порой лишаются жизни. Китай — общество смешанного восточно-западного типа, но принципиальным отличием его, скажем, от нашего, по чьим большевистским лекалам оно кроилось в 40–50-е гг. XX столетия, является то, что жесткая марксистская догма при всем внешне еще высказываемом почтении к ней здесь уже не довлеет. На смену ей пришел традиционный прагматизм, воспетый и внедренный в умы еще в период становления конфуцианства. И это очень существенно. Обратим внимание хотя бы на столь болезненную у нас проблему прав и закона, суда, наказания и вообще всех правоохранительных органов.

Мы давно привыкли к тому, что гарантированных конституцией свобод и прав, судебной справедливости в реальности нет и что всегда прав тот, кто силен, ибо наши суды продажны либо подотчетны начальству. В Китае совсем не так.

Там власть КПК тоже господствует надо всем, включая правовые нормы и суд. Но эти нормы и суды не похожи на наши. Они строги к любому, и никто не может спрятаться от них. Иностранные инвесторы считают, что в Китае вести дела легче и лучше, чем в России, так как китайские законы и власть исходят из того, что буржуазные преобразования выгодны для страны и потому превыше всего. А о коррупции, за которую уличенных высоких чиновников в Китае публично казнят или сурово наказывают, не глядя на должность и заслуги, и не однажды в поучение остальным, а достаточно регулярно, в зависимости от реальной тяжести преступления, не приходится и говорить. Собственно, именно на этом, на наказаниях за преступления, а не по выбору начальства, все в сфере права и правоохранительных, как это у нас называется, органах и держится.

Но что позволило добиться этого? Избирательная система в Китае пока в условиях господства КПК не может считаться демократической. Она в очень большой степени регулируется и ограничивается сверху. Но едва ли были основания всерьез надеяться на то, что в стране со столь многочисленным населением, не знакомым с основами демократии, дело могло обстоять иначе. Можно продолжать в подобном духе и дальше. Однако стоит сменить акценты и вспомнить, что континентальный Китай — в отличие от островной его части, Тайваня, — освободился от тоталитарного режима со всеми его экспериментами лишь в 1978 г. А до того, не считая краткого нанкинского десятилетия 30-х гг. XX в с его скромными преобразованиями, ничего о западных нормах существования не знал. Сегодня Китай, будучи обществом смешанного типа, активно стремится перенять и преобразовать западные стандарты в пригодном для себя стиле.

Но почему так и в чем это проявляется? Страна почти свободна от беззастенчивого произвола, характерного для тоталитарных обществ. Строгость ее законов — писанных и неписанных, традиционных, — с лихвой это фиксирует, не нарушая привычного для дисциплинированного народа ритма жизни. А главное в том, что в Китае все сделано для того, чтобы направить энергию людей в сферу полезного производительного труда, способствовать инициативе и изобретательности и не дать возможности администрации безнаказанно снимать со всего этого густой навар. Китай как бы показы-

вает миру — особенно той части его, которая сопоставима с ним, — в чем суть его успехов. Но почему современное коммунистическое руководство проводит такую политику? Что они, из другого теста сделаны? Да, это именно так, особенно имея в виду многовековую практику замеса.

Обратим внимание на это руководство. Где еще вы найдете авторитарный режим, в рамках которого каждые десять лет регулярно, как в каких-нибудь США, один верховный правитель (пусть не президент, председатель) сменяет другого? И делается это не по выбору правителя, ибо власть не передается его избраннику, а по решению коллектива. Пусть это еще не всенародное решение. Но оно уже не зависит от выбора носителя власти и потому не имеет характера наследования и тем отличается от авторитарного принципа управления. А что реально это означает? Вдумайтесь — и все станет ясным. Это значит, что **никто не чувствует себя безнаказанным, свободным от ответственности за свои поступки**. Это значит — если что-то для кого-то еще остается не вполне понятным, — что **никакой судья или следователь не станет решать дело вопреки правде**. Слишком уж не захочется при следующем председателе сразу же оказаться на том свете по обвинению в коррупции или еще в чем-то сходном с этим. Теперь, надеюсь, всем понятна разница между китайским и отечественным авторитарным правлением? Нет никакого сомнения, что основной причиной этого является конфуцианская традиция честного подхода к процессу управления страной. Напомню, что основой его является принцип привлечения к этому делу образованного и пригодного управлять меньшинства с его прагматичным отношением к жизни.

В конституции страны, о чем хорошо известно, упорно утверждаются приоритет *социалистического строя* и даже *демократическая диктатура народа*. Социализм все еще запрещается *подрывать*. Но что показательно: в текст то и дело вносятся весьма любопытные поправки. Например, о *создании и усовершенствовании режима соцобеспечения, защите частного имущества, уважении и гарантии прав человека*. Эта поправка была принята в 2004 г. Совершенно понятно, что новации на уровне конституционного текста, а все это не пустые слова, как то бывает с иными конституциями, призваны свидетельствовать о движении страны во вполне определенном направлении. О том свидетельствует и сближение с буржуазным Тайванем. При новом, избранном в 2008 г. тайваньском президенте Ма Инь-цзю была открыта регулярная авиа- и морская связь с континентом и

взят обоюдный курс на сближение. А поскольку тайваньцы, которые щедро инвестируют экономику континента, и без того частые гости в Китае, то понятно, что открыта дорога именно континентально-китайским туристам, которые желают посетить остров. На первых порах их немного, всего несколько тысяч в год. Но главное в том, что очень важное дело сближения держащегося за *социалистический строй* и возглавляемого КПК Китая с либерально-буржуазной республикой и обществом западного типа, каким является современный Тайвань, начато. Что Тайвань не враг, а часть Китая. И это очень существенная перемена.

Китай меняется. И для столь огромной глыбы скорость перемен уму непостижима. Но что этому содействует? Опять-таки конфуцианская традиция. Я назвал бы ее традицией *ян*. В истории Китая, как то хорошо известно, эта мужская и потому более продвинутая традиция всегда уравнивалась четко противостоявшей ей неграмотно-крестьянской женской буддийско-даосской традицией *инь*, которая руководствовалась более инстинктами, нежели разумом, и потому совсем иными жизненными установками. В условиях кризиса она с сопровождавшей его внутренней неустойчивостью вела Китай к спорадическим бурным протестным движениям, ставившим своей целью вернуться к привычной социальной стабильности. Обе традиции в стране вообще-то всегда достаточно непротиворечиво сосуществовали. Но временами, в суровые периоды истории, на передний план выходила деструктивная *иньская*. Мао и маоизм — типичные ее представители. Однако естественной нормой динамики развития Китая были кратковременность взрыва, вызванного *инь*, и — при нормальном ходе событий — длительность конфуцианской *янской* традиции. Дэн Сяо-пин с его кошкой, которая ловит мышей, невзирая на ее цвет, — яркое выражение именно этой традиции, с чем едва ли кто-нибудь сегодня станет спорить.

Конструктивность такой традиции в истории Китая настолько очевидна, что буквально бросается в глаза. Страна, не имея ни нефти, ни газа, ни металлических руд или леса, так быстро добивается успехов и за короткий срок достигла столь больших результатов в процессе вестернизации, следуя по пути превращения в общество западного типа, что только диву даешься. Но почему естественный ход событий движет ее именно в этом направлении? Да именно потому, что перед нами страна умелых и способных практиков, руководствующихся тем, что приводит к успеху. В уникальной китайско-конфуцианской цивилизации многое необычно, а понимание причин этого требует

прежде всего знания истории и традиций столь необычной страны. Едва ли есть необходимость одну за другой называть все цифры, которые доказывают непостижимые для многих успехи Китая. Внешне это особенно заметно при знакомстве с пограничной линией по р. Амур, где еще вчера земля с китайской стороны была столь же пуста, почти не освоена и так же не заселена, что и с российской. Сегодня разница бросается в глаза, а дело в том, что при господстве конфуцианского *ян* вся страна обычно и очень интенсивно занята делом, дабы исправить все то, что было разрушено в годы преобладания начала *инь*. Так они жили всегда, так живут и теперь.

Китай еще в очень слабой степени олицетворяет ту основу, от которой зависит успех в процессе вестернизации и эволюции. Однако у этой страны есть объективные факторы, компенсирующие этот важный недостаток. Ими следует считать рационально-прагматические конфуцианские не слишком религиозные, но зато глубоко цивилизационные традицию и менталитет, а также и соответствующую именно им политику власти. Нынешняя китайская администрация, реализующая свое всеислие под флагом КПК и даже не порывающая с некоторыми презумпциями, все еще связанными с идеями марксистского социализма, — это не большевики и не авторитарные диктаторы, обычно склонные к произволу. Это в гораздо большей степени слабо авторитарные и практически почти стопроцентно конфуцианские просвещенные *шэньши*, что свидетельствует об очень многом.

Разумеется, не все в этой великой стране сегодня безусловно ладится, как то может показаться. Не стоит забывать, что едва ли не наибольшая половина населения, живущего на западе Китая, в солидном отдалении от моря и всей переразвитой прибрежной и прилегающей к ней инфраструктуры с ее столь огромными рвущимися вверх городами, далека пока от процветания, которого достигла восточная часть страны. И эта вопиющая разница не только сильно бьет в глаза, но и столь же сильно ударяет по перспективам страны. Поднять ее, отсталую периферию, многие сотни миллионов ждущих своего часа старательных рабочих рук, дать им дело и умело вписать всех их в успешное продвижение страны вперед — это очень не просто. Не уверен, что это вообще возможно, хотя и не сомневаюсь в том, что руководство Китая об этом думает не меньше, чем о реальном грядущем перенаселении страны, что тоже не может не считаться одним из самых больших ее мест.

Китай, и это мой главный вывод, который я формулировал в осторожной форме в одной из своих статей еще 10–15 лет назад, давно

и уверенно идет по пути превращения в буржуазную либеральную демократию. Он пока все еще далеко не общество западного типа. Путь его в этом направлении труден и долог. Но он выбрал этот путь. Выбор был сделан после смерти Мао Дэна Сяо-пином и именно он принес стране неслыханное процветание. Китай идет именно туда, где его ждет успех, и это не просто соответствует его интересам, но и обусловлено всей его цивилизационной спецификой. А доказывает преимущество такого пути не только и не столько его уже достигнутыми успехами, сколько тем, что именно так прошли свою дорогу к процветанию несколько цивилизационно близких к нему обществ западного типа, таких как Япония, Корея и Тайвань. Таким же путем рядом с ним идут и многие из других стран юговосточноазиатского региона, имеющие отношение к той же цивилизации хотя бы в результате воздействия на них переселенцев из Китая, хуацяо. О них уже шла речь. ВВП на душу 7,4 тыс. долларов.

Теперь несколько слов о **Вьетнаме** (91,5 млн). Стоит заметить, что параллельно с КНР в том же направлении, хотя и заметно отставая, движется с 80-х гг. и Вьетнам. Это и неудивительно, если принять во внимание, что на протяжении долгих веков Вьетнам был под очень сильным китайско-конфуцианским влиянием. Сегодня такого рода важное обстоятельство безусловно идет на пользу этой многострадальной стране, чьи отношения с тем же Китаем были в последние десятилетия не безоблачными. Впрочем, это не помешало прагматичным новым руководителям страны в 1986 г., когда успехи реформировавшегося Китая стали вполне ощутимы, взять аналогичный курс, избрать новый путь и проводить примерно такую же политику постепенной либерализации экономики и социополитической структуры, какую можно наблюдать в Китае. Разумеется, руководство компартии осталось незыблемым. Но, несмотря на это, политика обновления, как она официально именуется, привела к тому, что Вьетнам в 1995 г. вступил в сообщество АСЕАН, саммит руководителей которого был проведен в 2004 г. в Ханое. В общем, не в обиду будь сказано, Вьетнам во всем, причем уже много веков, следует по пути Китая. И эта настойчивость, прямо скажем, приносит ему сегодня немалую пользу. Не лишая страну ее идентичности, она почти стопроцентно ведет ее по лучшему из возможных для страны вариантов развития. ВВП на душу пока всего около 3 тыс. долларов.

Монголия (3 млн) — с 1992 г. парламентско-президентская многопартийная республика. Эта страна во многих отношениях необычна. И к китайскому ареалу, в том числе и с элементами хуацяо, ее при-

ставлять, быть может, и не стоило бы, если бы не одно важное обстоятельство: она гораздо больше, чем Китай, по сути столько же, что и Россия, была под властью марксистско-социалистических руководителей, которых к тому же назначали из Москвы. Но сразу же после крушения СССР она стала другой, с существенными элементами западного стандарта. Президент ее ныне Ц. Элбэгдорж (с 2009 г., от демократической партии). Экономика страны, в основном добывающая (страна богата полезными ископаемыми), хотя и представленная также перерабатывающими комбинатами, построенными в прошлом с помощью СССР, достаточно развита. Отсюда и вполне удовлетворительный уровень жизни немногочисленного населения, получающего неплохое образование и пользующегося хорошо налаженной системой здравоохранения. ВВП на душу 3,3 тыс. долларов.

ИНДИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Еще одна, уже совсем не конфуцианская группа стран, вполне очевидно взявшая курс на западный стандарт эволюции, хотя далеко не всегда последовательно его осуществляющая, это Индия (1,2 млрд) и немногие близкие с ней страны. Разные народы, языки, религиозно-идеологические традиции, цивилизации — целый и во многом особый мир, чья историческая судьба весьма специфична. Но существенны итоговые результаты, которые сводятся к тому, что влияние Запада преобразило всех. Однако сделано это было вовсе не так, как в китайско-конфуцианском, включая хуацяо, регионе. Напомню об основных событиях в Индии с того момента, на котором рассказ был приостановлен в третьей части этого тома.

Убийство премьера в 1984 г. вызвало в стране взрыв возмущения и привело к очередной победе конгресса на выборах в том же году. Премьером стал сын Индиры Ганди Раджив, который за годы своего правления (1984–1989) добился не слишком многого. После его правления к власти пришла оппозиционная коалиция, а в дни выборов 1991 г. он был убит. Страна оказалась перед достаточно трудным выбором. Привычное заигрывание с социалистическими идеями, пусть даже подчас скорей англо-фабианскими, чем марксистскими, но явно не способствовавшими достижению успеха в развитии, привело Индию к необходимости пересмотреть стратегический курс движения к будущему. Быстрый экономический рост можно было искать только на пути либеральной демократии и реформ, направленных на укреп-

пление рыночно-частнособственнической структуры, с которой Индия, благодаря своей долгой колониальной истории и усилиям британских администраторов, была хорошо знакома. Оставалось только сделать сравнительно небольшие усилия, несравнимые с теми, что пришлось на долю России или Китая, чтобы выправить акценты, искаженные благодушно-утопическими и в значительной степени просто популистскими расчетами недавнего прошлого.

Это и было сделано в начале 90-х гг., с которых, собственно, и берет начало стремительный рост современной Индии. И здесь важно сразу же заметить, что у Конгресса вначале не оказалось ни сил, ни авторитетных лидеров, которые могли бы справиться с этой задачей, что и доказал правивший от его имени в 1991–1996 гг. Н. Рао. Оппозиционная Бхаратия джаната партии (БДП) с 1996 г. начала теснить Конгресс, привыкший управлять страной. После выборов 1998 и 1999 гг. БДП возглавила коалицию, создавшую правительство, которое пыталось завоевать популярность, сделав ставку на приоритет индуизма. Правда, несмотря на это, экономические успехи стали заметны. Но этого было катастрофически мало. Стране нужен был серьезный экономический взлет.

Скачок произошел до известной степени неожиданно, но оказался очень резким, явным, даже чересчур демонстративным. Все началось с того, что в 2004 г. выборы вновь выиграл Конгресс, во главе которого в тот момент стояла вдова Раджива Соня Ганди, итальянка по происхождению. Она была несомненным кандидатом в премьеры, но, поколебавшись, решительно отказалась от этой высокой чести. Ее активно уговаривали, но решение было твердым. А вместо нее премьером стал ближайший ее советник Манмохан Сингх, из сикхов. И стал им он не случайно. В отличие от всех прочих премьеров этой страны он не был политиком, зато был высококлассным специалистом-экономистом, лауреатом ряда престижных премий, включая кембриджскую премию Адама Смита. Мало того, в 70–80-х гг. он занимал важные должности в системе финансово-экономических общеиндийских учреждений, заслужил огромный авторитет благодаря своим знаниям и исключительной памяти, а в 1991–1996 гг. был министром финансов и, как считается, именно он спас страну от банкротства.

Осуществленные им тогда налоговые и некоторые иные реформы освободили бизнес от излишнего административного контроля и открыли дорогу инвестициям. Рост экономики стал невиданно большим, до 7%, инфляция резко пошла вниз. Сингха стали именовать

архитектором индийской реформы, говорили в шутку о *манмоханомике* Индии. В 1993–1994 гг. его в авторитетных финансовых журналах не раз называли лучшим министром финансов. Словом, Сингх оказался тем, о ком обычно говорят иносказательно как о том, кто оказался *в нужное время на нужном месте*. А фондовая биржа Мумбая (Бомбея) отреагировала на его назначение резким ростом курса акций, который за несколько дней до того — когда решался вопрос о Соне Ганди — сильно упал. Став премьером, он очень умело вел внешнюю политику, поддерживая и устанавливая контакты со всеми, с кем у Индии должны быть нормальные отношения, — с США, Китаем, Пакистаном, Афганистаном и др. Но главное, уделил должное, даже преимущественное внимание необходимым реформам.

Не вникая в детали реформ, но обращая внимание на то, что они в немалой мере затронули и гигантскую индийскую деревню, важно заметить, что за последние десять-двадцать лет Индия, совсем забывая о социалистической фразеологии, развивалась очень быстрыми темпами и достигла заметных и весьма звучных результатов. Так, в 2007 г. ВВП страны превысил уровень в триллион долларов, а тот же год в процентном отношении вышел на уровень 9%, причем в основном за счет развития внутреннего рынка и сферы услуг, в которой явно лидирует информатика. Высоко развитой стала индийская фармацевтика. Вместе с тем в Индии быстро начали расти также и новые заводы, металлургические комбинаты, электростанции.

Правда, страна заметно отставала в сфере инфраструктуры, особенно в приведении в порядок дорог и в портовом строительстве. Зато появилось немало достижений в области аэрокосмоса, ядерной техники, авиа- и автопрома, биотехнологии и прочих весьма современных отраслей. Словом, Индия сегодня уже не является в строгом смысле слова развивающейся страной. Она достигла достаточно высокого уровня и тем более темпов развития, чтобы оказаться рядом с миром развитых стран. К этому стоит добавить, что, несмотря на удручающую бедность все еще немалой части деревенского — подчас и городского — населения, особенно низкокастового, численно преобладающего, эта страна внушает почтение своими успехами. Важно учесть, что они базируются на либерально-демократическом идейно-институциональном фундаменте, веками закладывавшемся еще в эпоху колониализма и более чем успешно, пусть даже не везде сразу, но все же проявляющем себя в реальной жизни огромной страны с ее, не стоит забывать, немалыми и непростыми традициями типа системы каст.

Индия сегодня быстро идет вперед, а ее институциональные преимущества дают ей основания ставить вопрос о том, что она в принципе сможет в будущем если и не выиграть соревнование с Китаем, то во всяком случае идти наравне с ним. Как бы то ни было, но очень важно то, что обе крупнейшие страны мира успешно двигаются вперед по пути превращения в общества западного типа. И пусть манящая цель (речь о стандарте жизни населения, свойственном развитым обществам западного типа) будет достигнута обеими странами еще не слишком скоро, особенно имея в виду очень резко отстающую половину населения каждой из них, уже вырисовывается то, что делает Индию и Китай странами, отличными от многих остальных. ВВП на душу в стране невысок, вдвое ниже Китая, 3,4 тыс. долларов.

Пакистан (190 млн, мусульмане), в прошлом немалая часть Британской Индии, тоже, естественно, получившая от колонизаторов серьезный заряд либерально-буржуазного многопартийного парламентаризма, стал после обретения независимости одной из крупнейших стран исламского мира. Но стоит сразу же заметить, что, долго развиваясь под сильным влиянием англичан и потому не будучи чуждой западным стандартам, эта страна вместе с тем немало впитала и от жесткости ислама. Парламентско-многопартийная система, президенты и регулярные выборы — наглядное свидетельство ее западных потенций. Но с начала XXI в. здесь же, рядом с мятежным не просто исламским, но крайним воинственно-исламистским Афганистаном талибов, свили гнездо и быстро начали пользоваться все возрастающей популярностью свои мусульманские экстремисты. Более того, Пакистан стал штаб-квартирой Аль-Каиды, местожительством бен-Ладена, что не могло не сказаться на положении дел в этой стране и на всех ее не слишком прочных, то и дело сотрясававшихся политическими переворотами институциональных основах.

В соперничестве исламизма Аль-Каиды с привитыми британскими колонизаторами фундаментальными основами буржуазного либерализма западного типа экстремальный ислам с сопровождающим его терроризмом шахидов и талибов за последние годы усилился и стал угрожающим для всего неспокойного региона. Еще сравнительно недавно о Пакистане можно было без обиняков говорить как о государстве, которое при свойственных миру ислама сложностях многое заимствовало от Запада и в принципе готово было идти в направлении укрепления стандартов общества западного типа. Сегодня это уже не совсем так. Страна явно сделала некоторый шаг назад, в смешанное общество вчерашнего дня. Она оказалась как бы на

перепутье. Мало того, в ней интенсивно идет процесс исламизации, причем отнюдь не в безобидной ее модификации, скорей в той, что ближе к экстремистскому исламу. Власти пока не в состоянии справиться с этим, ибо исламисты опираются на все более серьезную массовую поддержку в этой огромной стране, чему способствует слабость власти после убийства Беназир Бхутто, вынужденной отставки президента П. Мушараффа в 2008 г. и прихода к власти не готового к этому А. Зардари, мужа убитой Бхутто. ВВП на душу 2,6 тыс. долларов.

Государство **Бангладеш** (161 млн) в отличие от Пакистана оказалось в стороне от мятежного региона исламистов, что способствовало более спокойному и даже сравнительно успешному в 2000-х гг. его развитию. Современные институты в рамках Бенгалии создавались, как и в Пакистане, усилиями британских колонизаторов. Результаты их очень значительны, но в то же время экономика страны развивается не слишком успешно, хотя в целом развитие все же идет, а основы его еще не очень отдаляются от западных буржуазных стандартов. Невозможно, однако, не принять во внимание и здесь несколько менее заметный, чем в Пакистане, но вполне ощутимый уклон в сторону усиления значимости ислама как официальной религии. Нельзя не упомянуть и о хорошо заметной тенденции побудить часть населения перенаселенной страны из числа индуистов эмигрировать в соседнюю Индию. Словом, перед нами государство, стоящее на грани между теми, которые склонны двигаться в сторону общества западного типа, и теми, кто решительно против этого и сближается с мусульманскими странами. Во всяком случае, усиливаются те, для кого главное — нормы и стандарты традиционного ислама. ВВП на душу всего 1,6 тыс. долларов, на уровне многих стран Тропической Африки.

Шри-Ланка (21,3 млн), где мусульман практически нет, а результат длительного воздействия англичан в сторону либеральных институтов буржуазной демократии вне сомнений, принадлежит ныне к числу обществ, однозначнодвигающихся в сторону Запада. Рост ВВП в стране примерно 5% в год. Недавняя история омрачена страшным цунами 2004 г., когда погибло почти 40 тысяч человек, и кровавым завершением в 2009 г. длительной гражданской войны буддистов-сингалов с индуистами-тамилами. Президент М. Раджапаксе, который взял курс на обострение противостояния с тамилами и одержал над ними победу, считается жестким правителем, быть может и с авторитарными склонностями. В феврале 2010 г.,

после победы, он арестовал руководителя оппозиции и распустил парламент.

Однако нет серьезных оснований считать, что в стране, где давно уже господствует рыночно-частнособственническое хозяйство, приватизированы предприятия и плантации и развиты мелкий и средний бизнес, окончание изнурявшей страну гражданской войны приведет к серьезным политическим и тем более финансово-экономическим переменам. Шри-Ланку в большей степени, чем иные другие страны, о которых идет речь в данной главе, можно считать успешным государством, очень близким к обществам западного типа. ВВП на душу 4,9 тыс. долларов.

Непал (30 млн), пригималайское государство, ранее королевство, с 2008 г. республика, исторически был мало связан с Запалом, хотя использование англичанами войска гуркхов кое-что в этом смысле всегда значило, как, впрочем, и альпинизм (восхождение на Эверест). Как бы то ни было, по индийско-индуистские цивилизационные традиции оказывали на Непал немалое влияние, посредством которого в эту отдаленную от мира страну приходило и воздействие западного стандарта. Впрочем, драматические события, сотрясавшие Непал в сравнительно недавнее время, привели республику в государство с многопартийным парламентаризмом, хотя и среди партий (это явное влияние маоистского и постамаоистского Китая) численно и по количеству мандатов преобладают коммунистические. Законодательным органом пока все еще считается Учредительное собрание. Президент — Р. Б. Ядав из партии «Непальский конгресс», премьер — П. К. Дахал из компартии маоистов. Экономика слабо развита, альпинизм и туризм — основные источники дохода. ВВП на душу — 1,2 тыс. долларов.

Бутан (примерно 2,4 млн), небольшое пригималайское государство, с 2008 г. конституционная монархия с выборным парламентом. Экономика очень слабо развитая, промышленности почти нет. ВВП на душу в этой стране обычно замещают индексом *валового национального счастья*. Об этом реально очень заботится король. Экономика слабо развита, здравоохранение в связи с заботами монарха улучшается, детская смертность падает. Трудно всерьез говорить о западном стандарте применительно к этому отсталому заброшенному в Гималаях крошечному государству. Но и здесь, как в Непале, ощущается влияние Индии и Китая, что само по себе — принимая во внимание движение обоих гигантов в сторону Запада — кое-что означает. ВВП на душу, в отличие от полунищего Непала, высок, 5 тыс. долларов.

ТУРЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ АРАБСКИЕ СТРАНЫ

Обратимся к еще одной группе стран **третьего эшелона** с обществом смешанного типа, которые в большинстве своем были колониями и потому получили от Запада некоторый заряд, способствовавший их развитию в сторону соответствующего стандарта. Правда, этот заряд был наиболее активно использован как раз той страной, Турцией, которая колонией не была. Но главное не в этом, а в том, что все страны этой последней группы, включаемой с наибольшими условностями в число государств третьего эшелона, исторически связаны с исламом и все еще находятся под немалым его влиянием. Больше того, это влияние усиливается и заметно даже там, в Турции, где оно было сурово искоренено почти столетие назад знаменитым Кемалем Ататюрком. Правда, в странах, о которых пойдет теперь речь, ислам не является абсолютно определяющим фактором их жизни даже в тех случаях, когда он формально государственная религия. Это можно расценивать как фактор, облегчавший восприятие ими, пусть даже только в определенных пределах, западного стандарта, что, собственно, и дает основание видеть в них, с оговорками, некоторый его резерв. Но обязательно следует иметь в виду условность того, что это действительно резерв Запада, а не угрожающего Западу исламизма. Только будущее позволит решить этот вопрос.

Турцию (79,8 млн) по праву следует назвать первой в этом ряду. Она хоть и стала недавно, с приходом в 2003 г. к власти премьера Р. Эрдогана, отдавать повышенную дань давно вроде бы забытому в этой стране исламу, но в то же время давно уже является европейским государством, которое хочет стать членом Евросоюза. И у Турции есть основания для этого, хотя страны-члены престижного Евросоюза с принимающим решения Европарламентом (не стоит путать обе эти организации с гораздо более доступными для желающих Советом Европы с его ПАСЕ) не торопятся сделать это. Современная Турция по основным параметрам вроде бы, несмотря на активные заигрывания с исламом, соответствует стандартам общества западного типа. Ее институциональный фундамент, в основном усилиями преданных идеалам Кемаля военных, долго не был поколеблен, а базирующаяся уже довольно давно на рыночно-частнохозяйственной основе экономика более чем успешно развивается. Темпы экономического роста высоки, доход от туризма не уменьшается. Общество в целом продолжает выглядеть более вестернизированным, нежели исламизированным. Но охватившая исламский мир мода на почте-

ние к религиозным истокам стала в этом по основным показателям либерально-демократическом буржуазном государстве за последние годы очень заметной, чему в немалой мере способствует правящая исламистская партия *справедливости и развития*. Пока всё не выходит за пределы приемлемой нормы и, насколько известно, не рождает осязаемого количества экстремистов. Но не ясно, что будет дальше. ВВП на душу 12 тыс. долларов.

Египет (83 млн) долгое время не без усилий англичан был почти что витриной успехов ближневосточного региона, как и исламского общества близкого к западному типу. Однако затем, в XX столетии, ситуация стала меняться. Сначала в результате активного вмешательства СССР, затем под влиянием мусульманского экстремизма (*братья-мусульмане*). Под руководством Х. Мубарака (президент с 1981 г.) был установлен жесткий контроль над исламистами, начались демократические преобразования. С 1984 г. функционировала многопартийная система и проводились выборы в парламент, что не исключало сосредоточения власти в руках правящей партии. Мубарак осуществлял серьезные экономические реформы, проводил необходимую социальную политику, что в условиях демографического роста было сложно. В деструктивной деятельности исламистов он резонно видел угрозу своей власти, сотни арестованных активистов экстремистских группировок на рубеже 80–90-х гг. призваны были проявить твердость его курса на либерализацию экономики и всего образа жизни в стране. Однако на рубеже тысячелетий ситуация начала изменяться.

Прирост населения, давление со стороны не имеющей работы молодежи и рост цен вели к ограничению легальной деятельности оппозиции и усилению цензуры, что в конечном счете способствовало увеличению влияния в стране исламистов. Мубарак сумел преодолеть этот нажим и сохранить свою власть. В условиях нарастающего противостояния он продолжал необходимые реформы и при этом придерживался сбалансированной внешней политики. Не поддаваясь на провокации палестинцев, но и не мешая им в вооруженном противостоянии Израилю, президент держал очень дорого обходившийся ему нейтралитет, который позволял умерять пыл воинствующих палестинцев из организации Хамас в Газе (вся граница в районе Газы изрыта подземными ходами, по которым шли оружие и снабжение).

Ислам в целом здесь был много более воинственным, нежели в Турции, и сдерживался лишь весьма весомыми доходами от выплат за проход судов по Суэцкому каналу и туризма (чего стоят одни ве-

ликие пирамиды!). К ним можно добавить и доход от экспорта лучшего в мире длиноволокнистого хлопка, нефти и газа, да и от развивающейся в стране промышленности. Но все нарушилось в дни арабской весны 2011–2012 гг., когда режим Мубарака первым после волнений в Тунисе резко зашатался и рухнул в ходе многотысячных демонстраций недовольного населения. Сложившаяся после этого ситуация в стране далеко не проста. Каир традиционно считается центром исламской мудрости, у которой наметился прочный антизападный уклон, так что многое зависело именно от этого. Накал страстей в стране достаточно быстро выплеснулся за пределы разумной и выносимой страной нормы. Мубарак, против которого был направлена ярость толпы, был вынужден уйти в отставку, после чего он, а с ним правящая партия и военные, на которых отставной президент опирался, стали массивированным объектом нападок.

Ситуация в лишившемся сдерживающей узды Египте к рубежу 2011–2012 гг. практически окончательно вышла из-под контроля. С одной стороны, многоступенчатые и долго длившиеся выборы принесли решающую победу партиям исламистов, чего, собственно, в сложившейся обстановке следовало ожидать. С другой — нападки на бывшего президента и на военных, разумно не торопящихся отдать власть яростно-безответственной толпе или избранным ею исламистам, не сулят Египту ничего хорошего. Выборы новой власти, растянувшиеся на несколько этапов, четко свидетельствуют о перетекании власти в руки исламистов, которые, правда, пока всего еще не добились. Однако сам факт свидетельствует о том, что наивный расчет на создание в стране основ западной буржуазной либеральной демократии не оправдывается. Рушатся надежды, которые еще недавно, пару лет назад, подавал Египет всем тем, кто верил крикам из рядов митингующих о свободе, правах и демократии и имел неосторожность рассчитывать на успехи вестернизации в этой главной и наибольшей стране арабского мира. Пока что совершенно непонятно, что с этой страной станет завтра, как и то, считать ли все еще ее хоть в какой-то мере резервом не исламизма, а противостоящего ему Запада. ВВП на душу около 6 тыс. долларов.

Алжир (35,4 млн) чувствует себя много лучше. Вскоре после изгнания из страны французских колонистов он тоже столкнулся с усилением позиций исламистов. Но, на его счастье, это произошло намного раньше, чем то было с Египтом, когда исламизм уже набрал силу. 80-е гг. прошли под знаком очень острой внутривосточной борьбы и завершились первыми в стране многопартийными парла-

ментскими выборами 1991 г., которые привели к победе исламистов. После этого результаты выборов были отменены алжирскими военными, резко выступившими, как в те времена случалось и в Турции, против экстремистского ислама. Началась гражданская война, длившаяся почти десять лет и завершившаяся успехом военных. Новый президент А. Бутефлика (с 2004 г.) объявил амнистию и продолжал крепко держать власть в своих руках. Это в немалой степени подкреплялось теми возможностями, которые давали стране экспорт нефти и газа и соответственно высокие показатели ВВП.

Рассказывая об Алжире, существенно заметить, что западный стандарт, заложенный и многими десятилетиями поддерживавшийся колониальной администрацией и французскими колонистами, а после попытки исламистов взять власть оказавшийся под патронажем упомянутых алжирских военных, принес этой стране немало дивидендов. Они проявляются в том, что новые поколения воспринимают не только ценности ислама, но и те преимущества, что дает им западный стандарт. А система идей и институтов западного образца (многопартийный парламентаризм с честными выборами, вполне независимый европейского типа суд и многое иное) позволяет считать, что эта страна, в отличие от большинства других арабских стран, пострадавших от взрывов бушующей толпы в ходе драматических событий арабской весны, остается спокойной. Она уверенно движется в сторону укрепления элементов общества западного типа. ВВП на душу 7,4 тыс. долларов.

Тунис (10,5 млн) в этом отношении также достиг немало. После прихода к власти в 1987 г. президента Бен Али в этой стране была декларирована система множества партий, хотя реально управляла страной партия президента. Но были амнистированы сторонники оппозиции, реорганизован аппарат администрации, начаты экономические реформы. Демократизация общественной жизни привела к столкновению власти с исламистами, после чего использование ислама в политических целях было сразу же запрещено законом. И далее долго все шло спокойно. Вообще тогда было принято считать, что Тунис — древний Карфаген — одно из наиболее спокойных и близких к европейским стандартам благодатных мест на североафриканском побережье Средиземного моря. Рекламировались его великолепные пляжи и удобства для отдыхающих. Отсутствие жестких столкновений с исламистами, внутривластное спокойствие и достаточно давно налаженный быт страны с ее уклоном в сторону европейской традиции были нормой.

Однако Бен Али, просидев в правящем кресле немало лет, вошел во вкус и добавил к своему правлению немало от элементарного авторитаризма. Стране это не понравилось и, будучи привычной к другому, она в 2010 г. возмутилась, с чего, собственно, и начались протестные выступления арабской весны. Это завершилось позорным бегством Бен Али, после чего протестное движение прошло сравнительно спокойно и затронуло немногих. А жертв и вовсе почти не было, если не считать нелегальной миграции недовольной молодежи в близлежащую Италию, отчего случались крушения плавсредств. Теперь уже все в этой стране идет к восстановлению порядка и прежнего спокойствия. Вопрос в том, каким станет этот порядок. Выборы в Учредительное собрание (октябрь 2011 г.) дали большинство так называемым умеренным исламистам (термин весьма неясен, но об исламистах подробнее в заключительной части тома), чего следовало ожидать. Впрочем, несмотря на сохраняющееся и порой выплескивающееся недовольство тех, чьи ожидания решительных перемен не оправдались, внутреннее благополучие страны и ее восходящие к длительной и успешной вестернизации традиции все-таки сумели, вопреки нажиму толпы, сделать свое дело. Похоже, что Тунис, как и Алжир, но без долгой кровавой войны, обойдется без взрывов и, в отличие от Египта, скорей всего останется страной, открытой для дальнейшей вестернизации. ВВП на душу 9,5 тыс. долларов.

В Марокко (32,3 млн) при короле Хасане II, дожившем до 1999 года, и его сыне Мухаммеде VI шел серьезный процесс политической и экономической либерализации, который сопровождался постепенным превращением страны в конституционную монархию европейского буржуазно-демократического типа. Исламизм в Марокко не сумел сильно укрепиться, хотя некоторые другие политические проблемы (конфронтация с прокоммунистическими повстанцами Западной Сахары, временами обостряющиеся конфликты с местным берберским населением) ее беспокоят. Не слишком экономически развитая, эта страна с ее стратегически очень выгодным расположением в прошлом привлекала немало внимание колонизаторов, что способствовало ее вестернизации и развитию. В Касабланке ныне собирают автомобили. Страна пока еще не очень близка к развитому обществу западного типа, но и, что более важно, не противостоит ему с исламистскими лозунгами. ВВП на душу около 5 тыс. долларов.

Ливан (4 млн), наиболее развитая часть прежнего Леванта, всю вторую половину XX столетия с немалым трудом отбивался от натиска палестинцев, мигрировавших в эту страну, где ими было соз-

дано несколько воинственных лагерей беженцев. Понятно, что это не могло не нарушить и даже больше того, не разрушить тот вполне благопристойный и опять-таки близкий к западному стандарт, который долгими десятилетиями внедрялся, не без участия Англии и Франции, в этом многоконфессиональном регионе на севере Аравии. Внутриполитическая ситуация вела к почти непрерывным столкновениям, которые в 1975–1990 гг. переросли в серию войн, затронувших и Израиль. Они были с трудом завершены в начале последнего десятилетия XX в. Однако и после этого спокойствие в стране наступило, несмотря на вмешательство ООН, далеко не сразу. Лишь в начале 2000-х гг. ситуация пришла в норму, причем немалую роль сыграл вывод из страны войск соседней с ней Сирии. И это сразу же сказалось на улучшении в Ливане экономического климата и на развитии процветавшего ранее рыночно-частнособственнического хозяйства со всеми необходимыми атрибутами буржуазного стандарта. Экономика, включая рост ВВП, начала восстанавливаться. Институциональная основа, в том числе свободные многопартийные выборы, стала нормально функционировать. Об успехах исламистов в этой стране разговоры не идут. ВВП на душу высок, 14,2 тыс. долларов.

Иордания (6,3 млн), которая в свое время тоже пострадала от наплыва палестинских беженцев, сумела, в отличие от Ливана, вскоре избавиться от большей их части. Будучи конституционной монархией, это небольшое государство, несмотря на существование в нем влиятельной группировки исламистов (*братья-мусульмане*), многое заимствовало от западного буржуазного стандарта. С рубежа 80–90-х гг. в стране нормально работают партии и парламент. Мирный договор 1994 г. с Израилем гарантировал ее от войн, а король Абдалла (с 1999 г.) начал реформы, ведущие к успешному экономическому развитию, сопровождаемому процессом приватизации и энергичным технологическим обновлением производственного потенциала страны. Влияние западного стандарта в ходе этих реформ вне сомнений, хотя далеко не все здесь соответствует нормам общества смешанного типа, которое развивается в сторону западного типа. Но исламисты себя не проявляют. ВВП на душу 5,3 тыс. долларов.

Ирак (29 млн), где долгие годы шла война, сперва против захватившего в этой стране абсолютную власть С. Хуссейна, а затем с многочисленными исламистами разного толка, ныне понемногу все-таки превращается в страну, вынужденную немало взять от структуры западного мира. Пока еще не ясно, насколько это внедренное западное начало окажется прочным. Но есть основания полагать, что тысячи

жертв, принесенных западными военными ради этого, не пропадут зря. Будущее покажет. Пока следует ограничиться выражением надежды на то, что богатая нефтью и соответственно долларами страна сумеет распорядиться своими природными ресурсами так, чтобы они помогли ей восстановиться после войны и при этом не стать жертвой какого-либо очередного диктатора и тем более вьющихся вокруг нее экстремистских исламистских группировок. Существенно, что страну сотрясают взрывы, что, правда, свидетельствует об обострении противоречий суннитов с шиитами, но отнюдь не исключает и наращивания активности греющих руки на этой напряженности обычных исламистов. ВВП на душу 3,6 тыс. долларов.

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ РАЗВИТЫХ СТРАН ВОСТОКА

Итак, перед нами огромная группа стран Востока, вестернизация которых привела большинство их к немалым достижениям. Достижения эти весьма разные, как и сами страны. Но есть во всех только что рассмотренных государствах Востока и нечто общее, в какой-то мере заметно сближающее всех их, что и дает основание рассматривать их в рамках единой группы. Включая всех их в **третий эшелон** стран, которые если еще и не причастны к Западу, то в любом случае неплохо знакомы с западным стандартом и в определенной мере готовы сближаться с ним, **многим из них дается некоторый аванс**. Но, если внимательно присмотреться, окажется, что, во-первых, это самые значимые страны современного незападного мира, а во-вторых, по меньшей мере часть их уверенно проявляют свои потенции и успехи, позволяющие надеяться, что у них есть шанс подойти к стандарту Запада. Это означает, что взятый ими курс на вестернизацию вообще-то не оказался бесполезным, хотя твердо говорить о его результатах еще рано. На это можно уповать, если сопоставить ситуацию в некоторых из них с долгое время существовавшим там курсом на эволюцию в форме коммунистической утопии.

Об этом стоит лишний раз упомянуть, ибо коммунизм в конечном счете тоже доктрина, пришедшая с Запада и воспринятая миром вне Запада. Но он уже, надо надеяться, уже похоронен, причем, несмотря на гром, который сопровождал похороны, утопия умерла довольно тихо и незаметно, как в бывшем СССР, так и в бывшем маоистском Китае. Громче было разве что на периферии вроде Вьетнама или Югославии. Однако в масштабе планеты все произошло сравни-

тельно тихо и почти незаметно. Мир пока, правда, не весь, понял, что с утопией покончено и хочешь не хочешь, но нужно браться за дело. И многие, одно время бывшие под весьма заметным влиянием идей марксистского социализма (будем пока осторожны — речь не обо всех, но практически о подавляющем большинстве стран, отдавших ему время, силы и возлагавших на него неоправданные надежды), действительно принялись за дело.

Здесь особо выделяется Китай. Конечно, идейно-институциональный его фундамент еще в очень слабой степени соответствует тому, от чего, как правило, зависит успех в процессе вестернизации и эволюции. Однако у этой страны есть объективные факторы, компенсирующие этот недостаток. Речь о рационально-прагматической конфуцианской цивилизационной традиции и соответствующей именно ей политике власти. Китайская администрация, все еще реализующая свое всеисие под флагом КПК, и традиции, связанные с идеями марксистского социализма, — это не большевики и не авторитарные диктаторы, обычно склонные к произволу. Это, как упоминалось, в гораздо большей степени привычные конфуцианские шэньши. И вот результаты. Рывок Китая вперед не сопоставим ни с каким другим в любой стране, большой или малой, даже с Сингапуром (хотя именно эта аналогия в немалой мере оправдана).

Поражает не столько мощь, сколько результативность. И едва ли есть основания сомневаться в том, что эту страну в обозримом будущем никто не сумеет обойти. Разумеется, речь пока не идет о соперничестве с высокоразвитым Западом, тем более с США с его научно-технологическим потенциалом. Да и не с Японией. Но что касается других, особенно неевропейских стран, то предположения, что они в состоянии в обозримый промежуток времени встать вровень с Китаем не обоснованы. Потенциал любой из этих стран не сравним с китайским просто потому, что гигантская невероятно дисциплинированная страна под привычным для нее руководством строгой администрации являет собой практически непреодолимую силу. И очень похоже на то, что эта сила способна быстро возрасти по мере того, как власть предоставляет народу ту степень демократического стандарта, к которой он становится готов. При этом Китай имеет неплохие шансы сохранить все то, чем он всегда обладал, начиная с социальной дисциплины и кончая невероятной трудовой активностью со свойственной китайцам состязательностью. Все это трудно найти еще у кого-либо, во всяком случае, в таком количестве.

И хотя давать прогнозы всегда дело рискованное и неблагодарное, вне сомнения то, что Китай давно уже не застойное и тем более не реверсивное, но общество смешанно-переходного (акцент стоит сделать на его переходном характере) состояния, намеченный путь которого к обществу западного типа вне всяких сомнений.

А вот если начинать, как то наиболее привычно и нормально, именно с идейно-институционального фундамента государства и общества, да еще и зафиксированного в законодательной форме и соблюдаемого в реальности, то пальму первенства, безо всяких сомнений, следует отдать Индии. Это страна, где с наибольшей силой проявилось то, что Р. Киплинг в свое время несколько высокомерно назвал *бременем белого человека*. Он имел в виду заботу о внедрении основ буржуазной либеральной демократии, которую англичане с завидным постоянством демонстрировали не только в Индии, но более всего именно в ней. Результатом наличия и действенности фундамента стал обусловленный им безусловный приоритет частного рыночного предпринимательства. Важно, что этому активно содействовало государство, что, правда, довольно длительное время заметно замутнялось наивно-социалистическими (не марксистского, но лондонско-фабианского толка) устремлениями лидеров Конгресса.

Нет ничего удивительного в том, что развитие огромной страны после ее деколонизации шло довольно медленно, а то и рывками с реверсиями, особенно принимая во внимание энергичное соперничество между ИНК и националистическими партиями. Прошло достаточно много времени, прежде чем страна выработала необходимый консенсус, ныне уже никем всерьез не оспариваемый. Это время сыграло свою роль, что и фиксируется успехами в развитии, четко выявившимися лишь в 80-х и еще более с 90-х гг. Как и Китай, Индия являет собой общество, увереннодвигающееся из смешанно-переходного состояния в состояние общества западного типа. При всех сложностях, обуславливаемых бедностью и отсталостью пока еще явно преобладающей в стране бедной и отсталой деревни с существующими в ней и активно функционирующими кастовыми ограничениями, которые не совместимы с принципами равенства граждан, она сегодня бурно и очень успешно развивается.

На фоне этих гигантов события в других странах могут показаться второстепенными. Но в том и сила глобального процесса вестернизации, что он так либо иначе затронул всех, от стран с лидирующим меньшинством хуацяо до тех государств, в которых большую

роль играет ислам, подчас объявленный государственной религией. Понятно, что на перемены эти ушло немало времени. В случае с хуачяо долгие века. Если говорить только об осознанной политике колониальных держав — несколько меньшее время, но тоже исчисляемое столетиями. Однако важен результат. Он очень заметен, пусть с должными оговорками, особенно имеющими в виду события последних лет, и в наиболее развитых мусульманских странах, от Турции и Пакистана до Индонезии и Малайзии. Виден он и на примере сравнительно небольших, но достаточно развитых стран ислама, длительное время бывших колониями, что всем им пошло на пользу. Это особенно касается большей части Леванта (Ливан, Иордания, кроме разве Сирии), а также Алжира, Туниса или Марокко. Практически почти весь Магриб и Левант, долгие век-два, а то и два-три бывшие колониями, английскими и французскими, не оказались под сильным влиянием исламизма. Исключения — наиболее крупные страны региона, Египет и многострадальный Ирак. Особо стоит вести речь о Сирии и ставшей колонией лишь в XX веке Ливии, о которых речь далее.

Нельзя сказать, что все эти страны, в большей части которых религия считается государственной, не были затронуты выходом на авансцену истории экстремального исламизма. Напротив, практически ни одна из них не миновала воздействия с его стороны. Но, как только что было сказано, многие из них, прежде всего подвергавшиеся в период колониализма длительной вестернизации, хотя и не все, сумели одолеть натиск исламистов. В некоторых странах (Египет) это еще вызывает сомнения. Впрочем, об этой проблеме, тесно связанной с феноменом арабской весны, еще специально пойдет речь. Бациллу мусульманского экстремизма нельзя недооценивать, хотя проявила она себя не везде, в ряде стран с преобладающим мусульманским населением она по разным причинам оказалась сравнительно слабой или была, как в Алжире, решительно уничтожена силой военных почти что в зародыше. Видимо, это не следует считать случайным. В тех странах ислама, которые немало вкусили от стандарта благосостояния Запада и где военные сумели противостоять исламистам, ситуация оказалась более благополучной.

Вообще материалы главы свидетельствуют о том, что страны и народы, которые до эпохи колонизации ничего не знали о достижениях Запада, а после этого начали понемногу и все ускоряющимися темпами знакомиться с ними, стали иными. За период жизни примерно десятка, а то и с лишним поколений они изменились очень

заметно, что, впрочем, как правило, не помешало им сохранить их религиозно-цивилизационную идентичность. Склониться к новому, будучи сдерживаемыми жесткой и нетерпимой идентичностью, дается не всем и не сразу. Но подъем ислама и активность исламистов являют собой столь мощный духовно-цивилизационный импульс, соответствующий исконным ценностям мусульман, что на этом фоне многое должно было измениться. И мир ислама стал меняться. Не везде это приняло одинаковые формы, но за редким исключением вроде Индонезии, Малайзии, Марокко или Ливана страны исламского мира так либо иначе, пусть пока слабо, как в Турции, но были затронуты могучим всплеском исламизма. Нужно оговориться, что эти предварительные выводы пока еще преимущественно относятся к ближневосточному или тяготеющему к нему арабо-африканскому и, в меньшей степени, к аравийскому и афганно-пакистанскому Востоку.

Глава двадцать восьмая. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ПРОЦЕССЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Латиноамериканский субконтинент трудно назвать имеющим отношение к Востоку. Но речь, как условились, идет не о географии. Много важнее другие важные факторы, начиная с метисного состава населения и совсем другой, иберийско-католической религиозно-цивилизационной основы с соответствующим ей менталитетом. Существенно и то, что большую роль в развитии сыграли мигранты из числа европейцев, в основном католиков, которые постоянно притекали в Америку. Не стоит забывать и о влиянии США и революционных перемен в Европе на рубеже XVIII–XIX вв., а также о том, что деколонизация субконтинента в основном приходится на начало XIX в.

Словом, Латинская Америка — это группа неевропейских стран из того же **третьего эшелона** современных стран, ориентирующихся на западный стандарт, о котором идет речь в этой части тома. Как и другие, эта часть третьего эшелона, латиноамериканские страны, имеют некоторые основания — хотя не все и не без необходимых оговорок, — быть включенными в число тех, которые могут и даже имеют основания считаться олицетворением пути эволюции значительной части человечества в наши дни. В чем-то эта часть третьего эшелона специфична. Быть может, не менее, чем все собственно вос-

точные, в чем-то и более них. В любом случае она никак не менее значима и важна, чем остальные, о которых шла речь. Представляющие субконтинент страны демонстрируют потенции разных республик, в большинстве своем давно уже включенных в процесс вестернизации. Стоит в этой связи заметить, что от удельного веса уцелевшей и численно возросшей мало изменившейся средневековой индейской деревни, анклавы которой видны повсюду и наиболее активны в Центральной Америке, включая и Мексику, зависели и зависят темпы и итоги латиноамериканской вестернизации. Если принять во внимание объективные потребности капиталистического рынка, который особо активизировался здесь после ранней (начало XIX столетия) деколонизации, как и дробность внутренне непрочных и неустойчивых политических образований, почти все встанет на свои места.

Перед нами нечто не столько необычное, сколько сложное, комплексное и разнообразное. При этом и сложность, и тем более разнообразие восходят сразу к нескольким хорошо известным исходным параметрам, которые сыграли свою роль. Это воздействие природной среды, уровень разных культурных традиций многих изначально сложившихся метисных групп населения субконтинента и наличие тех либо иных (сразу стоит заметить, богатых и ценных) ресурсов. Но это также и умение пользоваться своими ресурсами, и извечные страсти амбициозных индивидов, которые лидируют в социальных и политических процессах, да и многое другое. К этому *другому* стоит отнести средний сложившийся на этой комплексной основе довольно архаический стандарт нормы существования, с трудом порой поддающийся осмыслению и чем-то постоянно напоминающий наш отечественный. Можно было бы сказать, не погрешив против истины, что такой стандарт в общем и целом соответствует определенному уровню и периоду всемирного исторического процесса. Но в данном случае он в силу обстоятельств или по прихоти судьбы сконцентрирован, как, впрочем, и в случае с Россией, на некоторой (и немалой) части планеты.

Впрочем, вполне естественно, что здесь не найти единообразия и тем более одинаковых результатов развития. Напротив, видно, как при многих, казалось бы одинаковых предложенных судьбой условиях (напрашивается опять сравнение Чили с Кубой) легко получаются очень разные результаты, которые при этом не выходят за рамки всего того, что происходит и в других регионах земного шара. Приняв во внимание сказанное и то, что за ним, обратимся к реалиям современного латиноамериканского субконтинента, который обыч-

но воспринимается как особый регион со свойственными ему характеристиками, что отчасти вполне соответствует истинному положению вещей. На сегодняшний день этот регион довольно отчетливо делится уже не на три, как я делал это, имея в виду более ранний период, а на две вполне четко определившиеся подгруппы, каждая из которых дает о себе знать и о которых теперь и пойдет речь.

УСПЕШНО ВЕСТЕРНИЗУЮЩИЕСЯ РЕСПУБЛИКИ

Начнем с тех стран, которые проявили себя наилучшим образом и могут, особенно по сравнению с остальными, считаться наиболее успешно идущими по пути вестернизации и превращения в общества западного типа. Среди них как большие, так и маленькие государства, населенные преимущественно европейцами и другие, богатые природными ресурсами и не имеющие их. Словом, разные страны. Но всех их на сегодняшний день объединяет выраженное стремление идти по западному пути развития и именно на этом пути добиваться успехов. У одних это получается лучше, у других не столь хорошо. Больше того, заранее стоит предупредить читателя, что грань между теми, кто преодолел некий важный рубеж на пути вперед, и теми, кто не сумел этого добиться, очень неопределенна. И не исключено, что через несколько лет, тем более с приходом к власти нового президента, который представляет оппозиционную партию, или с захватом власти очередным генералом и кандидатом в автократы, ситуация не изменится. Но с этим приходится мириться. Таков уж, как только что говорилось, этот регион.

Бразилия (206 млн) — первая в ряду наиболее успешных. Эту страну за последние годы ставят в ряд с Индией и Китаем. Она, однако, безусловно, во многом им уступает. Это и не удивительно. Иные масштабы, совсем другой исторический путь. Бразилию поэтому гораздо более резонно сопоставлять с родственными ей и близкими по историческому пути латиноамериканскими республиками, о чем и пойдет теперь речь. По размеру и численности населения, из которого около половины, что важно, европейцы по расе и происхождению, она отличается от большинства их и сближается разве что лишь с перенаселенной Мексикой. Однако дело далеко не только в этих показателях, хотя их стоит принять во внимание. Важнее проблема развития, которая и делает эту страну в глазах некоторых потенци-

ально сопоставимой с миллиардными Китаем и Индией. Едва ли это справедливо. Но не стану спорить. Просто обращаю внимание на то, о чем еще не было сказано. Как уже шла речь, в годы правления захвативших власть генералов (1964–1985) страна добилась в условиях двухпартийного, с 1980 г. многопартийного, парламентаризма высоких темпов экономического роста, позволивших начать бурное развитие в стиле латиноамериканского чуда.

Президент Ж. Сарней (1985–1990) начал энергичные демократические реформы, как политические, так и экономические. Не стоит снова вести речь о том, сыграл ли в этом какую-либо роль коллапс коммунизма. Просто примем к сведению совпадение по времени. Сфера экономики развивалась особенно успешно. Бразилия неслась вперед, как на крыльях. Развивалась электроника, шли аэрокосмические разработки. Страна освоила производство компьютеров (чего у нас, как известно, не получилось) и ракет различного радиуса действия, что вполне определенно свидетельствовало об уровне ее научно-технического стандарта. В годы президентства Ф. де Мело (1990–1992) были приняты некоторые меры для оздоровления финансовой системы. Военных законодательно отстранили от политики. Увеличился объем внешней торговли и инвестиций. Однако рост инфляции и коррупционные скандалы привели к досрочной отставке президента. Сменивший Мело его вице-президент И. Франко (1992–1995) сделал ставку на приватизацию и снижение налогов. В годы его правления страна запустила спутник и создала свою ракету-носитель.

Снижение инфляции способствовало популярности министра финансов Ф. Кардозо, который был избран президентом (1995–2002). Он продолжил курс на приватизацию и привлечение инвестиций, сумел одолеть инфляцию и успешно завершить начатую его предшественниками аграрную реформу. Его преемник Л. да Силва, с успехом управлявший страной до конца 2010 г., уверенно продолжил экономическую политику своего предшественника, что привело Бразилию к новым достижениям. На рубеже 2010–2011 гг. президентом стала Д. Русеф, до того бывшая руководителем администрации да Силва. Развитие страны успешно продолжается. Только за 20 лет, с 1975 по 1995 г., ВВП страны возрос в 10 раз (с 74 до 750 млрд долларов), да и после этого уверенно продолжал расти. Не отстают темпы эволюции страны и сегодня. Современная промышленность выпускает автомобили (примерно 1,5–1,7 млн в год; немалая часть их, к слову, предназначена для использования не бензина, а этанола, кото-

рый производится из растений, в частности сахарного тростника) и самолеты разных типов.

Бразилия, чего вовсе не следовало ожидать, ибо склонностью к войнам эта страна не отличалась, стала одним из мировых лидеров в области производства оружия. Получило немалое развитие судостроение (около 20 верфей). Исключительно богатая сырьевая, особенно сельскохозяйственная основа страны позволяет ей многое производить и быть в достаточной мере самообеспеченной. Проблемы развития, имеющие самое прямое отношение к социуму, достаточно успешно решаются этой страной, которая за последние годы увеличила внимание к социальным проблемам, включая образование и здравоохранение индейцев бассейна Амазонки. Опираясь на темпы развития, страна заботится и о развитии инфраструктуры. Резко расширяется сектор услуг. По некоторым подсчетам, на долю Бразилии приходится 2/3 промышленного и свыше половины научно-технического потенциала всего южноамериканского континента.

Бразилия, как и все латиноамериканские страны с фиксированным в их законах либерально-демократическим многопартийным парламентаризмом, долгое время была в числе стран, где законы вынужденно сосуществовали с несоответствующей им, но вполне привычной для населения авторитарной реальностью. Только немногие последние десятилетия как-то преломили эту традицию, а идейно-институциональный антично-буржуазный фундамент достаточно прочно занял свое место, обеспечив, пусть с заметным опозданием и с несколько меньшей привлекательностью, достигнутый многими другими неевропейскими странами свойственный развитому миру стандарт, в том числе и в сфере экономики. Далось это не легко. Процесс шел медленно, рывки с реверсиями были частыми и болезненными. Консенсус и связанные с ним безусловные успехи стали обращать на себя внимание лишь недавно, в 90-х гг. Конечно, фиксируя успехи Бразилии, вполне можно сравнивать ее с Китаем и Индией. Но, делая это и не пытаясь переусердствовать, стоит все-таки помнить, что на деле сопоставление это не вполне корректно и что лучше считать Бразилию первой в Латинской Америке и тем самым видеть в ней некий маяк, указывающий путь другим, прежде всего в той же вполне нуждающейся в некотором поощрении Латинской Америке. ВВП на душу 10,9 тыс. долларов.

Об успехах Чили (17 млн, 30% европейцев и метисы), основы которых были заложены А. Пиночетом около 40 лет назад, говорят обычно, особенно у нас, с желчью. До сих пор многие ставят в счет

генералу его решимость применить насилие по отношению к авантюрной политике Альенде с его коммунистическими интенциями, проявившими себя в Чили в 70-х гг. и явно предрекавшими этой стране судьбу Кубы. Этого, как известно, не случилось, и я бы за одно только это поставил памятник генералу. Однако, не будучи чилийцем и не намереваясь вмешиваться в их суждения о том, что их страна получила от режима Пиночета и как она расцвела после этого (похоже, что сами они, долго пытавшиеся преследовать генерала, сумели наконец ощутить и оценить его достижения лишь в 2010 г., когда президентом был избран экономист и бизнесмен С. Пиньера), скажу лишь несколько самых необходимых слов.

Начать стоит с того, что лишь после отказа от крайне рискованных социалистических экспериментов страна сумела полностью использовать свои природные преимущества, начиная с месторождений меди либо селитры и кончая многим другим. В стране была налажена эффективная рыночно-частнособственническая экономика, которая оказалась способной в буквальном смысле слова обогатить страну, создав очень высокий уровень жизни (средний рост ВВП 6–7%). После этих цифр нечего сказать, они свидетельствуют о процветании лучше всех слов. Хочется лишь добавить, что и все остальное соответствует им. На мой взгляд, Чили сегодня в Латинской Америке — с точки зрения той темы, которая находится в центре нашего внимания (имеется в виду степень превращения страны в общество западного типа), — страна номер один и едва ли не обгоняет в этом плане Бразилию. Слабость ее, которая не позволяет ставить ее на первое место, в скромных размерах, не сопоставимых с гигантом, каким является Бразилия. Зато ВВП на душу 15,5 тыс. долларов.

Коста-Рика (4,6 млн) с ее преимущественно белым населением и очень небольшой территорией (географические условия страны способствовали в прошлом заселению ее преимущественно бедными испанскими колонистами, которые становились фермерами, тогда как плантаций, а потому и негров-рабов, здесь не было). В середине XX в. страна переживала долгую эпоху политической нестабильности. Позже ситуация выправилась. В современной экономике страны высока доля электроники и медицинских приборов. Крохотное население страны, отсутствие армии и уважаемое всеми на континенте имя лауреата Нобелевской премии мира бывшего президента (1972–1977) Оскара Ариаса, получившего награду в 1987 г. за становление мира и стабильности в Центральной Америке, являются визитной карточкой этой страны, прекрасные курорты побережья

которой давно уже выбраны не слишком богатыми американцами в качестве излюбленного места отдыха. ВВП на душу 11,4 тыс. долл.

Аргентина (42 млн, в основном европейцы) с ее прошлыми неудачами в экономической и социальной политике не блещет высокими результатами. Однако она должна быть включена в число республик, которые фактически вплотную подошли к стандарту обществ западного типа. Промышленность здесь хорошо развита и в основном приватизирована. Есть нефть. Фиксируется заметный экономический рост за последние годы. Однако этого явно недостаточно. Существенно учесть, что симпатии четы Киршнеров (оба они, сперва Нестор, с 2003 г., а потом Кристина, с 2007 г., избирались президентами страны) к венесуэльскому Уго Чавесу говорят сами за себя и, как понятно, ничего в пользу достижений Аргентины в плане продолжения и тем более успешного завершения процесса вестернизации добавить не могут. Стоит отметить, что многие специалисты обращают внимание на неудачи Аргентины в недавнем прошлом, проявившиеся в том, что она уступила свое первенство в развитии другим. Однако у этой страны, несмотря ни на что, похоже, есть неплохое будущее. ВВП на душу 15 тыс. долларов.

Мексика (115 млн, метисов свыше половины, 30–40% индейцев), эта родина древнеамериканской цивилизации, ознаменовала решительный поворот к либеральной буржуазной демократии в середине 80-х гг., причем примерно так же, как это сделала в те же годы Индия. К власти пришел представитель правящей *революционной* партии (ИПР) знающий экономист К. Салинас де Гортари, который за годы своего президентства (1988–1994) провел ряд реформ, направленных на приватизацию экономики и финансов и на поощрение иностранных инвестиций. Однако реально достигнутого было много меньше. Государство, оставив за собой добычу и экспорт нефти, сумело достичь неплохого уровня прироста ВВП, одолеть инфляцию, уничтожило немалое количество (100 тыс. га) плантаций наркотиков. В 1992–1994 гг. было создано объединение НАФТА, что помогло расширению торговых связей с США. Но страна с ее индейским населением в деревнях оказалась недостаточно готовой к радикальным преобразованиям. Реформы в аграрных отношениях были непопулярны, так как они способствовали закреплению частной собственности крестьян на их вроде бы всегда считавшейся общинной либо вообще ничьей землей.

Целью реформ было, насколько можно понять, создание условий для появления более или менее крупных товарных фермерских

хозяйств (но не латифундий!). Поэтому не приходится удивляться тому, что в конце срока правления Салинаса в стране резко обострилась внутривластная обстановка. Восстание крестьян-индейцев *сапатистов*, недовольных земельной реформой, стало серьезным событием в конце шестилетнего срока его правления, хотя оно и не сумело помешать Э. Седильо из той же партии ИПР победить на очередных выборах (1994–2000). Каждый президент в стране имеет право находиться у власти лишь один шестилетний срок. Впрочем, в это трудное для нее время Мексика оказалась на грани финансового кризиса. С трудом решали проблемы финансов Седильо и его преемник В. Фокс (2000–2006).

Только сменивший его в 2006 г. Ф. Кальдерон вновь сумел начать проводить эффективную политику, направленную на завершение в этой многострадальной стране либерально-демократических реформ. Результаты пока еще не ясны. А одной из самых серьезных трудностей во внутренней политике оказалась борьба с всесильной наркомафией, одолеть которую почти невозможно. Стоит заметить, что наркотики идут в США, где за них всегда готовы много платить. Тем не менее Кальдерон вполне успешно справлялся с обязанностями президента. У него высокий рейтинг (до 68%) и он делал для страны много полезного. В 2012 его сменил Э. Ньето. Есть сведения, что на мексиканском полуострове Юкатан даже собираются строить, видимо с американской помощью, космодром. В целом стоит еще раз подчеркнуть, что многонаселенная и в меру развитая, даже торгующая нефтью Мексика не очень близка еще к успешным темпам экономического развития, хотя имеет немало оснований преодолеть эту важную для нее грань. В любом случае страна являет собой сегодня такое смешанное общество, которое, в отличие от некоторых других, готово склониться к западному стандарту, уже вполне осязаемому. Разрыв Кальдерона с венесуэльским Уго Чавесом — на что не пошли правители Аргентины и что еще является проблематичным даже для Бразилии — можно было расценить как примечательное свидетельство именно этого. ВВП на душу 13,8 тыс. долларов.

Небольшая Гватемала, расположенная к югу от Мексики и исторически связанная с ней хотя бы через древних майя (14 млн, индейцы, из числа потомков майя; метисы), являет собой не очень богатую, но все же развитую в экономическом отношении республику с многопартийно-парламентской системой во главе с президентом. В XX в. страна была в числе *банановых* республик, знакомых с «Юнайтед фрут» и политическими переворотами, а в 60–90-х гг.

в Гватемале шла длительная партизанская война индейцев с армией. В ходе этой борьбы применялись убийства и жестокости с обеих сторон. За разоблачение их жительница одной из деревень майя Р. Менчу, написавшая книгу — хотя, как выяснилось позже, не вполне правдивую, — получила Нобелевскую премию мира 1992 г. После выявления многих неточностей вышел некоторый скандал, так что попытка Менчу на выборах 2007 г. стать президентом завершилась провалом (3% голосов). Конец века в стране прошел под знаком наведения порядка. Проблемы в стране — преступность и обилие бедных. Уровень экономического развития страны не слишком высок, экономика в основном приватизирована, иностранные инвестиции активно помогают ее развитию. Президент А. Колом (с 2008 г.), как и его предшественники, держит курс на сотрудничество с США. ВВП на душу 5,2 тыс. долларов.

Гондурас (8,2 млн, 90% метисы) расположен к югу от Гватемалы. На протяжении двух-трех последних десятилетий эта страна развивалась без особых эксцессов. Ситуация резко изменилась в 2009 г., когда очередной президент М. Селайя (правил с 2006 г.) попытался было с помощью референдума добиться права на переизбрание. Попытка, сопровождавшаяся призывом к насилию, не удалась. Вмешался Верховный суд (стоит обратить внимание на его власть), приказавший войскам отстранить президента от исполнения обязанностей. В мире не все поняли, что случилось. А Селайя пытался после этого чуть ли не силой вернуться в Гондурас, но был изгнан. Осенью того же года на новых выборах президентом стал П. Лобо, представитель правой Национальной партии. ВВП на душу 4,2 тыс. долларов.

Сальвадор (6 млн, 90% метисы) — маленькая, хотя и не очень бедная страна, расположенная рядом с Гондурасом. Полезных ископаемых много, но экономика слабо развита. На протяжении последних двух десятилетий ее президентами были разные представители правой партийной коалиции, а в 2009 г. верх одержал левый, М. Фунес. Но, судя по первым заявлениям, он был склонен сочетать некоторые социалистические идеи с демократией, что в принципе существенно отличает его позиции от марксистского социализма У. Чавеса, боливийского Э. Моралеса или эквадорского А. Корреа с их стремлением к марксистскому *социализму XXI века*. Считается, что Фунес ближе к Л. да Силве и вообще к бразильскому варианту развития. ВВП на душу 7,3 тыс. долларов.

Панама (3,5 млн, в основном метисы) — очень небольшое государство, выкроенное из Колумбии и провозгласившее в 1903 г. при

поддержке США независимость, что было необходимым для строительства канала мирового значения. Когда канал был построен, а республика упрочила свой статус, в ней началась обычная для Латинской Америки жизнь с регулярными политическими переворотами. Но, поскольку доходы от эксплуатации канала (он перешел в собственность республики в последний день 1999 г.) оказались весьма высокими, благополучие постепенно способствовало успокоению привычных страстей, чему немало содействовали и США. Страна ныне достаточно близко подошла к завершению процесса вестернизации. Разного рода протестные движения и социальные взрывы, игравшие на руку кандидатам в диктаторы, уходят в прошлое. На президентских выборах 2009 г. победу уверенно одержал либеральный демократ Р. Мартинелли. Следует надеяться, что его политика докажет преимущества соответствующей модели развития. ВВП на душу 12,7 тыс. долларов.

Уругвай (3,3 млн, 90% европейского происхождения), расположенный в южной части континента с ее умеренным климатом, — страна высокоразвитого и высокодоходного товарного животноводства. Уругвай долгое время не получал существенного дохода от промышленного производства, и, похоже, это сыграло свою роль в том, что его население не видело особого смысла в процессе широкомасштабной приватизации. Соответствующая программа стала реализовываться лишь в начале 90-х гг. Это привело к тому, что промышленное производство начало быстро расти (в 2006 г. 12%). С середины 80-х гг. страна развивалась в нормальном режиме парламентской многопартийной демократии и считается, как и прежде, одной из наиболее развитых стран субконтинента. Очень большую роль в экономике играет сфера услуг (свыше 75%). ВВП на душу 13,6 тыс. долларов.

Парагвай (6,5 млн., 95% метисы), расположенный северней Уругвая и лишенный выхода к морю, после длившегося десятилетиями авторитарного правления диктатора Стресснера серьезно изменился. Президент А. Родригес (1989–1993) возродил многопартийный принцип парламентаризма, открыл дорогу свободной печати и способствовал возвращению эмигрантов. В 1992 г. в стране приняли новую конституцию. Преемники Родригеса вплоть до нынешнего Ф. Луго (с 2008 г.) успешно продолжали укрепление либерально-демократического конституционного порядка и рыночной частнособственнической экономики многострадальной республики. Экономика небольшой страны еще недавно была в плачевном состоянии. Ныне успехи заметны. Идет процесс структурной перестройки, при-

влекаются зарубежные инвестиции, широким фронтом осуществляются приватизация предприятий и заметное сокращение расходов аппарата администрации. Удвоился ВВП (с 4 до почти 8 млрд), причем рост идет отнюдь не только за счет животноводства. Растет промышленность. Экспортируются хлопок, ценная древесина и экстракты из нее. Огромны успехи в строительстве ГЭС, в том числе сверхмощной на р. Паране, энергия которой с выгодой продается Бразилии. Но ВВП на душу пока лишь 4,9 тыс. долларов.

Колумбия (45,2 млн, 60% метисы, 20% белые, 15% мулаты) — одна из сравнительно крупных стран Центральной Америки. Она славится своими природными богатствами, начиная с изумрудных копей, кофе и коки (кокаина) и кончая, уже в XX в., обилием левацких партизанских и псевдопартизанских бандитских группировок наркомафии. Борьба власти с наркомафией велась долго и лишь в 90-х гг. привела к некоторым успехам, хотя и не слишком значительным. Тем не менее экономика страны, особенно в последние годы, быстро развивается. Годовой рост ВВП достигает 6–7%.

Президент А. Урибе (с 2002 г.) повел активную и успешную борьбу с террористами и достиг немалых результатов. В качестве признания его заслуг в страну идет большой приток иностранных инвестиций. Колумбия впервые за много десятилетий из страны наркомафии превращается в страну энергичного строительства. Улучшается положение с финансами, и расширяется сфера целенаправленной социальной политики. Уделяется должное внимание здравоохранению и образованию. Стимулируются и субсидируются сотни тысяч фермеров.

Все это следует считать заслугой президента. Его решительная борьба с левацкими повстанцами и наркомафией (было 18 покушений) дорогого стоит. Курс на нейтрализацию партизан-повстанцев, включая амнистию, а также на развитие системы образования в стране заслуживает особого внимания. Рейтинг президента колеблется между 65 и 80%. А самой лучшей его аттестацией является злоба по отношению к нему со стороны Уго Чавеса, постоянно грозящего порвать отношения с Колумбией, но не решающегося на это. В полемике о том, стоит ли рекомендовать президенту изменить конституцию и разрешить баллотироваться на третий срок (а за него в этом случае проголосовали бы 90% населения, настолько высок был престиж руководителя, сломавшего хребет колумбийской наркомафии), победили те, кто считал, вслед за известным перуанским писателем М. В. Льоса, что демократия как институт дороже. Новым президентом стал

в 2010 г. Х. М. Сантос. Колумбия имеет немало шансов преуспеть в процессе либерально-демократических новаций и вестернизации. Не исключено, что сумеет если и не покончить окончательно с наркомафией, то сильно ее ограничить. ВВП на душу 9,8 тыс. долларов.

Перу (29,5 млн, 45 % индейцев кечуа и аймара; свыше трети населения метисы; европейцы, китайцы, японцы и негры), древняя страна инков с недавно раскопанным знаменитым городом-памятником Мачу-Пикчу. Это многопартийно-парламентская республика. А. Фухимори, победивший на президентских выборах 1990 г. писателя Льюсу, вначале проявил себя в качестве активного либерально-демократическим лидера, взявшего курс на приватизацию. Успешная борьба с леворадикалами во главе с движением *Сендеро луминосо* принесла ему немалую поддержку населения страны и переизбрание в 1995 г. В ответ на это левацкие заговорщики в декабре 1996 г. захватили японское посольство и держали его сотрудников и гостей (был прием в честь дня рождения императора Акихито) в качестве заложников. В апреле 1997 г. удачная акция по освобождению посольства способствовала росту популярности президента. Однако его попытка в условиях некоторых конституционных перемен, позволявших тогда не засчитывать первый президентский срок, баллотироваться и стать президентом в 2000 году вызвала протесты в стране, где реформы проходили достаточно болезненно для части населения. Ситуация была усугублена многими публичными манифестациями и мелочными разоблачениями с обвинениями президента в коррупции, насилиях и авторитаризме. Президент не выдержал и, уехав осенью того же года на официальную сессию АСЕАН в Бруней, отправился затем с визитом в Японию, где и объявил о своей отставке.

Парламентарии в Перу лишили его права занимать выборные должности, и на этом скандал улегся, а все последующие претензии к Фухимори были связаны с тем, что он пытался в 2006 г. возвратиться и баллотироваться снова, что ему не простили, заключив в тюрьму на длительный срок. Один из активных соперников и противников Фухимори А. Толедо был избран президентом в 2001 г. и проводил политику, реализовывавшую то, что сумел заложить своими реформами его предшественник. Экономика быстро росла, успешно выполнялась программа борьбы с бедностью. Президент А. Гарсия (Гарсия-Перес), сменивший Толедо в 2006 г., продолжал политику реформ, развития экономики и преследования коммунистических повстанцев, борьбу с которыми начинал тот же Фухимори. Замечу в заключение, что, как и в случае с президентом Д. Бушем-младшим

или с А. Пиночетом, история, как следует надеяться, все расставит по своим местам. С 2011 г. в Перу новый президент О. Умала. И хотя большими успехами Перу сегодня похвастать не может, развитие страны по пути, близкому к западному стандарту, в реализацию которого внес столь заметный вклад Фухимори, несомненно. ВВП на душу 9,2 тыс. долларов.

Доминиканская Республика на острове Гаити (10 млн, метисы и мулаты, 6% белых, 11% негров), будучи независимым государством с 1844 года, имея политические партии, парламент и президента, переживая спорадические перевороты, включая путч коммунистически настроенных повстанцев и ответную военную экспедицию США, в 90-х гг. XX в. вошла в состояние политической стабильности. Темпы роста ВВП в последние два десятилетия устойчиво колебались между 3 и 7%, что привело экономику страны во вполне приличное состояние. Развивается добывающая и обрабатывающая промышленность, в столице действует первая линия метро, успехи приносит и сельское хозяйство: сахар, кофе, хлопок, табак. Развито животноводство. Если сравнить с соседним с ней государством Гаити, о котором ниже, то как будто они в разных мирах. А ведь все время рядом, на одном и том же небольшом острове, а то и вместе, вперемешку. ВВП на душу 8,6 тыс. долларов.

Собственно, на этом список латиноамериканских стран, более или менее уверенно идущих по пути Запада и добывающихся на этом пути каких-либо ощутимых успехов, исчерпывается. Однако к нему резонно добавить несколько небольших прибрежных и островных стран Мезоамерики, которые оставались колониями до недавнего времени и потому к республикам Латинской Америки имеют более территориальное, нежели историко-культурное отношение. Начну с прибрежных государств северо-восточного края субконтинента, расположенных между Бразилией и Венесуэлой, к северу от сельвы Амазонки.

Гайана, бывшая колония Британии (0,8 млн, половина — потомки индийских эмигрантов, 30–40% негров), с 1966 г. парламентско-президентская республика, входящая в Содружество. В промышленном отношении страна слабо развита. Выращиваются сельскохозяйственные культуры, особенно сахарный тростник, экспортируются бокситы, древесина ценных пород. ВВП на душу 3,9 тыс. долларов.

Суринам, республика с 1975 г., бывшая колония Нидерландов, сосед Гайаны на востоке (население 0,5 млн, индийцев и индонезийцев около половины, остальные метисы, мулаты, негры и белые).

Многопартийно-президентская республика, пережившая военный переворот 1980 г., с 1987 г. восстановившаяся. Выращиваются рис, сахарный тростник и иные тропические растения, вывозит ценную древесину, бокситы, нефть, золото. ВВП на душу 9,9 тыс. долларов.

Французская Гвиана — сосед Суринама на востоке (население 0,2 млн, половина — креолы, остальные — индейцы, негры, индийцы и китайцы). Считается заморским департаментом Франции с 1946 г., есть Генеральный совет и префект. Экспорт бокситов и сахарного тростника, но главное в ней — французский космодром Куру.

Белиз, бывший Британский Гондурас (население 0,25 млн, преобладают метисы и креолы, немного индейцев майя), доминион между Гватемалой и Гондурасом. Правителем считается британская королева, есть генерал-губернатор, небольшое Национальное собрание. Экспорт сахара, цитрусовых, бананов, немного перерабатывающих предприятий. Ценные породы леса. Производство налажено вполне целесообразно. ВВП на душу 8,4 тыс. долларов.

Теперь несколько слов о небольших островах Карибского бассейна, той самой Вест-Индии, где высадился в свое время Колумб и вскоре после этого стало с ужасающей скоростью вымирать местное население, замещенное африканцами.

Ямайка (около 3 млн, в основном негры и мулаты) — пожалуй, третий по размеру остров, независимое государство в составе Содружества с 1962 г., управляют королева и генерал-губернатор, есть партии, парламент и премьер. Экономика в полном порядке. Развиты производство, добыча полезных ископаемых, туризм, сфера обслуживания (до 60% работающих). ВВП на душу 4–4,5 тыс. долларов.

Тринидад и Тобаго, Гваделупа, Барбадос и особенно процветающая Мартиника, равно как и многие другие острова Вест-Индии, — все это ныне достаточно богатые, подчас процветающие острова, которые сполна ощущают достижения вестернизации. На базе вчера еще колоний сегодня там возникли независимые государства, формирующие на сложившейся у них основе общества западного типа с сохранением расово-этнической культурной идентичности, в каждом случае своей, можно сказать неповторимой.

Эти страны находятся в районе экватора. Всюду в этой приморской тропической зоне господствует плантационное хозяйство. На материке, да и на островах, растут деревья различных ценных пород и встречаются месторождения полезных ископаемых. Главной причиной, позволяющей ставить эти бывшие колонии в один ряд с успешно развивающимися республиками субконтинента, является

то, что они не менее, а подчас и более близки к западному стандарту, в чем немалая заслуга колонизаторов. Или, иначе, все они объективно принадлежат к той части латиноамериканских стран, которые более или менее уверенно и быстро, а подчас медленно и с задержками, но все же идут по пути сближения с западным стандартом. Остается лишь еще раз заметить, что чем дольше сохранялся колониализм (правда, не иберийский, а уже протестантский британский), тем более уверенно местное метисное население вписывалось в стандарт Запада и становилось обществом западного типа. Но вернемся к латиноамериканским республикам.

СТРАНЫ С ЗАДЕРЖКОЙ В РАЗВИТИИ

Поскольку ситуация в Латинской Америке очень неоднозначна, ныне там еще довольно много стран, которые либо вообще поотстали в процессе эволюции, либо по разным причинам оказались не готовы двигаться по пути к новому обществу западного типа, либо приостановили свое движение в этом направлении, а то и вовсе повернули вспять. Как бы то ни было, но такая задержка в развитии может оказаться не только длительной, но и судьбоносной. Встает вопрос, почему и откуда в каждом данном случае эта задержка, в чем ее истоки и смысл?

Если взглянуть на карту американского полушария, легко заметить, что те страны, о которых выше уже шла речь и которые достаточно уверенно движутся в сторону Запада, являют собой не только большинство, но и основную часть латиноамериканского субконтинента, как по территории, так и по количеству населения. Только одно заметное государство, Венесуэла, и три небольших, Эквадор, Боливия и Никарагуа, остались вне числа тех, о которых было рассказано. Правда, к ним необходимо прибавить еще два крупнейших острова Вест-Индии, Кубу и Гаити (точнее, часть острова Гаити с одноименным государством). И еще одно важно учесть. Республики, проявившие очевидную склонность задержаться в развитии, а то и вовсе активно выступать против буржуазных либерально-демократических преобразований, — это, если исключить Венесуэлу, не только отставшие в развитии, но и бедные, а бедность их по большей части объясняется тем, что главную роль в их населении играют преимущественно потомки индейцев и африканских рабов. Впрочем, иначе обстоит дело на Кубе. И к тому же стоит заметить,

что каждые очередные выборы — там, где они свободны и честны, не на Кубе, — могут принципиально изменить ситуацию в той либо иной стране, как то случилось в 2009 г. в Гондурасе, о котором шла речь в предыдущей главе. Вообще в этой связи важно принимать во внимание случайности и субъективные факторы, связанные с личностью того, кто оказался во главе государства.

Следует также учесть, что задержка в развитии, свидетельствующая о консервации соответствующих обществ в смешанном восточно-западном их состоянии, что стало нормой для многих после триумфа вестернизации в мире вне Запада еще в конце XIX столетия, и в то же время способствующая этому, может восприниматься как временная. Однако я не стал бы рассуждать на тему о том, сколь долгим окажется это время. Поэтому просто обращаюсь к рассказу о странах, которые имеются в виду.

Венесуэла (28 млн, свыше 75% метисы и мулаты), страна совсем не бедная, напротив, это одна из наиболее богатых ресурсами и соответственно нефтедолларами стран Южной Америки. Но богатство ее не связано ни с развитой экономикой, ни с упорным трудом населения, ни с энергичными буржуазными преобразованиями. Оно, как и в современной России, своим происхождением обязано исключительно нефти. При формально здесь существующих различных партиях и парламенте фактически после прихода к власти президента У. Чавеса его власть после референдума 2009 г. стала неограниченной по числу сроков. И это отличает Венесуэлу от примерно равной ей по многим параметрам Колумбии, где великоллепному президенту-реформатору Урибе, оказавшему стране бесценные услуги, был легко перекрыт путь к третьему сроку, и от Перу, где менее удачливому Фухимори попытка заполучить этот вожделенный срок обошлась весьма дорого.

Следует заметить, что утопические идеалы Чавеса, сводящиеся к жестко реализованной им национализации и перераспределению национального достояния по принципу *отнять и поделить*, привели к уменьшению количества бедных, но не к развитию экономики страны. Этому же способствовало и ограничение иностранных инвестиций. Цель Чавеса — строительство социализма марксистского типа. При этом частые поездки на Кубу и зрелище страны, живущей на скудном пайке, его не смущают — видимо, важнее иметь союзника в реализации утопических мечтаний и соответственно хоть какую-то опору. Остается лишь добавить, что столь часто ездит Чавес на Кубу потому, что лечится там от рака. ВВП на душу 13,2 тыс. долларов.

Эквадор (15,2 млн, 90% метисов и индейцев) получает некоторый доход от экспорта нефти, но остается при этом страной с большим количеством бедных. Существуют, как и повсюду в Латинской Америке, партии, парламент и президент. Конечно, были и перевороты. С начала XXI века смена президента стала вместо переворотов сопровождаться скандалами. Последний президент, избранный в 2006 и вновь в 2009 г., А. Корреа поддержал Чавеса и всю его концепцию марксистского социализма, *социализма XXI века*, что было подкреплено и выборами 2007 г. в парламент. Большинство получили сторонники Корреа. ВВП на душу 7,5 тыс. долларов.

Боливия (10,3 млн, в основном индейцы и метисы) при наличии партий и парламента — своего рода чемпион по военным и иным государственным переворотам. После переворота 1964 г., положившего конец левацким экспериментам *боливийской революции* 1952 г., они не прекращались и продолжают практически до наших дней. Редко кому из захвативших власть удавалось просидеть на кресле президента полный срок. Экономика страны слабо развита, и уровень жизни ниже венесуэльского. Казалось бы, пример Венесуэлы не может, не должен стать ориентиром. Тем не менее все в реальности оказалось иначе. В 2006 г. к власти пришел Э. Моралес, индеец из племени *аймара*, объявивший о национализации нефтегазовой отрасли хозяйства и об увеличении количества выращиваемой в стране коки. Принятая им в 2009 г. новая конституция страны объявила все ресурсы национальным достоянием и зафиксировала контроль государства над всеми отраслями экономики.

Если обратить внимание на то, что значительная часть наиболее развитых районов страны стремится обособиться от остальных и сохранить за собой доходы, которые она может получить от своих ресурсов, в основном нефтегазовых, то можно предположить, что междоусобные схватки в стране будут иметь продолжение. Пока же все то, что касается экономики, несмотря на немалые богатства, находится в крайне неразвитом и безалаберном (трудно подобрать иное слово) состоянии. Боливия остается одной из наиболее бедных стран субконтинента. Однако, несмотря на это, Моралес, как Чавес и Корреа, объявил себя сторонником *социализма XXI века*, причем контакты с Кубой и Кастро его не смущают. Очень похоже на то, что все три сторонника *нового социализма* и уж во всяком случае Моралес, которому практически не приходится колебаться и рассчитывать на что-либо заметно лучшее, довольны тем, как выглядит *старый социализм* в варианте Кубы и Кастро. Этот президент, оказавшийся в

компании единомышленников, не противостоит отсталости. Впрочем, Боливия со временем может выбрать и кого-нибудь другого. ВВП на душу 4,6 тыс. долларов.

Никарагуа (5,7 млн, метисы и негры, 17% белых, 5% индейцев). Это одна из самых бедных стран континента. В то же время страна богата полезными ископаемыми, хотя главным предметом ее экспорта являются кофе и иные сельскохозяйственные продукты. С начала XXI в. крайне левые, хотя и несколько поправевшие сандинисты, которые утратили былое свое влияние из-за разногласий, вновь создали крепкую партию. Президентом в 2006 г. снова стал Д. Ортега. Он, к слову, признал независимость Абхазии и юга Осетии. В общем, политические парламентские нормы соблюдаются. Но об экономическом процветании стране говорить в обозримом будущем, похоже, не приходится. ВВП на душу 2,8 тыс. долларов.

Куба (11 млн, белые, негры, метисы и мулаты) — государство, о котором можно сказать лишь то, что к власти, сменив Фиделя, пришел в 2008 г. его брат Рауль Кастро. Здесь все еще господствует авторитарный режим марксистско-социалистического типа, один из очень немногих среди оставшихся на планете. Экспорт сахара, табака, никеля мало что дает, хотя и позволяет держаться на плаву. Население привыкло к распределению по карточкам при существовании черного рынка и ничтожной зарплаты. С 1901 г. по договору существует на юге острова военная база США Гуантанамо. Каждый может понять, что, если бы США захотели завоевать остров, это им, имевшим базу, ничего не стоило. Но они этого не сделали даже в 1962 году, когда на Кубе — правда, очень ненадолго — появились советские ракеты. Есть некоторые надежды на то, что жизнь когда-нибудь станет легче и что утопические и принесшие столько горя идеи отомрут. Но едва ли это произойдет быстро. ВВП на душу, по разным данным, 2–3 тыс. долларов.

Республика Гаити (9,8 млн, почти все негры, наполовину неграмотные), западная часть острова с тем же именем, некоторое время в XIX веке была независимой, в огне бунтующей массы выходцев из Африки уничтожившей или изгнавшей всех, чей цвет кожи сильно отличался от черного. В первой трети XX в. она находилась под контролем США, а почти вся третья часть этого века оказалась самой страшной для местного населения. Это был период господства двух *пожизненных президентов*, Ф. и его сына Ж.-К. Дювалье, которые опирались на насилие творивших безнаказанные злодеяния их своеобразных опричников, *тонтон-макутов*. В этой стране не было

господства утопической идеи, ее с успехом заменили тонтон-макуты и мистическая, склонная зомбировать людей негритянская религия *вуду*. Гаити долгое время была и остается самой бедной страной всего региона Латинской Америки. Имея немалое количество полезных ископаемых и возможность вести прибыльное сельское хозяйство, жители страны, напоминая в этом смысле современное Зимбабве, не слишком трудились в соответствующих отраслях экономики. Только в 1990 г. здесь состоялись выборы президента. Президент Ж.-Б. Аристид то правил, то смещался депутатами или свергался мятежниками, то вновь, с помощью США, Франции, а то и ООН, возвращался к власти. В 1995–2000 гг. Аристиду сменил его ставленник Р. Преваль, потом вернулся Аристид, в 2006 г. — снова Преваль. Правление обоих мало что изменило в этой стране, население было в небрежении, либо без работы, либо без земли и часто без дохода.

Страшное землетрясение, потрясшее столицу республики в 2010 г., потрясло мир обилием жертв. Однако что-то от западных стандартов есть и в государстве Гаити, где в конце 2010 г. были достаточно успешно проведены выборы президента и членов парламента. Президентом после второго тура стал любимый народом музыкант (о других его достоинствах, образовании или специальности не общается) М. Мартейи. Едва ли после этого чего-либо позитивного, в том числе успехов в развитии, стоит ожидать. Ресурсы есть, но не разрабатываются. 80% жителей имеют доход ниже уровня бедности. Страна считается одной из беднейших в мире. ВВП на душу около 1–1,3 тыс. долларов.

О ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТАНДАРТАХ

Теперь снова взглянем на невообразимо пестрый латиноамериканский субконтинент. Дело не только в том, что здесь разный уровень развития. Как раз в этом немало сходного, общего для почти всех стран и регионов мира вне развитого Запада. Важнее на примере Латинской Америки выяснить, что является главным в процессе эволюции и что рождает задержки или явное противодействие вестернизации. И, как выясняется, сравнительно легко вычленить это. Казалось бы, первое и важнейшее — природная среда, которая, как легко понять, либо благоприятствует хорошей жизни людей, либо препятствует ей. На заре человеческого общества и на протяжении большей части его истории так и было. Но в современном мире

проблема вовсе не в этом. Разумеется, среда (тропики, близость полюса, горы, пустыни, непроходимая сельва, маленький остров в океане) всегда играет свою роль. Но это не самое главное.

Главное, как выясняется, люди. Точнее, уровень развития и достижения их культуры в самом широком смысле этого слова. Собственно, именно поэтому в наши дни столь возросла значимость социокультурных исследований культурологов. А они принимают во внимание все то, что не привыкли учитывать специалисты многих других профессий, включая историков и экономистов. Начнем с того, что решающую роль играет количество (доля) архаических первобытно-примитивных традиций в данном социуме. Если в стране вроде Гаити живут только негры с почти нетронутой архаичной их ментальностью, а доля остальных ничтожна, то неудивительно, что низкий уровень культуры и неприспособленность к регулярно-каждодневному производительному труду (к тому же в условиях отсутствия или крайней слабости принуждающих к этому внешних обстоятельств) дают страшные свои плоды.

Если в таком же социуме рядом (Доминиканская Республика) оказывается минимально необходимое вкрапление тех, кто воспитан в иной культуре и поколениями приучен к регулярному производительному труду, картина, как правило, бывает другой. В этом случае главным оказывается другой фактор, а именно наличие природных условий для производительного труда, полезных ископаемых для их добычи и экспорта, орудий и средств для производства и обработки товаров и многого другого, уже вторичного. Это разное вторичное, а именно финансовые, портовые, дорожные и прочие инфраструктурные условия, тоже как-то когда-то и кем-то должно было быть создано. И это подводит к третьему кругу факторов, влияющих на успешную эволюцию.

Третьим и главным становятся люди, умные, развитые и образованные, чем они резко отличны от основной их массы в данной общности. Обычно для мира вне Европы это были колонизаторы и колонисты, знакомившие этот мир с иным достигнутым человечеством уровнем развития и соответственно с совсем другим стандартом существования. В их числе те, кто может создать проект, обеспечить его финансирование, добыть необходимое оборудование, обеспечить всю служебную инфраструктуру, предложить свою конкретную программу успешного развития. После этого необходимо направить всех способных трудиться в соответствии с их возможностями и квалификацией (иногда некоторых из них выписывают издалека, платя им

немалые деньги), включая местных, сильно отставших в развитии, но способных и готовых выполнять простые трудовые функции, на выполнение программы. Затем следует выполнение ее, требующее в описанном случае разве что времени и повседневного надзора за процессом. Разумеется, это лишь краткое описание простейшего алгоритма действий, обеспечивавших успех вестернизации.

Процесс, как вполне понятно, неимоверно сложнее. В одних случаях есть нефтедоллары, стимулирующие процесс. В других, как в Венесуэле, те же нефтедоллары лишь развращают тружеников, не слишком еще готовых к производительному труду. Успех в любом случае приходит не сразу, он приходит лишь тогда, когда предполагается многократное повторение всего описанного с учетом параллельного и постоянного воздействия на местное население активных работников сферы услуг, а также порой элементарного финансового, а то и любого другого принуждения, без чего техника сразу же омертвевает, а за ней омертвевает и неподготовленный к труду без принуждения социум, что хорошо проявилось, например, в Зимбабве. Нечто сходное было и в Гаити. Вообще-то все эти условия и примерно в такой же последовательности обычно обеспечивают сегодня ускоренное развитие мира везде, вплоть до труднодоступных африканских тропиков. Но наиболее наглядно это выглядит именно на примере Латинской Америки, где разные алгоритмы функционируют рядом и параллельно. Только в одних случаях, как в Бразилии и Чили, все хорошо работает, а в других не так.

Существенно принять во внимание и то, что субъективный фактор дельного руководства в ряде случаев принципиально отрицается теми, кого избрал местный электорат. Более того, некоторые такие страны Центральной Америки даже объединились было в альянс АЛБА. Это Венесуэла, Боливия, Эквадор, Куба, Никарагуа (Гондурас вступил было в альянс при президенте Селайя, но после его изгнания вышел из этой сомнительной организации) с их попытками воспеть *социализм XXI века* и придать ему какую-то, пусть крайне неопределенную, но все же организационную форму. Перед нами своего рода вызов изгоев. Тех, кто не хочет видеть истину, не воспринимает свою задержку в развитии как результат невнимания к процессу и методам вестернизации и по невежеству и элементарной безграмотности считает, что схватил за хвост некую синюю птицу счастья. Конечно, они окажутся рано или поздно там, где аналогичные им оказывались до них. А вместе с ними рухнет, к сожалению, и то, что было сделано задолго до них умелыми руками жителей предшествующих по-

колений в таких странах, как Боливия или Эквадор, та же Венесуэла, если только избиратели там не одумаются и не переизберут вовремя своих президентов.

Конечно, в богатой нефтедолларами Венесуэле можно прожить и без особых трудовых усилий. Но не слишком долго. Россия намного богаче нефтью и газом, нежели Венесуэла. Однако не очень похоже на то, чтобы народ у нас в массе своей благоденствовал. Так будет ли и долго ли будет, если все же будет благоденствовать народ пока еще не перенаселенной, причем именно отставшими в развитии бедняками, Венесуэлы? Есть ли шансы на то, что в условиях популистской политики Чавеса все разбогатеют? Ведь для процветания страны (достаточно взглянуть, скажем, на то же Чили) нужны не нефтедоллары, а именно умение плодотворно трудиться в условиях развитого рыночного хозяйства. Но если к этому не стремиться, предпочитая ситуацию, при которой население активно проедает то, что можно потратить, легко можно просчитаться. И тогда не поможет отсталость населения, на социопсихологический стандарт существования которого правители бедных латиноамериканских стран, как и руководство нашей страны на наш народ, не без оснований рассчитывает.

Словом, латиноамериканские стандарты не только очевидны, но и более чем наглядны и поучительны. Жалко тех, кто назойливо пытается строить новый социализм марксистского типа (другого не бывает, другой — социал-демократия, а это нечто совсем иное). Будем надеяться, что эта затея умрет намного раньше тех, кто за нее держится. А у Латинской Америки в целом, в основной ее массе, в подавляющем ее большинстве, есть перспективы. И это отрадно фиксировать. Но пока далеко не все преуспевают.

Глава двадцать девятая. СТРАНЫ, ИДУЩИЕ ПО ВТОРОМУ ПУТИ. МИР ИСЛАМА

Тема данной главы — страны, вынужденно избравшие или просто идущие по **второму пути эволюции**, который не ведет к сближению с западным стандартом, но напротив — примерно так, как то было с СССР в годы его существования, — резко и активно, а то и воинственно противостоит ему, надеясь превзойти его каким-то другим образом. Начну с обзора и анализа ситуации в тех странах ислама,

которые не изъявляют склонности в основном и в главном воспринимать западный стандарт. Речь пойдет о богатых и бедных, о сравнительно развитых типа Ирана и крайне отсталых, как Афганистан. А если сформулировать еще точнее, то об обществах смешанного типа с присущим им, как правило, заметным оттенком авторитаризма. Таких достаточно много. Больше того, они могут быть разделены на несколько разных частей, хотя это деление в ряде случаев размыто и не слишком убедительно. Тем не менее следует сделать это для удобства изложения.

БОГАТЫЕ НЕФТЬЮ И НЕФТЕДОЛЛАРАМИ

Начнем с богатых и потому сравнительно более — за счет наемного труда чужих, прежде всего хорошо оплачиваемых западных специалистов — развитых. Аллах послал им нефть и газ, что в наше время, во всяком случае пока, принадлежит к числу наиболее ценных и востребованных продуктов, добываемых, обрабатываемых и по достаточно дорогой цене продаваемых во всем мире с его неисчерпаемым обилием транспортных, отопительных, химических и многих других потребностей. Углеводороды в современном постиндустриальном обществе настолько важны и всем нужны, что многие страны, причем далеко не только исламские, почти не развивают иных, более современных и дорогостоящих отраслей экономики, разве что, вроде России, лишь вспоминая об этом, иногда со скорбью, но по-прежнему делая ставку на легко достающееся и высокодоходное природное сырье. В этом есть смысл, особенно очевидный для небольших и малочисленных стран, чья экономика вполне реально процветает, достаточно давно и долго именно за счет этого легко достающегося им сырья и приобретения за нефtedоллары всего того, что может обеспечить населению высокий уровень жизни. Это касается в первую очередь ближневосточного региона и, более точно, зоны *Залива* (Персидского залива). С этих и стоит начать.

АРАВИЯ, ИРАН И СТРАНЫ ЗАЛИВА

Эта группа стран отличается не отсталостью в процессе вестернизации, но прежде всего активным предпочтением ислама социополитическому стандарту Запада. Здесь необходимо важное уточнение.

Вестернизация как потребность современного уровня развития, обеспечивающего высший эталон процветания, богатыми нефтедолларами мусульманскими странами отнюдь не игнорируется, напротив, приветствуется. Мало того, здесь воспринимается многое из того, что создано идейно-институциональным фундаментом антично-буржуазного Запада (электоральная культура, включая парламенты и выборы, массмедиа, всеобщее образование и университеты, очень высокий уровень здравоохранения и социальных благ, не говоря уже об индустриально-инфраструктурном обеспечении уровня жизни местного населения). Не хватает разве что независимого суда, который замещается шариатом, равенства женщин, что считается естественным, едва ли не прежде всего самими женщинами, стойко стоящими за сохранение соответствующих традиций (многоженство, закрывающая одежда, ограничения в поведении и роде занятий и т.п.), да и, естественно, западного типа свобод, прав и вообще демократии.

Исторически едва ли не первыми, во всяком случае главными странами региона Залива, оказавшимися богатыми нефтью, были наиболее крупные из них. Так получилось — взгляните на карту, — что к этой зоне оказались причастны довольно много государств, как крупных и хорошо известных, так и небольших, возникших в качестве самостоятельных государственных образований, чаще всего эмиратов, сравнительно недавно. Об одном из них, многострадальном Ираке, чьи параметры представляются пока что формально близкими к стандартам буржуазно-демократического Запада, выше уже шла речь. Теперь несколько слов об остальных.

Саудовская Аравия (26,5 млн, из них около 5 иностранцев-гастарбайтеров) за последние десятилетия экономически достаточно ощутимо развивается. Ускоренные темпы экономического развития, в том числе и по современному западному пути, включая привлечение иностранных инвестиций, предоставление более широких возможностей частному капиталу, вне сомнений. Страна содействует появлению новых предприятий, созданию промышленных зон, вплоть до строительства металлургического комбината. Все это привело ее уже на рубеже 70–80-х гг. XX столетия к немалым и, что существенно, заметным переменам. В Аравии, исстари почитавшейся в качестве прародины ислама, дремавший на протяжении веков этот самый ислам не только ожил, но и расцвел. В очень богатой нефтедолларами Аравии резко оживилось и стало проявлять энергичную деятельность духовенство. А исламское духовенство в Аравии, еще

веком-двумя ранее проявившее свою активность в процессе создания нового направления в доктрине, *ваххабизма*, стремившегося к возрождению учения на основе чистоты первоизданного ислама времен пророка, всегда играло очень важную роль.

Оживление это по меньшей мере частично было реакцией на события в Иране в тех же 70–80-х гг., когда возглавившие недовольный народ аятоллы выступили против стремившегося поскорее вестернизовать страну шаха и, используя не вполне легитимный его статус, изгнали последнего шаха из страны. В Аравии та же активность, опиравшаяся на традиции ваххабизма, приняла облик выступлений с требованиями противопоставить *моральной испорченности* Запада чистоту ислама. Выступления против портретов и фотографий на витринах или за исключение женщин из общественной жизни и выдворение иностранцев завершились в конце 1979 г. попыткой захвата бунтующими ретроgrадами мечети пророка в Медине. Мятеж был подавлен, но власти оказались вынуждены пойти на уступки. Женщины-дикторы исчезли с экранов телевизоров, а существование пляжей для иностранцев, которыми пользовались вместе мужчины и женщины, было поставлено под сомнение. Население, что важно, тоже достаточно определенно выступало против западных стандартов, и это вынужден был учесть занявший в 1982 г. трон новый король Фахд. Столкнувшись с рядом внешнеполитических сложностей, включая ирано-иракскую войну, вторжение войск СССР в Афганистан и давление с юга, где *социалистически ориентированный* и вооруженный Советским Союзом Йемен пробовал свои силы, король был озабочен сохранением стабильности в стране и на ее границах. Это ему частично удавалось, но напряжение давало о себе знать.

В 1985 г. в момент хаджа в Мекке возник явно спровоцированный иранскими паломниками конфликт. На рубеже 80–90-х гг., когда СССР перестал существовать, ветры холодной войны улеглись, а рост исламского фундаментализма стал всеми осязаемым фактом, король провел ряд реформ, направленных на запрет какой-либо партийно-политической деятельности и на подчеркивание исламских норм. Только вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г. несколько приостановило этот процесс и даже привело короля к решению поддержать страны Запада в деле освобождения Кувейта. Политическая реформа 1992 г. строго определила статус страны. Аравия — абсолютная монархия с премьером, министрами, консультативной ассамблеей (150 человек, на четыре года) и верховным судебным советом (12 судей), которые выбираются и назначаются королем. Его наследник избирается чле-

нами правящего дома. Конституция страны — Коран, ее право — шариат, партий нет. Женщинам в политике не место.

В муниципалитеты на местном уровне половина членов с 2005 г. избирается. В основном население избирает улемов, учителей медресе и прочих почитаемых знатоков ислама. На рубеже XXI века ситуация в стране и особенно с ценами на нефть оказалась наиболее выигрышной. Это способствовало усилению нажима на власть со стороны экстремистов. Экономические преобразования и тем более наметившаяся было ранее приватизация сворачивались. И хотя У. бен Ладен, по происхождению из Аравии, был формально в своей стране осужден, она не могла остаться в стороне от всемирного процесса усиления агрессивной экспансии ислама и стала оказывать финансовую помощь в строительстве мечетей по всему миру, особенно в странах Запада, где поселилось много выходцев из мусульманских стран. Королем с 2005 г. стал Абдалла. ВВП на душу около 24 тыс. долларов.

Ирак, о котором стоит вспомнить лишь потому, что США и ряд других стран, потративших годы и отдавших свыше тысячи жизней своих военнослужащих войне в Ираке, сделали это не зря. Скорей всего президент Д. Буш-младший еще получит ту более чем удовлетворительную оценку от истории за его столь осуждаемую многими, часто весьма недалекими людьми, решимость начать и довести до конца дело освобождения Ирака от диктатора. Нефтедоллары в этой стране, еще не вполне оправившейся от ужасов выпавших на нее войн и террора исламистов, смогут помочь стране восстановить экономику. ВВП на душу пока лишь около 4 тыс. долларов. Но нефтедоллары обычно даются легко, была бы нефть.

Иран (78,8 млн), столица мирового шиизма, главный соперник сперва Ирака, а ныне Аравии, близок по стилю современной политической жизни именно к этой последней. Но это не абсолютная монархия, а нечто среднее между теократией (высшая власть аятолл и главного из них, *рахбара*) и сходной с обычным стандартом автократией, но при этом с существованием партий и парламента, выборов и кабинета министров, возглавляемого президентом. Страна имеет конституцию. Словом, на уровне институтов сказывается длительное влияние Англии. Спецификой теократического авторитаризма Ирана можно считать, однако, весьма своеобразное, не копирующее западный стандарт разделение властей. Их достаточно много. Это и влиятельная группа *стражей исламской революции* (нечто вроде всемогущих органов безопасности), и обладающий правом выбирать

рахбара совет экспертов из 86 наиболее влиятельных знатоков ислама, избираемых населением на 8 лет, и система судов, имеющая в виду мощь шариата, но включающая *революционный*, т.е., насколько можно понять, религиозно-политический, наряду с высшим духовным (председателей в судах назначает рахбар).

В экономике страны, богатой нефтью, важную роль играют рыночно-частнособственнические отношения. При президенте Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) планировался энергичный экономический рост с заимствованием западных технико-технологических достижений, привлечением иностранных инвестиций, приватизацией и с некоторой либерализацией в использовании изделий западного происхождения. Этот курс продолжил и президент М. Хатами (1997–2005). Как и Аравия, Иран тогда осудил террористический акт 11 сентября 2001 г. в США. И вообще Хатами был четко настроен на продолжение демократизации режима, в частности в том, что касается отношения к женщинам. Многие изменилось в стране после того, как ему на смену пришел нынешний президент Ирана М. Ахмадинежад. Он резко свернул многие либеральные реформы и, в частности, замето ограничил в правах женщин, которые без *хиджаба* и платья до колен более не должны были появляться на людях. Страна повернулась лицом к Корану и шариату и заняла наиболее антизападные позиции во всех отношениях.

Это проявлялось и в явно демонстративных поездках в начале 2007 г. и позже к У. Чавесу, Э. Моралесу, Д. Ортеге и Р. Корреа, т.е. в те наиболее отсталые латиноамериканские страны, которые объединились в своих рассуждениях о *социализме XXI века*, хотя к этому социализму Ахмадинежад и Иран демонстративно не имели и не имеют никакого отношения.

В 2008 г. президент совершил поездку в Багдад с целью урегулировать отношения с Ираком (не похоже, чтобы он многого добился). В стране были закрыты газеты, отражавшие взгляды сторонников реформ, прекращена трансляция западной музыки, введена цензура на сайтах интернета. Но самое основное, чем отличился новый президент вообще и в сфере внешней политики в частности, это почти звериный его антисемитизм и связанные с ним многократно повторявшиеся угрозы смести Израиль с лица планеты. И вполне естественно, что такая политика встревожила многих. Особенно когда стало известно, что Иран прилагает усилия к тому, чтобы энергично разрабатывать масштабный ядерный проект. Резкое увеличение усилий, направленных на производство того обогащенного урана, кото-

рый пригоден для создания атомного оружия, не оставило равнодушным мир. И хотя формально страна все время находит отговорки, в чем ей время от времени сочувствуют из постоянных членов Совета Безопасности ООН Россия и Китай, на деле практически никто не сомневается в том, что Иран спешит создать это оружие именно для того, чтобы противостоять Израилю. Это грозит миру непредсказуемыми осложнениями.

Видимо, многие осознают это и в Иране, о чем свидетельствуют сложности и столкновения, которые сопровождали переизбрание президента в 2009 году. За последние годы Иран еще более приблизился к созданию ядерного оружия, так что в Израиле, для которого это вопрос жизни или смерти, как и в США, остро встал вопрос о санкциях и о превентивных действиях. ВВП на душу 11–12 тыс. долларов.

Страны Залива в собственном смысле этого слова, обычно отличаются от Аравии, Ирака и Ирана, являют собой группу небольших, но благодаря обилию нефти очень богатых и весьма благоустроенных. Для всех них характерны осязаемая умеренность в политике, включая отношение к Западу и западным туристам, а также более чем завидное умение не торопясь, с толком и не забывая делиться с неимущими использовать свалившееся на них богатство, что и превратило местное население в жителей процветающего края. Стран, о которых идет речь, немного. Но каждая из них заслуживает того, чтобы сказать о ней. Ведь сегодня все они являют собой наиболее яркий пример того, как богатство — нефть — может быть умело использовано в интересах практически всего местного, правда, как уже упоминалось, численно небольшого населения.

ОАЭ (5,3 млн, из них арабов 1,5–2 млн, а коренных около 1 млн; остальные гастарбайтеры) — это группа из семи небольших эмиратов во главе с более крупными Абу-Даби и Дубаем. Договорный Оман, как англичане называли протекторат в середине XIX в., складывался в XX столетии в условиях сложных внутривосточных распрей с участием нескольких влиятельных внешнеполитических сил. В начале 70-х гг. возникла федерация 7 эмиратов, что было делом сложным и нелегким. Процесс завершился на рубеже 70–80-х гг. и был ускорен угрозами со стороны Ирана, воевавшего в то время с Ираком. Когда Ирак на рубеже 90-х пытался аннексировать Кувейт, ОАЭ были уже крепким федеративным государством с точно определенным распределением функций каждого из эмиратов. Главой государства, президентом, считается эмир Абу-Даби, главой прави-

тельства — эмир Дубая. Все семь эмиров — члены Высшего совета, собирающегося на сессии и определяющего политику государства. В функции совета входит создание кабинета министров, органа исполнительной власти. Законодательная — с некоторыми ограничениями — власть принадлежит Национальному совету из 40 депутатов, избираемых в каждом эмирате по 8, 6 или 4 в зависимости от его размера. Существует и Высший союзный суд из председателя и 4 судей. На Коран и шариат акцент формально не делается, хотя почти все население — мусульмане.

Вся экономика связана с добычей и торговлей нефтью и газом, чему способствует хорошо налаженная инфраструктура. Развито строительство, имеются необходимая стране промышленность, торговля, сельское хозяйство, процветает сфера обслуживания туристов. В стране существуют нужные для нее опреснительные установки. Традиции исламской и племенной культуры соблюдаются, но не чересчур. Иностранцы имеют, за некоторыми исключениями, касающимися алкоголя или формы одежды, особенно для женщин, право вести себя более свободно, особенно вследствие развития в стране туризма. ВВП на душу 40–41 тыс. долларов.

Оман (3 млн, примерно четверть гастарбайтеры) — второй по численности населения эмират Залива, в прошлом также британский протекторат. Объединение с Маскатом привело во второй половине XX в. к появлению эмирата (султаната) Оман в его нынешнем виде. В отличие от ОАЭ здесь более авторитарный режим. Султан создает государственный совет и законосовещательный орган из 82 членов. Промышленность ориентирована на обслуживание нефтегазовой отрасли хозяйства. Есть планы относительно приватизации. Во внешней политике султан поддерживает Египет и Иорданию, особенно в том, что касается их курса на контакты с Израилем. ВВП на душу 20 тыс. долларов.

Кувейт (2,7 млн), бывший британский протекторат, конституционная монархия с 1961 г. Законодательная власть у эмира и законодательного собрания (50 избираемых на 4 года депутатов), которое он имеет право распустить. Эмир назначает премьера, тот правительство. Все руководители страны из правящего клана, и сам эмир (точнее, наследник) выбирается из числа его родни. Партий нет. Но парламент все же проявляет свою работу в форме контроля за деятельностью чиновников и ведомств. Экономика держится на нефти. Считается, что размер капитала Кувейта вне эмирата исчисляется многими десятками, если не сотней миллиардов долларов. Захват

эмирата в августе 1990 г. С. Хусейном вызвал ответную экспедицию ряда держав. Кувейт был в считанные дни освобожден, после чего эмир разумно подписал соглашения с США и другими странами Запада о военном сотрудничестве, а весной 2003 г. даже помог США вести наступление на Ирак, предоставив для этого свою территорию в качестве плацдарма. ВВП на душу 52–56 тыс. долларов.

Бахрейн (1,2 млн, почти половина — гастарбайтеры), островной эмират в южной части Залива, британский протекторат с 1871 г., конституционная монархия с 1971 г. Король (эмир) и двухпалатный парламент из 40 депутатов в каждой палате (верхняя назначается королем, нижняя избирается) осуществляют законодательную власть. Премьера назначает король, он и ряд министров — из правящего клана. Существуют конституция и конституционный суд.

Партий нет, как и профсоюзов. Развиваются туризм и банковские услуги. Морская торговля, портовые сооружения и дамбы между островами, бесплатное образование и высокий уровень грамотности, развитая система радио- и телекоммуникаций. ВВП на душу 38–40 тыс. долларов.

Катар (1,9 млн; примерно половина — гастарбайтеры) с 1916 г. британский протекторат, с 1971 г. — ограниченная конституционная монархия. Правящий клан, исчисляемый чуть ли не тысячами членов, у власти. Эмир назначает премьера, министров и часть членов консультативного совета, остальные избираются. Партий нет. ВВП на душу по разным данным 100–145 тыс. долларов, один из наибольших в мире, соперничает разве с Лихтенштейном.

Страны Залива, включая Аравию и по меньшей мере отчасти Иран, можно считать своего рода элитой исламского мира, теми очень богатыми государствами, которые именно в силу их богатства и очевидно сопутствующего ему материального процветания если и не претендуют на верховенство (претендовать на это может разве что только Иран), то очень заметно влияют на остальной мир ислама. Справедливости ради стоит заметить, что экстремальные позиции в политике занимает среди этих стран лишь Иран, явно стремящийся стать не просто лидером мусульман, но главой экстремистско-террористического крыла этого мира. Напрямую идентифицировать себя с террористами эта страна не пытается, но ее очевидное сочувствие им в сочетании с ненавистью к Израилю и со стремлением к ядерно-ракетному современному оружию не может не настораживать. И хотя остальные страны Залива к экстремизму и терроризму особой склонности не питают, похоже даже побаиваются чрезмерной

экспансивности исламистов, стоит учитывать, что объективно именно их богатство и потенции являются материальной основой взлета экстремистского ислама.

Уточним ситуацию. Большинство тех мусульманских стран, о которых теперь идет речь, тоже не миновала в прошлом доля колоний, и, более того, именно благодаря этому они разбогатели и получили возможность не только процветать после деколонизации, но и проявлять завидную независимость. Независимость от вчерашних колонизаторов, но не от ислама как жесткого норматива в образе жизни. Этот религиозно-цивилизационный норматив, к тому же в своей наиболее жесткой из всех известных истории модификаций, в условиях последних десятилетий расцвел и способствовал увеличению мощи ислама как раз и, пожалуй, прежде и более всего благодаря богатым нефтедолларами странам. Ведь на средства этих стран и прежде всего Аравии, которая ревниво следит за своим особым положением в мире ислама, мусульмане во всем мире — не только исламском! — строят тысячи мечетей, в которых интеллектуалы ислама проповедуют соответствующие и чаще всего далеко не безобидные взгляды.

Если бы не этот поток нефтедолларов, тоталитарно-террористические интенции исламистов ныне, возможно, выглядели бы много скромнее и были бы несравненно менее заметными. Но важно понять и другое. **Богатые монархии не могут не платить экстремистам, у них просто нет выбора.** Они резонно рассматриваются как могучий резерв или, если грубее, как захваченная в качестве заложника дойная корова, предоставленная Аллахом в распоряжение всех тех воспрянувших духом ревнителей ислама, кто готов на решительные действия и уверенно демонстрирует эту свою готовность, в том числе и методами террора.

ДРУГИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ С НЕФТЬЮ И ГАЗОМ

Теперь о мусульманских странах, которые тоже имеют углеводороды, но наделены этим даром природы не слишком щедро и потому играют много более скромную роль. Это неоднородная группа стран, разделяющаяся как по обилию нефтедолларов, так и по многим иным показателям. Достаточно заметить, что в нее входят и бывшие советские республики. Единственное, пожалуй, общее для всех них — это

ислам как главная религия местного населения, часто к тому же и официальная, государственная.

Ливия (6,7 млн) — одна из стран североафриканского арабского Магриба. Долго находившаяся под властью диктатора М. Каддафи *джамахирия* — это была исламская полусоциалистическая страна, состоявшая из 378 коммун-*махалля*, объединенных в 26 *шаабий* типа укрупненных общин-махалля. Махалля и шаабий управлялись народными собраниями и выдвинутыми их представителями. В стране были и верховный конгресс, и высший комитет (правительство), и министерства при нем. А хозяином, что все отлично понимали, был ее *революционный лидер*. Спорадические конфликты Ливии с разными странами Запада поддерживали в глазах небольшой страны престиж ее лидера. А шантаж, осуществлявшийся в процессе нелегального содействия десяткам тысяч африканцев, хотевших въехать в Европу, обычно побуждал европейцев и прежде всего соседнюю с Ливией Италию идти на уступки, дабы предотвратить наплыв нелегалов. При всем том страна довольно успешно развивалась, ее население почти все было грамотно, хотя качество образования в десятках ее высших учебных заведений не могло не вызывать оправданные сомнения.

Ситуация существенно изменилась в процессе арабской весны на позднем ее этапе, в 2011 г. Покорные подданные восстали и начали изматывавшую обе стороны длительную войну за освобождение от революционного лидера. Война, не слишком интенсивная, хотя и обострявшаяся во время борьбы за захват городов, встретила понимание со стороны ряда европейских держав, имевших свои счёты с диктатором (вспомним о взорванном его агентом в небе над Шотландией лайнере) и охотно оказывавших ощутимую помощь восставшим. Затянувшаяся война, которую лидер вел с помощью щедро оплачиваемых им африканских наемников, тянулась весь 2011 год. И, как то обстоит со всеми арабскими странами, вовлеченными в массовые движения протеста в месяцы арабской весны, неясно было, чем все кончится. Конец пришел с гибелью Каддафи, а после крушения старого режима скорей всего усиливается позиции исламистов. Хорошо если их значимость не станет слишком заметной. ВВП на душу около 14 тыс. долларов.

Йемен (24,7 млн), южная часть Аравийского полуострова, расположенная рядом с Оманом, к западу от Залива, долго был то под властью англичан, то раздроблен на части, с 1990 г. это независимое, но весьма отсталое исламское государство лишь с некоторыми при-

знаками западного стандарта. Есть конституция, партии, парламент, выборы. Президент А. Салех (переизбран в 2006 г., изгнан в 2011 г.), который за длительное пребывание в должности оказался одним из самых ненавистных в период арабской весны лидеров, долго и упорно, даже став жертвой покушения на его жизнь, отказывался уходить. Экономически страна слабо развита. Недавно в ней нашли нефть и газ, обеспечивающие благосостояние соседей страны на востоке. Видимо, со временем это сможет повлиять на экономический рост Йемена, но пока эффекта нет. Стоит учесть, что Йемен считается ныне основной базой боевиков Аль-Каиды. ВВП на душу — 2,5 тыс. долларов.

Судан, государство в северо-восточной Африке (ориентировочно ок. 35 млн), как и Йемен, беден. Действует временная конституция, есть президент, парламент, но выборы нерегулярны. Президент (переизбран в 2010 г.) — О. аль Башир. Постоянные внутривосточные конфликты с западной частью страны, населенным неграми Дарфуром и до последнего времени с отъединившимся в 2011 г. негритянским югом (Республика Южный Судан) сильно ослабляли страну. Недавно обнаруженная нефть способствует экономическому росту и увеличению доходов. Ныне самый острый для страны вопрос, как поделить эту нефть с Южным Суданом. Если учесть внутривосточную обстановку и низкий уровень развития не только западной негритянской, но и арабской части населения страны, на легкий выход из сложностей рассчитывать не приходится. ВВП на душу 2,3 тыс. долларов.

Нигерия (170 млн; негритянские народы йоруба, хауса и ибигбо — почти 70%, всего 250 народностей и племенных групп; 55% мусульман, 35% христиан) — крупнейшая страна Африки. Независимая конституционная республика с 1960 г. Есть президент, партии, двухпалатный парламент, выборы, было и множество военных переворотов. Президент (с 2007 г.) — Яр д'Адуа. Необычайно развита коррупция. Только последнее десятилетие в стране прошло относительно спокойно, но и оно было омрачено, особенно на рубеже 2011–2012 гг., распрями между христианами и мусульманами. Основа экономики — нефть и газ. В последние годы идет процесс приватизации. Но ему и связанным с ним иностранным инвестициям весьма решительно препятствуют многие, в том числе нелегальные вооруженные формирования. Власть неустойчива и малоэффективна. Боевики часто нападают на нефтедобывающие сооружения и вредят им, захватывают в заложники иностранцев с целью получения выкупа. ВВП на душу 2,4 тыс. долларов.

Чад (11 млн; негры, 12% арабов, более половины мусульмане), бывшая французская колония в центре континента, с 1960 г. республика. Есть партии, парламент, президент (с 1990 г. — И. Д. Деби). Вооруженные столкновения между партийными группировками отражают племенную рознь. Страна бедна. Основа экономики — сельское хозяйство. Экспортирует хлопок и гуммиарабик. Природных ресурсов много. Недавно обнаружена нефть и уже начат ее экспорт. ВВП на душу 1,6 тыс. долларов.

Сирия (22,5 млн; 80% арабов, остальные курды, турки, черкесы, армяне) — многопартийная парламентско-президентская республика с претензией на исламско-социалистическое устройство во главе с партией БААС (ПАСВ). Президент с 2000 г. — Б. Асад. Характерны всевластие правоохранительных органов и пренебрежение правами человека, равно как и ограничения в правах и свободах, репрессии, политзаключенные, казни. Поощряются разные террористические, особенно антиизраильские группировки типа Хезболлы. Экономика страны (наибольшая часть бывшего Леванта) традиционно развита. Однако неэффективность государственного сектора хозяйства и почти полное отсутствие инвестиций ослабляют ее. Арабская весна сравнительно поздно, но зато весьма сурово затронула эту страну с ее пестрым в этно-конфессиональном плане населением. Президент жестко репрессирует восставших, месяцами не останавливается перед расстрелом демонстрантов. Будущее Асада и страны пока неясно, хотя скорей всего дело завершится отставкой президента и соответственно усилением позиций исламистов. В Сирии обнаружена нефть, и экспорт ее играет роль в доходах страны. ВВП на душу на уровне 4,8 тыс. долларов.

На этом можно было бы и ограничиться. Однако существенно заметить, что нефти и нефтедолларов, скажем, в Нигерии очень много, и по сути только на этом и держится экономика этой огромной страны. И если руководствоваться этим, Нигерию можно было бы перечислять рядом с чудовищно богатыми странами Аравии и Залива или хотя бы с Ираком и Ираном. Однако это не сделано вполне осознанно, так как Нигерия с ее огромным населением и полуразвивающимся хозяйством по многим основным показателям несопоставима с этими странами, о чем убедительней всего свидетельствует ее ВВП на душу населения. Другое дело, что к этой же группе отнюдь не процветающих (оговорки заслуживает разве что Ливия) мусульманских стран можно прибавить еще некоторые, возникшие недавно. Речь о бывших республиках советской Средней Азии.

Туркмения (5 млн, 90% мусульмане) — первый из кандидатов. Эта очень небольшая республика с правящей партией *нового типа* обладает огромными запасами нефти и газа, экспортируемыми в разные страны, вплоть до Китая. Такие запасы потенциально могли бы сделать небольшую страну чем-то вроде процветающих эмиратов Залива. Но до этого пока что далеко. Уровень жизни несопоставим, хотя добыча растет, трубопроводы прокладываются, нефть течет, газ идет, и все превращается в поток нефтедолларов. Остается та самая идейно-институциональная основа, от которой, как от фундамента, очень многое зависит и изменить которую, как и традиции или менталитет населения, далеко не просто. ВВП на душу 7,4 тыс. долларов.

Казахстан (17,5 млн, из них две трети казахи, прежде кочевники, остальные русские и украинцы) выглядит иначе. Существуют партии и двухпалатный парламент, но ощущаются элементы авторитаризма. Территориально большая страна имеет много природных ресурсов, включая урановые руды, черные и цветные металлы, а также неплохо развитую промышленность. Стоит напомнить о космодроме Байконур. Республика ведет активную добычу нефти и газа, отличается высокими темпами экономического роста. Важную роль в экономических успехах страны — особенно имея в виду, что коренное ее население еще сравнительно недавно вело кочевой образ жизни, — играют русские, городское население, предприниматели, работники предприятий. ВВП на душу 12,5 тыс. долларов.

Узбекистан (28,4 млн, 85% узбеков и 5% таджиков), президентская республика. Есть партии, парламент (меджлис). Авторитарные тенденции власти очень заметны. Ислам в принципе пока не слишком влияет на образ жизни бывшего советского населения. Традиции вчерашнего дня видны в бесцеремонном отношении к нему, что подтверждается вооруженными расправами с недовольными, как то было в мае 2005 г. в Андижане. Муниципальная власть в стране осуществляется в форме традиционных общин *махалля*, руководство которых пристально следит за образом жизни каждого. Экономика, начиная с хлопка и кончая автомобильными заводами, весьма развита. В стране большие запасы газа; он, как и хлопок и золото, — одна из важнейших статей экспорта. ВВП на душу 3,1 тыс. долларов.

Азербайджан (9,5 млн, азербайджанцы), республика, расположенная к северу от Ирана. Религия отделена от государства, де-факто преобладает шиизм. 90-е и 2000-е гг. омрачены длительным и оставшимся окончательно не решенным конфликтом с Арменией

из-за Карабаха. На рубеже 80–90-х гг., как упоминалось, сотни тысяч армян, проживавших в Азербайджане и особенно в Баку, были изгнаны из страны, многие из них стали жертвой расправы необузданной толпы. С 1993 г. власть прочно взял в свои руки бывший глава компартии Г. Алиев, с 2003 г. возглавляет страну его сын И. Алиев. Есть партии, парламент, происходят выборы, но авторитарные традиции твердо преобладают. Экономика достаточно развита, очень высокие темпы роста. Нефть и нефтепродукты — традиционно основной продукт экспорта. Есть и газ. Ныне экономически процветающий Азербайджан ищет наилучшие пути экспорта своих углеводородов. Развита и иные отрасли промышленности. ВВП на душу 11 тыс. долларов.

На этом перечень стран, населенных преимущественно мусульманами и обладающих нефтедолларами, можно считать почти исчерпанным. Сразу же есть смысл сказать, что, хотя Аллах снабдил углеводородами не только мир ислама, можно без больших преувеличений заметить, что в тех регионах, где мусульмане привычно преобладают, нефть и газ представлены более чем щедро. Это существенное обстоятельство многое объясняет в современной мировой политике. Ведь **выход на авансцену истории исламского террора с запросом на создание всемирного халифата оказался материально обеспеченным, без чего исламизм не сумел бы столь долго успешно действовать.** При этом стоит особо отметить тот немаловажный факт, что, во-первых, наиболее обеспеченными оказались малочисленные страны со слабо развитой либо вообще почти отсутствующей своей промышленностью, что позволяет продавать много углеводородов (добычу обеспечивают, как правило, гастарбайтеры). А во-вторых, нормы вселенской исламской уммы, восходящие к истокам религии, прямо-таки вынуждают богатых делиться с теми, кого Аллах обделил. И хотя в бывших советских республиках это еще не вполне так, в остальных богатых нефтью странах такое правило действует. Откликаются на вызов исламской традиции богатые нефтедолларами страны не одинаково. Аравия, например, известна тем, что всюду щедро строит новые мечети, что само по себе дело хлопотное и не дешевое. Но вносят свой вклад и другие. А пользуются помощью прежде всего не самые обделенные, а считающиеся наиболее обиженными Западом и, в частности, Израилем, особенно Палестина. Палестинцы, особенно в Газе, практически сами ничего не производят, только за счет помощи и живут. Частично, правда, еще и за счет подачек все того же Запада, включая и фонды ООН.

ИСЛАМСКИЕ СТРАНЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ НЕФТЕДОЛЛАРОВ

Теперь о тех странах ислама, которые лишены собственных запасов нефти и газа и соответственно не имеют нефтедолларов (сразу же оговорюсь, что ситуация меняется и в тех странах, где углеводородами и не пахло, их часто находят, а иногда они оказываются там и в большом количестве). Но речь теперь пойдет о государствах без нефти и газа, но с преобладающим в них мусульманским населением в Азии и Тропической Африке.

Гамбия (1,8 млн; мусульман 90%), бывшая колония в Западной Африке, затем британский протекторат, с 1960 г. конституционная республика. Существуют партии, парламент, президент, система разных судов и местная власть. Был всего один военный переворот в 1994 г., случались политические скандалы. Президент — Я. Дхамме. Полезных ископаемых мало, уровень экономического развития невысок, основа традиционного экспорта — арахис. Развивается туризм. Доля сферы услуг — примерно 2/3 — очень высока. По другим важным культурным показателям (организация власти, место религии, школы, музеи, спорт, публикации и др.) страна не представляется ни убогой, ни приниженой, ни склонной к религиозной ненависти или терроризму. ВВП на душу, однако, всего 1,3 тыс. долларов.

Сенегал (13 млн; 94% мусульман), в прошлом французская колония, с 1960 г. республика. В стране есть конституция, партии, даже профсоюзы, парламент, президент, премьер с кабинетом министров. Одно время даже попытался соединиться с Гамбией в конфедерацию (Сенегамбия, 1981–1989), но потом обе страны расстались. Президент (с 2000 г.) — А. Вад, чье стремление в 2012 году в третий раз, вопреки конституционной норме, остаться у власти вызвало бурное возмущение населения, особенно молодежи. Экономика развита плохо. Природные ресурсы незначительны (нефть вроде бы есть, но почти не добывается). 2012 год начался с бурных протестных движений, возникших в связи с желанием президента баллотироваться на третий срок. Продуктивно сельское хозяйство, есть доходы от туризма. ВВП на душу 1,7 тыс. долларов.

Мали (14,5 млн, 90% мусульман), в прошлом французская колония, с 1960 г., обретя независимость, отдала дань марксистскому социализму. Затем страна постепенно трансформировалась в многопартийно-парламентскую президентскую республику. Президент (с 2002 г.) — А. Т. Туре. Экономика слабо развита, хотя ресурсов

много. В 2012 г. туареги захватили северную половину Мали, начали уничтожать памятники древней культуры в Тимбукту. В стране много бедных; она нуждается в регулярной помощи. ВВП на душу 1,1 тыс. долларов.

Буркина-Фасо (Верхняя Вольта, 17,3 млн, половина мусульмане). После длительного периода авторитарного правления и военных переворотов с 1983 г. авторитарной властью были предприняты попытки бороться с коррупцией и отсталостью страны с помощью популистских методов. Переворот 1987 г. пресек эту политику, конституция 1991 г. способствовала, однако, в 1997 г. формальному усилению власти президента Б. Компаоре, сделав его власть пожизненной. Существует более десятка партий и парламент, но руководит страной правящая партия (две трети депутатов), а премьер назначается президентом. Страна очень бедная, экспортируются хлопок и скот. ВВП на душу 1,2 тыс. долларов.

Мавритания (3,4 млн; арабы и берберы) — исламская республика, с 90-х гг. с гражданским правлением, партиями, парламентом, президентом. Но это не избавило страну от военных переворотов. Президент (с 2009 г.) — М. Абдель Азиз. Экономика считается слабо развитой. ВВП на душу 2,1 тыс. долларов.

Западная Сахара (0,5 млн; кочевые арабы и берберы, мусульмане), в прошлом колония Испании, которая передала ее Марокко и Мавритании. После длительного территориального спора Марокко отгородилось от кочевников чуть ли не стеной. На территории много природных ресурсов. Но сахарские пески — не слишком удобное место для жизни. Марксистский фронт ПОЛИСАРИО — главная политическая сила в этой Сахарской республике. Об экономике говорить не приходится. Система лагерей в пустынной стране не очень жизнеспособна. Кочевое хозяйство спасает. ВВП на душу 2,5 тыс. долларов.

Нигер (17 млн, мусульмане), в прошлом колония Франции в центре африканского континента, с 1960 г. республика. Имеются конституция, партии, парламент, президент. Военные перевороты перемежаются с демократическими выборами. Президент (с 2004 г.) — Т. Мамаду. В стране месторождения урана, недавно открыты и нефтяные залежи (нефть в промышленных масштабах и на экспорт еще не добывается). Но она пока остается очень бедной, аграрной (сахарный тростник, арахис и др. продукты), ВВП на душу 0,7 тыс. долларов.

Гвинея (10 млн, 85% мусульмане), бывшая французская колония на западном побережье Африки, с 1958 г. республика. Вначале во

главе с Секу Туре отдала дань марксистскому социализму, с 1991 г. новая конституция, многопартийная система, парламент, даже разделение властей. Президент с 2008 г. — М. Д. Камара. Богатые залежи и экспорт бокситов, есть железная руда, золото и алмазы. ВВП на душу 1,1 тыс. долларов.

Джибути (0,5 млн, мусульмане), в прошлом французская колония на побережье северо-востока Африки, с 1977 г. однопартийная республика. По конституции 1992 г. в стране 4 партии, профсоюз, парламент, президент и премьер. Президент с 2005 г. — И. О. Гелле. Ресурсов и промышленности почти нет, сельское хозяйство слабо развито. Но морской порт в Джибути — ворота в мир для соседней Эфиопии. ВВП на душу 2,8 тыс. долларов.

Сомали (10 млн, мусульмане, много кочевников) с 1960 г. — республика, ориентировавшаяся на помощь СССР. В 1991–1992 гг. это государство на северо-востоке континента распалось на враждующие части. Вмешательство войск ООН не помогло (в 1995 г. войска ушли). Страна, в которой не прекращались раздоры, стала, кроме всего, еще и базой океанских пиратов. В 2000-е гг. некоторые части распавшейся страны (Пунтленд, Нортленд, Гулмудуг, Маахир, Могадिशю) формально вошли в переходное федеральное правительство. Отдельно существуют Сомалиленд и сепаратные группы исламистов, радикальных на юге и умеренных в центре, не говоря уже о пиратах. В 2004–2008 гг. Эфиопия пыталась навести порядок, но не удалось, а президент Юсуф Ахмед ушел в отставку. В 2009 г. парламент, заседавший в Джибути, выбрал президентом Ш. Ахмеда и принял решение о введении в Сомали законов шариата. В реальности оказалось, что Ахмед контролирует лишь часть столицы Могадिशю, тогда как основная территория страны находится под властью исламистской группировки аш-Шабааб, связанной, как полагают, с Аль-Каидой. Экономика в плачевном состоянии. До миллиона беженцев. Но пиратство процветает и расширяет свои позиции в разделенной и разрушенной стране. Считается, что ВВП на душу 0,6 тыс. долларов (доходы от пиратства, естественно, не учитываются).

Коморы (0,8 млн, мусульмане), группа островов в Мозамбикском проливе на юго-востоке африканского континента, в прошлом французская колония, с 1975 г. республика. Есть парламент и президент. Перевороты то вводили многопартийность, то сохраняли лишь правящую партию. Ислам объявлен государственной религией. Президент с 2002 г. — А. Элбак. Экономика слабо развита. Выращивают и экспортируют ваниль, гвоздику и некоторые другие экзотические

продукты (для парфюмерии, канатов и т.п.). ВВП на душу 1 тыс. долларов.

Таджикистан (7,7 млн; 80% таджики, мусульмане преобладают) — президентская республика. 90-е гг. прошли в стране под знаком серьезных внутривнутриполитических конфликтов, спровоцированных исламистами. Есть партии, парламент, но фактически господствует привычный авторитарный режим. Природных ресурсов в горной стране много, но промышленное развитие отстает. ВВП на душу 1,8 тыс. долларов.

Афганистан (30,4 млн; 70–80% пуштуны и таджики, мусульмане) — страна отсталая, в экономическом отношении очень слабо развитая, к тому же разрушенная непрерывными войнами. Афганистан — проблема, которая не сходит со страниц мировой печати. Это отсталое вольнолюбивое государство оказалось в XIX в. твердым орешком для англичан, в XX в. для СССР, а в XXI в. чуть ли не для всего западного мира во главе с США. После того как СССР вывел из этой страны свои войска, там укрепилось жестко религиозное и автократическое правительство талибов (студентов медресе, воспитанных в Пакистане из мальчишек, оставшихся в войне без родителей). Идейным наставником их стал У. бен-Ладен. Война западных войск с талибами в 2001–2002 гг. принесла было успех и даже позволила создать новое национальное правительство в Кабуле во главе с Х. Карзаем, который принял в 2004 г. конституцию и в 2009 г. был переизбран в качестве президента. Но вскоре оказалось, что талибы не только не сломлены, но напротив, начали ширококомасштабную партизанско-террористическую войну в стиле современных мусульманских шахидов.

И хотя в стране сегодня соблюден демократический антураж, есть партии, парламент, президент, выборы, даже независимый суд, нельзя забывать, что суд в основном руководствуется нормами шариата и что традиционная Лойя джирга (совет глав племен) значит в глазах населения много больше, чем парламент. В Афганистане не только не завершается, но разгорается война, в которую все глубже втягиваются вовсе этого не желающие западные страны. А уйти из Афганистана, как то сделал когда-то СССР, они уже не могут. Во-первых, потому, что поражение (а иначе не будет воспринято) означает, что ревностным шахидам открыт путь во все страны мира и едва ли не прежде всего в соседние страны беззащитной Средней Азии, откуда рукой подать до России и Европы. А во-вторых, из-за того, что Афганистан за годы непрерывных войн последних десятилетий превратился в крупнейшего мирового поставщика героина.

Бедным афганским крестьянам в условиях войны оказалось легче и выгоднее всего производить сотни и тысячи тонн мака, из которого и делают сильные наркотики. На них всегда есть неплохой платежеспособный спрос. В условиях войны производство и реализация опиумной отравы наладить проще всего, что там и было сделано. Единственный выход — не пожалеть больших миллиардов для создания и обучения новой афганской армии, что Запад во главе с США сейчас и делает. Но дело это долгое, а исторический опыт не сулит больших успехов. Тем не менее, США приняли решение вывести свои войска в 2014 г. ВВП на душу 0,8 тыс. долларов (цена наркотического зелья едва ли учитывается).

Палестина (палестинская автономия, ок. 4 млн) — другое большое место Запада, да и всего мира. Проблема в том, что после создания государства Израиль палестинцы, рассеявшиеся вдоль его границ, как на своей земле, так и на территории соседних арабских стран, почти ничего не делают для того, чтобы создать себе условия для мирной жизни в тех пределах, которые у них остались. Для них этот стиль жизни — дело принципа. Население, считая себя обиженным, заниматься созидательным делом не хочет. Его признанные лидеры ориентируют его только на военные успехи. Быстро возрастая в числе на территории многочисленных лагерей вокруг Израиля, они считают своим правом и долгом лишь воевать с Израилем и жить, как упоминалось, за счет щедрых подачек от нефтедолларовых доходов богатых арабских стран, а также за счет помощи беженцам со стороны Запада и ООН. Этого хватает как на существование все возрастающего населения, так и на приобретение оружия для войны с израильтянами. И, как в случае с Афганистаном, пусть в несколько меньшем масштабе, но не менее болезненно, эта ситуация постоянно осложняет проблемы мировой политики.

Достаточно напомнить, что лихорадочно торопящийся обзавестись ракетно-ядерной мощью Иран не скрывает своего намерения уничтожить Израиль. И есть веские основания полагать, что именно ради этого он, не очень-то таясь, так спешно создает ядерное оружие массового поражения. Скорей всего, Израиль не даст себя запугать (такое же оружие у него явно есть). Но чем это может закончиться уже не только для Ирана и Израиля, но и для всего мира, особенно если предположительно учесть все перемены, которые имеют все шансы произойти в мире ислама после завершения злосчастной арабской весны? ВВП на душу для Палестины в официальных списках вообще не фиксируется.

Страны исламского мира заслуживают особого внимания с точки зрения подведения итогов. И если не вспоминать пока о крупнейших и сравнительно развитых из них, которые рассматривались в предшествующей главе, то во всем том, что касается остальных, напрашиваются вполне определенные выводы. Как легко можно было заметить, в 29-й главе сгруппированы разные страны, как богатые, так и не отличающиеся большими запасами углеводородов и нефтедолларов, да и просто бедные, даже очень бедные, что особенно касается тропическо-африканских. Но самой общей чертой всех этих столь разных стран следует считать то, что в них процесс вестернизации либо вовсе еще не достиг сколько-нибудь значимых результатов, либо проявляется едва заметно, лишь внешне и поверхностно, в виде имитации, а то и недопустимо примитивно, потребительски.

Институциональной первоосновы западного типа эти страны сами не могли и/или не хотели создавать, с процессом вестернизации у них — в основном из-за реальных возможностей коренного населения — обстоит дело плохо, порой очень плохо. Часть мусульманских стран, в том числе бывшие советские республики, воспринимают значимость вестернизации, но не слишком торопятся менять привычный жизненный уклад, особенно если жизнь их в этом смысле никак не подстегивает. Казахстан и Азербайджан выделяются при этом в лучшую сторону и близки к тем из стран ислама, о которых шла речь в предыдущей главе и которые готовы склониться в сторону Запада. Хуже всего в этом смысле обстоит дело у мусульманских стран африканских тропиков. Но есть и такие страны, как Иран или Афганистан, которые традиционно исходят из того, что им лучше жить по тем законам, что восходят ко временам пророка, Корана и шариата. К ним частично примыкают и некоторые другие, начиная с Аравии. Но коль скоро так, то как следует это воспринимать?

К сожалению, многое говорит за то, что многих из не столько даже стран, сколько мусульман, населяющих эти страны, есть веское основание считать резервом исламизма. В ряде случаев, более всего в Афганистане и Иране, Йемене и Сирии, Ливии и Сомали, несколько по-своему, с учетом важных привходящих обстоятельств, в Ираке и Палестине, это уже проявилось во всю силу и кое-где, прежде всего в Афганистане и Сомали, до основания разрушило государство. В меньшей степени исламизм пока задел крохотный Байрейн и гигантскую Нигерию, отдельные регионы Центральной Азии. Видимо, тлеет пожар исламизма и еще кое-где. Но пока мы, на некоторое время оставив в стороне мир ислама, но не забывая о его силе и

численности, вправе перейти к проблемам Африки, которые в наши дни становятся все более драматическими не только для местного населения, но и для всего остального мира.

Глава тридцатая. ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА И МАРГИНАЛЫ

В последней главе из тех, что уделяют внимание проблемам вестернизации современного мира, необходимо познакомиться с группой стран, среди которых преобладают менее всего поддающиеся этому процессу. Речь о своеобразном **третьем пути эволюции**, наиболее замедленном и мало перспективном. Это по преимуществу самые отсталые, прежде всего африканские, хотя и не только они. В группе представлены разные страны, в основном более или менее бедные, а иногда даже неплохо обеспеченные. Преобладают страны Тропической Африки, причем с населением, среди которого мусульман нет либо они находятся в явном меньшинстве. Кроме Африки будет обращено внимание на те государства, которые не вписались в иные рубрики и являют собой нечто экстраординарное, как например Бирма или КНДР. Обо всех них будет, естественно, сказано вкратце, хотя иногда трудно будет избежать повторов.

СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

Гана (25,2 млн), республика с 1957 г., одна из первых деколонизованных стран Африки в районе Гвинейского залива, в прошлом английская колония Золотой Берег. Курс на марксистский социализм и соответствующий ему авторитарный режим, национализация экономики, коррупция и всеобщий хаос привели к военному перевороту. В 70–80-х гг. на смену пришли многопартийно-парламентский строй и рыночно-частнособственническое хозяйство. Конституция 1992 г. и выборы на многопартийной основе привели к власти президента Д. Ролингса, до того бывшего военным правителем. На выборах 2000 г. президентом стал Д. Куфуор, а в 2009 г. — Д. А. Миллз. ВВП на душу в 2009 г. — 1,5 тыс. долларов, средняя цифра для тропиков Африки.

Кот-д'Ивуар (Берег Слоновой Кости, 22 млн), чуть к западу от Ганы, был французской колонией. Первый президент ее Ф. Уфуэ-

Буаньи энергично развивал рыночно-частнособственническую экономику, опираясь на правящую партию, профсоюзы, организации женщин и молодежи. С 90-х гг. появились разные партии, осуществлялись выборы в парламент. После Уфуэ-Буаньи президентом был избран А. К. Бедье, внутривластная обстановка осложнилась. Последовали военные перевороты. В 2000 г. президентом стал Л. Гбабо. Страна была в условиях нестабильности, даже военных столкновений. Франция оказала помощь вооруженными силами, и в 2007 г. было достигнуто примирение с оппозицией. ВВП на душу 1,7 тыс. долларов.

Сьерра-Леоне (5,5 млн), бывшая британская колония, затем многопартийно-парламентская республика с 1961 г., член Содружества. Военные перевороты в 70–80-х гг. чередовались с нормальными выборами (с 1969 по 1985 г., с перерывами, а то и с внешней военной помощью из Гвинеи). Президентом стал С. Стивенс, а после его отставки генерал Д. Момо. В годы его правления усилилась нестабильность, генерал был вынужден в 1992 г. покинуть страну, а власть начала переходить из рук в руки. В 1996 г. были проведены многопартийные выборы, но избранный президент А. Кабба через год тоже был свергнут. После междоусобиц и вмешательства внешних сил, от Нигерии до ООН, в 2002 г. Кабба вернулся на свой пост и одержал победу на очередных выборах, а на выборах 2007 г. президентом стал Э. Б. Корума. Неудивительно, что страна оказалась экономически разрушенной. ВВП на душу 0,9 тыс. долларов.

Либерия (3,9 млн), государство потомков возвратившихся в Африку в середине XIX в. американских рабов-негров. Больших успехов это никем не колонизованное государство, несмотря на содействие со стороны США в годы Второй мировой войны, так и не добилося. Обострились отношения между мигрантами и местными племенами. В 1980 г. президент Толберт был убит в ходе военного переворота. Представитель одного из местных племен сержант С. Доу, добившись успеха и сделав себя генералом, разумно управлять не сумел. В стране последовали военные перевороты, начали свирепствовать разного рода племенные предводители и лидеры повстанцев, в междоусобицы пытались вмешаться соседние страны. Многие сотни тысяч жителей Либерии бежали из нее. В 1997 г. президентом стал Ч. Тейлор, что не помешало его противникам изгнать его из страны в 2002 г. В 2003 г. его место занял вице-президент. В 2005 г. президентом была избрана Э. Джонсон-Серлиф, выпускница Гарварда, бывшая сотрудница Всемирного банка и министр финансов в прави-

тельстве Тейлора. В 2011 г. ей и еще двум женщинам была присуждена Нобелевская премия мира. Но пока что это мало содействовало выздоровлению экономики разрушенной междуусобицами страны. Ресурсы в стране есть, вплоть до золота и алмазов. Однако ВВП на душу примерно 0,5 тыс. долларов, недалеко от Зимбабве, меньше очень редко бывает.

Если, приняв все во внимание, взглянуть на феномен Либерии с высоты исторического процесса, окажется, что это **очень интересный и необычайно поучительный эксперимент**. К тому же серьезный аргумент в пользу нелюбимого многими колониализма, который гораздо более способствует развитию отсталых стран, нежели, как любят считать, в чем-то вредит им.

Того (7 млн), бывшая французская колония, к востоку от Ганы. После обретения независимости в 1960 г. были военные перевороты. А далее страна вступила в период политической стабильности. Сначала с однопартийным авторитарным режимом («управляемая демократия» президента Г. Эйадема, 1967–2005 гг.), затем многопартийно-парламентская республика во главе с его сыном Э. Ф. Гнассингбе (итоги выборов оспаривались оппозицией). Экономика, несмотря на некоторый рост, не слишком развита, ВВП на душу около 0,9 тыс. долларов.

Бенин (Дагомея, Невольничий Берег, 9,6 млн), владение Франции к востоку от Того. Авторитарная республика с 1960 г., затем ряд военных переворотов, ориентация на марксистский социализм. Президенты Н. Согло (с 1991 г.), М. Кереку (1996–2006) и Я. Бони (с 2006 г.) проводили реформы с целью демократизации режима. Появились партии и парламент, стали создаваться основы рыночно-частнособственнической экономики. В стране много природных ресурсов, от нефти и газа до руд и леса. Но они только-только начинают разрабатываться и пока не приносят дохода. Бенин остается бедной страной, хотя, по некоторым данным, не только, в отличие от многих других африканских стран, обеспечивает себя питанием, но часть их даже экспортирует. Доход на душу 1,5 тыс. долларов.

Гвинея-Бисау (1,6 млн), бывшая португальская колония на западном побережье Африки, с 1974 г. под управлением организации ПАИГК выступала за марксистский эксперимент. После отказа от этого курса начался период либерализации страны. Президентом стал глава ПАИГК Ж. Б. Виейра (в 1994 г. был избран, в 1999 г. в результате переворота бежал, в 2005 г. снова избран, в 2009 г. убит). Экономических успехов мало, ВВП около 0,6 тыс. долларов.

Острова Зеленого Мыса (Кабо-Верде, 0,5 млн), бывшее португальское численно очень небольшое владение, с 1975 г. под властью ПАИГК, с 1986 г. республика Кабо-Верде, с 1991 г. реально многопартийное президентско-парламентское государство. Президенты А. Монтейру (1991–2001) и П. В. Пиреш (с 2001 г.) заботились о демократических реформах, отчего и достигли немалых успехов. Стоит обратить внимание на контраст по сравнению с Гвинеей-Бисау, да и с другими государствами региона. Играет роль, видимо, и островное ее положение. Страна в основном сельскохозяйственная, с уклоном в туризм и сферу обслуживания, но довольно успешно развивается. ВВП на душу 3,9 тыс. долларов.

Камерун (20,1 млн), бывшая британская колония, расположенная на юго-западе Африки рядом с Нигерией и с выходом к Гвинейскому заливу, после обретения независимости в 1960 г. стал почти образцовой многопартийно-парламентарной республикой безо всяких переворотов. Президенты А. Ахиджо (1961–1982), П. Байя (с 1982 г.) и премьеры с их кабинетами министров исправно делают свое дело. Камерун с 1995 г. является членом Содружества, имеет неплохо развитую промышленность, включая добычу нефти. В стране хорошо налаженное образование, развитая транспортная сеть и система связи. ВВП на душу 2,3 тыс. долларов.

Республика Конго (Французское Конго, 4,3 млн), бывшая колония Франции, с 1960 г. независимое государство. Его первый глава аббат Ф. Юлу был свергнут в 1963 г., после чего военные начали строить в стране марксистский социализм. Это продолжалось до 1992 г., когда начался процесс некоторой демократизации. В этот процесс активно включились как новый лидер, президент П. Лиссуба (1992–1997), так и вступивший с ним в ожесточенную борьбу прежний *марксист* Д. Сассу-Нгессо. В итоге президентом стал Сассу-Нгессо, которому помогли его коллеги-*марксисты* из Анголы. После этого он дважды, в 2002 и 2009 гг., избирался президентом. Численно небольшая страна экспортирует нефть и лес, ВВП на душу 4,2 тыс. долларов.

Экваториальная Гвинея (остров Фернандо-По, ныне Биоко, 0,6 млн) и небольшой анклав Рио-Муни в юго-восточной части Гвинейского залива, в прошлом владение Испании. Независимая республика с 1968 года. Президент М. Н. Бийого в 1970 г. провозглашил было курс на марксистский социализм, но в 1979 г. его свергли и убили, а новый правитель Т. Мбасого решил ориентироваться на рыночно-частнособственническую экономику. А так как важными статьями экспорта страны являются нефть и газ, то нет ничего уди-

вительного, что ВВП на душу на очень небольшом острове высок, 36,1 тыс. долларов.

Габон (1,5 млн), бывшая французская колония на востоке Гвинейского залива, в районе нефтепромыслов. Это конституционная республика с 1960 г. Есть партии, даже профсоюзы, двухпалатный парламент, президент и премьер с Кабинетом министров. С 1967 по 2009 г. президентом был А. Бонго, в 1973 г. принявший ислам и изменивший свое личное имя на Омар. Габон — одна из наиболее благополучных стран Африки. Она изобилует ресурсами и экономически развита. Есть нефть и газ, морские порты, международные аэропорты, даже два университета. ВВП на душу 13,7 тыс. долларов.

Демократическая Республика Конго (Бельгийское Конго, **Заир**, 73,6 млн) с 1960 г. была настроена на преобразования по марксистскому стандарту. В 1961 г. начались внутренние конфликты, президент П. Лумумба был убит, а к власти пришел Ж. Мобуту, установивший авторитарный однопартийный режим (1965–1997). Огромное количество природных ресурсов, включая руды и нефть, и строившиеся колонизаторами большие промышленные города (Леопольдвиль, Стенливиль, Элизабетвиль и др.) способствовали этому. Сменивший Мобуту Л. Кабила в ходе начавшихся затем междоусобных войн в 2001 г. был убит. Его сын Ж. Кабила сумел договориться с мятежниками и стал президентом. Но экономика страны все ухудшалась. Затем начался полный развал. Развал и упадок экономики огромной страны, столь процветавшей еще сравнительно недавно, при Мобуту, сумевшем сколотить на этой основе солидный личный многомиллиардный капитал, объективно являют урок тем, кто после Мобуту создал обстановку, вынудившую европейцев покинуть страну. А без них, о чем уже упоминалось, когда речь шла о самых бедных латиноамериканских странах, дело не пошло. ВВП на душу в еще недавно благополучном Заире с его индустриально развитой Катангой ныне 0,3 тыс. долларов. Это предпоследнее место в мировом списке, хуже только в Зимбабве и по той же причине.

Центрально-Африканская Республика (ЦАР, 5 млн), французская колония в центре Африки, к югу от Чада. С 1960 г. обрела независимость при однопартийной системе власти во главе с президентом Д. Дако. С 1966 г., после переворота, власть оказалась в руках Ж.-Б. Бокассы, который не только объявил себя в 1976 г. императором, но и прославился склонностью к каннибализму. Лишь на рубеже 90-х гг. ситуация изменилась к лучшему. Президент А. Колинга (1981–1993), управлявший страной в процессе военных переворотов,

и сменившие его А. Ф. Патассе (1992–2003), а затем Ф. Бозизе создали в стране многопартийно-парламентскую республику. Экономические реформы, однако, несмотря на обилие природных ресурсов, к большим успехам страну не привели. ВВП на душу около 0,7 тыс. долларов.

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКИ

Эфиопия (Абиссиния, 93,8 млн) — одна из крупных и наиболее древних стран Африки. В отличие от подавляющего большинства остальных, она никогда за эти тысячелетия не была ничьей колонией. Тем не менее уровень развития в этой стране обычно не был высоким, а скудость ресурсов и горный рельеф вели к частым засухам и голоду. При последнем императоре Хайле Селассие эти природные факторы, равно как и неудавшиеся реформы, привели к серьезному кризису, в результате которого император погиб, а его место заняла группа воинственных сторонников марксистского социализма. Они грызлись в борьбе за власть. Дело кончилось захватом власти Х. М. Менгисту, при котором страна окончательно приблизилась к деградации. Крушение СССР поставило точку на этом процессе. Менгисту бежал из страны.

Ситуация резко ухудшилась в связи с несколькими внешнеполитическими осложнениями — с отпочкованием от страны ее части Эритреи, борьбой с соседним Сомали за провинцию Огаден. С большим трудом и не без потерь выбравшись из всех этих сложностей, Эфиопия пошла в 90-х гг. по пути демократизации и либерализации экономики. Появилось множество партий, парламент и президент. Президенты З. Мелес (1991–1995), Г. Негассо (1995–2001) и У. Л. Гырма (с 2001 г.) добились в этом направлении достаточно многого. Эфиопия ведет активную политику в своем регионе, включая столкновения с Сомали в 2000-х гг. Но с экономикой дела по-прежнему обстоят плохо, даже очень плохо. ВВП на душу 0,9 тыс. долларов.

Эритрея (6 млн) — отколовшаяся от Эфиопии в 1982 г. северная ее часть. Война с Эфиопией в 1998–2000 гг. не привела эту небольшую страну к успеху, но зато привела к союзу с Сомали, точнее, с некоторой частью этого расколовшегося государства, которая воевала в 2006–2009 гг. с Эфиопией. В этой стране одна правящая партия во главе с президентом И. Афеворки (с 1993). Экономика крайне слабо развита, ВВП на душу 0,7 тыс. долларов.

Кения (43 млн), британская колония на восточном побережье Африки, с 1960 г. республика, распространен язык суахили. При первом президенте Д. Кениате (1964–1978) в стране, отмеченной антизападным движением общества *мау-мау*, которое выступало за то, чтобы отнять имущество у белых колонистов и отдать его неграм, и отчасти при его преемнике Д. Мои (Мбои, 1978–2002) господствовал однопартийный режим с рассуждениями о *социалистической Кении*. Лишь в 1991 г. под сильным давлением, в том числе и извне, Мои принял меры, направленные на либерализацию общества и оздоровление экономики. При президенте М. Кибакви эти реформы осуществлялись достаточно эффективно и приносили ощутимые результаты. В стране немало природных ресурсов, экономика неплохо развита. Но на ней сказались эксперименты Кениаты. ВВП на душу 1,6 тыс. долларов.

Уганда (35,8 млн), страна к западу от Кении, бывшая британская колония. После обретения независимости в 1962 г. король Уганды стал президентом, а в 1967 г. президентом республики оказался премьер М. Оботе, который упразднил монархию, как и должности племенных вождей, и начал было создавать нечто вроде колхозов, а в 1969 г. заявил, что намерен строить в Уганде «коммунизм». Его преобразовательная деятельность была прервана военным переворотом 1971 года. Пришедший к руководству страной генерал Иди Амин реквизирует собственность лиц азиатского происхождения и европейцев, сблизился с СССР, откуда получал помощь, объявил себя пожизненным президентом, а в 1976 г. попытался напасть на соседнюю Танзанию, войска которой, однако, вторгшись в Уганду, помогли оппозиции свергнуть его режим.

В 1980 г. на выборах президентом вновь был избран Оботе, а с 1986 г., вскоре после очередного переворота, президентом стал нынешний правитель страны Й. Мусевени. Отдав в свое время тоже дань марксистскому социализму, он, однако, энергично взялся за реформы, создав в Уганде и многопартийно-парламентскую систему администрации, и основы рыночно-частнособственнической экономики. И хотя это далось ему не легко, ибо сопровождалось вооруженной борьбой с частью оппозиции (иногда это именуют гражданской войной) и столкновениями с соседними странами, реформы привели Уганду к некоторому экономическому росту. ВВП на душу 1,3 тыс. долларов.

Танзания (43,6 млн), бывшая британская колония, расположенная на западном побережье Африки к югу от Кении, с 1961 г. ста-

ла республикой во главе с президентом Д. Ньерере. Его намерение строить марксистский социализм (национализация и кооперирование деревни в стиле *уджамаа*) дезорганизовало экономику. При президентах А. Мвиньи (1985–1995) и Б. Нкапа (1995–2005) страна отказалась от социалистических экспериментов и приступила к либерализации во внутренней политике и в экономике. Однако формальное решение о праве на существование иных партий к реальной многопартийности страну не привело, хотя существуют и конституция, и парламент, и выборы. Все президенты, включая последнего из них, Д. Киктеве (с 2005 г.), выходцы из партии того же Ньерере. Ресурсов в стране много, появляются и первые миллиарды долларов иностранных инвестиций, но экономика все еще не очень развита. ВВП на душу примерно 1,4 тыс. долларов.

Руанда (11,6 млн) и **Бурунди** (10,5 млн), бывшие подмандатные владения Бельгии в центре Африки, населены в основном, до 80%, земледельцами-хуту. Остальные — высокорослые тутси, потомки кочевников. Кровавые междоусобицы между этими этническими группами вылились в страшную резню, фактический геноцид. До двух миллионов были убиты или бежали из обеих стран. Тутси, которые играли в обеих республиках ведущую роль, в том числе и в армии, вышли победителями. Руанда пострадала несколько меньше. В ней в конце междоусобиц президентом стал П. Бизимунгу из хуту (1994–2000), а после него П. Кагама из тутси, оба из одной правящей партии. В Бурунди президентом был П. Буюя из тутси (1987–1993 и, после военного переворота, снова в 1996–2003). Его сменили Д. Ндайизея (2003–2005), затем П. Нкурунзиза, оба из хуту и из разных партий. В обеих республиках ныне есть по несколько партий, парламент, президент, происходят выборы. Ресурсы в обеих странах тоже есть, но промышленность почти не развита. ВВП на душу в Руанде 1 тыс. долларов, а в Бурунди всего 0,3-тыс.

Мадагаскар (22,6 млн), большой остров к востоку от континента, бывшая французская колония, с 1960 г. республика. Президент Д. Рацирака (1975–1992) взял было курс на строительство марксистского социализма, но потерпел неудачу. При президенте А. Зафи (1993–1996) начались процесс демократизации и успешные рыночные реформы. Затем президентом вновь был избран Рацирака (1996–2001), а после него президентом стал М. Равалуманана (2001–2009), который энергично принялся за реформы. Военный переворот 2009 г. передал власть популярному *диджею* и мэру столицы Э. Раджуэлину, чьи претензии стать президентом считались вначале нелегитимными.

тимными (ему только 34 года, нужно было не меньше 35). Позже он был утвержден в должности. В стране существуют разные партии, функционирует парламент, проводятся выборы, случаются и перевороты. Экономика не очень развита, ВВП на душу 1 тыс. долларов.

Маврикий (1,3 млн, преобладают индийцы и креолы), группа островов чуть к востоку от Мадагаскара, член Содружества. Многопартийно-парламентская республика с 1992 г. во главе с президентом, который избирается парламентом. Президент с 2003 г. — К. Оффман. Экономика очень хорошо развита. Заметную роль играет офшорный и банковский бизнес. Предмет экспорта — сахар. Процвествуют туризм и сфера услуг. ВВП на душу около 12,4 тыс. долларов.

Сейшелы (0,09 млн, население в расовом смысле смешанное), архипелаг у восточного побережья Африки, бывшая колония Британии, с 1960 г. республика. Многопартийно-парламентская система, профсоюзы, президент. Экспорт сельскохозяйственных продуктов, рыболовство и очень развитый туризм. ВВП на душу 19,4 тыс. долларов.

Ангола (18 млн), бывшая португальская колония в юго-западной Африке, с 1975 г. республика. Имеет конституцию, парламент, президента. С 1975 г. шла длительная гражданская война до 1991 г., потом были выборы, затем снова война, переговоры, опять боевые действия, завершившиеся в 2002 г. гибелью соперничавшего за власть Ж. Савимби и перестройкой бывшей марксистской партии Ж. Э. душ Сантуша (президент с 2003 г.) в национально-прогрессивную. Страна разорена и очень бедна. Но ресурсов много. Кроме того, недавно обнаружена нефть, экспорт которой тоже, как ожидается, даст толчок экономическому росту. Богатство полезными ископаемыми дает надежду на экономическое выздоровление. ВВП на душу высок, 8,7 тыс. долларов.

Мозамбик (23,5 млн), бывшая португальская колония на юго-востоке Африки, республика с 1975 г. Вначале это однопартийная с господством правящей марксистской партии ФРЕЛИМО, с плановой экономикой, национализацией и изгнанием португальских колонистов. С 1976 г. там появилась соперничающая и поддержанная соседними странами партии РЕНАМО. Борьба, временами перераставшая в гражданскую войну, шла до рубежа 80–90 гг., когда крушение СССР принудило ФРЕЛИМО к отказу от марксистской утопии. С тех пор в стране разные партии, работающий парламент с регулярными выборами и избранные президенты (все, включая ны-

нешнего А. Гебуза, с 2006 г., из ФРЕЛИМО, партии, пользующейся поддержкой на более населенном юге страны). Ресурсов почти нет, экономика не сравнима с ангольской. ВВП на душу 0,9 тыс. долларов, не сопоставим с ангольским.

Замбия (Северная Родезия, 14,3 млн), бывшая британская колония в южной части Африки, президентская республика с 1964 г. Президент К. Каунда (1964–1991), как и многие тогда, был склонен к марксистско-социалистическим экспериментам. Однопартийная система, национализация медных разработок подкосили экономику страны. Страна с богатейшими ресурсами и неплохим уровнем жизни год от года, несмотря на некоторый экономический рост, все более беднела. Эти годы и особенно крушение СССР пусть не сразу, но заставили президента отказаться от экспериментов и пойти на реформы, введя многопартийную систему. Выборы привели к победе Ф. Чилубы (1991–2002), принявшего новую конституцию и начавшего энергичную приватизацию. Президенты Л. Мванаваса (2002–2008) и Р. Банда продолжали его реформы. В стране есть партии, профсоюзы, парламент, президенты. Богата ресурсами, но ВВП на душу всего 1,5 тыс. долларов.

Малави (Ньясаленд, 16,3 млн), бывший британский протекторат к востоку от Замбии, вместе с которой страна вначале была включена в федерацию Родезии и Ньясаленда. Лишь с 1964 г. она стала республикой. Первый ее президент Х. Банда (1966–1994), стремясь к чему-то вроде социализма, оставил одну лишь правящую партию и объявил себя пожизненным правителем. Но после него в стране возникли новые партии. Президенты Б. Мулузи (1994–2004) и Б. Мутарика (с 2004 г.) не сумели, однако, добиться существенных успехов в экономическом развитии богатой ресурсами страны. ВВП на душу низок, около 0,9 тыс. долларов.

Зимбабве (Южная Родезия, 12,6 млн) выше уже не раз упоминалась как наглядный пример той экономической катастрофы, к которой может в результате длительных марксистско-социалистических преобразований прийти страна, прежде процветавшая за счет тысяч европейских фермеров-колонистов. Ставка пожизненного ее президента Р. Мугабе на социализм, национализацию и, главное, изгнание фермеров (фермы остались, но новые их владельцы привели их в состояние запустения) лучше любых слов показывают, к чему можно привести страну при использовании порочных принципов ведения хозяйства, особенно в условиях Африки. Экономика и система финансов полностью разрушены. ВВП на душу 0,1–0,2 тыс. долларов.

Ботсвана (Бечуаналенд, 2 млн), бывший британский протекторат в районе пустыни Калахари на юге Африки, ныне многопартийная парламентская республика с разделением властей. Она невообразимо богата даже на фоне всех остальных африканских стран природными ресурсами (золото, алмазы, нефть и т.п.) и потому не может считаться примером. Это просто подарок природы, заботливо убереженный (не без помощи колонизаторов) от разрушения типа зимбавийского. Небольшое местное население, включая и вовсе отсталых бушменов, не мешало развитию того, что было заложено ранее, а президенты, в основном из вождей, — С. Кхама, 1966–1980, К. Масире, 1980–1998, Ф. Могае, 1998–2008, и Я. Кхаме — следили и продолжают следить в своем новом вроде бы западном статусе за сохранением традиционного порядка. Работают в шахтах и на разработках в основном гастарбайтеры. ВВП на душу 13,1 тыс. долларов.

Намибия (2,1 млн, в том числе десятки тысяч европейских колонистов), соседка Ботсваны в районе Калахари, в прошлом подмандатная территория ЮАР, независимая республика с 1990 г. Первый президент — С. Нуйома (1990–2005), его сменил Х. Похамба. Существуют партии и парламент. Очень богата природными ресурсами (алмазы, уран и иные металлические руды, газ). ВВП на душу 6,9 тыс. долларов.

Лесото (Басутоленд, 2,1 млн) и **Свазиленд** (1,3 млн), анклав в ЮАР, в прошлом протектораты, именовавшиеся бантустанами, с 1966 и 1968 гг. конституционные монархии с многопартийно-парламентскими системами. Оба королевства тесно связаны с ЮАР, жители уходят туда на заработки. ВВП на душу соответственно 1,5 и 4,4 тыс. долларов.

Закономерности, которые обнажаются материалом главы, видны и вообще достаточно хорошо известны. Остается лишь сформулировать их. Прежде всего важно обратить внимание на то, что слаборазвитые страны с сильно отставшим в развитии населением, особенно тогда, когда европейские и даже азиатские колонисты изгоняются, сами не в состоянии не только создать, но и — как хорошо видно на примере Зимбабве, хотя и не только, — сохранить то, что было создано до них. Это косвенно подтверждает и пример Либерии, где афроамериканцы (как их сегодня именуют, но каковыми они явно еще не были в середине XIX столетия — тогда их именовали просто неграми) не сумели сохранить американский стандарт. Тот, который был характерен для США накануне гражданской войны за свободу рабов и с которым они, естественно, были неплохо знакомы. Прак-

тически это свидетельствует о том, что в принципе любой отсталый народ может преодолеть отсталость, но что это дается очень нелегко и далеко не сразу. Можно с немалой долей уверенности сказать, что вестернизация происходит с успехом лишь на протяжении веков и к тому же только в условиях постоянного сосуществования в вестернизирующемся обществе восточного типа немалого количества представителей общества западного типа, колонистов и колонизаторов. Если же речь идет уже об сложившемся обществе смешанного типа, то скорость его перехода к западному зависит также и от религиозно-цивилизационных традиций этого общества и привитого его традициями местному населению менталитета.

Пример тех стран, что расположены на юге Африки, рядом с Капской колонией буров и англичан, трансформировавшейся в ЮАР и постепенно расширявшейся к северу, будь то анклавы типа Ботсваны, Свазиленда или государств вроде Габона и Намибии, свидетельствует о многом. Там, где европейцы вовремя и в достаточном масштабе реализовывали политику буржуазных преобразований, которая сопровождалась энергичным ростом добывающей и иной промышленности, полезные ископаемые, включенные в оборот мирового рынка, приносили огромную прибыль. Не только местное население, но и отходники чуть ли не со всей Африки проходили здесь своеобразную школу производительного труда и уезжали с неплохими заработками. А местные страны резко увеличивали за этот счет свой ВВП.

Вообще стоит обратить внимание на то, что одной из наиболее заметных закономерностей можно считать зависимость уровня жизни не только от обилия ресурсов (а они тоже начали разрабатываться и поддерживаются в рабочем состоянии лишь благодаря колониальной администрации и — позже — западным колонистам, квалифицированным специалистам), сколько от ориентации общества на западные стандарты, имея в виду и отношение к своим европейским работодателям. Обратите внимание на цифры ВВП на душу, сравните эти цифры — и больше не о чем будет говорить. Все станет понятным без дополнительных слов. Очевидно, особенно на примере **Заира**, главное: в странах, не обделенных ресурсами, где колонизаторы в прошлом действовали успешно и на продолжении длительного времени, но позже были отстранены местной властью от экономики, чаще всего в результате марксистско-социалистической национализации, а то и/или просто изгнаны, все оказалось из рук вон плохо.

Оставив в покое деградировавшее государство Зимбабве, взглянем на Уганду, откуда были изгнаны колонисты азиатского проис-

хождения, или на Кению и Замбию с их такими же, что и в Зимбабве, попытками начать хорошо жить, используя отнятые у колонистов фермы. Уганда, Замбия, Малави и Кения, не говоря уже о португальском Мозамбике, до такой разрухи, как в Зимбабве, не дошли, но и многого подобной политикой не добились. Напротив, немало потеряли, начиная с нескольких десятилетий ушедшего на эксперименты времени и кончая невысоким уровнем жизни. Примерно то же можно сказать и о многих других странах, которых вскоре после деколонизации привлекали кажущиеся простота и успешность развития по столь привлекательному на первый взгляд марксистско-социалистическому пути. Это видно на примере небольшой Ганы и громадной по сравнению с ней Эфиопии, да и немалого количества других стран африканских тропиков.

Вообще регион, наиболее быстро численно возрастающий, оказывается в центре внимания. Это больное место человечества. Африка в целом живет за счет помощи и постоянных кредитов от благополучных стран, прежде всего западных. Огромные ее долги время от времени списываются, но облегчения это не приносит. Природные ресурсы Африки привлекают к себе внимание, особенно со стороны тех стран, у которых таких ресурсов нет. Среди них сегодня на первое место выходит Китай. Его многомиллиардные вложения могут в некоторой степени изменить ситуацию и в самом Китае, и в Африке, но все же больше в Китае, чем в Африке. Кроме того, на это опять-таки требуется время, и немалое. А Африка тем временем продолжает численно возрастать. И это несмотря на давно уже очень ощутимую нехватку средств для содержания и без того чрезвычайно многочисленного ее населения. И невзирая на свирепствующие на этом континенте войны, разного рода этносоциальные конфликты, эпидемии и многочисленные болезни, включая СПИД.

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ СТРАНЫ

Теперь отвлечемся от Африки и обратимся к некоторым иным странам. Бирма (Мьянма, 54,6 млн), в прошлом колония Британии, одна из них. Это республика с 1948 г. Внутриполитические неурядицы способствовали военным переворотам. Военные во главе с Не Вином взяли курс на строительство бирманского социализма с национализацией и ограничением частного предпринимательства, что

привело страну в 60–70-х гг. XX в. к кризису. Взрыв народного возмущения в 1988 г. вызвал новый военный переворот. Генералы во главе с Тан Шве в 1990 г. провели выборы, но не признали их результаты (победила демократическая партия Су Чжи, дочери легендарного Аун Сана, удостоенной в 1991 г. Нобелевской премии мира). Но она оказалась под домашним арестом. Диктатура военных продолжалась, что делало страну изгоем, изолированной от мира. Принятая в 2008 г. новая конституция пригласила бирманцев создать *дисциплинированную процветающую демократию*. Военные провели выборы в 2010 г. Но Су Чжи была выпущена на свободу только после них. Ресурсов в стране немало. Впрочем, последние позитивные сдвиги в стране, где нет харизматического авторитарного диктатора, а военные готовы наконец вроде бы отдать некоторую долю власти гражданскому правительству после уже проведенных свободных, с участием Су Чжи, выборов, обнадеживают. Вполне вероятно, что Бирма-Мьянма станет нормальной буддийской современной страной с заметным восприятием западного стандарта. ВВП на душу 1,2 тыс. долларов.

КНДР (ок. 23 млн), самая закрытая страна мира во главе с правящей партией и наследственными коммунистическими диктаторами. Экономика целиком ориентирована на военное производство. Нехватка питания и голод — привычные спутники запуганного властью населения. Характерно, что, направив все силы и средства на ракетно-ядерную программу и — с помощью иностранных специалистов — реализовав ее, руководство страны пытается шантажировать соседние страны, особенно процветающую республику Южная Корея. Впрочем, похоже, что новый правитель страны Ким Чен Ын под давлением Китая готов к реформам. ВВП на душу 1,8 тыс. долларов.

Лаос (6,8 млн), республика с 1975 г. во главе с правящей партией НРПЛ коммунистического типа. Из ее членов комплектуется однопалатный парламент, чьи руководители являются президентом (К. Сипхандон, с 1998 г.) и премьером (Б. Ворачит, с 2001 г.). Экономика слабо развита, но с 1986 г. в стране разрешено частное предпринимательство. ВВП на душу 2,1 тыс. долларов.

Камбоджа (14,9 млн), конституционная монархия, в которой в 70–80-х гг. свирепствовал человеконенавистнический режим коммуниста Пол Пота, несовершеннолетние боевики которого убивали лопатами миллионы соотечественников. Сегодня здесь существуют партии, парламент и премьер (Хун Сен с 1998 г.). Экономика слабо развита, ВВП на душу 1,9 тыс. долларов.

Папуа — Новая Гвинея (6 млн, папуасы и меланезийцы, несколько десятков тысяч австралийцев и европейцев), одно из наиболее значительных островных государств Океании, в прошлом подмандатная территория, независимая республика с 1975 г. Входит в Содружество. Глава государства — королева Великобритании, представленная генерал-губернатором. Есть партии, парламент, премьер (М. Сомаре с 2002 г.). Стоит заметить, что совсем недавно население государства жило в основном в условиях неолита. Ныне страна, в основном усилиями иностранцев, развивается достаточно успешно. Ведется разработка природных ресурсов, что способствует экономическому росту. ВВП на душу 2,3 тыс. долларов.

Как видно из краткого перечня, к более или менее благополучным странам следует отнести и крайне отсталое, но находящееся под английской опекой государство Папуа. Но уже про Камбоджу и тем более про все еще полукоммунистический Лаос этого не скажешь. Они далеко не столь благополучны. Тем более это относится к пресловутой и весьма агрессивно настроенной КНДР. Лучше становятся дела разве в многострадальной Бирме. В любом случае понятно, что для сохранения норм жизни эксперименты неуместны. Теперь остается место лишь для окончательных выводов. А они, если взять ситуацию в целом, отнюдь не столь очевидны и тем более не так утешительны, как то может показаться. Поэтому обратим на них должное внимание.

Глава тридцать первая. СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Если не слишком вдаваться в детали — а последние главы переполнены ими, — может создаться впечатление, что почти весь мир, как бы одумавшись после крушения коммунистических экспериментов и крайне неудачных утопических экспромтов, почти что дружно сменил политический курс и худо ли, хорошо ли, во всем либо частично, но все-таки чуть ли не стройными рядами пошел вслед за Западом. Разумеется, пошел не сразу и не случайно, но теперь вроде как бы вовсе без помех. Помехи ушли в прошлое, остался один позитив, ну прямо почти что в стиле незабвенного Ф. Фукуямы с его концом истории. Однако, поскольку все в реальности происходит на более сложном фоне, на самом деле все не так. Перед нами три разных пути эволюции, причем на долю второго и третьего, весьма

далеких от стандартов первого, приходится львиная доля населения планеты, с чем невозможно не считаться. Поэтому следует обратить внимание на то, в чем смысл происходящего. Это тем более важно, что от оценки ситуации во всем современном мире в наши дни и при учете более чем очевидных тенденций предстоит делать глобально-генеральные выводы, чему будут посвящены две последние, заключительные главы тома.

ЗАПАД КАК ВЕДУЩЕЕ НАЧАЛО

В восприятии всего, что реально происходило в современном мире на рубеже XX–XXI вв., следует обстоятельно разобраться, особенно на фоне того, как было выше построено изложение состояния дел в разных регионах и во всех эшелонах поступательной эволюции — вестернизации — вроде бы чуть ли не всего человечества. Здесь, сразу должно сказать, сыграл свою роль вполне понятный, но серьезно искажающий реальность эффект, смысл которого в том, что **без влияния вестернизации, включая не только экономику, промышленность, средства связи, но и некоторые западные идеи и институты, нельзя в наши дни не только идти вперед, но просто существовать ни одному государству, включая, скажем, даже КНДР с ее ракетно-ядерными претензиями.** Все, что в современном мире они имеют, чем регулярно пользуются, без чего давно уже не могут обойтись, заимствовано, причем в огромной степени, хотя порой и негодую, вынужденно, но все-таки именно заимствовано с Запада.

Взгляните на КНДР или на шиитский Иран. Уж куда дальше отдалены они от ненавистного им Запада — но на что при этом опираются эти государства? На ракеты и ядерные бомбы, созданные самой передовой западной мыслью, техникой и технологией. Есть в этих странах автомобили, самолеты и даже метро, и все это, да и очень многое другое, было создано на буржуазном Западе. Есть в них парламенты или что-то в этом роде, средства массовой информации, от газет и журналов, книг и кино до телевизоров, компьютеров и интернета. Это в наши дни естественная норма для всего мира, включая не только активных антизападников, но и просто очень отсталую Тропическую Африку и окраинные страны-маргиналы. Но что это означает?

Прежде всего то, что все это — плоды именно Запада, его буржуазного развития, присущих ему либеральной демократии и социаль-

ной политики, идущей с античности модернизации, воспринятой всюду вне Запада в форме вестернизации. Многие из мира вне Запада, как та более передовая его часть, что активно и потому очень часто вполне успешно стремится стать Западом, так и те, кто стремится, но слишком многого достичь по разным причинам не в состоянии, все-таки делают именно это. Такое вполне осознанное поведение значит, что западные стандарты в чем-то, хотя и не во всем, даже не во всем главном и основном, становятся всеобщей нормой. И ситуация, которая в самых общих чертах описывалась, анализировалась и обобщалась в нескольких предшествующих главах, должна восприниматься прежде всего как успех вестернизации, а в конечном счете воздействия передового и бурно развивающегося Запада на быстро возрастающий, благодаря условиям, созданным им, весь мир вне его.

Стало быть, вестернизация, пусть с жесткими ограничениями ее объема, воспринимается де-факто всеми, включая самые антизападные страны, как жизненно необходимое условие их существования. И если мусульманские Афганистан, Палестина, Иран или КНДР, большинство населения России, а также некоторые страны Африки и Латинской Америки, да и еще кое-какие государства с точки зрения их религиозно-цивилизационной традиции и воспитанного ею менталитета либо по другим соображениям считают Запад чем-то враждебным для себя, это объективно обусловлено. И обусловлено не только, даже не столько тем, что они не понимают и не приемлют стандарты культуры Запада, а тем, что эти стандарты в силу их культурного уровня или крайне нетолерантного менталитета для них неприятны и потому неприемлемы.

К сказанному следует добавить, что мощный вал глобализации на рубеже XX–XXI столетий в чем-то и весьма существенно уравнивал сильно отстающих с передовыми. Все, кто вообще привык одеваться, одевается в массе своей одинаково, по-европейски, хотя и, имея в виду мусульманских женщин, даже чересчур обильно. Все в случае необходимости ездят не на лошадях или ишаках, а на автобусах и поездах, иногда и на автомобилях и аэропланах. Почти все пользуются мобильниками и смотрят на экраны телевизоров, а то и гаджетов и компьютеров. Пишут авторучками, застегиваются с помощью застёжек-молний. Нужно ли продолжать? Не понятно ли, что все эти новации пришли с Запада? Что в остальном мире они стали известны как в результате колониальной экспансии, так и потому, что благодаря всемирному рынку, созданному не Аллахом, а буржуазией

Запада, основанная на римском праве и древнегреческой демократии рыночно-частнособственническая форма взаимосвязей человечества — норма. И она, эта норма, стала не просто глобальной, проникающей во все углы планеты, но и доступной практически всем, т.е. всемирной.

Поэтому не приходится говорить, что какой-то нехороший Запад мешает хорошо жить другим. На деле все совсем не так, даже прямо наоборот.

Можно даже выразиться более жестко: все то **очень важное и нужное, чего не было нигде вчера и что сегодня имеет весь мир, создано на Западе и только благодаря ему**. А владеет всем этим мир, что никому не следовало бы никогда забывать, благодаря буржуазно-колониальной потребности Запада в стремлении иметь развивающийся рынок и постоянно, к тому же в ускоряющемся темпе развивать производство и предпринимательство, при этом активно реализовывая заново созданные для людей товары.

Модернизация и новации Запада способствовали превращению планеты в неохватный мощный и призванный в конечном счете уравнивать разные страны и регионы объект глобализации, сыгравшей решающую позитивную роль в распространении того важного и нужного, чем ныне владеют практически все. И это отрадно фиксировать. Однако на этом позитивном фоне остается немало того, что явно негативно. Начать с того, что в разных группах стран всех путей развития, как и всех эшелонов, следующих по западному пути эволюции, есть свои слабые места. В Европе это исламские анклав типа Албании или такие страны, как Греция, население которой активно борется за свои права, но не очень сознает, что работает не столь хорошо, чтобы эти права не оказывались оплаченными другими, например высокоразвитой Германией. Есть и другие слабые места. В числе бывших британских доминионов это явно угасающая ЮАР. В далеком успешном в целом юговосточноазиатском регионе с компонентом хуацяо это слишком перенаселенные Индонезия и Филиппины; в индубуддийском все еще ощутимо отставшие индокитайский Лаос, Бирма или Непал. Словом, они есть везде, а мир ислама или Тропическая Африка — почти одна сплошная такого рода проблема.

Но есть проблемы и более серьезные. Даже не считая пригималайского Непала с его кажущимися марионеточными коммунистами и маоистами, не обращая внимания на пылающую Сирию, оставив в стороне воинственный Иран и приняв во внимание стремление во-

енных Бирмы двинуться в сторону демократии, а КНДР, напротив, запугать мир оружием и угрозой массового уничтожения, это видно. Можно без риска ошибиться констатировать, что серьезные проблемы не только остаются, но и все более очевидно выходят на передний план. И дело вовсе не в том, что не все они могут быть решены самими странами, чья смешанная восточно-западная структура и многие заимствованные у Запада институты создают внешне не то чтобы вовсе обманчивое, но излишне благодушное впечатление. Суть дела намного глубже и серьезнее.

ВНУТРЕННИЙ РАСКОЛ

Читатель легко мог заметить, что, когда речь шла о Китае, к которому автор не в состоянии относиться равнодушно, была явно преувеличена адекватная ситуации доля оптимизма. Было возложено немало надежд на прагматизм конфуцианской традиции, но недостаточно учтены проблемы перенаселенности огромной страны, большая часть населения которой — весь запад ее — еще практически не затронута гигантскими преобразованиями, которыми современный Китай вправе гордиться. Но это факт, от которого никуда не уйти и который может наложить очень серьезный отпечаток на успехи современной политики руководства этой страны. Примерно то же относится и к Индии с низкокастовым, необразованным, неблагоустроенным ее деревенским населением, количество которого, к тому же неудержимо возрастающее, вполне может вскоре догнать и обогнать Китай, где этот рост по крайней мере пытаются ограничивать. Да и в других больших азиатских и североафриканских государствах, отчасти и латиноамериканских, которые внешне, особенно если иметь в виду города и современную инфраструктуру, выглядят, как правило, вполне импозантно, язвы ничуть не меньшие.

Прибавьте к этому их часто очень сложные внутренние проблемы, которые в отдельных случаях настораживают. Это Пакистан, население которого в немалой его части охотно и заметно поддается наступлению со стороны радикального ислама. Это Мексика с ее крестьянами в большинстве из полупервобытных индейцев, всегда готовых к очередному социально-экстремистскому эксперименту. Это относительно благополучный арабский Магриб, где внешне заманчивое спокойствие дается очень дорогой ценой гражданской войны, арабской весны. Это, наконец, также и наша Россия. Разуме-

ется, все это ни в коей мере не мешает тому, чтобы перечисленные страны включить в число тех, которые идут с учетом западного пути эволюции, но с их религиозно-цивилизационной спецификой. И вообще речь не о жестком расколе в полном смысле этого слова. Просто названные общества как бы внутренне разделились на разные группы, причем вовсе не только по этническому или социополитическому принципу.

Принцип прост: одним, одной части населения в данной стране, повезло в процессе эволюции, тогда как у других по разным причинам этого не получилось. Поэтому одни с большей охотой и готовностью принимают благотворные перемены, которые на протяжении веков несла вестернизация, а другие, порой рядом живущие, этого не принимают. О причинах можно говорить особо. В случае с Китаем, к примеру, главная из них, что должно казаться особенно обидным и несправедливым для обделенных, — это отдаленное от моря и удобных дорог географическое расположение немалой части страны, в которой живут те же китайцы, что и их соседи в восточной и приморской части страны. Для Индии это уходящее вроде бы в прошлое, но так еще и не ушедшее туда неравенство каст, вынуждающее низкокастовое деревенское большинство, уважая идею кармы, сидеть тихо и не то чтобы не рыпаться, но вообще не сравнивать, не сопоставлять себя с теми из других каст, кому в этой жизни больше повезло. В случае стран с весомым компонентом хуацяо ко всему прочему — в каждой из этих стран по-своему — элементарная и нескрываемая, хорошо если не превращающаяся в более чем откровенное недоброжелательство, зависть туземцев, во многом отстающих от умелых, трудолюбивых и предприимчивых китайцев.

На исламском Востоке, о котором специальный разговор уже был и еще будет, это разница между религиозными, точнее, социоконфессиональными активистами-экстремистами и остающимся умеренным уменьшающимся, но все же еще пока большинством обычных мусульман. При этом понятие *обычные мусульмане* нуждается в расшифровке. Ни у кого не должно быть сомнений в том, что, несмотря на спорадически повторяющиеся почти во всем мире террористические акты исламистов, нигде и никогда не бывает ничего похожего на рукопашные схватки или на явное недовольство населения, подвергнутого очередной атаке смертника-шахида. Пусть читатель поверит мне на слово — если захочет, поищет в интернете, — но это именно так. Если и случается что-либо вроде противостояния, то это разве что взрыв смертника-шиита через некоторое время в ответ на

такой же взрыв смертника-суннита, что происходит, к слову, лишь в Ираке, где тех и других примерно по половине населения.

Почему же население не противостоит и даже не осуждает смертников-исламистов? Потому, что не видит в них **своих врагов**. А почему не видит? Потому, что смертники отдают свои и чужие жизни Аллаху во имя не чего-либо или кого-либо, но того же самого ислама, чьим сторонником является все население страны (противоречия между шиитами и суннитами оставим в стороне, они не главное в феномене исламизма). Так кто же противостоит, а то и, как в Алжире, в результате ожесточенной войны одолевает их? Ответ может удивить. Это военные. А точнее, те военные, которые стоят у власти и воюют с исламистами, стремящимися к власти. Как ни покажется странным, но лучше всего видно это на примере современной Турции, где военные на протяжении почти полувека в форме военных переворотов отстаивали заповеди Кемаля Ататюрка, превратившего эту страну, бывшую центром мирового ислама (турецкий султан считался халифом), в вестернизованную и потому процветающую республику. А в последние годы усилившиеся исламисты сумели одолеть военных и посадить их верхушку на скамью подсудимых. Правда, Турция зашла в процессе вестернизации настолько далеко, что там исламисты не устраивают взрывов, но ограничиваются судом по-европейски. Но это слабое утешение. Главное же — вывод из ситуации. А трагический смысл вывода в том, что **суть исламизма — борьба за власть**.

И там, как в Алжире, где военные оказываются достаточно сильны для того, чтобы одолеть исламистов, последние отступают и на некоторое время притихают. А там, где, как в Египте, это не удастся, к власти приходят исламисты и только они, но отнюдь не молодые бунтари с улицы. В лучшем случае это, как в Турции и Тунисе, так называемые умеренные исламисты. Но где гарантия, что завтра, когда давление на этих умеренных со стороны улицы, т.е. бедных и обделенных, станет сильнее, чем сегодня, чего ожидать вполне логично, умеренные не окажутся стопроцентными экстремистами? В итоге же так или иначе, но практически повсюду, где дела не слишком хороши, речь идет если и не о суровом расколе, то о стойком членении населения на *своих* и *чужих*, что, к слову, очень хорошо видно на примере нашей страны с ее симпатиями или сильной ненавистью к истребившему миллионы давно умершему вождю или ко все тому же назло нам процветающему Западу. И это крайне тревожно. Более того, всего сказанного вполне достаточно, чтобы сделать напрашивающийся и очень важный для будущего вывод.

Он в том, что немаловажный факт раскола в наше время является логичным отражением все того же всемирного процесса глобализации, который стал теперь столь очевидно массовым потому, что крушение коммунистического тоталитаризма многое изменило в мире. Но сам по себе этот отрадный факт оказался не в состоянии повлиять на то, что **основная и численно все возрастающая часть населения на планете в рамках своих стран (а все они вместе — в глобальном сообществе планеты) остается вне эволюционного процесса.** Составляя уже сегодня много более половины населения земного шара, эта бедная и отсталая, обделенная судьбой часть не только способна повлиять на итоговые результаты всего процесса эволюции человечества, но и в условиях плохо прогнозируемых обстоятельств, — что, к сожалению, легко просматривается, даже очевидно, — может стать помехой для него, причем с последствиями, которые трудно пока даже представить.

Теперь, учтя эту очень серьезную оговорку, имеющую отношение в основном к странам, намерение которых двигаться в сторону западного стандарта, пусть даже порой не очень четко выраженное, а то и могущее вызывать сомнения, все же наличествует, вспомним о других. Прежде всего о тех, что уверенно идут по еще не очень четко выраженному, но воинственно антизападному исламско-исламистскому пути. Сложность ситуации в том, что об этом более или менее уверенном движении трудно с точностью судить. Трудно потому, что уходящая корнями во времена пророка слитность религии и политики в уникальной и постоянно претендующей на исключительность религии, скорей даже образе жизни, не исчезла. Напротив, именно благодаря ей в мире ислама в наше время определение пути развития отчетливо происходит не на уровне власти, которая часто внешне даже организована почти по западному стандарту, а на уровне мечети, а если точнее — в процессе своеобразной, но характерной именно для ислама весьма специфической самоорганизации.

В современном мире ислама с явственно и настойчиво проявляющимся необычно бурным его демографическим приростом все решает и очень долго еще будет решать она, мечеть, а точнее, религиозные интеллектуалы. А их влияние — причем не на старух, как в православных церквях, а на самый огромный массив населения, на подрастающее поколение, на молодежь, — это едва ли не самое главное, о чем нельзя забывать. Поэтому было бы непродуктивно уповать на страны, где много нефтедолларов или формально соблюдается, пусть не всегда и не полностью, антураж западного и даже вроде бы демократического характера. В списке стран ислама таких немало.

Но не стоит на этом лишь основании спешить с выводами. Конечно, есть смысл в предположении, что благоустроенные и богатые не будут, как следует полагать, спешить с тем, чтобы рушить свое благосостояние во имя интересов бедных и обездоленных своих собратьев во вселенской умме. Но все, к сожалению, далеко не так просто, как может показаться.

Вспомним о тех высокообразованных пиратах, кто с легкостью захватывал самолеты на американских аэродромах и направлял их на небоскребы нью-йоркского торгового центра. Это были не нищие и убогие, не бедные и отсталые. Но они не колебались и до конца были уверены в справедливости своего дела и в непоколебимости великой идеи, ради которой совсем не жаль расстаться с жизнью, отдав ее Аллаху. Словом, только завтрашний день сможет убедительно показать, насколько велика сила возрождающегося после деколонизации и краха СССР нового ислама с его густой примесью исламизма, т.е. с большой и постоянно возрастающей долей или дозой тоталитарно-террористической экстремистской отравы. И очень похоже на то, что этой силы еще хватит на многое.

Прибавьте ко всему этому тех, что идут по третьему, африканскому полупервобытному пути. Их тоже очень много, причем с каждым очередным поколением — а поколения здесь сменяют друг друга наиболее часто в силу хотя бы физиологии организма африканских женщин, способных рожать очень рано, — становится больше и они, о чем упоминалось, в большинстве своем не только должным образом просодержать, даже просто прокормить себя, как правило, не в состоянии и потому нуждаются в постоянной помощи извне. Легко понять, что общности, идущие по второму (исламскому) и третьему (африканскому) пути, осознанно, как в случае с авиापиратами, или неосознанно, просто в силу крайней своей отсталости и сопряженного с ней невежества, доходят до воинственного экстремизма. Это объясняется тем, что стихийный протест обделенных рождается в условиях вполне понятного и часто практически инстинктивного стремления противостоять отличному от них более богатому и благополучному Западу. К тому самому, который де-факто их, во всяком случае многих из них, содержит.

Более всего это заметно в тех случаях, когда второй и третий пути сливаются воедино, а ненависть исламизма ко всему западному добавляет масла в огонь недоброжелательства более отсталых и обычно тоже уже исламизированных африканцев. Можно напомнить о сравнительно недавнем факте ареста неумелого террориста из Нигерии,

который пытался взорвать лайнер на одном из воздушных рейсов в США. Неудача здесь вовсе не должна считаться закономерной. За ней могут последовать много более удачные нападения такого же рода. В частности, это становится заметным в погромах, устраиваемых нигерийскими исламистами против христиан этой страны.

И вообще, дело ведь вовсе не сводится к одному лишь террору, хотя именно терроризм шахидов принято считать самой большой опасностью. Много важнее настроение тех, кто сам в террористы не идет, но, регулярно посещая проповеди в мечетях — а там зря не разговаривают, но всегда учат правоверных великим истинам раннесредневековой поры, иногда с весомой примесью подчеркивания исключительности ислама, — объективно настроен против всех тех, кто не принадлежит к числу правоверных. А таких обычных вроде бы мусульман становится, о чем не следует забывать, все больше, как за счет деятельности мечетей с еженедельными пятничными проповедями, так и вследствие элементарного прироста населения, что объективно увеличивает количество недовольных.

Это настроение проявляется в активном неприятии некоторых норм поведения, которое принимает форму обязывающих запретов и разных ограничений для посещающих такие страны западных туристов, что понятно. Но оно не чуждо и поведению мигрантов-гастарбайтеров на Западе, где они часто не считаются с местными обычаями и нормами проведения, которые приняты в приютивших их и давших им неплохое материальное обеспечение странах. В любом случае рождаются и усиливаются как неприязнь мусульман ко всему западному, что в общем-то в немалой мере питает экстремизм террористов-шахидов, так и, в качестве ответной реакции западного мира, столь же естественная неприязнь и боязнь всего, имеющего отношение к исламу. В этом на современном этапе развития человеческого общества отражается новый этап все той же глобализации, которая на протяжении всего XX века, отчасти и до того, обычно очень жестко делила мир на противостоящие, враждующие и даже готовые воевать друг с другом всемирные группировки.

Не претендуя на детальный разбор всего процесса глобализации в лице различных его форм, не имеющих вроде бы прямого отношения к истории (о ТНК в экономике выше уже упоминалось, как и о мигрантах), важно, тем не менее, заметить, что в рамках предлагаемого читателю шеститомного издания, посвященного изложению, анализу и оценке истории и процесса эволюции человечества, вовсе без этого не обойтись. К глобализации и многим ее следствиям в нашем

столетии поэтому придется еще вернуться в заключительных главах. А пока, продолжая подведение некоторых итогов, следует резюмировать, что гигантский массив населения стран, идущих по отличным от западного путем, не только сам по себе весом, но и неудержимо становится огромной силой, особенно если прибавить его к тем бедным и обездоленным, которые в обилии живут в других странах, в том числе и на процветающем Западе.

И если подвести бухгалтерский баланс, окажется, что приемлющих путь Запада, ощутивших и оценивших благотворное его воздействие пока еще, несмотря на немалые достижения, отнюдь не заметное большинство. Скорей напротив, ощутимое меньшинство. Правда, более развитое, благополучное и хорошо живущее либо стремящееся к этому наиболее продуктивное и креативное меньшинство. Но очень важно, что оно не возрастает, скорей даже — учитывая и весомый его прирост за счет Китая и Индии — постепенно все время сокращается, во всяком случае относительно. Это напоминает знаменитую бальзаковскую шагреновую кожу...

Суть проблемы в конечном счете в том, что объективное неравенство населения как в мире в целом, так и во многих особенно заметных в этом отношении странах не просто остается. Оно, вопреки внешне кажущемуся совсем обратным привычному вестернизованному антуражу на всей планете, изменяется не в пользу тех, кто постоянно и упорно двигаясь вперед, добился и добивается наибольших результатов, в том числе в упомянутых Китае и Индии, да и в некоторых других странах. **Число преуспевших тоже увеличивается, но темпы его прироста несопоставимы с теми, которые демонстрируются бедными, отставшими и обездоленными, современным вариантом той самой мировой деревни, которая задавала тон еще в далеком прошлом и сохранилась в малоизмененном, а то и вовсе в почти неизменном виде.** И это рождает проблемы, которые не могут оставить равнодушными тех, кто готов хоть на минуту задуматься о будущем. Каким оно, это будущее, может быть и скорей всего будет? И речь вовсе не о далеких заоблачных веках.

Она в буквальном смысле слова о завтрашнем дне сегодняшних юных. Хорошо бы, опираясь на привычные методы экстраполяции, предсказать это вполне вероятное будущее. Но, памятуя о неудачах вчерашних футурологов и сознавая, что речь идет об очень неопределенном будущем, едва ли стоит гадать. Можно разве что только предполагать варианты и рассчитывать степень их вероятности. Однако дело это сложное и крайне неблагоприятное. Но можно поступить и

совсем иначе, т. е. просто зафиксировать, что перед нами некая неразорвавшаяся бомба, которая вполне может взорваться, хотя это и не обязательно произойдет. И эта метафора наиболее реальна для анализа. Изучением ее в заключительных главах еще придется специально заняться. Но пока следует продолжить подведение текущих итогов.

ФЕНОМЕН АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Пожалуй, эта проблема для заключительного анализа — и если иметь в виду метафору о невзорвавшейся бомбе — едва ли не наиболее интересна и во всяком случае она более других способна заинтриговать. Вспомним, как все начиналось и, главное, как подавалось в мировых массмедиа, а затем и в серьезных официальных политических документах почти всех стран. Ура! Да здравствует народ, восставший против тирана! И еще один, недовольный своим правителем, засидевшимся на руководящей должности! И еще, еще! Бог ты мой, наконец-то угнетенные диктаторами массы проснулись и — на это стоит обратить особое внимание — потребовали демократии!

Немного утрирую, но в общем все было именно так, причем в приступе демократического восторга уже не обращали внимание, о ком конкретно идет речь. То ли это действительно отпетый бандит, несколько десятилетий назад взявший на себя функции *лидера революции* и продолжающий откровенно заниматься во всем внешнем мире плохо прикрытым террором, то ли вполне разумный и даже заботливый руководитель, чье правление, пусть даже очень затянувшееся, обеспечивало желанное спокойное развитие и приносило немало пользы. Нельзя сказать, что те, кто стоял во главе разных и особенно ведущих стран мира, вовсе не понимали, who is who. Отлично понимали. Но массовый протест молодежи явно смутил их и спутал все карты. Ну как же, арабская весна, демократическая революция, будущее арабских стран выступает за свободу и права, против диктатора и тиранов, да здравствует демократия! И кто устоит, кто встанет против нее, демократии, против резонных требований безработной молодежи дать ей рабочие места и приличную зарплату?

На негромкие голоса тех, кто вспоминал об ислаимизме, никому в этой обстановке революционно-демократического подъема обращать внимания не хотелось. Отчасти, видимо, и потому, что демократический антураж как бы смазывал неприятное впечатление, остававшееся у всех от разгула террора исламистов. Вот они, славные образован-

ные и даже вроде бы вестернизированные ребята, не чета каким-то там исламистам. И никому из лидеров правящих стран и руководителей массмедиа тогда, в 2010–2011 гг., всего два года назад, и в голову не приходило, что за этим молодежно-демократическим антуражем стоят те самые, не стремившиеся быстро демаскироваться, но уже потирающие руки исламисты, прежде всего ведущие из них, в большинстве не имевшие в своих странах легального статуса. Арабская весна с бурными все крушащими протестными акциями беззаботно ломала как раз то, что мешало духовным главам исламистов. И они с удовольствием следили за ее успехами.

О результатах не приходится говорить. Они видны сегодня, причем одинаковы везде. И сколь бы ни были нам противны беззастенчивые насилия над населением в стиле сирийского президента Асада, нельзя не видеть и не понимать, что на смену ему придут исламисты, только и именно они. Никто более. Как пришли они уже в умеренном варианте в очень вестернизованных Турции и Тунисе, как в явно много менее умеренном варианте идут к власти в Египте, придут в Ливии или Йемене. И, едва ли стоит сомневаться, не минуют Сирии. Мало того, нечто похожее назревает в Нигерии, в Мали, да и, скорей всего, в немалом числе других мусульманских стран африканских тропиков. Едва ли в конечном счете минует эта участь Афганистан и Пакистан. Не забудем и о Кавказе. Перед нами веление времени, которому противостоять трудно.

Здесь есть еще один аспект, резко ухудшающий ситуацию. Те режимы, которые рушатся под напором протестующей молодежи, действительно в большинстве своем не слишком симпатичны. А молодежь, рушащая их, напротив, вызывает симпатии. Ребята хотят работать и зарабатывать — что же здесь плохого или предосудительного? Разве не следует их поддержать? Сложность в том, что у молодых нет лидеров, нет программы действий, нет, собственно, ничего, кроме законного желания прилично устроиться. Недаром из Туниса, где все началось и затем раньше других кончилось, такой поток беженцев в Европу, где, собственно, только и можно прилично устроиться. В своей стране — а она намного богаче и вестернизованней, нежели Египет и большинство других стран, затронутых протестными выступлениями в стиле арабской весны, — рассчитывать на рабочие места не приходится, их нет там.

И молодежь либо уходит, либо остается недовольной. А недовольство ее, естественно, на руку исламистам, которые, опираясь на старшее поколение и особенно на женщин, более всего привержен-

ных традиционному исламу, на выборах получают гарантированное большинство, что им, собственно, и нужно. Понимали ли те, кто горячо поддерживал протестную весну в арабском мире, что они делают? Насколько известно, хорошо понимали это только в Израиле, который находится в центре описываемых событий. И хотя к мнению Израиля в западном мире обычно прислушиваются, в данной ситуации все было иначе. Ведь лозунги бунтующей молодежи не были заметно антиизраильскими, но напротив, вроде призывали к свободам, правам, демократическим переменам. Тут Израиль ни при чем. И симпатии арабского мира современному Западу с его немалыми трудностями были бы не лишними. Но разве сразу догадаешься, что все кончится в пользу исламистов?

Словом, завершение арабской весны ставит жирную точку на всяких прекраснотушных расчетах, если они у кого-то были (а они были). И сама эта весна как социополитический феномен вполне закономерно и ожидаемо вписалась в те процессы, о которых идет речь. Будучи порождением не столько вестернизированной молодежи, сколько недовольных перенаселенных стран, в которых просто нет — и не будет! — реальной возможности создавать достаточное количество рабочих мест с приличным заработком даже для образованной молодежи, не говоря уже о прочей, весна эта оказалась на редкость мрачной. Желаемого дать бунтарям она по объективным причинам дать не могла, а не дав, вызвала озлобление. Оно наиболее наглядно проявилось во взрыве негодования все той же обделенной молодежи в Египте в феврале 2012 г. Повздорившие в смертельной схватке футбольные фанаты виновным в побоище на стадионе объявили бывшего президента Мубарака, давно уже лишённого власти и ждущего сурового суда. Дети малые, да и только...

Арабская весна с точки зрения анализа процессов, характерных для современного мира, является вполне убедительным доказательством того, что путь всего мира вне Запада к благоденствию, которое одно время, после деколонизации, могло показаться достаточно реальным если не для всех, то по меньшей мере для наиболее продвинутых типа Туниса и Египта, ныне почти нереален. Прирост населения решительно перечеркнул все ожидания, что пока еще далеко в мире вне Запада и тем более на Западе не осознано. Неудивительно поэтому, что со все большей энергией стал ставиться вопрос о том, что у отставших от развитого Запада народов, даже тех, которые объективно могут считаться вроде бы движущимися в сторону западного стандарта, кого еще недавно можно было включать в число стран

условного второго эшелона, ориентировавшегося на этот стандарт, почти нет перспектив достичь его. Им остается, скорее всего, рассчитывать на поиск своего особого пути развития. Но это тоже проблема, причем далеко не столь очевидная и простая, как то многим, обычно жаждущим национальной, конфессиональной или цивилизационной идентичности, может показаться.

О ВЫБОРЕ СВОЕГО ПУТИ

Вообще одним из важных итогов, наряду с фиксацией численного большинства, не вписывающегося в западный стандарт, возрастающего по сравнению с остальной частью населения, должен считаться вывод, что очень многое отличает отстающих от других. Речь не только о религиозно-цивилизационных различиях (здесь вполне все может быть учтено, хотя в случае с исламом многое настораживает), даже вовсе не о четко устоявшихся противоположных позициях. Имеется в виду не очень большая уверенность в том, что немалая часть населения планеты, не относящаяся к аутсайдерам, но вроде бы твердо и вполне осознанно ставшая прежде на западный путь, легко не уйдет в другую сторону.

История продемонстрировала, сколь просто повернуть руль то в одну, то в другую сторону, причем не только в первобытных тропиках Африки, но и в таких тысячелетиями развивавшихся в русле высокой культуры странах, как Китай, не говоря уже о многострадальном нашем отечестве. Причины этого совершенно понятны. Запад для всего незападного мира исторически был и скорее всего для большинства его населения навсегда останется чужим. И хотя колониальная администрация, особенно британская, много сделала для развития колоний, которые именно благодаря этому начали вестернизоваться и развиваться, превращаясь в общества смешанного типа и обретая потенциальную возможность двигаться в сторону западного антично-буржуазного стандарта, нет уверенности в том, что это сегодня эффективно действует. Сложность ситуации хорошо видна на примере очень ухоженной южной части Африки с ее покидающими родину потомками европейцев и преимущественным уже негритянским населением. Заметно нечто в этом роде также в Пакистане с Бангладеш, где от английского стандарта вынуждены отшатываться даже высококультурные представители, скажем, университетской элиты, которые под давлением обстоятельств движутся в сторону

ислама. И когда тем же путем идут многие в Египте и даже в Тунисе и Турции. Не совсем остаются в стороне от этого и многие другие страны.

Создается вполне обоснованное впечатление, что при каком-либо очередном резком повороте событий далеко не все они окажутся на стороне не слишком ими любимого Запада. И не только потому, что благодетелей обычно не очень-то любят. Много важнее учесть социопсихологическое влияние на образ жизни того, что стоило бы назвать **духом мировой деревни**. Это въевшаяся в десятки поколений система устоявшихся стереотипов, которая цепко держит в своих объятиях коллективы, обычно медленно эволюционирующие и, более того, в подходящих условиях склонные к реверсии. Относится это не только к крестьянской общинной деревне в собственном смысле слова, но и к огромному современному городу с его этнически однородными кварталами *своих*, земляков, соплеменников, односельчан, а то и родственников, что особенно заметно в Африке, но так или иначе наличествует почти везде. Там, в кварталах *своих*, обычно продолжают жить с сохранением традиций на протяжении немалого количества поколений те же самые представители мировой восточной деревни.

Эта понятная и без особых проблем хорошо объясняемая социопсихологическая закономерность необычайно сильна и не может не учитываться, даже если бросающийся в глаза антураж как бы уверяет вас, что вы уже имеете дело с обычными и привычными для вас нормами жизни, принятыми на Западе. И лучшим доказательством этому могут служить многочисленные анклавы незападного населения на современном Западе, будь то негритянские гетто весьма недавнего времени в США, исламские кварталы в европейских городах, те районы в ЮАР, куда не советуют ходить европейцам, или цыганские таборы, а также, в отличие от всех них, вполне приятные для любого посетителя чайна-тауны. Практика показывает, что очень многое зависит от уровня исходной культуры, от существующей внутривнутриполитической ситуации и социоэтического стандарта той либо другой религиозной традиции.

Китайские чайна-тауны, например, никогда не были сопоставимы с негритянскими гетто, цыганскими таборами или исламскими кварталами, что в свете проводимого сравнения и анализа кажется естественным и само собой разумеющимся. Но это не дает основания для самоуспокоения. Ведь даже просто наличие гигантского массива из многих сотен миллионов не затронутых пока еще реформами китай-

ских крестьян — а Китай нельзя не считать цивилизацией, наиболее развитой и в чем-то близкой по уровню культуры к Западу, — может обернуться непредсказуемой своей стороной. История Китая, во всяком случае, убедительно об этом свидетельствует. И вот здесь-то и стоит обратить особое внимание на попытки разных стран, начиная с того же Китая, искать свой путь. И хотя как раз в Китае эти поиски когда-то вывели эту огромную страну на путь слепого подражания другим, *чужим (идти по пути русских* — говаривал Мао), что очень дорого обошлось стране и ее народу, подспудно интенция сводилась все-таки к тому, чтобы, следуя *чужим* путем, найти *свой*. Не сразу нашли. И вовремя остановились, чего не скажешь о России, безнадежно упускающей время, но все еще вполне серьезно ищущей *свой* путь.

Вообще соблазн искать *свой путь* необычайно силен. Особенно у тех, кто долго верного пути найти не может. Это очень хорошо видно, в частности, на примере незадачливых поисков и серьезных неудач в ходе такого рода поисков в нашем отечестве. О том, что Россия может и имеет все основания — как то ни покажется, на мой взгляд, прискорбным — быть включенной в разряд обычных, хотя и больших *развивающихся стран*, трудно спорить. Сегодня, особенно после распространения аббревиатуры БРИК и молчаливого, даже в какой-то мере чуть ли не льстящего нам согласия на это включение, которое ставит нашу страну в один ряд с гигантами Китаем и Индией, но и с весьма еще своеобразной и недостаточно развитой Бразилией, сомнений вроде быть не должно. Но вот что интересно. Говоря о трех соседях по аббревиатуре, все, в том числе и у нас, понимают, что те трое вроде бы твердо идут в сторону быстрого освоения благотворного для их развития и осознанного ими западного стандарта. А вот у нас нет-нет да и раздадутся громогласные заявления на тему о том, что для России эти стандарты не вполне подходят, что у нее должен быть *свой путь*. Какой именно, любители подобного рода разговоров сформулировать обычно не в состоянии. Но это их никак не смущает. *Свой* — и баста.

Исток этих рассуждений тот же, что и в некоторых иных развивающихся странах. Это все тот же социопсихологический *дух* мировой деревни, причем в нашем случае наиболее ядреный, сдобренный глубоко въевшимся в крепостную деревню сервильным комплексом. Не углубляясь в историю, скажу лишь, что лучше других показал всё упомянутое мною в классических своих произведениях А. Платонов. Перечтите его *Чевенгур* или *Котлован* и сразу же почувствуете уровень быта, лексики и рассуждений нашего населения всего менее чем

столетие назад. И не льстите себе, если захочется подумать, что сегодня все совсем не так. Да, многое изменилось, кое-что было выкорчевано силой. И не случайно, что Россия это измывательство над ней не вынесла, что она после этого тихо вымирает. Но если вы отойдете в сторону от большого города или остановитесь на невзыскательной его окраине, то легко сможете столкнуться с чем-то похожим на времена, столь блестяще, без иронии и даже скорби описанные гонимым, но в чем-то вполне советским писателем. И это не столько *свой путь* России, сколько горькая ее судьба. И, в свою очередь, все это далеко не только судьба России, хотя, как говорил великий отечественный писатель, *каждая семья несчастлива по-своему*. Как бы то ни было, но напрашивается вывод.

Он в том, что любая попытка пойти по тупиковому пути или — близко к этому — искать *свой* путь, что на первый взгляд невзыскательному и малообразованному человеку может показаться вполне естественным и само собой разумеющимся, влечет за собой весьма нежелательные следствия, которые трудно, а то и вовсе невозможно предвидеть. Но эти будто бы непредвиденные результаты на самом деле естественны и закономерны. Больше того, неизбежны. Собственно, основной смысл авторской концепции мировой истории, длительного и разнообразного процесса эволюции всего человечества, именно к тому и сводится, чтобы продемонстрировать все это.

А итог очевиден: хотите хорошо жить, не цепляйтесь изо всех сил за унылое прошлое, не старайтесь остановиться в развитии и тем более поскорее возвратиться назад, к чему так стремятся фундаменталисты ислама. На деле это путь к угасанию, к энтропии. Ни одна страна, тем более множество стран какой-либо великой цивилизации не могут рассчитывать долго и хорошо жить без того, чтобы идти вперед, развиваться. Думать иначе — иллюзия, за которую потомки вынуждены будут дорого платить. Не добываясь все большего в процессе ускоренного развития в условиях вестернизации и при этом не меняя в благоприятную сторону стандарт воспроизводства, возрастающие в числе, но не научившиеся по-западному плодотворно трудиться и соответственно повышать производительность своего труда отсталые общности не в состоянии будут создать прочный фундамент для процветания. А это значит, что они обречены на стагнацию, что и показали события арабской весны.

Но и это еще далеко не все. Тенденция эволюции в современном мире свидетельствует о значительном численном возрастании именно самого бедного и отсталого населения планеты, которое и без того

составляет не менее половины общего его количества. Это ведет к тому, что мир в целом не способен сегодня и тем более не сможет завтра удовлетворить элементарные потребности растущего количества отсталых и бедных, подчас находящихся на грани голода. А это значит, что в мире столь же быстрыми темпами, как и население (пока что было, если брать планету в целом, учетверение за 100 лет, если взять за основу расчета полувека, удвоение за 50 лет; ожидают удлинения этого периода), станут расти недовольство и протестные настроения, равно как и соответствующие им движения, в том числе вооруженные, а то и чудовищно разрушительные.

ПОИСК РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Едва ли стоит не принимать все только что рассмотренное во внимание, хотя и неясно, что можно противопоставить росту количества бедных и отсталых. Подробней об этом пойдет речь далее, но пока, в качестве выводов из материала предшествующих глав, следует сказать еще кое-что о реальных тенденциях эволюции современного всем нам человечества. Ясно, что эти тенденции столь же неодинаковы, как и облик стран и народов, представляющих нынешний мир. Однако встает логичный вопрос, какими могут быть тенденции развития у той все растущей части населения планеты, которая за Западом не поспевает, но напротив, чем дальше, тем больше от него отстает. Если это не *свой* путь, то какой же?

Вопрос более чем серьезный, хотя внятный ответ на него дать не легко. Отвергая *свой* путь в принципе, как негодный с точки зрения достижения успеха (а это за последний век, не говоря о более раннем времени, история не раз доказывала — отставшие погибали), стоит задуматься о приемлемой альтернативе. Разумеется, сразу же встает проблема протестных движений, вплоть до насильственных, но что это в принципе может дать? Если начать движение по классическому пути *отнять и поделить*, то трудно не понять, что через некоторое время, когда поделенное будет съедено и потреблено, а число бедных и отсталых снова возрастет, ситуация повторится с еще более страшной силой. Но не будет тех, кто прежде был зажиточен, умел много работать и соответственно много производить. Страшный пример Зимбабве стоит перед человечеством и многих может остановить. Но если не остановить, откроется более быстрый и почти уже неотвратимый путь ко все той же энтропии. Так как же быть?

Конечно, стоит всерьез озаботиться проблемой бедности и отсталости, хотя и совсем не ясно, как добиться ликвидации того и другого, особенно более быстрыми темпами, чем происходит прирост населения на планете. Иногда можно услышать традиционный призыв не уповать на поставку нуждающимся рыбы, но дать им в руки удочки. Вроде очень справедливая мудрость. Но вот дали все тем же туземным фермерам в Зимбабве не какую-то там элементарную удочку, а хорошо налаженные фермы, производившие товарную продукцию и приносившие немалую прибыль, заваливавшие не только эту страну с ее на редкость плодородными для Африки почвами, но и соседние государства зерном и другими сельскохозяйственными продуктами. Ну и что? Стоит ли после этого делать ставку на какие-то там удочки? А если так, то что же остается? И как быть с теми отсталыми и многолюдными обществами чуть смешанного типа, которые не то чтобы не воспринимают, но скорей просто не в состоянии воспринять еще очень слабо их затронувшую и потому мало ими ощутимую, даже, откровенно скажем, мало им нужную вестернизацию. Больше того, эта все растущая численно часть человечества в любом случае не будет иметь возможности сразу же измениться, ибо, как о том шла речь, не так-то это просто, взять, да и стать другой.

Итак, перед нами реальность, с которой сегодня мир вынужден смириться и которая будет еще большей проблемой для человечества завтра. Стало быть, придется смириться с тем, что на скорые перемены в благоприятном для эволюции человечества ключе рассчитывать не приходится. Но что же делать? И где, в чем, в каком направлении что-то искать? Если обратиться к гипотетической идее о вселенских законах эволюции, которые, на взгляд автора, как раз теперь и начнут свою работу в полную силу, то остается надеяться, что соответствующие импульсы будут восприняты и что Разум Человечества, причем тысячекратно усиленный возможностями созданных им машин, приведет к тому, что передовой креативный мир хотя бы задумается над тем, как избежать грозящей ему беды. Но сможет ли человечество в столь драматически складывающейся ситуации и за исторически весьма краткий срок, отпущенный Природой на раздумывание, дать адекватный ответ на посылаемые ему импульсивные вызовы? Или потребуются много более ощутимые активные действия со стороны закона баланса, который не мог остаться равнодушным ко многим результатам деструктивной с точки зрения интересов планеты, Природы в широком смысле этого слова, деятельности людей?

ГЛОБАЛИЗМ И АНТИГЛОБАЛИСТЫ

Как реагирует современный мир — коли он реагирует — на все то, о чем только что шла речь? Если принять, что **раскол между основными группами, обеспеченной передовым Западом** с примыкающими к нему сторонниками в странах, более или менее успешно идущих за ним, с одной стороны *и очень быстро возрастающей за счет обездоленного большинства* населения планеты с другой, это в общем-то неопровержимый факт, то как к нему в мире относятся? Надо сказать, что мир реагирует. Наиболее резкой, если пока оставить в покое исламизм, является реакция анархизирующих экстремистов. Это активисты в основном левого толка, которые хорошо улавливают суть проблемы, но, вполне понятно, не в состоянии предложить приемлемую альтернативу. В лучшем случае, громогласно осуждая Запад за богатство, настаивают на мелочных акциях, близких к благотворительности. Но обратимся к деталям, которые именно в этом пункте весьма уместны.

Проблемы глобализма были замечены и начали активно разрабатываться на исходе прошлого XX столетия, и это было связано с крушением СССР, концом холодной войны и выходом на авансцену мировой истории Запада, за которым начали следовать лишившиеся скомпрометировавшей себя коммунистической альтернативы многие другие государства мира, особенно крупные и сколько-нибудь развитые. Это стало закономерным итогом длительной предшествовавшей политики консервативных лидеров западного мира, более всего Р. Рейгана и М. Тэтчер. Едва ли есть смысл обо всем этом в деталях напоминать, многое было сказано в главах, посвященных динамике эволюции и интеграции стран Запада. Но стоит заметить, что в глазах противников этого процесса, антиглобалистов — а их много и число их не уменьшается, — все упрощается и сводится к своекорыстным устремлениям алчных капиталистов и созданных ими организаций, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация.

Они, злокозненные, хотят сконцентрировать в своих руках, как то делали до того многочисленные ТНК, экономику мира, ориентированную на интересы развитого Запада. В итоге, как это интерпретируется противниками глобализма, богатые в мире богатеют, а бедные беднеют. Приводятся и подсчеты, за точность которых трудно поручиться, но которые впечатляют: богатейшая пятая часть всего населения мира пользуется 86% мирового продукта, а противостоя-

чаяя ей пятая часть самых бедных (в основном мусульман, что подчеркивается) — будто бы всего его 1,5 процентами.

Независимо от того, насколько подсчеты точны, существенно, что само наличие вопиющих противоречий, как и осознание их, вне сомнений. Поэтому совершенно естественно, что мир, как правило, не очень-то углубляясь в анализ причин, приведших и продолжающих вести к такому раскладу, начал остро и продолжает все острее реагировать на него. Это и родило достаточно заметное, довольно пестрое, порой весьма скандально-крикливое движение антиглобалистов, ставящих целью осудить столь вопиющее неравенство. Пафос защитников бедных и обездоленных можно понять, как нельзя не посочувствовать тем, на чью защиту они выступают. Но характерно, что, если не считать массовых акций протеста, которые ныне стали практически обязательным шумным сопровождением всех совещаний на высоком уровне, от встреч глав *восьмерки* или *двадцатки* наиболее значимых держав до конгрессов или совещаний других мировых организаций, воспринимаемых в качестве символа глобализма, внятную альтернативу они не предлагают.

И, похоже, не в состоянии даже приблизиться к чему-либо в этом роде. Предложение нобелевского лауреата по экономике Д. Тобина, сделанное еще в 70-х гг., платить определенный налог со всех финансовых операций в пользу бедных (*налог Тобина*), как и частое списание с бедных стран их многомиллиардных долгов, — это, при всей кажущейся значимости суммы, капля в море. Практически то же самое, что *отнять и поделить*, даже много меньше того. Но значит ли это, что антиглобализм вообще мало чего стоит? Едва ли это так. Во-первых, часть антиглобалистов, например из числа защитников прав человека и тем более природы (*Гринпис*), делают немало полезного, хотя к проблемам глобализации и тем более антиглобализма эти их основные занятия прямого отношения не имеют. Другие сторонники антиглобализма заняты подготовкой акций разного рода гражданского неповиновения и поддержки различных групп из тех, кто борется с Западом. Они развешивают лозунги в труднодоступных и хорошо видимых местах, создают что-либо вроде живых цепей, а то и пытаются осуществить мирный морской десант где-нибудь в Газе и т.п. Третьи и наиболее опасные берутся за оружие и становятся в ряды террористов.

Словом, антиглобализм как массовое движение, которое втягивает в свою орбиту многие тысячи активистов и имеет еще большее количество сочувствующих (стоит заметить, в основном из развитого

Запада, ибо мировой деревне не до таких акций), следует рассматривать именно как вполне закономерную и естественную реакцию на глобализацию. И в этом своем статусе такое движение можно даже считать жизнеспособным и оправдывающим свое существование. Другое дело, когда к нему начинают все более активно и в возрастающем масштабе примыкать экстремисты со своими программами, будь то леваки из числа марксистов, радикальных латиноамериканских социалистов, анархистов, а то и *хакеров* либо тех, кто призывает грабить склады и раздавать имущество неимущим.

Есть ли у антиглобалистов будущее? Сравнительно недавно, а движению не исполнилось и двадцати, считалось, что есть и что вскоре возникнет некий центр, который будет в состоянии объединить всех протестующих. И хотя в 2001 г. нечто в этом роде появилось (имеется в виду Всемирный социальный форум с ежегодными встречами с участием десятков тысяч собравшихся), а итоговые документы могут показаться решительными — за социальную справедливость, против неолиберализма и т.п., — на деле все не так. Как показали все прошедшие встречи, эта организация, как и все движение антиглобалистов, более шумлива, нежели серьезна. И этого следовало ожидать. Не потому даже, что все движение чересчур пестро и объединяет многие сотни, даже тысячи мелких и очень разнородных и разноречивых организаций, а из-за того, что непонятны его конечные цели и методы их достижения и, самое главное, неясно их представление о реально возможной альтернативе. Иными словами, движение не в состоянии дать адекватный ответ на тот вызов, быть может наиболее важный и серьезный, который когда-либо стоял перед человечеством.

Я готов сразу же сказать, что и у меня нет ответа. Что, не раз и немало над этим размышляя, просто не вижу приемлемого для всех выхода. Если что и можно посоветовать следующему поколению неудержимо разрастающегося человечества, так это продолжать и ускорить поиски такого ответа. Однако стоит заранее предупредить, что дело это не просто нелегкое, а практически почти непосильное. Баланса между терпимым и нетерпимым, имеющимся и возможным давно уже нет, причем этот дисбаланс отражается на всем том, что нас каждодневно окружает, начиная с разного рода резко проявляющихся природных аномалий и кончая не только террором все возрастающего числа шахидов, но и вроде бы необъяснимой и становящейся все более ощутимой эпидемией убийств и самоубийств (неважно, от наркотиков или от неудовлетворенности жизнью).

Заключение. ПЕРСПЕКТИВЫ ГРЯДУЩЕЙ ГЛОБАЛЬНОСТИ

31-я глава тома, как бы застывшая на полуслове, плавно перетекает в заключительную часть, нечто вроде конечного вывода ко всем шести моим довольно объемистым томам, посвященным истории человечества. Главное во всей этой серии, во всяком случае на мой взгляд, — авторская концепция, ставившая своей целью непротиворечиво связать всю историю человечества воедино и придать ей как некоторый целеполагающий смысл, так и объективную обусловленность. Обширное заключение, более похожее на последнюю часть тома, являет собой совокупность авторских размышлений о разных, но в общем-то по преимуществу самых важных проблемах, которые имеют отношение как ко всей, так и, в особенности, к современной истории и к некоторым более общим глобальным процессам, давно уже идущим и никого не могущим оставить равнодушным. Речь, разумеется, пойдет о том жизненно важном для всего мира, на что пока еще можно повлиять.

Размышления мои, хотя они и помещены в качестве вполне серьезных и достаточно обоснованных выводов, вытекающих из текста и имеющих в виду тексты как других книг этой серии, так и тех достаточно многих иных изданных мной за последние годы книг, **являют собой нечто отличное от норм привычного академического исследования. Это размышления встревоженного человека**, имеющего основания быть таковым. Главное из этих оснований — опасения по поводу того, что являет собой постоянно и во все более ускоренном темпе изменяющийся современный мир и что ждет то юное пока поколение, которому предстоит дожить до середины нашего века (что будет дальше, говорить не стоит — само будущее покажет). Словом, речь о внуках и правнуках людей моего поколения, о тех уже родившихся, а то и вполне взрослых с их детьми, кто с тревогой всматривается в неведомое будущее. Пожалуй, впервые в длительной истории человечества оно не зависит от исхода какой-нибудь войны или революции. То и другое в обозримое время не предвидится, если только не жонглировать самим словом **революция**, не девальвировать его, применяя то к арабской весне, то к знаменитым украинским *оранжевым*, требовавшим всего-навсего честных выборов с соответствующим пересчетом голосов. И, разумеется, если не воспринимать мелкие локальные конфликты и террор талибов и шахидов за войну. Зависит оно, будущее человечества, от великого множества негатив-

ных событий и процессов, наслаивающихся друг на друга и создающих невыносимый кумулятивный эффект. А в первую очередь от темпов прироста и реакции на них Природы.

Будущее это не безмятежно. Больше того, на деле все много хуже, чем кажется. Порой похоже на то, что бывает лишь в страшном сне. И не думайте, пожалуйста, что я излишне податлив на ужасы и склонен зря тревожиться сам и напрасно тревожить других (таких принято именовать *алармистами*). Просто в силу специфики работы, которая выпала на мою долю, оказался более или менее сведущ во всем том, что касается не просто и не только суммы исторических событий, но и динамики эволюции человечества. В частности, имеются в виду господствующие в процессе этой динамики каузальные связи, а также накапливавшиеся за последние полтора-два века глобальные накаты. Эти накатывающиеся на современный мир, который с большим трудом пытается выбраться из-под такого рода глыб. А глыбы — их много — непрерывно следуют одна за другой, и их натиск сопровождается совершенной неготовностью ошалевшего человечества оправиться от такого наваждения, не говоря о том, чтобы приостановить его.

Чтобы не казаться голословным, вкратце подытожу, что имеется в виду. Сначала на европейском Западе успешно шел давно уже ожидавшийся и благотворный для всех процесс буржуазных либерально-демократических индустриально-инфраструктурных преобразований. Это заняло несколько веков и стремительно способствовало не просто модернизации образа жизни европейцев по сильно усовершенствованному античному стандарту, но и со временем — что важно принять во внимание — успешной вестернизации всего застывшего в развитии мира вне Запада. Затем в силу обстоятельств и в зависимости от исходных параметров и возможностей резко изменившийся незападный мир начал безудержно возрастать, ибо главное, чего ему недоставало, — удовлетворение инстинктивно присущего всему миру живого, включая людей, стремления максимально воспроизводиться в условиях борьбы за существование в процессе естественного отбора.

Но все это было только базовой основой последующих глобальных процессов, которые приняли естественную всепланетную форму в процессе появления мирового рынка, затем в условиях современных средств связи, с легкостью охватывающих весь рынок, ТНК и другие формы международной кооперации. Частично это способствовало ускорению вестернизации и росту уровня жизни, но для соответству-

ющего приросту увеличения такого уровня для всего человечества этого оказалось далеко не достаточно. Такие же глобальные процессы вели к разработке природных ресурсов, что в одних условиях помогло малочисленным государствам разбогатеть за счет потока нефтедолларов, тогда как в других, как то было с африканским Заиром после ухода европейцев, все начинало быстро разваливаться.

Итоговые выводы, крайне неблагоприятные по отношению к гигантскому массиву наиболее отставших, напрашиваются сами собой и выше уже не раз были сделаны. Но много хуже то, что и по отношению к сравнительно весьма развитым цивилизациям, как Китай и Индия, или к таким странам, как Россия, можно сказать нечто подобное. Глубокая горечь проблемы в том, что развиваться по западному пути в полной мере и быстро эти государства по разным причинам не в состоянии, а надолго оставаться в виде расколотых на части с огромной внутренней *мировой деревней* очень некомфортно и, что важнее, чревато обострением социополитических проблем. И последнее замечание. Все такого рода внутренние проблемы, характерные для подавляющего большинства более или менее крупных незападных стран (а для наиболее отсталых из них независимо от их размера), сливаясь, рожают нечто вроде девятого вала всемирного глобализма, который вполне в состоянии нанести человечеству такой ущерб, о последствиях которого не стоит и говорить.

Собственно, о том, как выглядит и к каким неутешительным выводам подводит кумуляция негативных процессов, нависающих над современным миром, и пойдет речь далее.

Глава тридцать вторая. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ УГРОЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Речь о том близком будущем, которое нависает над человечеством, еще того не сознающим. И потому смысл в том, чтобы разбудить его. Как наш современник должен был бы рассматривать и оценивать сегодняшний глобальный всепланетный мир, если бы его настойчиво побудили задуматься над этим? Без сохранения приемлемой нормы не может быть нормального существования для человечества даже в его относительно пока еще скромном семимиллиардном объеме, не говоря о примерно 9–10 в середине века и тем более о не столь уж далеком конце века, с его, скорей всего, минимум 12–14 миллиардами одновременно живущих людей. Можно, конечно, представить себе

вполне рукотворные катаклизмы, в огне которых погибнет очень большая часть человечества. Можно также предположить, что Природа, обеспокоенная безудержным приростом людей, предпримет свои меры, которые приведут к тому же результату. Но представим, что ничего такого в нашем столетии не случится. Что тогда?

Расчет на то, что отставшие в развитии почему-либо просто перестанут резко увеличиваться в числе, удваиваясь за считанные 4–5 десятилетий или даже чуть медленнее и создавая чудовищно давящий навес над постоянно съеживающимся, уменьшающимся в числе и в размере передовым Западом, недостаточно обоснован и отражает в демографических прогнозах более желаемое, нежели реальность. А если прирост бедных и обездоленных в процентном отношении даже несколько уменьшится, количество их все равно возрастет, скорей всего очень значительно. Ведь инстинкт останется у них еще на долгие века главной движущей силой, как то свойственно всему миру живого, а результаты — если отставшие окажутся, как то естественно ныне, выключенными из сферы борьбы за существование и естественного отбора (а им по мере сил станут помогать) — будут катастрофическими. Таким образом, в любом случае, включая и варианты природно-техногенных или ядерных катастроф, перспективы не видно. Для уцелевших или их близких потомков, среди которых доля отставших в развитии окажется наиболее весомой (надеюсь, никто не станет утверждать, что уцелеет прежде и более всего меньшинство передовых и развитых), все вскоре, через считанное количество поколений, повторится. Люди привыкли к высокому стандарту повседневного существования и при любых обстоятельствах станут прилагать усилия для его восстановления. А вот жить им будет все тяжелее. Коммунизма ждать не придется — никто его уже не будет в состоянии оплатить...

И это не просто мнение случайно и безосновательно встревоженного и зря беспокоящего других некоего вздорного алармиста. Прослеживаемая тенденция процесса эволюции, выработанная поколениями традиционного поведения *мировой деревни*, убеждает в этом. Казалось бы, в просвещенный наш век мировая деревня должна быть под давлением столь энергично развивающегося *мирового города* прижата к стенке и ликвидирована. А она, эта *деревня*, совершенно напротив, стойко сохраняя полупервобытный, а то и первобытный стандарт — если не всегда вполне в том, что касается условий существования, то всегда во всем том, что имеет отношение к стереотипам социопсихологии и к стремлению улучшить потребление, — **олице-**

творяет инстинкт видového поведения сапиента. И этот стандарт с его стереотипами в той либо иной степени присущ все возрастающей части стремительно воспроизводящегося семимиллиардного человечества. От этого не уйти.

МИР КАК МЕТАФОРА

Сегодняшний мир может быть представлен, учитывая сказанное, в виде чего-то вроде гигантской смерчеобразной воронки, в которой с бешеной и все возрастающей скоростью крутится, сливаясь в некую единую — вот она, глобализация в действии, — слипшаяся и постоянно разбухающая, но крайне невнятная масса. Это разные страны и народы, густо переплетенные неразрывными туго стягивающими их нитями. Они еще в подавляющем своем большинстве не только не ощущают этого столь стремительного круговорота, но и, как всем кажется, существуют вроде бы каждый сам по себе. Им кажется, что они вдали от тех сумасшедших новаций, которые ускоряют темп своего появления на свет и в большинстве своем вроде бы касаются их лишь косвенно, хотя и меняют некоторые аспекты привычного мировосприятия. Достаточно напомнить о поистине волшебных для многих мобильниках или о легко позволяющем всё увидеть и обо всем узнать телевидении, даже не имея в виду пока что не слишком распространенный еще интернет. К слову, не обольщайтесь тем, что, все увидев, обделенные судьбой сразу же и легко всему научатся. С отдельными высокоразумными такое всегда может случиться¹. Но не смешивайте индивида с коллективом сородичей его, которые, т.е. именно коллектив, хотя бы и квартал в большом современном западном городе, и являют собой косную и не желающую изменяться *мировую деревню*. Такова жизнь, от этого никуда не деться, с этим приходится считаться.

Каждому должно быть понятно, что бешено крутящаяся смерчеобразная воронка — это не норма бытия. Больше того, крайняя сте-

---

¹ Не так давно привелось услышать рассказ о том, как побывавший среди бушменов (одна из самых отсталых общностей, еще существующих в африканских джунглях) мельком говорил о судебной тяжбе их с правительством по какому-то важному для всей общности делу. Так вот, адвокатом аборигенов был один из них, сумевший получить соответствующее образование и потому имевший возможность отстаивать их интересы в суде, где, кроме него, как следует полагать, никто не понимал языка бушменов.

пень ненормативного состояния. Со стороны тех, кто может видеть это со стороны, коль скоро такие появились бы, должно быть ясно, что нечто в этом роде представляет собой неординарный и весьма кратковременный феномен. Другими словами, если принять эту первую мою метафору, перед нами нечто не просто из ряда вон выходящее, но и к тому же скоротечное. Вопрос лишь в том, обоснованно ли подобное восприятия современности. Автор на этом, естественно, совсем не настаивает. Просто он именно так видит нынешнее человечество. Вопрос в другом, есть ли основания для такого представления. И здесь вольный жанр личностного размышления уступает место достаточно явной и во многом неопровержимой аргументации. Начнем с того, что вполне можно было бы назвать очевидными предупреждениями, направленными всему человечеству.

Речь о том, что можно было бы воспринять, независимо от того, принимать гипотезу автора о вселенских законах или нет, как вмешательство обеспокоенной и озадаченной Природы, которое вызвано неосмотрительно действующими людьми. Оглянитесь вокруг. Дело отнюдь не сводится к спорам вокруг потепления климата, хотя давно уже вполне заметно, что он изменяется. **Климатические, температурные, воздушные** (торнадо, смерчи, ледяные дожди), **земные и водные** (землетрясения, течения, наводнения, цунами) и многие прочие природные аномалии в весьма необычном количестве, причем почти повсюду и в ускоряющемся ритме со все более суровыми для людей следствиями сменяют одни других. И климат меняется достаточно быстро, чего, как известно, никогда в прошлом не бывало. А это значит, что планета наша — снова вспомним, — хотя не живая в привычном для нас смысле, но не вовсе безжизненная.

Она в состоянии реагировать, даже не может не реагировать на необычные проявления появившейся на ней разумной жизни (вспомним гипотетический закон баланса), которую и прежде приходилось как-то корректировать¹ и которая теперь вообще готова вот-вот совсем выйти за рамки приемлемого. И она от имени упомянутого закона — если верить в его существование — или от своего имени вмешивается. Иначе это объяснить никак не возможно. Ну представьте себе, в самом деле, как же ей не реагировать, если все основные сферы бытия, земля, вода, воздух, даже озон, загажены,

---

¹ Обратите внимание на мою книгу «Модернизация как исторический феномен» (М., 2011), в которой много об этом, разумеется, в гипотетическом плане.

если всюду с каждым днем сильнее ощущается в сущности не контролируемое самим человеком его неуклонно возрастающее и к тому же становящееся все более вредящим ей, Природе, ну и, конечно, самому себе, бесцеремонное его деятельное присутствие.

Еще знаменитый Т. Хейердал, активно путешествовавший по океанам с полвека назад, писал о том, сколь загажен Мировой океан, что тогда хотя и казалось чем-то очень странным (время было все-таки другое), но сенсации не вызвало. Думаю, океану за это время лучше не стало. Тем более не стало легче земным недрам, исковерканным человеком. А как насчет вырубленных лесов, чья площадь постоянно уменьшается, хотя именно они, сельва Амазонки и сибирская тайга, дают воздух, которым дышим? И еще. Если прибавить к активно использующим воздух не одно только постоянно увеличивающееся антропогенное давление стремительно возрастающего числа миллиардов новых людей, но и техногенные издержки в форме разного рода производственных выхлопов, то едва ли кто-нибудь из задумавшихся надо всем этим надолго останется оптимистом. Пойдем дальше. Речной и особенно чистой, обычной нормальной воды давно уже не хватает всем. В Европе ее покупают по цене чуть ли не более высокой, чем платят за бензин. А скоро ее нехватка станет настолько заметной, что уже сейчас у нас с надеждой говорят о том, что трубопроводы, когда кончатся нефть и газ или исчезнет почему-либо острая в них нужда, можно будет использовать для перекачки байкальской воды. Если, конечно, и ее к тому времен не изгадят. Да и надолго ли хватит Байкала? Предположим, что будут перерабатывать соленую океанскую. Очень дорого, но в принципе возможно. Вопрос же стоит в общем-то совсем иначе. Что, Природе все это безразлично?

Откуда берутся все явно аномальные и учатившиеся судорожные скачки в температурном режиме, многие странные перемены в нормальном течении времен года там, где обычно они всегда очень четко ощущались и были своего рода привычной нормой бытия? Почему участились страшные ураганы, невиданные прежде в таком количестве цунами или извержения в форме гор пепла? И почему все это, вместе взятое, буквально не дает покоя и как бы целенаправленно мстит человеку то здесь, то там за вполне очевидное бесцеремонное нарушение им привычной нормы? И это еще совсем не всё. Можно задать и другие вопросы. Экологи с тревогой напоминают об ускорившемся процессе вымирания разных видов, от некоторых скромных бабочек до страшных вроде бы тигров. Счет идет на многие сотни видов, включая и растения.

Они, эти виды, просто не в состоянии выжить в заметно ухудшающейся среде и безмолвно исчезают, а их место занимают все новые и новые миллионы людей. В наши дни, на рубеже веков, примерно по 80 их, а то и с лишком ежегодно. Считается, что это предел, что скоро прирост уменьшится. Однако стоит ли доверять оптимистическим предположениям, если учесть, что люди, прежде всего как раз бедные и отсталые, воспроизводятся ускоренными темпами, не очень-то охотно давая о себе и своих семьях сведения, ибо боятся разных налогов и вообще властей, склонных декретами ограничивать столь привычный для них стандарт традиционной и обусловленной биологическим инстинктом жизни, включая норму рождений. Но как бы то ни было, а даже если ежегодный прирост будет равен не 80, а 70, 60, даже 40 миллионам, на что надежд пока еще очень мало, все равно дело еще очень долго будет идти к тому, что прирост населения планеты будет равен примерно миллиарду каждые 12–15, пусть даже только 15–25 лет. И так будет достаточно долго для того, чтобы разгорающийся конфликт человечества с Природой ощутили все и повсюду.

Словом, есть достаточно оснований учесть все упомянутые и многие ускользнувшие от внимания аналогичные явления и воспринять то, что может считаться реакцией на них, отраженной в явно недвусмысленных сигналах со стороны Природы, как вполне серьезные предупреждения, сделанные людям от имени породившей их матери-планеты. И эти многие предупреждения тоже вовсе не результат вздорного ее характера. Скорей напротив, явный признак долготерпения, которое не бесконечно. Но чем же тогда все может кончиться? И здесь я предложу другую метафору. Считаю, что **современный мир** с его все обостряющимися и не имеющими простого решения проблемами можно уподобить, о чем упоминалось, **невзорвавшейся бомбе, которая вполне может взорваться, хотя это и не обязательно произойдет.** Правда, вполне может возникнуть резонное сомнение, есть ли вообще бомба, не преувеличиваются ли опасности. Давайте разберемся основательней и в этом.

В чем, в конечном счете, смысл того, что может считаться угрозой? Во-первых, в том, что в неевропейском мире накапливается очень много тех, кто является аутсайдерами по отношению ко всей сумме основных достигнутых Западом стандартов. Таких аутсайдеров много и они разные. Но чтобы было максимально понятно, о чем идет речь, приведу один только, но любопытный и во многом показательный ряд цифр. Еще сравнительно недавно, несколько де-

сятилетий назад, количество накопленной человечеством информации удваивалось примерно раз в 10 лет, что было вполне терпимо. Хватало времени, чтобы приспособиться к новациям. Затем, причем достаточно скоро, интервал уменьшился до 7 лет. Несколько позже цифра сократилась еще больше, а сегодня — согласно все тем же подсчетам — она доведена до двух.

Вдумайтесь пожалуйста, не поленитесь: за два года накопленной человечеством полезной, что стоит особо подчеркнуть, информации становится вдвое больше. А спустя еще несколько лет, если принять в расчет установившуюся динамику, количество, быть может, станет уже удваиваться ежегодно, а затем и скорее. Другими словами, шаги истории в не столь далеких XVII–XVIII столетиях были почти не заметны даже на передовом Западе — человек родился, успевал вырасти, прожить жизнь и умереть, а окружавшая его жизнь почти не изменялась. Для многих бедных и отсталых они не очень-то заметны и теперь, хотя, конечно, и телевизор, и мобильник, и интернет, и социальные сети много чего стоят. Но, тем не менее, шаги сегодня чрезвычайно ускорились. Мало того, они, что существенно, продолжают ускоряться чудовищными темпами, так что уже очень скоро человек без компьютера — разумеется, не каждый, а тот, у кого он есть и кто умеет им пользоваться (вспомним негров из числа неудавшихся фермеров в Зимбабве), — не будет в состоянии не только усваивать, но и осознавать, как быстро и с каким ускорением человечество летит... Но вот куда летит, зачем и что потом? На эти вопросы ни у кого сегодня ответа нет. Поэтому оставим их пока без ответа, хотя и не забудем про них. Обратимся, однако, снова к той части человечества, которая к динамике эволюции не имеет почти никакого отношения.

Ее доля, о чем все время напоминает, неудержимо растет. Из 80, пусть даже *всего* 70, а затем и когда-нибудь только 40 ежегодных миллионов и одного дополнительного миллиарда за 12–15, а то и 15–25 лет на нее будет приходиться не менее 90–95%, если не больше. И ей не нужна та постоянно удваивающаяся в объеме информация, успешно реализуемая усилиями лучших, умнейших из людей, среди которых явно преобладают выходцы из стран Запада, хотя за последнее время встречаются китайцы и индийцы, реже японцы, но очень редко представители мира ислама. Ей, большинству человечества, как говорится, *не до жиру, быть бы живу*. И в этом нет ничего удивительного. Так всегда было, так происходит и сейчас. Разница разве что в количестве людей, в процентном их соотношении и в

темпах ускоряющихся перемен. Но именно поэтому ее и важно учитывать. Именно она, эта *разница*, как раз и есть невзорвавшаяся бомба. Давайте задумаемся, почему так. Но начнем издалека, пока в той же манере отвлеченных рассуждений, метафор и парадоксов.

Обратим внимание на странные парадоксы, порой встречающиеся вокруг нас. Гигантский, непостижимый, необъятный макромир Вселенной нельзя познать без скрупулезного изучения микромира элементарных частиц, что хорошо известно не только любому физiku, но и просто чуть начитанному человеку, любому современному всем интересующемуся школьнику. Но раскроем суть парадокса. Она в том, что бесконечно малое вплотную и очень логично, закономерно соприкасается с невообразимо большим. Однако соприкасается в необычном и даже крайне замкнутом объеме. Исследователь изучает несколько — их сравнительно немного — элементарных частиц, для знакомства с которыми человечество вынуждено строить многомиллиардные коллаидеры. И это считается нормальным, вполне оправданным, настолько взаимодействие таких частиц между собой важно для понимания процессов в столь крохотном микромире, который и под гигантским микроскопом не различишь.

Но парадокс еще и в том, что именно из такой крохотки некогда возник Большой взрыв, приведший к современной необъятной космической Вселенной, все еще очень быстрыми темпами продолжающей расширяться. Это кажется уму непостижимым, но было именно так. Стало быть, связь микрокосма с макрокомом не только факт, но факт чрезвычайной важности. Одно существенно принять во внимание: никого из специалистов не пугает то обстоятельство, что упомянутых элементарных частиц может быть в необъятном и все возрастающем пространстве Вселенной такое количество, которое трудно представить. Просто все они — эта невообразимая масса, изредка представляемая читателю в форме числа, единицы в высокой степени, — никому и не нужны. Вполне достаточно тщательно изучить отдельных их представителей, чтобы понять механику их взаимодействий. А с этим знанием уже можно обращаться к несопоставимому вроде бы с такими микрочастицами макромиру Вселенной

Парадокс этот важно учесть именно потому, что здесь та же самая *разница*, олицетворяющая невзорвавшуюся пока бомбу. Бедные и отсталые были всегда. Но они жили не то чтобы на обочине цивилизации, но вне ее пристального внимания. Речь ведь не о разнице между более и менее зажиточными в какой-либо данной вполне развитой уже в древности и тем более позже стране. Она об объективном

существовании такой разницы, причем не в любых условиях. Мало кого заботила разница между Европой и массами населения вне ее, например в африканских тропиках или в Новом Свете, до Колумба. Аутсайдеры всегда продолжали существовать по законам первобытной и полупервобытной мировой деревни, причем заботиться о них более развитая часть человечества очень долго и не думала. Это были два совсем разных мира, до середины второго тысячелетия не соприкасавшиеся и жившие по заметно разным законам. В одних шел процесс эволюции, другие практически стояли на месте и с большим трудом, повинаясь инстинкту, не защищенному от борьбы за существование и естественного отбора, сохраняли свою численность на уровне, **едва спасавшем их от вымирания**. Словом, некоторое совсем не слишком значительное количество отсталых и бедных не мешало динамике эволюции передовых стран Запада и даже цивилизованного традиционного Востока, в которых, к слову, тоже было немало своих бедных и обездоленных. Так что на протяжении тысячелетий все было вроде как в пределах приемлемой нормы.

Выход после Ренессанса и Реформации на авансцену истории европейской предбуржуазии имел эффект сильного взрыва. Резкое ускорение динамики эволюции европейцев привело к расширению сферы интересов предбуржуа, затем их же к Великим географическим открытиям и к колонизации мира вне Запада. В истории начался новый период, озаглавленный скачком вперед буржуазного Запада при медленном развитии стран Востока и тем более отсталого населения вне этих стран. Разница оказалась настолько заметной, что по отношению к мировому буржуазному городу весь традиционный Восток и вся первобытно-полупервобытная периферия слились если и не в однообразную, то в принципе почти одинаковую мировую деревню. Она с ее замедленными темпами эволюции, сходными стандартами существования и социопсихологическими стереотипами практически не различалась в глазах западных колонистов и колонизаторов. В итоге вся эта почти не различимая с позиций динамично и ускоренно эволюционировавшего буржуазного Запада далекая его периферия начинала, о чем упоминалось, понемногу становиться объектом длительной и целеустремленной вестернизации.

Вестернизация была необходима для Запада по многим причинам. Одной из главных среди них было естественное стремление не только освоить колонизованный мир, но и содействовать ускоренному его развитию, ибо только это могло привести к созданию достаточно емкого мирового рынка, становившегося все более необхо-

димым для бурно развивавшейся в XVIII и особенно XIX столетиях капиталистической индустрии. Но важной причиной стала и необходимость активно способствовать развитию и повышению уровня жизни местного населения, так как индустриализация и создание во всем неевропейском мире развитой буржуазной ифраструктуры (города с предприятиями европейского типа, железнодорожная сеть и портовые сооружения, сеть связи и многое другое) нуждались в обслуживании, для чего необходимо было активное участие сколько-нибудь образованных и подготовленных к этому туземцев. Нужда была и в спросе на произведенную на Западе продукцию, для чего необходимы были вполне платежеспособные покупатели.

Несоответствие между потребностями и возможностями с особой силой выявилось в конце XIX в., когда объектом интенсивной колонизации, уже позже всего, стала Тропическая Африка с ее наиболее отсталым населением. Не продолжая, обратим теперь внимание на следствия. **Первым и главным из них было** вовсе не естественное сопротивление вмешательству чужаков и даже не вынужденное со временем приспособление туземцев к меняющимся обстоятельствам, а **снижение** в новых лучших условиях существования детской и общей **смертности**, результатом чего стало невиданное **ускорение темпов воспроизводства**. Это был ответ наиболее отсталой части мировой деревни на вмешательство в ее жизнь чужаков из западного мирового города. И такой ответ был естественным, единственно возможным и потому само собой разумеющимся. **Вот вам и разница, эта невзрвавшаяся бомба.**

А наиболее значимым оказалось даже не само по себе многократное увеличение численности мировой деревни за полтора-два века в XIX–XX столетиях, а то, что за это очень короткое время традиции, стандарты и стереотипы не могли сильно измениться. Если вести речь о больших коллективах, так не бывает. Люди в своих привычных общностях столь быстрыми темпами в своих коллективах не меняются, ибо воздействия на них аксессуаров современности, как о том, в частности, свидетельствуют грустные итоги арабской весны, недостаточно. Соответственно начало проявляться то, что наиболее заметно в наши дни. Число африканцев и мусульман, иногда африканцев-мусульман, не способных себя содержать, особенно на резко возросшем в наши дни стандартном уровне, включая те же мобильники и телевизоры, стало во много раз больше, и это легло нелегким бременем на современный Запад — а больше заботиться об этих африканцах некому. У других (Китай, Индия, Латинская Аме-

рика) хватает забот со своими бедными и отставшими, с собственной деревней.

А теперь снова взгляните на современные проблемы. Несущимся вперед на Западе не нужны более городские пролетарии, достаточно машин, компьютеров. Это значит, что те, кто играет роль западных пролетариев — а это ныне все та же мировая деревня, пусть внешне немного похорошевшая, сильно разросшаяся, но не слишком отличающаяся от прошлой, — в прежнем количестве Западу не нужны. Они с точки зрения эволюции балласт. Больше того, их нужно кому-то содержать, что с каждым годом становится более сложной задачей. **Вот это и есть, снова повторю, та разница, которая становится невзорвавшейся бомбой.**

Бомба эта, если ее расшифровать, не что иное, как реакция в разных странах на Западе своих, обойденных судьбой, так и недовольство неизмеримо большего количества чужих, этих миллиардов, далеких от Запада, как, впрочем, и десятков миллионов мигрантов родом из тех далеких мест на том же Западе. И все дальние, а особенно мигранты, которые оказались на Западе и с недоброжелательством глядят на благоустроенную жизнь тех, к кому судьба повернулась лицом, — конкретное проявление, олицетворение той не взорвавшейся пока бомбы. Осознав объективное и принципиальное социоинтеллектуальное противостояние, которое приходит на смену полям политико-идеологического напряжения вчерашнего дня, стоит особо отметить важную роль поджигателя, которую в этой конфликтной ситуации играет **экстремистский ислам как новое поле напряжения, очень похожий по своей непочтенной и во многом провокационной роли на марксизм середины XIX века.**

Но есть ли у исламистов те же шансы, которые нежданно свалились на голову марксистов, когда несостоявшейся в самой буржуазной Европе, но активно реализованной вне ее доктрине пришел заслуженный конец? Ведь тогда Европу спасло то, что западноевропейский пролетарий от Маркса демонстративно отвернулся. И хотя нищая мировая деревня посткрепостной России и постполукOLONиального Китая вполне серьезно и на довольно длительный срок восприняла эту утопическую идею, в этих странах хватило времени разобраться в том, что произошло. Не исключено, что это может случиться именно так и теперь. Но стоит принять во внимание, что ислам как религия и весьма специфический образ жизни намного сильнее доктрины марксизма, имея в виду ее репрессивно-террористические методы. Сила его в том, что традиции здесь неизмеримо крепче и

касаются абсолютно всех. В мире ислама все мусульмане в *умме* и крепки своим преданным Аллаху и пророку, Корану и шариату единством. Могут быть сектанты, но сомневающихся и диссидентов там не бывает, разве что иногда там присутствуют неисламские общины, но это нечто совсем другое.

Учитывая эти отличия, примем во внимание сплоченность всей уммы мусульман. Учтем, что она не терпит даже элементарного смешения с иноверцами: хочешь жениться на мусульманке, принимай ислам. Хочешь перестать быть мусульманином, задумайся о том, что тебя ждет; в умме тебе не жить. Жесткость здесь идет настолько далеко, что стоит всерьез принять, что на этом восходящем к традиции фоне принятое многими членение уммы на обычных и исламистов является скорей представлением о мире ислама тех, кто вне этого мира, но во много меньшей степени тех, кто внутри него. А это заставляет делать выводы. Они в том, что метафора о невзорвавшейся бомбе, объективно имеющая отношение вообще к экстремистам, в наши дни касается не только и не столько марксистского социализма, еще несколько десятилетий назад воспринимавшегося самой смертоносной бациллой из всех знакомых человечеству.

ИНСТИНКТ И РАЗУМ

Еще одна тема, тесно связанная с первой. Понятно, одни развивались, другие отстали. Но почему это привело к столь значимой разнице, о которой все время идет речь? Почему те, кого можно считать потенциально взрывчатым материалом невзорвавшейся бомбы, оказались в таком положении? Ответ на этот вопрос снова сталкивает с проблемой мировой деревни в самом широком смысле этого слова, начиная с ее появления, т.е. с первобытной деревенской общины. Расставлю для начала все необходимые акценты.

Биологический инстинкт всегда был и будет основой существования человека, как и всего живого. А для тех, кто не достиг высокого уровня разума — такие пока что преобладают в каждом поколении, среди отставших в мировой деревне, — инстинкт в первую очередь определяет стандарт повседневного бытия и модус поведения. Конечно, человек отличен от животного, хотя бывают и исключения, а в основе отличий лежит разум, который и делает его человеком. Что это такое? Существует ли врожденный разум? Отнюдь! И его просто не может быть, ибо разум — нечто вовсе не врожденное, но

благоприобретенное. Можно напомнить легенду об одном то ли халифе, то ли хане, который когда-то будто бы захотел узнать, на каком языке заговорят новорожденные, если никто с ними разговаривать не будет. Был проведен эксперимент. Изолированных младенцев несколько лет пестовали молча. Когда после этого стали выяснять, что же получилось, оказалось, что ничего. Дети просто не произносили членораздельных звуков и вели себя как животные, что, собственно, и следовало ожидать.

Эта легенда интересна тем, что сразу все объясняет. Врожденно-го разума, как и человеческой речи, которая является его функцией, ни у кого не бывает и, в отличие от инстинктов, быть просто не может. В младенце есть лишь база, хорошая или не очень (это момент случайный, индивидуальный), для того, чтобы речь и разум при нормальных обстоятельствах развились. От этого — как и от уровня развития общности, от окружения воспитуемого, от степени осознанного обучения, производного от уровня общности, от взаимовлияний и заимствований — зависит результат. **Способности, проявляющиеся в темпах и качестве усвоения накоплений разума, находящие отражение в речи, в богатстве лексики, в ее содержании и, что наиболее важно, в умении именно на этой основе мыслить, и есть самое важное в человеке.**

Словом, инстинкт крайне важен, без него нет и не может быть жизни, но только разум и слово делают человека человеком. Врожденные — от природы, генетически, — способности, как и степень восприятия высших достижений, обретенных в процессе успешного обучения, проявляются в стандарте уровня культуры. Понятия *уровень культуры*, как и *степень отсталости* общности, включая и современные, должны лежать в основе обществоведческого исследования. А смысл их в том, что приобретенный в процессе сапиентации разум позволяет осмыслять ситуацию и ее возможные следствия и делиться выводами. Тем человеческое общество и отличается от роя пчел или муравьиной кучи.

Разум — и в этом его великая сила и особенность — нечто уникальное, в известном смысле не только сугубо индивидуальное, да и не в каждой голове встречающееся, но и, что крайне важно, столь же неповторимое, как и вообще каждый человек. Очень хорошие и тем более блестящие, редкие, выдающиеся способности — вещь, как и любое что-либо ценное, в большом количестве обычно не встречающаяся. Но это со временем стало появляться у отдельных индивидов и способствовало той самой эволюции, вне которой энтропия. На

обитаемой человеком части планеты (не забудем о ледниковых периодах, ограничивавших эту часть) возникали разные этнокультурные общности. Они обычно со временем привыкали воспринимать всех других как *чужих*, по крайней мере в отличие от немногих *своих*. И возникавшее стремление противостоять чужим поддерживалось как инстинктом, так и разумом, различиями в этнокультурных стереотипах, которые закреплялись религиозными верованиями и представлениями.

Так человечество начинало свою историю, причем руководствоваться разумом было в ней необходимым условием выживания. Это проявлялось в том, что наиболее способные (но не самые сильные, как обычно в стае зверей, хотя сила и ловкость оставались в чести) в каждой из общностей, руководствуясь способностями и в большем количестве, чем у остальных, накопленными благодаря этому знаниями, обычно брали на себя лидерство.

С этого, собственно, и возникали наиболее существенные социальные отличия людей от остальных представителей мира живых. Появлялось представление о роде (бывшей стае), как о группе кровных родственников, сексуальные связи между которыми строго *табуированы*. Взамен этого предлагались связи с соседним таким же родом, т.е. с другой частью той же поделенной на части разраставшейся общности (могли быть и более сложные связи нескольких родов, но главное в *табу*). С табу и основанного на нем представления о *тотемном* родстве членов любого рода (*тотем* — легендарный первопредок, чаще всего представляемый в облике какого-либо животного) начинался социум как нечто, присущее именно разумным людям.

Возникали и упрочивались первые и наиболее ощутимые и значимые религиозные представления, колоссальная сила которых была в осознании родства и в нерушимой силе связанных с ним обязательств и запретов. Это делалось во имя создания необходимого духовного комфорта общности, что достигалось в процессе роста значимости систем родства и одухотворения сил природы со свершением необходимых и сплывавших социум *своих* обрядов. Разум тренировался в ходе осмысления окружающего людей мира и приспособления к существованию их в нем, полном неведомого. Переход людей в эпоху неолита к регулярному производству пищи привел социумы к новой форме семейно-клановых ячеек земледельцев с оседлым образом жизни и обособленным хозяйством, что определило дальнейшую эволюцию.

Земледелие и фундаментальные открытия способствовали интенсивному развитию технико-технологических усовершенствований и заложили основы политогенеза. Появились племена во главе с вождями. Возникла правящая элита, которая воспитывалась с повышенным вниманием к роли разума и знаний, пропущенных через религиозные представления. В итоге общество обрело доктринальное единство, которое, помимо прочего, в нормальной ситуации обычно успешно гасило взрывы необузданных инстинктов тех, у кого ограничения разумом были слабыми, а неконтролируемая сила рвалась наружу. Это, конечно, никогда не мешало в экстраординарных случаях инстинктам проявлять себя, порой в крайней и впечатляющей своей жестокостью форме. Стоит, в частности, заметить, что зверства насыщенных воинственной энергией кочевников намного превосходили то, что было свойственно земледельцам с их веками освоенными нормами этики. И эта разница связана с уровнем развития и степенью отсталости той либо иной общности.

Вообще же связь между разумом, религией, социальной этикой и, как следствие, с привычкой не к грабежу, а к регулярному упорному труду очень важна. История убедительно демонстрирует продуктивность именно такой связи, а без нее человечество осталось бы на уровне грабительских шаек, какими часто выступали в истории кочевники, губившие процветавшие земледельческие государства. Разум и знания, религиозно-культурные традиции и нормы поведения в рамках веками привитой населению этики со всеми ее немаловажными заповедями учили поколения определенному и вполне удовлетворительному стандарту существования. Разум и знания старших, умудренных опытом и весомой традицией, опиравшейся на тысячелетиями отработывавшуюся социозэтическую норму, исходили из того, что **прилежный упорный труд коллектива будет вознагражден в соревновании старших в клане и общине за престиж и более весомый статус в разраставшемся земледельческом обществе.**

Собственно, норма как раз и сводилась к конкуренции работающих коллективов, чей труд, а точнее, результаты чьего труда определяли успех группы в трудовом ее соперничестве с другими. **Труд был мерилем этого успеха, а разум и знания руководителя определяли успешность такого труда.** И поскольку то и другое сливалось и вело к желанному результату, то итогом в случае удачи становилась награда. Смысл всего в том, что те, на чью долю выпадало постоянно и упорно трудиться, постепенно, на протяжении веков, приучались к

тому, что **высокопроизводительный каждодневный (за исключением разве что праздничных дней) труд является нормой жизни¹**.

Вывод очевиден. Разум, знания и опыт в сочетании с социоэтической нормой, которая побуждает хорошо и постоянно трудиться, приводят к тому, что люди под суровым надзором старших и воспринимая их пример с детства приучаются содержать себя и все общество на приемлемом уровне. И это убедительное свидетельство приоритета выработанных обществом идей и институтов, которые закреплялись религиозно-культурной традицией. А если идей и институтов еще нет и такая традиция не успела сложиться (это и есть символ крайней отсталости общества), результаты удручающие. Стоит обратить внимание на то, что традиция воспитывается не сразу и что в воспитании ее большую роль играет не только время, но и, особенно когда времени нет, элементарное **давление, даже порой принуждение со стороны старших²**. Итак, важны два фактора, **время и давление, сводившееся к воспитанию, приучению к труду, к вынужденности работать**. Давление оказывалось сперва в рамках коллектива, затем, уже много позже, со стороны собственников или колонизаторов, часто в процессе оплаты труда. Не станешь работать — не заплатят, не за что.

---

¹ Вспомните, кого уничтожали большевики в российской деревне. Тех, кто умел и хотел хорошо трудиться. Это позволило большевикам и разагитированной ими неразумной бедноте грабить чужое имущество. А зачем? Чтобы всех равно бедных загнать после этого в крепостные условия колхозов. А теперь обратите внимание на бедную, голодную и перенаселенную Тропическую Африку. Зимбавийский Мугабе, ученик большевиков, раздал обихожённые земли европейских фермеров африканцам, не умевшим много трудиться и не готовым к этому, даже не очень-то хотевшим это делать. Результат много хуже, чем в случае с колхозами, от которых власть кое-что имела. А от пришедших в запустение ферм никто ничего не имеет.

² Как представляется, африканцы без участия колонизаторов работали примерно так же, как то сегодня видно на примере зимбабвийцев. Но и те до Мугабе на фермах работали в качестве наемных работников иначе. Стало быть, проблема не в том, что нельзя было заставить работать, даже платя за это деньги. Этого можно было добиться, но этого мало. Важно было воспитать навыки, привычку к труду. А для этого нужно было преодолеть привычные социопсихологические стереотипы, которые восходили к инстинкту досапиентной эпохи антропогенеза (поработал столько, чтобы хватило на сегодняшнюю еду, — и хватит). Для преодоления таких стереотипов нужно очень большое время, многие века. Нужны также те, кто должен постоянно приучать, даже принуждать отстающих в развитии к ежедневному труду.

ТРУД, НАСИЛИЕ И ВОЙНА

Разумеется, все и здесь не просто. Говоря о разуме и инстинкте, важно обратить особое внимание на социопсихологические стереотипы, на важную проблему равенства и справедливости, обычно плохо сочетаемую с оценкой количества и качества труда. Трудятся кто как может, но далеко не всегда это влияет на распределение продукта и на соответствующие стереотипы сознания, которые по традиции, восходящей к глубокой первобытной древности, определяются нормами эгалитаризма. Люди, вне зависимости от того, хорошо и много ли они трудились, часто недовольны тем, что выпадало на их долю. Такова уж природа человека. Стоит напомнить в этой связи об известной присказке французов *все довольны своим умом, но никто не доволен своим состоянием*. И ощущение это неизменно обострялось, когда рядом были такие, кто больше преуспел. Словом, бедные и отсталые — а в неразвитых общностях это абсолютное большинство — обычно очень остро ощущали свою социальную неполноценность.

Практически это значит, что, за редкими исключениями типа Индии с ее кармой и кастами, ущемленные при удобном случае поднимали вопрос о равенстве (лозунг часто перерастал в элементарное требование примитивной уравниловки), видя именно в этом генеральный принцип столь не хватавшей им социальной справедливости. Нередко этот лозунг, умело брошенный в моменты кризиса рвавшимся к власти радикалами, будь то якобинцы или большевики, подхватывался обездоленными и мог сыграть решающую роль. Однако самым обидным для считавших себя обделенными было то, что далее лозунга дело обычно не шло. И не только потому, что якобинцы потерпели поражение, а большевики бесцеремонно надругались над поверившим им российским крестьянством. Корни неудач намного глубже, что можно заметить на примере, скажем, восстаний начала XX в. в Мексике. Суть в том, что это в принципе невыполнимо. Равенство и справедливость в случае, если кто-то смог бы воплотить призывы в жизнь, привели бы к разрушению современного социума и государства, ибо неравенство и несправедливость (в социальном неравенстве справедливость: больше умеешь, больше и имеешь) — основа их существования.

Но безрадостное состояние большинства, страдающего от голода и нищеты, возбуждает сострадание и находит отклик у некоторых отнюдь не бедных и не отсталых, но эмоциональных и радикально-экстремистских доброжелателей, от Робин Гуда до Че Гевары. Мало

того, ситуация рождает уверенность отставших и недовольных, что радикалы могут и должны помочь несчастным. Парадокс в том, что возникают напрасные надежды, рушатся привычные нормы жизни, гибнут в вихре восстаний многие тысячи, а то и миллионы людей, но результата, во всяком случае ожидаемого, как правило, не бывает. Ну не может казарменное равенство заменить столь сложную структуру, как государство. Конечно, бывали ситуации, когда это пытались сделать силой, используя террор. Однако такого рода структуры-монстры оказывались нежизнеспособными и погибали под тяжестью собственной ноши. Но вернемся к социопсихологии, к проблеме насилия.

Начнем с того, что мир животных, за исключением немногих гигантов и всесильных типа слона, носорога, льва или тигра, безмятежного в этом смысле состоянии не знает вообще. Жизнь каждого появившегося на свет зависит от множества непредсказуемых случайностей и является не только и не столько чем-то случайно присущим именно тебе, сколько даром судьбы, оборачивающимся необходимостью в жестокой борьбе за существование не стать объектом охоты. Это и лежит в основе естественного отбора. Дарвин в свое время обронил классическую формулу: **потомство одной пары, если ему не препятствовать, способно за короткий срок заполнить планету.** Словом, каждый рожден, чтобы стать пищей другого, более сильного. Спасти тебя, но за счет твоего сородича, могут лишь твои врожденные инстинкты и индивидуальные способности, которые всегда не одинаковы. Или, иначе, ты бессилен перед царящим вокруг тебя насилием. То же приходится говорить и о людях. Они, будучи сапиентами, обладающими разумом, оказывались не защищенными ни от зверя, ни от людей. Позже звери научились быть подальше от людей. А люди постоянно оказывались в состоянии войны друг с другом, прежде всего своих (данная этнокультурная общность) с чужими.

Почему насилие и войны в истории преобладали? Ответ не слишком труден. Во-первых, что следует считать основным, агрессивный инстинкт мира животных людям не чужд. Чужой всегда объект охоты, а каннибализм — норма. Когда это переставало быть нормой, приходили новые обычаи. Убийство, а то и поедание, скажем, печени убитого, свидетельствовало о мужестве воина и, как считалось, способствовало возмужанию, а череп убитого воспринимался как доказательство состоятельности юноши. Во-вторых, чужой всегда находился вне этической нормы и потому вне закона. Его можно

было убить, пленить, поработить, но можно было и принять в семью и адаптировать, что применялось по отношению прежде всего к женщинам и детям. Любой инцидент, случайность (увидел во сне, как кто-то из соседней деревни тебя обидел), мог быть и бывал причиной конфликта, вплоть до смертельной схватки. И, наконец, войны приносили добычу, иногда большую, а нередко и ставили побежденных в положение данников.

В общем, никто не станет спорить, что насилие всегда имело смысл. А войны существовали с незапамятных времен, особенно после возникновения первых урбанистических государств и крупных кочевых племенных союзов, протогосударств. О причинах, сути, смысле бесконечных войн написано очень много, высказаны бесчисленные предположения. Но общий итог сводится к тому, что без них человечество обходиться не может. Они вечный его спутник, и это факт, с которым приходится считаться. В конечном счете все сводится к той агрессии в мире животных, которая есть форма борьбы за существование и естественного отбора. Но это как раз и сталкивает всех нас с глобальной и этически заметно табуированной, как бы недозволённой для публичного обсуждения проблемой уже не столько перенаселения, сколько уничтожения человека человеком в процессе эволюции. Ее не только с гуманистических позиций нельзя удовлетворительно решить, но и крайне сложно пытаться обсуждать.

Если рассуждать без апелляции к присущим современным людям нормам этики и абстрагироваться от принятых в любом цивилизованном обществе гуманности и милости к слабым и беззащитным, увечным и падшим, можно, конечно, смело говорить. Но если оставаться человеком, трудно смотреть без внутреннего укора правде в глаза. А правда эта безжалостна. Она ведет к тому, что без насилия и войн человечество просто не смогло бы выжить. Так уж устроен мир, что **кто-то** — как считается, менее приспособленный (в этом смысл теории естественного отбора), хотя на практике, особенно в случае войн между людьми, это далеко не всегда так, — **должен уйти из жизни, чтобы дать достаточно места для выживания остальных.**

И это не досужая выдумка негуманных специалистов. Это горькая, суровая правда. Дарвин, формулируя свои законы, обошел то, что касается человека, ибо людьми в процессе изучения мира живых он не занимался. Но, если говорить напрямую, борьба за существование — основа миропорядка для всего живого, **включая и людей как неотъемлемую его часть.** Насилие и войны следует считать по

меньшей мере инстинктивным проявлением этой борьбы. Но если так, то объективно получается, что войны, всегда влияя на количество выживших, объективно и жестко регулируют число живых. А сопровождающие их массовые убийства и насилия над мирными гражданами ведут к тому же.

Итак, перед нами страшный парадокс. Войны, т.е. насилие в массовом масштабе, выгодны для человечества, ибо служат, как и борьба за существование в мире животных, естественному отбору, без которого планета-Природа обойтись не может. Объективно войны и насилие спасают от перенаселения и, если принимать во внимание открытые Дарвином законы, важны для сохранения нормы, которая приемлема для жизни на Земле, ограниченной пространством и средствами существования. Но мало того, за первым следует **второй парадокс**, очень тесно с первым связанный. Колонизация и вестернизация мира вне Запада, как упоминалось, шли в условиях принуждения. Естественное сопротивление гасилось, что вполне понятно, вынужденным приспособлением местного населения к западным стандартам. А в конечном счете те, кто прежде не развивался, получали возможность ускоренной эволюции, что объективно шло им на пользу. И для этого были веские основания: голодавшие и вымиравшие, ознакомившись в процессе вестернизации с уровнем жизни развитого Запада и кое-что заимствовавшие от него, подчас при его настойчивой поддержке, начинали, пусть за некоторыми весомыми исключениями, лучше питаться, получали возможность растить здоровое потомство (до того младенцы часто умирали, так что прирост был небольшим).

И, как результат, прежде голодавшие и вымиравшие невиданными прежде темпами стали умножаться в числе. Парадокс в том, что **гуманный процесс вестернизации объективно начал представлять все более осязаемую угрозу человечеству в целом**. Речь о том, что в науке именуется пределами роста. Население планеты учетверилось за XX век, но Африка за этот период численно возросла примерно в 8–10 раз. И это едва ли не самый страшный век, насыщенный войнами, репрессиями, террором и насилием, унесшими сотни миллионов жизней. Ситуация свидетельствует о том, что человечество пересекло линию, которая фиксирует пределы нормального для него роста. И если не вмешаются какие-либо катаклизмы, оно за счет все тех же невинных в том, что они обойдены судьбой, будет энергично возрастать и в XXI в. По крайней мере в ближайшие два таких вековых периода этот процесс не удастся заметно остановить, сколько бы ни

было успокоительных прогнозов демографов, порой псевдодемографов, которые, будучи не в состоянии толком разобраться в причинах, не изучая уровня и роли инстинкта и потому не имея серьезной альтернативы, пытаются заменить оценку живого процесса очень мало что доказывающими формулами. **Собственно, перед нами та самая бомба, которая может взорваться.** Остается неясным, можно ли надеяться на то, что коллективный инстинкт выживания человечества как вида в сочетании с совокупным разумом мудрых сумеет предотвратить коллапс планеты.

О ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕ

Сделать это не просто. Невозможно сказать беднейшей, отставшей, обделенной судьбой и вынужденной по старинке руководствоваться инстинктами части человечества, что хорошо бы поменьше рожать. Но если не поспособствовать этому, конец, и достаточно скорый, предрешен. Никакие надежды псевдодемографов на то, что проблема сама собой рассосется, не основательны. Расчеты расчетами, но кабинетные специалисты не учитывают инстинкты, почему-то будучи уверенными, что они сами собой отомрут. При этом псевдодемографы ни за что отвечать не будут. Их дело прогнозы, а за все остальное будут отвечать потом другие. Но кто они, другие, кто должен решать, власть или социум? Этот вопрос не столь прост, как может показаться, а от ответа на него зависит многое.

Обратимся к проблеме издалека. Человек не живет, никогда не мог и не сможет жить в одиночестве. Только в романах, изображающих экстремальные ситуации, связанные с именами Робинзона Крузо или Маугли, такое можно написать и тем подчеркнуть величие человеческого разума. На деле человек — общественное животное, он от стада или стаи на заре истории постепенно переходил к социуму. Наука мало что может сказать о процессе социогенеза. Наиболее правдоподобная из гипотез сводится к тому, что инстинкт и разум шли рядом и совместными усилиями привели к возникновению социума, в рамках которого были сперва род с его табу и локальные группы. Такие группы с парными семьями из представителей разных родов с выборными лидерами долго господствовали, а с неолита появились семейно-клановые коллективы с несменяемыми отцами-патриархами. Разумный принцип реципрокного взаимообмена женщинами между соседними семейными кланами из разных родов создавал структуру, в которой патриарх самовластно распоряжался

трудом и достоянием членов семейно-кланового коллектива, что и было зародышем будущей власти.

Эта норма распространялась на общинную деревню (совокупность кланов разных родов или разросшийся клан данного рода), а близлежащие деревни создавали этнически родственную общность, которая со временем и по мере разрастания и столкновений с другими этническими общностями, могла структурироваться в племя во главе с вождем. Племя с вождем — основа племенного протогосударства. **Власть в обществах восточного типа становилась на ноги**, а урбанизация в благоприятных условиях, которые содействовали возникновению первичных очагов цивилизации, завершала процесс политогенеза, вела к появлению ранних восточных государств со структурой власти-собственности, централизованной либо, изредка, децентрализованной редиистрибуцией и обычно с сильно пониженной ролью социума.

Позже, в греко-римской античности, в обстоятельствах уникальной социополитической мутации, возникло **гражданское общество**, свободное от исторически складывавшейся власти старшего и с присущими гражданам правами и свободами, выборной администрацией и развитыми рыночно-частнособственническими связями. **Появился другой тип власти, с гораздо большей значимостью и ролью социума**, что до рубежа XX–XXI столетий было преимуществом Запада. Исторически первый, восточный тип общества означал приоритет власти и слабость социума, а западный — приоритет гражданского общества при зависимости власти от социума. **Это разные типы власти и социума.**

Они соперничали. Казалось бы, всё на стороне Запада с его антично-буржуазным гражданским обществом западного типа. Это не значит, что на либерально-демократическом Западе не было и не может быть сильной власти. Но она всегда зависела и зависит от решения электората и поэтому от социума. Однако если вдуматься в нынешнее положение дел в мире и учесть динамику развития, то окажется, что приоритет в решении жизненно важных проблем человечества в некотором смысле из рук власти переходит в сферу компетенции общества, что сталкивает нас с очередным парадоксом. Суть его в том, что западное гражданское общество с его либеральными тенденциями не в состоянии противостоять обществу исламского Востока с предельной жесткостью его нормативных установок. Встает вопрос, как такое могло случиться. Ответить на него не так сложно, как кажется. Исламский Восток имеет огромной важности

фермент, который позволяет ему в наши дни с завидной легкостью одолевать Запад. Фермент этот все тот же ислам.

Начнем, однако, не с него. Когда в середине XIX в. европейская буржуазия в результате революции во Франции и разнесших ее завоевания по субконтиненту наполеоновских войн последовала примеру Англии и США и стала активно демократизироваться, модернизоваться, индустриализоваться, а вслед за этим начали расти производительность труда и уровень жизни, интенсивно реализовываться процесс вестернизации незападного мира, нашлась кучка экстремистов марксистского толка. Они стали звать будто бы опутанных цепями пролетариев на баррикады и призывать их посредством режима диктатуры и с помощью неприкрытого насилия ликвидировать приносившую миру благо буржуазию. Но в то время пролетарии были не лишними в процессе эволюции, хотя без буржуа они были бы нулем без палочки, как негритянские псевдофермеры без европейских фермеров в Зимбабве. В итоге теория потерпела крах в Западной Европе, на чей пролетариат она была рассчитана.

Однако умело переинтерпретированный в интересах мировой деревни марксизм возродился в XX в. в России и в Китае, затем победоносно прошел по миру, ведя к войнам и террору, к уничтожению сотен миллионов людей во имя псевдорелигиозной утопии, так и не принесшей ожидаемого светлого будущего. И хотя он не имел никакого отношения к исламу, религия эта только и ждала, чтобы тоталитарные страны повернулись лицом к проблемам мировой деревни с ее миллиардами бедных и отставших в развитии.

Почему так случилось? Дело в том, что созданный на марксистско-социалистической основе **тоталитаризм** левого, а затем и правого толка как режим полновластия партии *нового типа* с системой необычайно жесткой администрации, включая мощный разветвленный аппарат принуждения и насилия, приблизился к чаяниям бедных. Он **начал активно преуспевать в условиях кризисной ситуации, когда бедных и обездоленных стало очень много, и именно потому оказался заразно-притягательным для них.** Вначале это сумели использовать большевики с их *вождями*. Затем из итальянских социал-марксистов вырос фашизм *дуче*, позже в побежденной Германии на той же социополитической основе появился *фюрер*¹, *еще позже в КПК ее председатель*. И хотя все эти доктрины — большевизм, маоизм, нацизм

¹ По данным Х. Арндт, он часто говаривал, что предпочитает большевиков буржуазному Западу, и эту мысль ценил и наш вождь. *Arendt H. The Origin of Totalitarianism, L., 1986, p. 308–310.*

и фашизм — ушли в прошлое, это не дает основания забывать о массовой поддержке, которой они пользовались. Не следует игнорировать внимание, порой искреннее обожание со стороны миллионных толп в адрес обладавших харизмой советского вождя, китайского председателя, итальянского дуче и немецкого фюрера. Упомянутое имеет самое прямое отношение и к затронутой в очередной раз проблеме ислама.

Нечто в этом роде — сакрализация правителя — бывало характерным для Востока издревле. Встает вопрос, почему склонность к обожествлению деспота и тирана с пугающей регулярностью начала повторяться и на Западе с тех пор, как всеобщее избирательное право открыло дорогу для свободного изъявления желаний и удовлетворения интересов законного большинства. И отчего столь легко тоталитарные режимы стали охотно восприниматься вне Запада в момент крушения колониализма. Вспомним Х. Ортегу-и-Гассета и его «Восстание масс». Как ни прискорбно сознавать, но именно выход масс мировой деревни на авансцену истории в результате социальной политики буржуазных демократических правительств, как до Бисмарка, так и более всего с его легкой руки, сыграл решающую роль.

У бедных, отсталых и обездоленных, у которых с помощью разных идей и представлявших их идеологов, партий и прочих разных организаций, от советов до мечетей, сформировались новые потребности, возникало обоснованное чувство неудовлетворенности. Массы, воспринятые Ортега-и-Гассетом в виде быстро и легко возбуждаемой толпы, настроением которой при желании можно свободно манипулировать, начали смело выходить на подмостки истории. И они не просто сыграли уготованную им роль, но вложили в эту роль всё, что могли. Благодаря их усилиям тоталитарные режимы вышли на поверхность и внесли свой вклад в столь кровавую историю XX века¹. Марксистско-коммунистический экстремизм нанес

---

¹ Нечто в том же роде продолжается и в наши дни. Имеются в виду не только страны типа Венесуэлы и Боливии с их лидерами, ратующими за «новый социализм» близкого к марксизму типа, но и маоисты в отсталом крестьянском Непале, оживившиеся группировки маоистов-наксалитов пригималайской северо-восточной Индии (в Бихаре и соседних провинциях), где партизаны, уверяя всех, что они за бедных, действуют в джунглях с необычной для толерантной Индии жестокостью (с теми, кто отказывается стать в их ряды, расправляются, а за неподчинение уничтожают целые деревни, вплоть до детей). Аналогичным образом действуют сапатисты в беднейшей мексиканской провинции Чьяпас, где восставшие индейцы требуют того же, что маоисты в Индии, т.е. перераспределения собственности, прежде всего земли.

первый сильный удар по буржуазной либеральной демократии, не сумевшей дать должный отпор и вынужденной идти на компромиссы. И это говорит не столько о слабости власти на Западе, хотя об этом тоже, сколько о самом либерально-демократическом стандарте социума, мало подходящем для борьбы с неспровоцированным насилием. Это подтверждается политической практикой всего XX в. Это же заметно и в начале XXI в. с его трудными и отнюдь не выигранными до конца войнами с Ираком и с афганскими талибами.

И здесь мы вплотную подходим к специфике ислама, порождающего исламистский экстремизм. Он в силу своих норм, сохранившихся в мало измененном виде со времен пророка, не был знаком ни с либерализмом, ни с демократией. А там, где некоторое такое знакомство в эпоху колониализма и вестернизации становилось фактом, элементы общества западного типа не столько отвергались, сколько ограничивались или игнорировались. Словом, делалось все для того, чтобы привнесенные в мир ислама западные идеи и институты, уж коли они все-таки существуют, не противоречили ни единой из норм времен пророка. Результат говорит сам за себя. **Исламский фермент и ныне работает, разрушая либо отодвигая в сторону все чуждое первоначальному исламу, и притягивая к каждому из правоверных то, что ему со времен пророка должно быть исконно близко.**

Исламский Восток — наиболее консервативная и антизападная часть тех сил, что после крушения тоталитарных режимов резко противостоят Западу и претендуют на руководство глобальной массой обездоленных. А сила его в притягательности идей, в наши дни наиболее удачно трансформировавшихся в экстремизм исламистов. И следует заметить, что притягательность эта, как то убедительно демонстрируют многочисленные реальные факты, намного сильнее вчера еще мощного переинтерпретированного для нужд мировой деревни марксизма, хотя примерно три десятилетия назад все могло бы показаться прямо наоборот. Корень ее — в идейной основе ислама.

Глава тридцать третья. КОЕ-ЧТО О ГРЯДУЩЕМ

Проблема грядущего глобализма, грозящего подавить своей невыносимой тяжестью все живое на планете, подводит к выводу, что угроза человечеству есть, и она объективно обусловлена. Суть происходящего в невозможности остановить непосильные и неприемлемые для Природы нарастающие темпы воспроизводства челове-

чества, не столько даже не сознающего серьезность проблемы и не стремящегося сконцентрировать все усилия на ее решении, сколько оказывающегося не в состоянии добиться этого. Паллиативы типа совещаний по отдельным вопросам — загрязнение вод, техногенные выхлопы, проблема озона или климатические аномалии — ничего не решат. Нужен комплексный подход, начало которого упирается в главное, в сокращение воспроизводства. Но начнем с другого, с роли идей, о значимости чего уже не раз особо шла речь.

ИДЕИ И ИХ РОЛЬ. ТОТАЛИТАРИЗМ И ТЕРРОРИЗМ

Идеи и выражающее их слово — важнейшая функция разума. В отличие от того, к чему были приучены наши люди, следует сказать, что не бытие, как обычно у нас считалось, но сознание, а если точнее, **выработанные сознанием идеи первичны** и определяют бытие, придают ему тот или иной вид. В **основе эволюции всегда лежали и ныне лежат именно идеи, отражающие осознанные потребности**. Впрочем, тот же Маркс, который сформулировал тезис о примате бытия, в молодости, в 1884 г., обратил внимание на нечто совсем противоположное, почти что мимоходом заметив, что **идея, овладевшая массами, способна превратиться в материальную силу**¹. Лучше этого он, на мой взгляд, во всей последующей своей жизни ничего не написал.

Движимое инстинктом осознание потребностей — а не некие **производительные силы**, чьи появление и эволюцию марксизм никак не прояснял, — **было той основой, которая рождала работу мысли**². Благодаря этому человечество шаг за шагом шло вперед. Кто-то где-то когда-то обработал один камень другим, чтобы получить заостренное либо сглаженное, пригодное для определенной операции и, прежде всего для охоты орудие. Неизвестно, как это было. Но нет сомнений, что не какая-то не у всех бывшая **производительная сила**, даже не потребность как таковая (она могла быть и у обезьяны),

---

¹ «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (Маркс К., Энгельс Ф. «К критике гегелевской философии права». Сочинения, т. 1, с. 422.

² Подробней обоснование этого см.: Васильев Л. С. «Основной вопрос философии»: идеи и интересы, // «Общественные науки и современность», 2008, № 5, с. 152–162.

а сознание обретавшего разум проточеловека привело его к этому. Спустя быть может многие века и тоже неизвестно где и когда кому-то пришла идея соединить каменное орудие с крепкой палкой и тем увеличить его эффективность. Другие придумали использовать для охоты загон и западню. Кто-то создал нечто вроде тачки. Кому-то из тех, кто видел, как кусок глины, попав в костер, меняет свои свойства, в эпоху неолитической революции пришла мысль сделать из сырой глины сосуд, обжечь его и использовать для хранения продуктов и приготовления пищи.

Едва ли есть смысл продолжать. Всё, вплоть до современной техники и технологии с ее немислимыми инновациями, было придумано кем-то, чаще одной умной головой. Но идеи тоже не падают с неба. Они рождаются под воздействием осознанной потребности социума, причем именно в такой последовательности — **опирающееся на разум инстинктивное осознание потребности; рождение идеи; ее реализация, ведущая к развитию общества, росту потребностей и к их осознанию.** Это и есть механизм эволюции человечества, начинавшегося с идей, т.е. с осознания, которое было результатом воздействия на кого-то потребностей, выработанных инстинктом и работой разума.

Тезис о первичности и значимости разума и идей крайне существенен потому, что объясняет главное, что происходило в прошлом и происходит ныне, составляя суть проблем современности и обещая быть значимым и в обозримом будущем. Идея всегда лежала, лежит, да и будет лежать в основе динамики эволюции разумных существ. Да и феномены, о которых пойдет речь, **тоталитаризм и терроризм**, — порождение идейных систем. Но тех, которые ложно¹ отражали потребности бедных и отсталых, чьи невежество и воинственность становились основой того и другого. Как это могло произойти?

Ислам как великая идея был не первым в этом ряду. Правда, другие великие идеи, конфуцианство и индо-буддизм, иудаизм и христианство, сыгравшие решающую роль в судьбах человечества и способ-

---

¹ М. Вебер выдвинул в свое время хорошо известный тезис, что идеи можно уподобить стрелкам на железнодорожных путях, по которым движутся интересы. Отсюда следует, помимо прочего, что **вызванные к жизни осознанием потребностей и даже сформулированные на основе этого осознания интересы** могут быть реализованы посредством порожденных этим осознанием верных либо, к сожалению, ложных идей (стрелки на путях можно повернуть в разные стороны). В итоге человечество либо достигает великой цели, либо заходит в тупик, откуда можно только пятиться.

ствовавшие его процветанию, не сыграли роль неверно поставленной, по Веберу, стрелки на путях. Больше того, и ислам отнюдь не сводится только к такой стрелке. Но в числе наиболее очевидных его интенций ложная функция джихада очень легко просматривается. Речь о том, что, немало сделав с помощью активной социальной политики для удовлетворения потребностей всех бедных и обездоленных — *но своих, правоверных*, — ислам необычайно жестко поставил проблему *чужих, неверных* и потому неугодных Аллаху. Подобное в качестве элемента доктрины можно найти и в христианстве, но там ненависть к *нехристям* не была столь сильной. Да и на практике она уступала той, что была направлена против *своих*, обвиненных в *ереси* (охота на ведьм, преследования староверов, инквизиция). Так почему в случае с исламом получилось именно так?

Пророк Мухаммед, житель торгового города, стоял у истоков доктрины. Возникла она не столько у него (он не учился, был неграмотным), сколько в результате его контактов с другими. Мекка вела обширную караванную торговлю, и будущий пророк принимал активное в ней участие. Это и было истоком его знаний, почерпнутых им из длительных бесед иудейских и христианских торговцев, чьи караваны в качестве приказчика богатой вдовы Хадиджи он годами сопровождал и чьим спорам в ходе долгих путешествий тщательно и предельно заинтересованно внимал. То, что было заимствовано из Ветхого и Нового Заветов, впоследствии вошло в Коран, а в переинтерпретированном последователями виде, нашло отражение и в Сунне. Мудрость ислама, умело переплетенная с традициями арабов, стала фундаментом шариата, регулирующего стандарты исламского права и этики повседневного поведения, и оказалась вполне приемлемой.

Но важно, что она соответствовала традициям кочевников-бедуинов с их агрессивно-воинственной динамикой повседневного бытия. Важно, что все идеи, сформулированные пророком, были упрощены и не случайно оказались доступными для бедных и весьма отсталых, почему они, звавшие к силовому натиску на всех неверных, не осененных преданностью Аллаху и мудростью пророка, были восприняты бедуинами с воодушевлением. И став воинами ислама, бедуины начали под зеленым знаменем распространять эти идеи как жесткую непреложную догму.

Этот одухотворенный идеей натиск позволил бедуинам превратиться в хорошо организованную воинственную силу. Роль идей христиан и иудеев, пусть переработанных пророком, видна и из того,

что *людей Писания*, как уважительно он называл их, Мухаммед признавал, как и фиксированную в тексте писаную норму. Это позже нашло проявление в стремлении интеллектуалов ислама заимствовать мудрость у всех, от кого можно было получить что-либо стоящее. Это были формы организации администрации у персов, рассуждения древних греков или даже арабские цифры индийцев. Но так было не очень долго.

Ислам оказался религией жесткой и нетерпимой, противопоставлявшей правоверных остальным и стремившейся обратить неверных в мусульман. Правоверный поныне не может ставить под сомнение догматы Корана, заповеди пророка и нормы шариата. Оставаясь в пределах уммы, к которой принадлежал, он не мог выйти из нее, отказаться быть мусульманином. Изредка такое случалось, например, с крещеными татарами. Но только в рамках едва распространившегося в Орде учения, в исключительных обстоятельствах и при условии перемещения на службу к русским. Оставаясь в умме, нельзя было игнорировать пятикратный ежедневный намаз. А к числу незыблемых норм прибавлялись и дополнительные запреты и ограничения, которые тоже становились правилом для правоверных.

Это оказывалось преградой, мешавшей заимствовать что-либо у неверных и призывавшей отторгать все не санкционированное исламом времен пророка и, в крайнем случае, первых четырех праведных халифов. В итоге ислам как религия и система институтов определили тип государства — халифата — как весьма специфичную модификацию привычной для Востока структуры власти-собственности. Назвать этот режим тоталитарным было бы преувеличением, но заметить близость его к тоталитаризму более позднего времени можно. Сходство очевидно, хотя и не ощутимо теми, кто находится в умме и соблюдает ее нормы как нечто врожденное и естественное. При этом в умме важную роль играли шариат с его мазхабами и судьями-*кади*, как и нормы обычного права адата (забывать камнями неверную жену — норма именно адата).

Стоит, однако, напомнить о терроре убийц-*гашашинов* (фр. *ассасинов*), связанном с сектами суфийско-орденского типа, *тарикатами*, которые возглавлялись почтенными *шейхами*. Повинующиеся им *мюриды*, с помощью *гашшиша* вводившиеся в состояние полугипноза, во время которого их развлекали красивые девушки, верили, что они видели райские кущи и что там, у Аллаха, за которого они отдадут жизнь, будет такая же обстановка. Они шли на кровавое дело так же, как это делают сегодня шахида, и это сходство говорит о фанатизме

и фатализме ислама как религии. Оно отражало идею джихада, так что, если где в истории в довольно отдаленном прошлом и случался террор, длившийся много лет (ближневосточный горный замок Аламут, в котором воспитывались мюриды, был разгромлен монголами в XIII в.), так это именно в мире ислама. Важно учесть, что исламисты не всегда выступали против неверных. Иудеи и христиане обычно жили в городских кварталах мусульманских стран в форме иноконфессионально-инонациональных общин-*миллет* с несколько ограниченными не то чтобы правами, но возможностями.

Теперь о самом главном. Говорилось, что ислам — образ жизни и что важнейшая его особенность — слитность религии и политики, но не обращалось внимания на то, что **возникал он в условиях отсутствия государства**. Социум, а затем и государство (халифат) складывались вокруг религии, носителем которой был харизматичный пророк. Такого с сильными религиями до того обычно не случалось, что многое объясняет. Сложившись на основе арабских бедуинов с небольшой примесью торговцев из Мекки, мусульманская общественность в ходе агрессивной экспансии и полезных заимствований создавала государство, как то не раз бывало с кочевниками, с завидной легкостью одолевавшими земледельцев. Но их случай был особым. Кочевники на сей раз были не варварами, но одухотворенными носителями великой идеи, что превращало их в нечто особое.

Они обрели в ходе контактов с персами, наследниками Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) и наполненных мудростью зороастризма Сасанидов (III–VII вв.), государственность в форме халифата (халиф — заместитель пророка). **И их государство стало выразителем и хранителем великой идеи**. Ведущим началом оказалась идея. А возникшая на ее основе **социоконфессиональная общность**, не только предшествовавшая власти, но и определившая параметры общества и государства, подавила всё, **обусловив зависимость всего от идеи**. Правда, нечто в этом роде, в более бледном варианте (*варны* и *карма*) происходило и в ведическо-брахманистской Индии на заре истории. Но предельная терпимость индуизма несопоставима с нетерпимостью ислама. Нечто подобное было повторено только в случае с большевиками.

Сходство с большевизмом и с тоталитаризмом правого толка, однако, не полное. В случае с исламским Востоком ситуация особая. Здесь на авансцену выходит не держава, в которой укрепились носители идеи, большевики или нацисты. Конечно, вначале, когда полутысячелетие существовал халифат, было так, хотя и тогда воз-

никали государственные новообразования исламского типа вне и помимо его. Но после того, как почетный титул халифа перешел к турецкому султану, все изменилось. Оказалось, что, в отличие от большевистского СССР или нацистской Германии, ислам представляет не единая мощная держава (ею так и не стала Османская Турция), но социоконфессиональная общность, А отсюда и следствие: ислам в смысле идей и институтов мощнее и марксистско-коммунистической, и фашистско-нацистской системы. Те рушились и уходили в небытие вместе с идеями.

Ислам же как идея (с институтами и образом жизни), а не государство мусульман, обретал облик самоорганизующегося общества. В эпоху колониализма, когда ему противостояли европейские буржуа с их новациями, включая огнестрельное оружие, это определило его судьбу так же, как и остального мира вне Запада. Но когда век колониального владычества пришел к концу, а все основные достижения западной техники и технологии, включая оружие и взрывчатку, стали известны повсюду, ислам в крайне агрессивной модификации исламизма и в условиях ликвидации других тоталитарных полей напряжения сумел занять опустевшую нишу. Это означало, **что исламисты оказались в выигрыше**. Не имея государства и ничего от этого не теряя, они обрели простор для своей деструктивной деятельности. И их насилие имеет особенность при посредстве мулл и имамов набирать силу, припадая к почве, т.е. легко оказываясь в открытых везде и для всех правоверных мечетях.

САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И СПЕЦИФИКА ИСЛАМА-ИСЛАМИЗМА

Еще пару десятилетий назад могло казаться, что террор и тоталитарный режим свойственны только государственной власти, а самоорганизующийся социум — достижение либеральной демократии, берущее начало в античном мире, в греческом полисе. Оказывается, не совсем так. Социуму, создавшему принцип либеральной демократии и поставившему во главе системы ценностей свободу и право гражданина, мир обязан величайшими достижениями. А известные в XX веке тоталитарные режимы с их ненавистью к правам, свободам, буржуазной демократии, напротив, вроде бы с самоорганизацией не имеют общего, ибо навязаны внешней силой, закованной на вздорной идее. На самом деле доктрины, вызвавшие их к жизни,

имеют отношение к самоорганизации обществ, подававшихся их воздействию и создававшихся в результате этого.

Если вникнуть в суть проблемы, окажется, что тоталитаризм и даже просто жесткий авторитаризм, как власть и террор, как форма их проявления поддерживаются самим обществом даже тогда, когда может показаться, что режим навязан силой. Это серьезное утверждение нуждается в обосновании. Взглянем, как конкретно это выглядело. Легче всего с большевиками и марксизмом. Учение, переинтерпретированное экстремистами, обращено к мировой деревне, которая отвергала Запад и вестернизацию. На это и опиралось лживое учение, черпая оттуда силу и жизнеспособность.

Притягательные лозунги типа *Долой богатых землевладельцев и капиталистов, Землю крестьянам, Всё отнять и поделить* ложись бальзамом на истерзанные души бедных. Бросившие ружья крестьяне оголили фронт и направились жечь усадьбы и делить землю. А потом, уже будучи мобилизованными в созданную большевиками армию во главе с комиссарами, имевшими право убивать за неподчинение, или поставленные перед необходимостью сдавать большевикам зерно по продразверстке, они не могли ничего сделать. В итоге коммунисты укрепились как покровители бедных, и это в качестве идеи въелось в подкорку многих. Так было и в Китае, где вначале коммунисты во главе с Мао подняли крестьян в обнищавшей измученной непрерывными войнами стране против частных собственников. А когда в процессе массовых силовых кампаний все в отнюдь не глупой стране уже вдосталь хлебнули горя и невзгод, было поздно.

Вывод очевиден: общество *мировой деревни* в момент накала протестных настроений было на стороне радикальных экстремистов-экспериментаторов. Массовые протестные движения отражали некую генеральную тенденцию. И в этом марксистский социализм с его тоталитарным уклоном оказался схож с принципами исламского образа жизни. Суть близости в том, что важно поверить в идею, а вера повлечет за собой поверивших и готовых находиться под жестким контролем власть имущих, олицетворяющих эту веру.

Итальянский фашизм или немецкий нацизм, как и латиноамериканский и восточноевропейский корпоративизм, соединивший элементы правого и левого тоталитаризма, но ближе к правым, ибо мирился с контролируемой властью рыночно-частнособственническими отношениями, были тоже против буржуазно-демократического Запада и за *своих*. Правда эти *свои* в развитых Италии и Германии, да даже и в Латинской Америке оказались не столь бедными и обделенными,

как на Востоке. Поэтому немцам пришлось сделать акцент на расовой ненависти, считая именно евреев теми буржуа, которые будто бы обездолили их соотечественников, а прочие вовсе без этого обошлись. Однако тоталитаризм и жесткий авторитаризм их оказался впечатляюще близким к обходившимся без частной собственности и капиталистического рынка странам марксистской модели. Итак, красные и коричневые были для либеральной демократии равно враждебными.

С исламом-исламизмом, пришедшим в конце XX века на смену рухнувшим тоталитарным режимам, все оказалось чуть иначе. Тот же самый враг, но другая терминологическая оправа: Запад — символ неверных *крестоносцев*, мерзкое олицетворение мирового разврата, где дело доходит до самого *непотребного*. Здесь женщины учат мальчиков и юношей, здесь стряпаются карикатуры на пророка! Но главное в ином взаимоотношении между обществом и государством, том, что необязателен государственно-административный режим с партией *нового типа*. Вместо этого есть муллы и имамы, которые еженедельно внушают исправно посещающим мечеть правоверным, что такое завещанная пророком норма и как важно тщательно ее соблюдать. А более активные и ревностные среди слушающих — это и есть *исламисты*. И если не вникать в мелочи, сходство с тоталитаризмом потрясает. Оно в стандарте социалистической утопии, в том, что тоталитарный террор повсюду является **носителем идей**, причем **наступательно-нетерпимых, присущих фанатикам**. Или, иначе, после крушения красно-коричневого тоталитаризма эстафета перешла в руки экстремального ислама.

Так кто же они, экстремисты-исламисты? Специалисты обычно избегают говорить четко то, что строго соответствует реалиям: нет и не бывает двух разных исламов, хотя, есть и шииты, и сунниты, и секты. Часты резкие столкновения, порой случаются и военные конфликты между ними, но все они равно мусульмане, входят в единую нерасчленимую умму, в одну и ту же мечеть. Никаких разных храмов, хотя между муллами и имамами могут случаться за них кровавые схватки. А на уровне самой мечети нет и не может быть противопоставления *ислама* *исламизму*. Есть только борьба между остро соперничающими интеллектуалами ислама или между крепко держащимися за власть и претендующими на нее.

Конечно, честолюбие, как и стремление возвыситься, иметь власть и повелевать свойственно миру ислама. В основу для всех положено одно и то же — Коран, шеститомная Сунна и многоликий шариат с его четырьмя основными школами-мазхабами, разного рода

толкованиями (*калам*) и комментариями ученых улемов, богословов и правоведов. Если и есть расхождения между сектами, школами и толкованиями в рамках мазхабов, то они в любом случае вторичны и даже третьестепенны, за исключением разве что элементарной разницы между шиитами и суннитами, которая сводится опять-таки не к различиям в теории, но лишь к тому, кто имеет законное право стоять во главе правоверных.

В остальном все одинаково. Между враждующими доктринальными различиями нет, а принципиальную разницу между исламом и его радикально-экстремистским вариантом, исламизмом, редко кто может обосновать. Как правило, избегают делать это, употребляя термины типа *ваххабиты*, *салафиты*. Но эти термины мало что проясняют, разве обращают внимание на то, что те и другие излишне фундаментальны, т.е. стоят за **первозданную чистоту ислама**. Они не объясняют ситуацию, скажем, после выборов, когда большинство оказывается за ними (в целях смягчения победителей вежливо именуют *умеренными исламистами*). Словом, попытайтесь вдуматься: исламисты — те, кто за чистоту доктрины. Но разве остальные мусульмане против? **Таких нет**. Вы не найдете мусульманина, кто не верил бы свято в то, что первозданный ислам времен пророка вне всякого сомнения лучше и чище существующего сегодня. Другое — степень и важность разницы между обычными и радикально-умеренными.

Вот теперь и основное: этим, активностью и истовостью, готовностью лично выйти на борьбу с неверными и наказать, покарать их во имя великого Аллаха и избранного им пророка, исламисты и отличаются от обычных мусульман. В силу их экспансии и доведенного до предела фундаментализма исламисты выступают в террористических актах против своих, обычных мусульман. И это не всегда для суннитов соперники-шииты, а для шиитов сунниты. Очень часто шахид где-нибудь на базаре или на площади взрывает себя с тем, чтобы уничтожить множество тех, кто окажется рядом. Кто они, если это не враги и не чужие, а вполне свои, в своем городе, ему безразлично.

Можно было бы, конечно, спросить, почему. Но никто никогда таких наивных вопросов не задает, ибо все хорошо знают и понимают: шахид убивает тех, кто попадет под руку, именно для того, чтобы все правоверные знали и понимали, что все под богом ходят и легко могут в любой момент уйти к Аллаху. Шахид для простых верующих, даже если он убивает их близких, — почти что святой; никому в голову не придет упрекнуть его: он отдает жизнь за идею, за Аллаха. К этому и сводится исламский экстремизм, во всяком случае в гла-

зах нормального члена вселенской уммы. Разумеется, по отношению к *чужим*, неверным, тот же акт шахида означает совсем иное: враги Аллаха должны понять, что им не место на земле. И эта разница тоже всем в мире ислама до предела понятна. Тем более что за смерть неверных семье шахида обычно платят немалое вознаграждение, тогда как террористический акт против *своих* означает либо наказание кого-то за то, что он против активности радикалов-экстремистов, либо предупреждение тем, кто не уважает и не поддерживает их.

Но отсюда вывод: от обычного до истового и ревностного только шаг, а шаги делаются только в одну сторону. И легко понять, почему: осязаемый взлет ислама, его энергичное возрождение импонирует всем мусульманам и более всего бедным и обездоленным из них, выходцам из многолетних семей, безработных и неблагоустроенных, хотя не стоит забывать и тех высокообразованных, которые взрывали ньюйоркские небоскребы. Новые исламисты, таким образом, не с неба падают, они ежедневно рождаются на почве ислама. Перед нами несомненный успех становящегося все радикальнее всепланетного самоорганизующегося мусульманского общества, с которым человечеству долго еще предстоит иметь дело. А имя У. бен Ладена, не зря претендовавшего и успешно реализовывавшего свои претензии на идейный авторитет, дает представление о том, что происходит с исламом.

Всюду, где живут мусульмане — а они живут уже везде, — создаются филиалы глобальной террористической сети. Она не то чтобы реальнее интернет-пространства, но более осязаема, причем повсюду и постоянно. Все большее количество мулл и имамов ориентируют на пятничных намазах правоверных и включаются в поддержку того, что воспринимается как возрождение величия мусульман. Они за чистоту первоизданного ислама и с укором в адрес тех, кто не готов во всем следовать слову Корана. Словом, мы живем и будем жить дальше в условиях, которые продолжают способствовать усилению натиска опирающегося на фундаменталистский ислам агрессивного экстремистского исламизма.

Мир либерально-демократического Запада с его строгим отношением к правам человека ничего не может и долго еще не сможет с этим поделать. И в самом деле, что можно сделать с теми, кто готов умереть во имя успеха ислама и величия Аллаха и унести с собой на тот свет много мирных жителей, таких мусульман, которые им не внемлют и заслуживают смерти. И ведь главное для террора любого типа — запугать и многих *своих* (чтобы примкнули к тебе), и, понятно, *чужих*. Запугать всех, чтобы тем самым добиться глобального

господства. И дело вовсе не в том, удастся ли исламистам скоро и с легкостью добиться этого. Мир ислама взбудоражен, он быстро умножается за счет молодых, далеко не всем из которых дается приличное образование, не говоря уже о соответствующем рабочем месте и уровне жизни. И это служит привлечению новых кадров в ряды не только просто исламистов, но и боевого их отряда, самоубийц-шахидов.

Прочем, причины успехов исламизма не только, даже не столько в этом. Основа значимости его в стремительном росте числа мусульман на планете, в том числе и на Западе. Правда, приток мигрантов в западном мире и в России растет не только за счет мусульман, однако справедливости ради стоит заметить, что они в этом движении решительно преобладают. О том, что происходит в России с исламом, обычно у нас стараются молчать. Проблема в том, что власти не понимают, что с этим делать. Известно, что самые смирные и безобидные из них, по крайней мере пока, мигранты-гастарбайтеры из Средней Азии, таджики и узбеки, но их число растет, это вызывает настороженное к ним отношение. С остальными сложности еще большие, и это очень неприятно для власти. Проблема в том, что дело не ограничивается молодыми кавказцами, энергично распространяющимися по всей России и являющими собой группы воинственно-коррупцированного, а то и мафиозно-бандитского типа. Хуже то, что кавказцы успешно осваивают Татарию. Едва ли стоит рассуждать, что это значит для будущего.

Запад со всеми характерными для него и резко неподходящими для фундаменталистского ислама и вызывающими его гнев традициями костью в горле стоит для ревностных правоверных, что и приводит к конфликтам. И ситуация явно ведет к возрастанию их числа. А недавно принятые в ряде стран Европы законы, направленные против закрывания лиц женщин, а также карикатуры на пророка, — дополнительная питательная среда для обострения антагонизма, что не может не способствовать резкому усилению масштаба террора. В России пока таких законов нет, но это отнюдь не означает, что у нас все обстоит намного лучше.

ПРОБЛЕМА СУИЦИДА И НЕВЕСЕЛЫЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Есть и еще, о чем нужно сказать. Запад, закусив удила, с ускорением мчится вперед. Нельзя сказать, чтобы с упоением, скорей потому, что не может остановиться. Но нет сомнений, что ускорение

шагов истории на переднем крае эволюции — это некий внушающий тревогу симптом. Тревога не оттого, что глубина фронта движения человечества не сокращается, как свойственно было когда-то считать в рамках теории *догоняющего развития* (вот-вот отставшие догонят передовых, и все выправятся, станут в одну шеренгу), но напротив, очевидно растягивается. Она в том, что отставшие не могут двигаться с необходимой скоростью, чтобы сохранять прежнюю дистанцию. Возникает известный эффект Черной королевы из романа Льюиса Кэрролла о приключениях Алисы: нужно быстро бежать, чтобы остаться на месте. А так как на месте остаешься только ты, уже отставший, а передовые уходят дальше, ибо обеспечены необходимыми для того условиями, то итоговый эффект срабатывает неожиданным образом.

В чем тревожность? Уменьшающийся не размером, но в соотносительной численности Запад (сколько его жителей приходится на семь миллиардов?), **заходит** в ускоряющемся движении в некий **штопор**. Тот самый, что имеет отношение к метафоре о набирающей мощь смерчеобразной воронке. Эта метафора пугает, но реальность не легче. Будучи вынужденным к социальной благотворительности, богатый и пока процветающий Запад понимает, что чем дальше, тем круче завинчивается штопор. А выбраться и спокойно вздохнуть ему не дано. Напротив, нужно сильнее напрягаться и больше делиться с отставшими, число коих постоянно возрастает. Они нуждаются в поддержке, а откуда еще им ее ждать?

Запад, на который они не без оснований рассчитывают, достиг предела. Он находится в состоянии перманентного кризиса и едва ли сможет и далее, тем более в возрастающем объеме, финансово, так и в плане материального обеспечения опекать бедных и отставших в развитии. Число их постоянно растет, причем они готовы выдвигать все более завышенные требования в полном соответствии с постоянно возрастающими потребностями. А чуть заминка — возникает недовольство, обращенное в адрес того, кто позволяет себе не помогать обойденным судьбой. И развитому Западу некуда деваться. Он не может не содействовать отставшим, другого выхода у него в условиях нарастающего давления мировой бедности, не говоря уже о растущей в объеме глыбе ненавидящего его экстремального исламизма, подкрепляемого кричащей братией антиглобалистов или неомарксистов, нет. И он старается. Но надолго ли его хватит?

В сложившемся положении вещей мало бросить лозунг *Человечество в опасности!*, что сделали ученые из Римского клуба в докладах

о пределах роста с полвека назад. Вопрос должен стоять иначе — как нам быть? Богатый Запад не остров сокровищ, казна его не неисчерпаема. Он, правда, способен еще на многое. Там реализуются новации, создающие основу ускоренного развития. Но ускорение усиливает несходство между передовыми и быстро воспроизводящимися отставшими. При этом Запад численно не растет. Мало того, он стареет, количество пенсионеров возрастает, а число рождающихся не увеличивается. Вместе с изменением возрастного состава растут траты на дорогостоящую медицинскую помощь и все сильнее ощущается нехватка молодых специалистов. Надежды на пополнение их числа за счет мигрантов оказываются несостоятельными, что ухудшает шансы и Запада, и вымирающей России.

И там, и здесь растет приток мигрантов, которые квалифицированными специалистами обычно не являются и заместить убывающих не в состоянии. Мало того, они привозят с собой ту всемирную сеть исламистов, которая создает Западу, увязавшему в дорогостоящих войнах в Азии, где ему противостоят те же исламисты, дополнительные сложности. Да и России от этого не слишком хорошо. Разумеется, Запад и Россия еще не побеждены опутывающими сетями, но вынуждены обороняться. И это не временная кризисная ситуация, это результат процесса глобализации, а для нас и десоветизации. Так к чему же мир идет? И вообще, могут ли совокупный разум и социальный инстинкт человечества найти решение? А время не ждет.

С детства меня, как, возможно, многих, интересовали и интриговали факты выбрасывания на берег групп китов или дельфинов¹. А если ввести в анализ понятие *социальный инстинкт* и воспринять всё как регулирующую силу поведения вида в соответствии с законами, открытыми Ч. Дарвиным, что не противоречит и постулированному мною гипотетическому закону баланса, многое станет на места. Есть основания даже придать феномену научную основу. Один из

---

¹ Существует немало гипотез на этот счет. В 2009 г. на песчаный пляж острова между Австралией и Тасманией выбросилось около 200 дельфинов. Можно добавить недавнее сообщение о гибели, точнее, об оказавшихся на пляже летом 2012 г. мертвых вполне упитанных и без нефтяных пятен примерно пятисот пингвинов в Бразилии. Как известно, нечто похожее случается и с иными животными. Можно напомнить о массовой гибели мигрирующих грызунов-леммингов, которые раз в 3–4 года очень сильно размножаются, затем начинают бег неизвестно куда, но через реки либо озера, где и тонут. Бросаются с обрывов стада овец (летом 2005 в Турции). Если внимательно присмотреться, то окажется, что перед нами некое повальное движение разных видов в никуда.

основоположников генетики А. Вейсман как-то высказал предположение, что старение и смерть как завершение развития отдельного индивида запрограммированы природой.

Изношенные организмы, как он выражался, вредны для вида, занимая место тех, кто здоров¹. Кто-то, не обязательно *изношенные*, слабые и старые, а те, на кого выпадет жребий судьбы, должны понимать, что в интересах с трудом выживающих в неблагоприятной обстановке видов некоторые их представители должны уйти. А число таких видов растет, касается это и людей. Бесстрастная статистика утверждает, что число самоубийств растет в ситуации, обостряющей условия жизни. В ГДР после возведения стены количество суицидов, по некоторым данным, увеличилось в 25 раз. Логика свидетельствует, что любое ограничение условий существования ведет к снижению ценности жизни в глазах живущих. Отсюда рост немотивированных массовых уничтожений групп людей, даже детишек, и в безмятежных вроде бы США, и в социально дисциплинированном Китае. Угрожающе растущее количество немотивированного или слабо мотивированного подросткового суицида заметно и в нашей стране. Растет объем потребления наркотиков с миллионами наркозависимых, сокращающих сроки своей жизни. Это поветрие эксплицитно вполне может казаться неосознанным, но имплицитно и инстинктивно ощущается многими. Люди начинают считать его естественным, что рождает непонятную в норме готовность пожертвовать жизнью ради искусно возвеличенной цели. **И на смену жизни приходит готовность умереть по собственной воле.** Такая идея типична для идеологий тоталитарного типа. Россияне помнят, как в годы войны люди вроде бы радостно умирали за вождя. А ислам-исламизм, зовущий мусульман (*покорных* — так слово переводится) к войне с неверными и к смерти ради Аллаха, — то же самое. Сходство психологии потрясает, что, впрочем, не значит, что шахиды идут на смерть так же и потому, что и киты.

Специалисты спорят, можно ли массовую гибель животных считать самоубийством, ибо животные не обладают разумом. Но и люди с разумом в определенной ситуации не всегда руководствуются им. Раз мир устроен неладно, а изменить его можно, пожертвовав со-

---

¹ Со временем идея нашла свое подтверждение на клеточном уровне. В 2002 г. С. Бреннеру, Дж. Э. Салстону и Х. Р. Хорвицу была присуждена Нобелевская премия за открытие механизма *апоптоза*. Апоптоз — это генетически запрограммированный защитный механизм, который направлен на запуск самоуничтожения патологически измененных, мутировавших клеток.

бой (это идея большевиков, это внушают шахидам исламисты), те, кто готов на самопожертвование во имя идеи, идут на это с верой. Неважно, вера это в светлое будущее или в райское блаженство рядом с Всевышним, но они готовы. **Готовность умереть как форма социального поступка** ставит человека с его суицидом и животных с их массовой гибелью равно в ряды тех, кто ощущает себя в жизни лишним и соответственно поступает.

Это всего лишь знак, но тревожный. Есть основание задуматься над причинами. Для людей это стресс и одиночество, сложности существования, болезни и страх перед неведомым будущим. Животные не мыслят, но ощущают некие вызовы, диктующие видовое поведение — *апоптоз* по Вейсману. А если сложить, перед нами импульс, строго стимулирующий девиантное поведение. Не настаиваю, что все именно так. Но есть соблазн связать сказанное с реальностью. В суициде активных в жизни шахидов с их стремлением прибавить к своей смерти гибель других, видится не просто жертва Аллаху. Коль скоро обездоленная и отстающая часть населения легче всего подчиняется воздействию инстинкта, те, кто не без оснований считает себя лишним, готовы продать свою жизнь, особенно, если семье погибшего платят за героизм шахидов. Или, иначе, жизнь все меньшего стоит.

Но если так, многое можно воспринимать в более трагическом ключе. Проблема массовой гибели живых существ становится предвестником. Если мир в штопоре, если он напоминает невзорвавшуюся бомбу, имеющую неплохой шанс взорваться, то чего же вам еще! Конечно, метафоры и разного рода суждения, даже не обосновательные, еще не убедительный аргумент. Как знать, а может на самом деле все не так? И действительно, ведь, слава богу, мало кто так пишет. Кроме докладов Римского клуба полувековой давности я почти не встречал публикаций столь тревожных, как у меня. Разумеется, у меня много данных, но в глазах читателя это может быть сочтено недостаточным. Почему он должен верить мне, а не демографу с его формулами, хоть и непонятными, но вызывающими уважение к учености?

Не смею навязываться. Больше того, попытаюсь показать, что все не так уж безнадежно. Давно известно, что Иран, последовательное шиитское государство с жестко выраженными антиизраильскими и антизападными эмоциями, стремится создать ядерные бомбы и ракеты. Но **обладание этим смертоносным оружием считается сдерживающим и гарантирующим от смертоносной опасности.**

Правда эта оценка может показаться неверной, ибо не учитывает психологии исламистов. Но почему не предположить, что в высоко-развитом современном Иране найдутся такие, кто не захочет умереть сам и унести с собой страну. И очень возможно, что Запад, не говоря уже об Израиле, этого не допустит. Есть и другая страна с такими же бомбами, которая может оказаться под властью исламистов, это Пакистан. Но и там не все готовы отправить планету к Аллаху. Все может оказаться далеко не столь страшным, как представляется. Есть опасность создания портативной атомной бомбы. Если представить, что это удастся, нетрудно развить идею до уровня вселенского катаклизма. Но сами шахиды такую бомбу создать не смогут, а кто сможет, как следует подумает, чтобы сделать ее для них недоступной. Словом, не все в руках сорвавшихся с цепи самоубийц.

Пойдем дальше. Представим, что ситуация в мире идет к худшему. Те, кто платит шахидам и тратится на их подготовку (а это дело хлопотное и дорогостоящее), могут перестать это делать. Тогда условия для успехов шахидов исчезнут, и число готовых умереть пойдет на спад. Как легко заметить, все эти позитивные возможности способны дать какую-то надежду. Но значит ли это, что проблема будет решена?

Отнюдь! Самое главное, что никак не изменится, это перепроизводство бедных и отставших в развитии. Ведь даже если с исламистами управятся, оно останется. Можно долго верить в формулы демографов, но от реальности не уйти, на это мало надежд. А главное, что надо решить и тем остановить эскапады матери-Природы, все более обоснованно, во всяком случае на мой взгляд, гневающейся на позволяющее себе слишком многое человечество, это проблема перенаселения планеты, чьи размеры и ресурсы ограничены. Здесь мне нечего предложить. Винить демографов бесполезно. Даже если бы они предложили более серьезные варианты (это за них делают эксперты ООН, ежегодно исправляющие их прогнозы в сторону увеличения), что на это можно сказать? Разве что раньше обеспокоиться? Теоретически это, конечно, хорошо. Но практика это начисто снимает. Человечеству не до отдаленных проблем, не до тревожных прогнозов.

Со времен докладов Римского клуба Природа сильно изменилась в своем привычном поведении. Она почти сошла с ума, взбеленилась, взбесилась. Взгляните, что творится с климатом, с погодой, с природными явлениями! И озаботило ли это кого-нибудь? Да, все чаще пишут о дурных предсказаниях, рассуждают об Апокалипсисе, не забывают о календаре мая. Но это нечто вроде оживляющего и даже

щекочущего нервы развлечения, не более того. Никто, за редчайшими исключениями, не рассматривает проблему серьезно. К становящимся все более масштабными катаклизмам относятся примерно так, как к китайско-маоистским очередным *серьезным предупреждениям* полувековой давности.

Конечно, остается надежда на лучшее. А вдруг человечество найдет оптимальный способ сократить рождаемость, придумав волшебный и безвредный препарат, приостанавливающий зачатие. Или, что мало вероятно, найдет неиссякаемый источник продовольствия и пресной воды. Но быть, лишь когда подопрет, а наводнения начнут заливать континенты, льды Гренландии или Антарктики растают, вулканы и цунами станут ощущаться сразу во всем полушарии, люди очнутся и станут искать общий язык с разгневанной Природой? Впрочем, это дело будущего, хотя и не слишком далекого. На мой взгляд, если не будет найдено радикальных решений и не случится крупномасштабных катаклизмов, — проблема нескольких поколений, полутора-двух веков.

Конечно, все может случиться. Но пока что львиная доля населения, подавляющее большинство бедных и обездоленных, остается за бортом общественного внимания и привлекает его только тогда, когда громко заявляет о себе в экстраординарных обстоятельствах. А так как само по себе, если не считать шахидов, оно мало дееспособно, позаботиться о нем все равно должны будут другие. Хватит ли на это сил у них, т.е. у энергично рвущегося вперед, открывающего человечеству новые горизонты, но и зримо ослабевающего Запада? О России уж и не говорю. Если она с грозящей ей депопуляцией и возможным превращением немалой ее части в базу шахидов на протяжении двух-трех поколений не присоединится к Западу, судьба ее незавидна.

Если же вести речь о планете и человечестве, а это основная моя тема, то теоретически есть надежда на то, что они выживут. Другое дело, как они будут через век-другой выглядеть. Человечество многое может. И будем надеяться, что оно вместе с Природой, Разумом и Инстинктом, сумеет добиться успеха в борьбе с процессами, угрожающими человечеству и жизни на планете. И если трудно пока представить, когда и как такое случится, это не значит, что нечто, еще не известное и не проявленное, не сможет все в нашем очень тревожном пока мире изменить к лучшему. Только на это и следует надеяться.

Учебное издание

Леонид Сергеевич Васильев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В 6 томах

Том 6

**СОВРЕМЕННОСТЬ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Корректор *Матвеева В. К.*
Художник серии *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Деева А. Д.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подписано в печать 24.08.2012.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,5. Тираж 500 экз. Заказ № Т-202-12.

ООО «Издательство «КДУ».
119234, Москва, а/я 587.
Тел./факс 939-44-91; 939-57-32.
www.kdu.ru; e-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в типографии КДУ
Тел./факс: (495) 939-44-91.
E-mail: press@kdu.ru

Том 6 описывает современный мир: середина XX века – начало XXI. Холодная война, перекой политической карты мира, стремительные процессы деколонизации и возникающие проблемы интеграции вчерашних колоний в пространство развитых стран — основные вехи этого периода. Автор описывает события, свидетелями которых являемся мы сами: крушение социалистической идеологии, ускорение глобализации, разрастание исламского мира, укрепление позиций его радикально-экстремистского крыла, события арабской весны 2010-х гг. Россия данного периода рассматривается с точки зрения не только историка, но и человека, живущего в родной стране, чувствующего каждое веяние и настроение последних лет.

Итоговая часть тома выражает авторский взгляд на текущие проблемы и предугадывает возможные вызовы, с которыми может столкнуться человечество в будущем. Автор предсказывает, предостерегает и заставляет прислушаться не только к своим выводам, но и к тем, к которым подводит нас сама всеобщая история.

Леонид Сергеевич Васильев — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий по всеобщей истории (макроистория), по теории истории и проблем исторического процесса (макросоциология), а также по истории и культуре Китая, истории Востока и истории религий (всего мира и Востока).

Из введенных им в науку новаций главная — формулировка, обоснование и разработка на протяжении многих десятилетий генеральной структуры власти-собственности, абсолютно господствовавшей в доантичном и небуржуазном восточном мире и широко представленной в отставших в развитии странах вплоть до нашего времени.

ISBN 978-5-98227-855-5

